Конкордия Антарова

Две жизни

Том 3(Окончание)

Содержание:

Наш отъезд из оазиса. Второй день путешествия по пустыне. Зловещая встреча в ней. Дальняя Община. Первое впечатление 4

Трапезная. События в ней. Моё новое понимание жизненных путей человеческих 29

Первый завтрак в новой столовой. Школа. Я передаю письмо Франциска матери больного ребёнка. Помощь И. в моём знакомстве со скитом трудных строптивцев. Старец Старанда и встреча с ним 52

Мои новые знакомства в Общине. Первая неудача во встрече с жителями из оазиса Дартана. Раданда. Часовня Радости. Выполнение поручения Дартана с помощью Раданды.....77

Мы едем встречать Яссу. История его жизни, рассказанная нам И. Встреча с Яссой и необычайное видение в пустыне. Возвращение в Общину и посвящение Яссы. Трапезная. Разговор с Грегором. Две речи И. в трапезной и на балконе.....106

Последний утренний завтрак отъезжающих. Напутствие детям. Ещё раз Ариадна. Рассказ Мулги о Раданде. Уединённый скит строптивцев. Старанда и Георгий. Беседа И. с Андреевой и Ольденкоттом.....134

Беседа И. с Бронским и Игоро. Наставление им к труду в оазисе Дартана. Неожиданная встреча с леди Бердран. Доктор. Ариадна, её сын и её трагедия. Вторая беседа И. с Андреевой и Ольденкоттом об их миссии в миру. Последние сборы и отъезд в оазис темнокожих. Первые впечатления от оазиса. Мать Анна.....156

Первый ужин в круглом доме в оазисе матери Анны. Зал и наши сотрапезники. Речи матери Анны и И. Работа И., его наставления и приготовления к встрече бури всего населения оазиса. Маяк. Страшная ночь бури. «Чудо», совершённое И. Мы сходим с маяка. Ясса, его мёртвый сон и моё отчаяние. Моя работа у ворот. Собаки-искатели. После бури. Мы посещаем Ольденкотта и Андрееву.....181

Моё пробуждение. Как я ищу И. И. на заводе в роли рабочего. Первый обед в оазисе после бури. Беседа И. с сотрапезниками. Владыки оазиса.....195

Лаборатории стихий. Лучи путей человеческих. Их возглавляющие Великие Учителя. Светлые сонмы невидимых помощников. Их труд для человечества земли. Неожиданное видение в седьмом луче.....209

Моё пробуждение в комнате с диваном. Возвращение в лабораторию. Беседа в ней с Владыкой. Божественное видение.....232

Второе пробуждение в необычайной комнате Владыки. Что говорит мне живой портрет на стене. Ещё одно Божественное видение. Последнее наставление моего Владыки-Учителя. Посещение

Владыки-Главы, беседа с ним в его комнате и беседа в «Святая Святых» 241

Башня стихий природы в лаборатории Владыки-Главы. Его объяснения мне и башня стихий в пространстве. Стражи стихий, их труд и роль в передаче творческого вдохновения. Великий Учитель Маха-Чохан. Его роль в мировом труде. Последнее наставление Владыки-Главы мне и Андреевой. Наш выход из лаборатории стихий и новая встреча с И. 251

Возвращение к жизни. Ещё раз оазис Матери Анны и первое свидание с нею. Новые аллеи и памятники нашей любви и благодарности на них. Закладка часовни «Звучащая Радость» 268

Беседа И. с жителями оазиса в ночь закладки часовни. Работа И., Василиона и моя над расцветкой статуи и установка её в часовне. Последняя ночь перед освящением часовни. Деметро и его поручение ко мне. Слова И. при открытии часовни 287

Прощальная речь И. обитателям оазиса матери Анны. Приезд в Общину Раданды и первая вечерняя трапеза. Наставление И. отъезжающим и остающимся. Часовня скорби. Отъезд в оазис Дартана Грегора, Василиона, Бронского и Игоро. Отъезд в Америку Андреевой и Ольденкотта 305

Ещё раз часовня и посёлок плачущих. Речь И. плачущим. Моё прощальное посещение часовни Радости. Прощальный вечерний пир в Общине Раданды. Последняя речь И. на нём. Наш отъезд в Общину Али 328

Том 4

Путешествие по морю лорда Бенедикта и его спутников на пароходе капитана Ретедли. Новые знакомства обитателей Лондонского особняка с пассажирами первого класса. Размышления Алисы и её разговор с лордом Бенедиктом о встречах. Разумов и беседы лорда Бенедикта с его группой. Алиса читает тетрадь Венецианца 343

Наш отъезд из оазиса. Второй день путешествия по пустыне. Зловещая встреча в ней. Дальняя Община. Первое впечатление

Мы стояли, смотря вслед умчавшимся всадникам. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что мысли и чувства всех провожавших были одинаковы. Каждый из нас — как мог и умел — посылал свои благословения уезжавшему профессору и его новой жизни. В который раз я присутствовал при начале новой жизни человека, в которую его провожали И. и Франциск. И каким диссонансом звучало для меня то, что каждый раз — был ли то убогий карлик, был ли то одарённый или даже гениальный человек — все начинали эту новую жизнь с печали, слёз и тоски. И я ещё ни разу не видел той духовной мощи человека, когда бы он шёл в свою новую жизнь, радуясь и торжествуя, что пришёл *его* момент внести *свою* часть труда в широкий мир.

Я подумал о брате Николае, вспомнил его записи в книжке, вспомнил пир у Али, Наль, Али-молодого и его страдания, и... Впервые закралось в мою душу сомнение, сумел ли брат Николай начать свою новую жизнь с радости...

— Не пытайся решить уравнение со столькими неизвестными, мой дорогой следопыт, — весело сказал мне И., возвращая меня к месту и времени. — Тебе надо искать не ответы, *как* идут жизни со столькими неизвестными для тебя величинами. Тебе надо растить в *своём* движении, в своих перемежающихся «сейчас» Любовь-Энергию в геометрической, а не арифметической прогрессии. И первое, что ты для этой цели сделай, — помоги Игоро собрать все вещи Натальи Владимировны. Когда мы будем уезжать, усади её с Зейхедом на мехари и оставайся, вместе с Игоро, в роли рыцаря-охранника во всё время путешествия при нашей «молниеносной» даме. Станислав и мистер Ольденкотт поедут рядом со мною, а вы сзади нас. Если я доверяю твоему вниманию охрану этой женщины, это значит, что ты *так же* должен забыть о себе и думать только о ней, как ты делал это в те часы, когда помогал ей читать книгу в комнате Али. Обязанность, возлагаемая мною на тебя в это мгновение, так же священна, как и та. Забудь же о себе, думай о ней и не забывай слов Франциска о бездне человеческого горя, — прибавил И., ласково потрепав меня по плечу.

Я был несколько пристыжен и в то же время умилён деликатностью и любовью И., умевшего всегда и всё понять и сделать лёгкой и священной всякую задачу, которую он давал и которая казалась трудной. Когда он приказал мне собрать вещи Андреевой, стать ей рыцарем в пути, нечто вроде протеста и даже возмущения, нечто вроде горечи от расставания с И. — точно я был недоволен, что кто-то другой займёт в пути моё место рядом с моим дорогим наставником, — вихрем пронеслось во мне. И всё это сразу же схлынуло, стоило ему вызвать в моей памяти ту Наталью Владимировну, которую я вводил в божественную комнату Али.

Я поклонился низко-низко моему чудесному воспитателю, понял по его ответному поклону и взгляду, что я не только прочтён до дна, но и прощён до конца, и радостно бросился к Игоро звать его к новому делу. И тут же поймал себя: ведь и мне сейчас указали нечто новое, и я это новое начал с печали. «Неужто же это закон для всех?» — думал я, собирая в плетёную корзинку вещи Натальи Владимировны и поражаясь тому, какое количество их она набрала с собой. И чего-чего тут не было! И кружевные косынки, какие она обычно носила на своих непокорных волосах, и детские игрушки, и бусы, и зеркала, маленькие и побольше, точно она собиралась дарить их каким-нибудь заброшенным жителям пустыни, и книги, и пряники, и финики. Дойдя до этих последних, я уже готов был прийти в отчаяние, как ко мне подошли мои вчерашние собеседницы за ужином.

— Ну, это вы делаете совсем не так, — сказала мне старшая, выбрасывая на высокий каменный стол из корзинки всё, что я с таким трудом туда запихал и что было похоже на багаж коробейника. — Сейчас мы разложим вам всё по сортам и уложим в пальмовые корзиночки. А финики и пряники положим в специально для этой цели сплетённые мешочки, которые вы привяжете сбоку корзинки. Тогда можно будет их доставать, не делая беспорядка в большой корзине.

Не успел я оглянуться, как вся работа была закончена. Я представил моим дамам Игоро, которого они очень сердечно приветствовали.

— Теперь пойдёмте, вас ждёт у нас завтрак, — сказала старшая.

— Не сомневайтесь, — прибавила младшая, заметив моё колебание, — доктор И. и дедушка уже у нас. Вас вместе с вашим приятелем, приглашает дедушка. Он желает угостить вас нашим обычным завтраком, чтобы ваше представление о нашей жизни в пустыне было полнее. Кроме того, у него, кажется, есть надежда упросить вашего великого друга-артиста показать нам всем, как надо читать великих поэтов.

— Тебе не поручали, дорогая, ничего передавать, — перебила её старшая. — Дедушка очень просит вас обоих сейчас к нам. Пойдёмте же, а то кофе остынет, — улыбнулась она нам.

Мы с Игоро посмотрели на свои запылённые руки и одежды, наши дамы мгновенно подметили наш взгляд, без слов нас поняли и отвели к тому домику-ванне, где нас приводил в себя Ясса. Мы и сейчас нашли его там. Наши спутницы прошли в сад, взяв с собой Эту. Через несколько минут мы к ним присоединились, соперничая с ними в белизне их туалетов.

Я был рад, что обе дамы щебетали с Игоро с особенным интересом, узнав, что он тоже артист и нередко выступал вместе с Бронским в его спектаклях. Я нёсся мыслями за профессором...

Как разны были мои чувства сейчас, когда я мысленно летел по пустыне за Зальцманом, и тогда, когда я мчался за Беатой. Тогда я не сознавал ни себя ни её отделёнными от всей жизни, я составлял одно целое с нею, с пустыней, со всей вселенной, с Богом; там я пел со всем меня окружающим песнь торжествующей Любви... Здесь я видел отделённое бедное сердце, не имевшее ещё сил осознать себя единицей всего мира. Я понимал, что профессор не видел ещё в человеке частицы Единого, но читал только его внешнюю форму и по *ней* судил о ближнем. Давно ли и я думал так же?..

Не знаю, долго ли мы шли, но когда неожиданно передо мной выросла громаднейшая фигура «дедушки», я точно с неба свалился, не сразу сообразив, где я, чем насмешил всех, а особенно Андрееву, которая, не удерживая весёлого смеха, сказала мне:

— Ну и пожалела бы я тех, кого бы вам поручили в пустыне, Лёвушка. Вы, наверное, забыли бы, что в пустыне бывают внезапные бури, очень опасные, и, унесясь в ваших мечтаниях, вы предоставили бы силе стихий всех ваших подопечных.

— Это очень грустно, дорогая Наталья Владимировна, что именно вам дал И. такого немудрящего рыцаря, как я, в охранники по пустыне. Вся моя надежда на то, что Его же высокая любовь не позволит мне на этот раз выбиться из глубокого благоговения и сосредоточенности, в которых я служил вам в комнате Али. В данном же мне сейчас поручении, узнав о вашем недоверии к моим силам, я постараюсь удвоить своё усердие, — ответил я, впервые ничуть не смущаясь сарказмом её глаз — электрических колёс, которыми она меня пронзала, и едкостью тона, хотя она и прикрывала его добродушием.

Ко мне подошла леди Бердран и, радостно пожав мне руку, сказала:

— Я так счастлива, Лёвушка, И. сказал мне, что я поеду в одном ряду с вами.

Когда я подошёл к «дедушке», он положил мне на плечи свои могучие руки, и я мгновенно убедился, что Голиаф подвергся превращению в Давида, ибо я был ему ниже плеча и мог на него смотреть, только подняв голову кверху.

— Мой милый гость, я не так давно получил книги от моего друга, сэра Уоми, и прочёл ваш рассказ. Я едва поверил, когда И. сказал мне, что автор — юноша, почти мальчик. Если бы вы много раз в жизни были рассеянны в отношении к внешним вещам, то та глубина, куда вы проникли в вашей книге уже сейчас, несмотря на ваш возраст, говорит одно: вы идёте вожаком, и для вас нет мерила обыденности. Примите мою благодарность. Если бы я мог выпустить во вселенную такую цельность устремления, какою обладаете вы, я был бы счастлив.

Великан усадил меня — теперь совершенно сконфуженного — рядом с собой перед дымящейся чашкой кофе.

— Не смущайтесь, мой дорогой. Здесь, в пустыне, мы привыкли свободно оценивать таланты друг друга. У нас нет предрассудка зависти, как нам не свойственна и ревность. Мы нередко соревнуемся друг с другом и всегда честно и просто признаём себя побеждёнными, если противник побил нас талантом. И вы не смущайтесь моим восхищением. Я просто счастлив приветствовать в *вас* ту *силу* одарённости, которая поможет многим и многим выйти из кольца их предрассудков и понять, *что* значит иметь глаза и уши открытыми.

Он придвинул ко мне несколько маленьких корзиночек, очень изящно сплетённых из пальмовых волокон и наполненных хлебцами, коврижками и печеньем. Я понимал, что всё это хлебные продукты оазиса, разнообразно сделанные из муки, но форма хлебцев то напоминала картошку, а цвет вызывал представление о сахаре, то походила на морковь. Я не знал, что к чему подано, и смотрел на все корзиночки сразу, и не мог решить, с чего мне начать. Хозяин пришёл мне на помощь, говоря:

— Нам приходится приспособляться к ежедневной потребности, живя в пустыне. Мы не можем рассчитывать, что идущие к нам и от нас караваны всегда будут в срок возвращаться и снабжать нас мукой из пшеницы, которая, как и рожь, у нас не родится. Наши хлебцы всегда с подмесом муки из плодов хорошо рождающихся у нас манговых и мучнистых деревьев. Поэтому внешний вид наших хлебцев неказистый и слишком бел для глаз европейцев. Не было ещё ни одного человека, впервые видевшего наш хлеб, который не задумывался бы над ним, как это сделали сейчас вы. Но точно так же не было ни одного европейца, который, попробовав, не одобрил бы нашего хлеба.

Рассул был ласков, в его глазах не было ни искорки юмора, он смотрел на меня с отеческой нежностью. Великан сам положил мне на тарелочку из пальмового дерева несколько хлебцев, придвинув красивую небольшую маслёнку из слоновой кости, полную свежего масла, и подал широкий и короткий нож, также из слоновой кости.

Я обратил внимание не только на красоту вещей, на белоснежность скатерти, но и на руку самого великана. Это была огромная, тёмная, но красивая и необычайно пропорциональная рука. На среднем пальце её сверкал древний перстень, изображавший голову сфинкса, в которой сиял жёлтый бриллиант. Я подумал, что клафт на голове самого хозяина был бы в полной гармонии со всей его фигурой, и в нём Рассул был бы похож на египетского жреца. Я не успел додумать своей мысли. Рассул снова посмотрел на меня и на этот раз в его взгляде было то же озорное, подшучивающее выражение, с каким он глядел на меня за ужином, когда я рисовал себе его мчащимся на мехари.

— Нет, — сказал он мне, улыбаясь. — Знатные египтяне не ездили на верблюдах. Они любили лошадей и слонов. Если уж, по-вашему, я не умещусь на коне, надо меня посадить на слона. На белом я, тёмный, был бы особенно эффектен.

Рассул весело рассмеялся, я же, заметив улыбку И. и его ласковый мне взгляд, вспомнил, что мусором мыслей засорил текущую минуту, вздохнул и сказал Дартану:

— Опять проштрафился.

— Нисколько, — ответил мне он. — Но надо усерднее кушать, так как время не ждёт, скоро ваш караван двинется.

Он поручил меня одной из своих внучек, приказав накормить меня досыта. Но, зная наставление И. перед отправлением в путешествие много не есть, я не выполнил желания моей милой дамы и не съел половины того, чем она меня потчевала.

Первым из-за стола поднялся хозяин, за ним встал И. и все остальные. Когда мы вышли к концу аллеи усаживаться на мехари, то оказалось, что оставалась в оазисе только часть нашего отряда. Весь караван, шедший вчера сзади нас, уже давно ушёл вперёд, руководимый Никито. Я был очень удивлён и подумал, как совершает это трудное путешествие сестра Карлотта, которая и в Общине большую часть дня всё лежала в постели.

— Не беспокойся о тех, кого я тебе *не* поручал, но будь собран и *до конца* бдителен с теми, кого я тебе *поручил* и от обязательной заботы о ком ещё тебя не освободил, Лёвушка, — сказал мне И. — Старушка преблагополучно спит и не испытывает

никаких тягот пути. Смотри, — и он указал мне на Андрееву, нетерпеливо топтавшуюся у своего мехари, которого держал Зейхед.

Я быстро подошёл к ней, подозвав Игоро, и мы втроём с большим трудом усадили её в маленькое седло так, чтобы ей было удобно и чтобы с неё всё не спадало. Пот катился градом со всех нас, и всё же, если бы милосердный и ловкий Ясса не вмешался в наше дело, мы не смогли бы покрыть её плащом и зашнуровать как следует, так как она спорила и сбрасывала с себя всё, разрушая нашу работу. Мне помогло сохранить полное спокойствие моё воспоминание о белой комнате Али. Но оно помогло *мне*, а не делу. Ясса же, точно укротитель непокорной львицы, что-то бормоча на непонятном мне диалекте, который, казалось, понимала Андреева, ласково-ласково, как заботливая нянька, укутывал грузную женщину, и она подчинялась, даже не думая протестовать.

Ещё и ещё раз я понял, до чего многому должен ещё учиться. Я ясно понял, что и самообладание может быть бессмысленно, если оно акт чисто *личный*, а не *действенная сила*. Та сила, что вбирает в *себя* эманации раздражения встречного и тушит их, как глухая крышка, плотно покрывающая горшок с красными углями и сдерживающая их огонь. Я понял сейчас, почему влияние И. и других моих высоких друзей так освобождает людей и даёт им блаженное чувство облегчения. Их мудрое самообладание, лишённое всякой памяти о себе — этой назойливой требовательности собственного «я», льёт энергию своей любви во все дела человека, с которым они общаются. Я понял, что виновен в том, как прошла встреча с человеком, какие чувства в *н*ём пробуждались при встрече со мною. В эту минуту, как никогда, мне была ясна пропасть между той ступенью, где жил я, и между величием Света, где жил И. Я снова вздохнул и услышал нежный голос И.:

— Мой мальчик, привыкни делать *каждое* текущее дело как самое *важное*. Привыкни не пересыпать перцем своих благих мыслей действий своего дня. Этим ты затрудняешь не только одного себя, но и всех тех, кто живёт вокруг тебя. Иди простись с хозяином. Я займу твоё место рыцаря на это время подле Натальи Владимировны.

И. подошёл совсем близко к Андреевой и что-то стал говорить ей, но так тихо, что никто разобрать его слов не мог. Мы с Игоро пошли прощаться с Рассулом. Я везде искал глазами Бронского, недоумевая, где бы он мог быть, так как он раньше всех вышел из-за стола и в сопровождении двух мужчин, жителей оазиса, куда-то ушёл. Я нигде не видел артиста, стал было уже беспокоиться о нём, но... Вовремя вспомнил о «перце» своих мыслей...

Когда я подошёл к Рассулу и, кланяясь, благодарил его за гостеприимство, он взял обе мои руки и, глядя сверху вниз мне в глаза, сказал:

— Радостно мне сегодня. Радостно на много дней вперёд, что встреча с вами даёт мне возможность вернуть вам мой старый долг. Когда-то ваша белая птица была вашим врагом, — показал он на Эту, прижавшегося к моей ноге. — В одно из воплощений этот враг убил вас. Но, умирая, вы защитили меня от него. Я остался жив, помнил о вашей защите, помнил о своём долге вам, но в течение многих веков не имел возможности возвратить вам хотя бы свою благодарность. Примите от меня эту вещицу. Это очень древняя вещь. Она принадлежала одному египтянину и напо-

минала ему о неизбежной ступени в пути совершенствования каждого человека: о гармонии. Возьмите её от меня. Редко бывают в жизни вещи, не оплаканные слезами, не напитанные вибрациями скорби и стонов. Если иногда людям и попадают в дар вещи великих, имевших души чистые и свободные, они делают себе из них талисманы, прибегают к их помощи в своих мольбах и передают им невидимые токи своих страданий. Эта вещь чиста. Она принадлежала существу такого высокого духа, радость которого не омрачалась ни на единый миг за всю жизнь, хотя видимых причин для этого было немало. Всё, чего я хотел бы пожелать вам из глубин моей благодарной памяти, — сохраните ту цельность верности до конца, в какой сейчас живёте. И великая Жизнь поддержит вас — вожака человечества — в том месте, к которому *она* теперь подвела вас. Никто не может выполнить величайшей задачи, которую на него возлагает великая Жизнь, в одно воплощение. Целый ряд их, следующих друг за другом, поднимает в человеке на высоту совершенства таящиеся в нём силы, вначале как качества, потом как аспекты Единого, постепенно создавая из человека-формы человека-огонь. Огонь ваш, горящий уже теперь костром, должен принять форму шара, чтобы стать гармоничным путём для Истины. Пусть же эта вещь высокого радостного духа поможет вам в этой великой и трудной работе.

И он подал мне небольшую пластинку на золотой цепочке из звеньев в виде головок сфинкса, на которой было изображено солнце и его лучи, причём само солнце представлял большой жёлтый алмаз и такие же камушки сверкали в глазах сфинксов.

Я был так потрясён его словами, восхищён подарком и в то же время огорчён: опять у меня ничего не было, что бы я мог дать любезному хозяину взамен его дара. Он прочёл мою мысль и сказал:

— Жизнь, которую вы когда-то подарили мне, — ваш вековой подарок. А теплота сердца, которой вы обласкали меня сейчас, ценнее всех даров, которые вы могли бы мне дать. Но, если бы вы желали, если бы у вас было радостное желание оказать мне услугу, я обратился бы к вам с одной просьбой.

В ответ на мой восторг быть ему полезным он продолжал:

— В дальней Общине, куда вы теперь едете, есть несколько домиков, где живут люди нашего оазиса. Несчастных, которые нигде не могут достичь мира в сердце, везде много. Им кажется, что *не их* собственная строптивость гонит их от людей, заставляя их самих отъединяться от своих ближних, но что окружение *не даёт* им возможности развиваться в том духовном богатстве, которое они в себе носят. Такие и наши строптивцы, объехавшие чуть ли не весь мир и не нашедшие себе нигде покоя, живут в дальней Общине. Время от времени мы посылаем им вести и посылки с родины. Но чтобы *можно* было послать им весть, надо, чтобы *вестник* был верен до конца, целен до конца и добр до конца. Только через *такого* вестника поданная весть не причинит нового бунта и нового пароксизма отрицания этим несчастным. В вашем лице мы могли бы иметь такого гонца. Согласны ли вы им быть?

— Вы слишком хорошо читаете в моём сердце, чтобы задавать мне этот вопрос, — ответил я. — Если считаете меня гонцом достойным, я готов.

Рассул вынул из кармана своего плаща объёмистую пачку писем, перевязанную тонкой лентой из пальмовых волокон, вложил её в красивый мешочек, сплетённый как циновка и подал мне, говоря:

— Все эти письма я прошу вас передать лично людям, которым они адресованы. Но не сразу передавайте их. Сначала вам надо познакомиться с каждым из тех лиц, кому я прошу вас отдать письмо. Важно в этом случае общение со строптивцами, чтобы гонец знал и помнил не только о любви и заботах *тех*, милосердие и дары *которых* он вообще несёт в серые дни жизни земли. Но важно, чтобы его *собственная* активная сила доброты *жила* и, действуя в гармонии с *их* любовью, сумела *внести* мир в сердце строптивца, хотя бы на тот краткий миг, пока совершалась передача вести. Гонец должен найти в *себе* то истинное самообладание, от которого затухает раздражение во встречном. Вы сами прошли мучительный путь постоянного раздражения, и ваша верность помогла вам выйти в ступень цельной доброты. Ваш *новый* путь бдительного внимания к каждой *встрече* даёт вам возможность подниматься выше к ступени гармонии Учителя. Не каждый ученик *может* продвигаться в *высоту* тех путей, где действует Учитель. Туда проходит только тот, кто сумел дойти до самообладания как действенной силы, помогающей освобождаться встречному от его давящих страстей. По внешности, по суду людей недалёких и нечутких, ученик может обладать большим темпераментом, чем *им* бы это казалось уместным для ученика. И, по неразумию своему, они считают такого ученика раздражительным или плохо воспитанным. Не раз в жизни вам придётся столкнуться с этим. Но на суд людей вы никогда не обращайте внимания. Они судят по степени *своего* ума, а Учитель судит о вас по *действию* вашего сердца, культуру которого *может видеть* лишь тот, чьё сердце бьётся в ритме вселенной. Таких сердец на земле не так много, и отсюда идёт некоторая внешняя обособленность учеников. Этим смущаться нельзя. Надо глубже разрывать *внутренние* перегородки между собой и людьми и вводить в каждое общение *силу* энергии *Тех, Кто* ведёт вас, никогда не давая вам чувствовать огромной пропасти между *Их* и ваш им духовным миром. Познакомьтесь лично с каждым из моих адресатов. Научитесь овладевать их эманациями себялюбия и самоуверенности. Научитесь тушить огни их чрезмерно развитого астрала. Научитесь вводить в *действие* в каждой встрече с ними энергию вашего высокого друга Флорентийца как *такт* и *обаяние*. И только тогда подайте каждому его письмо. Вас поражает, что Франциск, также давший вам письма к строптивцам в дальней Общине, ни о чём вас не предупреждал, а просто велел вам передать их его адресатам, неся *Его* чашу в руках. Вы молоды, мой друг. Вы ещё не можете ни воспринять, ни охватить полностью мощь и высоту Любви Франциска. *Его* освобождённая Любовь несёт всем такую *непобедимую* силу, что рука, подающая Его весть, может быть *только чиста*. Сила Франциска, Радость его сокрушают всё условное в людях сами по себе, не нуждаясь в *содействии* гонца. Если гонец *может* подать *Его* весть, значит, он чист сердцем. Если бы гонец вздумал кого-либо обмануть, он сгорел бы мгновенно, превратившись в груду пепла. Или же стал бы безумным, если бы его преступление было легче обмана, но всё же несло бы встречным себя, а не Человеколюбие.

Закончив этими словами свою речь, Рассул обнял меня и велел своим двум внукам подать мне ряд посылок, предназначенных тем же людям, к кому он дал мне письма.

Я был глубоко взволнован словами Рассула и его доверием к моим силам. Я мысленно не расставался с моим великим покровителем Флорентийцем и молил Его помочь моим рукам сохранить чистоту и держать чашу Франциска, ставя Его прекрасный образ между собой и каждым встречным, пока буду в дальней Общине.

Едва я справился со своим волнением, как увидел Бронского, подходившего к нам в большой группе молодых мужчин и женщин. По виду Станислава, излучавшего необычный энтузиазм, я понял, что он пережил и ещё переживает момент творческого вдохновения. Из долетавших к нам отдельных слов его речи можно было понять, что он даёт наставления о какой-то театральной пьесе.

Когда вся группа приблизилась к нам, артист остановился, как бы слетел с неба на землю, сразу же, как в сказке, лицо его приняло обычное выражение, и он беспокойно сказал:

— Неужели я опоздал и задержал вас, Лёвушка? И вы один ждёте меня здесь?

— Не беспокойтесь, — ответил ему за меня Дартан. — Учитель И. распорядился дать вам время осмотреть наш театр и прочитать моим артистам несколько бессмертных произведений. Караван ушёл вперёд, а И. по обыкновению не потерял ни одной минуты времени в пустоте. Я же приношу вам мою благодарность за то, что вы помогли моим внукам и внучкам понять, как выйти из тупика в искусстве, куда они забрались. Конечно, ваши советы, как молния, помогли им увидеть, *что* такое истинное искусство. Но... одно дело понять, а другое дело — суметь. На вашем языке, как вы сказали мне вчера, знать — значит уметь. Не откажите нам в более длительной помощи, поживите с нами и поучите нас, если такая самоотверженная задача не кажется вам слишком низкой для вашего гения.

— Я опускаю ваши последние слова, считая их просто одной из форм и фраз восточной вежливости, с которой я не раз уже сталкивался в жизни и никогда не был настолько находчивым, чтобы найти подходящий ответ. Не допускаю мысли, что вы не видите, как глубоко я поражён достигнутыми в пустыне успехами, пониманием и преданностью искусству; я хочу пожить у вас и поработать с вашим театром. У меня есть и блестящий режиссёр, мой ученик Игоро, преданность делу которого, пожалуй, превосходит даже мою. Но в эту минуту перед нами обоими стоит иная задача. Мы не можем оставить нашего великого друга, Учителя И., за которым мы сейчас следуем, но, если он разрешит нам, возвращаясь, мы останемся у вас в оазисе и поработаем столько времени, сколько сам Учитель И. найдёт нужным нас здесь оставить.

Ясса подал знак к отъезду, и мы, сопровождаемые целой толпой людей, смотревших на Бронского, как на Бога, отправились к мехари. Здесь мы увидели, что И. и мистер Ольденкотт уже уехали. Станислав, который должен был ехать рядом с И., растерялся, увидев своего мехари одиноко стоявшим в тени пальм.

— Не волнуйтесь, друг, — ласково сказал Дартан. — И. распорядился, чтобы я помог вам догнать его. Я велел оседлать вам моего, особенно быстроходного мехари и сам довезу вас до И. Не пройдёт и часа, как вы будете с И., а я возвращусь об-

ратно. Мехари же мой, имя которого Отчаянный, пусть станет вашим. Он назван так по некоторым своим озорным качествам. Но если он понял, что ему вручается забота о жизни того, кого он несёт на себе, он верностью своей будет стоек и твёрд, до последнего дыхания отстаивая всадника в опасности, и доставит порученного ему в надёжное или нужное место. Сейчас Отчаянный понял свою задачу. Он принесёт вас целым и невредимым к нам обратно, хотя бы самому ему пришлось пасть мёртвым у моих ног. Садитесь, друг. На прощание прочтите ещё что-нибудь вашей будущей пастве.

Бронский сел на подведённого ему огромного мехари, Ясса набросил ему белый плащ — и я увидел ожившей картину Беаты. Таким же блеском энтузиазма сверкало сейчас лицо артиста, каким она изобразила его на своём полотне. На мгновение он как бы призадумался, а затем... я даже не сразу понял, что он декламирует прощание с народом римского вождя перед дальним и опасным походом. Речь его была так проста и естественна, обращение к отдельным лицам и заветные прощальные слова звучали так подходяще к случаю, что вернуло меня к действительности только последнее обращение: «Римляне, вернусь ли я, или весть о гибели моей дойдёт до вас — помните одно: я был верен вам, и не мне, но вам, отечеству будет принадлежать вся слава, если я вернусь покрытый ею. Вы же живите без меня так, как будто каждый день вы приносите богам клятву верности охранять мир внутри отечества, как я иду завоёвывать ему славу вовне. Прощайте, мир вам».

Это были последние слова Бронского. И как они были сказаны! Передо мной вырастал Рим, я забыл, кто и что я, что я только «Лёвушка — лови ворон», я был римским гражданином, я возвращал клятву верности своему вождю... О, сила искусства, сила сердца человека и его таланта, где же предел твоей мощи?!

Ясса тормошил меня, говоря, что пора ехать, что «остроглазая» совсем рассердится. Я не мог сразу перескочить какой-то границы, с большим трудом влез в самого себя, увидел вдали облако пыли, скрывавшее Бронского и Дартана, и подошёл к своему мехари, рядом с Андреевой.

Я приготовился выслушать её недовольный выговор и был крайне поражён, встретившись с её огромными глазами, в которых ещё сверкали слёзы и выражение которых было кроткое, умилённое, точно ей было пять лет.

— Понимаю вас, Лёвушка, — ласково сказала она мне. — Как часто в жизни я понимала своё ничтожество, встречаясь с силой истинного гения. Если бы я навеки запомнила эти дни, этот миг особенно, я научилась бы действенному самообладанию. Когда И. уехал, я разрывалась от нетерпения и досады на вас и Бронского, на ваше промедление. Сейчас я благословляю артиста. Сказанные им слова, сотни лет назад написанные, мёртвые, когда их читаешь, разрезали во мне моими же страстями сотканные верёвки и помогли мне раскрыть крылья — единственные крылья ученика, если он хочет двигаться вперёд: безоговорочное послушание.

Ничего больше не прибавила Наталья Владимировна, но я понял, что огонь гения Станислава разбил в ней что-то, мешавшее ей достичь в себе гармонии. Ещё раз я поразился, как разнообразны и неожиданны поводы, ведущие нас к раскрепощению. И как неповторимы и долги пути каждого *до* того момента, пока борьба в самом

себе подведёт сознание к такой степени гармонии, где озарение *может* проникнуть в святая святых собственного сердца.

Мы не одни двинулись в путь. Довольно большая группа всадников и всадниц, обитателей оазиса, на маленьких хорошеньких лошадках арабской породы окружила нас, заявив, что проводят нас так далеко, как позволит «дедушка», то есть пока они не встретят его возвращающимся после встречи Бронского с И.

Мне было забавно наблюдать, как мчались лёгкие лошадки, казавшиеся игрушечными рядом с нашими мехари, как они отфыркивались от пыли и были к ней, казалось, гораздо более восприимчивыми, чем сидевшие на них дамы, перекидывавшиеся словами с нами и между собой.

Мы весело ехали версту за верстой. Я не ощущал усталости и немало удивлялся, что всегда весёлая и остроумная в каждом обществе Наталья Владимировна была на этот раз очень серьёзна, задумчива и молчалива. Не могу сказать, как долго мы ехали по пустыне, но думаю, что проехали уже более трёх часов. Я начал несколько уставать и чувствовать жажду, как с нескольких сторон сразу раздались возгласы: «Дедушка!»

Я положительно ничего не видел, что я мог бы принять за дедушку, особенно учитывая размеры великана. Я видел один однородно блестевший песок. Но ехавшая подле меня дама указала мне маленькое облачко пыли, которого без её указания я бы и не приметил. Я отнёсся с недоверием к её дальнозоркости, но через некоторое время и сам стал различать в центре пыльного облачка, становившегося всё больше, смутный силуэт всадника. Мы ускорили аллюр и через непродолжительное время окружили Рассула.

Ещё раз попрощавшись с нами, он сказал, что в получасе езды И. ждёт нас у одного кочующего бедуинского племени в крошечном оазисе. Послав благословение нашему пути, Дартан, окружённый своей семьёй, продолжал свой путь домой.

Действительно, минут через сорок мы увидели маленький оазис и вскоре благополучно соединились с И. и его спутниками.

Снова волна новых впечатлений охватила меня. Я понимал речь этого полудикого племени, чему очень обрадовался, впервые имея возможность применить к жизни один из языков, выученных в Общине. Меня поразили бедность, грязь и полная некультурность этого небольшого племени. Попав сразу в оазис Дартана, очутившись в кусочке почти европейской цивилизации среди пустыни, я ожидал, что всё, встречаемое в ней, будет похоже на этот оазис. Сейчас мне стало ясно, сколько труда должен был положить на своё дело Дартан и какую огромную поддержку и помощь он, несомненно, получал от Али. Мне было странно, как возможна в нескольких часах езды от Дартана такая тьма, в какой жило это полудикое племя.

Увидев И., разговаривавшего с кем-то, я подошёл и прислушался к его разговору с несколькими стариками, очевидно вождями племени. Сначала мне показалось, что они на что-то жалуются и в чём-то стараются оправдаться перед И. Но затем я понял, что старики дают И. отчёт в сумме израсходованных ими денег, объясняя ему свои неудачи в тех начинаниях, которые он им рекомендовал.

— Неудачи ваши не оттого произошли, что вы применяли новые способы обработки слоновой кости и пальмовых волокон, которые я вам указал. А только оттого,

что вы, делая по-новому, не до конца применяли новые способы. Вы всё старались соединить новое и старое; а я вам в самом начале говорил, что надо делать или по-вашему — и тогда оставаться нищим бродячим племенем, — или осесть в оазисе, в той его части, что отвёл Дартан. Там надо было выстроить себе хижины и маленький завод и стать зажиточным племенем. Посмотрите, как вас мало осталось. Неужели вы, старейшие вожди, какими себя считаете, не понимаете, что всё молодое и лучшее у вас вымирает, потому что *вы* не умеете заботиться о подрастающем поколении, а не потому, что судьба с её неудачами преследует вас. Вы утверждаете, что ваше новое поколение растёт злым, не повинуется вам и разоряет вас, нарушая солидарность вашего народа. А я утверждаю, что *вы* мало любите свой народ и не заботитесь о его будущем. Ваша лень заставляет вас искать случаи сбывать сырьё, вместо того чтобы обрабатывать кость, делать из неё прекрасные вещи, образцы которых я вам дал. Ваше молодое поколение не может больше жить в той тьме и грязи, к каким привыкли вы. Я ещё раз предупреждаю вас: присоединитесь к оазису Дартана, или вы все вымрете. Когда я говорил с вами в последний раз, я вам объяснял, что каждое племя может сохранить жизненность только в том случае, если его кровь освежается притоками иной крови, имеющей в себе зародыши главной силы к победе: *мужества*. Вы вялы, и мысль, которая пробудилась у вашего молодого поколения, не видит перед собой пути, куда направить энергию. А люди, не знающие, к чему приложить свою энергию, прикладывают её к ссорам и разврату. Вы говорили мне, что вы поняли необходимость культуры для вашего племени. Но всё это были одни слова, заботы о людях вы не проявили. Не думайте, что небеса, которым вы учите молиться детей, пошлют вам помощь, а вы будете, ожидая её, бродить по пустыне и равнодушно смотреть, как вымирает ваше юное поколение. Если вы любите свой народ — действуйте, как я вам указал, и запомните: дважды вы получали зов и помощь от меня. Дважды я вам указывал путь к труду и свету, и оба раза вы горячо уверяли меня в своей готовности трудиться. И оба раза, истратив попусту время и деньги, вы возвращались к своей первобытной лени и тьме. В последний раз я предупреждаю вас: нельзя стоять на месте. Вы поняли, что вы не можете отъединяться от людей, что в отъединении для вас гибель и смерть. Жизнь для вас возможна только в единении с людьми, у которых вы можете научиться труду и найти защиту. Если и на этот раз вы не послушаетесь моего совета, первая же буря в пустыне погребёт вас, так как вы слишком малочисленны, чтобы защититься от неё. Прощайте. Не ищите оправдания себе. Вы взялись вести свой народ, а никакой любви к нему в вас нет. Вы стараетесь только обмануть самих себя, уверяя меня, что новые способы не подходят в пустыне. *Вы* не подходите к новым способам, так как не видите ясно перед собой русла, куда должна вливаться новая сила вашего потомства. Гибель молодых лежит на вас и ни на ком больше. Ответ за них *вы* будете держать, так как нет Бога, карающего ваше племя, а есть только ваши лень, отсутствие забот и любви. Не нужна великая наука, чтобы действовать правильно для пользы и счастья своего народа. Но нужна великая любовь, которая учит беречь человека. Не Бог, а вы поставлены беречь своих людей. Не старайтесь сбросить с себя ответ на Бога. Только тот может видеть Бога в небесах, кто научился видеть и любить Его в человеке. Помните, что я сказал вам сейчас, и не ждите помощи извне. Только в себе найдите

любовь. Любовь ваша родит энергию, а энергия откроет вам новый путь труда. Трудясь, найдёте вновь здоровье.

И. повернулся к своему мехари, велел нам всем садиться, и через несколько минут мы были снова среди пустыни. На этот раз всё моё внимание сосредоточилось внутри меня. Я смотрел в своё сердце и, казалось мне, сам читал в нём свои промахи и видел разрывы внимания, когда целые куски жизни, а не маленькие мгновения её проходили в пустоте.

Среди мыслей и слов, подобранных мною за эту ночь, наиболее сильное впечатление произвели на меня прощальные слова Франциска, обращённые к нам с Бронским, о дальней Общине, о бездне страдания и отчаяния людей, перед которыми муки бедных карликов в трапезной он считал пустяком. Кто же жил в дальней Общине? И почему люди могли впасть в такое море страдания? Этот вопрос неустанно звучал в моём сердце, я старался выбросить из него всё личное и думать только, как пронести в себе чистый храм в тот кусочек мира, где собрано столько страдания.

И. умерил ход своего скакуна, через несколько минут мы перешли на шаг, и он сказал нам:

— Все вы сейчас сосредоточены, и каждый по-своему стараетесь собрать всё лучшее в себе, чтобы въехать в место печали во всей чистоте и мужестве. Я хочу обратить ваше внимание, ваше особенно бдительное внимание, как приготовить себя к встрече, если вам известно, что встречный — великий страдалец. Я употребил это слово «страдалец» потому, что с этой ночи ни для одного из вас уже не может быть понятия «грешник». Всё, совершённое человеком в его воплощениях, если бы оно для понимания обывателя было смертельным грехом, для вашего понимания может быть только той или иной формой страдания, в которое вы должны внести мужество и энергию Света. Значит ли это, что вы должны покровительствовать вору, обласкать предателя, содействовать убийству, покрывать лицемерие? Не распознавая, протягивать свою помощь каждому преступнику, рассматривая его как страдальца, которому вы должны влить утешение? Нет, наоборот, вдвое бдительнее вы должны обращать внимание, насколько данный встреченный человек одержим тёмными силами. Бывают случаи связи человека с тёмной силой, не оставляющие надежды для данного воплощения. Это случаи потухших сознаний, где эгоизм и жадность разложили в человеке те нервы и мозговые центры, через которые в организм поступает чистая солнечная энергия. Они живут, иногда даже обладают сильными физическими проводниками, но светящейся материи, непременным элементом которой должна быть активная любовь, они выработать не могут. Они живут, следовательно, в их проводники проникает солнечная материя, но проникает она в них лишь настолько, чтобы дышать, есть и пить, действовать, но не творить. Для творчества, для жизни в ступенях вселенной у них этой светящейся материи не хватает. Они, ухватывая кое-что из сил стихий, перерабатывают всё только для личных потребностей и открывают в себе все двери источникам тёмного оккультизма. По каким признакам вы можете разобрать, одержим ли ваш встречный тёмной силой или он только болен, не имея возможности найти в своём сердце любви, чтобы погасить собственное кармическое звено, преследующее его в это воплощение? Человек, не умеющий найти достаточной силы любви, чтобы пога-

сить свою карму, может быть неустойчивым, неумным, самомнительным, но у него всегда *есть* Святая Святых, с которой он движется по делам дня. Он может падать и вновь подниматься, доходить до дна в своих порывах раздражения, но в своём сердце он *знает* божественное место и понимает, что такое благоговение и доброта. И если в вас самих *эти* силы *живут*, когда *вы* подходите к человеку, трепет их *в вас* даёт вам знать, что перед вами страдалец, раздираемый страстями, а *не* тёмный оккультист. Он мог даже совершить преступление, но его сознание не потухло. Оно просто не раскрыто, забитое силой собственных страстей. Такой человек *может* освободиться от наросших на нём корок предрассудков и суеверий, ещё *может* найти узкий ход в путь освобождения. Какова же ваша роль в этих случаях? Вспомните то, о чём говорил ночью Франциск: «От доброты и любви ученика размякают, как воск, корки застарелых страстей и пороков человека, расширяются его поры, и через них в вашего встречного *может* проникнуть солнце *вашей* Любви». Ещё и ещё раз уложите во все складки вашего сознания не раз сказанные мною вам слова: «Если сердце ваше чисто, *никакое* зло не может коснуться вас. Перед вашей чистотой оно бессильно»... Чем и как можете вы распознать, что перед вами тёмный оккультист? Имеют ли все тёмные оккультисты отвратительную внешность, которая сразу же давала бы вам знать, что отталкивающая вас от человека сила, вызывающая ваше отвращение, выявлена *вся* вовне? Среди тёмных оккультистов есть много красивых людей, имеющих даже чарующую внешность. От этого признака зародилась легенда о падшем ангеле, которого никто и никогда не рисовал себе уродом. Во внешности этих людей такое же разнообразие форм, как и среди остального человечества. Есть и гиганты, есть и карлики, есть и самые обычные формы, нормальных размеров и психики. Но что *неизменно присуще всем* людям, так или иначе попавшим в лагерь тёмных? У каждого из них на *первом* месте — эгоистическое стремление *овладеть волей* встречного. Раньше чем вникнуть в смысл встречи, тёмный выпускает свою силу гипноза, в какой бы мере она ни была у него развита. Он стремится поставить своего встречного в подчинённое положение. Он отлично знает, что вцепиться в человека он может только через те или иные страсти, прочесть которые не составляет труда ни для одного наблюдательного человека. А тёмные оккультисты обучаются с самых первых шагов читать признаки человеческих страстей и разбираться в степени раздражительности человека. Раздражительность — первый и главный козырь тёмных в системе овладевания людьми. Всякими способами они пытаются нарушить равновесие человека, затем будят в нём страх и жадность, зацепляются бульдожьей хваткой за эти страсти и постепенно — с железным самообладанием и выдержкой — втягивают человека, его волю, в орбиту собственного сознания. Это *первое* общее всем тёмным правило их евангелия серого дня... *Второе* неизменное правило поведения — *проносить в каждую встречу ложь, лицемерие и путать так сознание и внимание* встречного, чтобы человек думал, что встретил великую, доброжелательную силу, которая окажет ему протекцию и помощь в той или иной его карьере жизни. Насколько светлая сила учит каждого человека понимать, что *всё в нём*, что только *он* — независимый и абсолютно свободный творец и мастер всей своей жизни, настолько тёмные стараются внушить каждому, что он бессилен и немощен без *внешней* помощи и опеки, которые только и могут раскрыть

двери к удачам, богатству, славе и почестям. Светлая сила говорит каждому человеку, что он никогда не одинок, что он всегда вдвоём: он и его Единый. А потому мощь его не имеет предела как частица Беспредельного, которую он носит в своей форме и которою единится с людьми. В речах же тёмного всегда звучит призыв к отъединению. Обещая за полное послушание все материальные блага, какие только существуют на земле, тёмный говорит встречному: «Не ищи разделить свои блага с кем бы то ни было. Всё, что я дам тебе, — всё сложи в склады и держи про себя. Если это материальные сокровища — копи их, ибо они сила и ими завоёвывается мир. Если это знания — помни, что ими приобретается умение овладевать волей людей. Ни с кем ими не делись, старайся всегда становиться в позицию силы и борьбы. Друзья тебе не нужны, а врагов победить надо, ссоря их между собой. Никаких других возможностей побеждать нет. Можно только в их ссоре и вражде вырывать себе удачи и богатства. И чем жёстче ты обращаешься с людьми, тем больше твоя сила, тем выше ты поднимаешься как владыка жизни»... Эти наставления составляют *третье* правило евангелия тёмных. Действуя по этим трём правилам, тёмные овладевают огромным количеством людей инертных и слабовольных, завистливых и жадных, раздражённых и отрицающих, жаждущих внешних благ, карьеры и славы. Отрицание человека, его самость, его стремление всегда в жизни танцевать от своего «я» и всюду выдвигать это «я» часто приводят к встрече с тёмными. Человек может быть очень добрым и честным по существу. Его сердце может быть полно любви и благородства. И всё же в его уме может бурлить протест против современности, против узких рамок, которые ему предоставлены в каком-либо деле, или он может протестовать против участия в его работе каких-то ему неприятных людей; или же он бунтует против тех людей, от которых он получает вести Света... И тёмной силе готов новый раб, даже не заметивший, когда и как он попал в цепь железных лап тёмных. Повторяю, тёмные *могут* быть обворожительны по внешности, их манеры могут пленять мягкостью и их уговоры могут походить на журчание горных ручейков для людей, мало распознающих, не собранных в своём внимании. И только несколько раз попив этой горной водички, неосторожный человек сможет разобрать вкус её горький, запах её, пьянящий его страсти, осознать, куда он забрёл, какое сам, своею неосторожностью соткал зло. Зачем я говорю вам об этом и почему Франциск сказал вам, что бездна горя и отчаяния карликов в трапезной была ничто в сравнении с несчастьем тех людей, которых мы встретим в Общине? Я говорю вам об этом, чтобы вы овладели всеми силами Жизни, что пробудилась в вас, и вылили *её* потоком радости из ваших сердец в привет и встречу новым знакомым. Чтобы поток этой непобедимой Радости помог легче вздохнуть, глубже вобрать в себя Свет тем страдальцам, что не знают всю жизнь мира в сердце. Франциск сказал вам о них потому, что знал *в вас* чистоту и верность, знал, что вы *можете* освободить в каждом из новых встречных какую-то щель, куда вольёте мир и доброту. Строптивцы, живущие в дальней Общине, все без исключения, так или иначе столкнулись в своём бунте с тёмной силой и послужили ей, даже и не подозревая этого. Их самость в большинстве случаев была щелью для тёмных; и они проводили в мир свои дела и идеи через бедных строптивцев, которым и в голову не приходило, что именно *они* идут проводниками злу. Все, кого вы увидите в дальней Общине спасёнными

и устроенными в ней, спасены Белыми Братьями милосердия и охранены, защищены целой сетью добрых, через невинные сердца которых злым прохода нет. Вступая в зону этих охраняющих, несите *им* свою помощь, свою чистоту, мир и радость. Ни на одну минуту не думайте о себе, но только о тех страдальцах, к кому приехали. Если в ком-либо из вас есть сомнение, что он не сможет *так* забыть о себе, чтобы ни разу не дойти до раздражительности, поверните своих мехари обратно в оазис. Здесь, — прибавил И., остановив своего верблюда, — живёт пустынник, среди этой маленькой группы пальм. Кто в себе не уверен, кто не имеет безграничного самоотвержения, чтобы служить проводом энергии своему Учителю для помощи несчастным, чья верность *дрожит* перед необходимостью *полного* внутреннего самообладания и *слияния* с деятельностью Учителя, останьтесь здесь и подождите первого случая вернуться обратно в оазис Дартана. Сосредоточьтесь, воззовите каждый к своему Учителю и слушайтесь беспрекословно, *что* бы ни сказал вам *Он*. Если прикажет возвратиться, знайте, что, нарушив Его приказ, поступив так, как вам кажется прекрасным и нужным, вы не только не сотворите добра, но соткёте ещё одну нить зла. Вы отрежете себе самим надолго возможность продвинуться вперёд по пути освобождения...

И. замолк. Мы остановились в пустыне, вокруг царила полная тишина, даже дыхание животных её не нарушало. Я воззвал так глубоко к Флорентийцу, как ещё ни разу не звал Его.

«Тки сеть защитную вместе со мною вокруг всего каравана, — услышал я Его голос. — Тки сеть защитную вдвое бдительнее вокруг себя и порученной тебе в пути женщины. Помни, что рыцарь Мой не может стоять *один* в своей задаче земли, но всегда стоит со Мною. Чаша в *Моей* руке — это *твои* дела и поведение *в дне*. Мужайся и сплетай Огонь Моей чаши с Огнем сердца той, чьим рыцарем тебе велено быть в пути. И. велел тебе опекать её только в пути, я же велю тебе опекать её и в Общине. Не размыкай сети защитной между тобою и ею во всё время пребывания здесь, вплоть до возврата домой. Будь благословен, следуй за Моей верностью».

На этот раз я особенно пережил мгновенное слияние с моим дорогим Учителем. Я не ощутил никакого содрогания в теле, меня наполняло ликование, границ между «я» и «не я» я не сознавал...

Когда я опомнился, мехари И. стоял перед нами, И. смотрел на нас улыбаясь. У меня нет слов описать эту улыбку. Это была улыбка Бога и младенца, невинности и Мудрости, доброты и силы.

— Аминь, дети мои. Несите же смело и радостно, уверенно и просто дары своей Любви. Первое испытание Ей уже идёт.

Мы снова двинулись в путь. Я не понял, о каком испытании говорил И., но очень скоро мне пришлось это узнать. Не успели мы перейти в галоп, как навстречу нам издали понеслось маленькое облачко пыли.

— Вот, Лёвушка, первое испытание, о котором говорил И., — указывая на пыльное облако, сказала мне Андреева, которая продолжала быть молчаливой, и это были её первые слова.

Я с удивлением взглянул на неё, считая пыльное облако внезапным порывом ветра, очень неприятного, сухого, забивающего песком глаза и ноздри, с которым мы уже несколько раз встречались в пути.

— Это не ветер, а человек, — прибавила она, так серьёзно и пристально взглянув на меня, что я в сотый раз был удивлён выражением её огромных глаз.

Всё её лицо, обычно носившее в себе нечто от иронии, точно она знала так много, что внутреннее содержание каждого казалось ей забавным пустяком, не заслуживающим серьёзного внимания, теперь было не только строго, но какая-то неумолимая суровость на нём меня поразила. Больше она не прибавила ни слова, точно вдруг забыла обо мне и обо всём, кроме приближавшегося к нам облака, с которого не спускала глаз.

Подчиняясь приказанию Флорентийца, я приблизил своего мехари к животному Андреевой. Умные животные пошли совсем рядом друг с другом, так что я мог наблюдать за всеми оттенками выражения лица Натальи Владимировны. Через некоторое время вдали стали вырисовываться верхушки пальм. И. сдержал ход своего верблюда, и вскоре весь караван перешёл на шаг. Облако пыли было уже близко к нам, и теперь я различал в нём ясно фигуру всадника на коне.

Всадник бешено мчался к нам. Не замедляя бег, он подскакал к самому каравану, остановив своего коня шагах в пятидесяти от нас. Он поставил коня поперёк нашего пути, точно приказывая нам остановиться. Пыль ещё не улеглась, я не мог рассмотреть лица всадника. Но конь его был великолепен, и сам он сидел на нём как классически вылепленная скульптура. Его дерзостное намерение остановить наш караван всем нам было ясно. Но И. ни на минуту не замедлял шага своего верблюда, мы приближались к всаднику, и мне показалось, что неминуемо верблюд И. столкнётся с конём всадника. Когда мы были не более чем шагах в пятнадцати от всадника, он поднял руку и прокричал:

— Разве вы не понимаете языка пустыни? Если я стал поперёк дороги, караван должен остановиться.

Голос незнакомца был груб и резок. Теперь я видел и его фигуру, и его лицо совершенно отчётливо. Он был молод и довольно красив. И при всей своей сравнительной красоте он был отвратителен теми наглостью и вызывающей дерзостью, которые лежали на всём его облике. У меня мелькнула мысль, что это разбойник, хотя его внешность была скорее элегантной, чем небрежной.

И. Всё так же двигался вперёд, а всадник всё так же держал свою руку вытянутой по направлению к нему. Вот-вот, казалось мне, должна была произойти стычка животных. Не доезжая шагов пяти, И. слегка поднял правую руку и сделал едва заметное лёгкое движение, как бы стряхивая что-то с кончиков пальцев, по направлению к коню и всаднику. Рука всадника мгновенно упала, как плеть, на шею его коня, конь, точно бешеный, взвился на дыбы, закружился, вмиг вынес всадника прочь с нашей дороги, и довольно долгое время всадник не мог справиться с взволнованным животным.

Я вспомнил приказ Флорентийца, усердно призывал Его имя, строя защитную сеть вокруг всего нашего каравана и особенно вокруг Андреевой и себя. Она, оче-

видно, почувствовала моё духовное напряжение, отвела свои глаза от всадника и очень тихо сказала мне:

— Спасибо, Лёвушка. Когда Али несколько минут назад приказал мне быть под вашим покровительством не только в пути, но и во всё время пребывания в Общине, у меня был момент почти протеста и негодования. Сейчас ваша любовная забота тронула меня. Я поняла, что вы именно та сила самообладания, которая *может* быть тушителем моей раздражительности. Спасибо, мой верный рыцарь, я совершенно спокойна. Этот человек только и рассчитывал на возможность вызвать в комлибо из нас страсть и воспользоваться ею, чтобы найти брешь в нашей воле. Но он не знал, что И. ему не соперник. Будьте, друг мой, и дальше так же внимательны и защищайте весь караван своею сетью. Я буду вам помогать слева, вы защищайте правую сторону, спереди И. — непроницаем, а сзади Ясса — защита верная.

Всадник успел наконец справиться со своим конём и резко закричал:

— Что такое? Почему вы не остановили караван и перепугали моего коня, не привыкшего к такому невежливому обращению? Ведь вы не дикарь и не дикарей ведёте за собой? Мне надо с вами говорить, потому я и остановил ваш караван.

В голосе незнакомца меня удивила гамма очень разнообразных оттенков. Начал он дерзостным выкриком, а последние его слова были сказаны несколько извиняющимся, примирительным тоном.

— Вы не остановили моего каравана, — ответил ему своим обычным тоном И. — И если бы вам вздумалось повторить ваш дерзостный манёвр, он стоил бы вам жизни.

— Вот как вы разговариваете в пустыне, где я являюсь владыкой, — снова дерзостно закричал незнакомец, однако резко дёрнул своего коня и отъехал от нас подальше.

Это меня так рассмешило, что я не в силах был удержать смеха. Но тут же был очень наказан за свою смешливость. Всадник поднялся на стременах, пронзил меня своим взглядом — глаза его были чёрные и выпуклые — и в бешенстве закричал:

— Щенята вашего каравана оскорбляют меня, а вы молчите!

— Перестаньте кривляться, несчастный человек, и говорите, что вам нужно? О чём вы просите? — ответил И.

— Я ни о чём не намерен вас просить, я при... при... я напомнить вам хотел, что въезд в эту Общину охраняю я и я никого туда не пропущу. Вы можете отдохнуть в моём доме, если хотите. В моём саду хватит места для всех вас, но вы обязаны вернуться назад, — говорил всадник, точно он чем-то давился и с трудом выговаривал слова.

— К вашему сведению должен заметить, что охранник въезда вы плохой, так как наиболее многочисленная группа моего каравана уже в Общине, а вы даже не видели её, несмотря на всю вашу воображаемую власть над этой частью пустыни. Я уже сказал вам, что ещё одна попытка остановить мой караван будет стоить вам жизни. Постарайтесь собрать своё самообладание хоть сколько-нибудь и просите о том, о чём давно обращаетесь с просьбами к Али.

— Али — это Али, а вы... пф... Вас я не знаю и с вами разговаривать о важнейших для меня вещах, да ещё в присутствии ваших спутников, и не подумаю. Али в древнем долгу у меня, и он должен меня выслушать.

— Али уже много раз выслушивал вас именно потому, что вы обращались к нему, упоминая этот старый кармический долг. К сожалению, Али выплатил вам свой долг десятерицею, и больше он не имеет права ни спасать вас, ни даже слушать. Мера его вещей относительно вас исчерпана. Если хотите обратиться лично ко мне, Милосердие открывает для вас эту новую возможность. Но помните, дважды она не повторится.

— Это мне нравится! Да на каком основании вы вмешиваетесь в мои дела с Али? Али был когда-то мне Учителем, естественно, что в трудную минуту я обращаюсь к нему. В посредниках я не нуждаюсь.

— Я уже сказал вам, что всякая возможность для вас быть выслушанным Али кончена. Я запрещаю вам двигаться дальше. Вы свили себе гнездо среди этого сада, уверяя всех, что Али дал вам на это своё разрешение. Но сами вы лучше всех знаете, несчастный человек, что Али не давал вам его. Сегодня для вас последняя возможность быть защищённым мною и спасённым в тайной Общине, так как в этой дальней Общине вам, сознательному злодею, места нет. Сегодня вы ещё можете быть спасены Светлой силой. Но завтра будет уже поздно. Много раз обманутые вами ваши соратники тёмных сил завтра настигнут вас. И спасения вам от них, милосердия, которого вы в жизни своей не проявили ни к кому, вам от них не ждать.

Во внешности и манерах дерзкого всадника произошла разительная перемена. По мере того как И. говорил, вся его фигура, лицо, глаза становились олицетворением не только страха, но ужаса. Всё же он старался овладеть собой, заставить свои зубы перестать стучать и придать своему голосу подобие сарказма и дерзости.

— Вы воображаете, что можете запугать меня? О каких таких моих врагах вы говорите? Я понимаю, что Али мог бы меня кое в чём упрекнуть, так как он предупреждал меня. В последний раз даже поставил кое-какие условия. Я дал ему слово, что их выполню, и не сдержал. Но при чём здесь вы? Быть может, вы скрываете, что Али послал вас ко мне? — с некоторого рода подозрительностью и в то же время с затаённой надеждой закончил свою речь всадник.

— Если бы Али имел все возможности спасти вас, лживый и лицемерный человек, то и тогда он не остановил бы приближающейся к вам руки возмездия. Ибо эта рука *соткана вами* и может быть *отведена* тоже только *вами*. Кроме того, я уже сказал вам: Али не имеет ни одной возможности приблизить вас к себе, так как единственную узенькую тропку старинного кармического долга вы густо засеяли ложью, воровством и обманом. Через эти выросшие выше вашего роста стены вам не пробиться к Али никогда. Ещё раз — и последний — я предлагаю вам свою помощь. Соглашайтесь немедленно отправиться в тайную Общину. Где она и что она, вы отлично знаете. Вы дали слово Али, что сами отправитесь туда, и вместо этого поселились в этом саду, считая себя защищённым от прежних своих друзей, которых вы обманули и ограбили. Вы выдали их тайны и тем превратили их в своих смертельных врагов. Я сказал — завтра они настигнут вас, и вы точно знаете, какого рода муки и невообразимые пытки ожидают вас.

— А разве в тайной Общине, где день и ночь надо трудиться, где нет никакого простора собственной воле, где все только и делают, что стараются очистить с себя пятна грехов, где царит скучища, не такая же мученическая жизнь? Где там разгуляться на просторе смелой воле человека? Где там научиться подчинять себе волю людей и делать их своими рабами и слугами? Хорошенькое предложение вы мне делаете! Уж лучше...

Всадник не договорил. Очевидно, мелькнувшее в его уме представление о реальной встрече со своими врагами заставило его опять пережить неописуемый ужас, отражением которого снова стала вся его внешность.

И. спокойно сидел на своём огромном мехари и с высоты его смотрел на всадника, который корчился под его взглядом. Изо рта его забила пена, шею сводила судорога, глаза выражали бешеную злобу. Он силился поднять руку, но вместо этого ударил ею по шее своего коня, который взбесился и пытался сбросить своего жестокого господина.

— Я был бы согласен спрятаться там, так как знаю, что туда враги мои проникнуть не могут.

Всадник вдруг вскрикнул и на некоторое время замолчал, точно сердечная спазма не дала ему договорить фразы, и только через несколько минут продолжал:

— А вдруг вы обманываете меня, чтобы заманить в свои сети такую силищу, как я? И если я соглашусь, примете ли вы мои условия, на которых я сочту возможным жить в вашем тайном месте?

И. рассмеялся и ответил тем голосом, звонким, как клинок, которым говорил очень редко:

— Что вы за «силища», в этом вы могли убедиться уже полчаса назад, не только сейчас, когда вся ваша игра смешного колдуна с побрякушками, которыми обвешаны вы и ваш конь, не помогает вам, ибо ни вы, ни ваш жеребец не можете двинуться с места. Полчаса назад у вас был мой гонец и предупредил вас, уговаривая смириться и образумиться. Сейчас Милосердие моими устами говорит вам: «В последний раз предоставлена возможность отойти от зла. Если в эту минуту не примете решения, ваша жизнь в веках окончится в страданиях только с жизнью планеты, а затем исчезнет из вселенной, сожжённая огнём вашей лжи и всей той кровью, что на вас. Выбирайте, времени нет, враги ваши уже близко».

Снова ужас потряс человека. Мне было ясно, что он теперь понял слова И. вполне и правда их его ошеломила.

— Я согласен, — еле слышно прошептал он.

И. приказал ему отъехать в сторону и присоединиться к Яссе до тех пор, пока мы не встретим надёжного конвоя, который проводил бы его в безопасности в далёкую тайную Общину.

— Надёжный конвой? За два года жизни в этом саду ваш караван первый, который я увидел. Кто может проезжать здесь? — говорил всадник, стоя в стороне, пока мы проезжали мимо него.

— Да, *вы* видели первый караван. Так же, как вы *не* видели в повстречавшемся вам пять месяцев назад купце ничего, кроме нищего бедуина. Но *он* видел вас и опо-

вестил о вас пославших его на поиски за вами ваших врагов. Он искал вас усердно, ибо иначе ему не миновать было ужасной судьбы вроде вашей, — ответил И.

Проехав ещё около получаса, мы поравнялись с прекрасным садом, и внезапно из-за густых низких пальм навстречу нам выехали пять всадников на маленьких арабских лошадках. Все они, встретясь с нами, сошли с лошадей, встали на колени и поклонились И., коснувшись земли своими тюрбанами.

— Встаньте, друзья, — сказал им И. — ваш грех давно прощён, и больше никогда не кланяйтесь мне в землю. Последнее, что вы можете ещё сделать, чтобы окончательно освободить себя от власти злых, — отвезите этого человека в ту тайную Общину, где вы сами нашли себе спасение. Не бойтесь сейчас преследования злых, которые гонятся за этим своим рабом. Поезжайте спокойно и уверенно, между вами и ими встанет песчаная буря. Она укроет ваши следы и погубит весь труд тяжёлого путешествия преследователей. Везите поручаемого мною вам спутника так, как будто бы я был неотлучно с вами.

И. повернулся к Яссе и сказал:

— Ясса, дай этому человеку узел с одеждой, что я велел тебе взять из оазиса, и отдай ему весь тот провиант, что тебе оставил Кастанда.

— Переоденьте платье, что вам подали, — обратился он к буйному всаднику. — Отдайте своего утомлённого коня Яссе и возьмите его мехари. На коне вы не доедете и до скал в пустыне, не только до тайной Общины.

Я не видел лица незнакомца, но каждым нервом чувствовал его протест и недовольство. Только страх заставлял его повиноваться. Довольно долго с помощью Яссы, ворча, он переодевался, пока И. разговаривал с вновь встреченными пятью всадниками. Я присмотрелся к их лицам и был ими очень поражён. Мне казалось, что за их теперешним кротким и ласковым выражением, точно за кисейной занавесью, лежит другое — дерзостное, злое. Казалось, вот-вот мелькнёт на каждом из этих лиц неуловимое движение мускулов и вспыхнет на них тот огонь ненависти и раздражения, которым было залито лицо первого всадника. Но сколько я ни вглядывался, лица бедуинов оставались неизменно спокойными и ласковыми.

Наконец бешеный всадник взгромоздился на мехари Яссы и подъехал к И. Посмотрев на него пристально, И. обратился к бедуинам:

— Вот, друзья, ваш спутник. Вспомните, как в этой же пустыне много лет назад я спасал вас от преследовавших вас врагов, в каком диком ужасе были вы тогда, и как ваши следы укрыла буря, намывшая непроходимые холмы песка между вами и преследователями. Десять лет вы не могли разорвать связи со своими тёмными врагами. Ненависть и страх вы посылали в ответ на их зло, и потому-то они и держали вас в своей власти крепче железных канатов. Только следующие десять лет научили вас простить ваших врагов, и, наконец, последние пять лет раскрылись ваши сердца, как широкие ворота Любви. Любовь пролилась из них, и вы простили и благословили ваших мучителей. Теперь перед вами встала последняя черта самоотвержения Любви: верните Ей сына зла. За этим я вас сюда и вызвал. Иди, друг. Верный конвой охранит тебя. Призывай силу мою к себе на помощь во всё время пути и жизни в уединении, — обратился И. к всаднику. — Думай не о трудностях *этой* минуты, не о тяжёлом *дне*, когда твои *страсти* раздирают тебя и *мешают* тебе видеть что-

либо, кроме самого себя. Но думай, что *вся* жизнь твоя до сих пор, когда ты казался себе могучим, не дала тебе ни одного часа радости. Думай, *как* тебе понять, *что* такое *радость*. И в первый же раз, как ты её *испытаешь*, ты прорежешь непроходимую для злых пропасть. *Радость* ведёт к победам Любви, а злое уныние — к упорству воли. Упорство же воли — меч зла. Этот меч не может разить там, где *живёт радость*.

Ни слова не ответил человек. Сидя высоко на мехари, окружённый своей стражей на маленьких лошадках, он был похож на преступника, ведомого на казнь, так был зол его взгляд, такое безнадёжное отчаяние выражала вся его фигура.

И. сделал знак рукой, бедуины поклонились ему по-восточному, молча окружили всадника на мехари, поехали рысью вправо, огибая сад, и исчезли так же неожиданно за лесом низких пальм, как и появились.

Постояв несколько времени и всё время пристально смотря вслед исчезнувшей группе, И. тронул своего мехари, повернув неожиданно для меня круто влево. Только теперь, когда мы двинулись снова в путь, я отдал себе отчёт в своём поведении во всё время встречи. Я должен был себе признаться, что и на этот раз я *наблюдал*, а не *действовал* в том смысле, как учило меня евангелие серого дня жизни в Общине, то есть *быть* и *становиться*. Я переживал очень ярко все чувства несчастного, заблудившегося в жизни человека. Но я не нёс ему из себя той силы самообладания, которую я сам же понял *как действенную силу помощи*, дающую возможность встречному гасить в себе страсти, хотя бы на время встречи освобождаться от них.

Почему же я не мог этого сделать, раз я понял, *как* надо действовать? Почему я не смог *переливать* в несчастную, страдающую душу своей энергии любви? И снова я сам себе дал ответ: знать — значит уметь, а я только знал, но не умел. Я забыл обо всём и обо всех, забыл время, пространство и место, я всё думал о бешеном всаднике...

— И теперь, Лёвушка, самое подходящее время для тебя вспомнить о задаче, что дал тебе Флорентиец, и точно приняться за свою роль рыцаря подле Натальи Владимировны, — вдруг услышал я голос И.

Я вздрогнул от неожиданности, посмотрел на моих спутников слева и справа, ещё более удивился тому, что голоса И. никто, очевидно, кроме меня, не слышал, и перенёс всё своё внимание на Андрееву.

С первого же взгляда я понял, что Наталья Владимировна пережила встречу далеко не так, как я. Глаза её блестели энергией, лицо было бледно, точно осунулось и похудело, губы были плотно сжаты, и вся её обычно тяжеловатая фигура представляла из себя какой-то кулак силы. Иными словами я не могу определить своего впечатления. Я воспринимал всю её как заряженную пушку, из которой вырывались снаряды целым потоком. Ни о чём её не спрашивая, я *точно* знал, *куда* летели её снаряды, знал, что она посылала свои огромные духовные силы не только несчастному бешеному всаднику, но и всем его спутникам.

Я преклонился перед её духовным величием. Я понял, как была высока её культура сердца и как никто и никогда не может проникнуть в святая святых другого человека, пока его собственное сердце живёт манерой воспринимать встречного как конгломерат тех или иных качеств.

Мы мчались ещё минут двадцать, и перед нашими глазами стали вырисовываться контуры стен с башнями, за ними верхушки деревьев, кое-где крыши домов. Мне показалось, что мы подъезжаем к целому городу. Я никак не ожидал, что дальняя Община расположена на такой большой территории.

— Я здесь никогда не была, Лёвушка, — сказала мне Андреева. — Несмотря на то что Али сам учил меня многому, что составляло запретную зону для других, он много лет подряд запрещал мне приближаться к этому месту. Я не могла понять, почему он налагал здесь свой запрет. Я никогда не спрашивала его об этом, так как давно поняла, что только обыватели рассуждают, получая те или иные указания Учителя. Ученики же, получая их, знают, что им надо немедленно повиноваться и исполнять указанное. Сегодня я получила ответ на свой незаданный вопрос. Встреча, только что пережитая, разъяснила мне всё. Мира в сердце, полной примирённости со своими собственными обстоятельствами, не было во мне до этой самой последней минуты. Сейчас, прочтя жизнь не только этого несчастного, запутавшегося добровольно в сеть зла, но и тех пятерых страдальцев, что послужили злу невольно, по неведению и принуждению, я нашла силу в своём сердце постичь *закон Мудрости в каждом* явлении жизни человека. Горе и страдания невинных — по всем видимым, внешним признакам — людей меня возмущали. И вообще весь путь людей, в огромном большинстве идущих страданиями, меня выводил из всякого равновесия. Я готова была всем и вся раскрывать свои объятия, желая всем и каждому помочь. Главное, чего я не понимала, — мира не было во мне самой. И потому помощь моя сводилась к бунту, к вызову, к осуждению той или иной манеры действий людей, выше меня стоявших и обладавших всеми силами и возможностями помощи, как мне это казалось. И это главное открылось мне сейчас. Я поняла, что не всегда *можно* помочь человеку, потому что в нём самом лежит первое препятствие к помощи. Человек бывает так закрепощён в своих предрассудках, что считает свою, на *свой* манер понимаемую верность какой-либо дружбе, любви или вере незабываемой, незыблемой истиной, величайшим светом и целью своей жизни. И такому упорно лично воспринимающему добро, лично воспринимающему всю жизнь человеку вся остальная вселенная, с её *законом* Жизни, кармой и следующими за ней по пятам закономерностью и целесообразностью, представляется мёртвым хаосом, где на его долю выпадают не заслуженные им горести и муки. Али помог мне сейчас прочесть жизни только что встретившихся людей. Первый служил тёмным, отлично зная их цели и ища от них наград и возможности выхватить себе ряд ценностей жизни, как он их понимал. Устрашённый трудностью пути подле Али, он пожелал лёгкого достижения блеска, власти и богатства. Когда же понял, что у тёмных наука не только трудна, но ещё страшна и ужасна, он бежал, обманул и дорого продал часть их дешёвеньких секретов, которые ему удалось узнать. Час его расплаты с ними был бы более чем ужасен, если бы не милосердие И. Спасти его Али не мог, потому что в самом человеке нет больше ни одного аспекта Чистоты, дорогу к которому был бы в силах расчистить Али. И. поместит его в тайной Общине, где живут только такие же несчастные, связанные с тёмными, но бывшие когда-то в белых ложах Светлых Братьев Любви. Пять всадников, лица которых до сих пор хранят на себе следы пережитых ужасов, не могли быть спасе-

ны вовремя от злой силы. И. старался сделать это много лет назад. У этих безумцев был ещё один друг, которому они верили, чтили его своим старшиной и во всём следовали за ним. Старшина объяснил им однажды, что его вызвал великий духовный Владыка, чтобы дать ему высокое посвящение. На самом же деле он отправился к тёмным, обещал им привести пять новых рабов, если они откроют ему свои великие тайны. Путём огромных страданий, путём полного убийства в себе всех человеческих чувств: милосердия, доброты, любви, жалости, сострадания — он добыл у тёмных часть их тайн. Настало время уплаты. Он должен был привести к ним пять обещанных рабов — слуг беспрекословного повиновения всей шайке тёмных, по всему миру содержащей своих соглядатаев. Встреченные нами пять людей пылали верностью и любовью к своему старшине. И. предупреждал их через своих учеников о вероломстве их друга. Не один раз посылал он к ним гонцов, старавшихся раскрыть им глаза на истинное положение вещей. Наконец он нашёл возможность сам увидеться с ними, рассказал им, что все призывы их друга — ложь, что он завлекает их в ловушку, где их ждёт гибель у тёмных. Но и личное свидание с И. не помогло. То, что *они* в своём тёмном заблуждении называли верностью другу, заставило их служить тёмным по указанию их друга, якобы для его спасения. Страшный путь прошли несчастные, всё больше и больше давая тёмным возможность овладевать ими, пока они на опыте не поняли, что были игрушками в руках изменника и отступника. Тогда, полумёртвые от пыток и ужаса, они воззвали к И., моля его о смерти, если спасение для них уже невозможно. И милосердный И. спас их. Как много надо сил сердца, Лёвушка, чтобы человек понял Истину и Её божественный Закон, который наш дерзостный язык пытается судить, даже не понимая, *о* чём говорит. Всё сейчас стало мне ясно. Все слова Франциска сложились в стройную систему творческих сил, где *всё*, что творит, *может* творить только в *мире* собственного сердца. Никакое *искание* Истины, пути освобождения или самоотверженной жизни в любви невозможны для человека, пока *в нём* нет полной примирённости...

Я не замечал ничего, что делалось вокруг меня. Слова Андреевой наводили на меня ужас, до какой степени личные страсти и восприятие закрывают глаза условными повязками. И потому, когда мой мехари внезапно остановился, я точно с неба упал от нарушенного вдруг ритма движения.

Мы стояли у самой стены, высокой, сложенной из белого гладкого камня, напомнившего мне стены домика Али. Несколько братьев в белых одеждах отворяли широкие ворота, за которыми был виден целый ряд фигур в белых, коричневых и серых одеждах. Когда мы въехали в ворота, я понял, что мы едем по короткой и широкой аллее сада. С трудом, с помощью Яссы и подоспевшего Никито, я сошёл с седла, но И. немедленно своей рукой вложил мне в рот конфету, и я сразу почувствовал себя крепко стоящим на ногах.

Я бросился к Наталье Владимировне, с помощью дорогого Яссы помог ей выпутаться из всех её покрывал и тесёмок, предоставив Никито снять с седла леди Бердран. Бедная женщина была так разбита, что Лалия и Нина, подбежавшие на помощь, увели её, почти неся на своих плечах. Что касается Андреевой, то она была крепка и свежа, точно и не ехала весь день по пустыне.

К И. подошёл старец в белой одежде, с посохом в руках, с таким светлым, сияющим лицом, точно весь он двигался в облаке света.

— Добро пожаловать, Учитель, вовремя, ах, как вовремя ты приехал, дорогой, — говорил он, обнимая И. и целуя его руку. И. отдал глубокий поклон старцу, поцеловал его руку, в которой тот держал посох, и ответил:

— Мир тебе, Раданда. Пославшие меня шлют тебе новые задачи, но не раскрепощение от них.

Как бы лёгкое облачко мимолётной грусти промелькнуло на светлом лице старца, но через мгновение оно снова засияло радостью, он оглядел всех нас чудесными синими глазами.

— Задачи новые, значит, и Свет придёт новый. Мир тебе и пославшим тебя. Я думал, что выполнил меру своих вещей. Значит, я ошибся. Придите, друзья, в мои объятия.

Он обратился ко всем нам. Каждого из нас он обнимал и благословлял. Каждому он заглянул в глаза, каждому улыбнулся и каждому шепнул какое-то слово, но так тихо, что его слышал только тот, к кому оно было обращено. Мне он сказал:

— Пиши о людях просто.

Хотя я и привык уже к тому, что многие и многие люди обладали способностью читать не только мысли, в данный момент обуревавшие человека, но могли почти мгновенно прочесть весь его характер и все его способности, меня поразило, что старец ответил мне на вопрос, который уже много времени тревожил меня.

Многие давали высокую оценку моему произведению. Рассул — последний, кто говорил со мной о нём, — ещё больше раздул во мне огонь творческого беспокойства, который сводился, в общем, к двум словам: как писать? И вдруг старец в пустыне разрешил мои тревоги одним словом: «Просто». Да, он указал мне путь. Его слово объяснило мне главную силу писателя в его изображении типов людей, но... какая бездна мудрости должна звучать в сердце человека-писателя, чтобы сказать о жизни другого или о своей — «просто».

Мои размышления были прерваны. Старец Раданда, оказавшийся настоятелем, лично повёл нас в глубь прекрасного сада, где было много цветов и даже огромных, ещё не виданных мною цветущих деревьев. Он привёл нас к скромному беленькому домику, напоминавшему своим видом монастырские гостиницы.

— Вот дом в твоё полное распоряжение, Учитель. Здесь размести всех, кто приехал лично с тобой. Тех же, что ты прислал раньше, я разместил так, как ты приказал Никито.

Старец поклонился низко И., потом всем нам, улыбнулся и, прошептав: «Благословенны будьте», — ушёл. Пока глаза мои могли его видеть, мне всё казалось, что он не шёл, а катился, как огромный шар, переливавшийся всеми цветами радуги.

И. приказал всем мужчинам устроиться в верхнем этаже. Лично ему оставить угловую комнату, а женщинам предложил занять нижний этаж.

Помня свои рыцарские обязанности перед Натальей Владимировной, я помог ей устроиться и разобраться в её многочисленных вещах в той маленькой комнатке, которую она себе выбрала. К моему удивлению, она прошла мимо нескольких

больших комнат, довольно комфортабельных, и выбрала себе маленькую, беленькую келейку, где едва умещалась узенькая кровать, небольшой стол, шкаф и стул.

Устроив свою даму, я поднялся наверх, где встретился с И. у дверей его комнаты, расположенной совсем особо от всех остальных. Я хотел его спросить, где мне поместиться, как он предвосхитил мой вопрос и сказал:

— Лёвушка, настоятель предложил мне выбрать себе келейника для моих сношений с членами Общины, так как размеры её порядочны. Не согласишься ли ты, — он засмеялся, — занять этот высокий пост келейника-секретаря при моей особе? И не желаешь ли поместиться рядом со мной? Имей в виду, что бегать по Общине и тренировать свою память тебе придётся немало.

И. не пришлось сказать мне ещё что-либо, так как восторгу моему не было предела. Я бросился на шею моему дорогому наставнику и немедленно ощутил блаженство и лёгкость на сердце от его ответного объятия.

В ту же минуту я почувствовал на своих плечах тяжесть моего белоснежного друга, который не замедлил проделать свой обычный фокус, даже прибавив к нему на этот раз пронзительный крик, что у него выражало наивысшую радость.

На крик Эты выскочили Бронский и Игоро, и под общий смех я получил первое приказание И. как келейник.

— Оповести всех, приехавших с нами, что через час будет общая трапеза, в которой все мы, без исключения, примем участие. Все должны быть в белых, чистых одеждах. Каждый в своём шкафу найдёт такую одежду. Ванна женщин — направо от дома, мужчин — налево. Предупреди всех, чтобы через сорок пять минут все были готовы и ждали у подъезда дома. Я сам поведу всех в трапезную, где надо сохранять полное молчание. Смотри не опоздай сам.

Я отправился выполнять своё первое поручение в Общине, конечно, в сопровождении своего друга Эты.

Через три четверти часа я был первым на условленном месте.

Глава 18

Трапезная. События в ней. Моё новое понимание жизненных путей человеческих

Не успел я присесть на ступеньку крыльца и пригладить пёрышки на белоснежной спинке Эты, как послышались быстрые шаги и в дверях появилась Наталья Владимировна. Она всегда была одной из тех, кого ждут, если, конечно, её не интересовало что-либо особенно, но сейчас меня удивила не только её поспешность, но и лёгкость всех её движений и походки. Я положительно не узнавал эту женщину с тех пор, как мы выехали из оазиса Дартана.

— На этот раз, Лёвушка, — сказала она мне без всякой иронии и юмора, — я хотела опередить всех и всё же пришла позже вас, хотя видела, как вы мчались куда-то с Этой по аллее. Мне бы очень хотелось разделить ваш труд и хоть чем-нибудь маленьким выразить вам свою огромную благодарность за ваше джентльменское поведение не только по отношению ко мне, но и ко всем нам. Я не видела ещё ни одного раза на вашем лице недовольства и не слышала ни одного слова осуждения кому-либо. Одеваясь и готовя себя к трудному моменту общей трапезы, я особенно ясно отдала себе отчёт в достигнутом вами, ребёнком, и устыдилась своей отсталости в некоторых вопросах.

— Почему вы думаете, Наталья Владимировна, что свидание с новыми людьми в трапезной — такой тяжёлый момент? — спросил я её, поражённый этой мыслью, так как мне это первое свидание казалось привлекательным и более чем интересным.

Наталья Владимировна не успела мне ответить. В дверях показался И. Часто я видел его прекрасным, но никак не мог привыкнуть к его лицу. Каждый раз оно казалось мне новым. На этот раз я вдруг понял, что не у И. менялось лицо, а моим глазам открывалась всё новая возможность *видеть* в этом лице что-то большее, чем я *мог* видеть в нём раньше. Точно так же не особенно давно я понял, что я не знаю и тысячной доли того, над чем трудится И., и могу видеть только то, с чем непосредственно сталкиваюсь в его работе, да и её вижу далеко-далеко не всю.

Почти мгновенно я пережил в памяти весь этап жизни с момента пира у Али. Мои слёзы в вагоне и беседу И. со мною. Разлуку с Флорентийцем в Москве. Моё отчаяние первых минут. Бурю на море... И я низко поклонился И., не имея иного способа выразить ему глубочайшую благодарность и благоговение за всё проявленное ко мне нечеловечески высокое милосердие. Поистине только сверхчеловек мог отнестись к маленькому существу, каким был я, так, как он относился ко мне. Когда я выпрямился после моего глубокого поклона, я встретил приветливую улыбку и услышал невыразимой доброты голос:

— Все в сборе и в полном порядке. Блистательные одежды, которые мы надели, должны соответствовать тем миру и радости в наших сердцах, с которыми мы войдём в дом скорби. Быть может, никто из вас не увидит никаких внешних признаков

скорби на лицах людей. Возможно, что некоторые из вас не смогут проникнуть в великую внутреннюю скорбь сердца отдельных людей. Но каждый из вас почувствует, вне всяких сомнений, в какую тяжёлую атмосферу он вошёл, и каждому из вас будет даже физически трудно дышать в атмосфере трапезной. Идите же туда, героически неся радость бедным страдальцам, и несите каждый волю-Любовь своего Учителя им в помощь. Ещё раз напоминаю вам: по закону жизни этой Общины в трапезной надо хранить полное молчание. Говорить в ней может только настоятель или тот, кому он сам предложит говорить.

И. Всех нас оглядел, всем улыбнулся, посмотрел на Эту — мне показалось, что он прикажет мне оставить Эту здесь, но он сказал:

— Возьми птицу на руки. Ты оставишь её у привратника при входе в дом настоятеля, к которому мы предварительно зайдём.

Я исполнил приказание, чем Эта остался очень доволен, и мы пошли по широкой аллее, вдыхая в спустившейся уже темноте чудесный аромат цветов. Шли мы минут пятнадцать и пришли к островку, отъединённому от общего сада большим рвом с водой, как мне показалось сначала. Потом я узнал, что островок был образован ручьём, вытекавшим из озера, расположенного довольно далеко и выше этой части сада. Мы перешли мостик и остановились на лужайке перед небольшим, очень старинным домом из белого камня.

И. шёл впереди, за ним шли я, Андреева, Игоро и Бронский, дальше леди Бердран, Никито, Лалия и Нина, присоединившиеся к нам. Последними шли Ясса и Терезита. Больше я не видел никого из нашего каравана. Я подумал о сестре Карлотте, о неистовом монахе и о всех тех, кого вывез И., ехавших не в нашем отряде. Будут ли они в трапезной или их жизнь здесь начнётся иначе? Я вовремя вспомнил о «перце» мыслей, собрал своё внимание и сосредоточился на текущем *сейчас*.

И. один вошёл в дом настоятеля Раданды. Мы же все молча стояли на лужайке. Взглянув на лица моих спутников, я понял, как глубоко все они были сосредоточены и как старались быть действенно добрыми в глубине сердца. Я устыдился своей рассеянности и последовал их примеру. Через несколько минут в дверях показался И., держа под руку древнего настоятеля.

Оба они на миг остановились, окинули взглядом всю нашу группу, и, к моему удивлению, настоятель ничего не сказал мне про Эту. Снова Раданда показался мне радужным шаром, но было ли то влияние света взошедшей луны, была ли то игра огромных звёзд, отражавшихся в дрожащей воде, я не знаю. Но показалось мне, что и И. шёл в сияющем шаре, включив в своё сияние весь шар Раданды, казавшийся теперь по сравнению с сиянием И. тусклым и небольшим. Глаза мои были прикованы к этому новому и непонятному для меня явлению, от которого я был не в силах оторваться. И не только внешним зрением я не мог оторваться от этого дивного зрелища, я весь утонул, точно расплавился в счастье, в радости жить. Доброта и сила наполняли меня. Мне казалось, что доброта и сила льются ко мне из шара И. и заливают всё моё сознание. Раданда, радостно улыбаясь, поднял руку и благословил всех нас. Мы, счастливые, бодрые, в полном бесстрашии и жажде деятельно любить и служить своим ближним, пошли вслед за нашими наставниками. Говорю «мы», а не

«я», потому что в эту минуту ни у кого из нас не осталось перегородок личного — мы слились воедино в той гармонии, которую нам излучали наши высокие братья.

Необычайное спокойствие сошло в мою душу, такие же спокойствие, мир и свет, какие наполняли меня после чтения записей в моей зелёной книге, которую я нашёл на своём алтаре...

Трапезная была не так далеко. Подойдя к привратнику, настоятель остановился, обернулся и, улыбаясь, поманил меня пальцем.

Когда я подошёл к нему, он сказал мне:

— Передай, друг, твою птицу этому привратнику. Он, хотя на этом месте устроен мною очень недавно и не успел ещё узнать всех правил нашей Общины, но человек добрый. Да и знаком он тебе и твоей птице.

Удивлению моему не было конца. Кого мог я знать в этой дальней Общине? Да ещё такого человека, которому был бы знаком мой птенчик? В темноте я не видел лица привратника. Когда свет от И. и старца упал на вышедшего из своей сторожки привратника, я невольно вскрикнул: «Мулга!».

Эта сам перепрыгнул на руки Мулге, издавая нечто вроде воркования. Мулга, улыбаясь во весь рот и поглаживая спинку Эты, приветливо кивнул мне, точно желая дать знать, чтобы я не беспокоился о птице.

— Подержи птичку у себя во время трапезы. И выполняй свои обязанности привратника строго и неумолимо точно. Приказ мой тебе на сегодня таков: никого, ни единой души не пропускай больше в трапезную. Никто не имеет права — по нашему закону внутренней жизни — опаздывать к трапезам или беспокоить кого-либо вызовом из-за стола. Тех, кто сейчас опоздал, как бы они тебя ни молили, какие бы доводы тебе ни выставляли, не пропускай. Если бы даже кто-нибудь из них говорил тебе, что человек умирает и зовёт кого-либо из тех, что находятся в трапезной, помни мой приказ и неумолимо выполняй его. Чтобы тебе было легче и сердце твоё не наполнилось сомнением, знай, что глазам моим ничто не мешает видеть в каждую минуту *всю* мою Общину и *всё*, что в ней делается. И если будет нужда, я сам первый выйду или вышлю помощь. Помни же, друг, стой как часовой на часах, охраняй мир и покой трапезников.

И. Взглянул на меня.

— Я предупреждал тебя, Лёвушка, что надо сохранять полное молчание. Собери внимание ещё глубже, мой мальчик, поставь между собой и всеми, кого увидишь, образ Флорентийца и действуй, действуй, действуй, любя и побеждая в полном творческом самообладании. Помните все, мои друзья, *что* такое «добрый», — прибавил И. ласковым, нежным голосом, точно выливая на нас поток доброты из своего великого сердца.

Мы миновали высокую толстую стену, вошли во внутренний дворик, залитый светом высоких фонарей и освещённых окон, больших и многочисленных, и подошли к большой двери, напоминавшей вход в храм.

Пройдя в дверь, мы попали в широкий коридор, хорошо освещённый, но я не понял, чем и как он освещался и откуда лился свет сверху. Мне показалось, что наверху тоже были освещённые окна, но я боялся рассеиваться на внешние наблюдения, стараясь хранить в сердце образ великого покровителя Флорентийца. Кто-то

взял меня за руку. Я увидел подле себя Наталью Владимировну. Она снова показалась мне, как в пустыне, пушкой с тысячью снарядов.

— Лёвушка, я рядом с вами. Не забудьте включить меня в своё защитное звено, — шепнула она мне.

— Я не знаю, как это сделать, — ответил я ей, пожимая её горячую нервную руку.

— Между мной и собой поставьте образ Флорентийца. И в каждое действие вашей мысли и сердца включайте меня, думая «мы», а не «я», — ответила она, продолжая держать меня своей горячей рукой и точно сливая свою силу с моим существом.

Так мы и вошли в трапезную рука об руку. Я ощущал её сейчас как сестру, ближе которой не имел, как мать, покровительницу и защитницу, которой в жизни своей не знал.

Сердце моё билось сильно, радостно, точно я шёл не в дом страдания, о котором говорил Франциск, но на пир Жизни и Света. Перед И. и настоятелем два старых брата в длинных белых одеждах распахнули настежь высокие и широкие двери трапезной, и мы вошли в огромный зал, заставленный длинными и узкими столами, за которыми сидели люди, вставшие с мест при нашем появлении и приветствовавшие нас глубоким поклоном.

Первый от входа стол был наполовину пуст. Остановившись подле него, настоятель поклонился И., приглашая его занять первое место справа. Нас с Андреевой он усадил подле И., остальных разместил так, что Никито и Ясса были последними, соприкасавшимися непосредственно с обитателями Общины и представлявшими из себя как бы барьер между ними и нами. Пока мы размещались по указанным нам местам, все наполнявшие трапезную продолжали стоять.

Настоятель поднял правую руку, благословил всех, отдал свой посох келейнику и занял своё место за узким концом стола, с которого ему были видны все находившиеся в зале.

Когда Раданда и И. опустились на свои места, все присутствующие ещё раз поклонились им, сели и несколько братьев стали одновременно подавать пищу на все столы. Как всё здесь разнилось от Общины Али! Там слышались смех и весёлый говор, здесь царила гробовая, торжественная тишина. Там на столы, покрытые белоснежными скатертями, уставленные благоухающими цветами, подавалась разнообразная пища, которую каждый брал себе сам, сколько и как хотел. Здесь столы были тоже белоснежны, из пальмового дерева, чисто вымытые и отлично отполированные, но ничем не покрытые. Возле каждого человека стояла деревянная тарелочка с хлебом вроде хлебцов Дартана, лежала деревянная ложка и небольшая бумажная салфетка. Братья-подавальщики ставили каждому мисочку, не особенно большую, глиняную, с похлёбкой.

Пока настоятель не взял ложку в руку и не начал есть, никто не прикасался к пище. Боясь совершить какую-либо бестактность, я смотрел на И., рядом с которым сидел, и ел только тогда, когда видел, что он ест. Признаться, когда мы шли в трапезную, у меня разыгрывался аппетит. Но сейчас, увидев столь непривычную для меня обстановку, я был бы рад не отвлекаться совсем вниманием на еду. Мне теперь

казалось, что я совсем не хочу есть, так я был поглощён морем необычайных человеческих фигур, среди которых очутился.

Лица сидевших за столом людей сразу поразили меня двумя противоположными признаками: одни из присутствующих пристально смотрели на нас, точно хотели запомнить каждого из нас. Другие сидели, опустив головы и глаза, точно протестуя против нашего вторжения в их царство. Я почувствовал лёгкий толчок со стороны Андреевой, спохватился, что я не только не строил защитной сети, о которой она мне говорила, но что я снова наблюдал. Я посмотрел на неё и чуть было не сказал «спасибо», как почувствовал удар в лоб, пришедший ко мне от Раданды. Я невольно взглянул на него и вдруг — не знаю и не сумею даже сказать, каким способом, — понял, что он велит мне запомнить всё, что я здесь вижу, и особенно обратить внимание на ближайший от нас стол с левой стороны.

Опять-таки не могу объяснить, каким образом я понял, что за этим столом сидят именно те строптивцы, к которым мне дал поручение Дартан. Впервые в жизни я понимал немой разговор, будто из шара Раданды летели ко мне его мысли, кусочки его световой радуги, и сливались точно и ясно с моим сознанием, складываясь в образы.

Мало того, я чувствовал силу, которую вливала мне Андреева, помогая сосредоточивать мои мысли. Я собрал всё внимание на указанном мне Радандой столе. Там сидели мужчины и женщины самого разнообразного возраста, от очень молодых до глубоких стариков. Особенно поразила меня одна фигура. Это был высоченный человек, размерами и тёмной кожей похожий на Дартана, но выражением лица, дерзостным, буйным и вызывающим, напоминавший мне монаха Леоноро, нападению которого я подвергся в памятную ночь, когда ходил с Франциском к профессору и Терезите.

На этот раз я не раздумывал о типе и характере этого человека. Я молил Флорентийца помочь мне сохранить всю чистоту сердца, чтобы иметь силу выполнить данное мне Дартаном поручение. Невольная робость овладела мною при мысли, что я ответствен за все предстоящие встречи, удача или неудача которых лежит только в любви и чистоте моего сердца.

Уже подавальщики подали кашу на столы, а настоятель не брал ещё ложку в руку, и все трапезующие сидели в глубоком молчании. Но вот он взял ложку и сделал глоток, и все руки поднялись с ложками.

Раданда, мне казалось, только делал вид, что кушает. На самом же деле в его мисочке, ничем не отличавшейся от всех прочих, было едва видно на дне ничтожное количество каши. Сделав ещё один глоток, он оставил ложку в своей мисочке и сказал:

— В прошедший раз я говорил вам, братья и сёстры, о том, *что* такое терпение, для чего оно нужно всякому человеку и как без него никто не может выработать самообладания. Я говорил вам и о гостеприимстве. Говорил и о приветливости, с какими должен человек встречать гостей. Особенно тех гостей, которые приезжают в вашу Общину, делая тяжёлый, нудный путь через пустыню. Каждый из вас пусть сам ответит себе, был ли он приветливым хозяином сейчас, нёс ли он любовь в привет и встречу гостю. Среди нас сейчас великий Учитель. Большая часть из вас подо-

брана им, водворена здесь его милосердием, обязана ему своим спасением и... кроме нескольких, благоговейно приветствующих его всей душой и сердцем, большинство из вас занято критическим рассматриванием его спутников или бессмысленным бунтом за якобы нарушенный мир вашего существования. Бедные вы, бедные мои страдальцы! Много лет сердце моё носит вас, мир мой окружает вас, радость моя движет вас вперёд, и всё же на первом месте ваших духовных волн идёт отрицание. Отрицание ваше, так много раз уже понятое вами как бессмысленное заблуждение, как пелена условности, покрывающая ваши глаза, всё же сегодня опять стоит на первом месте, мешая вам найти самообладание. Наш высокий гость, Учитель И., скажет вам о самообладании. Из его слов вы ещё раз поймёте, что только тот, кто нашёл в себе силы привести в полное самообладание весь свой проводник[1], *может* разыскать тропу к творчеству. Вы же — за малым исключением — все гордитесь своими творческими талантами, не понимая, что творчество человека начинается с того момента, когда он может попадать в русло гармонии хотя бы на короткие минуты. Слушайте же, мои дорогие, мои любимые дети, слово великого Учителя. Не скоро, ох, как не скоро услышите вы снова его зов. Не пропустите летящего мгновения, когда Милосердие шлёт вам своё озарение. Не то важно, что, проводив Учителя, вы будете вспоминать его слова, обдумывать их и раскаиваться. Важно в *эту* минуту суметь победить в себе мелочь условного и ухватить слово Величия, спустившееся к вам. К вам, всё ищущим, всё пытающимся доказать самим себе, что горе ваше не в вас, а вне вас живёт и что жизнь, какою живёте, не ваших рук строительство, но извне подошедшая к вам волна скорби. Не откажи, великий Учитель, в своём чудесном слове нам.

Раданда встал и низко поклонился И., И. отдал старцу поклон, поклонился всем присутствующим и, стоя, начал свою речь:

— Мои дорогие друзья, мои близкие братья и сёстры. Много лет я не видел вас. Много лет я не расставался с вами в моих мыслях. Не было дня, чтобы я забыл послать привет моей любви, как и не было такого случая, чтобы кто-либо из вас, взывавший ко мне всей своей верностью и верой, не получил от меня ответного привета и помощи. Мы будем иметь ещё время переговорить о делах каждого из вас в отдельности. В эту же минуту первого свидания вызовем каждый из глубины освобождённого сердца всё то радостное, что там затаено. Эта минута, как и каждая минута творящей Любви, пусть разрежет все путы условностей, мешающих общаться в огне и духе. Мир, который я привёз вам сегодня, не мир одного моего сердца. Но мир всего Светлого Братства, которое поручило мне передать вам свой привет, любовь, признание и помощь. Наибольшим вашим страданием, страданием, переведшим вас в ряды бунтарей, строптивцев и отрицателей, было то, что вы не были *признаны* вашей современностью, вашей средой, вашими соотечественниками или теми людьми иных государств, где вы искали себе популярности и признания. Но разве *это* есть цель и смысл жизни выдающегося человека на земле? Единственной целью

---

[1] Человек — это проводник различных Сил Природы и Сознания, началом и источником которых является Единое Существование, включающее в Себя весь Космос как малую часть, и называемое философами Абсолютной Реальностью, а верующими — Всевышним. (*Прим. ред.*)

человека, *проснувшегося* к жизни, то есть к творчеству, является деятельность по развитию и укреплению Божественного плана на земле. Каждый из вас не только *знает*, но слишком *много* знает, как идут пути мировой эволюции людей. Что же сбивало вас с тех троп, по которым идут, *служа* Светлому Братству, *помогая* ему выполнять мировые задачи, для помощи и роста человечества? Если вы внимательно вглядитесь в своё сердце, вы увидите, что вовсе не отсутствие любви, не отсутствие самопожертвования или энергии заставило вас сойти с пути правды и добра, но отсутствие в вас *радости* и самообладания. Подумаем, что такое самообладание? Есть ли это умение владеть всеми *своими* телами, чувствами, мыслями, словами? Нет. Хотя для большинства обычных людей и *это* самообладание недоступно и является идеалом и мечтой. Но для ученика — для человека, желающего стать членом Светлого Братства, — такое самообладание даже не начальная часть пути, где *разыскивают* тропу. Оно только младенческий период *подготовки* к встрече с Теми, перед которыми *нельзя* стоять в страстях и бунте... В чём же проявляется *первая* черта самообладания человека, стремящегося к пути в ногу с Братьями Светлой Общины? *Первая* ступень ученического самообладания — простое признание себя и каждого *равными* величинами вселенной. Равными *носителями* Единой Сущности, проливающей во вселенную *свои* Силу, Свет и Мир. Если сердце человека свободно от предрассудка неравенства, он не придаёт никакого значения тому, что в нём больше талантов, чем в его встречном. Он не чувствует *своих* талантов. Он мчит свой день, выливая во *все* дела и встречи силы Единого, что *ожили* в нём. И потому он не только не ждёт наград и похвал, но он раскрывает *из себя* сноп Света и *втягивает* в него всякого приближающегося к нему. Поэтому он носит в себе *незыблемый* мир — аспект Единого. Ему не приходится ежеминутно поправлять мигающий светильник, насильно, от ума, уговаривая самого себя вновь и вновь быть спокойным, мудро терпеливым и принимать свой день легко. Вы сами понимаете, что при таком неустойчивом самообладании, когда во всех нервах стягиваются болезненные, судорожные узлы, человек не имеет возможности думать о *том, кого* он встретил, так как мусор его собственного мигающего светильника сбился в плотную перегородку между ним и встречным. Признание, которого вы так добивались от современности, которого не получили, что и создало большинству из вас кровоточащие раны, вам шлёт Светлое Братство. *Оно* признаёт вас равными себе. *Оно принимает* вас под свою защиту. *Оно посылает* вам свою Любовь, свою энергию, свою радостность, чтобы в вас раскрылась доброта в сердце. Самая *простая доброта* к людям, которых вы признаёте равными себе, как Светлое Братство признаёт вас равными себе и благословенными. С того мгновения, как однажды человек поймёт, что *он* составляет *центр* встречи, что *он* ведёт тот аккорд, в котором *звучит весь* его день, самообладанию его раскрывается *новая* сила и новый, *укреплённый* со всех сторон путь, так как своими эманациями доброты и самоотвержения *он* призывает и сливается с путями вибрирующих лучей Светлых Братьев. С этого момента он *может* подпустить их к себе как защитное кольцо, в котором пойдут все его дальнейшие действия и встречи. Мысль, что данный человек так ещё далёк от знаний, которыми обладаете вы, от тонкости чувств и мыслей, в которых живёте вы, не даёт вам ни права отъединяться от него, ни оправдания вашей деятельности, какой бы высокой вы её ни

считали в своё данное *сейчас*. Если бы Светлое Братство, вплоть до самых вершин своей величайшей иерархии, думало так, то человечество никуда и никак не продвигалось бы в своей мировой эволюции. Вы же, наоборот, видите, что никто не лишён внимания, никто не оставлен без помощи Светлым Братством. А каковы мощь и радостность этой помощи, все мы, здесь находящиеся, можем судить по собственному примеру, по тому спасению, что подало каждому из нас, так или иначе пострадавшему или запутавшемуся в жизни, Светлое Братство. Гениальные черты в отдельном человеке никогда не могут прийти в тот организм, в котором глубина Любви не создала святая святых в сердце. Только из *этих* глубин льются потоки творящей Силы, и только из них *видит* и *слышит* человек высокие эманации Творца, посылающего через миллионы каналов Свою силу на землю. *Приказать* себе творить так же невозможно, как невозможно *обучить* творчеству другого человека системой подражания самому себе. Чтобы вообще учитель *мог* обучать ученика, надо, чтобы он сам понимал, на собственном опыте, *источник*, из которого льётся творящая волна. Кроме того, учителю надо суметь приспособиться к манере мыслить и воспринимать текущую жизнь самого ученика. Тогда только он *может* стать в его положение и попытаться найти для *него* такую систему преподавания, где бы тот *сам* мог понять, *как* ему освободить в себе волю и силу от личного зажима мелких и низменных страстей и мелькающих, ломаных мыслей. Если вы проверите вашу жизнь до прихода в эту Общину, первые годы жизни в ней, годы последующие и даже до самой последней минуты пребывания в этой комнате, можете ли вы сказать, что первым и важнейшим делом вы считали и считаете единение с людьми? Можете ли вы сказать, что первой мыслью при вашем пробуждении вы несли мысль расцветающему дню: разделить труд Светлого Братства, внести маленькую часть *своего* самоотвержения в общий план труда Светлых Братьев? *Имея знания*, вы увлекались одной *личной* жизнью. Вы *говорили* — и *внешне* якобы так и действовали, — *как вы* интересуетесь трудами общего просвещения. Но на самом деле вы интересовались ими постольку, поскольку в этих трудах расширялась и развивалась *ваша* собственная личность. Настал час — для всех вас без исключения — двинуться теперь к более высокому самообладанию и раскрыть себе путь к единению, тесному и радостному сотрудничеству со всем Светлым Братством. Неужели до сих пор так плотно закрыты ваши глаза телесными покрывалами, что вы всё ещё не понимаете ясно, где, откуда и как *раскрывается путь* к этому высокому и светлому сотрудничеству? Неужто повторять вам азбучные истины, что *путь* к Учителю ведёт через серый день, через деятельное единение с окружающими людьми, через внимание и милосердие к ним? Взгляните внимательно вокруг себя. Почему половина из вас и сейчас хранит резкий протест друг против друга? Почему часть из вас ревниво отгораживается от своих сожителей в Общине? Почему только отдельные единицы идут, дружелюбно улыбаясь ближним? Только потому, что некоторым из вас самообладание кажется их личным вопросом, то есть: «Никому, кроме меня самого, нет дела до того, как я себя веду, если я его не трогаю». О нет, друзья! Вы не только не правы в подобном заключении. Но и вся система выстроенного вами мироздания на подобных началах — мыльный пузырь. Ибо начальный фундамент, на котором вы его строили, ваше «я», ваша личность, не может вливаться в труд

Вечного. Пока сила вашего *раскрытого* Духа не *свяжет* ваш труд дня земли с огнём Жизни, до тех пор вы не войдёте в сотрудники Светлого Братства. А эта связь ткётся самим человеком, только *теми* частями сердца и сознания, в которых не бушуют страсти, но царит радость. Когда я был здесь в последний раз, а это было сравнительно давно, я сказал вам: «Будьте бдительны каждый день своей жизни здесь, чтобы, когда мы встретимся в следующий раз, не было поздно. Чтобы ваши глаза имели силу смотреть весело и радостно на окружающую вас Жизнь, чтобы ваши сердца начали себя чувствовать *её* частицей». Половина из вас всё так же сидит, мрачно нахмурившись и опустив глаза в землю. Разве мало источил вам любви ваш настоятель? Разве мало внимания отдают вам те братья, кому был поручен надзор за вашими нуждами? Дерзнёт ли кто-либо из вас обвинить служителей этой Общины в малой доброте к вам? Существует ли здесь уклад наказаний и взысканий? А между тем сколько раз каждый из вас провинился в грубости перед многими из братьев этой Общины, так самоотверженно обслуживающими вас. Перед тем как выйти из этой комнаты, поднимите ваши головы и взгляните мне в глаза.

Как только И. произнёс эти слова, почти все головы поднялись и взгляды людей устремились к И. Я содрогнулся — столько сарказма, злобы и даже ненависти прочёл я в этих внезапно поднявшихся вверх глазах. И. на каждом лице остановил свой взор. И точно волшебная ласка стирала на лицах под его пристальным взглядом их возбуждение. Выражение менялось, смягчалось, успокаиваясь, и по щекам некоторых покатились слёзы, резко изменив весь облик людей.

Глаза же тех, кто сразу при нашем входе в трапезную впился в лицо И., и тех, кто встретил нас дружелюбно с самого начала, сейчас выражали полный восторг и мир.

Но три человека оставались склонёнными к своим столам, и казалось, никакая сила не заставит их распрямиться, такое упрямство выражали их фигуры. К моему удивлению, одним из низко склонившихся оказался человек, напомнивший мне сходством Дартана. Он до этого момента всё время сидел прямо и зорко наблюдал за каждым движением И. и за всеми нами. Но как только И. встал и начал говорить, он опустил голову и всё ниже склонялся к столу, что при его колоссальном росте ему давалось плохо.

Две другие не поднявшие голов фигуры сидели также не особенно далеко и резко выделялись чёрной одеждой среди белых платков и платьев. Меня уже давно поразило, что среди белых одежд за этими двумя столами сидело по чёрной фигуре. Что касается человека, похожего на Дартана, то он был одет в нечто вроде рясы голубовато-дымчатого цвета и на груди его была крупная голова сфинкса, вырезанная из опала, висевшая на цепочке из мелких головок сфинкса такой же работы, как подаренная мне Дартаном цепочка, только все головки на его цепи были опаловые, чудесно переливались голубыми, дымчатыми, кроваво-красными огнями, очень красиво подходившими к его переливчатой рясе.

Я, пожалуй, понял теперь, что взгляды ненависти и вызова, которые он несколько раз бросил лично мне, относились не ко мне, а к моей цепи и пластинке. Нечто вроде мимолётного опасения за своё бессилие выполнить поручение Дартана снова мелькнуло во мне, но толчок от Натальи Владимировны вовремя вернул меня к сосредоточенности. Не знаю почему, но в памяти моей встала картина обеда у Строга-

новых в Константинополе, Браццано, борьба его с сэром Уоми и всё последовавшее за нею. Мне показалось, что данный момент не только так же важен, но ещё много серьёзнее для И. и трёх склонённых фигур. Я, стремительно собравшись весь в комок мольбы, воззвал к Флорентийцу и почувствовал Его мгновенный ответ. Мало того, я понял, что Андреева знает в эту минуту много больше моего, что она зовёт Али, и я увидел Его высоченную фигуру рядом с И. и настоятелем, вставшим со своего места и благоговейно сложившим крестообразно руки на груди. Я отчётливо видел чудесное лицо Али, его прожигающие глаза, чувствовал необычайную силу, исходившую от него и наполнявшую весь зал его особенным магнетизмом, но я не был уверен, что все видели Его фигуру. И в то же время не сомневался, что все чувствовали присутствие особой силы, так как решительно все вытянулись в струнку, казались собранными в своём внимании, в подъёме и вдохновении, каких в них не было раньше.

Три склонённые фигуры, которым, казалось, уже нельзя было больше сгорбиться, съёжились в сплошные комки, напоминая уродливые, огромные грибы, и закрыли головы полами своей одежды.

Улыбнувшись всем глядевшим на него теперь счастливым и радостным людям, И. сказал:

— Мои дорогие братья и сёстры, мои любимые друзья, когда-то спасённые Светлым Братством через встречу со мной. В эту великую минуту совершился для вас поворот в вашей внешней судьбе — параллельно повороту в вашей внутренней жизни. Вы долго боролись с тёмными силами, которым когда-то послужили, долго не могли вырваться из их власти. И не потому, что тёмная сила могла проникнуть сюда. Нет, сюда, в это защищённое место, она проникнуть не могла. Но вы носили память о ней, как оттиск калёной печати в ваших сердцах. Вы не могли простить до конца тем лицемерам, что, прикрываясь дружбой и преданностью вам, использовали ваше простодушие для своих гнусных и даже ужасных целей. В эту минуту, окружённые любовью высоких Светлых Братьев, вы нашли силу не только простить им, но и благословить их, принять их несчастье как урок себе в своё доброе сердце, помолиться за них, и мгновенное озарение совершило чудо: вы стали радостными, а ставши радостными, нашли и новый путь к освобождению — творчество вашего сердца. В эту минуту ни один из вас не сидит, вы встали, потому что сила радостной гармонии в вас подняла вас. Вы чувствуете, как всё существо каждого из вас вбирает в себя новые вибрации силы, до сих пор недоступные вам. Вы испытываете счастье жить, вы ощущаете величайшую из радостей человека: невидимое единение Духа с видимыми формами окружающих людей. Вы много лет боролись и разыскивали тропу — каждый свою собственную, индивидуально неповторимую, к пути творчества или освобождения, и вот в единое мгновение совершился поворот вашей судьбы: вы нашли тропу и вошли в неё. Запомните навсегда тот покой, тот благостный мир, какие наполняют вас в эти минуты. Эти минуты счастья и есть минуты полного самообладания, то есть в вас *раскрылась* и *двинулась* к действию ваша Любовь в себе. Теперь вы свободны Духом. А потому вы свободны и телами. Вы больше не нуждаетесь в тех внешних обстоятельствах, в которых вы жили здесь. *Вас* больше не надо защищать, теперь *вы* будете защищать всюду встречных. Вы сво-

бодны. Каждый из вас может выбрать себе любую форму внешней жизни в любом месте вселенной или оставаться здесь. Любая форма труда будет вам предоставлена и в любое место земли, в какое пожелаете, вы будете доставлены. Мой вам последний завет: где бы вы ни жили, каким бы трудом вы ни занимались, каких бы людей вы ни встречали, никогда не думайте, что тяжёлые внешние обстоятельства давят и губят людей. Врежьте себе в сознание, в сердце, в вечную и вечную память, что *все* внешние обстоятельства *каждого* человека, какие бы они ни были, как бы тяжелы они ни казались вам и самому поставленному в них человеку, *все* — повторяю — *его* обстоятельства *защищают* его *вековую* жизнь, а не подавляют или губят её. Помните вечно о величии и ужасе человеческих путей, благословляйте их, не делая в них разницы. Ибо и те и другие отныне *одинаково священны* для вас. Примите благословение Любви, посылаемое всем вам Светлым Братством, примите мир, радость и помощь его как привет вашей новой жизни и не забывайте: *оно признало* вас равными себе, и да не огорчат вас больше никакие отрицания ваших доблестей и талантов, никакое *непризнание* вас людьми да не нарушит вашей устойчивой гармонии. Будьте благословенны именем Светлого Братства — мир вам.

И. благословил всех и низко, касаясь земли рукой, поклонился всем.

— Идите, друзья и братья, радуйтесь счастью возвратить Жизни те дары и таланты, что Она дала вам в веках, и, очищенными, проносите не себя в талантах, но таланты в себе несите во все дела и встречи.

Глаза стоявших людей сияли, точно лампады. Казалось, им жаль было отрываться от сверкавшего красотой и мощью лица И. Медленно они поклонились ему и стали выходить из трапезной. Только сейчас я понял, что дверь в трапезной была одна, именно та, широкая, через которую мы вошли.

Люди выходили поодиночке, и каждый отдавал два поклона: настоятелю и нам всем, на который, вслед за И., мы все отвечали. Я видел, как рука Али благословляла каждого выходившего, я слышал, как каждому Он говорил одно или несколько слов. Я понимал, что в этих словах Али определяет каждому предстоящий ему труд и место для его новой жизни. Но я понимал это духом, а не своей телесной формой. Мне казалось, что Флорентиец даёт мне это понимание и приказывает передавать каждому Его благословение, Его такт и мир.

Трапезная пустела. Столы, где сидели согбенные фигуры и откуда братья-подавальщики бесшумно сняли посуду, передав её через окошечки в левой стене в кухню, теперь блистали белизной и чистотой, мгновенно бесшумно вымытые братьями-столовниками. За этими блистающими пальмовыми столами, среди уже почти пустой трапезной, ярко залитой светом ламп внизу и светом из окон наверху, где, как я понял, были кельи братьев и сестёр Общины, оставались только три фигуры.

Последний сияющий счастьем и радостью брат вышел, отдав свой поклон благоговения и любви. Я заметил теперь, что три фигуры вовсе не добровольно оставались сидеть, что они делают попытки выпрямиться, желают уйти вслед за остальными, но не могут этого сделать, как не мог несчастный карлик оторваться от пола в маленькой трапезной детей в Общине Али перед Франциском.

— Встаньте, несчастненькие, любимые детки мои, которых не смогло и не сумело выносить сердце моё, и в том вина моя, а не ваша, — раздался голос настоятеля.

И был этот голос до того нежен и ласков, столько было в нём любви и трогательной защиты, что слёзы невольно покатились по моей щеке, и я воззвал всеми силами к божественному милосердию Флорентийца.

«Мужайся и твори действенную Любовь, только так могу помочь через тебя», — услышал я его дивный голос и устыдился своей слабости. Я мгновенно овладел собой.

— Не защитила и не раскрыла сердец ваших моя Любовь, и в том вина моя, а не ваша. Не приобщило вас к деятельности мира и радости усердие моё, и то вина моя, а не ваша. Я не сумел найти путей и приспособлений для вашего освобождения, я был вам примером слабым и малым, да будут небеса взыскательны ко мне, благи и милостивы к вам. Простите мне, родные мои, дети мои любимые, что я не смог, не сумел защитить вас, мне порученных. Да будет сердце моё века и века местом успокоения и защиты вам постольку, поскольку небеса, справедливые и чистые, могут утвердить нашу связь.

Голос настоятеля, весь его вид, весь шар Света, обвивавший его сейчас, точно огромный сноп огня, потрясали мой организм, через который, как я это чётко сознавал, шла колоссальная сила Флорентийца, вливаясь в шар Раданды.

Я ясно видел, как в его шар лилась сила Али и ещё несколько струй, огненных, алых и синих, образуя чудесную громадную пятиконечную звезду. Зрелище это было величественное и торжественное, ощущал я себя не только в великом храме, но точно силы Самой Жизни вошли сюда.

Неожиданно для меня Раданда, всё держа руки скрещенными на груди, опустился на колени и поклонился в ноги трём сидящим фигурам. Я забыл обо всём, я точно вышел из тела и слился с огнём Флорентийца. Я видел не только тела фигур, я видел их горящие ауры и понимал разницу их трепетавших огней.

От великана с опалами шли бешено, зигзагами багровые, чёрные и грязно-серо-зелёные молнии, которые он направлял прямо в центр шара Раданды. Но огни, не достигая шара, катились обратно с удвоенной силой к сердцу и мозгу великана.

Вторая чёрная фигура, высылала, точно целое море змей, молнии, такие же багровые и чёрные, к ногам Раданды. Но и эти струи возвращались обратно, обвивая кольцами всю фигуру несчастного, должно быть, сильно от них страдавшего и задыхавшегося.

Последняя, более далёкая фигура посылала нежные мольбы о прощении. Огненные линии, шедшие от неё, были испещрены чёрными и багровыми пятнами и кольцами. Я видел, что несчастное существо старалось вылить из сердца остатки своей чистоты, благословляло старца, благодарило его за любовь и заботы и старалось встать. Но от двух других фигур летели к этому несчастному молнии багровых проклятий и приказаний, угроз и ужасных ругательств, мешавших ему высвободиться и разорвать горькую связь греха со своими поработителями.

— Встань, мой друг, — раздался голос И., вытянувшего руку по направлению к боровшейся фигуре.

Я увидел, как грязные молнии вернулись к своим хозяевам, заставив их обоих вздрогнуть, а третья фигура, мгновенно от них освобождённая, засветилась голубы-

ми и розовыми тонами и легко встала. Вся укутанная, она вышла из-за стола и стала приближаться к Раданде, защищаемая от пламени своих врагов рукою И.

Когда фигура подошла к Раданде, натянутый на её лицо плащ упал, и перед нами предстала женщина, нестарая и красоты редкостной. Она чем-то, каким-то дальним и неуловимым сходством напомнила мне Лалию. В тот же миг я услышал заглушённый стон за собой и увидел упавшую ниц перед Радандой фигуру красавицы, всё тело которой сотрясалось в рыданиях, среди которых она выкрикивала:

— Прости, святой отец, прости великой грешнице. Безумная любовь и ревность свели меня с ума, и я поддалась чарам этого ужасного человека. Но я не проклинаю его больше. Да будут ему прощены мои страдания и проклятия, как ты простил нас всех. Сказал ты, что на тебе грех наш. О нет, святой отец, на нас святость твоя, на нас печать Любви твоей, дающая нам надежду на спасение. К тебе же, святому, не может пристать ничто злое и грешное. Спаситель, заступник, помоги несчастному, сковавшему меня страшной клятвой. Пусть вся моя жизнь пойдёт на труд для его спасения. Пусть любовь моя, над которой он так жестоко издевался, будет ему мостом к спасению. Не отвергай его, подай ему ещё раз, в последний раз, благую руку помощи.

Женщина снова склонилась к ногам Раданды. В тот же миг раздалось ужасное рычание, громадная фигура великана распрямилась, он сорвал с себя цепь, на которой висел сфинкс, и бросил её, ловко рассчитав удар так, чтобы вся тяжесть цепи попала женщине в голову. По свисту в воздухе, который вызвала летящая цепь, я понял, что металл, соединявший длинный ряд головок сфинксов, был необычайно тяжёл и что женщина будет неминуемо убита.

Рука И. протянулась навстречу летящей цепи, в воздухе мелькнула огненная молния, что-то треснуло, и я увидел цепь, ударившую по голове своего владельца. Он рухнул на пол, задел стол и опрокинул его на себя. Длинный стол схоронил под собой его фигуру.

В тот же момент, когда И. остановил полёт цепи, я почувствовал, как силой Флорентийца из моей пластинки, данной мне Дартаном, вылетело несколько жёлтых молний, соединившихся вокруг головы женщины, образуя венец.

Раданда склонился, поднял женщину, обнял её, подозвал Лалию, Нину и Никито.

— Отведите её. У привратника уже ждут носилки. Помогите отнести её в больницу и оставайтесь при ней, пока я не приду. Она будет в беспамятстве, не смущайтесь этим. Я приду.

Раданда оглянулся, улыбнулся леди Бердран, поманил её пальцем.

— Иди и ты с ними, Беляночка. Да и вы, друзья, помогите им, — обратился он к Бронскому и Игоро. — Там ваша помощь будет нужней и важней.

Я впервые увидел Герду за всё это время. Она была бела как лилия и, несмотря на тёмный цвет волос, слово «Беляночка» как нельзя больше подходило к ней. Мне казалось, что она не дойдёт даже до порога, не только до больницы, так была она хрупка, так слабы и неуверенны были её движения. Когда она поравнялась с Али, я видел, как Он положил ей на голову свою чудесную руку, но я знал, что *она не* видела Его. От прикосновения руки Али она вздрогнула, но тотчас же выпрямилась,

вся засветилась, на бледных щеках заиграл румянец, и Герда стала неотразимо хороша.

Когда вся партия наших друзей вышла, уводя еле двигавшуюся красавицу, красоту которой можно было сравнить, пожалуй, только с красотой Марии Магдалины, на несколько минут в трапезной водворилась гробовая тишина. Я почувствовал, что Андреева собирает своё самообладание и все свои силы, и последовал её примеру. Я весь ушёл в молитву Флорентийцу о помощи несчастным, наступающий грозный момент жизни которых я предчувствовал. У меня снова сделалось такое ощущение, точно я вышел из тела, как некоторое время тому назад. Я не успел отдать себе отчёта в этом, как увидел возле лежавшего на полу великана стоявшего Рассула. Я хотел точнее убедиться, что это именно он, как увидел ещё одну новую сияющую фигуру, в которой без труда узнал Франциска.

— Мой бедный брат. Милосердие даёт мне последнюю возможность ещё раз обратиться к тебе с увещеваниями, — раздался снова, на этот раз полный мольбы, голос старца — встань, дружок. Убедись в бессилии злобы и лицемерия. Ты запуган своим грозным приятелем, но ведь ты видишь, к чему привела его строптивость. Постепенно — от строптивости к гордости, от гордости к надменности и сарказму — он пришёл к постоянному раздражению, отрицанию и злобе. Он завладел твоей волей. Теперь он бессилен, лежит и не страшен тебе. Подойди к великому Учителю, не бойся. Ты ещё можешь найти прощение, можешь трудиться, в труде очиститься и войти в великое Светлое человечество. Но поспеши, дитя моё несчастное. Мгновения идут, судьба твоя ещё в твоих руках. Но ты у последней черты, поспеши.

Не успел отзвучать голос старца, как чёрная фигура резко выпрямилась, капюшон с головы был сброшен и перед нами появилось лицо... Хватит ли у меня умения описать это лицо? Чертами оно, пожалуй, было даже красиво. В раме чёрных, иссиня-чёрных волос бледное лицо, узкое, дерзкое. Вся фигура, тоже узкая, стройная, сильная, была нечеловечески тонка и, завёрнутая в какую-то плотно облегавшую одежду, похожа на огромную змею больше, чем на человека. Глаза тоже были змеиные, узкие и ярко-жёлтые. Они поражали неприятным выражением со странным сочетанием угрюмости, дерзости, лживости и страха. Что этот человек был трусом и опасным злодеем, лицемером и лгуном, для меня не оставляло сомнения. Но почему он и великан были здесь, этого я понять не мог. Человек стоял молча, глаза его бегали от лица И. к лицу старца и обратно, точно ища лазейку, за которую ему было бы возможно зацепиться. Мгновения все шли в полном молчании. Вдруг я увидел ещё одну сияющую фигуру и чуть не вскрикнул от изумления, узнав в ней сэра Уоми.

— Подойди сюда, несчастный человек. Тебе в последний раз устами твоего доброго наставника предоставляется возможность выйти из кольца лжи и предательства, — раздался голос И.

Человек, очевидно, хотел снова сесть, а не идти. По лицу его скользнула судорога, он извивался всем своим тонким телом, что ещё больше подчёркивало его сходство со змеёй.

И. пристально смотрел на него. Наконец он поднял руку и грозно сказал:

— Повинуйся.

Человек-змея задрожал с головы до ног, хотел накинуть на себя свою чёрную рясу, но руки его тряслись так, что он не смог сделать этого. Ряса упала у его ног, которые он с трудом высвободил, и стал медленно приближаться к нам. На лице его, бледном и раньше, теперь не оставалось никаких признаков жизни. Бледно-трупного цвета, оно было лишено всякого выражения, точно это была маска, вылепленная художником, но не одухотворённая. Ни единой мысли, ни даже признака страха, так незадолго отражавшегося на нём, — ничего не мог я уловить на этой маске. И шёл он, как автомат, точно всё, что составляло суть его жизни несколько минут назад, сейчас покинуло его, оставив ему одну его скорлупу. Как ни медленно он шёл, но всё же настала минута, когда ему пришлось подойти к И. и встать перед ним.

Я увидел, как сияющие фигуры Франциска и сэра Уоми встали сзади несчастного человека, настоятель и И. стали рядом по обе стороны от них, образуя полукруг, а на их месте возвысилась огромная фигура Али, от которого потекла высокая стена огня. За спинами всех высоких братьев она образовала полный круг и подошла к Али с другой стороны, как бы горя за ним и в нём.

Я понял, что человек видит Али, видит огненную стену перед собой. Когда стена сомкнулась возле Али, человек точно проснулся. Ужас отразился на его лице, он пробовал несколько раз метнуться в сторону, но его что-то точно отбрасывало обратно.

— Стой спокойно, или ты сгоришь, — сказал ему Раданда. — Ты уже потерял все возможности выйти отсюда. Я предлагал тебе, вернее, я передавал тебе несколько минут тому назад зов Милосердия. Я предупреждал тебя, что то последний зов спасения. Но ты отверг мою помощь. Прими теперь свой час возмездия, будь мужествен и старайся найти в себе хотя бы самую крошечную долю милосердия, чтобы Великое Милосердие могло сохранить тебе человеческую стадию существования.

Невероятная злоба исказила лицо человека.

— Зачем я не задушил тебя, когда имел тысячу возможностей к этому, — прошипел он в ответ Раданде. — Подумать только, что эта глупая предательница, которую ты отправил в больницу, украла мой талисман; и я попался в твои лапы, тогда как помощь мне могла бы теперь идти со всех сторон.

— Твой талисман болтается на твоём поясе, несчастный, — раздался голос Али.

Если бы я не видел, как шевелились уста Али, я не понял бы, что это говорит он. Голос его был похож на гром небесный, а не на властный, но ласковый голос дивного Али, приветствовавшего всегда каждого человека так невыразимо внимательно, что каждому, к кому он обращался, казалось, что именно его ждал Али, что именно ему хотел помочь.

— Если я не введу тебя сейчас же внутрь защитной горящей стены Светлых Сил, твои, как ты полагаешь друзья, а на самом деле твои злейшие и беспощадные враги настигнут тебя. И ты навеки очутишься в их власти. И никакое самоотвержение и мольба твоего усердного защитника Раданды не помогут тебе. Ты будешь выведен за стены Общины и там примешь путь вечной муки в кругу тёмных сил. Муки твои будут удесятеряться воспоминанием о жизни здесь, где тебе — поверив твоим мольбам и клятвам, забыв о моём предупреждении о тебе — предоставил возможность

спастись Раданда. Он взял на себя великий подвиг любви, он был уверен, что любовь его поможет тебе проснуться к Истине. Но ты, лицемерно обманывая его, ткал грязное дело разложения каждой души, к которой подходил. Благодаря святой чистоте Раданды, носившего тебя много лет в сердце, теперь перед тобой последний выбор, ты у последней черты. Спаянные великой любовью, мы пришли, чтобы подвиг твоего защитника не пропал даром. Милосердие моими устами предлагает тебе: или войди, моею силой и волей введённый, внутрь защитной стены — и тогда, принеся полное покаяние, простив всем и прощённый сам до конца, ты умрёшь как эта жалкая оболочка и войдёшь в великий поток Жизни, начав свои новые воплощения очищенным Вечностью. Или ты будешь выведен за стены Общины и попадёшь в руки своих бывших сотрудников, давно тобою недовольных. Выбирай. Ещё несколько мгновений мы можем предоставить тебе выбор, ибо любовь Раданды соткала тебе мост, остатки которого, уже еле держащиеся, ещё могут простоять короткие мгновения. Когда мгновения эти истекут, ты будешь выведен за стены Общины, и там совершится твоя судьба.

Наглое бешенство, с которым слушал вначале слова Али змееподобный человек, теперь сменилось на его лице такими отчаянием и ужасом, слов для описания которых я не подберу. Оно снова превратилось в маску, совершенно мёртвую. Мне казалось, что ничто — ни мысли, ни чувства — не работает больше в нём, что он даже и решения никакого принять не может, так парализовал его ужас. Но я ошибся. Руки человека стали судорожно шарить вокруг пояса, где, как Али сказал ему, застряли его талисманы. Он наконец нащупал один, хотел поднять его вверх, но рука его выронила талисман — я не мог разобрать, что это была за вещь, — он упал на каменный пол трапезной и разбился на мельчайшие кусочки. Человек издал стон, но не принял никакого решения.

— Мгновения истекают. Враги твои у стен Общины. А защитная стена становится так высока и широка, что ни мне одному, ни всем нам вместе будет скоро не по силам спасти тебя внутри её. Спеши, выбирай. Не жди третьего зова, его не будет.

Голос Али звучал ласково, но твёрдо.

Я увидел, что огненная стена уже достигла ушей Али и быстро поднималась вверх. Я взмолился всей мощью любви, какая была мне только доступна, Флорентийцу и просил его помочь несчастному понять, что решается его вечная судьба, а не судьба его временных несчастных оболочек, в которых он согрешил. Я увидел, что Раданда протянул в мольбе свои руки к Франциску, что Франциск повернулся лицом к несчастному, облил его любовью своих глаз, улыбнулся ему своей улыбкой божественной доброты и протянул ему обе свои руки.

Раздался крик, какого я ещё в жизни не слыхал, не предполагал, что так может кричать человеческое существо, и дай Бог никому не слыхать в жизни подобного вопля. Это был не крик, а целая гамма, целый аккорд чувств, мыслей и переживаний человека. Это была вся жизнь, о которой можно было бы написать целую книгу. Я прочёл в этом вопле, что впервые взгляд Франциска достиг сердца этого несчастного человека. Я прочёл, как дрогнуло всё злое, налипшее на этом сердце, как раскаяние и сожаление вырвались бурными волнами из сердца человека. Я видел уже не

мольбу, не борьбу, но полное понимание, что смерть в огненной стене остаётся единственной защитой.

Человек схватил руки Франциска. Я знал огромную силу этих рук и был поражён: под тяжестью человека Франциск согнулся и не мог поднять его, чтобы ввести внутрь стены. Я не успел броситься к нему. Как молния, Али очутился там и, как молния, перебросил человека внутрь стены. Я думал, что человек упал и разбился, такой бурей силы показалось мне движение Али. Но на самом деле я увидел, как руки Али осторожно поставили человека в центре круга. Теперь он дышал сильно и учащённо, точно бежал по лестнице. На лице его играла краска, уста улыбались, он смотрел на Раданду и говорил:

— Прости, я ненавидел не тебя, но свою собственную слабость. Я хотел быть добрым, ценил твою святость, но зависть к тебе бросала меня от зла к злу. Я понимал твою искренность, но нарочно взвинчивал себя на отрицание твоей доброты. О, какое счастье, какую лёгкость я испытываю сейчас! Впервые я знаю, что такое радость. Какими словами мне благодарить всех вас за то просветление, в каком я сейчас умираю. Примите мою благодарность. Я прощаю моим врагам, как вы простили меня.

Он хотел сказать ещё что-то, но схватился за сердце и упал к ногам Раданды. На лице старца играла улыбка счастья, глаза его были устремлены на лицо лежавшего человека с выражением такой любви, точно это было самое дорогое его дитя.

Стена продолжала гореть, теперь поднявшись до самого потолка. Цвет её был уже не огненно-красный, она переливалась всеми цветами радуги с преобладанием голубых и розовых тонов.

— Лёвушка, — услышал я голос И. — выйди к привратнику и скажи ему впустить братьев с носилками. Приказ передай именем настоятеля.

Минуту назад мне казалось, что я не в силах владеть своим телом, что я даже двинуться не могу с места. Сейчас же, получив приказание И., я совершенно легко вышел из трапезной и, дойдя до привратницкой, услышал разговор Мулги с кем-то, кого он не пропускал во дворик. Я передал ему приказание Раданды относительно носилок, он поклонился мне и сказал:

— Не удивляйся, брат, что я повысил голос в эту минуту. Но весь вечер ко мне приходили люди, прибегали даже от ворот, требуя, чтобы я пропустил каких-то вновь прибывших. Помня приказ настоятеля, я никого не впускал, хотя некоторые, вот только сейчас, угрожали мне чуть не смертью. Заслышав твои шаги, они быстро скрылись во тьме, а подошли вот эти братья с носилками, которые ты требуешь.

Он открыл ворота, и четыре брата в белых одеждах прошли из темноты сада в освещённый дворик. Я провёл их в трапезную, где картина теперь была совсем другая. Раданда стоял на коленях подле головы умершего, произнося какую-то молитву, и рядом с ним, тоже на коленях, стояла Андреева. Огненной, сиявшей стены уже не было вокруг них, но на месте упавшего стола, точно плотная завеса тумана, переливалось и дрожало разноцветное облако. Раданда поднялся с коленей, поднял Андрееву и обратился к братьям:

— Унесите бедного, внезапно почившего брата. Умойте его, оденьте в белые одежды и поставьте в мою часовню. Молитесь о нём так, как вы хотели бы, чтобы молились о вас.

Благословив тело покойного и всех его уносивших, Раданда повернулся к нам с Андреевой:

— Дети мои, гости мои дорогие. Не думайте никогда о встречном человеке как о постороннем вам. Но запомните всё, чему вы были и будете свидетелями здесь. Знайте твёрдо: до *последнего* момента надо верить и надеяться *пробудить* в человеке его святая святых. До последних сил сердца надо молить Жизнь о помощи заблуждающемуся, заблудившемуся или оступившемуся брату, ибо в каждом живёт *Она*, а для *Её* пробуждения нет ни законов логики человеческой, ни законов времени человеческого. Источайте в полном забвении себя, как вы это делали сегодня здесь, и дальше ваши любовь и доброту. Какими бы слабыми и маленькими вы ни считали себя по сравнению с великими братьями, знайте, что самая малая частица доброты, идущая для утверждения радости и помощи, необычайно важна в труде Светлых Братьев. Мужайтесь, и помощь ваша сейчас будет ещё нужнее и важнее, чем была час назад.

Он улыбнулся нам с особенной, ему одному свойственной снисходительной ласковостью, взял каждого из нас за руку и повёл по направлению к туманному облаку. Облако теперь тоже изменило свой вид: стало прозрачным, и по всем направлениям в нём летали рубиновые звёздочки. Звёздочки то складывались в причудливые фигуры, то вытягивались как бы в ряды строчек. Зрелище было очаровательное. Но я понял, что это не только зрелище, но что это надписи, которые я не умел прочесть, а Андреева их читала чётко, быстро и точно. Теперь наши роли переменились — не я мог помочь ей, а она мне.

Подведя нас к самому облаку, старец остановился, ещё раз нам улыбнулся и, обращаясь к Андреевой, сказал:

— Помоги младшему брату разобрать язык огня, как он помогал тебе сдерживать огонь твоего сердца. Подождите оба здесь, вас позовут, когда будет можно. — Он оставил нас и скрылся за облаком, которое вблизи было гораздо плотнее, чем казалось издали.

— Слушайте, Лёвушка, я читаю знаки огня, — сказала мне Наталья Владимировна:

«Перед великими моментами рождения и смерти нет ничьей власти, кроме власти самого человека. Нет и предела, положенного извне, для часа смерти. Нет силы, выбрасывающей обратно в мир земли дух человека. Закономерным движением действий самого живущего на земле или в иных планах совершается воплощение или развоплощение.

Природа телесных или духовных материй каждого идёт по кругам того труда, что сам человек выстроил в веках. Нет внезапных переходов, какими воспринимают люди события земных жизней, проходящих перед их глазами. Всё течёт закономерно по кругам, а не по ломаным линиям. Но только *знающему* открывается полный Свет, в котором он видит *все* звенья своего и чужих путей.

Величие и смысл жизни и смерти не в видимых телесными очами фактах состоит, но в силе тех взрывов любви, что *может* человек *из себя* источить или *в себя* вобрать».

Рубиновые звёздочки перестали кружиться. Мы стояли молча, исполненные благоговения, думая о том огромном человеке, что лежал за облаком. Мы старались вылить из себя всю любовь, какая жила в нас, ему в помощь.

Время как бы перестало для меня существовать. Я ощущал снова полное блаженство, радостное состояние. Близкое присутствие Флорентийца настолько сливалось со всем моим существом, что я не мог различить, где был «я» и где «не я». Я весь слился с моим обожаемым другом. Не испытанное ещё ни разу мною мужество охватило меня. Уверенность и радость, что я буду в силах пролить помощь Флорентийца так, как Он этого захочет, ввели меня в круг полного спокойствия. Я понял на деле, что значат слова: «забыть о себе и думать о других». И не менее ясно понял я, *что* такое «освобождённость». Ничто личное не давило на меня. Я был совершенно свободен от всякого личного восприятия текущих событий, я видел и понимал по-новому жизненные пути человечества.

Я не удивлялся и не сравнивал откровения этой ночи ни с какими событиями, свидетелем которых я был раньше. Я благоговел перед новыми, открывшимися мне страницами труда высоких Светлых Братьев и радостно присоединял все свои силы к их труду.

И. подошёл к нам. Облако рассеялось совсем. Картина за ним резко изменилась в сравнении с той, которую мы запомнили вначале. Огромный, похожий на Дартана человек не лежал теперь на полу, а стоял рядом с Рассулом, присутствия которого я не мог себе объяснить, простившись с ним так недавно в пустыне. Дартан держал в руках тяжёлую цепь человека и пристально смотрел в глаза своему двойнику.

Видя их обоих рядом, я ещё раз убедился в их разительном сходстве, только второй был чуть поменьше и волосы его были тёмные. Несомненно, это были близнецы. Но я понял, почему мне показалось сначала, что человек этот только напоминал Дартана. Выражение лица и возбуждение во всей фигуре, бешеное движение глаз и мускулов лица очень нарушали сходство с Дартаном, лицо которого в первые минуты знакомства показалось мне каменным. Когда же я присмотрелся к нему, то увидел, что оно хранит твёрдое спокойствие и печаль. Из Великих Братьев теперь я видел только Али, Раданду и Флорентийца. И. подвёл нас ближе к группе и поставил между Али и собой.

— Друг мой, мой бедный брат, — снова заговорил Раданда. — Я всем сердцем прощаю тебе всё то оскорбительное, что ты говорил здесь обо мне. Ты не повинен в том, что не можешь видеть иначе, потому что страсти заполонили тебя и закрыли твои глаза духа. А разве может понимать что-либо человек, если смотрит на дела и вещи одними телесными глазами? Всё, всё я прощаю тебе и молю Великую Мать и всех Её служителей защитить и помиловать тебя от всех печальных последствий, что ты пробудил и вызвал к жизни за годы пребывания здесь. Не *ты* виновен, что я был слаб и допустил своею излишней добротой разлад в тебе. Я должен был своею строгостью защитить тебя и помочь тебе внешней дисциплиной, раз я видел, что ты не способен достичь внутренней самодисциплины. Я же всё верил и надеялся, что,

живя в полной свободе, в атмосфере мира и любви, ты найдёшь путь к самодисциплине легче и проще. Я ошибся и не выполнил приказания Али быть с тобой строгим. Я виновен. Да будет твой грех на мне перед лицом Великой Жизни. Я ответствен за то, что не нашёл нужного тебе приспособления в жизни дня. Ты был мне поручен, и я не сумел быть тебе пастырем добрым. Прости, будь снисходителен и милосерд, сын мой.

Лицо человека выражало сарказм, он, видимо, не верил ни единому слову настоятеля, ядовито улыбался, но молчал.

— Брат мой, мой несчастный Беньяжан, не в первый раз, а в третий стоишь ты перед Белыми Силами и вступаешь с ними в борьбу, — заговорил Рассул. — Первые два раза я мог спасти тебя, мог поручиться за тебя перед Белым Братством, которое укрыло тебя здесь, предоставив тебе все возможности к труду и деятельности, какие ты хотел бы избрать себе по вкусу и склонностям. Но, окружённый доверием и любовью, ты занимался тем, что искал недостатки в окружающих. Перечисляя их пятна, ты обманом ввёл сюда свою несчастную жену и мёртвого теперь своего друга, которых ты сделал предателями, ворами и рабами своими. Я не буду перечислять все твои гнусные поступки здесь, ты их сам хорошо знаешь. Скажу тебе только одно: я бессилен в этот третий раз помочь тебе, больше не могу взять тебя на поруки. Ты можешь надеяться лишь на милосердие Раданды и И., можешь рассчитывать только на собственные силы. В последний раз я, грешный Рассул, могу ещё умолить великое Светлое Братство об одном: защитить тебя от тёмных сил после смерти, предоставив тебе такой угол на земле, где бы ты в непрерывном труде и суровой дисциплине мог приготовить свой дух к смерти в чистоте сердца и мире, ибо иначе никакие силы Света не смогут вырвать тебя из вековой власти злых. Нет для тебя свободного выхода отсюда, как ты об этом мечтаешь, не потому, что тебя кто-либо здесь держит. Нет, твои вечные раздражение и злоба, осуждение и лицемерие парализовали сейчас твои руки и ноги. Ты не можешь ни с места двинуться, ни взять руками этой дивной цепи, которую ты запятнал злодеяниями и кровью. Выбирай сам свою судьбу. Или ты поедешь в тайную Общину, спасённый в последний раз Милосердием. Там будешь вылечен и приготовишься долгими годами тяжёлого труда к чистой смерти, как я тебе уже сказал. Или...

Дартан умолк на минуту, лицо его стало символом печали, по тёмной щеке медленно скатилась крупная слеза. Он её смахнул и продолжал голосом таким слабым, нежным и скорбным, услышать который от великана я не ожидал. Мне казалось, что мощи этого великана и предела нет.

— Или ты умрёшь здесь, сейчас, и тёмные силы завладеют твоим духом. Ты сам хорошо знаешь, что это значит.

Дартан умолк, и гробовая тишина в трапезной нарушалась только тяжким, свистящим дыханием Беньяжана. Он стоял неподвижно, точно статуя, и всю его борьбу отражало только лицо. При всём мужестве, которое я ощущал в сердце, я пал на колени и молил Флорентийца, самого милосердного из всех милосердных, спасти, ободрить, поспешить на помощь к несчастному.

Я увидел божественно прекрасный образ моего великого друга рядом с Беньяжаном. Он взял одну его, лишённую движения руку и положил её ему на сердце, поддерживая её своей чудесной рукой. Другой своей рукой он положил вторую руку страдальца ему на лоб.

— Взгляни на стены. Там ясно видна картина, что ждёт тебя, если умрёшь сейчас.

Колоссальная фигура Беньяжана вся задрожала, из горла его вырвался хрип, и, если бы сила Флорентийца его не поддержала, он рухнул бы снова на пол.

— Не медли, — сказал Али. — Ещё минута, и милосерднейший брат Флорентиец не сможет спасти тебя. Решай!

Ещё одна судорога потрясла тело несчастного, ещё один раз, показалось мне, он увидел что-то ужасное, и он выдавил из себя хрип:

— Я согласен ехать в тайную Общину.

Рассул пододвинул брату скамью и с помощью Флорентийца усадил его. Флорентиец выпустил руки несчастного из своих, и они рухнули, бессильно повиснув до самого пола. Но руку свою на голове Беньяжана он оставил, и под влиянием силы Флорентийца лицо страдальца приняло спокойное выражение, глаза перестали бегать и дыхание стало легче.

— Тебе, нарушителю покоя всюду, где ты ни селился, даёт Великая Жизнь в последний раз Свою защиту: ты будешь немым и глухим до тех пор, пока в сердце своём не найдёшь добрых и чистых сил, пока в сознании твоём не возродятся благородные мысли, пока труд твой не станет полезен другим людям, к которым станешь доброжелателен сам. Постепенно, как только будет светлеть дух твой, начнут возвращаться к тебе речь и слух, — заговорил снова Али, и голос его походил на гром.

— Встань, найди силы выйти отсюда, сесть на мехари и доехать до нового места жизни. Помни, всё время помни картину, что показал тебе Флорентиец, и да поможет она тебе выбраться на светлую тропу. Не бойся, тебя довезёт надёжный конвой, и в новом месте тебя никто преследовать не будет. Живи, мною благословлённый, призывай имя моё в минуты невыносимого разлада, и я разделю бремя твоё, облегчу тяжесть твоих страданий.

Али благословил Беньяжана и сказал Рассулу:

— Надень на шею брата твоего его прекрасную цепь. Ты испортил её, — обратился он к Беньяжану. — Она принадлежала великому, радостному существу, гармония которого была устойчива и помогала Светлому Братству передавать его энергию земле. Ты украл цепь у своего брата, но, видишь сам, она потеряла свои могучие свойства, а камни — прежде жёлтые — стали похожи на опалы. Чем больше ты грешил, тем больше менялись камни, походя на слёзы, дрожащие под лучами солнца и переливающиеся всеми цветами радуги. По цвету этих камней сможешь судить, близишься ли ты к освобождению. С каждым малейшим поворотом к доброте и высокой мысли к камням будет возвращаться их прежний прекрасный жёлтый цвет. Лёвушка, возьми мой плащ и укутай им Беньяжана, — закончил свои слова Али, протягивая мне свой белый плащ.

Я выполнил приказание Али с большим трудом. Плащ его точно жёг мне руки и казался таким тяжёлым и огромным, что я еле мог накинуть его на плечи Беньяжану, для чего мне пришлось встать на скамейку.

Когда я возвратился на своё место, весь обливаясь потом, точно я таскал камни, то едва мог стоять, так дрожали мои ноги и стучало в голове.

— Ясса, — услышал я опять чёткий и сильный, но уже не громоподобный голос Али. — Ты поедешь начальником конвоя и отвезёшь в тайную Общину этого человека. Возьми десяток братьев и поезжай немедленно. Люди уже ждут у ворот. Возьми за руку этого великана и всё время в пути будь рядом с ним. Укутай его хорошо в мой плащ и, когда приедешь в Общину, сдай порученного тебе настоятелю, брось мой плащ в костёр, отдохни сутки и возвращайся со всем конвоем обратно. Обратно иди через скалы в пустыне и через маленький оазис чёрных людей.

Маленький Ясса казался игрушечным возле Беньяжана. Он взял его висевшую беспомощно руку, обернул плотно плащом громадную фигуру и пошёл к двери, уводя за руку автоматически двигавшегося за ним великана, тяжело ступавшего, точно шла рота солдат.

Это были страшные минуты. Мне казалось, что тяжёлые шаги человека были прообразом тех лет муки и искупления, на которые он себя обрёк.

— Подойдите ко мне, — услышал я голос Али, но не понял, что он относится ко мне и Андреевой.

Я почувствовал, что она взяла меня за руку, повернулся к ней и обомлел. Лицо сверкающей силы, уверенности, светлой доброты, с глазами, метавшими молнии Света, смотрело на меня. Наталья Владимировна ласково улыбнулась мне и потянула меня за собой. Я снова почувствовал, что она мне близка, ближе чего быть невозможно, мать и сестра. Если бы она вела меня в пустыню, а не к Али, я шёл бы за ней всюду в полном доверии и радости.

Мы опустились на колени перед Али, но он ласково поднял нас, сел на скамью и посадил нас по обе стороны от себя. Я осмотрелся кругом и увидел, что в трапезной нет никого, кроме Али и И., Натальи Владимировны и меня. Я не успел удивиться, как заговорил Али:

— Теперь ты поняла, мой друг, почему я не вводил тебя в эту Общину и какую часть труда моего ты могла разделить только теперь. Всё, что открылось тебе здесь, открылось только тебе одной, об этом помни. Если при встречах дня почувствуешь, что *можешь*, — действуй. Но никогда не превышай сил. И где *указана граница* — не переступай её никогда. Учись понимать, что вместо помощи, рассчитывая на *свои* силы, на *свои* благие намерения, внесёшь лишние бедствия и страдания в мир всегда, если выйдешь *за* рамки, *указанные* тебе. Переходи быстро в новое знание, ибо мир не ждёт. Тебе надо ехать и выполнить свою миссию в нём.

Али обнял Наталью Владимировну, она точно утонула в его снопе огня, который так ослепил меня, что я должен был закрыться от него руками. Я почувствовал, что И. нежно обнял меня, и услышал голос Али, обращённый ко мне:

— Когда ты гулял со мною в парке, я указал тебе на группы розовых магнолий и чёрных клёнов. Я говорил тебе, что люди несут в ожерелье Матери Жизни розовые или чёрные жемчужины. Будь благословен, счастливый человек, кому великий

Свет определил нести в мир розовые жемчужины радости. Иди, мой друг, будь благословен и рассыпай людям драгоценные перлы своего таланта. Как бы ни казалось тебе, что знаешь мало, неси слово своё, ибо то всегда будет слово Светлого Братства.

Али потянул меня к себе, я точно лишился чувств на мгновение, невыразимое блаженство охватило меня...

Я очнулся на руках И., который вносил меня в мою комнату нашего дома.

Первый завтрак в новой столовой. Школа. Я передаю письмо Франциска матери больного ребёнка. Помощь И. в моём знакомстве со скитом трудных строптивцев. Старец Старанда и встреча с ним

Несмотря на то что я пришёл в себя ещё на руках И., я не помнил, как заснул, как миновала ночь. Я проснулся утром от каких-то непривычных мне звуков и толчков.

Несколько минут я не мог прийти в себя от изумления, увидев себя в совсем незнакомой комнате. Наконец с трудом сообразил, что я в дальней Общине, что звуки, неожиданно для меня новые, — гудящие удары большого колокола, а толчки — усердное тормошение меня моим дорогим Этой.

Птичка явно беспокоилась, перебегала от моей кровати — узенькой деревянной койки с натянутым куском грубого холста, без матраса — к дверям И., как бы желая дать мне понять, что мне пора туда заглянуть. Я быстро вскочил, в одно мгновение чётко вспомнил всё происходившее прошлой ночью. Должно быть, мой физический организм был ещё недостаточно закалён, так как я чувствовал слабость, неуверенность в равновесии и ощущал даже нечто вроде лёгкой тошноты. Как мне недоставало моей доброй и ласковой няньки, моего чудного Яссы, который, конечно, привёл бы меня к полному выздоровлению через полчаса своим чудодейственным массажем в воде.

С некоторым напряжением я стал соображать, чем прежде всего начать мне свой день, как вспомнил, что я келейник и секретарь. Не решаясь войти к И. неумытым и плохо одетым, я схватил полотенце и хотел бежать в душ, как дверь комнаты И. открылась и в ней показался он сам, сияющий, мощный, в белой одежде, которая, как и он сам, показалась мне блистающей. Никаких следов утомления или болезненности не было в его лице. Он был юн, прекрасен и ласков, как всегда.

— Что, мой дружок, тебе неможется?

— Что мне неможется — это верно, мой дорогой И., но это пустяки, — ответил я. — А то, что я келейник-секретарь, проспал и встал позже своего господина, вот это я уже проштрафился. Простите, Учитель, я постараюсь в будущем быть усердным слугой. В это утро я еле сообразил, где я. Но что значит гудение колокола? Я принял было его за удар гонга. Имеет ли это гудение какое-нибудь отношение к моим обязанностям?

— Колокол ударит тридцать раз, и это будет равно получасу времени. За эти полчаса, все обитатели Общины должны привести себя и свои кельи в полный порядок и с последним ударом направиться к трапезной для участия в первой общей еде. Но не к той трапезной, где мы ужинали вчера. Там собираются только для обеда и последней еды. Завтракают же и полдничают здесь в нескольких столовых. Вся Община разбита на много отдельных участков, и в каждом из них своя утренняя столовая. Беги в душ, возвращайся обратно, прибери обе наши комнаты, надень чистое

платье и тогда обойди всех в нашем доме. Оповести каждого, чтобы через десять минут все были в сборе у крыльца. Я сам поведу вас в столовую нашего участка и там познакомлю с начальником нашего участка.

И. ушёл к себе, я же побежал с Этой в ванную. У меня был большой соблазн переставить несколько порядок данных мне поручений. Я опасался, что все наши друзья, так же как и я, не знают распорядка дня в новом месте и могут опоздать привести себя в порядок к указанному сроку. Но приказания И. были для меня законом любви, и я не решился внести в них никакой отсебятины.

Возвращаясь из ванной и торопясь к себе, я натолкнулся на Андрееву, которая вместе с леди Бердран возвращалась с утренней прогулки с букетами цветов. Я удивился свежему виду обеих женщин, отсутствию всякой усталости на их лицах. Поздоровавшись с ними, я постарался как можно скорее убежать. Но мне показалось, что зоркие глаза Натальи Владимировны, так много подмечавшие, подметили и мою усталость, и моё общее недомогание.

Когда я возвратился к себе и, быстро убрав свою комнату, постучался к И., я увидел его за письменным столом, углублённым в какую-то работу. Стараясь как можно бесшумнее двигаться, я убрал его комнату, в которой, кстати сказать, и убирать-то было нечего, так всё в ней было блестяще чисто. К моему удивлению, в комнатах совсем не было пыли, к которой я испытывал нечто вроде ненависти и убирать которую терпеть не мог. Справившись с задачей уборки, я тщательно оделся и помчался оповещать всех о месте и сроке сбора.

Как я и предполагал, некоторые из друзей ещё благословенно спали и приказ И. был для них словно гром и молния. Особенно огорчился Бронский, не умевший ни в чём торопиться. Игоро всячески ему помогал и уверял, что они успеют вовремя быть на крылечке.

Обежав оба этажа, я ещё раз пригладил свои непокорные кудри перед небольшим зеркальцем в коридоре, проверил все свои завязки и вышел на крыльцо первым, ожидая сбора всех обитателей домика. Я чувствовал себя ответственным за опоздание моих друзей, но вместе с тем не знал, как и чем помочь. Слава Богу, Бронский и Игоро пронеслись бурей обратно из ванной, и сердцу моему стало спокойнее. Вдруг Эта сорвался с места и с радостным криком помчался за угол дома. Я не понял куда и зачем он убежал, но через минуту увидел его на плече у Никито, позади которого шли Лалия, Нина и Терезита. Обрадовавшись неожиданному свиданию с ними, я не заметил, в каком порядке собрались все друзья нашего отряда, но к последнему удару колокола, когда в дверях показался И., все были в сборе.

— В трапезной, куда мы сейчас пойдём, разговаривать нельзя, как и в большой трапезной. Входите туда, радостно думая об окружающих вас людях. Не несите в сердцах сострадательного смущения. Несите радость *утверждения*, уверенности, что Жизнь *защищает* живущих здесь людей, давая им все возможности достичь совершенства *именно* в *тех* обстоятельствах, какие необходимы *им*. Какими бы трудными и тяжёлыми ни показались эти обстоятельства *вам*, не по себе меряйте, но по любви сердца ищите прозрения в *вечные* пути людей. В этих внешних условиях лежит *вся* забота тружеников Вечного Милосердия о *каждом* человеке. Старайтесь не умом раскидывать, *что* из обстоятельств здесь вы хотели бы облегчить, выки-

нуть, изменить. Но вдумайтесь глубже в слова Франциска, *что* такое добрый человек, и действуйте, любя и побеждая, в соответствии с этим понятием. Живите в невидимом Вечном и несите привет сердца Ему в видимых формах мелькающего перед вами *сейчас*.

Едва закончил И. свои слова, как к крылечку подошёл брат, довольно пожилой, в белой одежде, и поклонился, коснувшись земли рукой.

— Мой настоятель шлёт тебе, Учитель, привет любви и мира. Благоволи следовать за мной. Я прислан проводить тебя и твоих друзей к утреннему завтраку, который ты обещал, оказав нам честь, разделить с нами.

Лицо этого брата, как и его голос, показались мне примечательными. Он улыбался, а мне казалось, что ему хочется плакать. Он говорил о самой простой вещи, хотел быть любезным, а в звуках его голоса слышалась какая-то трагедия, точно сердце его разрывалось от боли. Я взглянул на Бронского и увидел на его лице не только напряжённое внимание и удивление, но даже полное забвение всего окружающего, так впился он сердцем и глазами в говорившего брата. Взгляд И. скользнул по фигуре артиста, и он ещё раз громко сказал:

— Помните о том, что я только что вам говорил.

И. отдал поклон присланному брату.

— Спасибо за привет, друг. Спасибо за то, что ты побеспокоился прийти за нами. Веди, друг, мы за тобою следуем.

Брат ещё раз поклонился нам и пошёл вперёд, прямо по аллее. Шли мы довольно долго. Я всё больше поражался размерам Общины. Она действительно была громадна. А сад походил больше на лес, чем на сад, хотя цветов в нём было очень много. Мы шли по густым аллеям, часто пересекали горбатые мостики над ручейками, не встречая людей.

Но вот вдали мы увидели лужайку и за нею длинный одноэтажный дом, как мне показалось, без стен. Когда мы подошли ближе, я увидел, что стены были из стекла, очень тонкого и прозрачного, вправленного в узкие белые полосы дерева и образовывавшего нечто вроде большущих рам. Я не понимал, как могло держаться столько стекла в таких тонких переплётах, но раздумывать было некогда. Подойдя ещё ближе к прозрачному домику я заметил много-много фигур, двигавшихся с разных сторон к столовой. Когда мы подошли совсем близко, из дверей её вышел навстречу нам высокий человек в чёрной монашеской одежде, с чётками на руке и с большим серебряным крестом на груди. Он был молод. Каштановые, слегка рыжеватые волосы падали красивыми волнами и локонами до плеч. При очень стройной фигуре походка у него была ковыляющей, так как одна его нога была короче другой. Он улыбался И. во весь рот, обнажая прекрасные белые зубы. Низко кланяясь И., он сказал:

— Какое счастье для нас, дорогой Учитель, что ты приехал к нам и что именно в этот день ты войдёшь в столовую моего участка. Будь благословен. Ты, конечно, не можешь помнить всех дат и обстоятельств, когда, где и как ты спасал людей, такую бездну ты их спас. Но я, как и каждый, помню день своего спасения, благословляю встречу с тобой и счастлив приветствовать тебя на том деле, которое ты приказал мне выполнять. Добро пожаловать, — обратился он к нам, окинув всех нас приветливым взглядом и кланяясь нам.

И. обнял монаха. Я заметил, что руки его красивой формы, но грубы от физической работы, покрыты мозолями и ссадинами.

— Мир тебе, брат мой Всеволод. Светлое Братство прислало меня к тебе с приветом и уполномочило сказать, что срок твоего пребывания здесь окончен. Ты уедешь отсюда со мной. Мир нуждается в радостных слугах. Ты созрел как деятель. Пора тебе послужить человечеству среди страстей и суеты.

Лицо Всеволода точно засветилось изнутри, глаза его засияли, и он тихо ответил:

— Так пойду, как поведёшь. Но не скрою некоторой печали расставания с теми несчастными твоими детьми, что ты мне здесь поручил. В самом начале тяготился я тяжёлым трудом. Но теперь уже давно всё понял, принял и благословил. Я думал здесь окончить свои дни. Но, да будет воля твоя и пославших тебя.

Он ещё раз поклонился и ввёл нас в зал — стеклянную галерею. Усадив нас за стол, во главе которого сел И., он сел рядом с ним, и только тогда многочисленные, раньше нас вошедшие в столовую люди опустились на скамьи у своих столов. По знаку Всеволода десять сестёр и братьев, нёсших своё дежурство для всего участка, стали подавать еду на все столы сразу. Я сосчитал, что длинных узких столов, точно таких же, как столы в большой трапезной, было пять. Стол, за которым сидели мы с Всеволодом, стоял так же первым у входа, как стол Раданды в большой трапезной. С места Всеволода все сидевшие в столовой были ему видны так же, как с места Раданды. В этом зале, как я уже сказал, больше всего походившем на галерею, было много стекла. Стёкла, обрамлённые узкими полосками дерева, создавали иллюзию, что сидишь на палубе корабля, так были они прозрачно чисты и так широка была видимая панорама.

С первого мгновения, как только я очнулся от новизны впечатления, меня окружила радостность. Без всякого напряжения, легко, просто, весело я слился с эманациями, которыми была наполнена комната, и сразу же почувствовал, как из моего сердца льётся и им же втягивается волна доброты и действенной энергии. Мне так и хотелось обнять всех сидевших за столами и поблагодарить их за то доброжелательство, с каким они нас встретили. Ни с чем не мог я сравнить этого приёма. Все молчали. Но каждый из нас был счастлив и сознавал себя братом, родным и близким всем собравшимся здесь людям.

Были здесь молодые и старые. Были и дети — подростки лет восьми — двенадцати, сидевшие возле своих матерей. У всех были лица весёлые и добрые, глаза радостно и спокойно светившиеся. Я взглянул на брата, подававшего еду к нашему столу. Это был тот брат, что приходил за нами послом от Всеволода. Его лицо всё также сохраняло печать скорби, но скорби какой-то былой, давно пережитой. Оно напомнило мне лица бедуинов, которых И. направил конвоирами буйному всаднику, встреченному в пустыне.

Некоторое время все молча ели поданную кашу, за которую принялись только тогда, когда взял ложку в руки их настоятель. Я заметил, что сам Всеволод ел не больше Раданды, но делал вид, что ест очень усердно, чтобы не мог смутиться никто с хорошим аппетитом и поощрялся тот, чей аппетит был плох. Хотя каша была вкусная, сладкая — из чего она, я разобрать не мог, да, пожалуй, никогда такой и не ел, — я должен был констатировать, что мой отличный аппетит исчез. Я с трудом

мог проглотить несколько маленьких кусочков хлеба и ложек каши, и то каждый раз под пристальным взглядом И. Есть мне было так трудно, что на последний настойчивый взгляд И. я мысленно ответил ему его же фразой: «В пути не надо много есть». Он понял меня, улыбнулся и положил свою ложку на стол, разрешая мне последовать его примеру. Вслед за кашей было подано нечто овощное, напоминавшее видом рагу из моркови и цветной капусты с картофелем, с большим количеством сливочного масла. Но к этому блюду я не мог заставить себя притронуться и удивлялся удовольствию, с которым его ели все, не исключая и наш стол. Сидевшая рядом со мною Андреева так же, как и я, почти ничего не ела, что мне показалось странным, так как она нередко говаривала, смеясь, обо мне в Общине Али, что единственное наше с ней сходство — прожорливость.

Убрав все следы предшествовавших блюд, на столы подали прекрасный кофе или, по желанию, чай и поставили большие кувшины с молоком. Несмотря на то что руки подававшего за нашим столом брата были изуродованы — на правой не хватало мизинца, а на левой — средних пальцев, он делал всё быстро и ловко, без всякой торопливости и даже опережал другие столы, где было по два подавальщика. Невольно посмотрев на чашку, в которой мне подали кофе, я залюбовался простой и красивой её формой. Высокая, из тонкого фарфора, как мне показалось вначале, она на самом деле была стеклянной и переливалась жёлто-голубыми, розовыми и фиолетовыми красками. На ней ярко выделялся рисунок — роза и несколько небрежно брошенных фиалок. Посмотрев на чашки соседей, я увидел, что форма у всех одинакова, но рисунок разный. Я восхитился талантом мастера, который мог достичь в пустыне такой высокой художественности.

Завтрак кончился, Всеволод поднялся с места, поклонился И., поклонился всем нам и, повернувшись лицом к другим столам, поклонился всем присутствующим.

— Друзья и братья! Сегодня среди нас тот дорогой Учитель, всем нам друг и спаситель, к приезду которого я вас подготовлял. Для многих из вас его приезд не только радость и счастье свидания с человеком, которому почти все мы обязаны спасением жизни. Это также и *зов к новой жизни*, к новой форме внешнего труда. Для многих из нас настало время перелить в *действие* те сокровища духа, которые мы выработали и скопили здесь в своих сердцах. Здесь мы закалились, пора трудиться среди суеты для общего блага людей. Не огорчением от разлуки с теми, к кому мы здесь привыкли, кого здесь полюбили как ближайших друзей и сотрудников, должны мы ответить на призыв Учителя к новым формам труда и к новым местам жизни. Но радостью, что *можем* призванные им, а в его лице всем Светлым Братством, начать в иных местах жизнь *единения* с ближними в *красоте*, в действенной любви и доброте сердца. Слушайте же сейчас в полном мире и цельном внимании слова нашего дорогого, великого друга, брата и Учителя.

Всеволод ещё раз поклонился И. и сел на своё место. И. встал, окинул взглядом всех, не исключая и нас, и я снова испытал под этим взглядом необычайное состояние. Состояние, когда кажется, что речь идёт только и именно к тебе одному. Взглянув на лица окружающих, я понял, что каждый испытывает точно такое же чувство — словно всё внимание И. направлено только на него одного.

— Мои добрые друзья, мои верные сотрудники. Давно, очень давно имела место первая моя встреча с каждым из вас. С одними раньше, с другими позже, но со всеми без исключения очень давно встретился я впервые. Каждый из вас знает сам, как тяжело он страдал до момента встречи со мной. Каждый помнит хорошо, из какой адской муки он был вырван и укрыт мною здесь. Но, друзья мои, мои дорогие дети, так горячо посылающие свою благодарность и любовь сейчас мне и посылавшие их мне всё время, я ли причина вашего теперешнего достижения или вы сами, своим трудом, нашли в себе силы и умения *освободить* своё сердце, *раскрепостить* свой разум от предрассудков и тем помочь духу своему загореться и сжечь все условности, все иллюзии, мешавшие, как путы, общаться в огне и духе? Не я, но вы сами, друзья мои, причина вашего освобождения. Вы сами золотоискатели, откопавшие *в себе* груды сокровищ, на первом месте среди которых стоит незыблемый мир как следствие вашего умения *жить* в Вечном, нося *Его* в своей временной форме и приветствуя *Его* же в каждом встречном существе. Сейчас для многих из вас пришла новая радость: *поделиться* добытыми сокровищами с теми несчастными детьми земли, что не имели ни сил, ни возможности — ибо воля их молчала — обратить свой взгляд внутрь себя. Ваша новая задача — при *всякой* встрече с новыми людьми, где бы и при каких обстоятельствах эта встреча ни происходила, — *вовлекать* их в свою ауру, приносить *их* страданию успокоение и развивать в них *самостоятельность в труде* дня, самостоятельность *цельную*. На чём должна основываться эта самостоятельность? Я призываю пробуждать и закалять в людях самостоятельность, основанную на *полной* чести и честности, примером которых вы уже имеете силы *быть*. На полной *правдивости*, которую можете *вносить* в ваши новые отношения с людьми. На полном *бесстрашии*, которое развилось в вас как результат *привычки жить* в Вечном, и эту *привычку* старайтесь *в них* развить и укрепить. Перед вами дорога гигантов, дорога Вечного, зовущего вас к труду и действию *с Ним*. Не поддавайтесь же мелочи чувств. Не давайте сердцу обрастать плотью и кровью временного, но действуйте теми сторонами ваших проводников, где *каждая* клетка так пропитана и напитана светоносной материей солнца, что плоть и кровь стали лишь остовом ей, а не сутью, стержнем вашей энергии. Для *каждого* человека наступает момент его испытания. И для каждой материи вселенной есть момент испытания её прочности и сопротивления как пригодной к тому или иному роду мирового строительства. Исключением из общего закона вселенной не может быть человечество Земли, как и всяческая её материя, одухотворённая или ещё ожидающая одухотворения. Момент испытания ученика — это момент *величайшей радости*. Самоотвержение его — это не та или иная форма отречения, это *утверждение Жизни*, утверждение её *сил* в *каждой* встрече. Дошедший до *такого* самоотвержения несёт всюду радость, ибо *уже* прошёл все те стадии, когда личное восприятие момента *могло* нести горечь. Для вас нет уже ни времени, ни пространства как таковых — для вас есть *чудо Жизни*, идущей *по земле*, славить которую, раздувать *её* искры и очищать в каждом встречном вы призываетесь. Я приветствую вас в этот миг вашей жизни, в великий поворотный момент, когда моей рукой Светлое Братство вручает вам ключ для новых дверей. Им сможете раскрыть двери сердца встречного, помогая ему *выйти* из

жизни узкой — в законах условных одной Земли — и *перешагнуть* в жизнь широкую *всей* вселенной, в единение с трудом *всего* человечества, неба и земли, живущего в законах вселенной — в законах *закономерности и целесообразности*. Не судите отныне ничью *видимую* жизнь. Вы *знаете*, что величие вашей жизни составляет и составляло то, что *невидимо*, *неосязаемо* и *невесомо*, но что заставляло сиять всё плотное, видимое и весомое в вас и вокруг вас. Идите же в мир суеты, мои дорогие. Идите весело, просто, легко. Идите, бесстрашные, уверенные, и вы всюду и всё победите, ибо будете побеждать, любя и зная. Мир вам моими устами шлёт всё Светлое Братство. Будьте благословенны.

И. высоко поднял руку и благословил всех стоя слушавших его слова. Мне показалось, что во всех направлениях, куда шёл жест И., вылетали большие снопы огня, прирастая к аурам людей и зажигаясь в них огненной звёздочкой. Несколько минут длилось чудесное молчание. Оно захватило всех, точно мощь великой торжествующей песни. Я снова испытал незабываемый момент слияния со всей Жизнью, со всеми её видимыми формами. Я ещё раз понял, какою мощью обладал И., раскрывая людей к прекрасному.

Всеволод приказал братьям отворить дверь, и все стали выходить из столовой, отдавая поклон И., Всеволоду и нам. Когда последний брат вышел, Всеволод обратился к И.:

— Не желаешь ли, дорогой Учитель, осмотреть мастерские, швальни, ремесленные училища и школу, а также больницу моего участка? Быть может, я недостаточно высоко поднял ремёсла и образование, хотя я и старался точно придерживаться указанных мне тобой образцов и путей. Некоторые из цехов, вроде цеха стеклянной небьющейся посуды и оконных стёкол, мне пришлось перенести в оазис темнокожих, так мне приказал Раданда. Быть может, ты соблаговолишь съездить и посмотреть их там?

— Непременно, мой друг, в ближайшие же дни. Но сегодня я разделю свою группу людей. В школу твою я пойду сам и возьму с собой только моего келейника Лёвушку да приближённого ученика Али Наталью. Остальные мои друзья, среди которых позволь тебе представить артиста мировой славы Бронского, пройдут в твои ремесленные мастерские и заводики. В них Бронский, Никито и все остальные спутники найдут, что посоветовать твоим мастерам, продвинув их в изяществе и тонкости вкуса, и кое-чему поучатся сами. Вот, представляю тебе двух специалистов библиотечного дела, знаю, что ты отстаёшь в этой работе. Они помогут тебе разобрать новый караван с книгами, который тебе уже послал Али. Не ужасайся, они всё уладят, дай им только помощников, лучше всего старших школьников. И старые книги разберут, и новым место найдут. А эта сестра привезена мною специально для основания детских яслей и домов. Придётся совсем по-новому организовать это дело. Она останется здесь и получит и помощников, и указания. Сейчас дай ей провожатого, чтобы она могла обойти часть детских помещений.

Всеволод распорядился, как ему указал И., мы отделились от наших друзей и пошли за Всеволодом. Дорога шла долгое время садом, который становился всё более похожим на лес и, несомненно, когда-то им и был. Тут и там встречались дома, люди и группы детей. Разнообразие пород деревьев не только меня удивило, но я

даже и не предполагал, что этакие чудища могут расти в садах. Мы дошли до озера, и здесь картина природы и жизни людей резко изменилась. Лес перешёл в кустарник, зелёной травы не было. Среди глубокого, блестящего и мелкого песка, напоминавшего песок пустыни, в котором рос этот кустарник, были проложены утрамбованные дорожки, ведшие к разным домам, напоминавшим своим видом бараки или мастерские. Слышался стук молотков, лязг пилы, кое-где люди в лёгких рабочих костюмах стругали доски. Кое-где несли мелкий камень, собирали деревянные столы и кресла, стругали колонны из дерева. Кипела самая разнообразная жизнь.

Мы свернули, оставляя за собой озеро и площадку, и вышли на довольно большой островок, где рос молодой кедровый лес и было выстроено несколько красивых домов. Мы вошли в одно из зданий, оказавшееся школой, как раз в ту минуту, когда раздался удар гонга и из многочисленных дверей в широкий коридор выскочили со смехом и шумом дети лет восьми — тринадцати.

Увидев Всеволода, они чинно выстроились у стен, но их сияющие, весёлые мордочки, видимо, ждали только разрешения изменить своей чинности и броситься к своему любимому настоятелю.

— Нет, нет, на этот раз «вольно» не будет произнесено, — смеясь сказал Всеволод. — Будьте любезными хозяевами, вежливыми и приветливыми, познакомьтесь с гостями, которые проделали трудное путешествие по пустыне, чтобы навестить вас. Вот я и посмотрю, хорошо ли мы сумели вас воспитать и насколько вы вежливые кавалеры и дамы, — всё смеялся Всеволод.

Личики детей стали необыкновенно серьёзны. Они тихо и быстро разбирались на группы, по десятку в каждой, и во главе каждого десятка выдвинулись мальчик или девочка, как я понял, нечто вроде старосты десятка.

Одна из девочек вышла вперёд, подняла в знак привета руку и поклонилась нам. Её примеру последовали все дети. Глазёнки их горели, они с любопытством уставились на нас. Та же девочка, выступив ещё вперёд, сказала:

— Я дежурю сегодня и приветствую вас, дорогой отец-настоятель, и вас, любезные гости. Добро пожаловать! От лица всех детей приветствую дорогих гостей, оказавших нам честь своим посещением. Всё, что мы сможем сделать для вашего развлечения, мы сделаем с радостью. Но, — девочка слегка замялась, — мы ещё маленькие и мало умеем. Но всё же мы умеем петь, плясать, делать гимнастику и изображать жизнь кукол и зверей.

Всеволод весело засмеялся, погладил девочку по её кудрявой головке и ответил поклоном на приветствие детей.

— Пожалуй, все ваши артистические фокусы вы покажете дорогим гостям после. Сейчас постарайтесь блеснуть своей учёностью. А пока, так и быть: вольно!

Что тут поднялось! В один миг Всеволод исчез под грудой детских фигурок, напомнив мне, как исчезал под фигурами детей и карликов Франциск. Высокий посох Всеволода, как драгоценное сокровище, держали чуть ли не десяток ребят, с головы был снят клобук, и с величайшей осторожностью дети держали его в руках, пока остальные висели на своём настоятеле, наперебой рассказывая ему последние новости из своей детской жизни.

К И. подошла группа детей, внимательно и осторожно рассматривая его, точно они не могли оторвать глаз от его лица. Он ласково гладил их по головкам, задал им несколько вопросов — и лёд их чинности растаял мгновенно.

— И с вами тоже можно «вольно»? — спросил премилый мальчуган, боязливо подходя вплотную к И.

И. рассмеялся так весело и заразительно, что я не мог не залиться смехом и тут же сам потерял всю свою чинность.

— Вольно, вольно, — продолжая смеяться, ответил И. и взял мальчугана на руки. — Но я ведь уже старый дядя, а вот мой келейник Лёвушка очень любит быть верблюдом. Садитесь на него и поезжайте в сад, — указывая на меня, сказал он окружавшим его детям.

Я не успел и опомниться, как целая орава ребят оседлала меня. Всеволод до некоторой степени облегчил мою верблюжью ношу, и я был утащен детьми в сад. Там они показали мне своё маленькое хозяйство. У них были крольчатник и псарня, где жило несколько щенков какой-то очаровательной породы, красивых и пушистых. Тут же, немного поодаль, был сооружён тёплый домик, где жили щенки африканской породы, чёрные, совсем без шерсти. Несмотря на жару, им было холодно, и дети укутывали их в ватные попонки.

Время перемены промелькнуло быстро, раздался удар гонга, и вместо шумной ватаги ребят, где каждый, перебивая другого, спешил вылезти вперёд и рассказать что-то особенное, интересное, передо мной появился стройный отряд дисциплинированных маленьких людей, в полной тишине входивших обратно в двери школы.

Я не видел Андрееву и не знал, как совершилось её знакомство с детьми. Но повернувшись назад, заметил её в группе детей, мордочки которых были особенно радостны. Я подумал: чем могла так привлечь к себе детей обычно резковатая в своём обращении Наталья Владимировна? Я заметил в её руках красивый мешочек из пальмовых волокон, в который я так усердно старался упихать её коробейные товары в оазисе Дартана. Девочки с восторгом гляделись в маленькие зеркальца, мальчики с не меньшим упоением разглядывали свои свистульки, барабанчики и прочее. Но заниматься наблюдениями было некогда, раздался второй удар гонга, по которому дети должны были привести себя в полный порядок, а третий удар должен был застать их уже сидящими за партами.

Я нашёл И. в коридоре, окружённого учителями и учительницами. Он всё ещё держал на руках того же малыша. Когда я к нему присмотрелся, то узнал в нём того самого мальчика, матери которого я должен был передать письмо Франциска. Я видел её в тот час, когда Франциск писал свои письма и соединил меня со своею мыслью. Малютка прильнул головкой к плечу И., нежно гладил его по щеке и говорил:

— Дядя, миленький, хорошенький, скажи, отчего ты такой самый, самый красивый? Ну совсем как у мамы ангел на картинке. Знаешь, я ведь тебя часто видел во сне, — бормотал мальчик, точно засыпая.

И. ласково прижал к себе ребёнка.

— Мальчик, Лёвушка, уже болен. Но пока это ещё мало заметно. Скоро болезнь резко проявится. Возьми его, он уже засыпает. Отнеси его сам к матери. Там и

письмо Франциска ей отдашь, и выполнишь сам его приказание. Ты пойдёшь мимо своей кельи и захватишь письмо. Пожалуйста, Всеволод, дай Лёвушке провожатого, пока я буду наслаждаться мудростью твоих детей и твоими воспитательными и методическими талантами.

Я взял ребёнка. Всеволод дал мне в провожатые одну из сестёр-уборщиц с добрым, ещё молодым и приятным лицом, одетую в очень милое коричневое платье, белый чепец и белый же передник безукоризненной чистоты. Сестра пошла со мной, захватив для заболевшего ребёнка его завтрак. Ноша моя была тяжела: жара уже ощущалась сильно, и тело мальчика казалось мне огненным. Мы дошли до нашего домика, я положил мальчика на свою постель, достал пакет с письмами Франциска и сказал сестре-провожатой:

— Как вы думаете, сестра, не повредит ли мальчику, если я немного задержусь и побегу в душ? Мне кажется, что я весь горю от знойного воздуха.

— Нисколько не повредит. Я его постерегу и буду махать над ним пальмовым листом. С непривычки вначале наш климат всем тяжёл, потому-то у нас и устроены души в очень многих местах. Пока мы будем идти, встретим их немало. Вы сможете ещё несколько раз освежиться холодной водой, если захотите. Все, кто приезжает к нам, не могут выдержать первое время нашего зноя, но постепенно втягиваются и перестают его замечать.

Не медля, пока сестра ещё договаривала последние слова, я схватил полотенце и помчался в душ, в сотый раз вспоминая мою дорогую, нежную няньку, моего друга Яссу. Где Ясса? Как он едет? Скоро ли вернётся? Мысли мои, любовные и благословляющие, мчались за ним, а сердце моё гордилось оказанным ему высоким доверием, сострадало его тяжёлому пути по пустыне...

Душ меня воскресил, и мы вскоре бодро зашагали по тенистой аллее. Теперь ноша моя не казалась мне такой тяжёлой, хотя тело мальчика было очень горячим. Раза два сестра указывала мне на небольшие домики-души, очень мило сложенные из белого камня. Она предлагала мне ещё раз освежиться. Но я ещё не изнемогал, шёл бодро и не мог понять, где же конец моему путешествию. Лес стал гуще. Мы шли уже более получаса, встречали стоявшие одиноко и группами домики. Я нигде не видел ни стен, ни ворот, через которые мы въехали в Общину. Также не видел я ни конюшен, ни фермы, а ведь где-то здесь они должны были быть. Мои размышления прервала сестра, указывая на небольшой, отдельно стоящий домик.

У открытого окна я увидел женскую фигуру, склонённую над шитьём чего-то крупного, белого. Женщина, заслышав мои шаги и голос моей спутницы, подняла голову, и я сейчас же узнал в ней ту самую, которую видел в мыслях Франциска.

Увидев своего сына у меня на руках, она торопливо отбросила работу и вышла нам навстречу, распахнув настежь дверь своей комнаты, большой и светлой. Она впилась глазами в личико своего ребёнка. Беспокойства, страстной любви и отчаяния такой силы, как были написаны на лице женщины сейчас, не было на лице, которое сохранилось в моей памяти. Не поддаваясь ни на миг силе волнения женщины, я звал всем своим усердием Франциска. Я помнил его наставление, в каком состоянии должен быть я сам, чтобы иметь и силу и дерзновение прикоснуться к личику ребёнка тем священным лоскутом материи, который он вложил в своё письмо.

Уложив ребёнка на постельку, я поблагодарил свою провожатую и отпустил её, уверив, что найду обратную дорогу сам, в чём, впрочем, был далеко не уверен.

— Перестаньте плакать и волноваться, дорогая сестра, — сказал я матери, стоявшей на коленях у изголовья сына. Я привёз вам письмо и привет от Франциска.

Не успел я произнести имя этого чудесного человека, как женщина вся преобразилась. Слёзы ещё катились по её щекам, но глаза засияли, и губы улыбались.

— О, какое счастье, значит, всё будет хорошо и мой дорогой сыночек выздоровеет. Будьте дважды благословенны: и за то, что вы доставили мне моего дорогого мальчика — а я хорошо знаю, какая это тяжкая ноша в такую удушливую жару, — и за то, что вы принесли мне весть, которую я считаю божественным милосердием. Никого милосерднее и добрее великого Учителя И., спасшего меня от злодеев, и брата Франциска, помогшего мне понять смысл всей моей многострадальной жизни, научившего меня своей добротой примириться со всеми несчастьями, благословить их и освободиться от их давящей муки, я не встречала и не знаю. Встреча с ними — *вся* моя жизнь. Я не только поверила их святой жизни — я захотела следовать за ними всей верностью моего сердца. Их помощь, их милосердие, их любовь — это *вся* святыня, которую я имею в жизни. Я приветствую вас, дорогого вестника, благодарю вас за счастье, потому что выше радости, чем письмо Франциска, вы мне подать не могли.

Я вынул из своего большого кармана сумку, в которую Франциск вложил красный платок с письмами. Я взял в руки этот священный для меня пакет и молча сосредоточил все мои мысли на том моменте, когда Франциск молился у красной чаши о чистоте своих рук прежде, чем сел писать письма. Я старался мысленно соединиться с его сердечной добротой, призвал имя моего великого покровителя Флорентийца и только тогда достал его письмо с лоскутом.

— Франциск приказал мне обтереть личико вашего больного сына тем лоскутом, что он вложил в конверт, если я буду в силах слиться с его добротой и любовью. Я всеми силами собственного сердца стараюсь соединить свою волю и бесстрашно зову его мощь, моля его присоединиться к моим слабым силам. О, если бы вместо моей слабой руки вашего сына коснулась рука Учителя И., как был бы я счастлив! Я был бы уверен, что миссия Франциска будет выполнена, что ваш милый мальчик будет не только здоров сейчас, но здоров навсегда.

— Дорогой брат, что же мечтать о несбыточном? Учителя И., благословенного моего спасителя, не может быть здесь сейчас. Если бы он здесь был, всем сердцем верю, он навестил бы меня. Когда он привёз меня сюда более семи лет назад, он приказал мне жить в полном уединении и даже не выходить к общим трапезам. Я так и делаю. И все эти годы я была счастлива, спокойна. Всё шло хорошо. Но вот стал подрастать мой сынок и теперь часто спрашивает меня, почему мы не ходим в трапезную, как делают его сверстники. И я не знаю, что ему отвечать. Все годы моего безмятежного счастья и мира здесь теперь сменились днями сомнения и слёз. Неужели мой грех падёт на моего ребёнка? Неужели его невинное детство омрачится какой-то отъединённостью от всех других? Он такой впечатлительный и нежный мальчик. Он часто бывает молчалив и задумчив, печально смотрит куда-то вдаль, точно пытается разрешить в своей детской головке недетские мучительные вопро-

сы... Не будем же мечтать о чуде, которое невозможно. Мой дорогой брат, будем делать. Чисты ваши руки, чисто ваше сердце, если Франциск послал вас своим гонцом. Соединим наши молитвы, и бодро, в полном бесстрашии и радости оботрите моего сына. Нет счастья выше той помощи, какую один человек может оказать другому, являясь для него вестником радости от великого Светлого Братства.

Мы опустились на колени у изголовья больного мальчика. Я старался понять великую силу материнской любви, забывающей страх и сомнения, забывающей совершенно о себе и помнящей только нужду бьющего часа жизни ребёнка и интуитивно проникающей в Мудрость, указывающую путь к помощи.

Я погрузился в мысли о Флорентийце, я звал И., я молил его услышать мой зов. Не знаю, долго ли длился мой экстаз мольбы, но очнулся я оттого, что женщина схватила меня за руку и испуганно вскрикнула:

— Что это? Может ли это быть? Или я брежу?

Лицо её было бледно, встревоженно, рука, которой она меня схватила, была холодна. Весь вид её, взволнованный, растерянный, даже несчастный, вызвал в моей памяти образ бедной беспомощной Жанны, когда я впервые увидел её с двумя маленькими детьми, которых она обнимала, сидя на палубе парохода. Вытолкнутый внезапно из моего глубочайшего экстаза, точно сорванный с вершин и брошенный на землю, я не мог сразу понять ни её слов, ни причины её расстройства. Повернувшись по направлению её неподвижного взгляда, я увидел И., стоящего в дверях и ласково улыбающегося нам.

— О, И., дорогой мой друг и Учитель! Вы услышали мой зов, мою мольбу, — бросился я к нему и обнял моего милосердного покровителя.

— Я пришёл, Лёвушка, чтобы навсегда объяснить тебе *первое* ученическое правило: «*Всегда будь готов*». Оно неизменно для всех веков, всех миров Вселенной и для всех человеческих сознаний, в какой бы форме и в какой бы атмосфере, в какой бы современности они ни жили, если они идут ученическим путём. В полном бесстрашии, в полной уверенности надо выполнять задания Учителя, как бы и кто бы тебе их ни передал. Сосредоточь мысль свою, как тебя учил Франциск, возьми его лоскут и оботри мальчика. Исполняя *всякое* поручение Учителя, *можно* выполнить его только совсем забыв о себе, о *своих* личных качествах и думая только о том человеке, к *которому* послала тебя любовь Учителя. Возьми в руки письмо, слей свою энергию с добротой Франциска и оботри мальчика. Помни, что только радость и уверенность могут составить тот чистый мост, по которому *прольётся* исцеляющий ток силы *того, кто* послал тебя своим гонцом.

Я взял конверт из рук безмолвно стоящей женщины, прижал его к устам и сердцу. Я ощутил необычайную теплоту и аромат, исходившие от письма, и самое письмо показалось мне светившимся. Я вынул из конверта лоскут, вид которого я отлично помнил, — он был красновато-оранжевого цвета, когда его подавал мне Франциск, — теперь он казался мне пылающим. Как бы кусок огня держал я в руке. Но в моём состоянии восторга, высшего вдохновения и счастья я едва обратил на это внимание.

Вновь став на колени у изголовья больного, я обтёр его личико пылавшим лоскутом, перекрестил им его, произнеся: «Блаженство Любви, Блаженство Мира, Бла-

женство Радости, Блаженство Бесстрашия да обнимут тебя». Я взял ручки мальчика и протёр его ладони, обтёр его тельце и ножки и заметил, что кусок огня становится всё меньше и меньше, и, когда я вытирал второй маленький следок ножки, он окончательно растаял в моей руке. Окончив свой труд, я встал с коленей.

И. осторожно закрыл мальчика лёгкой кисеёй и, повернувшись к матери, сказал:

— Почему ты так удивлена, мой милый друг Ариадна, моим появлением? Разве я не обещал тебе, что приеду? Разве ты забыла, что я обещал тебе встречу, если ты выполнишь все условия, которые я тебе поставил, не как иго и бремя, а как радость, видя в них защиту тебе и твоему сыну? Ты выполнила всё, даже плакать было перестала, вспомнив об этом милом занятии только в самое последнее время.

И. ласково улыбался, и в глазах его поблёскивали те юмористические точечки, которые были мне так хорошо знакомы. Ариадна всё ещё стояла в столбняке, очевидно считая просто появление И. в её комнате величайшим чудом из чудес, объяснения которому она не находила.

— Полно, друг, приди в себя. Нет чудес на свете, есть только ступени знания и ступени духовного развития человека. Чем выше в нём любовь, тем дальше он видит и тем ближе ощущает свою тесную связь с людьми и их путями. В первое своё свидание со мною ты так же считала чудом нашу встречу. А между тем она была тогда, как и теперь, только результатом *твоего* созревшего духа, который мог тогда и может сейчас продвинуться в новую, высшую ступень откровения. Очнись и выслушай внимательно всё, что я тебе скажу.

И. отвёл женщину от постели ребёнка, посадил её на стул в глубине комнаты, велел мне сесть рядом и сам сел на скамью.

— В эту минуту, дорогая сестра, ты стоишь на перекрёстке дорог. У каждого человека земли бывают минуты, когда он подходит вплотную к скрещивающемуся перед ним узлу дорог. Чем ниже сознание человека, тем этих дорог больше, тем иллюзорные краски ярче и сильнее увлекают его. И внимание его разбрасывается по многим путям, он не имеет сил выбрать себе те пути, по которым могло бы идти его высшее духовное «Я». Когда начинается внутреннее раскрытие сердца человека, его желания перестают быть грубыми и многочисленными, он становится способным признать в другом важность и ценность *его* жизни. Дальше он думает уже о равенстве своём с окружающими, и число дорог всё уменьшается. Наконец, *каждый* человек — рано или поздно, тем или иным путём — приходит к перекрёстку четырёх дорог: жажды счастья, жажды радости, жажды славы, жажды знания. Но все огни, на всех дорогах горят одним ярким и коротким словом: «Я». Здесь зарождается первое индивидуальное творчество человека, свойственное ему одному, переносящее его *иногда* в моменты гармонии, то есть вдохновения. Здесь *изредка* он слышит голос высшего своего «Я» и находит счастье в творчестве. Дальнейший путь приводит *каждого* к перекрёстку трёх дорог: Счастье, Знание, Мудрость. К этому моменту каждого человека приводит самоотверженная любовь. Самой разнообразной может быть эта форма любви. Не важна форма, важен дух человека, поднявшийся в высоту самоотвержения и пролитый в труд дня. Мать ли то, герой ли, отдающий жизнь за Родину, деятель ли, создающий политику любимой Родины, вождь ли народа, лекарь или повар, швея или художник — всё не имеет значения. Лишь

суть порывов самоотверженного творчества сердца важна, ибо только *она остаётся* в записи вечного труда человека. Двигаясь дальше, человек видит уже две дороги: Счастье и Мудрость. И в конце пути всё, что он выработал, всё, что он вынес из костра борьбы и мук своего «Я» сливается в *одно* счастье знания: *Мудрость*. Путь твоих страданий и трудов подвёл тебя сейчас к перекрёстку трёх дорог. Не думай, что кто-нибудь или что-нибудь извне может указать тебе, на которой из них горит Свет. Сами по себе, все дороги темны. Их освещает только Свет в *тебе*. И этот Свет не признак, по которому *тебя избирают*, но *сила*, раскрывающая двери, которые *не могут* устоять под напором струй твоего сердца. Та дорога, на которую вступает каждый, имеет невидимую дверь, вводящую в высшую ступень дух человека, и видимые всем крушения его внешнего благополучия. Что же говорит надпись над твоей дверью, видимой чётко мне и не видимой никому другому? Надпись над дверью, закрывающей вход на твою высшую дорогу гласит: «Пройдена Голгофа, где стопы ног омыты кровью сердца. Входи в общение с людьми, ибо дух твой устойчив и энергия твоя созрела к общему труду и благу, то есть к труду на общее благо». Теперь в течение нескольких дней мальчик твой будет болен. Тебе придётся посвятить ему всё внимание. В уходе за ним изживётся твоя последняя заноза: страх за жизнь сына. В эти дни поймёшь, что какой-либо страх — это недостаточная верность Учителю. Будь спокойна, лекарств ребёнку не надо никаких. Он будет почти всё время спать. И что бы с ним ни происходило, даже если бы тебе казалось, что он спит мёртвым сном, что он не дышит, помни одно: Учитель сказал, что сын твой будет жив. Пока ребёнок болен, ты меня не увидишь, но когда он поправится, я приду и сам поведу вас обоих в трапезную. Помни же, храни мир и будь бесстрашна, ибо от твоего состояния в значительной степени зависит урок, проходимый твоим сыном.

И. простился с Ариадной, но предварительно велел мне пойти в ближайший душ и возвратиться к Ариадне. Я был рад этому приказанию. Я изнывал от жары и пота, катившегося с меня струями. В душе я увидел брата, поразившего меня тем, что он точно ждал меня. Он безмолвно взял моё платье и подал мне свежее, также как и чистые сандалии. Я только сейчас заметил, что безукоризненно чистые, когда я их надевал, сандалии мои были сейчас серыми от пыли. Мне казалось, что я уже научился ходить, не поднимая ногами пыли; но, очевидно, под тяжестью я ещё не умел ходить легко.

Когда я возвратился к домику Ариадны, она стояла в дверях и смотрела сияющими глазами на И. Я никак не мог бы признать в этом молодом и очаровательном существе ту женщину, которой я принёс её сына, если бы И. не стоял рядом с ней. И. простился с Ариадной, взял меня под руку, и мы быстро зашагали по аллее.

— Надо торопиться, Лёвушка, сейчас мы пройдём прямо к Раданде, у него пробудем немного и вместе с ним отправимся в трапезную. Там я поговорю ещё с некоторыми братьями и сёстрами, а по окончании обеда помогу тебе разнести письма Франциска. Если успеем, доберёмся и до старца Старанды.

Идти рядом с И. было блаженством. Я и раньше замечал, что с него никогда не катился пот, что внешний вид его был всегда прекрасным, и того безобразия катящихся струй пота, от которого я так страдал, я на нём никогда не видел. Но сего-

дня, в эту нестерпимую жару, когда, казалось, каждое дерево жжёт, а не посылает прохладу, от И. шла ко мне, точно от ручья, охлаждающая струя. Только я было приготовился спросить его об этом чародействе, как нам повстречался тот брат-подавальщик, что приходил за нами, приглашая нас в первый раз в трапезную Раданды.

— Отец-настоятель послал меня к тебе, Учитель, спросить — не нужен ли я тебе? Не надо ли помочь друзьям твоим в чём-нибудь? Быть может, я могу заменить уехавшего слугу Яссу?

Я пристально смотрел на него, и снова для меня был сюрприз: всё трагическое исчезло с его лица. Он улыбался ласково и весело, точно волшебная палочка унесла всё печальное с его лица. Я протёр глаза, чем насмешил всё подмечавшего И., и должен был убедиться, что лицо брата-печальника стало весёлым лицом доброго человека.

— Спасибо, друг, что ты поспешил выполнить приказание отца-настоятеля. Я и Лёвушка уже привели себя в полный порядок. Но вот о чём попрошу: зайди к нам в дом, оповести всех, чтобы прибрались и через двадцать минут собрались на крыльце. Скажи им, чтобы меня не ждали, но шли за тобой к настоятелю, где я буду их ждать.

Брат поклонился и свернул в боковую аллею. Я понял, хотя не мог отдать себе отчёта, как именно, что причиной радости брата и перемены в нём был И. Но я уже научился не задавать таких вопросов, стал думать, не упустил ли я сам чего-нибудь из своих обязанностей, и вдруг… Вспомнил об Эте.

— Боже мой, где же моя бедная птичка? Неужели голоден до сих пор мой птенчик? И где он сейчас? И., миленький, пустите меня, я побегу его отыскивать.

— Успокойся, твой Эта провёл отлично ночь с Мулгой, а утром его взял к себе Раданда. Твой неблагодарный птенчик увлечён сейчас новым другом. Раданда хорошо понимает птичий язык, и Эте это кажется пленительным. Поэтому он не только не скучает, но даже и забыл о тебе.

И. смеялся, глаза его искрились юмором, а... у меня в сердце шевельнулось нечто, похожее на огорчение.

— Почему же ты вдруг глядишь таким печальным постником? Неужели тебя огорчает, что птенчику твоему без тебя хорошо и весело? Ты предпочёл бы, чтобы он проливал слёзы в разлуке с тобой?

— Нет, И., мой дорогой наставник. Я бы, конечно, не хотел, чтобы кто бы то ни было пролил хоть одну слезу обо мне или из-за меня. Но... но... если бы мне пришлось расстаться с вами, я не ручаюсь, что у меня хватило бы сил не плакать, как я когда-то плакал, расставаясь с Флорентийцем.

— Это было бы очень печально, дорогой мой сынок, это значило бы, что время и пространство физические ещё владеют тобой, а духовная близость не стала твоим дыханием, твоею жизнью серого дня, твоим трудом в нём. Для тех, кто слил своё сердце и сознание со своими любимыми, кто видит не облик, физически близкий самому себе, но вечный путь того, кого любит, уже не существует ни разлуки, ни разъединения. Для него существует только радость сотрудничества, радость полной гармонии, не зависящей от того, видят ли друзей физические глаза или их видят очи духа, очи Любви. Если ты ещё стоишь у того перекрёстка, где есть

иллюзия *осязаемой* формы любви, ты не сможешь найти устойчивого мира. Потому что мир сердца растёт на единственном основании: *всё, вся* Жизнь *в себе*. И в каждом человеке, кто бы он ни был — муж, жена, брат, дитя, друг, — надо научиться поклоняться *этой жизни*, чтить *её* и освобождать своею любовью путь к *ней* в каждом любимом существе. И нет исключения из этого правила ни для одного человека, в какой бы форме бытовых отношений он ни жил.

Я всем существом внимал словам И., но... Впервые мне казались его слова недосягаемыми для человека, простого смертного, каким был я...

И. ласково посмотрел на меня и по обыкновению прочитал до дна мои мысли и чувства.

— Мера вещей, Лёвушка, меняется параллельно крепнущему духу человека. И то, что кажется нам недосягаемым сегодня, становится простым действием серого дня завтра. Это завтра растяжимо для каждого человека по-своему. Оно так же индивидуально неповторимо, как и весь путь человека. Для одного — мгновения, для другого — века. И в течение этого завтра вся жизнь делится на этапы героических напряжений духа человека. Но *сила* каждого, та сила, что *продвигает* его самого и *через* него энергию Учителя в его окружение, достигается человеком тогда, когда всякое героическое напряжение, трудное, воспринимаемое как подвиг, становится лёгким и простым, привычным трудом. Не допускай никогда, дитя моё, унылого чувства «недосягаемости» перед чужим величием духа. Всегда радостно благословляй достигшего больше твоего и лей ему свою радость, чтобы ему легче было достигать ещё больших вершин. Проще, легче, выше, веселее. Эти слова Али — целая программа для каждого. В этих словах усматривай, что высота духа не иго, не отречение и не подвиг, а только полная гармония. Она выражается в постоянной, ни на минуту не нарушаемой радостности. Радостности именно потому, что человек *живёт в Вечном*. А живя в Вечном, он видит это Вечное во всех мирах, где он сам *гостит* в тот или иной момент своего духовного и физического роста.

Мы подошли к сторожке Мулги, который радостно приветствовал нас и немедленно доложил мне, что Эта живёт у настоятеля в его покоях и трапезной и бегает за ним, с трудом разлучаясь. Когда же, подчиняясь приказанию Раданды, должен остаться дома, то усаживается на кресло настоятеля, к полному смущению келейников, и никого к себе не подпускает, обнаруживая весьма строптивый нрав. Я представил себе эту картину борьбы Эты с келейниками, это нарушение тишины в чинных покоях настоятеля, и мне представилась в таком виде вся эта сцена, что от комизма её я залился смехом, сам забыв о чинности места. С трудом я совладал со своим мальчишеством, и то не без укоризненного взгляда И.

Не успел я стать воспитанным, как услышал радостные вопли Эты, мчащегося ко мне через дворик. Во многих окнах появились лица, но, к моему счастью, ласково улыбавшиеся. Никто не посылал мне упрёка ни за мой смех, ни за беспокойное поведение моего белоснежного друга. Я ждал, что Эта немедленно очутится на моём плече, но, видно, ряд удивляющих сюрпризов на сегодня ещё не закончился.

Не добежав до нас шагов трёх, проказник остановился, распустил свой хвост — кстати сказать, я впервые увидел, как вырос, какой царственной красоты и велико-

лепия этот хвост, — высоко поднял свою прелестную головку, затем низко-низко склонился к земле, почти касаясь её своим хохолком.

Поражённый этим невиданным фокусом моего друга, я, конечно, не замедлил вспомнить прежнее время и превратился в полном смысле слова в «Лёвушку — лови ворон». Эта отдал свой первый поклон И., затем выпрямился и точно так же поклонился мне. Затем, сочтя, что он достаточно познакомил меня с новым воспитанием, которое получил в Общине, закричал довольно пронзительно и тут уж дал волю своей радости свидания со мной. Он бросился на меня, я исчез под его крыльями, он скакал по моим плечам и рукам, тормошил клювом мои кудри, словом, он добился желанного результата: я был растрёпан, весь в поту, одежда моя была мокра и измята, а вокруг меня образовалось кольцо смеявшихся людей. Я был совершенно смущён и бессилен унять темпераментные восторги Эты. Наконец, натешившись вволю и, очевидно, утомившись сам от гимнастических упражнений, Эта уселся на моё плечо. Я стоял весь красный, но не успел подумать о своём внешнем виде, так как увидел Раданду, от души смеявшегося проделкам Эты, и услышал его слова:

— Ну, брат Эта, и осрамил же ты меня. Я хотел похвастать своими воспитательными талантами, а ты вон что преподнёс! Кто же теперь поверит, что я хороший воспитатель?

Голос Раданды звучал ласково, от него шло во все стороны сияние, и снова он казался мне шаром. Не знаю, что понял Эта из слов Раданды, но он соскочил с моих плеч, подбежал к Раданде и отдал ему глубокий поклон.

— Ну, хорошо, это мне благодарность за то, что я обучил тебя хорошим манерам. Но надо извиниться перед хозяином за то, что ты его растрепал, — протягивая руку над головой Эты, сказал Раданда.

Эта повернулся и, жалобно глядя на меня, не распуская хвоста, поклонился мне, точно моля о прощении. Его поведение вызвало новый взрыв весёлого смеха окружающих и новую реплику Раданды:

— Теперь отправляйся и покажи своему хозяину дорогу в ванну. А как ударит гонг, ступай к Мулге, веди себя прилично и жди, пока Лёвушка за тобой не придёт. — Раданда говорил и поглаживал спинку приникшего к нему Эты. — Скоро будет удар гонга, спеши.

Мне показалось, что какие-то искорки бегали под рукой Раданды, я подумал, что это его мысли, которые понимает Эта. Повернувшись ко мне, павлин подёргал меня за платье и побежал через дворик, следя, иду ли я за ним.

Несколько оправившись от конфуза, я пошёл за Этой и очутился в таком же душе, каких видал немало в саду. Но вода здесь была не так прохладна и обстановка несколько комфортабельнее. Келейник Раданды дал мне свежее платье и обувь и удивлялся, как это я мог справляться с такой своенравной птицей и даже научить её кланяться. Я не успел ему ничего ответить, так как раздался удар гонга. Эта вскрикнул и убежал к Мулге, дверь соседнего со мной душа открылась, и оттуда вышел И. Должно быть, занятый своим конфузом, я не заметил, когда И. вошёл в душ. Мы вместе вышли и прошли в покои Раданды, где я был в первый раз.

Комната, куда мы вошли, была большая и светлая. В ней стояли высокие застеклённые полки с книгами. Кое-где стояло с десяток небольших изящных белоснежных столиков, так чудесно отполированных, что казались костяными. На некоторых из них лежали стопочками книги и тетради, точно за ними только что занимались и сейчас вернутся продолжать свой труд. У меня мелькнул в памяти образ профессора Зальцмана, которому так хотелось поехать с И. Я понимал его печаль от разлуки с И., хотя хорошо запомнил последний разговор, состоявшийся по дороге от Ариадны.

Раздался второй удар гонга. Вместе с ним все друзья нашего отряда — те, с которыми мы расстались утром, и те, кого я покинул в школе, — вошли в комнату, введённые братом, что превратился в весёлого. Бронский и Игоро пришли возбуждённые. Поздоровавшись с Радандой, они сразу подошли ко мне, и Бронский сказал:

— Если бы я хотел описать вам, Лёвушка, всё то, что мы с Игоро видели, то мне пришлось бы написать целый толстенный том. Кто мог бы себе представить, что в пустыне есть жизнь, что это не жизнь дикарей, но жизнь величайшей культуры, до которой ещё не дошло человечество городов.

Раздался ещё удар гонга, к нам подошла Андреева, и мы услышали чёткий, спокойный голос И.:

— Я напоминаю вам, друзья, что в трапезную надо войти в полной сосредоточенности, соблюдать в ней молчание и думать о вековых путях людей. Старайтесь вникать в ту суть человеческих судеб, которую *не* видите, и не рассеивайтесь на наблюдения внешних форм. Не оставайтесь созерцателями «чужих» жизней. Сливайте всё самое лучшее, на что вы способны, с сердцами тех, кого видите в труде достижения высшей ступени духовной культуры.

Раданда напомнил нам, чтобы мы заняли те же места, что были нам указаны в первый раз.

— Лёвушка, — шепнула мне Андреева, — у меня так много нового понимания вашего пути за это утро, что я ещё раз должна просить у вас прощения за моё прежнее ироническое отношение к вам.

— Дорогая Наталья Владимировна, во-первых, я уже давно забыл всё то, что было, а во-вторых, с тех пор вы проявили ко мне так много ласки и внимания, что они покрыли с лихвой все неприятные минуты, если они и были. Всё, чего бы я желал сейчас, — стоять так высоко в своём самоотвержении и силе внимания, как это делаете вы.

Раздался третий удар гонга, келейник подал Раданде его посох, и мы пошли в трапезную, как и в первый раз. Братья распахнули широченные двери, мы вошли в зал, уже наполненный людьми, и сели на свои места. Я сразу же увидел Всеволода и узнал многих из тех, кого приметил утром в его столовой. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы собрать свои мысли. Во мне всё вспыхивало воспоминание о трёх фигурах, о виденном здесь их страдании и обо всём здесь пережитом. Это привело меня к совершенно новому пониманию и преклонению перед величием и ужасом человеческих путей. Я должен был констатировать факт, что всё новое знание не помогло моей мысли стойко фиксироваться на чём-то до конца. Мысль, как плохая нитка, ежеминутно рвалась. Наталья Владимировна почувствовала мои усилия, несколько раз слегка меня толкнула и прошептала:

— Постарайтесь не мешать И. сосредоточиться.

Она попала в точку. Я сразу понял, в какой бездне эгоизма и самонаблюдения я кружился, вместо того чтобы действовать и прибавлять свои маленькие силы к великому труду И. Я взглянул на моего дорогого воспитателя и поразился: опять я видел И. новым.

Он был глубоко сосредоточен. Он точно молился или призывал какие-то высшие силы себе на помощь. Невольно я посмотрел на Раданду, смеющееся лицо которого осталось последним впечатлением о нём в моей памяти. Сейчас глаза мои наткнулись на неведомого мне Раданду, хотя за это короткое время я видел самые разнообразные чувства на этом лице.

Раданда сидел неподвижно, шар его цветных огней играл ярче, но лицо было лишено всякого выражения, точно он напряжённо слушал что-то, приходившее издали, да так и застыл.

Как я ни старался оторвать взгляд от этих двух лиц, глаза мои снова и снова обращались к ним. Вдруг Раданда слегка вздрогнул, лицо его ожило и засияло обычной ласковой добротой, цветные огни его шара засияли ещё ярче. Глубочайшая сосредоточенность сошла с лица И., от него побежали точно струйки Света во все стороны, и даже в зале, мне показалось, стало светлее.

Я и не заметил, что дело дошло уже до фруктов, что первые два блюда были унесены с моего стола нетронутыми. Весёлый брат-подавальщик пододвинул мне тарелку с фруктами, на которой принёс мне ещё и кусок сладкого пирога и фиников, думая, по всей вероятности, что еда была мне не по вкусу. Через минуту он подал мне чашку дымившегося какао и сопроводил её таким молящим взглядом, что я кивнул ему и сейчас же принялся есть. В мгновение ока все мои тарелки оказались пусты, и только сейчас я понял, что голоден и был бы не прочь начать теперь с каши. Усердно подбирая последние крошки пирога, я встретился взглядом с Радандой. Бог мой, как я переконфузился! В глазах старца было столько ласкового юмора, что я чуть не подавился взятыми в рот крошками. Точно школьник, накрытый на месте преступления, я опустил глаза и не решался больше их поднять.

Тем временем в трапезной воцарилась мёртвая тишина. Я почувствовал движение И., посмотрел на него и увидел его стоящим.

— Сегодня, друзья, для многих из вас последний день жизни в Общине. Не поддавайтесь той печали, которая закрадывается некоторым из вас в сердце. Гоните страх и опасения, что не сможете приспособиться к жизни мира, от которого давно отвыкли. Оставьте всякие колебания и опасения и унесите с собой три простых завета. *Первое,* что должно лечь в основу *каждого* дня, *каждого* вашего дела, — это мысль о *Светлом Братстве*. За что бы вы ни брались, вы должны ясно и точно отдать себе отчёт: являетесь ли вы *помощниками* в выполнении трудового *плана* Светлых Братьев или ваш собственный эгоизм руководит вашими побуждениями к труду. *Второе — цельность до конца,* до конца отдача *внимания* каждой задаче, какую вам укажет Светлое Братство. Есть миллионы путей, которыми оно может прислать вам свои задания. Никогда не смотрите на *путь,* примчавший к вам весть, внимайте *вести* и выполняйте *её*. Но что значит, по мнению Светлого Братства, *выполнить* весть? Поверить, что задача *указана* вам и мето-

дически выполнять её? Нет, это значит отдать такую любовь указанному заданию, чтобы дух человека жил в упоении, чтобы не было простого серого дня, где с напряжением вы будете героически выполнять трудное дело, всё время думая, как много забот выпадает на вашу долю. Только тогда вы останетесь *верными* Общине и Светлому Братству, когда задача дня будет вам *легка как радость*, а не как беспокойство и забота. *Третье*, что унесите с собой как завет — *мужество и такт*. Никогда не произносите слова, пока полное самообладание не приведёт вас к мысли: человек, что жалуется или сетует мне, стоит на той точке *своей* эволюции, где ему ещё не открылось, что *всё* — в себе. Что он сам сотворил всю свою земную жизнь прежде, творит её и сейчас. И только тогда ищите мужества в себе дать самый благородный ответ на самый низкий вопрос, самую недостойную жалобу. Сегодня все те, кого настоятель ваш оповестил, соберитесь к пяти часам в его домике на острове. А как взойдёт луна, вы уедете. В оазисе Дартана вам дадут платье и всё необходимое для дальнейшего путешествия. Пока же не тратьте времени на прощания и сожаления о разлуке, соберите самое малое количество вещей, чтобы не быть рабами их в пути.

И. поклонился и сел, а Раданда встал, благословил широким крестом всех присутствующих и сказал:

— Тем, кого я оповестил, я скажу своё прощальное слово в пять часов. А вы, дорогие братья, вспомните, что многие из вас уже не раз провожали партии своих друзей в далёкий мир, не раз сознавали, что многие опередили вас в готовности к труду и действию, и всё же вы лениво дремлете в духовном сне. Пробудитесь, друзья! Лень и медлительность много хуже торопливости. Они подобны смерти, так как в них не дух растёт, освобождённый, самоотверженный, но личность, ищущая себе той или иной формы, того или иного оправдания, чтобы расти и закрепощать дух в желаниях и страстях. Идите, дети мои, и подумайте ещё раз, сколько вы упустили случаев встать в ряды самоотверженных слуг творящего в мире Светлого Братства.

Снова все братья стали выходить, отдавая поклон Раданде и нам. На этот раз трапезная опустела быстрее. Одни торопились, чтобы поспеть к пяти часам закончить дела в Общине и уложиться, другие спешили, чтобы помочь уезжавшим, и только немногочисленные фигуры, унылые и понурые, не разделяли общего возбуждения и равнодушно шли, точно ничего не замечали и не слышали.

Когда все вышли, Раданда пригласил нас к себе. Но И. ответил ему, что сам он пойдёт со мной по делам Франциска, Бронский и Игоро должны сейчас же пойти домой и записать всё то, что они видели утром, Лалии и Нине необходимо спешить с разборкой книг, Терезита не выполнила и трети своей дневной программы и только Никито, Андреева и Герда могут пойти с ним в его чудесную библиотеку, где он сам даст каждому из них работу.

Снова расставшись с друзьями, в сопровождении Бронского и Игоро мы пошли в наш домик за письмами Франциска. Пачка писем была довольно большая, объёмистый пакет старцу Старанде лежал в самом низу. Я стал сомневаться, чтобы мы могли обойти всех до пяти часов, когда — я был уверен в том — И. должен был присутствовать в домике настоятеля. Но вопросов я не задал, завернул платок Франциска в салфетку, вложил всё в сумочку и стал ждать на крылечке И. Снова только сейчас я

вспомнил об Эте, но на этот раз уже беспокоился не о его судьбе, а скорее о настроении бедных келейников, которые попадали, вероятно, в положение вроде моего во дворе трапезной.

И. Вскоре вышел и повёл меня по густой аллее, параллельной той, по которой мы въехали в Общину. Шли мы по ней довольно долго, она стала отклоняться вправо и привела нас к широким воротам и высокой ограде. Ворота были заперты. И. ударил молотком по железной плите, вделанной в ворота. Через окошечко старческий голос спросил, кто не вовремя идёт. И. ответил ему что-то, чего я не расслышал, окошечко захлопнулось, и торопливые шаркающие шаги направились к калитке, которая тотчас и открылась.

Монах, открывший нам дверь калитки, был очень стар. Лицо его, всё в морщинах, было беспокойно. Глаза, суетливые жесты и протестующие нотки в голосе — всё наводило меня на мысль, что перед нами строптивец.

— Как это необыкновенно удачно, друг Старанда, что сегодня ты дежуришь у ворот. Именно тебя нам и надо.

— Именно меня вам и надо? Хотел бы я знать, почему это вы входите именем великого Учителя, а не знаете, что в нашем отделении сейчас мёртвый час и все отдыхают. Что же Учитель вам не сказал нашего распорядка? Да и мало того, что вы сами пришли не вовремя, вы и младенца привели. Это что же, ваш любимчик? Или вы вообразили, что я буду разговаривать с вами о священных для меня вещах при этаком неосмысленном мальчугане? Чудно, право, лет вам, пожалуй, около тридцати, а такта ни на грош не приобрели.

Голос старца и вся его повадка напоминали школьного учителя младших классов, распекающего провинившегося школьника.

— Ну, чего же вы молчите? Ведь не для того, чтобы в молчанку играть, вы сюда явились? — Он не предложил И. сесть, но уселся сам на деревянную скамью у круглого стола. — Никакого почтения к старости и её покою! Ну времена, ну воспитание! — всё бормотал он себе под нос, однако достаточно громко, чтобы быть услышанным.

Мне казалось, что я уже забыл, как люди раздражаются. Но в эти минуты я готов был по-старому закричать, затопать ногами, чуть ли не расплакаться. Я прилагал все усилия, чтобы сдержаться, обливался холодным потом, но, по всей вероятности, из моих усилий ничего бы не вышло, если бы не помощь И. Он положил мне руку на плечо, взглянул — точно просветил мне мозг и сердце, — и я сразу опомнился. Я понял, что я думал о себе, о мнимом унижении моего дорогого Учителя, а не о несчастном старце, не имевшем сил *увидеть, кто* был перед ним. Я осознал, что и я застревал в эти минуты в тупике духа, поддаваясь личному восприятию момента, а не глубочайшей любви, в которой я поклонялся Вечному в человеке.

— Бедный, бедный Старанда! Когда Франциск спас тебя и прислал сюда, ты дал ему клятвенное обещание, что не нарушишь мира в Общине. Мало того, ты обещал ему вносить мир в каждую встречу, в каждое дело, что тебе дадут. Первые три дня всё шло хорошо...

— Постойте, постойте, молодой человек. Вы откуда это знаете? Не верю я, чтобы Франциск вам рассказывал тайны моей жизни. Вернее, настоятель вам насплетничал на меня. Ну и хорош!.. Стоять во главе, да этак вести себя...

Старанда, вероятно, ещё продолжал бы свои излияния, но глаза И. сверкнули, голос был тих, но так властен, что старец выпучил на него свои злые глаза.

— Сиди молча и не прерывай моих слов до тех пор, пока я не разрешу тебе говорить. Слушай внимательно, несчастный человек. Вдумайся в ужас своего поведения и измени его, или тебе придётся покинуть и этот скит, как пришлось покинуть Общину и как до Общины приходилось покидать все места мира, где ты только ни жил. На три первых дня жизни в Общине хватило твоей мудрости и доброты, чтобы не спорить и не ссориться с окружающими. Дальше ты изводил своими нравоучениями каждого, с кем имел дело. Будучи полным невеждой, нахватавшись вершков и корешков каких-то знаний, ни в одном из которых ты не умел соединить того и другого, ты всех учил, к какому бы труду тебя ни приставили. Результат твоих рационалистических предложений, несмотря на все разумные советы и даже запреты людей знающих, был всегда один: ты ломал дорогостоящие станки, портил великолепные стволы пальм, вредил посевам, целые чаны краски для циновок и ковров превращал в негодное месиво и так далее. И во всех делах ты уверял себя, что ищешь, как проще, легче и веселее жить. Ты не видел, как лица всех, к кому ты приближался, становились печальными и озабоченными, как всюду водворялась нудная скука. И только три человека тебя ласкали... Ты сам знаешь, какой страшный урок ты прошёл здесь, в Общине, какой ценой своей высокой любви тебя спас Раданда и заключил в этом недоступном покровительствовавшим тебе трём фигурам скиту...

И. помолчал, точно ему было тяжело продолжать. Старец, сидевший вначале выпучив глаза — глаза протестующие, дерзко глядевшие на И., — теперь сидел сгорбившись, избегал взгляда И. и напомнил мне своей согбенностью три зловещие фигуры в трапезной Раданды...

— Разве сейчас ты не отдаёшь себе отчёта, как ты катишься всё ниже? Неужели ты дойдёшь до пределов меры вещам, и, несмотря на все усилия любви Франциска, Светлому Братству придётся прибегнуть к последнему средству спасения и укрыть тебя в тайной Общине?

Бедный старец вздрогнул, закрыл лицо руками и ещё ниже склонился над столом. Я понял, что он впервые за долгое время отдаёт себе отчёт, правильный и точный, в своём истинном поведении. Огромная жалость залила моё сердце, мелькнуло воспоминание о Генри, Строгановых. Я взмолился Флорентийцу и приблизился к И., стараясь слить свои маленькие силы доброты и самоотвержения с его мощью.

— Бедный Старанда, — ещё раз повторил эти слова И.

Но как по-иному они для меня зазвучали! Точно музыка всепрощающей любви, бодрящей, как привет доброты, донеслись до меня они и проникли до самого дна сердца. И несомненно, так же воспринял их Старанда. Он отнял руки от лица, моляще, благодарно взглянул на И., и несколько крупных слезинок скатилось по его морщинистым щекам.

— Франциск говорил тебе о двух вещах. Первое, что он старался тебе объяснить, — что каждый видит только то, что *дух* его — чистый или засорённый — *позволяет*

ему видеть. Второе, чего ты не мог усвоить, — что *все* действия человека куют его *связь* со всем миром. Как бы ты ни жил, *от*ъединиться от связи с людьми ты *не* можешь. Ты можешь только своим поведением труда в дне *ковать* ту или иную связь, *ткать* ту или иную сеть, в которую ловишь людей или ловишься сам. И такова твоя сеть — будет ли то сеть добра и любви или самоотвержения и красоты, будет ли то сеть эгоизма и раздражения — в неё ты входишь сам и вводишь встречного. Тобой ткётся та или иная атмосфера, атмосфера добра или зла. Нет ни добра, ни зла самих по себе. Существуют они лишь тобой, как и другими людьми, сотканные. Как и нет для каждого Бога, помимо того Величия, что дух его *может* постигнуть. Франциск говорил тебе, что все твои дела будут отчётливо видны Светлому Братству. Что *полная* запись твоих дел будет отражаться в хронике Вечного. Милосердие Франциска посылает тебе выписку из этой хроники за всё время твоей жизни здесь, то есть за весь тот период, что протёк с минуты твоего с ним свидания. Он говорил тебе, что ты должен каждый день жизни начинать благословением Вечного в человеке, ты же начинал его, составляя себе список, кого и чему ты должен «поучить», кого и как ты должен «пробрать». Иными словами, живя среди людей, всю жизнь «искавших» Бога, ты *действовал* с теми, кто видел только *человеческие* качества в людях, видел пятна на них, но ни разу не поднял очей духа к их Святая Святых. Потому ты и в себе не смог расширить свою Святыню, а всё суживал вход в собственный храм сердца. Юноша, чистоты рук и сердца которого ты не заметил, принёс тебе письмо и выписки Франциска. Уйди в уединение на семь дней. Постарайся радостной мыслью понять глубину любви Франциска и заботы Светлого Братства. Очисти налипшие на тебя привычки воркотни и раздражения и пойми, что *они* довели тебя до последней черты. У тебя есть ещё сейчас время. У тебя есть ещё выбор. Ты можешь ещё завоевать своё освобождение. Тебе дано долголетие, чтобы ты смог ещё сбросить с себя кучу предрассудков, которые закрепостили твою мысль и волю. Оставь свои навыки всех исправлять и воспитывать. И кривое деревце может доставить людям радость своей листвой и помочь своею тенью. Не на том сосредоточивай внимание, чтобы его выпрямить. Но чтобы ему, кривенькому, подставить палочку твоих радостных забот. Какой толк, встретив чужую жизнь, всё читать ей нравоучения? Кто может поверить, что ты любишь человека, воспитываемого тобою, если он видит в тебе постоянное раздражение, обидчивость, требовательность к себе? Разве слова могут убедить? Только живой пример может *увлечь* и пробудить в человеке его высшее желание следовать за тобой. Бессмысленны все попытки «воспитать» в человеке то, чем ты сам ещё не владеешь. И каждое твоё слово пронзит пулей сердце и мысли человека, если их посылала твоя истинная доброта.

— О, Учитель, теперь я узнал тебя. Ты тот чудесный брат, что спас нас в пустыне от песчаной бури. Боже мой, почему же я не узнал тебя сразу? Ведь я обещался по гроб жизни молиться за тебя, и я не молился. Даже не вспоминал тебя. И это, значит, я найду в выписке Франциска?

— Не огорчайся чрезмерно. Не теряй времени на раскаяние и уныние. Действуй, твори Духом своим, не старое, как факты, вспоминай. Но помни только, что *подход* твой к людям был неверный. Ты *мог* радовать и утешать, *мог* мирить и щадить, а ты огорчал и раздражал, высчитывал вины и наказывал.

Не укором звучал голос И. Но такой лаской сострадания, точно не было в этом *вины* Старанды, а была беспомощность человека, не имевшего дальнозоркости духа. И. подошёл к Старанде, беспомощно стоявшему и утиравшему с трудом удерживаемые слёзы.

— Этот юноша подаст тебе пакет. Ты найдёшь в нём письмо Франциска и письмо Али, которое я приложил туда, — И. обнимал старца и нежно гладил его по голове.

И как изменился Старанда! Старенький-старенький, весь дрожавший, приникший к И., точно слабый ребёнок, он был кроток... и добр. Под ласкающей рукой И. он становился всё добрее и кротче, всё милее и спокойнее.

— Простите мне оба. Я всё смешал, всё перепутал, всё забыл, что знал. А сейчас мне кажется, будто я и не жил, так пусто в моём сердце. Тяжесть недовольства из него ушла, а доброта ещё не пришла. Ох, пойму ли я её, доброту-то?

— Не только поймёшь, если будешь добр, но я уверен, что ещё при мне выйдешь из скита обратно в Общину и многим украсишь жизнь своей добротой. Ступай к твоему настоятелю, попросись в уединение и там прочти много-много раз всё то, что найдёшь в пакете Франциска. Передай пакет, Лёвушка.

Я вынул пакет. Всей доступной мне мощью мысли я звал Франциска и молил его помочь Старанде. Я просил его оставить старцу его платок, я верил, что святая доброта Франциска перейдёт с этой реликвией к мыслям Старанды и поможет его сосредоточенности. Я задрожал. Я увидел Франциска стоящим с красной чашей в руках, улыбавшегося и шептавшего мне: «Отдай, отдай».

Видение исчезло. Я стал уверенно разворачивать салфетку, вынул из платка все письма, кроме пакета Старанды, завернул их в салфетку и вложил в сумку. Свернув аккуратно платок, я поклонился низко старцу и подал ему пакет. Я взял его старенькую, маленькую ручонку и вложил в неё пакет.

— Платок этот Франциск приказал мне передать тебе, дорогой отец. В минуты самые трудные утирай им лицо, шею и руки и Воля-Доброта Франциска немедленно поможет тебе. Прости. — Я снова низко поклонился несчастному, всем сердцем сострадая ему.

— До свиданья, Старанда. Я буду навещать тебя в твоём уединении.

И. обнял старика, и через минуту мы шагали по аллее. Мне казалось, что прошёл не час времени, но целая вечность протекла, так я был разбит и бессилен.

— Соберись с силами, дружок, вот тебе пилюля Али. Давненько не приходилось тебе к ним прибегать. Из сегодняшнего опыта крепче осознай, как необходимо оберегать себя от раздражения. Твой дух и твоё тело уже слились в одно гармоничное целое. И раздражение выталкивает тебя из атмосферы выше тебя стоящих, к которой ты прирос. Невидимая тебе и только ощущаемая как мир и радость в минуты гармоничного состояния, эта атмосфера разрезается твоим раздражением, проводник твой опустошается, и ты смертельно страдаешь. Запомни этот опыт и больше ни к одной встрече не подходи лично. Думай всегда, зачем надобно Жизни, чтобы встреча твоя состоялась, ибо только Жизнь видит ученик перед собой, только её зов слышит во встрече.

И. усадил меня на скамью среди тенистых деревьев и сел рядом со мной. Довольно скоро моя слабость и головокружение прошли, пилюля Али восстановила

мои силы, и жара перестала мне казаться такой нестерпимой. Заметив, что дыхание моё нормально, что сердцебиение моё прошло, И. приказал мне омыться в душе, в пяти шагах от которого мы сидели.

Возвратившись из душа, где мне снова молча брат подал свежее платье, я чувствовал себя Голиафом. Всё же И. продержал меня в тени ещё минут десять, и только тогда мы двинулись дальше.

— Несмотря на то что сегодня тебя следовало бы пощадить, мы всё же выполним миссию Франциска до конца. Вскоре возвратится Ясса из своего более чем тяжёлого путешествия, и оно будет его последним подвигом в той ступени знания, в которую он посвящён. С его возвращением тебе прибавится дела: ты должен будешь ему переводить книги, которые я тебе укажу. Ясса не знает тех языков, которые ты изучил в Общине. Времени ему их изучить уже нет. Его рост за последнее время совершился так сказочно быстро, что следующая ступень посвящения сама открывает ему дверь. Сегодня ты закончишь миссию Франциска, а завтра начнёшь передавать письма Дартана. Я освобождаю тебя сегодня от вечерней трапезы. Вместо неё снесёшь мой привет двум сёстрам из оазиса Дартана, познакомишься с ними, и они будут помогать тебе в деле передачи приветов и посылок из оазиса. Держи в памяти сегодняшний опыт и слушай *только* зов Жизни, в какой бы внешней форме *Она* ни предстала перед тобой.

Мы довольно долго, вероятно около двух часов, путешествовали по Общине. Много разных фигур запечатлелось в моём сердце. И как я был счастлив видеть их! Это всё были лица радостные, ласковые, спокойные. Были и старые, и молодые. Были люди очень высокой культуры, поразившие меня своими манерами и образованностью, сквозившей в каждом слове, были и совсем простые люди, научившиеся грамоте и ремёслам в Общине.

Весь этот калейдоскоп лиц снова меня утомил, но утомил радостно, наполнив счастьем удачно выполненного поручения. Что меня особенно поразило — все эти люди благоговейно благодарили И. за совершённое когда-то их спасение.

Невольно я задумался, когда же и как успевал И. делать столько дел и удерживать в памяти образы людей в Индии, в Европе и Азии и, быть может, ещё в тех странах, о которых я и понятия не имел...

Мы возвратились домой. И. вызвал молодого брата, данного нам Радандой как проводника по Общине, назвал ему имена тех сестёр в оазисе Дартана, о которых сказал мне, и велел через час зайти за мной, чтобы проводить туда. И. провёл со мной этот час в своей комнате, где усадил в удобное кресло и кормил прекрасными фруктами.

— Сегодня, когда ты так разбил все функции своего проводника, ничего кроме фруктов не ешь. Если, возвратясь, почувствуешь голод, подожди меня, я захвачу тебе хлебцев от Раданды. Об Эте не беспокойся, я его приведу. Он ведь теперь элегантно воспитан.

В комнату постучал брат-проводник, И. дал мне письмецо и пакет сёстрам. Он ласково со мной простился, и я вышел в сад, думая всем сердцем, что Жизнь зовёт и движет меня по своей великой Мудрости.

Глава 20

Мои новые знакомства в Общине. Первая неудача во встрече с жителями из оазиса Дартана. Раданда. Часовня Радости. Выполнение поручения Дартана с помощью Раданды

Все люди, которым я относил письма Франциска, поразили меня своею жизнерадостностью. Но не только одним удивлением этим их свойством запечатлелись мои встречи с ними. Каждый из адресатов активно окружал меня сетью своей простой доброты. И я на деле понял, каким образом человек сам куёт сеть связи со своим окружением. В моём сознании проявилось новое действенное зерно: жить — значит выливать из себя эликсир Жизни — радость.

Я присмотрелся к брату-проводнику. Это был совсем молодой человек, на вид лет восемнадцати, стройный и довольно красивый, хотя все отдельно взятые черты его лица были неправильные. В нём была весёлость, жизненность и полная уверенность. Шёл он легко и несколько раз принимался мурлыкать песенку; но каждый раз, поглядев на меня, он точно извинялся за нарушенное молчание, улыбался и умолкал. Я спросил его, давно ли он живёт в Общине.

— Давно, здесь родился. Мать моя лет десять уже как ушла в скит уединённых. Как только увидела, что я хорошо учусь в школе и больше не нуждаюсь в её опеке, так и ушла.

— А что вы делаете сейчас?

— Сейчас я готовлюсь к сдаче государственного экзамена в каком-нибудь из университетов, куда меня отвезёт Учитель И., если найдёт мои знания удовлетворительными.

Я остановился на месте как вкопанный и мгновенно превратился в «Лёвушку — лови ворон». Всего я ожидал. Но такой ответ не снился мне и в лучшем сне. Своим видом я насмешил брата. Он раскатисто расхохотался, заразил и меня своим смехом — я залился, мальчишески забыв всё и вся.

— Бог мой, — отдышавшись наконец от смеха, сказал я ему. — Ваш ответ встряхнул меня, и даже вся моя усталость слетела. Ещё раз я вижу, что абсолютно не умею разбираться в людях, не умею читать их глубокие силы. Я ожидал всего, только не такого ответа. Я должен просить у вас прощения: я даже не спросил вас о вашем имени, считая свою встречу с вами случайной, мелькнувшей на один миг в стенах Общины. Я думал только об исполнении данного мне Дартаном поручения и... забыл поклониться Единому в вас. Простите меня.

Брат остановился, лицо его стало очень серьёзно, что изменило его почти до неузнаваемости.

— В вашем невнимании ко мне лично нет ничего удивительного, — сказал он ласково. И даже голос его изменился, стал глуше и теплее. — Каждый из нас пропускает мимо без внимания сотни встреч, потому что не выработал привычки гибко

и всецело переключаться полным вниманием от одного предмета к другому. Несмотря на то что нас здесь с детства воспитывают, развивая *точное* внимание, я научился ему только тогда, когда Раданда стал заниматься со мной древними языками. Ах, какой он замечательный учитель, какая радость проводить с ним время!

Ответ брата ещё больше сразил меня. Я думал, что Раданда полусвятой. Но чтобы Раданда был учёным, знатоком греческого и латыни, чтобы он мог их увлекательно преподавать!

— Вы ведь многих здесь посетили в сопровождении И. Я был как раз у старого графа, когда вы отдавали ему письмо Франциска. Граф — знаток истории и выдающийся лингвист. С ним я проходил специальный курс истории и литературы всех народов. Он дал мне так много знаний, что я не сомневаюсь в успешности экзамена по истории и языковедению.

— Скажите, как ваше имя?

— Меня здесь зовут Славой. Имя моё Вячеслав, а фамилия Силько. Вот мы и у цели. Обе сестры считаются у нас лучшими математиками. Я слышал, что у них есть дипломы из каких-то университетов, но так как они очень замкнуты и ничего о себе не говорят, кроме дела данной минуты, то точно о них я ничего не знаю. Они живут здесь не так давно, не более десяти лет.

Мы подошли к хорошенькому домику, первому оранжевому по окраске, который я увидел здесь среди белых домов Общины. На балконе сидели две ещё не старые женщины. По их одежде я сейчас же узнал, что они из оазиса Дартана. Заслышав шаги, они подняли головы от книг, над которыми склонялись, и одна из них вышла нам навстречу.

— Ты что, Слава, ко мне?

— Нет, я привёл к вам келейника и секретаря Учителя И. — ответил Вячеслав, кланяясь сёстрам и пропуская меня вперёд.

Лицо женщины вспыхнуло ярким румянцем. Её сестра подбежала к ступеням балкона, почти вскрикнув:

— Учитель И. здесь? Когда приехал? С кем он? Где он?

Слава улыбнулся быстроте её вопросов.

— Вот этот брат всё вам толком расскажет. Я оставляю его у вас и через час зайду за ним.

Сёстры пригласили меня к себе на балкон. Я рассказал им, с какой миссией прислал меня к ним И., и подал его письмо. Каждая из сестёр прочла письмо, и каждая реагировала на него совершенно по-своему. Старшая, молчаливо приветствовавшая меня, очень просветлела от радости. Лицо её выражало теперь счастье, почти экстаз. А младшая, засыпавшая меня вопросами, имела вид удручённый и скорбный.

— Я думала конец, — прошептала она едва слышно, садясь в кресло у стола и впадая в апатию.

— Милая Рунка, перестань быть ребёнком. Разве ты не видишь, что Учитель даёт нам поручение? Неужели ты можешь принять в унынии первое поручение дорогого Учителя, спасшего нам жизнь?

— Да, конечно, ты права, Роланда. Но у меня нет больше сил жить здесь. Я хочу домой, в оазис, а оттуда в широкий мир. Я больше здесь не в силах жить. Я хочу

учиться и видеть людей. Можно же наконец нас пощадить, — разбитым голосом, со слезами говорила Рунка, перейдя на французский язык.

Роланда нежно обняла её, гладила её чудесные чёрные волосы и ласково, тихо отвечала ей на том же языке:

— Ты ведь сама знаешь, что припадок раздражения пройдёт. Никого добрей тебя нет, усердная моя сестричка. Вспомни, в каком состоянии ты была, когда Учитель И. вывез нас сюда. Здесь ты окрепла, здесь ты многим принесла помощь. Утешься сейчас. Посмотри, как ласково и дружелюбно глядит на тебя юноша. Он подаёт тебе пакет. Возьми. Он никак ведь не ожидал встретить здесь драматическую сцену вместо помощи, которую ему обещал в нас Учитель И.

Рунка отёрла слёзы и жалобно, точно ребёнок, сказала мне:

— Простите, брат. Я десять лет не могу примириться, что оторвана от всего родного и близкого. Всё вспоминаю разлуку с любимыми. Но... в этой разлуке виновна я сама. Мне очень стыдно, что я вас заставила быть свидетелем такой неприятной сцены. Я готова выполнить то, чего желает Учитель И., со всей любовью и усердием. Поверьте, это доставит мне одну радость.

Я протянул ей пакет, данный мне И. для сестёр.

— Я очень хорошо понимаю, как скорбит сердце человека, когда ему приходится отрываться от самого дорогого в жизни, что кажется кому-то единственным смыслом и красотою. Страдание, пережитое от такого разрыва, оставляет надолго следы. Даже тогда, когда уже раны личной скорби зажили, когда уже понимаешь, что смысл жизни в Вечном, которое ты отыскал в человеке, а не во временной его форме, и тогда ещё живёт в сердце память о пережитом страдании, хотя само страдание уже кажется только эхом прошлого.

— Я много раз достигала на время этой мудрости за прожитые здесь десять лет. Но достаточно какой-нибудь внешней искры, чтобы я поняла всю неустойчивость своего внутреннего мира. Ваши слова ещё больше устыдили меня. Какое счастье, что Учитель И. не сам пришёл, а прислал вас. У меня есть время прийти в себя. Если бы вы знали, как милостива ко мне Жизнь, послав мне такого нежного и заботливого друга в моей сестре Роланде. Роланда добровольно оставила мир и науку, которой она предана как своей единственной страсти, оставила и оазис, куда я её увезла с собой. Роланда живёт всюду в Вечном. Если бы не было её подле меня, я бы уже не существовала.

Рунка могла бы и не говорить мне всего этого. Я сам понял — точно по книге прочёл — жизнь и взаимоотношения сестёр.

— Быть может, нам не стоит терять времени? Если хотите, начнём сегодня же знакомство и пройдём к кому-либо из жителей оазиса, — Роланда старалась дать иное направление нашему разговору. — Здесь, рядом с нами, живут мать и сын. Оба очень добрые, но неуравновешенные люди. Знакомство с ними будет для вас приятно тем, что в их доме постоянно собирается много друзей из оазиса. Вы сразу попадёте в гущу этих людей и поймёте их интересы и настроения, уровень их культуры и вкусов.

Я был очень рад пройти в ближайший домик. Мы оставили Славе записку на столе, прося его зайти за мною в соседний дом. Когда мы подходили к дому, в кото-

рый меня вели сёстры, то уже за несколько шагов был слышен шумный разговор, похожий скорее на спор, чем на обычный мирный разговор. Комната, куда мы вошли, больше походила на гостиную восточного стиля, чем на обычную приёмную комнату, какую я рассчитывал увидеть в Общине. По стенам стояли широчайшие диваны и висели ковры, в середине комнаты были расставлены маленькие круглые столы с низкими креслами, и всё это было занято людьми, громко смеявшимися, которые, разбившись на группы, интересовались только своими ближайшими соседями, не обращая внимания на всех остальных.

— Бог мой! Наши учёные затворницы! — вставая с места и подходя к нам, сказала седая элегантная женщина, прекрасно одетая по моде оазиса Дартана. — Какой же это рыцарь нашёлся на земле, сумевший вытащить из башни заколдованных принцесс? — женщина смеялась, обнимая сестёр и хитро поглядывая на меня.

— Этот рыцарь — спутник Учителя И., — ответила Роланда.

Как только она произнесла эти слова, в комнате воцарилась гробовая тишина. Точно по мановению волшебной палочки речь каждого оборвалась на полуслове, фигуры застыли, точно в живой театральной картине.

— Позвольте познакомить вас, сестра Леокадия, это секретарь Учителя И. брат Лёвушка, как называет его Учитель в своём письме, — нарушила гробовое молчание комнаты Роланда.

Сестра Леокадия оказалась хозяйкой дома. Она любезно приветствовала меня, но за её внешней любезностью я почувствовал острое беспокойство. Не менее резко ощутил я и токи окружавших теперь нас кольцом людей, лица которых были растеряны. Всё веселье точно ветром смело, в комнате повисло какое-то печальное уныние.

— Деметро, сынок, где ты? — обернувшись к дверям соседней комнаты, довольно громко позвала Леокадия.

Много пар глаз пристально рассматривали меня. Я уже начинал было чувствовать смущение, как в дверях комнаты появилась рослая фигура красавца-мужчины. Это был в полном смысле слова безукоризненный красавец. Чёрные как смоль волосы, чёрные глаза и прямые сросшиеся брови, алые губы, безукоризненной правильности черты. На плечах его был красиво задрапированный ярко-красный плащ, такого яркого цвета и блеска, что казался огненным. Красавец подошёл к нашей группе, очень вежливо поздоровался с сёстрами и с нескрываемым сарказмом посмотрел на меня. В его взгляде что-то слегка напомнило мне Браццано, хотя злой, животной злобы глаз Браццано в этих чёрных глазах не было. Я читал в них презрение ко всему, что не соответствовало его личным удовольствиям и шло вразрез с его вкусами и мнениями.

— Ты, мать, так поражена необычным визитом сестёр-учёных, что даже забыла познакомить меня с их кавалером, — улыбаясь, но холодно и надменно сказал он матери.

— Это секретарь Учителя И., Деметро, — очень тихо сказала Леокадия. — Позвольте вас познакомить с моим сыном, — обратилась она ко мне. И снова за внешней ласковой любезностью я ощутил её беспокойство. — Мой сын художник. Здесь он не участвует в общих работах, но в его мастерской уже много прекрасных картин.

Я понимал, что женщина говорит первые приходящие ей на ум слова, чтобы оттянуть время и найти самообладание. Деметро же, услыхав слова матери, рассмеялся довольно деланным смехом и, здороваясь со мной, старался быть развязным.

— Узнаю Учителя И.! Всегда выберет себе спутников самого неожиданно разнообразного вида и характера, что мне, художнику, исключительно интересно. Скажите, пожалуйста, на этот раз все его сопровождающие так же молоды, как вы?

Он дерзко рассматривал меня, бесцеремонно отодвинул какого-то человека, несколько закрывавшего от него мою фигуру, и, рисуясь своей красотой, поправлял красивой рукой свой огненный плащ. Я не успел ему ничего ответить, как услышал голос Рунки:

— Мы привели сюда посла Учителя И. не для того, чтобы вы красовались перед ним в своих театральных позах, Деметро. Он их много, вероятно, видел, пока жил в мире. Но для того чтобы в доме вашей матери он мог увидеть всё лучшее, что здесь живёт из нашего оазиса. С ужасом я вижу, что десять лет вашей жизни здесь оставили вас всё таким же...

Голос Рунки, взволнованный, глубокий, прервала Роланда:

— Деметро, гость в доме — первый человек, которому отдают всё внимание. Таков завет дедушки Дартана. Гость же — посол Учителя — священный человек для каждого обитателя Общины. Почему вы хотите казаться хуже того, что вы есть на самом деле?

Деметро резко повернулся к Роланде, лицо его вспыхнуло, сравнявшись в краске с плащом, он готов был уже дать грубый ответ моей благородной защитнице. В моём уме пронеслась картина встречи со старцем Старандой. Я вспомнил, как билось негодованием и обидой моё сердце, когда я переживал мнимое унижение Учителя. Я почувствовал себя рядом с моим дорогим наставником, по всему моему организму пробежал ток знакомого мне содрогания — я стал совершенно спокоен и ласково сказал хозяйке дома:

— Я очень виноват перед вами, что пришёл неожиданно и помешал вашим друзьям продолжать их интересные беседы. Я должен был сначала узнать, желаете ли вы и ваш сын видеть меня у себя, такого скромного слугу Учителя.

— Ах, что вы! Мы чрезвычайно рады вам. Мы много лет не имели никаких известий от Учителя И. Но нам не так давно говорили, что он путешествует где-то в России, поэтому ваш приход так поразил нас неожиданностью. Мы не смогли даже сразу прийти в себя. Прошу вас, садитесь. Расскажите, пожалуйста, как вы ехали? Не заезжали ли вы в оазис к нашему близкому родственнику Рассулу Дартану? Где и когда вы расстались с Учителем?

Леокадия сменяла вопрос вопросом, усаживая меня и сестёр возле одного из столов так, чтобы сын не мог подойти ко мне. Очевидно, она опасалась новой вспышки в нём и не особенно рассчитывала на мою воспитанность.

— Не знаю, с чего начать свои ответы. Если начать с самого последнего вашего вопроса, то должен сказать, что я расстался с Учителем И. не более часа назад.

Целый рой возгласов: «То есть как?», «Что вы хотите этим сказать?», «Каким образом?», «Это невероятно!» — и тому подобных ахов и охов раздался по всей комнате. Все эти возгласы покрыл мощный голос Деметро:

— Уж не желаете ли вы сказать, что сам Учитель И. здесь?

Я посмотрел вокруг и увидел на лицах гостей, таких беспечных и весёлых несколько минут назад, невыразимый страх. Я никак не мог взять в толк эту панику, так как за долгое время жизни подле И. привык видеть расцветающими людские лица при упоминании имени моего дорогого друга и Учителя.

— Да, Учитель И. здесь.

Точно вопль пронеслись новые возгласы по комнате: «Да как же!», «Разве уже прошёл срок?», «Что же нам теперь делать?» — и под эти возгласы комната опустела, в ней остались только мы и хозяева. Теперь вновь в комнате воцарилась мёртвая тишина, которую подчёркивало тяжёлое дыхание Деметро. Он стоял всё так же у стола, опустив голову, совсем бледный и мрачный, похожий в своём огненном плаще на падшего ангела.

Первой нарушила это тягостное и непонятное для меня молчание Леокадия.

— Не удивляйтесь, что ваше появление произвело такое сильное впечатление на всех. Все мы, видите ли, приехали сюда по указанию Учителя И., тем или иным путём доставленные. У каждого из нас есть те или иные обязательства перед ним. Но мы здесь так весело и беззаботно жили, что совсем забыли о неприятной стороне взятых на себя обязательств. Мы...

— Брось разговоры, мать. Возможно, что приезд Учителя И. вовсе не относится к нам. Мало ли какие у него могут быть дела в Общине? Мы, видите ли, господин секретарь, живём здесь на средства дедушки Дартана, а не на средства Общины. У нас здесь своя часть в парке, где, кроме выехавших из оазиса, никто не живёт. Я не отрицаю, что и я, как и все, взял на себя некоторые обязательства, но я, как и все, совершенно независим. У вас есть какие-либо поручения лично к нам от Учителя И.?

— Нет, Учитель только приказал мне выполнить поручение Дартана: передать письма и посылки из оазиса.

Лица матери и сына просветлели, оба вздохнули облегчённо.

— Ах, вот как! Ну, мы здесь ни в чём не нуждаемся. Дедушка Дартан мог бы о нас и не беспокоиться. Впрочем, мы, конечно, рады будем видеть вас и получить свои подарки, — переходя снова на надменный тон и подымая высоко свою красивую голову, сказал мне Деметро.

Я посмотрел на сестёр и постарался всеми силами влить мир в их сердца, негодование которых сказывалось на их возбуждённых и расстроенных лицах. Раздался лёгкий стук, и я увидел в дверях фигуру Славы.

— Вам что? Вы ко мне? Я сейчас занят, придите потом.

Тон Деметро был невыносимо высокомерен.

— Нет, это за мной, — поспешно вставая, сказал я, огорчённый неприязненным тоном, который пришлось вынести моему любезному проводнику из-за меня.

— Куда же вы так спешите? Останьтесь, пожалуйста, поужинать, — просила меня сестра Леокадия.

— Да, да, — поддержал её сын — ведь вы были невольной причиной, что мы с матерью остались в одиночестве. Как видите, все друзья разбежались. Теперь ваша прямая обязанность развлечь нас.

— Простите, я лишь скромный келейник своего господина и могу только выполнять очень точно его приказания, но не больше. Я должен немедленно возвратиться домой. Я могу понадобиться Учителю И.

Мать и сын очень настойчиво протестовали, уверяя, что ужин на столе, что у них в Общине не в обычае уходить от накрытого стола, что это считается даже невежливым. Но я ещё раз ответил, что не могу превысить данных мне полномочий. С большим трудом, употребив всю свою настойчивость, я вырвался из дома чрезмерно гостеприимных хозяев.

Когда я прощался с сёстрами у их балкона, Роланда задержала мою руку.

— Я всему виною. Это всё добрые люди, но их легкомыслие ни с чем не сравнимо, разве с их любовью к праздности. Мне надо было раньше предупредить их, тогда вам не пришлось бы наблюдать всей этой тягостной сцены. Впредь я постараюсь приготовлять людей к встрече с вами.

— Я очень рад, что видел и слышал людей, не ждавших известия. Теперь мне ясно, как много надо нести в себе мира и радости, чтобы выполнить успешно данное мне поручение. Не стремитесь оправдать Деметро. Моё сердце уже его оправдало. Дело не в Деметро или ком-нибудь другом, но во мне — насколько я найду такта и обаяния, чтобы выполнить, а не испортить порученное мне дело.

Мы расстались с сёстрами, пожелав им покойной ночи, которая уже спустилась. Над нами светило яркое от многочисленных и крупных звёзд небо, изредка встречались возвращавшиеся по домам люди. Мы молча проходили дорожку за дорожкой. Вдруг Вячеслав остановился.

— Брат, я не знаю, как живут люди в далёком мире. Поэтому прости мне, если я совершаю бестактность, нарушая сейчас твоё молчание. Но Раданда не раз говаривал мне: «Если ты видишь, что встреча людей не началась и не кончилась в радости, постарайся хотя бы одному из неудачно встретившихся отдать теплоту и мир твоей души, твоей любви». Ты печален, и мне хочется объяснить тебе непонятное, на взгляд свежего человека, поведение всех тех, кого ты только что встретил. Вся та часть Общины, которая занята выходцами из оазиса, почти не сливается с общей жизнью всех трудящихся в Общине. Приехали они сюда, получив указание самостоятельно выбрать себе одну из отраслей труда в Общине. Долго они ничего не выбирали. После неоднократных бесед с ними Раданды они решились осмотреть все отрасли труда здесь. Но им ничего не понравилось. Только пятьдесят — шестьдесят человек, в том числе уже знакомые тебе сёстры, вошли в трудовое единение с нами, многому научили нас и кое-чему научились у нас. Остальные всё забраковали, решили трудиться отдельно, завели себе свои мастерские, школы — и в результате даже дети их если обучаются, то только в наших школах. Сами же они живут в праздности и ничего не создали для своих собственных нужд, не говоря уже об общем благе для всей Общины. Некоторые, как Деметро, стараются показать видимость труда. Что-то рисуют, шьют, сажают, но плодов своего дела никому не показывают. Жестокая критика на всех нас от них сыплется как горох. Не огорчайся своим первым неуспехом. Сам Раданда им не раз напоминал об обещаниях Учителю И., о том, что годы летят быстро, что надо будет показать результаты работ, и я помню одну его замечательную фразу, которую он им сказал в моём присутствии: «Мстит

человеку лень его. Лень сжигает в человеке инициативу. А лишённый инициативы человек не многим выше животного. Чем длиннее период лени, тем горше распад энергии в человеке. Ряд лет, прожитых в лени, закрывает все возможности для человека *войти* в одну из троп Света. Ибо войти в одну из них *может* тот, в ком *жива* гибкая воля к труду». Ты видишь, как глубок здесь вопрос. И можно ли было тебе найти сразу подход к единению с ними?

— Что вопрос об общей их жизни огромен, в этом ты, Слава, прав, это несомненно. И не мне его разбирать. Но тот крохотный кусочек их жизни, к которому прикоснуться послали меня — передать привет с родины, — должен быть выполнен в наивысшей радости и благородстве, на какие только я способен. Я буду молить моих великих друзей помочь мне в этой задаче.

Мы подошли к крылечку нашего домика, и первое, что я увидел, была Наталья Владимировна, державшая на коленях сонного, тяжёлого Эту. Картина эта была так необычна, так несвойственна Андреевой. Она не питала никакого пристрастия к Эте. Даже некоторую долю брезгливости подмечал я в ней не раз по отношению к моей чудесной птичке. Теперь же она нежно и заботливо держала птицу, ласково прильнув головой к мягкой спинке Эты. Казалось, необычайно чуткая к шагам и всякому движению Наталья Владимировна, на этот раз не слышала нашего приближения. Только когда мы уже встали на первую ступеньку, и она и Эта одновременно подняли головы. Эта не замедлил перекочевать ко мне, а бедная Наталья Владимировна, хотя и весело смеялась, но с трудом поднялась и расправила затёкшие руки и ноги.

— Лёвушка, мне так хотелось побеседовать с вами, что я попросила у И. разрешения доставить вам Эту. И. очень хитро поглядел на меня, исполнил мою просьбу, но... сколько хлопот доставил мне ваш каверзный друг. Понадобился весь авторитет Раданды, чтобы Эта соблаговолил подчиниться и отправился со мной. И как только мы скрылись из глаз И. и Раданды, он вскочил мне на руки, не пожелал идти пешком. Так и пришлось мне тащить его на руках до самого дома. А пришли сюда — заставил меня держать его на коленях. Хитрец так уморительно вознаграждал меня за обслуживание нежными взглядами и кокетливыми поворотами головки, что я ему простила всё утомление.

— Я очень огорчён, дорогая Наталья Владимировна, что Эта выявил свой деспотизм на вас. Совершенно не понимаю, как у вас достало сил нести его. Он даже мне становится тяжёл.

Мы оба приглашали Славу побыть с нами, но он ушёл к себе, сказав, что его ждёт ещё работа. На мои укоры Эте, зачем он заставил Наталью Владимировну нести такую тяжесть, она весело сказала:

— Ну, ноша моя была мне легка! Я слово такое знаю. А вот хотела бы я вам рассказать, как поразил меня сегодня Раданда. В его библиотеке я нашла всех великих писателей древней Греции и Рима в подлинниках. А когда я его спросила, кому же здесь нужны подобные произведения, он мне ответил: «Мне были нужны раньше, пока я не знал их наизусть. А теперь нужны всем образованным людям Общины, приготовляющим из себя слуг ближним в том широком мире, куда вскоре поедут. Вот, позвольте вас познакомить с некоторыми из них», — радостно прибавил он, идя навстречу группе людей, совсем молодых, входивших в комнату, где мы сидели.

Вы, Лёвушка, можете себе представить, в какой соляной столб я превратилась и как глупо было моё лицо, когда я здоровалась с представляемыми мне людьми, входившими в комнату. Раданда смеялся надо мной не меньше, чем тогда, когда Эта тормошил вас, о чём он нам рассказал с необычайным юмором. Но, Лёвушка, не думайте, что я смеялась над вами. Я всей душой вам сочувствовала, а смеялась только комизму положения.

— Я именно так и думаю, дорогая Наталья Владимировна, и в данную минуту очень тронут вашим вниманием ко мне. Если вас поразил своею учёностью и своими молодыми людьми Раданда, то меня поразил не менее один из его учеников, наш брат-проводник по Общине.

И я рассказал ей обо всех впечатлениях вечера, подробно передав разговор с Вячеславом. Мы сидели вдвоём, зачарованные волшебной тишиной и сияющими звёздами. Наталья Владимировна говорила тихим, задушевным голосом:

— Как не похоже моё мироощущение этих минут на всё то, что приходилось мне переживать раньше. За короткие дни моей жизни здесь какая-то новая освобождённость родилась во мне. Когда, бывало, прежде мне выпадали минуты, не наполненные спешным, напряжённым трудом, нечто вроде тоски выступало из каких-то подсознательных недр духа. Дивная ночь, если я проводила её без труда и без сна, навевала мне не очарование божественного мира, но мысли о своём одиночестве, о том, что на земле у меня больше ничего нет, что на ней я стою нагая среди миллионов людей, одетых во все страсти и привязанности временной любви. От них я отстала, а к небу ещё не поднялась... Я чувствовала себя как бы висящей в межпланетном пространстве, не имея незыблемой точки опоры. В эту минуту я сознаю *в себе* и небо, и землю. Примирённость и полное понимание рождения и смерти несутся для меня в каждом шорохе трав и листьев, в каждом смехе и рыдании, в каждой песне птицы и крике животного. Я *знаю* в себе великий Свет, *независимо* от формы окружения, от времени и места. И мир мой, обретённая новая примирённость — моё постоянное Славословие Вечному, моя верность Ему уже непоколебимы. Всё, что в моём сердце оставалось от условностей и предрассудков, всё, что ещё могло причинить раны разлуки или лечь холодом на сердце от смерти любимых, от страданий и заблуждений близких и дорогих, — всё оторвалось, распалось прахом, освободив мысль и приготовив дорогу духу к более широкому восприятию Жизни. Ваш опыт сегодняшнего дня, когда вы увидели на деле, как погибает жизнь людей, если они не поняли значения труда на Земле, совпал с моим новым пониманием, *как* должен *жить* человек на Земле. В том, что вообще Земля — арена труда, я никогда не сомневалась. Но как? Для чего идёт труд каждого? Каково его значение в текущем дне для вековой арены человека? Точную слиянность всего этого я поняла только здесь. Величайшая схема: рождение, труд, смерть — вылилась для меня в три новых слова: сила, выносливость, самообладание. И все эти три слова зависят от самых простых истин. Эти истины *каждый* человек *сам* создаёт и из них строит себе и другим путь радости. Эти три начальных истины звучат мне теперь в словах: доброта, любовь, верность. Совершенно неважно, в чём и как человек выявит эти три силы. Неважно, монах ли он или светский человек, дикарь или просвещённейший писатель; встретил он в своей жизни великих людей или прошёл весь свой путь в совершенно

элементарном по развитию обществе, важно только, что *он их выявил* и на *них* единился с людьми. Если он на *них* строил свой простой день — он достигнет встречи с Учителем. Он войдёт не в одно только *понимание вечности жизни* умом. Он войдёт *в полное знание сердцем*, что нет ни смерти, ни разлуки. Человек, *умом* понявший, что не надо оплакивать отошедшего друга, всё же *будет* плакать, когда друг ушёл. Своими слезами он непременно будет притягивать друга к земле. Будет *бить* его картинами *своих* мучений и создавать ему тысячи препятствий, нарушая его *первейшую* обязанность в *новом* мире куда он попал. И эта единственная первейшая обязанность в новом мире — единственная, как вечная память, которой провожают с земли в церковном обряде, — есть *трудоспособность* человека. Вот почему так тяжёл в своём общении праздный человек, не создающий себе *вековых* путей для единения с существами во *всех* мирах. Труд земли, как и труд неба, индивидуально разный. Труд одного может казаться бездельем другому. И это неважно. Важен тот Свет, что *вскрылся* в человеке как результат его *труда*. Важны навыки, привычка мыслить в гармонии, то есть в сочетании доброты сердца и гибкости ума. Они ведут к примирённости. Любовь неотделима от гармоничного сочетания всех этих качеств в человеке, она и есть *путь живой жизни* в нём. Сегодня спали с меня последние оковы личного. Ушло горестное ощущение, что я стою нагая над одетой и весёлой землёй, что всё порвано между мною и ею, нарядно цветущей. Напротив, я одета в Свет, сияющий Свет доброты. *Вся* Земля лежит в храме моего сердца, и больше нет для меня ни иллюзии смерти, ни разъединения с Землёй. Во мне родилась и *утвердилась* примирённость. Земля и я, равно как и то, куда уйдёт мой дух, покинув дорогую, многострадальную Землю, — *всё едино*. Радость жить, бесстрашие жить, бесстрашие умереть — всё слилось для меня в одно священное понятие: *трудиться для блага людей*.

Эта поднял головку, слегка вскрикнул и побежал по тёмной дорожке. Я догадался, что мой чуткий птенчик издали почувствовал приближение И.

— Покойной ночи, Лёвушка. Я пойду к себе. Запишу кое-что из впечатлений дня.

Наталья Владимировна простилась со мною, оставив меня под глубоким впечатлением от её слов. Слова эти проникли мне в сердце. Не раз в моём сердце зажигалась тайная горечь от разлуки с моим братом-отцом. Как ни был я окружён величайшей любовью, как ни ценил и благоговел перед моими дивными и великими моими покровителями, иногда в сердце просыпался стон. Хотелось почувствовать ни с чем не сравнимое нежное объятие брата Николая. Плоть от плоти моей и кровь от крови моей. Я хотел было пойти навстречу И., но решил подождать его на крылечке. Быть может, и И. был погружён в великие мысли и нуждался в минуте отдыха и одиночества. Я не успел додумать своих мыслей до конца, как послышался разговор, и вскоре на полянке перед домом резко выделились две белые фигуры, а рядом с ними чинно шагал Эта. Я никогда не удивлялся, если видел И. в обществе неожиданных людей. Я уже привык видеть рядом с ним самые необычайные фигуры. Но на этот раз я удивился, так как И. шёл с седовласым Радандой, весело рассказывавшим ему о новых изобретениях, достигнутых в производстве стекла. Когда же спал Раданда? Я слышал, что настоятель вставал раньше всех, что целый день он был занят самыми разнообразными делами. Когда же он отдыхал?

— Что, Лёвушка, усталое тело отдыха просит? — Раданда положил мне руку на плечо и быстро, совсем не по-стариковски, опустился рядом со мной на ступеньку. — Ты замечай, дитя, всё. Тебе дан неспроста путь писателя. Ты пиши о человеке «просто», как я тебе с первого взгляда сказал. Путь писателя бывает разный. Один много вещей напишет, будто бы и нужны они его современности. Ан, глядишь, прошла четверть века, и забыли писателя люди, хотя награждали его и жил он на земле в знатности. Другой мало или даже одну вещь написал, а живёт его вещь века, в поговорки войдёт. В чём же здесь дело? В самом простом. Один писал — и сам оценивал свои сочинения, думая, как угодить современникам и получить побольше благ. Он временного искал — временное ему и ответило. Другой *в себе* осознал *единственную* силу: Вечного Огонь. Он и в других *его* старался подметить. Старался *видеть*, как и где человек грешил против законов этого Вечного и страдал от распада гармонии в себе. Замечал, как иной человек был счастлив, сливаясь с Вечным, и украшал жизнь окружающим. И такой писатель будет не только отражать порывы радости и бездны скорби людей в своих произведениях. Он будет стараться научиться так переживать *их* жизнь, как будто сам стоит в обстоятельствах того или иного человека. Но мало стать в обстоятельства того или иного человека, надо ещё найти *оправдание* каждому в *своей* доброте, и только тогда поймёт писатель, *что* значит описать жизнь человеческую «просто».

Голос Раданды звучал сейчас совсем по-иному. Бог мой, в скольких аспектах я увидел этого человека за самое короткое время! И я ясно почувствовал, что совершенно не знаю, *кто* такой Раданда. Не отдавая себе отчёта, можно ли так запросто говорить с ним, я мальчишески заявил:

— Представляю себе, в каком более чем жалком положении, гораздо более жалком, чем когда меня трепал Эта, был бы я, если бы кто-либо приказал мне описать вашу Общину и, главное, вас.

Раданда улыбнулся, положил мне свою крохотную ручку на голову и близко посмотрел мне в глаза.

— Велик и далёк твой путь, дитя моё. Сейчас ты ещё дитя, и то уже многое можешь. Но будет время, и не обо мне, а о многом большом напишешь. Теперь же иди спать. Завтра я сам пойду с тобою по колонии Дартана. Там многому научишься и многое-многое из векового страдания людей прочтёшь. Не жди И., ложись спать. Мы с ним обойдём ещё кое-кого, кто в эту ночь нуждается в утешении.

Раданда перекрестил меня. Мне стало необычно легко и радостно. Я, точно в сказке, всё забыл и, взявши Эту на руки, пошёл к себе. Как я был благодарен Раданде! И с другой стороны, как я понимал свою детскость! Ещё и ещё раз я увидел, как устойчива должна быть гармония в человеке, чтобы он *мог* чего-либо достичь в деле дня, и какое мужество должна нести в себе сила мужчины.

Уложив спать Эту, я благословил всё живое во вселенной, благословил милосердие моих наставников и лёг на свою полотняную постель, впервые ясно сознавая, что стою на грани от детства и юности к зрелой молодости.

Ночь минула быстро. Я проснулся от гудения колокола и толчков Эты. На этот раз я уже ясно и твёрдо помнил, где я, кто и что вокруг меня. Первым, что бросилось мне в глаза, была записка И., лежавшая на стуле рядом со мной.

«Как только встанешь и приведёшь себя в порядок, приходи в покои Раданды возле трапезной. Эту оставь у Мулги. Раньше, чем уйдёшь из дома, зайди к Андреевой и передай ей, что я поручаю ей на сегодняшний день Бронского, Игоро и Герду. Пусть до самого ужина проведёт с ними день и распределит в нём занятия всем, как сама найдёт нужным».

Записка И. окрылила меня. Быстро справившись с делами, я полетел в покои Раданды. По дороге я несколько раз возвращался мыслью к Наталье Владимировне и не мог разгадать почему, когда я передавал ей поручение И., она пристально вглядывалась в меня и сказала: «Счастливец, Лёвушка». Мысли мои перескочили с неё на её близкого и неразлучного друга в Общине Али — Ольденкотта. Только сейчас я сообразил, что я его нигде не видел с самого въезда в Общину Раданды, что он не жил в нашем домике, не бывал с нами в трапезной и что я о нём ничего не слышал все эти дни. Я решил немедленно же спросить у И. об этом милом и чудном добряке, но, пока шёл, поостыл в своём решении, вспомнив, что любопытство во мне не может порадовать И. Должно быть, для Ольденкотта, как и для Зейхеда, которого я тоже не видел в Общине, предназначался особый путь уединения. Весь под впечатлением этих мыслей, я сдал Мулге Эту, что было принято обоими новыми друзьями более чем благосклонно, и постучался в дверь Раданды. Он сам открыл мне и, хитро оглядывая меня с ног до головы, сказал:

— Беги скорее в душ, пока И. тебя не видел. Где это ты так запылился, точно по пустыне бежал?

Я посмотрел на свои сандалии, которые так недавно усердно чистил и завязывал, переконфузился и даже расстроился: и сандалии, и весь подол платья — всё было серым от пыли. Увлечённый размышлениями и жаждой поскорее свидеться с И., я забыл об осторожности и лёгкости походки. Извинившись перед Радандой, я помчался в душ. Тут уж я сам прочёл себе предлинную нотацию и наконец очутился в приличном виде перед И. Мой снисходительнейший наставник ни единым словом не дал мне заметить, что знает о моей неловкости, не укорил за опоздание, но ласково со мной поздоровался.

— Пройди, Лёвушка, на балкон, там тебе оставлена еда. Кушай не спеша и вернись сюда. Ты пойдёшь с Радандой, как он тебе обещал, по сектору Дартана. С ним же возвратишься обратно и поедешь со мной навстречу возвращающемуся Яссе.

Навстречу дорогому, любимому Яссе! Тут я понял, почему сказала мне Андреева: «Счастливец, Лёвушка!» Да, действительно, я был счастливцем. Широко раскрылись двери моего сердца не только для Яссы, который — я был убеждён — возвращался победителем, но для всего мира, точно вместившегося во мне. Открылось мне, как глубоко надо проникать в сознание встречного человека. Я ощутил живыми и действенными вечерние слова Раданды, что надо уметь не только встать в обстоятельства человека и отразить их в слове, но и оправдать каждого, понимая это слово не как быт его произносит, но как чистое сердце может воспринять в себя вечный путь ближнего. Я шёл, и радость
пела во мне, хотя я отлично понимал: того, что я достиг сегодня, завтра будет уже мало. Всё же я был счастлив, не мог не улыбаться, и все, кто встречался мне, отвечали мне улыбками.

«Путь радости — путь счастливых избранников», — вспомнил я слова И. И впервые я оценил своё величайшее счастье, *осознал* на опыте дня, что иду путём творческой радости, внутри меня живущей.

Я быстро покончил с завтраком, и это казалось мне сегодня скучной необходимостью. Я возвратился к И., где меня уже ждал Раданда с посохом в руках. Когда мы вышли на яркое солнце, я в первый раз имел возможность рассмотреть лицо настоятеля на полном свету. Я увидел, что старость Раданды, которая так поразила меня в момент первой с ним встречи, выражалась не в морщинах, а в какой-то особенной серьёзной мудрости. Кожа была гладкая, тёмная, как древний пергамент. Добрые глаза, ясные, светились как лампады. И цвет их всё время менялся от голубого к фиолетовому. Вся его фигура, как всегда окружённая светящимся радужным шаром, была прямой, и я теперь не понимал, почему Раданда в первую минуту встречи и в трапезной показался мне таким древним. И вместе с тем я и сейчас воспринимал его необычайно древним, точно он жил уже века.

— Не углубляйся в преждевременные вопросы, друг. Думай только о поручении Дартана. *Оно* составляет твоё главнейшее «сейчас».

Неожиданно для меня Раданда свернул в тенистую аллею.

Голос его звучал добротой. Но если перевести на язык музыкального восприятия, то интонация его была для меня неожиданностью. В тоне его не было строгости, но такая огромная серьёзность, которая сразу напомнила мне, к какой священной и ответственной задаче я готовился приступить. Лицо Раданды, когда он посмотрел на меня, было похоже на лик одного из святых, которых так любят изображать русские живописцы светящимися. Из его глаз, лба, горла точно выскакивали искры рубинового цвета и кололи меня, как маленькие электрические разряды. Сначала они только кололи меня, но через несколько минут я стал чувствовать такую бодрость и радостность, такая сила мира окружила и проникла в меня, что я невольно прильнул к Раданде и поцеловал его сухонькую ручку. Он ответил мне пожатием и притянул к себе.

— Мы с тобой подходим к часовне радующихся, дружок. Её происхождение очень, очень древнее. По преданиям, она была основана Божественной силой в незапамятные времена. Тогда, когда пустыня была морем, а место, где теперь Община, — островом. В противоположном конце, за уединённым скитом, есть такого же древнего происхождения вторая часовня — часовня плачущих. Когда созреешь, окрепнешь духом, чтобы нести утешение и оправдание плачущим, мы с тобой пройдём и в ту часовню. На этот раз припадём к стопам дивной статуи Великой Матери, высеченной из никому не ведомого камня. Говорят, она высечена из белого коралла, но я знаю, что не так называется этот материал. Ты сам увидишь, что сияние статуи, её пропорциональность и красота, все линии, создающие одно гармоничное целое, не могли быть созданы рукой простого ваятеля. Скульптор обладал не только даром артиста, но и дух его должен был гореть Огнем Вечного. Поэт, её сотворивший, не знал ни одного мгновения меркнущей Радости, иначе он не мог бы создать подобной красоты. Надо было носить её в себе, чистую, неомрачаемую Радость, чтобы каждое сознание, преклоняющееся в чистоте перед этим отражением его духа, его *живого* Единого, укреплялось и собиралось в непобедимую *силу Радости*. Сама

жизнь одухотворяла ваятеля и одухотворяет до сих пор его произведение. Преклоняясь перед хранимым здесь изображением Великой Матери, которую мы зовём Звучащей Радостью, надо *самому звучать всей полнотой* счастья жить, всей верностью заветам своего Учителя, чтобы *слиться* с той силой, что изливает Великая Мать на каждого склоняющегося пред *Нею* в своей полной гармонии. Я связал тебя с моей аурой и отдавал тебе искры моей Любви, чтобы ты мог войти в часовню, *неся* в сердце песнь торжествующей Любви. Возьми мою руку. Слейся с моим Единым. Проси Великую Мать помочь тебе отдать всю силу преданности чудесному делу служения Жизни, в *Её* форме современного тебе человечества, как писателю — слуге своего народа. Склоняясь, благодари, благословляй Величие, давшее тебе частицу Своего гения. Склоняясь, проси Мать принять в свою защиту твой дар, чтобы никогда сомнение или колебание не овладели тобой. Склоняясь, отдавай *Ей* хвалу и проси лёгкости твоей мысли, силы твоему слову, образности твоей фразе, мощи твоей проникновенной фантазии. Той творческой фантазии, что черпает своё начало в интуиции, но не в эмоциях чувственности. Склоняясь, проси понимания, *где* лежит путь к Вечному в *каждом* и как в каждом *оправдать* его топкое болото слёз и страстей. И тогда найдёшь путь писать *просто*.

Раданда взял меня за руку и свернул на маленькую, еле заметную тропочку, ведущую в густые заросли кривых кустарникообразных деревьев, никогда мною не виданных. Без него я и не разглядел бы тропочку. Она извивалась, и много раз мне казалось, что она упирается прямо в стену густого высоченного кустарника. Но каждый раз Раданда находил узенький, едва заметный проход. Сделав много поворотов в этом лабиринте, мы вышли на небольшую площадку, где полукругом росли мощные кедры и в самом их центре стояла часовня.

Как описать мне это дивное зрелище? На тёмном фоне кедров, под синим небом, под знойным, сверкающим солнцем пустыни, высоко над белой, резной, как тончайшее кружево, лестницей стояла такая же белая, лёгкая — казалось, дуновения ветра довольно, чтобы унести её с места, — часовня. И внутри её высилась статуя, изображавшая женщину, на очаровательную голову и плечи которой ниспадало розовое покрывало.

Я стоял как зачарованный, не в силах оторвать глаз от дивного зрелища. Руки статуи, руки божественно прекрасные, были полны цветов самой разнообразной окраски, что делало их ещё более похожими на живые. Вся статуя, её покрывало, цветы, всё переливалось разноцветными красками дрожавших под солнечным сиянием огней, мягкими, как краски венецианского стекла. У меня была полная иллюзия, что статуя вырезана из гигантских жемчужин белого и розового цвета.

— Собери силы духа, сбрось с глаз покровы телесные, друг, и неси славословие Жизни. Путь красоты и единения в ней *может* нести тот, кто сольёт *свою* чистоту и Радость с этой сияющей Живой Красотой.

Раданда оставил посох и сандалии внизу у лестницы. Я последовал его примеру, снял сандалии и вынул из кармана сумку с письмами. Раданда снова дал мне руку, и мы стали подниматься по восхитительным кружевным ступеням. По первым ступеням лестницы я шёл легко. Они казались мне даже прохладными. Но чем выше мы поднимались, тем тяжелее мне было идти. Сердце моё билось, точно молотом сту-

чало в висках. Ступени жгли мне ноги, как раскалённый песок пустыни. По всему моему телу пробегала дрожь. Пот катился ручьями по лицу. И чем выше мы шли, тем всё сильнее были мои мучения. Но я крепко держал руку моего милосердного водителя, и теперь она казалась мне железной по своей силе и лила прохладу в мои огненные члены.

Мы взошли на последнюю ступень. Я стоял точно в огне костра, но вся физическая пытка казалась мне пустяком. Я глядел на улыбавшееся мне божественное лицо статуи, забыл обо всём земном и не мог оторвать взора от сиявшей фигуры. Она действительно была воплощением Жизни в Её аспекте Красоты. Освободив свою руку из руки Раданды, я поднял обе руки вверх и воскликнул, опускаясь на колени:

— О, Великая Мать, сгореть в огне и отдать жизнь хочу я в этот миг, ибо я видел Тебя, я постиг счастье и радость понимания, *что* значит Свет Вечности. Если мне суждено жить, прими меня в слуги Твои, в певцы Твоей красоты и радости. Жить, не нося Тебя в сердце, я больше не могу. Пусть придёт мгновение смерти, если я недостоин восхвалять Тебя каждым своим дыханием!

Я не помню, что было дальше. Мне казалось, что руки Раданды поддержали моё готовое рухнуть тело. Мне мерещилось, что Великая Мать мне улыбнулась и подала розовый цветок, сказав, что то цветок радости. Огненный столб ослепил меня...

Когда я очнулся, Раданда, стоя на коленях, обнимал меня одной рукой и говорил:

— О, Великая Мать, цветок твой подан верному и бесстрашному сыну. Прими меня, его поручителя, и его самого в Огонь утверждающей и освобождающей Радости Твоей.

С необычайной силой Раданда поднял меня с колен. Мы ещё раз склонились перед дивным ликом, и мой покровитель насильно увёл меня из часовни, откуда я не хотел уходить.

Спустившись вниз, я стал сознавать, что я весь изменился, точно стал другим человеком. Как когда-то в тайной комнате Ананды в Константинополе я плакал последними слезами детства и перешёл в возраст мужчины, так сейчас с меня сошли последние остатки духовной юности — я осознал себя *действенной* единицей Всего творящего. Когда по дороге я наклонился, чтобы поправить сандалии, из-за моего пояса выпал чудесный розовый цветок. Я на лету подхватил его, не дав ему коснуться земли, и с удивлением уставился на Раданду — хотел спросить его, что это значит. Но он, положив руку на мой цветок, тихо сказал:

— Ни слова, друг. Есть вещи столь великие и священные, что о них не говорят. Вовеки помни, *где* был, и, если будешь верен данному тебе завету: радости — ещё придёшь. Но храни полное молчание обо всём, что здесь испытал.

Он взял меня за руку, и мы пошли дальше по молчаливому парку. Достав из своего кармана маленькую коробочку, Раданда подал её мне.

— Возьми вот эту вещицу и вложи в неё твой цветок. Храни его всегда при себе, и пусть священная эмблема, данная тебе сегодня, вырастет во многотомное, необходимое людям творчество писателя.

Коробочка была зелёная, продолговатая, куда легко лёг мой цветочек, и на крышке её был изображён белый павлин, ну, точь-в-точь мой красавец Эта. Я уложил мой цветок и любовался им.

— Теперь подумай, какое счастье для тебя и для всех, к кому ты сейчас идёшь, встретиться именно в этот день и час твоего великого озарения. Неси им Свет, трепет которого коснулся тебя.

Не дав мне времени поблагодарить его, Раданда быстро пошёл вперёд, а мне хотелось пасть ниц перед ним и произнести в его лице славословие всей Вселенной. Мы шли довольно долго и скоро, но я не ощущал ни зноя, ни усталости. За плечами у меня точно крылья выросли, мне даже казалось, что я ощущаю их движение.

Первыми, кого мы посетили, были сёстры Роланда и Рунка. Они поразили меня тем, что сидели на скамеечке возле своего дома готовыми в поход и ждали нас, нисколько не удивившись Раданде. Я не смел спросить, каким образом они могли знать, что я приду не один, но по мимолётной улыбке на губах Раданды, по беглому взгляду, брошенному мне, я понял, что он прочёл мою мысль, хотя она едва мелькнула. Этот маленький инцидент снова ввёл меня в сосредоточенное внимание. Ещё раз я увидел, как неустойчива моя мысль, как достаточно малейшего предлога, чтобы я рассеялся. Я погладил рукой мою коробочку, где сохранялся божественный дар милосердной Матери, и стал внутренне снова перед Нею, моля моих великих защитников Флорентийца и И. помочь мне жить и действовать в Её атмосфере.

— Нет, дети. С Деметро и его матерью мы встретимся в одном из соседних с ними домов. Они ведь без дела сидеть не любят, поэтому непременно пойдут куда-либо обсуждать принципиальные вопросы, чтобы провести с людьми время до обеда, — услышал я юмористический голос Раданды. — Пойдёмте прежде всего к художникам фарфорового завода, таким же усердным труженикам, как вы обе, милые сёстры. Они только что возвратились из оазиса темнокожих, где добились новых успехов в росписи. Они полны энтузиазма, сейчас отдыхают и будут рады нас видеть.

Раданда шёл впереди, и шёл он так быстро, что поспевать за ним было трудно ногам, но весело сердцу. Неожиданно для меня он свернул к красивому домику с палисадником с очень художественно рассаженными цветами и быстро поднялся по ступенькам прелестно декорированной террасы. Всё — от малейшей складки белого холста, драпировавшего широкое окно, до гармонично подобранной цветовой гаммы декоративных и цветущих растений — всё говорило, что красота здесь не внешнее приложение к существованию, но необходимость, простое выражение потребности духа *жить* в ней. На звук наших шагов на террасу вышел высокого роста человек в белом хитоне, надетом на греческий манер, и, увидев Раданду, весело воскликнул:

— Какая радость, отец, видеть тебя и твоих спутников в нашем доме! И ещё большая радость, что ты пришёл именно в тот час, когда я так стремился к тебе. Мне не терпится показать тебе наши достижения.

Человек этот, в котором каждый мог бы признать артиста, напомнил мне Бронского некоторыми характерными чертами манер и внешности. Какая-то до сих пор только в Бронском подмеченная мною освобождённость движений придавала всей его фигуре лёгкость и элегантность.

— Здравствуй, друг! И я очень рад, что пришёл к тебе вовремя. Вот, познакомься с нашим гостем, молодым другом И. Он привёз тебе письмо из оазиса, а также по-

сылку от Дартана. Но за посылочкой ты сам к нему придёшь, а письмо получи сейчас. Зовут твоего милого письмоносца Лёвушкой. Наверное, он уже оценил всё то, что из твоих трудов в Общине видел. Он писатель и чуток к красоте. Вы, наверное, подружитесь. Это, Лёвушка, тот художник, формой чашек и рисунками которого ты так восхищался. Зовут его Грегор.

Грегор очень любезно поздоровался со мной, поблагодарил за похвалу его произведениям, которую я не замедлил повторить, но лицо его, как только Раданда упомянул об оазисе, из сияющего, радостного стало серьёзным, глаза отразили печаль и даже боль.

Я вынул сумку с письмами и на самом верху увидел большой конверт, где было написано по-латыни: «Другу, брату и сыну Грегору Стафилиону, художнику».

Я подал ему письмо, всем сердцем призывая Великую Мать помочь мне внести мир и облегчение в сердце художника. Душа моя, мои внутренние очи духа, как и внешние мои глаза, были так полны обликом Великой Матери, Её атмосферой живой Радости, что, подавая пакет, я жил у Её ног, моля Её стать заступницей и оправданием печали этого человека, талант которого сквозил во всех его движениях, как горящий внутри мраморной вазы светильник.

— Спасибо за письмо и за то доброжелательство, с которым оно подано.

Он пожал мне руку, и от его пожатия волна теплоты ещё больше прилила к моему сердцу, я был тронут, что Грегор почувствовал несущуюся к нему любовь и ответил на неё.

— Какая радость! Ты здесь, отец, редкостный гость, и даже со спутниками!

Оглянувшись на раздавшийся сзади меня голос, я увидел человека среднего роста, одетого так же, как Грегор, слегка напоминавшего его родственным сходством в лице, но совершенно разнившегося фигурой, волосами, манерами и движениями. Он весь был сплошной темперамент. И речь его была быстрой, слова сыпались чётко, точно скороговорка. Все его члены были точно ртутью налиты. Но вместе с тем суетливости в нём не было. Каждое движение было точно, ловко. Бросалось в глаза, что у этого человека был совсем особенный глазомер, что он нигде не споткнётся, ничего в своей стремительности не заденет, а, наоборот, может и умеет сделать на практике всё, о чём думает и чего хочет. Человек поднялся на террасу, Раданда обнял его.

— Тебя, Василион, без горшка с цветком увидеть трудно.

— Да ты посмотри, отец, что за цветок! — поднося к глазам Раданды горшок с прелестным розовым цветком, сыпал словами Василион. — в последний раз, когда Дартан был здесь, он привёз мне два жалких цветочка этого вида. С таким трудом я вывел эти горные лилии в оранжерее оазиса, а без меня никто не смог их там разводить. Я не надеялся вывести их вновь здесь, и вот посмотри, что за чудо природы. Что за цвет, розовый, переливчатый! Что за радужное сияние! Ведь это будто из розового и белого жемчуга божественная рука вырезала цветы. Этакая красота. — Василион высоко вверх поднял руку с горшком. — Грегор, первая проба этого цветка, воспроизведённого на чашках, — отцу и его сегодняшним спутникам. О, как я буду стараться, дорогой отец, чтобы цветочек на чашке казался живым и отливал своим радужным жемчугом.

Василион, казалось, забыл обо всём и обо всех. Вся его фигура выражала порыв восторга. Глядя на него и его цветок, я подумал, до чего целен этот человек в своём порыве и что часовня Великой Матери была бы лучшим местом для его цветка, почти в точности отображавшего цвета дивного сияния Её статуи. Мимолётный взгляд и улыбка Раданды снова дали мне понять, что и эту мою мысль он прочёл. Я же вспомнил его слова: «Есть вещи столь высокие, священные, что о них не говорят». Мысленно я ещё раз преклонился перед статуей, из атмосферы которой выйти уже не мог, и послал благоговение труду артиста, в таком восторге созерцавшего красоту цветка.

— Брат, цветок очарователен, но... твоя любезность хозяина далеко не очаровательна. Познакомься с новым гостем и поблагодари сестёр-затворниц, которые ради нас нарушили своё домоседство. — Грегор взял цветок из рук брата, подвёл его к нам, стараясь свести на землю с его цветочного неба.

Тем более будь внимателен, что этот юноша не только посол Дартана, но друг и секретарь Учителя И., — прибавил Раданда, пристально глядя на здоровавшегося со мной и радостно мне улыбавшегося Василиона.

Потрясающая перемена произошла с его смеющимся и радостным лицом. Оно побледнело, бледность сквозила даже под сильным загаром. Рука, пожимавшая мою, за мгновение тёплая, стала ледяной. Человек пошатнулся и грузно опёрся о моё плечо, которое я поспешил ему подставить.

— О Боже, мой! Уже! — шептал он, опустив голову мне на плечо. — О, я не готов, не готов. Неужели так быстро промчались десять лет?

Он ещё сильнее сжал мою руку, ещё грузнее теперь опирался на меня. Я впервые почувствовал в себе огромную физическую силу, которой раньше в себе не знал. Впервые понял, как я стал высок ростом, ибо голова Василиона приходилась на уровне моего плеча. Что я рос очень сильно, это я и сам замечал и видел в этом только чудо воспитательных талантов И. Что же касается новой и внезапной силы, то для меня сомнений не было: она пришла в момент моего посещения часовни. И ещё яснее я понял, как всё в человеческом организме должно быть в полной гармонии. Я не мог бы вынести той мощи волн Радости и Света, что влились в мой организм, ослепив меня, на мгновение почти убив и превратив в одну из нот божественного аккорда Великой Матери, если бы я не превратился в Голиафа...

Василион, за минуту весь воплощение энергии и действия, сейчас был инертен и безнадёжен. Я усадил его в кресло и встретился взглядом с Грегором. Бог мой! Какой полной противоположностью своему брату был он сейчас. В его лице и помина не было той печали, какая скользнула по нему при упоминании имени Дартана. Оно точно солнцем светилось от радости. Имя И. вызвало на поверхность всё благоговение, таившееся в его сердце. Он был уверен, спокоен, прост. Он подошёл ко мне.

— Каким гонцом счастья входите вы в этот дом! Более великой минуты, чем свидание с нашим спасителем, Учителем И., не могло наступить для нас. Не обращайте внимания на расстроенность моего брата. Его первые слова — слова отрицания — только грубая внешняя отрыжка старых-старых привычек мышления. Давно уже, как это хорошо знает наш любящий и любимый отец, друг и защитник Раданда, он оставил губившее его жизнь отрицание. Он всеми силами стремится утверждать

Жизнь и разделять Её труды в своём сером дне. Не судите его и меня строго, — голос Грегора звучал проникновенно.

— Мне судить вас? О, друг, что вы говорите? Мне, такому несовершенному человеку, к которому так незаслуженно было проявлено столько милосердия, судить пути достижения людей? Чем больше сближаюсь с людьми, тем всё глубже вижу и ощущаю, *что* такое милосердие и как далёк я сам от возможности и умения проносить его в своё общение с людьми.

— После прочтёшь письмо своё, Грегор. И Василиону Лёвушка подаст его письмо позже. Никогда не надо приступать к чтению ответственных бумаг и к каждому большому делу, пока не привёл весь свой организм к полному спокойствию. Что же это такое, дети мои дорогие, полное творческое спокойствие? Для каждого ученика это слияние *его Единого* с Единой Творящей Жизнью и в *Ней* общение с людьми и делами. И к такому общению всегда надо приготовиться человеку. Тебе, Василион, моё особое слово. Вот получил ты весть, которую искал и ждал более половины жизни. Надеялся, к ней благоговейно стремился и старался приготовить дух свой. А *пришла* весть — и первое твоё слово ей в привет и встречу было словом отрицания. Запомни навсегда эту минуту, чтобы больше не повторить своей ошибки. Милостивый провидец, Учитель И., не дал тебе внезапной встречи с собой, чтобы ты не нанёс себе и всему своему пути непоправимого вреда. Он послал к тебе нас с Лёвушкой, подкрепив нас предварительно своею любовью и Радостью Великой Матери, чтобы в Её атмосфере милосердия мы, грешные, *имели* силу любви принять на себя твой удар отрицания. Чтобы мы могли найти тебе *оправдание* и ввести тебя в атмосферу Её мира и успокоения. Восстань, оправься, передай своей внешней форме внутреннее ликование твоего духа и неси новый день счастья жить легко. Вдумайся, что побудило тебя сказать: «Я не готов». Страх. Только один страх великой ответственности перед Вечностью заставил уста твои высказать движение ума и опередить творческую работу сердца. Вот о чём говорит Учитель: «Убей ум». То есть дай время *всему себе войти* в гармонию, установи в себе тишину, чтобы ждущее тебя на пороге озарение *могло* встретить в тебе волну тех вибраций, которые *ему* необходимы, чтобы быть воспринятыми тобою. Ум, работающий *не* в гармонии с творчеством сердца, не может работать в Мудрости. А потому не может и ухватить вибраций Мудрости, хотя бы *Она* стояла рядом. Друзья и дети, — снова обратился Раданда ко всем нам, — вынесите из данной вашей встречи вечную память о двух ученических правилах:

1. Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый человек тебе великий Учитель.
2. Важно точное и цельное действие человека *сейчас*, а не десять минут спустя.

Пойдёмте дальше.

Раданда взял Василиона за руку, встряхнул его с такой силой, что тот покачнулся, ласково его к себе притянул.

— Забудь теперь о себе и думай о других. Полчаса назад ты умел думать только о деле красоты для блага людей, стараясь единиться с ними в прекрасном. Десять минут назад ты думал только о себе, забыв обо всём окружающем. Ни то, ни другое, мой милый. Любя побеждает тот, кто *живёт в Вечном*. Тогда он не скачет мыслями

и настроениями от личного к безличному. Но трудится в ровной радости, в труде своём подавая каждому то зерно Вечного, которым *живёт* сам. Живи отныне не в кажущемся смирении, а в истинном. Тогда *всякий* дар Милосердия воспримешь в благоговейной радости. И благодарность твоя Истине выразится в труде дня — лёгком, бесстрашном, уверенном и простом. Ты не будешь думать, избранник ли ты, достоин или не достоин поданного тебе милосердия. Ты будешь счастлив в усердии *сливать* со своей жизнью и знанием *каждое* встреченное сознание. Это не значит, что каждому ты будешь предлагать *разделить* твоё Святая Святых. Это только значит, что, храня тайну твоего откровения, ты будешь стремиться *вовлекать* каждого в *результат* твоего живого труда, в твою любовную радость. Будешь стараться *видеть* во встречном *его* святыню. В благоговейной радости будешь *отыскивать* в нём Свет и в *своём* оправдании помогать *его* равновесию укрепляться.

Рука об руку с Василионом Раданда стал спускаться со ступеней террасы. Всё в природе и в сопровождавших старца людях казалось мне сегодня прозрачным и сияющим. Шар же самого Раданды на этот раз казался мне переливающимся кругом розового и белого цветов, которые были так густы и плотны, что закрывали не только все другие цвета его обычно радужного шара, но даже и фигуру шедшего рядом с ним Василиона. Мы прошли несколько аллей и остановились у очень банального двухэтажного дома, в архитектуре которого сквозило много претензии на утончённость вкуса. На самом же деле дом был воплощением бездарности и буржуазности. Это здание здесь, в Общине, меня несказанно удивило. Оно было ярко-зелёного цвета, с белыми колоннами и напоминало неуклюжее подражание древним венецианским домам. Тут же красовался греческий фронтон и простое, как у французских вилл, крылечко, увешанное раковинами и разрисованное букетами цветов. Затейливые балконы и террасы лишали последней грации это создание чьей-то фантазии.

И на этот раз, как тогда, когда мы подходили к дому Деметро и Леокадии, до наших ушей ещё издали долетал говор многих голосов. Мне казалось, что я улавливаю могучий голос Деметро, покрывавший общий шум.

Раданда обошёл парадный вход и террасы, которых здесь было три, и подошёл к описанному мною крылечку. Пропустив нас всех в сени, где шум голосов был сильнее и явственнее доносился из дальних комнат, похожий на гомон базара, Раданда отдал свой посох Василиону.

— Сядь здесь на стул и никого не выпускай, если захочет кто по глупости тайно скрыться. Если же кто будет ломиться напролом, поставь ему, Василион, мой посох поперёк дороги. Тогда он отойдёт от тебя и возвратится обратно. Никакими словами нарушителей запрета не устрашай и не угрожай, просто говори: «Выхода нет». Сосредоточь своё внимание на том, что я тебе сказал, сын мой. Не суди этих несчастных людей за их тупое отрицание Истины так же, как Истина нашла оправдание твоему отрицанию и послала нас, гонцов Своих, возвестить тебе о нём.

Василион поцеловал руку старца, голос которого был добр и кроток, как тогда в трапезной, когда он говорил трём фигурам в незабываемую ночь... Я заметил, как слеза Василиона упала на тёмную руку старца и как тот нежно погладил по седой голове приникшего к нему человека.

— Уверен будь, — ещё ласковее шепнул ему Раданда и жестом пригласил нас следовать за ним.

Мы прошли через три пустых, роскошно и безвкусно обставленных комнаты, миновали огромную столовую, где на столе не эстетично оставались разбросанными остатки пищи, и вошли в заполненный азартно спорящими людьми большой зал. Никто вначале не заметил нашего присутствия. Мы тихо и молча стояли у дверей. Я видел глубоко сосредоточенное лицо Раданды. Он точно молился. Внезапно от его блиставшего шара побежали розовые и белые лучи во все стороны. В комнате стало даже светлее. Голоса смолкли вдруг, точно все сразу заметили Раданду. Десяток людей оглянулись на него и на нас, и из разных углов послышалось: «Ах!», «Отец!», «Боже мой!», «Как же мы не слыхали!» и тому подобные возгласы растерянности и удивления.

— Так, так, дети мои дорогие. Недаром сказано, что не знаете ни дня, ни часа, когда сын человеческий придёт. Если вы знали точно день и час, когда придёт к вам Учитель И., и не смогли приготовиться к встрече с ним, что же будет с вами, когда подойдёт ваша смерть к вам? Часа ведь её не знаете. Смерти нет для тех, кто *в себе* жизнь вечную открыл и *её* носит. Когда вы ехали сюда, вы давали обет: до смерти все остающиеся дни трудиться. Вы обещали Учителю И. к его приезду в Общину приготовить образцы своих трудов, показать результаты *новой* жизни. Каждому из вас была предложена вся трудовая жизнь Общины — от самых низких форм труда до наивысшей ступени художественной и научной работы. Вы всё отвергли. Тогда я предложил вам самим создать себе новые формы, трудиться каждому по собственному вкусу и усмотрению. Не раз я приходил к вам, напоминал, торопил, молил не терять времени попусту, а приниматься за труд. Только немногие из вас, не больше сотни людей, вошли в трудовую жизнь Общины. Они слились с нею, своими талантами и любовью двинули многое в Общине вперёд и двинулись сами в во много раз более расширенном сознании. Они — вами критикуемые и презираемые труженики, труженики на общее благо — ныне освободились от необходимости жить в уединённой Общине, им не нужны более *рамки*, помогающие дисциплине. Они уже *обладают* устойчивой *само*дисциплиной, они *могут* выйти в широкий мир как новые, полезные единицы вселенной, в которых Жизнь найдёт верных слуг, содействующих выполнению Её плана Вечности. Что же имеете вы предъявить Учителю, мои бедные дети? Результатов ваших споров и разговоров нет. А десять лет вашей жизни минуло. Учитель здесь, и вы непременно должны дать ему ответ обо всём сделанном вами, что из ваших обетов вы выполнили.

Пока Раданда говорил, люди старались отойти от него как можно дальше в глубь комнаты, точно лучи, исходившие от него, их жгли, хотя я был уверен, что они их не видели. Но с моими глазами творилось что-то странное. Я не видел теперь — как раньше — человека в плотной форме. Я видел в каждом несколько пластов мутной или светящейся материи, как бы облекавшей и проникавшей одна в другую, в самой глубине которых сверкали движущиеся центры. У тех людей, где оболочки были светлы и прозрачны, центры эти были больше, сияли и двигались с вихревой быстротой. Там, где оболочки были похожи на пласты вязкой тины мутно-серых или зелёно-чёрных тонов, центры эти еле виднелись и едва заметно двигались. Я взгля-

нул на Раданду и понял — то, что я принимал за его светящийся шар, было сиянием его вращающихся центров, расположенных, как сверкающие цветы, среди массы светящейся материи, которой было окружено его тело. Сливаясь в своём движении, сверкая и переливаясь, эти центры и производили впечатление шара.

Люди, наполнявшие комнату, — как это и предполагал Раданда, — пытались выйти из дома через крылечко, но возвращались обратно, не выпущенные Василионом. Из зала ещё одна дверь вела, очевидно, к террасам, но сейчас она была заставлена каким-то громоздким шкафом, наподобие готического, тоже довольно безобразным по форме. Мимо же Раданды никто не решался пройти, все сгрудились у окон, растерянно, уныло, а некоторые злобно поглядывая на нас.

Случайно взгляд мой упал на тоненькую женскую фигурку, одиноко стоявшую у окна. Это была совсем юная девушка лет четырнадцати, смотревшая на Раданду сияющими глазами, и, когда лучи Раданды добежали до неё и совсем её окутали, она быстро пробежала через весь зал, упала на колени перед старцем, схватила обеими руками его руку и быстро заговорила:

— Отец, дорогой, спаси меня, помоги мне. Я так хочу учиться, я так люблю людей. Дедушка Рассул велел мне ходить в школу, но ни мама, ни брат об этом и слышать не хотят и не позволяют мне даже выходить из дома. Я много раз пыталась добраться до тебя, но каждый раз меня ловили и запирали дома. Помоги мне, научи меня разобраться, где правда. Я ничего не слышу вокруг себя, кроме злой критики Общины, и понятия не имею, что такое ты и Община на самом деле и зачем мы живём здесь, если моим родителям и всем их друзьям так не нравится Община.

Не успел Раданда поднять девушку с колен и поставить рядом с собой, как из толпы вышла величественная женщина, очень красивая, и с чрезвычайной надменностью обратилась к Раданде:

— Пожалуйста, отец, не обращай внимания на истерические выходки нашей дурно воспитанной дочери. Всё это плод её фантазий, которым с самого детства потакал дедушка Дартан. Прости, пожалуйста, я так растерялась, что даже забыла первый долг вежливости и не предложила тебе сесть. Но выпад моей ненормальной дочери меня потряс.

— Так, так, Анитра, друг. Тебе танцевать фантастические танцы, которые ты считаешь верхом искусства, ничто не мешало. И ты никогда не терялась и не смущалась, нарушая ими чей-либо покой. Как много раз я к тебе приходил, и ты, занятая каким-либо замысловатым па, не имела ни времени, ни возможности предложить мне сесть. И всё, чем ты провожала меня, была небрежно кинутая какому-нибудь свидетелю твоих балетных упражнений фраза: «Слава Богу, отделалась от назойливого старикашки». Бедная Анитра. Ты не подумай, что я упрекаю тебя. Нет, нет. Видишь ли, друг, ничьи глаза *нельзя* раскрыть насильно. На земле очи каждого раскрываются только тогда, когда он долго и много трудится. На земле нельзя жить без труда, в праздности. Это место среди всех мест вселенной — путь труда. Если бы ты училась танцам, чтобы достичь в них искусства и передавать его другим, вдохновлять им твоих ближних, пробуждать в них стремление к благородству и красоте, твой путь плясуньи был бы священен и благословен. Но ты думала не о людях, а о самой себе, о своих собственных прелестях, пленять которыми — без белил и

румян — становилось уже трудно. И потому ты потратила время даром. Ты забыла самый первый закон тружеников земли: *оставь себе заместителя*. Ты не только никого не привлекла к делу красоты, но каждого, кто подходил к тебе, желая учиться, отталкивала, опасаясь соперничества. Попробуй сейчас, хоть один раз за всю жизнь, радостно подумать о другом человеке, а не о себе одной. Предоставь дочери своей свободу жить, как она хочет и понимает, учиться чему хочет...

— Да, что ты такое говоришь, отец! — резко перебила Анитра Раданду. Она краснела и бледнела во время его слов и теперь едва сдерживалась, чтобы не сказать грубости. — Ведь ты в своей... — она чуть запнулась, — житейской неопытности не можешь понять желаний моей дочери. Если завтра ей дать разрешение жить по её воле и вкусу, то она завтра же и поступит сиделкой в твою больницу, оправдываясь тем, что ничего иного, как ходить за больными, делать не умеет. Она своенравный и злой ребёнок.

Анитра резко повернулась к окружавшим её людям и резко выкрикнула:

— Адам, Рамза, мужчины! Что же и на этот раз вы, муж и сын, оставите меня, женщину, сражаться одну? Вы слышите, что меня оскорбляют, говорят, что я никогда не была доброй, и вы молчите? Что *ты* подразумеваешь под словом «труд», это я, отец, хорошо знаю. Довольно посмотреть на Роланду и Рунку, которые всем своим видом доказывают, что они забыли, что они женщины. Довольно посмотреть на Грегора, вечно испачканного глиной. Уж не говорю об остальных, поддавшихся твоим проповедям о труде на благо людей. Я уверена, что Учителю И. и в голову не приходило понимать труд так, как ты его понимаешь. Сделай одолжение, верни мне дочь, по своей глупости прячущуюся за твоей спиной.

Видя неподвижность и молчание Раданды, Анитра вытащила из толпы пожилого человека, у которого был очень растерянный и несчастный вид. Он кротко смотрел на свою мучительницу, которая тащила и подталкивала его по направлению к Раданде.

— Проси, Адам, требуй обратно дочь. Хоть раз докажи, что ты мужчина. Не смей отказываться, иди.

— Анитра, милая, приди в себя. Ведь ты же добрая женщина, не выказывай себя хуже, чем ты есть.

Адам моляще, ласково глядел на свою мучительницу, которая нисколько не внимала его мольбам. Тогда неожиданно ловким и сильным движением, что совсем не соответствовало его слабому сложению, Адам вырвал свою руку из руки жены, сделал несколько быстрых шагов к Раданде и упал перед ним на колени.

— Дорогой, святой отец, я так долго мечтал встретиться с тобою. Но каждый раз, когда ты приходил сюда, меня не бывало дома. А тебя искать, идти к тебе сам я боялся. Прости нас. Я осознал уже давно, что мы живём не так, как обещали Учителю И. Я уже начал работать. Грегор — втайне от жены моей — взял меня к себе на завод, и, кажется, он не недоволен мною. Молю тебя, спаси дочь, спаси прекрасную девочку Санну. Она добра и трудолюбива. И если в нашем доме есть хоть какой-нибудь мир и порядок, то она их источник. Не сочти мою просьбу за жалобу, но...

— Прекрасно, отец, мало того, что ты вечно портил девчонку своим баловством, ты сейчас публично срамишься своей сценой коленопреклонения! Да ещё призна-

ёшься, что работаешь на заводе у Грегора. Что же ты там, глину месишь, что ли? — выступая из-за спины матери, произнёс тонким и неприятного тембра голосом молодой человек высокого роста. Он был так толст, что казался весь налитым жиром. Верхняя губа его обнажала крупные зубы большого рта, и что-то хищное проскальзывало в его лице. Голова его была так мала по отношению к размеру его широких плеч, что казалась булавочной головкой на ките.

— Рамза, Рамза, одумайся, вспомни последний разговор с дедушкой Дартаном, — повернув к нему голову, ответил Адам. Он снова обратился к Раданде. — Отец, не оставь нас твоим милосердием, помоги мне понять, как я должен служить своей жене и сыну, чтобы любовь моя была им помощью и силой. Как мне раскрыть им глаза, чтобы они увидели, как глубоко я им предан, как велико моё к ним уважение и желание внести в их жизнь мир и счастье. Я готов день и ночь трудиться и взять на себя всю тяжесть повседневного труда, лишь бы они были довольны, чтобы на их лицах заиграла улыбка, а не постоянное уныние и раздражение.

— Встань, друг, подойди к дочери твоей, что в слезах молится о тебе. Утешьтесь оба и мужественно старайтесь думать о ваших родных не как о *близких* вам телесных формах, но как об отдельных частицах Единой Жизни, заключённой в формы близких вам людей. Несите ваши мольбы и заботы не этим *внешним формам*, но тому Величию, *вечному и неугасимому*, что они несут *в себе*.

Раданда обнял отца и дочь, погладил их по головам и поставил сзади себя. Мне и Грегору он велел встать по обеим сторонам от себя.

Из разных концов зала теперь стали выходить одинокие фигуры и, приблизившись к Раданде, становились полукольцом вокруг него. Плотно прижавшись друг к другу, они точно боялись нападения остававшихся в дальних концах комнаты людей.

— Отец, мы все работаем тайно от наших семей в твоих мастерских и школах. У нас не хватает сил бороться с нашими родными, которые не позволяют нам вливаться в жизнь Общины, а работать таясь нам очень тяжело. Мы много раз хотели прийти к тебе, открыться тебе. Но... не хватало мужества. Мы боялись, что ты отвергнешь нас, и тогда наша жизнь в семье станет нестерпимой.

Это говорил юноша с кротким и болезненным лицом, боязливо оглядываясь назад и подходя к Раданде. Ему, очевидно, хотелось ещё ближе подойти и спрятаться за Раданду, но он не смел.

— Так, так, всё я знаю, дети мои, не может быть тайн в Общине. Работали вы хорошо, и я не мешал вам. Пока же вы сами не преодолели страха и не заговорили, не мог я ответить вам. Идите, идите, становитесь за мной, никто вас не тронет. Раданда пропустил людей в глубь нашего кольца.

Увидев такой результат речи юноши, ещё десяток фигур бросились к Раданде, и он, молча и улыбаясь, впустил и их в наше кольцо.

— Так, так, вот и произошло отделение козлищ от овец, — покачивая головой и ласково глядя на хмурых, сбившихся в кучу у окон возле Анитры людей, сказал старец. — Что же вы молчите? Неужели, дети мои, не найдёте ласковых слов, в которых поручите мне выпросить для вас у Учителя И. оправдание и извинение?

— Какие слова нам тебе сказать? — грубо выкрикнул Деметро. — Ты ведь сам первопричина той розни, что пошла в наших семьях. Почему ты так вознёс Грегора и Василиона? Почему у тебя первый человек был всегда Ясса? Почему ты Яссу и Зейхеда отправил давным-давно отсюда? А нас держишь, точно рабов? Мы расскажем завтра Учителю И. о твоей возмутительной несправедливости в оценке каждого из нас. Ты не мог не видеть восхитительных картин моей мастерской, конечно. Но оценка им, как и труду моему, с твоей стороны — нуль. Ты оскорбил самолюбие в каждом из нас. Ты подговаривал Дартана и представлял его глазам нас в том свете, как тебе хотелось...

— Бедный, бедный Деметро, истинно, глаза *твои* видят, что *могут* видеть. Да будет Великая Мать милосердна к тебе и к тем, кто с тобою, — тихо сказал Раданда. Он перекрестил широким крестом всю комнату и ласково прибавил: — Помоги вам Бог завтра. Я буду молить Великую Мать о вас.

Повернувшись лицом к нам, Раданда жестом велел нам выходить. Сзади нас послышался шум какой-то борьбы, я оглянулся и увидел, что Рамза задерживает вырывавшуюся из его рук Анитру. Несколько времени назад её надменное лицо было не особенно приятным, но в красоте ей отказать было нельзя. Сейчас оно от охватившего её бешенства стало безобразным. Вдобавок к этой перемене с её головы со звоном выпал высокий и тяжёлый золотой гребень, поддерживавший косы, фальшивые, длинные, змеями скатившиеся на пол. Кое-где послышались злые смешки, но сама Анитра уже ничего не замечала и, вырываясь как кошка, кричала:

— Верни сейчас девчонку! Я тебе не рабыня! Как смеешь уводить мужа и дочь? По твоим глупым правилам прислуги иметь нельзя, так не воображаешь ли ты, что я сама буду убирать дом и заниматься стряпнёй? Не отдам я тебе их, несчастный старик.

Раданда остановился. Он глубоко вздохнул.

— Тебе, Анитра, как и всем вам, были созданы здесь и в оазисе Дартана наилучшие условия для полного раскрепощения от всякого добавочного труда. И пища, и уход за жильём, и сами жилища — всё было предоставлено вам. Всё своё время вы могли отдавать любому творческому труду. Дело не в моих умных или глупых запретах, а в готовности каждого человека к раскрепощению, к пониманию, что есть временное и условное, что сгинет, а что останется с человеком во всех его обстоятельствах. В любой, дорогая, форме социального положения можно быть закрепощённым или свободным, если сам живёшь в страстях. Тот, кого не треплют гордость, зависть и самолюбие, как злая лихорадка, всегда сумеет внести мир в своё окружение. Вспомни, бедняжка, где только ты не жила! Где ты только не кочевала, и всё тебе казалось, что все тебя ненавидят и преследуют. Теперь, в эту минуту, когда твои преданнейшие слуги покидают тебя, слуги, отдавшие тебе всю жизнь и труд, хоть теперь подумай: кем была ты для них и чем заставила их уйти от тебя? Одна минута *полной* доброты, одна минута настоящей самоотверженной любви могут ввести тебя и их в новое неожиданное счастье: *жить* в любви неугасимой Великой Матери. И тогда, поверь, бедняжка, всё представится тебе в ином свете. Ты будешь благословлять величайшее из счастий человека: *жить в труде*.

— Опять проповеди! Опять слова! — закричала Анитра, которая теперь походила на фурию. — То ты запрещал нам бить детей, уверяя, что таков закон Светлого Братства. То ты вторгался во взаимоотношения между собой наших семей, напоминая нам о наших обетах Учителю И. жить в нравственной чистоте. То ты убеждал нас полоскаться в твоих душах, уверяя, что они куда лучше наших ароматических притираний и лучше сохраняют здоровье и молодость. Не перечесть всех твоих предписаний. А всё это ты делал для того, чтобы сеять между нами рознь, отлавливать в свои сети отдельных членов наших семей. Всё, всё скажу завтра Учителю И.

— Утихни, несчастная, — тихо, но так властно сказал ей Раданда и такие искры брызнули на Анитру от всей его фигуры, что она опешила и попятилась назад. — Молчи до самого того момента, пока Учитель И., пред которым предстанешь, не разрешит тебе говорить, — всё так же властно произнёс Раданда, снова повернулся к нам и на этот раз вышел из дома, не обращая внимания на шум и гам, которые поднялись в зале за нашими спинами, как только мы переступил порог.

Взяв в сенях посох у Василиона и опёршись вновь на его руку, Раданда сказал Грегору:

— Отведи, дружок, всех, кто с нами сейчас идёт, в мои покои у трапезной. Там объясни келейникам, чтобы всех отвели в душ и подали каждому чистое платье да поставили всем приборы за моим столом. И Василиона возьми с собой. А я с Лёвушкой зайду ещё кое-куда. Мы поспеем к трапезе.

Простившись со всеми общим поклоном, Раданда быстро пошёл вперёд; я поклонился окружавшим меня спутникам и помчался за старцем. Какую огромную разницу я должен был констатировать в своих силах сейчас! Ни малейшей слабости, никакого головокружения, ни намёка на раздражённость или нервное расстройство от пережитой тяжёлой сцены во мне не было. Точно железный, я шёл рядом с Радандой, и, как только мы остались с ним вдвоём, меня снова охватила атмосфера счастья, которую я вынес из часовни Великой Матери.

Шагая за Радандой, я перестал ощущать себя как такового, меня наполнял Свет, и всё окружающее перестало существовать как моё отдельное, индивидуальное восприятие, но существовало как *одно*, неотделимое *целое*.

Мы вошли в узкую аллейку высоких цветущих белых акаций. Я взглянул вверх, откуда нёсся ошеломляющий аромат, и увидел белое море цветов, через которое сквозило синее-синее небо. Жужжание пчёл, шмелей, цикад — всё сливалось со мной в одну симфонию, я жил, благословлял всё живое, и впервые Жизнь была — я и я — был Жизнь. Впервые я охватывал мыслью и духом *всё*: я понял, где идёт граница сознания личного и сознания космического; что такое распад устарелых предрассудков и понятий и как освобождающаяся Мысль льётся из человека в действия земли. Я понял великое значение слов: Гармония есть счастье. Понял, что тот в своём счастье непоколебим, кто ощутил Свет в себе как живой импульс жить.

Мы подошли к простому, милому, небогатому дому. Перед ним был разбит скромный палисадник, свидетельствовавший о незатейливых вкусах хозяев. Навстречу нам выбежала небольшая собачка, а следом за ней двое детей — мальчик и девочка лет пяти-шести. Увидев Раданду, дети бросились к нему с визгом и смехом, и я еле успел взять у Раданды посох, чтобы освободить его руки для ребят. Из-

дали к нам почти бежала женщина в простом чистом платье, а из дома вышел мужчина в рабочем костюме. Это, очевидно, была семья. Лица взрослых просияли не менее детских, когда они увидели Раданду. Не давая им времени вымолвить слов привета, старец сказал:

— Ну, вот и пришёл я вестником к вам, дети мои. Дедушка Дартан письмо вам прислал и посылочки всем. И вам, пострелята, посылки есть, — гладя прильнувших к нему детей, продолжал он. — Из письма узнаете, как доволен вами и вашей жизнью Рассул, а за посылками придёте ко мне сами в трапезную нынче к вечерку. Это не всё, подождите благодарить. Учитель И. здесь. Завтра его увидите. Чего же вы испугались? Разве вы не наготовили на всю Общину нового материала для обуви? Разве где-нибудь ещё есть такие прекрасные подмётки, как у вас? И кто же догадается, что они из стекла, а гибки и прочны, что тебе кожа. Будьте спокойны и уверенны, захватите детей и приходите вечером. Я с вами ещё поговорю. Подай, Лёвушка, письма этим добрым труженикам.

Я был в затруднении, как найти мне письма для новых знакомых, имён которых Раданда мне не назвал, но он чуть улыбнулся и прибавил:

— Ищи надпись рукой Дартана: «Внукам моим Адриану и Наталии».

Я отыскал быстро письмо и подал его Наталии. Впервые в Общине я видел такое лицо. Бледная, вся покрытая веснушками, она смотрела робкими, детскими глазами, из которых, казалось, так и брызнут застывшие в них слёзы. Что же касается её мужа, то он производил странное впечатление. Если бы я встретил его вне данной обстановки и не слышал бы слов Раданды, что он рабочий, я счёл бы его за полководца. Его осанка, манеры, взгляд — всё говорило: «Я воин». Он смотрел весело, уверенно, и в каждом движении чувствовалась непобедимая воля.

Не успел я подумать о судьбе этих людей, как Раданда уже простился и повернул к домику, видневшемуся в самом конце белой дорожки. Прощаясь с новыми знакомыми, я старался передать им всё счастье своего поющего сердца и помчался за старцем, которого нагнал у входа в дом. Этот дом был совсем простым, вроде того, в котором мы только что были, но много больше. Войдя в сени, я увидел, что из широкого коридора шёл ряд дверей в комнаты. Одна из них открылась, и человек в рабочей блузе бросился к Раданде:

— Отец благословенный, ты пришёл к нам! Господи, а наши-то не все ещё дома. Ах, как будут жалеть те, что не увидят тебя! Войди, дорогой, в нашу приёмную. Мы точно знали — решили устроить себе одну общую приёмную, и ты будешь первым в ней гостем.

Человек открыл одну из дверей и пропустил в неё Раданду.

Комната была небольшая. Стены выложены прекрасно отполированным деревом. Скромная, удобной формы мебель, пол, застланный циновками, как в оазисе Дартана, и несколько шкафов с книгами составляли всё её убранство. Но аромат свежего дерева и поразительная чистота радовали сердце и глаз.

— Здесь всё, отец, сделано нами самими. Мы мечтали пригласить тебя, мечтали о твоём визите, как о самом лучшем празднике, а ты взял да сам пожаловал! Ах, как будут огорчены все мои товарищи, которые не увидят тебя сегодня.

— Никто огорчён не будет, друг Василий. Пойди кликни, кто есть, — письма вам Дартан прислал. — Раданда сел на стул и указал мне место рядом.

Когда Василий вышел, Раданда велел мне отыскать письма, называя имена одно за другим. Оставалось у меня в сумке уже не так много писем, о которых Раданда мне сказал:

— А эти храни. Их пока отдавать нельзя. А как возвратишься из поездки за Яссой, так и передашь. Они тем, кто сегодня последовал за мной, их надо ещё приготовить.

Дверь открылась, и человек десять, очевидно наспех переодевшихся, вошло в комнату. Каждый из них почтительно и радостно целовал крестившую его руку Раданды, и каждому старец возвращал его поцелуй в голову.

— Ну, дети мои, вот и настал час вашего освобождения. Завтра увидите Учителя И. и пойдёте за ним работать в широкий мир. Радуйтесь вдвойне, что срок ваш короче положенного вам Учителем вышел. Не один Учитель будет вас приветствовать завтра, но всё Светлое Братство примет вас в свои члены и отдаст вам свой поклон признания и радости. Полноте, други, не лейте слёз.

— Отец, отец, не хочу покидать тебя. Здесь я Свет нашла, оставь меня в *н*ём утвердиться, — говорила одна из женщин, особенно горько плакавшая.

— Вот попроси у Лёвушки письмо к тебе Дартана. Завтра поговоришь с Учителем, тогда и решишь. Не тебе знать, готова ли ты к труду более широкому или нет. Про то Учитель знает. Тебе, дружок, одно помнить: до конца страх и сомнения победить, верной до конца своему обету быть. Вдумайся: первая твоя мысль сейчас была, что ты не готова, страшна тебе ответственность. А ведь не раз ты от меня слыхала, что жизнь всюду идёт на утверждении. Новый приходит к тебе зов Жизни, но в утверждении ли ты этот зов встречаешь?

Раданда приказал мне передать письма каждому лично, и, пожимая руку каждому из подходивших людей, я чувствовал волну Великой Матери, проникавшую в пожимаемую мною руку, как волну теплоты и счастья. По выражению глаз каждого я видел, что волна достигала сердца. Необычайно просто, как будто бы они меня давно знали, они говорили мне слова благодарности, и я знал, что благодарность относилась не к письму, а к тому неосязаемому, что приходило к ним через пожатие моей руки.

Прощаясь, Раданда и этих людей пригласил к себе вечером, и, как только мы вышли в парк и направились к трапезной, раздался первый удар колокола.

— Ну, вот, дитятко, мы вовремя и поспеем. Только тебе нынче в трапезной со мной не быть. Тебя И. уже ждёт, чтобы ехать за Яссой. В дэше ты встретишься с И., и там он даст тебе подходящую для такого путешествия одежду. Ну, а есть до вечера тебе и не надо сегодня. Пожалуй, железный ты нынче, — усмехнулся Раданда.

Всё сбылось, как он мне сказал. В душе я встретил И., который приказал мне надеть платье, охватывавшее меня с головы до ног, как плотный футляр, плащ, высокие сапоги со шпорами и шлем, сплетённый из пальмовых тесёмок, закрывавший лоб и затылок. Длинные перчатки с широкими крагами довершали мой туалет.

Сам И. был одет точно так же и походил на рыцаря. Я же не умел приспособиться ни к сапогам со шпорами, ни к плащу, ни к перчаткам с крагами и походил, вероятно, на опереточного разбойника.

Когда мы вышли к ограде, чтобы садиться на маленьких лошадок, мне суждено было ещё раз обомлеть: Зейхед и Ольденкотт, точь-в-точь в такой же одежде, как мы, ждали нас у лошадей.

Глава 21

Мы едем встречать Яссу. История его жизни, рассказанная нам И. Встреча с Яссой и необычайное видение в пустыне. Возвращение в Общину и посвящение Яссы. Трапезная. Разговор с Грегором. Две речи И. в трапезной и на балконе

От массы новых и неожиданных впечатлений и переживаний, которыми были полны дни жизни в Общине, у меня по сравнению с прежними моими ощущениями была полная ясность мыслей, не сворачивавшихся в клубок, как раньше, когда трудно было уловить логическую связь. Теперь она тянулась ровной линией. И не только эту разницу в себе я заметил. Моя новая огромная физическая сила не покидала меня. Ни зной пустыни, ни плотно облегавший тяжёлый костюм, ни пыль — ничто не только не показалось мне трудным, но я даже перестал всё это замечать, точно всё это было в порядке вещей. Я совсем иначе осознавал теперь себя самого. Я чувствовал в себе и другую, совсем особую, силу не только физического существа: я ощущал силу мысли зрелого мужчины, которая лилась из меня во всё, что я видел, делал, наблюдал. Когда я приподнялся на стремени, чтобы сесть в седло, как делал это обычно, лошадка слегка пошатнулась подо мной.

— Садись осторожнее, Лёвушка. Ты теперь силён и тяжёл. Соразмеряй движения ловко, чтобы не отяжелить животное и не повредить ему. И мысль свою сдерживай, потому что и она обладает теперь в тебе иной, более огненной силой, — сказал мне очень тихо И.

Когда я здоровался с Зейхедом и Ольденкоттом, мне показалось, что оба они приветствовали меня тоже по-иному, точно за дни нашей разлуки я вырос и стал с ними на равную ногу, а не был для них прежним мальчиком.

Мы отъехали от Общины довольно далеко, когда милый, ласковый Ольденкотт придержал свою лошадку и подъехал ко мне близко, чтобы можно было разговаривать.

— Я очень рад, Лёвушка, видеть вас таким великолепным вовне и мощным внутри. И я, конечно, теперь уже не спрашиваю, не обижает ли вас Наталья Владимировна, так как ни для чьих добродушных насмешек вы уже не можете представлять удобной мишени, — улыбнулся он юмористически. — Если бы в моём обиходе ещё могло существовать такое определение, то я сказал бы, что соскучился по Наталье Владимировне и по вас. Мне не хватало её в некоторые моменты моего нового обучения, она всегда умела облегчить мне все трудные для моего понимания феномены. А вас мне не хватало как постоянного примера цельной верности, без малейших колебаний и сомнений. Я не встречал ещё человека, который умел бы так прямо без компромиссов двигаться по раз намеченному пути.

— Ваши слова меня очень удивляют. Сегодня у меня такое чувство, точно только сейчас я и понял, что такое цель и смысл жизни, и только теперь я знаю, каким путём радости движутся к Истине.

— Это ощущение мне очень и очень хорошо знакомо. Не мало раз в жизни я его испытывал, двигаясь по пути знаний. И каждый раз в моём новом мироощущении я останавливался в раздумье, какими же силами должен обладать Учитель, если Его милосердие не знает границ в своих отношениях с нами, идущими и ищущими с таким напряжением и неустойчивостью. Каждый из нас, сумевший подойти к той стадии развития, когда Учитель берёт его в ученики, знает в своей жизни три неизбежные ступени психологического созревания. Эти три неизменно повторяющиеся ступени за долгую свою жизнь я наблюдал у всех людей, начинавших свой ученический путь.

Первое — человек начинал тяготиться всем тем в своей жизни, что составляло для него смысл и прелесть прежних дней. То есть он начинал распознавать ценность Вечного и нереальность условного.

Второе — приходило сознание себя не членом одного общества, но мировой единицей. То есть человек включался в цепь дел *Жизни* и начинал *действовать в невидимом*, а видимое *принимал* целиком, проходя его только как необходимый этап *для самого себя*, как свою ступень опыта и самообладания.

Третье — и самое великое в переворотах человеческого творчества, — в каждом открывалась сила преданности и верности тому делу, которому он служит. И тут в зависимости от того, *что* — по своему масштабу пониманий и возможностей, *он* проводил в жизнь как верность *до конца*, — он начинал видеть Вечность во всём. И люди становились для него равными по путям движения к этому Вечному.

Эти три ступени сознания я наблюдал во всяком подходившем к Истине человеке. И они ведут так высоко, как *его* самоотверженная любовь к встречному человеку раскрывает его внутренние глаза. Здесь нет ни штампов, ни условий, одинаковых для всех. Здесь всё индивидуально.

Я хотел задать моему чудесному собеседнику несколько вопросов о его личном пути, как услышал голос И.:

— Только я и Зейхед знаем всю историю жизни Яссы. В данную минуту, чтобы понять огромный подвиг этого человека, я считаю нужным рассказать вам часть этой сложнейшей и труднейшей истории его жизни. Конечно, я расскажу вам только главные этапы, необходимые для понимания того, *сколько* надо знать о человеке, *как* надо быть внимательным к своим встречным, раньше чем решиться высказать своё мнение о том или ином человеке. Из данного рассказа каждый из вас вынесет новый урок о ценности *сказанного* слова, а иногда и неисправимости нанесённого им зла.

«В одном из глухих, мелких городов Китая жила бедная, обременённая детьми семья. Один из младших мальчиков, которого теперь вы знаете как Яссу, но которого тогда звали иначе, всегда выделялся самоотверженной любовью к своему старому отцу. Сначала ребёнок, едва ковыляя на кривеньких ножках, старался незаметно

пробраться всюду, где работал отец. Часами, голодный, иногда в холоде, он молча сидел в сторонке, глядя на тяжёлую работу дорогого отца, и неизменно возвращался с ним вместе домой, к бедному и плохому ужину.

Как только окрепли его ножки, он стал среди дня исчезать, бежал к базару и, выпрашивая мелкие подаяния, возвращался к отцу с куском хлеба, а в более удачные дни и ещё с чем-нибудь, суя в руки измученного труженика-отца свои убогие дары, казавшиеся обоим царским обедом.

Прошло ещё немного времени, а уж маленький Ясса стал помощником отцу. Не буду говорить об усталости и переутомлении ребёнка, старавшегося в своём детском усердии и преданности не только разделить, но и облегчить труд взрослого человека. Это вы сами можете понять, зная сегодняшнего Яссу.

Часто отец, работая на рисовом поле, чтобы облегчить сыну труд, рассказывал ему сказки. Внимательно слушал их мальчик и поражал отца тем, что слово в слово их запоминал и, возвратясь домой, пересказывал их братьям и сёстрам.

Однажды ребёнок поинтересовался, откуда отец его знает такие чудесные сказки. На ответ, что ему рассказывал их старый дед, деду — его мать, а матери — учёный дядя, мальчик полюбопытствовал, что значит «учёный». Отец объяснил, что учёный — это очень важный человек, который может читать по книжке, а самый большой учёный может даже и писать.

“А кто же делает учёных? Их рождают ангелы?” — спросил ребёнок. Узнав, что это обыкновенные люди, которым Бог послал счастье учиться, ребёнок не мог больше расстаться с мечтой сделаться учёным. Неоднократно поверял он отцу свои мечты, говорил, что день и ночь молится Богу только об одной милости: учиться.

Время летело, но для Яссы, нетерпеливо ждавшего от Бога чуда, оно ползло черепахой. Не один раз заставал отец своего сына стоявшим на коленях с глазами, устремлёнными в небо, в экстазе мольбы, и знал бедный отец, о каком чуде молит небо его Ясса.

Тяжёлые годы труда и борьбы убили в отце надежды на чудо. Он с горечью думал, что мёртвое небо не ответит на мольбы сына, как не ответило ему во всю долгую страдальческую жизнь.

В один из моментов экстаза Яссы из-за густых зарослей бамбука внезапно вынырнула высокая фигура мужчины, в котором отец узнал важного школьного учителя из ближайшего городка. Репутация его была не особенно хорошей, и особенно болтали о нём как о злом колдуне.

“Ха-ха-ха, — остановившись возле стоявшего на коленях мальчика и толкнув его ногой в спину, приветствовал милый учитель Яссу. — Хочешь учёным стать? Кто это тебе набил голову подобной глупостью? Нищим учиться не для чего. Чтобы стоять по пояс в воде и грязи и растить рис да чтобы очищать всякую дрянь с дорог и жилищ богатых людей, вам, нищим, учёность не нужна. А способностей, памяти, необходимых для учения, у нищих быть не может”.

“Прости, великий человек, — вмешался отец. — Я не могу противоречить твоей учёности. Но сыну моему небеса дали память за нас всех. Он любую сказку повторит за тобой слово в слово, как ты ему скажешь. Он даже нашему высокому мандарину понравился, и тот обещал его учить. Но плата, назначенная им, так высока, что

всей нашей семье вместе её не заработать. А мать не хочет продать свои браслеты, потому что, как и ты, считает, что нищим труженикам знаний не надо. Я сам когда-то тоже был способным, но мне жизнь не послала счастья учиться. Вероятно, и мечтам моего сына не сбыться”.

“А вот я сейчас проверю таланты твоего сына. — Учитель удобно уселся на кипу срезанного бамбука и заявил: — Ну, становись передо мной, смотри мне в глаза и слушай, что я буду тебе говорить. Старайся всё решительно запомнить и повторить. Смотри, если хоть раз ошибёшься, учение пройдёт мимо твоего носа. Внимание собери, во всём подражай”.

Восторженно глядя на учителя, как на посланника небес, мальчик слушал речь, смысла которой не понимал. Но так как он был одарён не только необычайной памятью, но артистичностью и музыкальностью, то запомнил не одни слова непонятной ему речи, но и все интонации, завывания и закатывания глаз учителя.

“Теперь изволь повторить всё до мельчайших подробностей, что я тебе сказал”, — хохотал во всё горло учитель.

Ясса улыбнулся, улыбнулся также и отец, потому что оба они были уверены в том, что маленький человечек не упустил ни единого произнесённого учителем звука, что он сумеет передать всё до последней мелочи. И действительно, думавший озадачить тружеников оказался более нежели озадачен сам. Мальчик воспроизвёл всё поведение учителя с таким искусством, так комично были переданы все завывания и закатывания глаз, дрыганье ногами и руками, что отец не выдержал этого испытания и упал на землю от хохота.

“А, так ты вздумал издеваться надо мной?” — в бешенстве заорал учитель. Он вскочил с места, выхватил из-за пояса ремень и высоко занёс руку, целясь ударить мальчика по нежной голове. Мгновенно унялся смех отца. Как тигр он бросился к сыну, схватил нож для резания бамбука, лежавший у ног Яссы, и закричал таким громовым голосом, какого Ясса и не предполагал в своём добром и всегда кротком отце.

“Попробуй ударить моего ни в чём не повинного сына, и я разрублю твою руку, как бамбуковую трость. Ты сам велел мальчику повторить всё — он изо всех сил старался. А если у него, маленького, вышло мне смешно то, что у тебя, великого, считается признаком учёности, то ты отлично знаешь, с кем имеешь дело. Мы учёных не видали и не можем понимать, что считается в вашем обществе признаками хороших манер. Тебе надо нас, невежественных, простить, нам объяснить нашу отсталость, а не бить за усердие. Мальчик понял, что надо всё представить, как ты представлял. Вот и всё. Мы слишком голодны и утомлены, чтобы развлекаться представлениями или смеяться над людьми. И я смеялся от восторга, восхищался способностями сына”.

За всю жизнь не слышал Ясса, чтобы так много слов сказал кому-либо его молчаливый отец. Рука с ремнём ещё была поднята вверх, так же как и рука отца всё ещё защищала голову сына.

“Ну, ладно, — опуская руку вниз и делая вид, что он убеждён доводами отца, сказал учитель. Но лицо его сохраняло все признаки бешеной злобы и раздражения.

— Поворачивайся спиной ко мне, слушай, что я буду говорить, и повторяй снова точь-в-точь всё, что я скажу”.

Мальчик послушно повернулся спиной, но отец не двинулся с места, продолжая держать нож в руках.

“Сын повернулся, а ты что? Так и будешь стоять тут с ножом? Что ты, сокровище караулишь, что ли?” — отталкивая отца, рычал учитель.

“Ты меня не толкай, я не труслив. А сын мой такое же сокровище для меня, как твой — для тебя. И защищать его от всякого зла я буду так же, как и ты своего, хотя бы мне грозили смертью”.

“Ха, ха, ха, подумать только, до чего эти нищие сентиментальны! Да я тебе своего сына, лодыря, негодяя и идиота, даром отдам, не только защищать не стану от злых сил. Беда только, что никаким злым силам дураки не нужны”.

Учитель стал сыпать китайские скороговорки одну за другой так быстро, что отцу показалось под конец, что у него в голове отбивает дробь барабан. Когда учитель смолк, Ясса стал отбивать ту же дробь, и под конец отец снова не выдержал и повалился на землю от смеха.

Лицо учителя было теперь темнее ночи. Он дико вращал глазами, судорога передёргивала его губы и щёки, руки конвульсивно вздрагивали, сжимая ремень. Повернувшись к учителю, ребёнок бесстрашно смотрел ему в лицо. Очевидно, в своей невинности он полагал, что все эти признаки — неизбежные атрибуты учёности. Замер мгновенно смех отца, пропала вся его весёлость, когда он поглядел в невинное личико своего ребёнка и понял надежды, мольбу его детского сердца, желание услышать одобрение своего мучителя, желание угодить ему, лишь бы сделаться учёным.

“Ну, сколько можешь платить за обучение сына?”

Огромная борьба в сердце отца не отразилась на его лице, только капли холодного пота покатились по худым, тёмным щекам и лбу. Отдать Яссу этому зверю? Видит Бог, с какой радостью он отдал бы сына в ученики к доброму человеку! Но как объяснить невинному, одержимому страстью к науке ребёнку, что одно только горе придёт к нему от подобного учителя? Как отказать ему, возможно, в единственном случае приобрести знания? И всё же интуитивная сила любви заставила его сказать: “Если бы ты был человеком добрым, я, быть может, просто сказал бы тебе, как мандарину, что не могу тебе платить. Но, так как с первого момента ты хотел бить его, то я отказываюсь отдать тебе его вовсе. Велик Бог, он пошлёт нам ещё возможность исполнить единственное желание моего чистого, усердного сына. Иди с Богом, да будет прославлена и велика Его наука в тебе”.

“Ха, ха, ха, ещё мудрец нашёлся! Дурак ты, дурак. Сказал бы, что будешь каждую неделю два дня приходить всей семьёй исполнять мои домашние работы... Я, может быть, смилостивился бы и стал учить твоего сына”.

“Что сказал — сказал”, — тихо ответил отец, принимаясь за работу.

Учитель стал кричать, ругаться, упрекать в невежестве и неблагодарности, уходил, снова возвращался к бамбуковой роще, где, не обменявшись ни единым словом, работали отец и сын. Надрывалось сердце отца, незаметно следившего за

любимым сыном, видя героические усилия мальчика сохранить полное спокойствие и скрыть от отца набегавшую слезу.

Много раз уходил и возвращался учитель к роще, всё понижая свои требования. Наконец, злее злого глядя на отца, тысячу раз обругав его дураком и идиотом, он запел медовым голосом: “Я понял, что ты очень умный человек, мой друг. Я согласен платить тебе за мальчика хорошую сумму ежегодно с тем, что, когда он будет учёным, он вернёт мне втрое большую сумму, чем та, что я тебе выплатил. Кроме того, я буду его кормить и одевать, но видеться с ним всей твоей семье я запрещаю. И он сам, — тыкая пальцем грубо в грудь Яссы с такой силой, что тот пошатнулся, — должен сейчас же здесь произнести мне клятву на моём ремне, которым ты не дал мне его ударить, в своей верности, послушании, усердии и службе до гроба мне одному, видя во мне своего полного господина, царя и Бога”.

“Неужто, любимый, кроткий сынок мой, хочешь ты уйти с этим ужасным человеком? Хочешь клясться ему как Богу?” — “Отец, мне надо быть непременно учёным. Я должен достичь этого, какая бы цена учёности ни была! Отдай меня. Как бы несчастлив я ни был без вас всех, особенно без тебя, я буду счастливее, чем жить мне без науки. Я буду клясться ему в верности и послушании, но верность моя и любовь к тебе и Богу, от этого не могут измениться”.

Ясса клялся, как велел учитель, ни слова не понимая из того, что он говорил. Вечером отец возвратился домой один.

Драма, пережитая отцом, сделавшая его стариком, больным и слабым, после разлуки с сыном и ежедневной тоски по нем, была ничто по сравнению с той трагедией, что переживал сам Ясса. Учитель не бил его, так как понял, какое драгоценное сокровище и орудие своей злой воли он может выковать из талантливого мальчика. Сам он, кроме грамоты да затверженных навеки нескольких формул зла, ничего не знал. И мальчик в один месяц перегнал его в познаниях.

Тогда он отвёл Яссу в мужской монастырь в пятидесяти верстах от города, и здесь началось обучение Яссы тёмному оккультизму. Ничего не понимал мальчик в том, чему его обучали. Новые же его учителя видели в его невинности лучшую защиту своей школе.

Три года провёл Ясса в науке, и только тогда, когда учителя сочли возможным начать нравственное развращение своей жертвы, понял Ясса, на какой путь он вступил, кем он окружён и что ждёт его дальше. Страшную борьбу с самим собой выдержал не по летам развитый двенадцатилетний ребёнок. Результатом всех его страданий явился побег, которому я помог. Долгое время укрывал я его в одном из тайных скитов Белого Братства, затем увёз его в оазис Дартана. Но и там следы его были открыты. Мне пришлось укрыть его в тайной Общине в пустыне, и затем в течение нескольких лет он жил здесь, у Раданды.

Овладев силой полной защиты от тёмных сил, Ясса переехал в Общину Али, где вы его и видели, одни впервые, другие как давнего друга».

Едва закончил И. свой удивительный рассказ, как вдали показалось облако пыли, в котором я различил силуэты лошадей.

— Я вам рассказал историю одной человеческой жизни. Каждый из вас понял, почему Ясса был избран Али для проводов в тайную Общину другого человека,

подпавшего также под влияние зла. Верность Яссы Богу любви и добра сложила ему защитную сеть, пробить которую не могут теперь никакие натиски злых. И эта же устойчивая сеть помогла ему вырвать из рук преследователей Беньяжана, доставить его благополучно в указанное место и возвратиться сюда. Этим подвигом борьбы с тёмными силами в пустыне и защиты от них другого человека Ясса освободился от последних обязательств по отношению к тёмному оккультизму, бессознательно взятых им на себя в своей детской клятве. Тяжёлым трудом изживал Ясса страшную связь, взятую в своём детском бесстрашии и мужестве ради завоевания единственной драгоценной для него формы жизни — науки. Теперь Ясса может вступить в освобождённые, чистые и действенные члены Светлого Братства и начать своё ученичество. На этом примере вы ещё раз видите, как индивидуально разнообразны пути людей, как невозможно достичь чего бы то ни было в ученичестве подражанием и как разны ступени, с которых начинает своё официальное ученичество человек. Раньше, чем подойти к Учителю, каждый человек *уже* шёл замеченным, отмеченным и получающим помощь от тех или иных Светлых Братьев, помощь-ответ на свой зов. Не поддавайтесь же иллюзиям помощи *извне*. Если вам попадаются те или иные источники, ведущие вас к знанию, знайте, что к *встрече* с Учителем вас ведут *только* те силы, что *ожили в вас*, силы-*аспекты* Единого, через которые — *только и единственно* — каждый человек *может* общаться с Жизнью, в каких бы *Она* ни была формах. Принимая сейчас Яссу в свои горячие объятия, принимайте в его лице Самое Жизнь, не различая Её величия от принятой Ею на себя формы. И в этом вашем объятии, Ей раскрытом, поднимайтесь на ту высоту Красоты, которую каждый из вас постиг в эти дни в часовне Звучащей Радости Великой Матери.

Мы проехали ещё немного. И. остановил своего коня, мы все выстроились позади него полукругом, благоговейно наблюдая приближающуюся шагом кавалькаду во главе с Яссой.

Немало торжественно-высоких минут пережил я подле моего великого друга И. за последнее время. И всё же, если бы не преображение моё в Голиафа у ног Великой Матери, я уверен, что не смог бы удержать слёз и волнения моего бешено бившегося радостью сердца.

Не доезжая шагов пяти до нас, Ясса сошёл с лошади, подошёл к И. и опустился на колени, сняв с головы шлем, с рук перчатки и расстелив свой плащ под ноги коня И.

Спрыгнув с коня, И. ступил на плащ Яссы, поднял его с коленей, обнял, прижал его к себе. В течение нескольких минут не было ничего видно, кроме огромного сверкающего шара, в лучах которого, мне казалось, померкло жгучее солнце пустыни и исчезла сама пустыня. Мне было трудно выносить этот свет, точно блистание непрерывных молний дрожавший вокруг. Я увидел, как между небом и песком пустыни засияла огромная алая звезда, испускавшая лучи такой длины и силы, что на восприятие человеческого глаза казалось, будто половина вселенной должна была тонуть в этих лучах.

Я не знаю, сколько времени длилось это божественное видение. Когда я смог что-либо различать своими ослеплёнными глазами, я увидел И. сверкающим не менее солнца, увидел Яссу, преображённого, сиявшего точно ангел, увидел всех его

спутников стоявшими на коленях на песке пустыни и закрывавшими свои лица плащами, точно они не могли выдержать слепящего Света. Я ещё раз понял, что только Великая Мать дала мне силы выдержать это видение, не закрывая лица, и не ослепнуть.

Несколько мгновений вокруг царила такая глубокая тишина, что казалось всё — и люди, и кони, и сама пустыня — замерло в одном порыве благоговения, в беззвучной песне славословия...

— Встаньте, друзья мои, откройте ваши лица, — услышал я голос И. И снова для меня этот голос был новым, так он был добр, кроток, такое в нём было новое для меня звучание. — Запомните эту минуту нового для вас счастья. Не только вся ваша жизнь отныне — после того как вы присутствовали при сиянии самой *силы* Бога, — но и жизнь всех тех, с кем каждый из вас встретится, будет иною. Вы поняли, ощутили на деле, что нет иной руководящей нити в жизни человека, как его собственная, *в нём вечно живущая, вечно свободная* искра Бога. Вы поняли, что ничто, нигде и никогда *не может* задавить вашей *свободы*, ибо свобода каждого из вас — вечность, *в вас* живущая. Перед поворотами во внешней судьбе человека всегда оживает или меркнет его внутренний человек. Нет возможности перейти из одного состояния внутреннего совершенства в другое, более высокое, пока *все препятствия* вовне не сумел человек *благословить*. Теперь вы все пойдёте в широкий мир, забудете о песках пустыни, но запомните навек эту благословенную минуту пережитого счастья. Здесь вы были более раскрепощены от условностей человеческих предрассудков и суеверий. Здесь вам легче было оберегать свои проводники от мелких страстей и алчных желаний, окружающих вас. Но с того момента как Жизнь выбросит вас в необходимые Ей потоки суеты, вы будете со всех сторон окружены страстями. И эти страсти для вас, преображённых, будут чувствительнее огненных бичей. Навсегда сохраните в памяти непоколебимые устои в вашем общении с людьми, которые я вам сейчас укажу как заветы вашего *вечного* труда среди людей:

1. Никогда не слушайте пересудов, обрывайте всей вашей силой радости и доброты все жалобы людей, говорящих вам злое о людях своей страны, о самой своей стране, о своём народе, о своих правителях. Осознайте глубоко, что вы, поддерживая или допуская при себе подобные отрицательные разговоры, содействуете злу и раздражению земных созданий и астрального плана. Вы помогаете устами осуждающих в вашем присутствии уничтожению или разрыву тех путей, которые намечены планом *Единой Силы*, ведущей всю вселенную сообразно карме наций, стран и всего живого человечества.

   Не только тот грешит, кто своим осуждающим словом мешает осуществляться плану Божественной *Силы*, но и тот, кто не сумел разорвать нить подобного разговора и всей своей любовью пролить мир в сердце бунтаря.
2. Проносите день как мгновение Вечности и остерегайтесь внести в него хотя бы малейшую жестокость. Твёрдо распознавайте, *что* есть жестокость.

Если вы видели, как бьют беззащитного ребёнка, и не заступились за него, вы столько же согрешили перед Вечным, сколько и тот жестокий, рука которого била ребёнка.

Если вы слышали жестокое слово, бившее как злобный мяч невинного человека, и вы не сумели защитить его, увести его прочь от злого, вы виновны перед Вечностью не менее самого ругателя.

Если вы присутствовали при том, как причиняли физические страдания беззащитным существам, и вы не протестовали и не защищали несчастные бессловесные существа, вы виновны даже более, чем те, кто их причинял.

3. Суеверия людей, с которыми вам придётся сталкиваться на каждом шагу вашей жизни, не только не должны ложиться на ваше восприятие и огорчать вас, но бодрость ваша должна возрастать от каждой встречи с человеком, суеверие которого мешает ему широко раскрыть глаза на мир.

Проходя день, вбирайте в себя всё то скорбное, с чем сталкиваетесь, и радостно передавайте его мне. Не расставайтесь со мною ни в каком дневном труде и общении с людьми. Живите и действуйте, имея в сердце и уме мою энергию, и наше сотрудничество не позволит вам отойти от сознания, что *вся* сила вашей жизни дней на Земле и *весь* их смысл — в труде для Вечного. Ещё и ещё раз закаляйтесь в мужестве и всегда проверяйте себя, *всё* ли своё мужество вы подали человеку и *чему в нём* вы его подали? Вечное ли в нём вы видели? Распознали ли вы при встрече, в чём *ваш* долг и ваша обязанность Любви по отношению к человеку? Старались ли *вы* помочь ему нести мир в его день? Ибо самое *малое,* что *вы* можете сделать для помощи Вечной Эволюции, — отпустить от себя человека с *миром*. Только отошедший *от вас* с миром, будет *менее* вреден единственному делу, для которого живёте вы: выполнению плана *Жизни*. Идите же с миром, мои дорогие друзья, несите радость всем встречам, бескорыстие всем делам, что встретятся вам на новом пути, мир и отдых всем трудящимся рядом. Несите в себе силу и старайтесь убедить людей, что слёзы не только не облегчают собственной скорби, но ещё сильнее сковывают их в панцире слепоты и суеверия, мешая их глазам увидеть ясно, ибо глаза, которые плачут, не могут видеть ясно. Что же касается тех, *о ком* они плачут, то этим они *мешают* освобождаться и проходить Путь Света, обременяют их жизнь, в каком бы из миров в данный момент они ни жили.

И. обнял ещё раз Яссу и всех его теперь открывших свои лица спутников. Каково же было моё удивление, когда в их числе я узнал всех тех встреченных нами в пустыне по дороге в Общину всадников, которым И. приказал проводить в тайную Общину дикого бунтаря, пытавшегося вступить с ним в единоборство. Мысленно прильнув к стопам Великой Матери, я благоговейно молил Её облечь мантией Своей Радости выходящих в новую форму служения Ей людей.

Через несколько минут мы снова ехали по пустыне. И теперь весёлое фырканье лошадей, точно узнавших друг друга и стремившихся скорее обратно к своим стойлам, и спадавший зной, и ликование моего сердца от счастья и победы Яссы — всё вливалось в меня как Звучащая Радость, атмосфера которой всё больше и больше охватывала меня. И я молился о моей чудной няньке — Яссе, благословлял жесто-

кий и дивный путь мальчика-избранника, благоговевшего перед одним Богом своего детского сердца: «Знать».

— Спасибо, Лёвушка, спасибо, верный друг, — услышал я тихий голос Яссы. Он незаметно подъехал ко мне и пожал мою руку, инертно лежавшую на шее моей лошадки. — Если бы ты мог видеть, какое необычайное чудо совершилось во мне, то вся твоя новая сила вылилась бы в слова: «Благословен час смерти человека». Потому что теперь уже умер тот Ясса, Лёвушка, которого ты знал, и живёт Ясса иной, преображённый, которого коснулся Огонь Божий. Я не смог бы рассказать тебе словами, в чём заключается преображение, которое я сейчас испытал. Выразить это я не сумел бы никакими словами. Я могу только сказать тебе, что в один миг я увидел *всю Жизнь*, все века жизни вселенной: от огненного потока лавы до камня, от первобытного зверя до человека, от насекомого до птицы и звёзд. Я увидел Жизнь в центре Земли, я понял *связь каждого живого с землёй и небом*. Я увидел живой *Труд*, величие и мощь которого не имеют границ. Теперь для меня уже нет голого слова, *за* которым не скрывалась бы та или иная *сила* Огня. Нет действия *в разъединении* от опытов жизни всего человечества. В одну минуту перестали для меня существовать слова порицания или отрицания, слова осуждения или печали. Осталось *понимание* слов только как символов *бодрости, пощады и оправдания*.

Ясса умолк. Я не хотел и не смел прерывать его молчания, но старался запомнить каждое его слово, чтобы возвыситься самому к великой силе духа преображённого человека.

— Мы скоро въедем в ворота Общины, мои дорогие друзья и дети, — раздался снова чудесный голос И. — И ещё скорее мелькнут для вас волшебные дни счастья и полного раскрепощения, в которых вы проживёте эти дни в Общине. Не считайте их наградой вам за те или иные подвиги. Они приходят к вам как естественное следствие вашего собственного труда. Не передышки посылает Жизнь своим верным слугам, но *Сама* оживает в сердцах тех, кто несёт *Её* чашу в чистых руках. Вы уедете в мир, приметесь за тот или иной труд в суете, в пожаре страстей, в лавине борьбы за все блестящие условности культуры и цивилизации, которыми так дорожат современные люди. Вы же, мудрецы, вы будете ценить только те блага жизни, которые невесомы и неосязаемы. Вы будете радостно принимать всю внешнюю жизнь современности, но служить вы будете Реальному, *скрытому во всех условных формах*. Могут ли ваши слова, хотя бы в самых тяжёлых случаях, быть словами осуждения или порицания? Помните, друзья, что я уже сказал вам: распознавайте, улыбайтесь чужому суеверию и несите всему оправдание. Для вас, слуг Вечного, уже *нет* условностей личного. Для вас *есть Жизнь* в Её бесчисленных формах, служите Ей день и ночь, и путь ваш и ваших встречных будет благословен и радостен.

И. замолчал. Солнце близилось к горизонту. Кончался день пустыни. Вдали уже вырисовывались стены Общины, уже слышался отдалённый колокольный звон, а я и не заметил, как пролетел день, как промчались часы, проведённые на спине лошади. Я был силён, я мог ещё и ещё трудиться, мне казалось, что я только что покинул часовню Великой Матери.

Когда мы подъезжали к воротам Общины, И., ехавший впереди, придержал своего коня и подозвал меня к себе. Когда я к нему подъехал, он сказал, окинув меня ласковым взглядом:

— Не забывай, что теперь снова надо вступить в обязанности моего секретаря и келейника, Лёвушка, и не отлучайся от меня.

Как ни велики и торжественны были пережитые мною минуты, я не смог сдержать улыбки радости, что снова буду иметь право сопутствовать моему обожаемому другу.

У ворот Общины, в которые мы въехали, когда уже спускались сумерки, нас встретил Раданда с братьями. Он всех нас приветствовал с обычной теплотой, приказал братьям увести наших усталых коней. Он всех нас обдал своей теплотой, но Яссу долго не выпускал из своих объятий. Он что-то тихо говорил ему на ухо, чего никто из нас не мог, да и не хотел слышать.

Мы остановились в некотором отдалении от Яссы, И. и Раданды, ожидая дальнейших распоряжений. Я был тронут вниманием ко мне Зейхеда, познакомившего меня со спутниками Яссы, которых сам он знал давно. Помимо того что они были спутниками моего дорогого Яссы, они глубоко проникли в мои мысли и сердце с самой первой встречи с ними в пустыне, когда лица их так поразили меня. Я уже готов был отдаться увлекательному разговору с ними, как случайно взгляд мой упал на лицо Ольденкотта, и... я снова увидел в его глазах то выражение божественной доброты, которое впервые поразило меня во время беседы Франциска у костра. Казалось, этот человек забыл обо всём. Ни время, ни место, ни люди не существовали для него. Единственно, что он видел перед собой, — подвиг ученического пути, совершенство духа брата-человека, которому он нёс свой поклон, свой восторг, своё благословение.

И ещё раз я преклонился перед ним, человеком, который мог всегда видеть перед собой одну цель, один смысл, одно понимание: жизнь в Вечном...

— Лёвушка, сходи в мою комнату, оставь там мои вещи, переоденься и передай Наталье Владимировне эту записку. А также проводи Зейхеда и Ольденкотта в наш дом и помести их в тех двух свободных комнатах, что рядом с твоей. Славе поручи проводить их в душ и приготовить им свежее платье. Когда сам будешь готов, проводи всех в трапезные покои Раданды.

Отдавая мне приказания, И. одновременно писал записку, что меня теперь уже нисколько не поражало, так как я неоднократно видел, как И. делал несколько дел одновременно: с одним вёл разговор, другому диктовал, третьему указывал ошибку в сложнейшем математическом вычислении — и ни одно из дел не страдало, а наоборот, каждый из его сотрудников еле за ним поспевал.

Взяв записку, я пригласил Зейхеда и милого американца идти за мной, в то время как все остальные ушли за Радандой. Мне пришлось не только дважды повторить Ольденкотту своё приглашение следовать за мной, но и прикоснуться к его руке, чтобы он понял, о чём я ему говорю.

— Простите, Лёвушка, я, кажется, задержал вас своей рассеянностью, — мягко сказал он мне, с трудом влезая в действительность из того мира счастливых грёз, где носились его мысли. — Я всё ещё не могу окончательно спуститься на землю, по-

чувствовать тяжесть своего плотного тела, после того как видел наяву признание Богом человека, признание великого подвига, которого достиг в одно воплощение обычный человек. Я так счастлив духовным величием Яссы, такая радость наполняет меня оттого, что Милосердие позволило мне видеть новое рождение человека, что мне даже трудно, болезненно трудно нести своё грузное тело.

Ни я, ни Зейхед не прерывали слов добряка. Мы благоговейно слушали его голос, и лично я мчал мои мысли к Великой Матери, моля Её окутать Своей атмосферой чистое сердце моего собеседника и облегчить ему столь резкий для него переход от небесного Света к обычному трудовому дню. Я не мог понять, почему в душе его, такой светлой, чистой и всегда мирной, в эту минуту идёт трудная работа примирения себя с текущим «сейчас». В моей собственной душе всё ликовало...

Взглянув на меня, он точно понял мой немой вопрос и ещё добрее ответил:

— Не в тех трудах дня, которые мы делаем, смысл, но в тех героических напряжениях, которые мы *легко* проливаем во все дела. Всё, что делает Ясса, — он делает легко. А всё, что делаю я, я делаю, нося в сердце сознание долга. Но путь ученика не долг, а радость. Не труд, а отображение своей Любви. И только тот, кто *стал*, а не «понял», тот приходит к завершающему моменту счастья, свидетелями которого мы сегодня были.

Мы подошли к нашему дому. Я передал моих спутников Славе, указал им их комнаты и, сказав, что зайду за ними через полчаса, помчался к Наталье Владимировне.

Необычайно тепло встреченный ею, я передал ей записку, объяснил, что мы возвратились с Яссой и что друг её, как и Зейхед, будет теперь жить в одном доме с нами. Я не знал содержания записки И. Но когда спустя полчаса я зашёл за моими друзьями, то нашёл в комнате только Зейхеда. Он объяснил мне, что Ольденкотт будет ждать меня на крыльце, что он пошёл к Андреевой. Мы вышли с Зейхедом на крыльцо, где сидели, оживлённо разговаривая, оба старинных друга. Предполагая, что Наталья Владимировна должна отправиться вместе с нами, и найдя её в несколько помятом платье, я был крайне удивлён.

— Дорогая, вы ещё не одеты? Ведь мы опоздаем. Вы знаете, как точен И. в указании сроков.

— Если бы мне было указано идти с вами, можете быть спокойны, что я торопила бы вас. — Внешне она говорила совсем спокойно, но бунт в её душе был мне ясен, не говоря о нервном движении рук, которыми она сворачивала и разворачивала поданную мною ей записку. — Моя роль гувернантки при младенцах ещё не окончена, — совсем уже раздражённо прибавила она.

Блёстки юмора сверкнули в глазах Ольденкотта, и ничего смешнее последовавшей за этим сцены я в жизни не видел.

— Воображаю, какими счастливцами чувствуют себя порученные вам воспитанники, если вы применяете к ним ваши обычные методы воспитания, так хорошо знакомые мне, — галантно приподнимая шляпу и любезнейшим образом раскланиваясь перед Натальей Владимировной, произнёс он.

Как вихрь пронеслась целая гамма выражений на дрожавшем от внутреннего волнения лице Натальи Владимировны. В первый момент я положительно думал,

что она по меньшей мере вырвет из его рук шляпу и швырнёт её на землю, если ничем более энергичным не выразится её вспыхнувшее, как молния, раздражение. Затем в её глазах мелькнул острый сарказм, растаявший, как льдинки, и сменившийся весёлым юмором, и... она разразилась таким весёлым, добрым и заразительным смехом, что и мы все, вторя ей, покатились со смеху и, простившись, продолжали смеяться, уходя к Раданде.

Путь показался мне как никогда коротким. Мысли, точные, образные, до конца додуманные, двигались новым для меня плавным ходом, ничего общего с прежним сумбурным способом моего мышления не имевшим. Раданда, особенно ярко сегодня сиявший, встретил нас сам на пороге своих ярко освещённых комнат и, ласково улыбаясь, сказал мне так тихо, что я еле уловил его слова:

— Через много, ах, как много ступеней идёт каждый человек. Не считай, что сегодня ты закончил какой-то один период и начал другой. Для духа человека нет разрезанных на прямые куски ломтей пути, вроде кусков хлеба. Чтобы *мог* человек *услышать* и *понять* более высокие вибрации, которые *всегда жили* вокруг него, но *он* их не слышал, его сознание должно смешать в себе всё своё настоящее понимание с *новым* пониманием Жизни так плотно, как смешиваются вода и молоко, неотделимые друг от друга без особых мер. А чтобы *стать действенным* в новом понимании, необходимо, чтобы в человеке отделилось старое от нового, как вода от масла. Помни, что ты ещё молоко и вода. Найди в себе более пристальное распознавание и способствуй скорейшему разделению в себе воды и масла, то есть твоей личности и индивидуальности. И войдёшь в постоянную *привычку жить* в Вечном.

Когда я сейчас пытался передать словами речь Раданды, я должен был сказать много слов и всё же, вероятно, не сумел раскрыть сознанию других людей всей глубины смысла. На самом же деле вся речь Раданды длилась несколько коротких мгновений, ложась в мою душу, сердце и мозг как ряд гармонических моментов-молний, которые я схватывал с той же быстротой, как они мелькали. Теперь, когда разговор образами и красками для меня не представляет трудностей, я понимаю, что тогда Раданда помог мне пробудить в себе эту способность, в то мгновение во мне дремавшую и неотделимую от слов.

Взяв за руки Ольденкотта и Зейхеда и приказав мне следовать за собой, Раданда свернул в узкий и слабо освещённый коридор, которого я до той поры не видал, и вывел нас в большой светлый зал, о существовании которого я тоже не имел понятия. Зал был очень высокий, без всяких окон. Стены показались мне мраморными, но, присмотревшись, я увидел, что они сделаны из такого же прелестного стекла, как чашки Грегора и Василиона.

Посреди зала находился высокий стол-жертвенник, как в комнате Франциска, только гораздо больше, и на нём стояло семь чудесных чаш, горевших теми же волшебно-прекрасными красками, что и на жертвеннике Франциска. Восьмая высокая чаша, пустая, стеклянная, совершенно белая, стояла впереди всех по самой середине стола. Вокруг всего зала стояли многочисленные сёстры и братья в белых одеждах, в руках их были самых разнообразных цветов и оттенков розы, которых в Общине была вообще масса. Очевидно, Раданда или его садовники особенно люби-

ли эти цветы. Во многих местах сада они росли, как мелкорослый лес, поражая ароматом и величиной цветов.

Высоко под потолком вертелись огромные веера, наполняя комнату относительной прохладой. Раданда прошёл к самому жертвеннику и, остановившись невдалеке от него, так и остался стоять, держа за руки Ольденкотта и Зейхеда, мне же велел стать впереди себя. Раздалось тихое пение, звуки неслись как будто издали, откуда-то справа, но, сколько я ни глядел на правую стену, я не мог рассмотреть никакого подобия двери.

— Сосредоточьте мысли свои, мои дорогие дети. В эту великую и торжественную минуту, все вы присутствуете при акте рождения нового духовного человека. И этот великий акт не менее важен, чем само физическое рождение человека на земле. Молитесь сейчас, чтобы приходящий к своему новому рождению человек вошёл в этот зал нагим от страстей и личных чувств. Выливайте навстречу идущему сюда брату всё самое великое и чистое, что знаете в себе, и помогайте ему переступить порог в Радости. В Радости, Свет которой оживает в нём для того, чтобы новое сознание его не могло уже жить, как живёт человек *одной* Земли, как живут ещё многие из вас. То есть живя на Земле, вы ещё скованы своею личностью. Посылайте мысли счастья приближающемуся человеку, чтобы его мыслями на земле руководило Вечное. Думайте в эту минуту, что и вы достигнете когда-то великого освобождения от страстей, желаний, от мыслей о себе как о личности и перейдёте в ту атмосферу, где трудятся вместе с живою Жизнью, сознавая *Её* одновременно в себе и вне себя и зная себя только как индивидуальность, своё высшее «Я». Тот, в ком ожила Жизнь, идёт не для тех или иных мест, дел, людей, он идёт по вселенной, для вселенной, со вселенной, как бы с внешней стороны ни казался узким сектор его труда. Раскройте сердца ваши, дышите Красотой и в Ней встречайте брата своего.

Раданда умолк, пение зазвучало совсем близко, и вдруг по самой середине стены открылась широкая, высокая дверь, через которую вошёл И., ведя за руку Яссу. Их окружал большой хор сестёр и братьев в таких же белых одеждах, в каких были мы все. Среди прекрасных голосов певцов и певиц особенно выделялся красотой тембра и силой один мягкий тенор, покрывавший весь хор, служивший ему как бы аккомпанементом. Как ни был я собран и высоко настроен, мне захотелось поблагодарить певца за его усердие для Яссы, и я устремился взглядом по направлению голоса, лившегося как лава. Я не мог разглядеть певца, так как рослые фигуры, среди которых я заметил Грегора, закрывали его от меня. Но вот шествие приблизилось, фигуры людей переместились, и я увидел Василиона с устремлёнными куда-то вдаль глазами, со сложенными на груди руками, в которых он зажал цветок. Одухотворённое лицо его и вся его фигура, поглощённая всецело пением, напомнили мне, как видел я этого человека державшим цветок в руке на своём балконе. Я вспомнил краски прелестного растения, перенёсся в часовню Великой Матери, прижал данный мне Ею цветок к сердцу и произнёс мой первый перед Нею обет:

— О Мать Великая, помоги мне навеки помнить о братьях Земли, навеки приносить к Тебе печали всех друзей и врагов, чтобы Ты, Звучащая Радость, послала им помощь и оправдание.

Я забыл о месте и времени. Я почувствовал знакомое мне содрогание, услышал голос Флорентийца и увидел его по ту сторону жертвенника.

— День посвящения Яссы — и твой день радости, ибо сегодня увидишь, как побеждает человек тёмные силы, если по невинности своей дал им обязательства. Нет *условностей* как таковых, которые стояли бы барьером на пути человека. Если же *на них* указывает человеку Учитель, то только потому, что *этому* человеку они *мешают в нём*. Смотри и запомни, учись жить свой день в силе и мощи. И сила, и мощь приходят как аспекты Свободы, *в себе носимой*.

Голос умолк, и образ моего великого друга исчез.

И. подошёл к жертвеннику, ведя Яссу за руку. Теперь я мог рассмотреть, что И. и Ясса были в оранжевых одеждах, причём одежда И. сверкала феерическими огнями, а сквозь одежду Яссы я отчётливо видел сияющие и движущиеся центры, какие заметил впервые у Раданды. И. поставил Яссу перед жертвенником так, что лицо его и половина фигуры были видны всем. Сам И. встал с правой стороны от Яссы. Окинув взглядом всех собравшихся, И. подал знак певцам умолкнуть. В водворившейся тишине раздался его голос:

— Сегодня в этом зале нет ни одного человека, в жизни которого эта текущая минута не играла бы огромной роли как минута прохождения той или иной силы духовной зрелости. Все, кто сейчас присутствует здесь, связаны нитями старых карм или только между собой и мной, или между собой и Радандой. Вы присутствуете на высоком зрелище, из которого вы должны унести в сознании ту или иную *новую* форму знания духовного мира затем, чтобы *быть* и *становиться*. Не *часть* ваших духовных сил должна здесь укрепиться и обновиться, чтобы выйти отсюда новой *мощью*, но *вся* мощь каждого из вас должна быть *вложена* в творческое дело созидания новой ступени духовного роста *для всех*. Не о себе думайте. Не за «счастье» присутствовать при великом обряде посвящения благодарите. Но *творите* радостью сердца ту чистую атмосферу, куда могла бы спуститься струя Божественного Света. Каждый раз, когда собравшиеся вместе люди — для чего бы они ни собрались — раскрывают сердца и несут из себя одну мысль: «*Жизнь истинная в нас светит миру*», — Свет Жизни спускается и отвечает на славословие собравшихся. В те минуты, когда вы думаете только о деле Единой Жизни, когда вы трудитесь, забыв, что за труд вас могут наградить, вы *творите* атмосферу чистоты. Сумма таких минут, когда вы забывали о себе, создаст каждому из вас тропу соответствующей длины и ширины, которая приводит вас дальше или ближе к Светлому Братству. Вы сейчас здесь. Почему? В каждом из вас бьётся сердце только миром и радостью, вы не несёте бунта и отрицания, вы научились *утверждать*, то есть *творить Жизнь*. За стенами этого зала немало высокодостойных людей, сделавших для своих земных братьев гораздо больше, чем многие из присутствующих здесь. Значит ли это, что они менее вас достойны? Нет. Но *по их* масштабу гармонии их примирённость мала. И потому *их* освобождённость ещё недостаточно созрела, чтобы привести их сюда. Хотя бы в *своём* пути они *иногда* могли проходить в такие высоты, о которых вы и не подозреваете. Но их присутствие может разбивать гармонию окружающих людей. Соберите радость в сердце. Пусть те цветы, что держите в руках, будут эмблемой вашей радости. Бросьте свои цветы под ноги входящему сегодня в новый круг

знаний брату. Пойте ему песнь привета и помощи в его новом пути, в его новых понятиях.

По многим лицам катились слёзы, пока говорил И. Но, когда он призвал всех к творческой радости, когда предложил всем как эмблему её бросить цветы под ноги Яссе, не осталось ни одного плачущего лица. Точно вспыхнул костёр, раздалось снова пение, и весь пол покрылся розами и миртами.

И. перевёл Яссу по ту сторону жертвенника, где стоял Раданда с нами, и встал рядом с ним. Пение снова смолкло, все братья и сёстры опустились на колени, и в торжественной тишине раздались два голоса — И. и Раданды. Теперь Раданда стоял по другую сторону Яссы, и возгласы И. чередовались с его возгласами.

И. поднял высоко над головой какой-то предмет, как мне показалось, нечто вроде булавы. Но от него шло такое сияние, точно от грандиозного алмаза сыпались во все стороны мириады сверкающих искр. Поэтому я не мог хорошо рассмотреть, что именно держал в руках И. Голос его становился всё громче. Голос Раданды утратил все оттенки старости, отвечая И. силой и полнотой вдохновения. Голоса перекликались всё чаще и быстрее, мне казалось, что я чувствую содрогание всего организма при каждом взмахе руки И. Я слышал и понимал речь обоих из посвящавших, ясно сознавал, что это древний язык пали, но все эти слова проникали в меня не через мои физические уши, а через тот особый слух, через который я понимал слова Флорентийца и Али, через слух моего второго сознания, раскрывавшегося во мне в минуты отрешённости от физических вибраций, в которых жило моё тело. Смысл слов обоих посвящавших был разный.

— Слышишь ли нас, Великая Мать? Мы приводим к Тебе сына Твоего, — говорил И. И искры осыпали дождём его и Яссу.

— Милосердие, Жизнь Вечная, я свидетельствую Тебе, что сын Твой ныне очищен от зла. Ясен дух его, прими его, — молил Раданда. И искры осыпали его и Яссу.

— Имеет ли всё Великое Светлое Братство силу милосердия и доброты принять нового брата в свои объятия и подать ему помощь в его трудах? — взывал И. И искры осыпали его и Яссу.

— Свидетельствую всему Светлому Братству, что труд нового брата, его человеколюбие и мир непоколебимы и бескорыстны. Ничто отрицающее не может проникнуть через него в великий путь труда Братства, — снова взывал Раданда. И искры осыпали его и Яссу.

Но вот И. протянул Яссе оранжевую чашу, стоявшую впереди всех цветных чаш, которая была совершенно белой, когда мы вошли в зал, как я это отлично помнил.

Ясса опустился на колени, держа чашу в руках. И. поднял над его головой руку с булавой, второй конец которой взял в руку Раданда. Раздалось громкое пение хора, всё засияло вокруг, множество цветных звёзд, как чудесные бабочки, замелькало в воздухе.

Раданда и И. говорили теперь оба, но за громким торжественным пением слов их разобрать я не мог. Внезапно весь зал наполнился таким слепящим светом, что я невольно закрыл глаза. Я опустился на колени...

Мне казалось, что прошло очень мало времени, но, когда я нашёл в себе силы подняться с земли, Ясса уже был не у жертвенника, братья с пением выходили из зала, а возле меня стоял Ольденкотт, помогая мне встать. Он очень тихо говорил:

— Нет ни единой мысли у ученика о себе. Есть только мощь Любви, посылаемая брату в его новый путь. Всё, что может сделать один человек для другого в его величайшие минуты жизни и смерти, — внести свою собственную любовь в его святыню, чтобы ещё ярче светил ему Свет, чтобы скорее он мог проходить по узким стыкам лежащих перед ним новых путей.

Он взял меня под руку. Я чувствовал в себе огромную физическую силу, но продолжал быть ослеплённым и оглушённым ещё несколько минут. Когда все братья и сёстры вышли, Ольденкотт оставил мою руку и подошёл к Яссе. Я не слышал, что он ему говорил, но по счастливой улыбке, осветившей лицо Яссы, я понял, что слова его проникли глубоко в сердце нового посвящённого и принесли ему радость. Я видел, что и Зейхед подошёл к Яссе, что и он сказал ему что-то значительное, — я же всё стоял на месте, не имея сил двинуться к моему дорогому Яссе и выразить мою любовь и счастье моей нежной няньке, другу и помощнику. Я воззвал к Великой Матери, коснулся Её цветка, и какая-то новая сила прозрения озарила меня. Я увидел себя где-то далеко, в давно прошедшем, ребёнком, рядом с ребёнком Яссой. Я подавал ему деньги, хлеб и молоко... Я бросился к моему Яссе, обнял его с совершенно новым чувством старой-старой дружбы и любви и, вне себя от счастья, воскликнул:

— Ясса, Ясса, я вспомнил, как ты был когда-то наказан колдуном и я пришёл к тебе с пищей. О Ясса, если бы я мог чем-нибудь отслужить тебе за все твои милосердные заботы, проявленные мне теперь. Прими мою верность, я постараюсь больше никогда не забыть, как давно я тебя знал и любил.

— Ах, Лёвушка, не только пищу и деньги ты мне принёс, но и бежать помог. Я ещё в большем долгу у тебя, — отдавая мне поцелуй, сказал Ясса.

К нам подошли И. и Раданда, поздравили Яссу и увели его в покои настоятеля. И. приказал всем нам идти в трапезную, где его и подождать.

Мы прошли в трапезную. Она была почти пуста. В ней были только те братья и сёстры, которым Раданда велел сюда прийти. Некоторые из них присутствовали на посвящении Яссы и вошли вместе с нами, другие же уже ждали здесь.

Сразу же, как только мы вошли в трапезную, ко мне подошёл Грегор. Лицо его было внешне спокойно, но я прочёл и его волнение, и его внутренний подъём. Я ощущал, что внутри у него целый вулкан, но только моё новое прозрение помогло мне проникнуть за его внешнее самообладание. Грегор без всяких вводных фраз стал говорить со мною так, как будто мы только минуту назад прервали давно начатый разговор.

— Лёвушка, я должен рассказать вам о всех своих новых знаниях, так как только благодаря вам я их открыл. *Первое моё откровение*: не нужно особых *условий, непременно* сопутствующих человеку, для того чтобы быть близким Учителю. *Второе*: человек может быть юн, может в *данное* воплощение ничего не помнить о своём прошлом. И всё же он должен был *высоко* стоять в своей подготовке к ученичеству в прошлом. И в этом прошлом пройти его начальные ступени. *Третье*: все по-

пытки *насильственно* проникнуть в высокий духовный путь, через *умственные* проблемы вдвинуть в себя высоту пути не могут достичь успеха.

Я с удивлением слушал Грегора, не понимая, при чём же тут я, но он не дал мне времени удивляться и продолжал:

— В первую мою встречу с Учителем И., которой я страшно добивался, я был более нежели разочарован. Я был тогда одним из известнейших художников, решил, что иду путём красоты, что я ею служу просвещению и улучшению человечества и имею *право* быть членом Светлого Братства. Вы можете себе представить, с каким великим мнением о себе, избалованный поклонением и обожанием людей, я явился к Учителю просить его принять меня в члены этого Братства. И. не стал объяснять мне, какими достоинствами должен обладать человек, желающий стать членом Великого Светлого Братства. Он просто спросил меня: «Вы считаете, что идёте путём красоты и ею служите человечеству? Можете вы припомнить хотя бы одну работу, которую вы начали и кончили в радости? Можете ли вы сказать мне, что, приступая к творчеству, вы забывали обо всём, кроме тех душ, которым вы стремились раскрыть в своём труде красоту? Что такое красота? *Это гармония творящего с его окружением*. Это *его поклон* Божественной Силе, которую он оживил в себе и стремится вынести вовне. И *это* единственный путь *служить* людям красотой. Ибо, если вы творили, наполненный личными чувствами, ваше создание затронет в каждом только его личное и больше ничего. Творец красоты несёт Её людям, забыв о себе. Он творит *там*, где кончается личное. Он любит и чтит людей, а потому и может единиться с ними в красоте и единить их в ней. Он не одержим страстями. Ваш путь *не* был таким, и он не может привести вас к единению со Светлым Братством». Но И. мог бы и не прибавлять последних слов. Пока он говорил, передо мной как вереница видений ясно проносились картины всей моей жизни, всего моего творчества. И я, конечно, понял, как глубоко и глупо я заблуждался.

Грегор замолчал. Глаза его снова как бы пробегали по раскрытым страницам прошлого, он глубоко вздохнул, провёл рукой по лбу своего печального лица, посмотрел мне в глаза, улыбнулся и продолжал:

— Я вижу, что вы ждёте от меня объяснений: как, поняв, я исправил свою ошибку? Вы думаете, что я просветлел, поблагодарил Учителя за его мудрые слова и начал трудиться по-новому всё для той же цели, которую я называл священною? Увы, вы ошибаетесь. Я понял всё. Я уж вам это сказал. Понял до дна и, по всей вероятности, не без помощи И. Но бунт, который вызвали во мне его слова, оскорблённая гордость «мировой знаменитости», удар по самолюбию — весь этот букет носимой в себе пошлости так ослепил меня, что я ушёл раздражённый до последней степени. Целую неделю я рвал и метал, изливал своё горе — поверьте, это было для меня истинным, огромным горем, — на всех окружающих меня людей, так преданно меня любивших. Я забросил работу. Начал пить и курить, чего раньше никогда не делал. И чем больше я сознавал абсолютную правоту Учителя, тем больше я раздражался и искал внешней аргументации для обвинения в жестокой несправедливости его и оправдания себя.

Снова Грегор помолчал, и на этот раз на его лице мелькнуло скорбное выражение, точно боль от судороги, затем тише прежнего он сказал:

— Дальше идёт много страниц, о которых я немало лет старался не думать. Сегодня я вкратце пробегу их, ибо без этого мой вывод о том, как многим я обязан вам, будет неясен.

«Я уехал из того города, в котором встретился с Учителем, и где, как я знал, он должен был прожить довольно долго. Несколько лет я вёл жизнь бурную и беспорядочную, отбрасывая от себя как можно дальше его дорогой образ. Но чем больше я старался вышвырнуть воспоминание о встрече с И., тем глубже оно проникало в моё сердце. Дошло до того, что образ И. стал моим двойником. Я уже готов был вернуться к нему, искать новой встречи и просить извинения, как вдруг... у меня произошла странная встреча, всего ужаса которой я ни тогда, ни много спустя после не сознавал.

На одном из вернисажей моя картина имела такой ошеломляющий успех, что подле неё всё время стояла густая толпа народа, оставляя другие залы пустыми. Я приехал к самому разгару аристократического съезда и был немедленно встречен громом аплодисментов. Энтузиазм публики ещё больше убедил меня, что я и есть именно тот, кто может единить людей в красоте. Увы, я старался себя в этом убедить, но в сердце я слышал тихий голос, который мне говорил: “То не путь красоты, а твоё тщеславие. Ты не великую любовь несёшь людям, а радуешься тому, что тебя прославляют. Ты ищешь себя в красоте, а не красоту в себе”. Вам понятно, с каким остервенением я стремился заглушить в себе этот голос...

Среди объяснявшихся мне в любви восторженных женщин была одна особенно красивая, можно даже сказать, безупречная красавица, красота которой была не меньше её настойчивости. Но то ли эта самая настойчивость мешала мне любить её, то ли нечто в ней, чего я не мог даже объяснить словами, ну вроде как аромат цветка. Не всякий аромат прелестного цветка вызывает желание поднести его к устам. Так и здесь. Это невыразимое словами “нечто” мешало мне переступить границу обычного галантного ухаживания, хотя злые языки, вероятно, принимали нас за близких людей.

Подойдя ко мне, окружённому большой толпой поклонников и поклонниц, она, бравируя своей короткостью со мной, сказала мне со смехом: “Грегор, вы не только Европу покорили, но даже Гималаи хотят поклониться вам. Это уж как будто немножко слишком”.

Несчастный безумец! Я весь встрепенулся, сердце моё зажглось огнём, я подумал, что И. здесь. Конечно, вечно носимая в себе мысль о нём только и могла ввести меня в такое заблуждение. Ведя разгульную жизнь, окружённый самыми страстными эманациями да ещё оповещённый женщиной, которая и мне-то была неприятна... Жалкий безумец!

За нею стоял высокий темнолицый мужчина в индусской, вернее сказать в тибетской, одежде ярких цветов, которые мне, художнику, резали глаза полным отсутствием вкуса и гармонии. Взгляд его был проницательный, неприятный, и нечто такое же, как в приведшей его даме, ещё сильнее отталкивало меня от него. Вся его фигура и лицо дышали физическим здоровьем, силой и, если хотите, даже мощью. Но духовного очарования “священных Гималаев” в нём не было и в помине.

Глубоко запрятав своё разочарование и тщетно стараясь скрыть от всех своё смущение и перемену в лице, я низко ему поклонился и спросил даму, на каком языке говорит её друг.

“Я говорю на всех языках, которые вы знаете, великий художник, я не был в силах устоять перед соблазном познакомиться с таким мировым гением. Простите, если встреча со мной не ко двору пришлась. Если же моё общество не слишком неприятно вам, не откажите в моей нижайшей просьбе, поедемте ко мне обедать. Я умею очень хорошо лечить сердечные раны и избавлять людей от назойливых воспоминаний”, — последние слова новый знакомый произнёс так тихо, что слышал их я один. Он крепко держал мою руку в своей, прижимая мою мягкую и тонкую ладонь к своей грубой, твёрдой и толстой. Ладонь эта в восточном человеке поразила меня, так как такую ладонь я наблюдал только у дельцов-спекулянтов.

Не знаю, что со мной случилось в тот миг. Я хотел ответить очень вежливым и сухим отказом на его преувеличенно восхвалительное восточное приветствие. Хотел выразить даже возмущение его навязчивым и наглым залезанием в мою внутреннюю жизнь и... вместо всего этого, ещё раз поклонившись, ответил согласием. Этим я очень обидел моего близкого друга, в семье которого я обещал провести вечер и где звали гостей “на меня”.

Чёрные глаза незнакомца, точно пара мышей, бегали по мне, рот его улыбался, а глаза искали, беспокоили, приказывали. Моя знакомая взяла меня под руку, и мы, провожаемые снова аплодисментами, спустились вниз, сели в прекрасную коляску моего нового приятеля и покатили по шумным улицам города.

“Вы не удивляйтесь, я ведь маг очень высокой степени и потому легко читаю мысли людей. Если у вас есть затаённые и невыполнимые для вас желания, я могу привести всё и всех к вашим ногам”.

Слишком долго было бы рассказывать вам историю трёх лет моей жизни. Скажу кратко. Как только я вошёл в его дом — нечто вроде восточного музея, безвкусного, провинциального, пошлого, — я перестал существовать как Грегор. Я стал тенью, отражением этого человека, завладевшего моей волей и мыслями. Он обучал меня магии, которая оказалась чёрной, показывал мне всевозможные чудеса, и... образ И. исчез из моей памяти, как будто я его никогда и не знал. Если когда-то у меня были порывы служить людям красотой, то теперь я жил только одними мыслями о наживе, жаждой роскоши и славы. Женщина, прежде не любимая мною, была моей женой и всячески помогала своему другу завязывать верёвки на моём мешке страстей. Слава моя всё возрастала. Спрос на мои картины был огромен, но характер их резко изменился. Они были отражением земли, страсти которой горели в них соблазнительными огнями, выставляя пороки, приглаженные добродетелью. Вероятно, не одна душа была соблазнена мною в тот период. Мой новый покровитель помогал мне вкладывать в мои творения бесовскую силу красок и выражений. Короче говоря, он оказался тем тёмным оккультистом, которых на Востоке называют “дукпа”.

Я катился всё ниже, в полном забвении небес, чистоты и доброты. Все прежние друзья отшатнулись от меня, один Василион остался мне верен, и я тянул его за собой.

Время шло, и однажды дукпа объявил мне, что вскоре состоится собрание их ордена и что я буду принят и посвящён в его члены. Тут жена моя заболела, дукпа должен был уехать по делам своего ордена. Считая меня прочной жертвой своей воли, он решился уехать, и я один отправился на выставку проследить за установкой моих новых картин. Погода была прекрасная, я велел кучеру ехать одному к выставке, сам же решил пройтись пешком.

Выйдя на мост чудесной широкой реки, я залюбовался блеском солнца, игрой воды, отражением в ней облаков и зелени и вдруг отдал себе отчёт, что несколько лет я не видел солнца, природы, неба. Мысли, точно облака, помчались бурно одна за другой. Я стоял, ошеломлённый этим открытием, не понимая, что такое сталось с моей жизнью, где я, как вдруг подле меня выросла дивная фигура И.

Не смею передать вам всего того, что было мне им сказано. Но всё, что я мог сказать, было: “Спасите меня”.

Благословенное сердце не отвергло меня. И. открыл мне глаза, над какой пропастью я стоял и куда вёл за собой Василиона...

Через два часа, в числе ещё десяти человек, мы ехали на пароходе на Восток...»

— Но вижу, что вы всё также недоумеваете, какая же связь между рассказанной мною вам жизнью и вами. Очень, очень глубокая, Лёвушка. В последнем разговоре, который вёл со мной И. уже здесь в Общине, куда он привёз нас после некоторого периода жизни на родине, то есть в оазисе Дартана, потому что мы с Василионом родились и выросли там, он мне сказал: «Не думай, друг, что преданность и самоотверженность, а главное, *цельная* верность и служение Истине приходят к человеку с годами. Когда ты настолько освободишь свой дух, что перестанешь думать о себе и *сможешь* видеть окружающих тебя людей такими, как они существуют в действительности, то есть кусками Истины, ты убедишься, что Истина может быть открыта совершенно юной форме, без всяких *непременно* существующих условий земного бытия. Ты увидишь и убедишься, что *древний дух*, много потрудившийся для своего освобождения, может быть включён в совершенно юную форму. Ты поймёшь, что от ума служить идее нельзя, что надо достичь *простоты* в своём обращении с людьми. *Простота* откроет сердце для *уважения* каждого встречного в *его* точке эволюции, а *уважение* к ней *раскроет* сердце к простой *доброте*, и ты сам легко постигнешь, что только верность, цельная до конца, приводит человека к гармонии ума и сердца. В первый же раз, как ты *увидишь* эти три истины в человеке, ты прочтёшь и первое ученическое правило: *будь готов*. Ибо в тот миг ты сам будешь готов к труду Светлого Братства, ты сможешь выполнять его задачи в широком мире». Первый человек, Лёвушка, в котором я прочёл и постиг мои три истины, были вы. Теперь вы понимаете, как я тронут и благодарен вам, первому человеку, на котором я осознал, что *вижу*, что *могу* жить свободным, что буду творить на благо и пользу людей. Я счастлив. Мне хочется обнять весь мир и прежде всего вас.

Грегор ласково обнял меня. Нечего и говорить, какой радостью дышало моё ответное объятие.

Едва окончился наш разговор, как широкие двери трапезной открылись и в них показались: И., Ясса, Раданда впереди, Зейхед, Ольденкотт и ещё много незнакомых мне людей за ними, а в самом конце, к моему удивлению и огромной радости, я увидел

Наталью Владимировну, Бронского и всех остальных её питомцев сегодняшнего дня. Слава с несколькими молодыми братьями замыкали шествие.

Как обычно, И. сел за стол Раданды, рядом с ним по другую сторону настоятеля сел Ясса. И., оглядывая зал, несколько задержал свой взгляд на нас с Грегором, улыбнулся и поманил нас к себе. Он приказал мне занять место подле себя, Грегор сел рядом со мной. Когда все заняли указанные им места, я очутился напротив Натальи Владимировны, Ольденкотт и Бронский сидели рядом с ней. Мне показалось, что лицо Андреевой печально, что она чем-то расстроена и недовольна. Это было странно, сердце моё так ликовало за Яссу, за всех собравшихся здесь людей, достигших новой ступени в своём освобождении, я никак не мог понять, как можно сосредоточить внимание на себе и быть не в духе. Но мне не пришлось размышлять о моей дорогой подруге, так как Раданда, сделавший братьям знак подавать кушанья, встал и обратился к присутствующим:

— Привет вам, дорогие друзья мои. Сегодня великий день жизни почти для всех, кто здесь присутствует. Мир, великий мир сердца, радость как напутствие в дальнейший путь — вот что должен испытывать всякий человек сегодня здесь, провожая своих близких в далёкий путь нового служения людям. Все, кто ещё не смог в эту минуту настроить свой дух на высокий путь мысли о помощи и благословении уходящим отсюда братьям и сёстрам, переключите свои мысли, забудьте лично о себе и думайте только о том, чтобы не нарушить общей гармонии токами своей колючей ауры. Проходя день, человек больше всего должен думать, как пронести в себе наибольшее количество мира в дела и встречи. Мир, который проливает одна душа другой, — это тот клей, который стягивает раны раздражения, согревающий компресс к синякам бушующих страстей и бальзам на огорчённую душу собеседника. Никогда не забывайте, что вся ваша деятельность, как бы высока она ни была, будет в большинстве случаев трудна нашим встречным, если вы сами будете в бунте и разладе. Наиценнейший труд не будет доступен массам, если выбросивший его в мир труженик был одержим постоянной ломкой в своём самообладании. Его труд, даже гениальный, останется достоянием немногих, так как продвинуть великую или мелкую идею в массу народа может только тот, чьи силы живут в устойчивом равновесии. Все, уходящие отсюда или остающиеся здесь, установите в себе теперь *полное* спокойствие, чтобы проведённые здесь минуты *были* минутами служения Истине, а не только мыслями «о» служении Ей.

Раданда сел. В тишине зала можно было различить даже дыхание отдельных людей. Братья-подавальщики сменили второе блюдо. Я взглянул на лица людей, сидевших напротив меня, и был поражён, насколько разными были их выражения. Неизменно доброе лицо Ольденкотта сейчас казалось мне вырезанным из камня, так оно было спокойно, решительно, точно раз и навсегда данная клятва, которую никто, ничто и нигде не может поколебать. Андреева, щёки которой были багровы, глаза метали молнии, делала над собой нечеловеческие усилия, чтобы привести себя в равновесие. Зная её доброту и огромную доброжелательность к людям в серьёзные моменты, помня, как она говорила мне на крылечке о вновь найденной примирённости, я диву давался и не мог понять, что привело её в такое возбуждение. Переведя взгляд на Бронского, я удивился не менее. Артист, казалось, не существо-

вал в эту минуту здесь, или, вернее, все окружающие не существовали для него. Глаза были устремлены куда-то вдаль, минуя всех сидевших вокруг. Фигура? Вытянутая, напряжённая. Приподнятая вверх голова, точно он слушал нечто вне комнаты такое значительное и прекрасное, от чего не мог оторваться. Я понял, что его захватил высокий экстаз, что о нём мне думать нечего, что он и Ольденкотт каждый по-своему несут Истину в себе и служат Ей всецело как умеют и могут.

Я вернулся к Андреевой. Посылая ей самую глубокую любовь, я тихонько коснулся цветка Великой Матери, моля Её пролить мир моей чудесной сестре, похожей скорее на глубочайшее море, чем на земную плоть.

Я ощутил лёгкий электрический ток, шедший от И. мимо меня, и увидел, как огромное количество рубиновых звёздочек летело от него через стол к ауре Натальи Владимировны и мелькало вокруг её головы и беспокойно двигавшихся рук. Почти мгновенно руки её успокоились. Ещё через мгновение краска отлила от щёк, искры огромных глаз превратились в мягкие и ласковые лучи, и наконец на устах мелькнуло нечто вроде улыбки. Она посмотрела на И., глубоко вздохнула и благодарно — смиренно благодарно — склонила голову в сторону И.

В зале стояла всё та же тишина. Только откуда-то издалека — казалось, из очень большой дали — доносилось стройное, прекрасное пение. Точно большой хор, необыкновенный и неземной, пел Гимн Жизни...

Спустя несколько мгновений, как проникло в тишину зала это пение, И. встал, поднял руки вверх, как бы призывая высшие Силы благословить всех собравшихся, затем перекрестил всех широким крестом и заговорил.

Боже мой, как много раз слышал я уже речи И. При каких самых разнообразных обстоятельствах я видел его чудесное лицо, и никак не мог привыкнуть к этой красоте, к этой мелодии чудесного голоса и положительно божественной гармонии всего его существа. Всегда поражали меня его речи, но на этот раз его слова пролили особенное успокоение и мир в моё сердце, жаждавшее приобщиться к труду моего дорогого Учителя и друга, снисходительнейшего из наставников.

— Дорогие мои братья, дети, сотрудники и друзья. Не в первый раз я встречаю многих из вас на своём пути. Большая часть из присутствующих здесь сегодня связана лично со мной старинными кармами. Другие из присутствующих связаны не менее крепко с иными членами Светлого Братства, и это не имеет особого значения. Поскольку человек связан с одним членом Братства, он связан со всеми его членами. Ибо в Светлом Братстве нет условностей, оно живёт и действует только на основах Реального, основах Вечного. В эту минуту, великую минуту жизни каждого из здесь присутствующих, я приветствую вас от имени всего Светлого Братства как его младших братьев и верных сотрудников в общем деле Великой Любви. Вы раскрепостились от целой тучи предрассудков и тем самым освободили себя для труда в широком мире как утвердившиеся в верности служению *единой* цели — благу людей. Вы поедете в Америку, в ту Общину, что сейчас организует один из величайших наших Братьев, Великий Учитель Флорентиец. Вы станете ему радостными помощниками, столпами духовного и физического труда, вы внесёте в новую Общину всё то, чего достигли и чему научились здесь. Что для вас, друзья, теперь представляют из себя люди? Что для вас Земля? Имеет ли значение тот или иной

кусок Земли, где вы будете служить людям? Люди для вас — части *Единой Жизни*. Земля для вас — *путь вечный*, короткий этап той же Единой Жизни благословенный этап труда в тех собственных условиях, которые каждый сам для себя создал своими предшествовавшими существованиями. Не все доходят в своём пути Земли до такого состояния освобождённости, чтобы относиться отрешённо, без пут личного к месту, времени и окружению. Вы же дошли. Вы *стали* путями Светлому Братству. Вы *можете* нести *его* задачи, можете *быть* передаточными точками Огня творчества для счастья людей. Каковы же ваши ближайшие задачи? *Кончается* ли ваш труд над собой, над неустанным повышением ваших духовных достижений только потому, что вы *стали* станками — Божьими арфами, на которых могут играть, то есть трудиться высокодуховные существа? Подумайте сами. Есть ли предел человеку в развитии какого-либо творчества? Кончается ли когда-нибудь работа гениального артиста над собой? Чем выше он поднимается в работе *над собой*, тем шире его влияние в этой роли, *влияние*, для которого он готовит своё рабочее место, свой творящий дух. Также и вы. Чем выше ваше самообладание, честь, чистота и любовь, тем полезнее вы в своём служении самоотверженным труженикам Светлого Братства. Чем выше *ваша* верность, чем яснее в вашем сознании, что для вас нет ни похвал, ни наград, что вы сжигаете этот мусор условностей на огне Вечного, тем шире та помощь, которую *могут* Светлые Братья проносить Земле через вас. Мужайтесь. Вы все, конечно, из плоти и крови, но вы же и из духа и Света. Не всегда ауры ваши могут быть устойчиво непоколебимы под давлением ударов встречных аур, вам враждебных. И такие встречи в кипучей суете жизни, куда вы идёте, для вас неизбежны. Но не теряйте мужества и самообладания *именно* в эти минуты. Не допускайте раздражения в сердце. Охраняйте мысли, памятуя, что никто из вас не один, что он идёт вместе с миллионами самоотверженных тружеников двух миров, посылающих вам ежеминутную помощь. Умейте только её подбирать. Не огорчайтесь, если будете сталкиваться с узкими религиозниками, с грубыми сектантами, не видящими во встречном *человека, если* он не в *их* форме чтит Бога. Старайтесь в этих случаях своим примером показать, что безразлична, а чаще и не нужна религия для тех, кто чтит Истину, *Ей* служит и *Ей* поклоняется *в живом человеке*. В новом месте вы встретите величайшего из Учителей, обаятельнейшего и милосерднейшего из великих руководителей земного человечества. Вы, тоскующие сейчас, что вам надо покинуть *место*, где вы нашли в себе силы войти в вибрации Гармонии, осознайте, что *не* место помогло вам их найти, а *сила* Жизни, развернувшаяся *в вас*; *Её* аспекты подняли вас на тот уровень, где живут волны этих вибраций. Поднявшись духом к этому уровню, вы стали способны *слышать эти вибрации*, чувствовать *их* сердцем, а потому вы и вошли в Гармонию. Можете ли вы потерять обретённую в себе силу только потому, что перемените место?

Сила человека может быть потеряна потому, что та или иная страсть, от которой он считал себя освобождённым, на самом деле оказалась живой и при первом же удобном случае дала о себе знать. Как оживающая змея, она подняла свою ядовитую голову и нарушила вашу гармонию. На что надо вам устремлять внимание в вашей новой жизни? Что надо ставить себе задачей дня? Если ваше окружение — Сама Движущаяся Жизнь, то и вы сами — *Она*. Устремляйте внимание *не* на то, кто и что

делает, но как вы сами на всё реагируете. Под мудрым и милосердным руководством Учителя Флорентийца вы ещё легче и проще поймёте свой урок земли. Поезжайте радостно, легко, весело. Запомните, как Раданда учил вас начинать *всякое* дело только тогда, когда вы радостно настроены. Сохраните это правило и в вашей новой жизни, и да будут дни ваши лёгкими вам и радостными для всех вас окружающих. Идите с миром отсюда и внесите его в каждое новое дело и встречу.

И. снова перекрестил всех широким крестом, и в трапезной точно свет вспыхивал каждый раз, как он поднимал руку.

В благоговейной тишине люди стали выходить из зала. Каждый подходил к Раданде, низко ему кланялся, и почти каждый выражал ему свою благодарность одинаковыми словами:

— Благослови, отец, своей любовью в дальний путь. Тебе я обязан своим возрождением. Благодарю тебя за доброту и заботы. Я здесь понял, что такое доброта, любовь, радость. Твой образ поможет мне и дальше, не забывай меня, отец.

Раданда каждого нежно обнимал и отвечал:

— Унеси в сердце верность и утверди её во встречных. Будь благословен. Сердце моё тебя не забудет вовеки.

Кланяясь И., почти все говорили:

— Ты меня спас. Будь благословен, Учитель. Хочу отслужить тебе.

И. отвечал всем:

— Ты путь, и я путь. Нет ни спасающих, ни погибающих, есть любящие и колеблющиеся. Мужайся, расти, любя побеждай.

Когда все вышли, И. собрал всех нас вместе возле себя, ласково посмотрел на Андрееву и сказал:

— Что по масштабу одного чрезвычайно много, то по масштабам другого гибельно мало, и никакого значения для вечного пути человека не имеет, на каких церемониях он «бывает», куда он «допущен». Но огромное значение имеет, *как он всюду бывает, что* с собой приносит в окружающую среду. То есть насколько у него хватает такта, выдержки и прозрения, чтобы мгновенно распознать силы окружающих, оценить *их* возможности и степень духовной зрелости и не *нарушить*, а *укрепить* гармонию окружающей среды. Пока человек, идя по земле, забывает закон такта и утверждения, он всё ещё в личном, он думает, прежде всего: «я», — и, неся в себе бесценное сокровище знания, похож на электрическую батарею, *вокруг которой* надо строить защитную сеть, чтобы она по нечаянности не убила кого-нибудь. А между тем, носитель сокровенного знания духа есть *строитель* защитной сети для всех его окружающих.

— Я знаю, я всё поняла, — тихо и кротко ответила Андреева, так тихо и так кротко, что Ольденкотт посмотрел на неё в полном изумлении. И. крепко пожал руку Наталье Владимировне, и так, рука с рукой, и вышел с ней из трапезной в покои Раданды. Всех нас, сидевших за его столом, И. пригласил следовать за собой.

Мы вышли на широкий балкон зала Раданды. Ночь давно уже спустилась над чудесным садом Общины, на небе мерцали звёзды, к красоте и необычайности которых я никак не мог привыкнуть. Я знал, в каком месте я увижу то или иное сочетание звёзд, и всё же каждый раз я точно ждал, что увижу небо России, с которым

сроднился с детства. Я думал о силе привычек в человеке и как бы наново понял слова И. о необходимости создавать в себе новые привычки, чтобы двигаться скорее и легче в пути совершенствования. Свет звёзд то вспыхивал, то бледнел, точь-в-точь как дух человека, неустойчивая гармония которого загорается или меркнет под давлением встречных огней человеческих аур.

Точно отвечая на мои мысли, И. сказал:

— Вскоре мы уедем отсюда и вернёмся в Общину Али. А когда вернёмся туда, для некоторых из вас настанет время снова отправиться в мир трудиться, где трудились, и продолжать нести людям творчество сердца в той форме, какая дана каждому из вас Жизнью. Сила прежних привычек, хотя и ослабленная, всё ещё владеет вами. Чем больше вы сознаёте, какая мощь — укоренившаяся в организме привычка, с каким трудом вырвали вы каждую из них из себя, тем с большим усердием вы должны стремиться создать себе новые привычки, новые навыки, помогающие единиться с людьми. Новые навыки должны стать привычными сначала и неизменными, *единственными* впоследствии способами вашего обращения с людьми. У людей того мира, среди которых вам придётся жить, слугами, помощниками и друзьями которых вы готовитесь быть, нет расширенного понимания себя и всей вселенной Единой Материей, Единым Творчеством. Поэтому условность владеет ими. Они, как ширму, выдвигают её при всяком общении, стараясь прикрыть ею красоту своих душ, боясь обнажить свои души перед встречным. Они считают, что всё богатство их души только *им* принадлежит, только *их* сокровище и владение, которое они вправе подавать и утаивать, как им заблагорассудится. Вы же, *знающие*, что такое истинная жизнь человека на Земле, не только не можете обособляться в кружки и секты, где *одним* несёте, а других отталкиваете, но вы *всем* одинаково братья и слуги. Вся разница в вашем поведении та, что, *распознавая*, вы знаете, где *можно* подать Свет Мудрости, а где надо помнить: «Не мечите бисер пред свиньями». Руководящей нитью ученика в его встречах неизменно должна быть радость. Только на этом фоне могут развиваться в ваших встречных *ответные* симпатизирующие и сродные вам вибрации. Чтобы вызвать во встречной душе творческие элементы жизни из-под пудов налипших личных, эгоистических побуждений, надо в самом себе раскрыть первый аспект Бога, а он и есть радость. Тот, кто стоит перед Учителем в печали, не может услышать самого ценного в протекающей встрече, так как его печаль как дымное покрывало окутала в нём *первую* силу восприятия Величия — радость. Человек может быть очень высоко развитым духовно. Ему могут быть даже подвластны некоторые силы природы, и всё же, если он печален, неуравновешен или раздражителен, он меньше вынесет из встречи с Учителем, чем самый обычно одарённый человек, проводивший свою встречу в сияющей радости. Не поддавайтесь же печали, как это делаете почти все вы сейчас. Утвердитесь в привычке жить вне времени и пространства, вне разлук и свиданий. Живите в Вечном, понимая, что для Него нет этих мизерных условий. Труд вечный, труд радости, неизбежный как самое дыхание Земли, становится лёгким и милым по мере того, как разворачиваются в вас силы духа и ваши мысли перестают вращаться только в футлярах тел и домов, но парят во вселенной, где каждый из вас имеет своё творческое место. Как только созревает привычка *жить* в

космическом, человек сбрасывает со своих глаз условные путы телесной любви и входит в единение с *теми, кто* живёт во всех футлярах. Одни из вас грустят, что уедут из Общины Али. Как туманная страна неприятных шумов и духовного убожества встаёт перед ними далёкая новая страна, где оставлено *вами* когда-то старое мировоззрение. Вам чудится, что *здесь* легче вы продвигались вперёд. Проверьте каждый себя. И вы увидите, как часто в этом «здесь» вы были в раздражении, нетерпении и в тоске. Не идеализируйте этого места, как места «близости» к Великому Светлому Братству. Я уже не однажды говорил вам, что можно поместить человека среди ангелов и он будет проводить своё время в усердных поисках пятен на их одеждах. Близость к Богу, близость к Учителю всюду и всегда одна и та же для человека: *всё в нём*. Ваши труд и примирённость — вот что может помочь вам достигнуть освобождённости, и ничто больше не поможет вам в этом. Вам могут указать способы достичь внутренней самодисциплины, чтобы помочь вам развить в себе новые начала для благих привычек. Вам могут указать, что эти новые привычки необходимы вам, чтобы сорвать с места старые, как липкие листы, мешающие вам развивать в себе силы Великой Жизни. Но *действовать*, творить свой путь можете только вы. В эту минуту одно из бьющихся здесь сердец имело бы больше всего оснований желать уехать в новую страну, к своему великому другу-Учителю и к своему другу, брату-отцу. Но в этом сердце не только нет ни на миг такого желания, но даже мысль о таком желании не мелькнула в нём. Сердце это не подало ни стона, ни вздоха о разлуке. Это верность до конца. Это сердце моложе вас всех. Каждый из вас метался в молниях тоски и сомнений во всё время своего «сегодня», а это сердце только лило свою радость.

— Я давно уже поняла на примере этого сердца, что значит достигать самодисциплины путём верности. Это значит обскакать всех на крылатом коне, — громко сказала Наталья Владимировна.

— Я же понял совсем иное, — возразил Ольденкотт. — Я понял, что путь человека, из каких бы слагаемых он ни суммировался, вводит каждого в то место, где живут созвучные его радости вибрации. Я понимал это всегда одним умом. Мысль, логика говорили мне, что это так. Теперь я понял это всем своим существом. Я увидел, что так же, как радость есть *первый* аспект пробуждённой Жизни в человеке, верность есть первый стимул *человеческого* существования, через который *должны идти все*. И успешность в достижении гармонии есть именно верность. *Ею* всё начинается и *Ею* всё кончается.

— А ещё вернее выразиться: верность есть *полное знание*, что *каждое* «сейчас» не что иное, как славословие Богу, славословие *всем* существам, до конца, — сказал Раданда. — Идите, мои дорогие, мои любимые, усните сейчас в мире, в мысли о Вечности и приготовьте себя к новым встречам и проводам завтра так, чтобы ваше поведение было прямым результатом Света, зажёгшегося в вас сегодня по-иному.

Раданда ласково простился с каждым из нас. И. остался ещё с Яссой и Радандой, мы же все вышли вместе в темноту жаркой ночи. Я захватил спящего Эту, который взгромоздился мне на руки, делая вид, что очень устал и хочет спать. На самом же деле хитрец преуморительно наблюдал за мной и старался головкой прижаться к

моему лицу. Я ласкал моего друга, делая вид, что вполне верю его слабости и желанию спать, но он так же отлично понимал мои чувства, как я его.

Никому из нас не хотелось говорить, каждый уносил в сердце ту Любовь, которой был окутан в покоях Раданды, как самое драгоценное сокровище. Грегор и Василион простились с нами молча у своего домика, мы также дошли до собственных комнат молча, уважая переполненность каждого.

Последний утренний завтрак отъезжающих. Напутствие детям. Ещё раз Ариадна. Рассказ Мулги о Раданде. Уединённый скит строптивцев. Старанда и Георгий. Беседа И. с Андреевой и Ольденкоттом

Возвратившись к себе, я долго ещё не спал, и мой дорогой Эта, не желая расставаться со мной, дремал у меня на коленях, засунув головку в мой широкий рукав. Отдавая себе отчёт в своём поведении за день, столь богатый впечатлениями и встречами, я чаще всего останавливался вниманием на Наталье и посылал ей самую нежную любовь, на какую было способно моё сердце.

Впервые я ощутил всем сознанием, как труден путь постоянно взволнованного человека и как точно определяли слова Раданды, *что* такое верность и то, что *её* в первую очередь надо утверждать человеку в самом себе и во встречном. Всякое волнение вызывается и вызывает в другом обострённую личную жизнь. Личность покрывает индивидуальность, и, следовательно, та часть человеческого существа, где живёт верность, меркнет. Верность как таковая перестаёт временно существовать. Вся индивидуальность отступает в тень, покрываемая блистательным светом личности.

За этими размышлениями застал меня И., легко вошедший в мою комнату, как только он один и умел входить — почти бесшумно и всегда заполняя всё пространство дивным светом и силой своего существа.

— Довольно решать философские проблемы, мой милый секретарь, завтра раньше обычного тебя разбудит Слава. Ты пойдёшь со мной к раннему завтраку провожать отъезжающих. Ночь мелькнёт очень быстро, ещё затемно надо встать к проводам. Тебе и спать-то не больше двух часов. Ложись, завтра поговорим о том, как подавать помощь людям, неся им мир и успокоение. И. погладил спинку Эты, обнял меня и прошёл к себе. Чтобы не мешать ему в его делах — я был совершенно уверен, что спать он не будет, а будет заниматься, — я поспешно лёг в постель, оберегая его спокойствие и потребность в полной тишине. По обыкновению я не заметил, как заснул, и, когда Слава меня будил, я не сразу понял, что часы сна уже прошли, что пора снова начинать день. Я убежал в душ, Эта, конечно, меня сопровождал, и через самое короткое время мы с ним явились убирать комнату И.

К моему удивлению, комната была уже прибрана, и в ней, кроме И., сидел ещё Ясса. Оба уже ждали меня, и мы немедленно отправились в покои Раданды. Там мы встретили Грегора и Василиона. Радостно встреченные всеми, мы вошли все вместе в трапезную. Сегодня она представляла из себя совсем особое зрелище. Все отъезжавшие были в костюмах для дальнего путешествия по пустыне и походили на фигуры с древних гравюр, изображающих кочующие племена. Все были укутаны в широчайшие халаты и покрывала, облекавшие их с головы до ног. Наскоро позавтракав, все вышли на площадку, откуда вела аллея к воротам. И. вышел с нами, и

здесь его окружила целая толпа детей, сопровождающих своих родителей в далёком пути.

Часто я видел И. окружённым детьми и разговаривающим с ними. Но ещё никогда я не видел в беседах с ними его лицо таким сосредоточенно-внимательным. Он так всматривался в лица детей, точно хотел на весь век запомнить лицо и внутренний образ каждого ребёнка.

— Мои милые, дорогие дети. Запомните эту минуту, когда уезжаете отсюда. Запомните, как безмятежно счастливы вы здесь были. Запомните мой образ и мою последнюю беседу с вами.

Вы ещё дети, но в вас уже живут все качества взрослых людей. Всё, что я скажу вам сейчас, будет коротко. Постарайтесь запомнить и, что бы вы в жизни ни делали, где бы вы ни жили, руководствуйтесь теми тремя короткими правилами, которые я вам сейчас скажу:

Первое, о чём помните больше всего: *внимание* к каждому человеку, с которым говорите, к каждому делу, которое делаете. Вся жизнь человека — только внимание. Это первая необходимость в жизни. Тот, кто не разовьёт своего внимания в жизни каждого дня, не сможет ни в одной области достичь чего-либо большого. Вы ещё маленькие люди, дел больших делать не можете, но ко *всем* вашим делам вы уже можете прилагать *всё* своё внимание. *Как* вы встали с постели, *как* умылись, *как* сели за стол кушать, *как* перешли заниматься — решительно *всё* делайте с *полным* вниманием. И в каждое бегущее «сейчас» думайте только об одном *этом* деле, которое делаете в эту минуту, и делайте его *до конца* хорошо.

Второе: когда разговариваете с человеком, вдумывайтесь и вслушивайтесь в *его* слова. Посмотрите ему в глаза, заметьте, спокоен он или расстроен. Не бросайтесь делать что-то, пока человек ещё не договорил, но дослушайте до конца, *что* он говорит вам. Если ваше ухо улавливает, что человек раздражён, старайтесь ответить так, чтобы он почувствовал, как вы его любите и хотите ему помочь. Не о себе думайте при разговоре, а о том человеке, что говорит с вами.

Третье: никогда не плачьте. Если только одна *непобедимая* сила в жизни, и эта сила — *Радость*. Каждый раз, когда что-то вам не удаётся, когда вы *хотите победить* все препятствия и добиться результатов, побеждайте *любя и радуясь*. Каждая ваша улыбка ускорит вашу победу и развернёт в вас силы. Каждая слеза и слова уныния скомкают то, чего вы уже достигли в своих способностях, и отодвинут вашу победу далеко от вас.

Третье правило, как и первое, составляет для вас программу деятельности на всю жизнь, во всех делах, учении, искусстве. Второе же правило — ваша вечная работа над собой. Запомните, что, если вы начали день и несли друг другу любовь, *все* ваши дела, сколько бы вы их ни сделали, были делами радости и созидания. Если же вы *не* несли любви, самые ваши усердные и трудные дела не стоили ничего. Ибо всё, что вы делаете любя, вы делаете для общего блага. А всё, в чём вы не пролили любви и радости для всех людей, вы делали только для одних себя, и это не имело никакой ценности перед лицом Вечной Жизни. Вы едете далеко. Вы увидите огромные

города, реки и горы, долины и пропасти. Но знайте, что *всякое* место, где бы вы ни жили, не имеет значения, как то или иное место. Важно то, что *вы* туда принесли в себе. Старайтесь *принести* новым местам и новым друзьям те любовь, мир и радость, которые вы здесь поняли и в которых вы здесь жили. Несите всюду в своих сердцах именно *их*, и вы будете приносить счастье и показывать людям, что вы знаете, *как* живут люди, если они *передают* друг другу привет любви.

Каждого ребёнка И. благословил и обнял, каждому повесил на шею изображение часовни Великой Матери чудесной работы на тонкой цепочке, и ещё раз мне показалось, что его пристальный взгляд как бы навеки запечатлевал в своём сознании образ каждого ребёнка.

Когда все расселись на спинах верблюдов, причём для женщин с детьми было сооружено нечто вроде огромных гнёзд с подушками и балдахинами на высоких шестах, ворота Общины открылись, и И. ещё раз благословил весь караван, напутствуя его прощальными словами:

— Поезжайте, друзья мои, весело, легко. Не уносите лишнего груза печали на сердце, чтобы оно было пусто и свободно от личного. Вы едете в мир не для того, чтобы искать *себе* блеска и расширения собственной личности в новых знаниях и новом творчестве. Вы едете в мир, чтобы *помочь* людям *принять их* день таким, каков он есть. Чтобы *они*, ваши новые встречные, поняли, что нет дня, *выпавшего* им на долю как боль и мука. Но что *каждый* день и *все* его обстоятельства — всё соткано *самим* человеком. И *если* день тяжёл, то он только спутанный клубок из покрывал собственных предрассудков и суеверий. Живите не мудрствуя. Ищите установить с каждым человеком максимум простоты. И опять-таки не от ума ищите эту простоту, а от сердечного вашего тепла. Каждый раз, когда вас будет постигать неудача в отношениях с ближними, проверьте себя: были ли *вы* совершенно свободны в чистоте вашего сердца? Стояли ли *вы вне* рамок условностей земли? Вели ли *вы* вашу встречу в присутствии Учителя? Мчались ли *вы* в законах Вечности или, поддавшись очарованию личности, подпали его печалям и радостям и делили с ним *не* Вечное, но то текущее, в чём жил он. Бдительность, самую пристальную бдительность распознавания несите в своём дне не как палку, не как костыль, но как огромную *силу* радости знания, *единственного* знания, ценного и необходимого: *жить каждое летящее мгновение как мгновение протекающей Вечности*. До свиданья, друзья. Со многими я ещё встречусь на Земле, с иными в других мирах, но каждому из вас я обещаю ещё раз встречу со мною. Будьте благословенны, мир мой да будет с вами.

Под радостные пожелания и благословения всех провожавших караван вышел из ворот и вскоре скрылся в едва серевшей мгле занимавшегося утра. И. отпустил всех, кроме меня, Грегора и Василиона. Мы прошли в другую половину парка, где я был только один раз, когда нёс больного мальчика женщине, к которой Франциск дал мне письмо. Я очень скоро понял, что И. идёт именно туда, в дом Ариадны, имя которой я ясно вспомнил. Шли мы молча. Я только сейчас точно отдал себе отчёт, как много времени мы уже живём в Общине Раданды. Всё мелькнуло, будто только вчера мы ехали по пустыне, и вместе с тем и сейчас я воспринимал прожитые здесь месяцы как целую длинную жизнь.

— Мы войдём сейчас в жилище женщины, которой — тогда девочке-нищенке — ты, Василион, был однажды спасителем и наставником. Без тебя ей грозили бы нищета и разврат, ты спас её от них, хотя тебе самому было немногим больше лет, чем ей. Сейчас ты её увидишь, вспомнишь многое из своего прошлого и узнаешь её. Хочешь ли ты, чтобы и она тебя вспомнила и благодарила за оказанные ей благодеяния?

— Пощади, Учитель. Если воля твоя благая считает нужным, чтобы я узнал женщину и пожелал ей ещё раз дальнейшего счастья твоей опеки, то будь милосерд, избавь меня от её благодарности. Ты не приказываешь высказывать тебе нашей благодарности, а уж сам знаешь, чем мы обязаны тебе. Мне же было бы очень совестно принимать благодарность за оказанную пустяковую помощь. Молю тебя, да минует меня чаша сия, — ответил Василион таким молящим тоном, что И. рассмеялся, обнял его и вновь сказал:

— Однажды у меня была встреча с мальчиком, который поражал всех своей способностью ясновидения болезней. Он точно видел места боли в человеке и так хорошо определял врачам характер заболевания, что ни одного смертельного исхода не было, как бы ни сложна была операция. Но мальчик жаловался на людей не в тех девяносто девяти случаях из ста, когда люди были неблагодарны и забывали о нём на следующий день выздоровления, мальчик жаловался на тех, кто высказывал ему свою благодарность, отнимая у него время «попусту», как он выражался. Не сродни ли ты этому мальчику, Василион?

— Ах, Учитель, что ответить мне на твою шутку? Я действительно старался избегать благодарности людей за то немногое добро, что могу для них сделать. Но не потому, что это значит терять время попусту, хотя это в отношении меня, конечно, так и есть. И не потому, что моей застенчивости это очень трудно, а потому, что сознаю себя столь тяжко грешным, что все мои труды вряд ли могут покрыть Светом мой путь к людям.

Голос Василиона теперь звучал так печально, что я с удивлением взглянул на него. Мною он воспринимался как очень чистое и светлое существо, и я не мог понять, почему в его сердце так много горечи и скорби. И. сел на скамью, пригласил и нас сесть возле него.

— Я уже говорил тебе, мой друг, не живи прошлым. Ты не виноват в смерти твоей жены. Её час пришёл бы в то же время, даже если бы твоя любовь не двоилась между твоей женой и Грегором и если бы ты не разделил его скорбного пути. Оставь горькие мысли о прошлом, перестань упрекать себя в том, что ты чего-то не выполнил перед твоей женой и не помог ей жить на земле в полной удовлетворённости. Каждый раз, когда ты воскрешаешь в скорби её образ, ты забываешь, что *такого* её образа, каким ты его создаёшь, давно уже *нет*. Сияющее существо, каким она живёт сейчас, *меркнет* в своём сиянии каждый раз, как ты окутываешь его своими мыслями скорби, горечи и раскаяния. Мысли печали, слёзы личного восприятия к давно отошедшей форме невыносимо тяжелы для каждого из развоплощённых существ, живущих в том из миров, где ещё связь с Землёй не порвана. Запомни это. Пойми, что печаль прошлого стоит на твоём пути освобождения. Она один из самых

больших барьеров к свободе духа, и она же мешает тебе стать Светом на пути встречаемых людей.

И. сказал ещё несколько слов каждому из нас как руководство на ближайшие дни, а затем мы молча продолжали начатый путь и вскоре подошли к домику Ариадны. Уже совсем рассвело и раздался первый удар колокола, когда дверь отворилась, и поражённая неожиданным появлением И. Ариадна застыла на пороге своего дома.

— Здравствуй, Ариадна. Я обещал тебе прийти и лично проводить тебя с сыном в трапезную, куда теперь вы будете ходить всегда. И жить здесь вы больше не будете. Раданда укажет вам помещение в ближайших к его покоям домах. Отсюда далеко ходить и в школу, и в мастерские, где ты будешь теперь работать. Ничего с собой не бери. В чём есть, в том и иди с нами.

— Увы, Учитель, сынок мой ещё не в силах пройти так далеко. Лекарство, что ты прислал, вчера кончилось. А ребёнок всё ещё слаб и так бледен, точно и не было целых месяцев лечения.

— Это пустяки, Ариадна. Собирайся живей. Лёвушка сына твоего сюда принёс, и он же его донесёт и до трапезной. Раданда даст ему новые капли, и завтра же твой мальчик будет неузнаваем. Войди, Лёвушка, помоги матери одеть мальчика, заверни его в одеяло и догоняй нас. Мы пойдём вперёд очень медленно. Не торопись, нам будет о чём поговорить без тебя, а к последнему удару колокола поспеем.

Когда я вошёл в комнату Ариадны, то поразился виду мальчика. Нес я сюда совсем малыша, а теперь лежал в постельке вытянувшийся подросток, точно его, как тесто, хорошо раскатали валиком. Он был бледен и худ, и ему было холодно, несмотря на уже сильную жару. Я помог матери одеть ребёнка, что, несмотря на мою помощь, она сделала с большим трудом. Затем она на некоторое время вышла и возвратилась в другом платье. Я взял ребёнка на руки, и мы пустились в путь догонять И. с его спутниками. Какой лёгкой казалась мне теперь моя ноша, хотя сильно выросший за это время мальчик был много тяжелее прежнего. Он лежал на моих руках, приникнув к моему плечу, равнодушный ко всему вокруг него происходившему.

— Я никак не ожидала, что Учитель зайдёт сегодня к нам. Я не теряла ни веры, ни надежды, что Учитель И. вспомнит о нас. Но в глубине души я думала, что мне предстоит разлука с моим дорогим сыном, и собирала все силы, чтобы встретить эту минуту разлуки героически. Это мне плохо удавалось.

Голос Ариадны дрожал и прерывался. Мы вышли на прямую аллею, и очень далеко впереди я увидел три мужские фигуры. Я ускорил шаги, чтобы сократить расстояние между нами и ими, и стал держаться в таком отдалении, чтобы никакие обрывки разговора до нас не долетали. Когда мы стали подходить к трапезной, И. остановился и подождал нас. Не успел я поравняться с ним, как колокол ударил в последний раз, и я в числе других вошёл в трапезную. И. прошёл прямо к столу Раданды, указал мне на моё обычное место рядом с ним и велел посадить мать и ребёнка возле меня. Я выполнил его приказание, но мальчик сидеть был не в силах и почти лежал на моём плече, поддерживаемый мною за талию. Раданда подошёл к Ариадне, бледное и измученное лицо которой выражало полное расстройство, и слёзы готовы были брызнуть из глаз. Он ласково положил ей руку на голову и несколько раз

нежно погладил густые гладкие волосы, сбросив прочь с её головы платок, под которым она скрывала свои чудесные толстые косы.

— Зачем же, друг, ты сомневаешься? Тебе ведь Учитель И. сказал, что твой сын будет здоров, что беспокоиться не о чем. Если бы ты, ухаживая за сыном, всё время твёрдо помнила об этих словах Учителя, твой сын выздоровел бы гораздо скорее. Твои сомнения, скорбь, колебания очень и очень мешали ему. Ты уверена, что ты любишь сына со всей силой самоотвержения. На самом же деле всё время его болезни ты думала о себе и только о себе, а не о нём. Ты искала силы в себе не для того, чтобы *утверждаться* в верности Учителю и помогать своей энергией сыну выздоравливать. Ты искала всех возможностей приготовить *себя* к разлуке с ним. Будь хоть сейчас *действительно* преданной матерью и думай только о сыне, забудь о себе.

Раданда поднял головку ребёнка и ловко влил ему в рот несколько капель из маленького, похожего на игрушечный чайник стаканчика, который он держал в руке. Мальчик слегка вздрогнул, через минуту открыл глаза, потом выпрямился, оглянулся кругом.

— Мама, ты здесь? Где это мы? Почему здесь так много людей и так жарко?

Вместо матери ему ответил Раданда:

— Ты, детка, в трапезной, куда теперь, как и все дети твоего возраста, будешь ходить каждый день. А жарко тебе стало потому, что ты поправляешься. Сейчас, чтобы скорее выздороветь и снова бегать в школу, пройди с мамой в мои покои. Там тебе будет специальная пища и уход. Ещё несколько дней я тебя полечу, а там переедете с мамой в новый дом. Иди, дитя, в моих комнатах тебе будет прохладно.

Раданда подозвал к себе одного из своих келейников, велел ему проводить мать и сына в одну из своих комнат и передать их попечению доктора, который уже был оповещён об их приходе. К моему удивлению, мальчик сам вышел из-за стола и, подав руку матери, бодро зашагал за келейником Раданды. Заняв за своим столом обычное место, Раданда приказал подавать пищу, и завтрак прошёл обычным порядком. Я заметил в столовой много новых лиц, но ни Андреевой, ни Бронского с Игоро за нашим столом на этот раз не было.

Привыкнув теперь не предаваться размышлениям, где и кто может находиться, поняв однажды и навсегда, что раз человека нет в Общине там, где он бывает обычно, значит, он *трудится* в другом месте, я спокойно ждал распоряжений И. о дальнейших делах дня. Я понимал, что мы скоро отсюда уедем, и не сомневался, что у И. есть несколько очень важных и неотложных встреч. Мелькала у меня мысль, что мы пойдём к Старанде и к старушке Карлотте, и моя интуиция меня не обманула. Как только завтрак кончился, И. шепнул мне:

— Выйди к Мулге и подожди меня там. Мы пойдём к Старанде и Карлотте.

С большим удовольствием я встретился с Мулгой, по обыкновению хранившим моего Эту. Цельность и преданность этого человека, как и его доброта, уже давно меня пленили. Но мудрость этого сердца я увидел только сегодня. В каждом слове Мулги было столько мира и уверенности, что я задал себе вопрос: где обрёл их простой человек Мулга? Были ли они ему свойственны ещё в Общине Али или же он

нашёл их здесь, в тишине своей сторожки, стоявшей в самой глубине сада, где росли лучшие цветы. Мулга на своём типичном восточном наречии ответил на мой невысказанный вопрос:

— Много мест, много людей видели мои глаза. Много плача слыхали мои уши. Много слёз утешало моё сердце. Но нигде не встречался я с такой добротой, чтобы забыть сразу всё, что до сих пор видел, чтобы понять: всё, что видел и слышал, всё не настоящее. А настоящее — правда, вечная, как Бог, — *то*, что делают и говорят Раданда и Учитель И. Я и раньше слыхал много проповедников, и великих проповедников, но всегда чувствовал, что это проповеди. Здесь же я понял слово *дело* и сложил в сердце своём такой мир, что, как башня, из сердца и головы прямо в небо смотрит. Я не дышу иначе, как через сердце своё прямо в небо, к Богу, и Бог в моём сердце живёт. И всё это случилось сразу. Слышал я раз ночью, как Раданда вышел один и пошёл к воротам, что ведут в пустыню. Испугался я. Как же он один, такой старенький, идёт к воротам? И пошёл я поодаль за ним. Только вижу, открывает он калитку и выходит прямо в пустыню. Я не утерпел и вышел следом за ним. Луна светила, и ночь казалась мне даже холодной. Должно быть, шибко привык я к зною. А Раданда всё идёт да идёт, уже, почитай, с версту от ворот отошёл. И пожалел же я, что хоть палки не взял, ведь шакалов много ночью здесь бродит. Чем же мне старца защитить? Только это я подумал так, смотрю, Раданда остановился над чем-то, вроде как упавший верблюд лежит, и плач чей-то слышен. Я побежал со всех ног и подоспел как раз вовремя, когда Раданда вытаскивал из седла упавшего верблюда привязанную к нему женщину с ребёнком. У меня был небольшой нож, мигом перерезал я ремни, взял у женщины ребёнка, передал Раданде и помог ей высвободиться. Была она молодая, сама почти ребёнок, и от долгих часов, что провела на верблюде, так закоченела, что мне пришлось принести её сюда на руках. Верблюд уже издыхал, и спасти его было невозможно. «Эта женщина — невинная жертва клеветы, — сказал мне Раданда, когда мы вошли обратно в калитку. — Здесь, в пустыне, есть оазис воинственного и жестокого племени. Провинившихся жён они наказывают, привязывая их к седлу одного из самых крепких верблюдов, хорошо откормленного и сытого. Гонят его так далеко, чтобы обратного пути он не нашёл. А чтобы он не мог прекратить своей бешеной скачки, пока не упадёт, обессиленный, и не издохнет, они втыкают ему под седло несколько острых игл кактуса. Сначала иглы незаметны животному, потом едва щекочут ему спину, но по мере бега вонзаются всё глубже в спину и приводят его в бешенство. Когда животное, выбившись из сил, падает, оно умирает от истощения быстро, почти сразу. Но другая жертва человеческой жестокости, туго к нему привязанная, испытывает все ужасы палящего солнца и жажды или же её заживо разрывают звери пустыни. Мы с тобой поспели вовремя. Этот верблюд был когда-то, не так давно, украден, вернее сказать, отбит этим племенем у одного из караванов Общины. Он вспомнил дорогу к месту своего рождения, принёс сюда своих несчастных седоков, чем спас жизни матери и ребёнка». — «Спасла им жизнь, по-моему, твоя доброта, святой отец». — «Ничего нет во вселенной, Мулга, что мог бы сделать человек в одиночестве. Всё в мире связано нитями любви. И внимание, если человек выработал его в себе до конца, открывает каждому непрерывное свершение человеческих судеб. Будь внимателен к живущим вокруг тебя

людям, и ты будешь расширять своё внимание всё дальше и дальше. И ты будешь видеть на много вёрст кругом, как и где нужна твоя помощь. Внимание человека утомляется и суживается потому, что он много и долго обращает его на самого себя. Когда он перестаёт сосредоточиваться на себе, внимание не знает усталости. Это для многих долгая и трудная работа. Человеку начинает казаться, что он только и делает, что думает о других. А на самом деле он имеет только более талантливую природу и ищет более широкого применения собственным талантам. И тут есть два пути: путь ума и путь сердца. Идущие путём сердца не спрашивают себя: хорошо или плохо будет то, что я делаю. Они идут и делают. Их ведёт простая доброта, вроде того, как она повела тебя сейчас за мною. Пожалел ты старика, что пошёл один ночью в пустыню, и только уже после подумал, что и палки-то у тебя нет, чтобы защититься от зверей. Не конфузься, — прибавил старец, точно видел, как я весь вспыхнул за свою глупость, что хотел защитить святого, который сам был защитой и шёл спасать людей. — Твоя доброта откроет твои глаза скорее, чем книжная мудрость придёт к тебе. Пойдём в больницу и передадим наших несчастненьких в надёжные руки сестёр. Не бойся, твоя ноша не умерла. Она скована усталостью и ужасом всего пережитого. Она поправится, и судьба её и её ребёнка будет великой и светлой". Больше Раданда не прибавил ни слова. Мы передали наших найдёнышей на руки сёстрам больницы и вернулись в покои Раданды. У моей сторожки он остановился, посмотрел мне в глаза и улыбнулся. Веришь ли, брат Лёвушка, всю-то жизнь свою, с детства, как себя помню, всё у меня было одно желание: «Хочу жить подле Бога». Своему отцу, сначала смеявшемуся причудам ребёнка, я так надоел, что он гнал меня от себя. А добрая мать моя ласково мне улыбалась и отвечала: «Далеко до Бога, дитятко. Люби людей, и будешь ты жить подле Бога». Я тогда не понимал её слов. Ушёл из дома. Ходил по святым местам. Дошёл до Общины Али, где ты меня встретил, и всё слов матери не понимал. А как улыбнулся мне Раданда, как перекрестил он меня, всё я сразу понял. Понял, что всё и всюду Бог, потому что в сердце своём *Его* носят люди. И повалился я ему в ноги. «Иди с миром, сын мой, — сказал старец, поднимая меня с земли. — Ты путь Божий, и я путь Божий. И каждый человек — всё пути Господни. Не ищи понять, как, куда и откуда идёт человек, если он встретился тебе. Ищи подать ему помощь в *эту* минуту встречи. Ибо ничего нет важнее на земле, чем протекающая *сейчас встреча*. Если сумеешь *внести* в свою встречу *мир*, Милосердие примет в свои объятия и тебя, и твоего встречного. И вся твоя задача выполнена. Бдителен будь в своём внимании, и *вся жизнь* ни на одну минуту не пройдёт *мимо* тебя». Благословил меня Раданда, обнял, прижал к себе, — и не смогу я высказать тебе словами того восторга, того счастья, что испытал я тогда. С тех самых пор точно крылья завертелись у меня за плечами. И тогда-то и выросла над головой моей башня.

Едва кончил Мулга свой рассказ, как возле сторожки остановились Раданда, И. и Ясса. Эта не замедлил проделать церемонные поклоны перед каждым из подошедших. Хотя я уже не раз видел эти грациозные фокусы с отставлением одной ноги и распусканием хвоста, но всё же не мог удержаться от смеха. Мой друг счёл мой смех нежелательным и недостойным себя, взлетел мне на плечо и хотел приняться за своё обычное озорство над моими кудрями. Но, увы, был сжат, как клещами, мо-

ими выросшими руками и спокойно уложен на скамью Мулги. С непередаваемым удивлением взглянул на меня мой павлин, не так давно переставший быть птенчиком, и, кажется, впервые мы перешли на положение товарищей, в котором старшим оказался я. Что и пришлось Эте признать как форму нашего совместного существования на данное сейчас.

— Что, братишка, пришлось тебе попасть в подчинённые? — поглаживая спинку Эте, смеялся Раданда. — Ничего не поделаешь, зато я научу тебя ещё одному фокусу, тогда ты снова покоришь своего хозяина. А пока придётся тебе пожить у него в служках. Ходи за ним чинно, выражай ему великое почтение и защищай не на жизнь, а на смерть, если встретится опасность.

Что понял Эта из всей этой речи, я не знаю. Но факт то, что он поспешно спрыгнул со скамьи, поклонился мне и степенно зашагал рядом, вслед за И. и Радандой. Ясса шёл рядом со мной, немного позади наших великих друзей, говоривших на незнакомом мне языке. Речи их я не понимал, но по интонациям сознавал, что дело касалось очень важных вопросов. Я мысленно приник к Великой Матери, коснулся Её чудесного цветка, с которым не расставался, и молил Её помочь мне внести мир и радость в предстоящие встречи дня. Мы шли по ещё незнакомой мне части парка, и вдали я увидел несколько очаровательных маленьких коттеджей, аккуратненьких и окружённых прекрасными лужайками, палисадниками, огородами, как бы представлявшими собой отдельные маленькие владения. Это было так не похоже на общий вид и тип жилищ здесь, что я с удивлением взглянул на Яссу. Он понял мой немой вопрос и улыбнулся.

— Ты ещё молод, Лёвушка, и не мог заметить некоторых качеств и свойств людей. Есть множество людей, у которых под старость остаётся масса неизжитых желаний, от которых у них не перестаёт болеть сердце. Впереди всего у них стоят эти не исполнившиеся в жизни желания и мешают им ясно видеть своё истинное положение. Всю жизнь они ищут Бога и путей Его, но не могут подойти ни к одной из тропок, ведущих к путям, так как на каждом шагу их слепит одно из тысячи неисполненных и мутящих душу желаний. Здесь живут люди, у которых когда-то в жизни была собственность, к которой они были привязаны и благодаря которой считали себя независимыми. Пришлось им всё потерять, вести жизнь санньясинов, но тем не менее воспоминание о прошлом, о мнимой своей независимости мутит их души до сих пор. Здесь каждому из них даны отдельные владения, чтобы они могли вполне удовлетворить свои инстинкты собственности. Ведь войти в единение со Светлым Братством не может ни один человек, пока его держит в закрепощении инстинкт собственности. Ты сам сейчас увидишь, как труден путь человеку, даже очень хорошему и доброму, пока в его мыслях живут разъединяющие воспоминания прошлого, желание самостоятельного существования без возможности добыть его собственным трудом, помимо жажды вообще жить, поучая других.

Мы миновали довольно много домиков и наконец вошли в один особенно красивый, увитый цветущими растениями и утопавший в целом море прелестных цветов. Несколько кошек и собачонок лежали мирно на солнце, выставив туловища и спрятав в зелени головы. Животные и не думали тревожиться при нашем появлении, продолжая своё ленивое, сонное мечтание.

Никем не встреченные, мы вошли в сени домика, прошли через две уютные, но малоаккуратные комнаты, где во многих местах стояли блюдечки с кошачьей и собачьей едой и немалым количеством мух над ними. Впервые я видел здесь неряшливость и такое множество мух. От постоянного и быстрого движения вееров мух в Общине не было. Я их не видел нигде, кроме этой части парка. Эта вспрыгнул мне на плечо, косясь на новую для него обстановку.

Чувство какой-то ещё не испытанной мною жалости к тому, кто здесь жил, закралось в моё сердце. Я связал всё окружавшее меня со словами Яссы и подумал, что живший здесь человек должен был быть прежде всего бесконечно одиноким. Его должна была томить тоска по привязанностям Земли, жажда быть постоянно окружённым любящими его существами, пусть животными, но чтобы иллюзия любви жила вокруг. Меня точно озарило понимание глубоко несчастных людей, мечущихся по жизни в вечной жажде любви и привязанности, вместо того чтобы нести каждому мир и посильную помощь.

Мы вышли с противоположной, теневой стороны дома и услышали два спорящих старческих голоса, мужской и женский. Голоса долетали из густых зарослей цветущих, огромнейших, как кусты сирени, гортензий ярко-голубого цвета.

— Нет, нет, это далеко не так просто, как вы воображаете, — слышался мужской голос. — Как же это по-вашему? Впереди головы сердце идёт? Тогда всякий глупенький и простенький, если только он добр и верен, может дойти до Учителя? Да ведь сколько надо знать, чтобы Учитель мог взять человека в ученики.

— Я не знаю, чего и сколько надо знать. Но что надо любить, а не быть сухим, как вы, это я знаю, — отвечал женский голос.

— Не думаете ли вы, что, любя ваших кошек и собак, вы достигнете цели? Разве может быть поставлена в заслугу такая любовь? Это вы себя в своих кошках любите.

— Вот вы опять ссоритесь, я ведь не говорю, что вы себя любите, когда обучаете китайской грамоте своего несчастного садовника. Если бы вы учили его английскому языку, его родному языку, это было бы понятно. Он англичанин и еле грамотен. А вы вот — подай вам китайский. Ну на что ему это? Он ведь до смерти едва три буквы выучит. Это вы не себя любите?

— Ну, где же вам втолковать? Он будет в следующем воплощении миссионером, и мы поедем с ним в Китай. Понятно вам? Я для его будущего работаю.

— Нет, уж лучше я для настоящей жизни кошек поработаю. Нам с вами не сговориться, — совсем раздражённо прозвучал женский голос.

Неизвестно, чем бы окончился этот классический спор, если бы раздражённая старушка не покинула своего места в тени кустов и не вышла на дорожку к дому, на которой мы все стояли. Увидев нас, узнав Раданду, она до того растерялась, что выронила из рук кошку, которая, очевидно, спала на её коленях. За нею вышел из кустов старик высокого роста, видимо, ещё сильный, с крутым, упрямым лбом и не гармонировавшими с общим видом его лица и фигуры кроткими голубыми глазами.

— Здравствуй, сестра Карлотта, — сказал старушке Раданда, и я только теперь вспомнил, что это та женщина, к которой я приходил однажды с Франциском в ту памятную ночь, когда неистовый монах Леоноре напал на меня и когда мы привели в Общину Али профессора и Мулгу. Сейчас я с трудом узнал её. Она пополнела,

посвежела, сказал бы, помолодела, если бы в её древние годы это слово могло что-либо означать.

— Отец Раданда! Я никак не ждала вас так рано, — растерянно сказала сестра Карлотта.

— Неужели рано, друг мой? Я ведь вчера специально присылал Зейхеда сказать тебе, что сегодня буду к тебе с Учителем И., которого ты так меня умоляла позволить тебе повидать, чтобы лично с ним поговорить.

— Да, да, я забыла. Мой сосед всегда отвлекает меня от дел, и я не успела приготовиться.

— Иди, друг Александр, к себе. Мы придём к тебе позже.

Старик, поклонившись Раданде, поспешно скрылся в кустах.

— Ну, присядем здесь, на крылечке, — снова обратился Раданда к сестре Карлотте. — в комнатах у тебя, друг, плохой воздух и неприбрано. Оставь свою кошку, авось она найдёт себе на время приют где-нибудь в другом месте, кроме твоих коленей, — прибавил он, видя, как сестра Карлотта старалась подобрать в подол юбки кошку, пронзительно мяукавшую и рвавшуюся на свободу.

— Прости, отец Раданда, ты ведь не знаешь, кошка моя нездорова. Я сейчас отнесу её в комнату и вернусь, — поспешно засовывая дрожащими руками кошку в подол, сказала Карлотта. Но кошка с визгом вырвалась и стремительно убежала.

Старушка обескураженно смотрела ей вслед, а все мы молча смотрели на неё. Я взглянул на И., и сердце моё невольно сжалось. Лицо его не было сурово, оно было по обыкновению милосердно. Но... неприступная стена величия окружала всю его фигуру. Я понял пропасть между ним и Карлоттой, которую она не была в силах переступить.

— Разве ты не понимаешь, сестра Карлотта, *кого* я к тебе привёл? Почему же ты стоишь, опустив глаза в землю, и молчишь? Ведь в течение месяца бесед со мной ты настаивала, что ни Франциск, ни я не понимаем и не знаем тебя. Что мы можем ошибаться, не знать ни твоей природы, ни твоего существа. Я пытался растолковать тебе, что до тех пор, пока ты будешь занята собой, свидание с Учителем не может принести тебе ни мира, ни пользы. Вот ты сейчас стоишь перед *ним* и не решаешься поднять глаза от земли. Дерзай же. Мгновения встречи идут. Учитель не сможет долго ждать, пока ты будешь обдумывать, с чего начать и как выложить перед *ним* накопленный за долгую твою жизнь мусор обид и горечи.

— Я не могу говорить в вашем присутствии, отец Раданда. Да вы ещё привели и совсем незнакомых мне людей.

Улыбка непередаваемой доброты осветила лицо Раданды, и он ласково ответил ей:

— Ну, эти милые люди не совсем чужие тебе, дорогая сестра. Мы отойдём. Прости ещё раз, Учитель, что моя доброта привела меня к ошибке и тебе приходится перенести лишние тяжёлые минуты.

— Останься, Лёвушка, — коротко приказал мне И., видя, что и я собираюсь отойти с Радандой и Яссой.

— Не трать времени, сестра, на мысли суетные, как и с чего начать мне объяснять, почему не дошла ты до той степени высокого мужества и радостности, кото-

рых достигали люди, истинно ищущие встречи с Учителем, истинно забывающие о себе, чтобы жить для блага людей. Не называй мне имён «мешавших» тебе жить в подвиге людей. Ты и Раданду, ежедневно посещавшего тебя и убеждавшего заняться трудом хотя бы самообслуживания, расточавшего тебе любовь целыми ковшами, считала неправомочным разрешить твои проблемы жизни. Кого из людей, прошедших перед твоими глазами, ты любила не потому и не за то, что *они* были тем или другим хороши для тебя? Кому *ты* внесла мир и отдых своим существованием? А если и внесла его единицам, почему не люди, а животные имели счастье завоевать твою преданность и дружбу? Единого в животных ты предпочла Единому в людях? Не омрачай своих дней глубоким осуждением и горечью, что живут на дне твоего сердца. Люди, которых ты не раз осуждала, считала неправыми по отношению к тебе, ушли из этого мира, и ты больше не имеешь возможности принести им свои извинения и помочь их миру. Найди теперь *им* оправдание и *себе* осуждение. Но не мёртвое осуждение-раскаяние, а живое, активное действие любви: в каждой новой встрече ищи *видеть* Вечное. Франциск много раз говорил тебе, *что* такое добрый человек. Он, как и Раданда, говорил тебе, что достичь встречи с Учителем можно только единясь в труде с людьми. И труд бывает разный. Можно иметь мало физических сил, но, просыпаясь к дню, стремиться вместе со всеми людьми своего народа к его великим задачам дня, *их* видеть, *им* духовно нести помощь любви. Мужество рождается из всех факторов духа, мозга, сердца. *Они* вливаются в труд дня, и *ими* светится день человека. Думаешь, что своему неряшеству найдёшь оправдание в старости и слабости? Нет. Они отражение твоей слабости *духовной* и застарелой привычки сваливать уход за собою на руки других. Думаешь, что силы тоски, одиночества и горести выросли от печальных внешних обстоятельств? Нет, они тоже отражение внутренней раздробленности. Цельность твоя формальна. Повторяешь *слова* данного тебе указания, а Жизнь в тебе не разворачивает Своих аспектов. Благодаря доброте в далёком прошлом к тем людям, которых ты назвала чужими, ты достигла Общины Али, ты здесь. Но страшись продолжать своё убогое внутреннее существование. Твоё отрицание *действенно*. Ты в каждом видишь сегодня плохое, завтра — хорошее, вместо того чтобы *всегда* видеть *вечное*. Твой день — день набегающей тоскливой слезы, которую стараешься развлечь случайными встречами, случайными услугами, случайным уходом за животными. Мечтаешь пойти куда-то в гости. А рядом, через несколько домов от тебя, живёт женщина, мать которой долгое время больна. Предложила ли ты хоть раз свои услуги подежурить у постели больной и сменить замученную дочь? Одумайся, друг. Сосредоточься. Отвлекись мыслями от себя на деле, внутри, а не вовне. Перед последними месяцами жизни на Земле подумай, приготовь дух свой к великому переходу в труд волн иной длины, которые теперь не ухватываешь. Но не забывай, что это будет труд, к которому ты здесь не выработала в себе строгой и точной привычки и дисциплины... Проследи: вместо того, чтобы всюду утверждать вокруг себя расцветающую жизнь, ты в каждом месте отъединялась, ничего не признавая и никого не считая себе учителями и наставниками. А между тем, первое изречение, даваемое ученикам: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый человек тебе великий учитель», — ты хорошо знала. Знала и знаешь фор-

мально, как и многое другое. Очнись, действуй. Завтра же ты отправишься в скит уединения, где живут строптивцы. Там старайся не мутить ничей покой, не вносить разлада ни в чью мысль, ни на одну минуту не раздражить или не влить в чьё-то сердце печаль о твоём горьком существовании. Навеки пойми: стремление *видеть* Учителя — пустая суетность, сложившаяся из грубейших предрассудков и суеверий. Кто готов, тот *может* увидеть Учителя, тот годами *жил* и трудился в радости и мире именно потому, что в сердце своём носил образ, действовал в его невидимом присутствии, и потому выросли его мужество и бесперебойная честь. По опыту этого дня видишь, что *говорить* в присутствии Учителя может тот, кто *жил* в его обществе, укрывая в сердце никому не видимый его образ. Когда поймёшь, как *найти* истинные самоотречение и смирение, поймёшь и любовь к людям, поймёшь, как трудятся те, кто хочет содействовать планам труда Светлого Братства. Иди в скит, там сосредоточься и перестрой все свои понимания, что такое *живая Жизнь в себе*, протягивающая любящую руку такой же Жизни во встречном человеке.

Карлотта, молча и всё так же с опущенными глазами слушавшая слова И., упала на колени, закрыв лицо руками. И. перекрестил её, подержал свою руку на её голове, дрожавшей от бурных рыданий, и прошёл к тому месту, где сидели Раданда с Яссой.

Я бросился к старушке, поднял её, лёгкую как пёрышко, и усадил в кресло на крылечке. Если бы не моё новое мужество и голиафова сила, я бы сам разрыдался от скорби за неё и сочувствия к ней. Но сейчас в сердце моем было так много мужества, самообладания и радости, что я коснулся судорожно утиравших слёзы рук цветком Великой Матери, поцеловал обе эти старческие руки, низко ей поклонился и тихо сказал:

— Не плачь, дорогая сестра, завет мужества дал тебе Учитель. Призывай имя Великой Матери. Она поможет тебе найти истинный путь. Никогда не поздно, пока человек жив. Я приду завтра, я умолю Учителя разрешить нам с Яссой проводить тебя в скит. Мы будем навещать тебя там, пока не уедем отсюда, и будем всячески служить тебе со всем усердием, как только сможем. Милосердие Учителя безгранично. Если бы он не читал для тебя возможностей найти истинный путь, он не говорил бы с тобой сегодня.

Я ещё раз поцеловал обе её узловатые руки, ещё раз поклонился ей и пошёл догонять И., подхватив на руки Эту, терпеливо меня дожидавшегося, как будто бы он понимал всю важность утешающих слов для старушки.

Я нагнал И. как раз в тот момент, когда он разговаривал со стариком, которого Раданда назвал Александром.

— Сколько раз тебе, друг, Раданда повторял, что вовсе не важно, кем ты в жизнях своих был или кем будешь. Важно только одно: *кто ты сейчас*. Избитая и старая истина, что Жизнь — это твоё летящее *сейчас*; всё же это остаётся для тебя не реальным знанием, а формальной проблемой. И наоборот, призраки прошедшего и будущего занимают твои мысли, заставляя тебя попусту терять драгоценное время жизни на Земле. Своё время, которое ты обещал Раданде посвятить обучению детей, ты проводишь в бессмысленных спорах и беседах и в ещё более бессмысленном обучении малограмотных людей таким знаниям, которые не могут быть им полезны

ни в этом, ни в ещё нескольких следующих поколениях. Довольно возиться с самим собой, со своей независимостью и вечной мыслью о жизни твоих детей и внуков. Ступай сегодня же в школу и скажи её начальнику, что я прислал тебя в помощь старому учителю для обучения детей греческому и латинскому языкам. Учи их весело, радостно, чтобы они не потом обливались, как твой садовник, но смехом заливались и запоминали азбуку по комическим фигурам, которые ты так прекрасно умеешь рисовать. Поселись в самой школе и будь первым слугою, а не только наставником детям, с которыми тебя сегодня столкнёт жизнь.

И. поклонился Раданде.

— Благоволи, отец, присмотреть, чтобы отданные мною сегодня распоряжения были выполнены в точности обоими членами подчинённой тебе Общины. Ясса и Лёвушка, вы пойдёте со мной.

Мы расстались с Радандой. И. круто повернул назад, вышел на одну из самых широких аллей и пошёл по направлению к скиту строптивцев. Мы долго шли молча, и только когда стали подходить к воротам скита, И. сказал мне:

— Постучи в калитку, именем моим прикажи открыть и оставь старику, дежурящему у ворот, Эту.

Я всё исполнил, как приказал И., и мы вошли в большой двор скита. Здесь тоже было много цветов, вокруг дома и вдоль дорожек сада стояли красивые скамейки. Мы шли мимо домов всё дальше в сад. К моему удивлению, там протекал ручей вроде маленькой речки, а сад незаметно перешёл в лес из смеси каких-то игольных деревьев, очень занятных и красивых на вид, мною никогда не виданных. В лесу дорожки прекратились и цветов не было, только узенькая, едва заметная тропочка вилась по земле, и по ней мы шли за И.

Сначала мы шли по ровному лесу, потом тропа стала спускаться вниз. Некоторое время мы шли по самому дну оврага и, выбравшись на другую его сторону, очутились у ряда белых домиков, обнесённых низкой деревянной оградой. Я понял, что овраг и горушки не что иное, как дно моря, некогда покрывавшего всю пустыню.

Никого не было у калитки, которую И. открыл, и никто не выходил нам навстречу. Все дома казались вымершими. Так дошли мы до небольшой церквушки и здесь увидели первое живое существо. Оно копошилось, вытряхивая циновки. Это был худенький человек в монашеской одежде, трудившийся спиною к нам и, очевидно, не слыхавший наших тихих шагов. К нему-то и направился И.

— Здравствуй, Старанда, — громче обычного сказал И., подходя к человеку.

Тот вздрогнул, выронил из старческих рук циновку, быстро оглядываясь на приветствовавший его голос. Бог мой, как изменился Старанда! Он был всё тот же старенький монах, к которому мы однажды приходили. Но я видел его в двух фазах: грубым отрицателем, упрямым строптивцем и жалким, несчастным человеком, понявшим всю глубину своего заблуждения и горько страдавшим от этого сознания. Теперь же перед нами, после первого пароксизма неожиданности и удивления, стоял радостно улыбающийся человек, лицо которого светилось приветливостью и нежной любовью. На шее его был повязан платок Франциска, концы которого были аккуратно запрятаны под бедный, выцветший подрясник.

— Господи, ты помиловал меня, Учитель! Не ожидал я, что так скоро милосердие твоё приведёт тебя ко мне, грешному, — счастливо и бодро улыбаясь, говорил Старанда, поправляя свои седые вьющиеся волосы, падавшие на плечи и, очевидно, сплетённые до работы в косицы. — В каком неряшливом виде застал ты меня, Учитель! Да ещё и гости с тобой, — застенчиво продолжал старик, обтирая свои пыльные руки о длинные полы подрясника. — Не пройдёшь ли ты с дорогими гостями к настоятелю? А я мигом приберусь и прибегу туда.

— Не волнуйся, мой милый друг. — И я, уже привыкший к божественно ласковому голосу Учителя, был тронут его особенной добротой и нежностью при обращении к Старанде. — Мы пройдём в твою келью.

Старец, чутко воспринявший дивный голос Учителя И., сразу стал точно сильнее, увереннее, улыбка ещё ярче засветилась на его лице, он хотел поклониться И. в ноги, но тот обнял его и пошёл с ним к ближайшему домику, держа руку на его плече.

— А платочка-то я не снимаю ни днём, ни ночью, — касаясь концов платка Франциска, тихо сказал Старанда, вводя нас в свою крохотную келью.

Чистые стены из пальмового дерева были так же прекрасно отполированы, как столы в трапезной. Небольшой аналой с раскрытым Евангелием, перед которым висело белое большое распятие и горела лампада, топчан с откидной крышкой, небольшой стол, табурет — вот и всё убранство комнаты. На окошке стояли чернильница, графин с водой и кружка.

— Я пришёл за тобой, Старанда. Что ты мне скажешь, если я предложу тебе переменить место и труд?

— Да будет воля Божья и твоя, Учитель. Я рад: мой убогий труд тебе понадобился. Здесь я, кроме уборщика при церкви, ни на что не нужен. Мало сил, только с этой работой и могу справляться. Но всё, что прикажешь, постараюсь выполнить с Божьей помощью. — Старанда снова коснулся рукой платка, посмотрел на распятие, вздохнул, перекрестился и поклонился И., как бы ожидая его дальнейших приказаний.

— Ты даже не интересуешься, Старанда, куда я тебя поведу? — пристально поглядел на старца и улыбнулся И.

— Умер тот Старанда, Учитель, что спорил и считал себя всезнающим и во всём правым. Живёт теперь Старанда, *одну* истину знающий: что всю жизнь мало любил человека и не о нём, а о себе думал. И было прежнему Старанде трудно жить всюду. И всюду, невежда, учить хотел. Нынешний Старанда полюбил человека. Вся тоска с него спала, нагой он перед Творцом стоит, как нагой и на Землю пришёл. Одна любовь его покрывает, и легко ему жить свой день. Одно иной раз сердце томит, что не понял я тебя, гонца Божия. Думал, что не хватит твоего милосердия простить мне скоро мой грех. Приют мой посетил ты ныне, и последнее звено тяжкое с сердца спало. Будь благословен, великий отец, да пойду по стопам твоим до смерти и после неё.

Старанда опустился к ногам И., который его обнял и посадил рядом с собой. И ничего я не увидел, кроме радужного облака, которое наполнило всю келью и в котором исчезли и старец, и сам И. Когда плотное облако рассеялось, я снова увидел

И. и Старанду. Оба они уже стояли на пороге кельи, и Старанда, обернувшись ко мне, говорил:

— Не прошу я у тебя прощения, дорогой брат, ибо платок, тобою мне данный, всё мне сказал. Он сказал мне, что сказка — волшебная сказка, — сердце человека. И что жизнь каждого и есть эта сказка, которую рассказывает сердце человека. Не осуди меня ни на единый миг. И Великая Мать Жизнь не осудит тебя и вовеки подаст тебе Своей Доброты покров. Да хранит тебя радость в твоих долгих-долгих днях.

Старанда вышел вслед за И., мы с Яссой окинули взглядом бедненькую келейку, где нашёл своё раскрепощение Старанда, и, пожелав следующему её обитателю счастья и мира, поспешили за ними.

Как только мы покинули келью Старанды, мы увидели со всех сторон спешивших к И. одетых в монашеские рясы братьев. Впереди всех, с трудом передвигая ноги, старчески не сгибавшиеся, опираясь на посох, шёл высокий монах со следами редкостной красоты на лице. По почтительному расстоянию, которое соблюдали остальные братья между ним и собой, я понял, что это был настоятель скита. Не доходя небольшого расстояния до И., он хотел опуститься на колени, как и все, следовавшие за ним монахи, но И. предостерёг их от этого:

— Я уже говорил вам, что не разрешаю кланяться мне в землю. Преклоняйтесь перед Богом, если так хочет ваша душа. Учителю же видно ваше смирение и без земного поклона, как видна и ваша строптивость в самом глубоком преклонении. Мужайтесь, дорогие мои братья. Не падайте духом от того, что не можете сразу освободить сердце от въевшихся в него привычек к спору и мудрованию. Расширяйте действенную любовь в ваших сердцах в труде простого дня. Не думайте так много о себе, о своих грехах, о подвиге своего спасения. Думайте чаще и больше о Мире-Вселенной, о живущих в ней людях, ищущих любви, зовущих и молящих о помощи и спасении. Посылайте каждому сердцу вашего сердца привет. Это ничего не значит, что здесь вы не видите людей и мира. *Вы* — люди, *вы* — мир, *вы* можете так широко любить и благословлять людей, печальных, неустойчивых и несчастных в своей широкой жизни, что волны вашего доброжелательства долетят до них и принесут им мир и успокоение. Каждая страсть, что вы победите в себе, от которой освободите сердце, полетит лучом радости и энергии в дальний мир. Никакая энергия, посланная человеком в доброте, не может пропасть в мире. Энергия зла окутывает только тех, в ком встречает раздражение. Тогда она может угнездиться в человеке. А энергия доброты не минует ни одно существо в мире, и если не освободит, то облегчит каждого страдальца, мимо которого мчится.

— Прости меня, Учитель, что я так мало сделал для скита с тех пор, как ты определил меня сюда настоятелем. Болезнь почти ежедневно держит меня прикованным к постели, и братья всё делают сами, получая в моём лице ещё добавочную тяжесть ухода за мной. Я несколько раз просил Раданду освободить меня от обязанностей настоятеля, доказывал ему, что я калека, а какой же калека может быть настоятелем, если он трудится меньше всех?

— Не огорчайся, Матвей, ведь и огорчение оттого, что ты не можешь трудиться так и столько, сколько, по твоему мнению, должен трудиться настоятель, тоже не признак освобождённости. Разве, когда ты прикован к ложу, ты, дух твой, твоя

мысль, твоё сердце инертны? Разве не шлёшь ты ежеминутно далёкому миру, всякому живому брату, в каком бы месте вселенной он ни жил, свою любовь, своё благословение, свою радость и мир? Неси смиренно свои обязанности. Братья твои по скиту растут, как растёшь и ты сам, единясь с ними без предрассудков и суеверий. Ты хотел поговорить со мной о строптивом брате Георгии, которого никак не можешь победить своей любовью. Где же он?

— Он, вероятно, в оранжерее. Раз он услышал, что ты здесь, Учитель, и что все мы счастливы тебя видеть и получить твои наставления и твоё благословение, значит, ему надо поступить на свой манер и убежать в самый дальний угол. А на самом деле он умирает от желания увидеть тебя, Учитель, и, если случится так, что твоя доброта не найдёт возможности его увидеть, глаза его распухнут от слёз и сердце отяжелится истинным горем. Он добр, Учитель. Он очень мил и ласков по природе. Это только его внешний характер строптив. Не он, а я виновен, что до сих пор не сумел раскрыть сути в порученном мне брате и что он так много времени потерял в пустоте. — Настоятель говорил с большой проникновенностью, и чисто отцовские интонации снисходительной любви звучали в его голосе. — Разреши мне сходить за ним, я постараюсь сделать это возможно скорее и не задержать тебя, Учитель, — прибавил настоятель, с мольбой глядя на И.

— Побереги свои больные ноги, мой друг. Посиди здесь с Яссой, у вас найдётся о чём поговорить. Он недавно возвратился из тайной Общины и привёз тебе оттуда немало благодарных приветов и писем. Не волнуйся, прими спокойно благодарность многих обязанных тебе спасением людей. Вспомни, как хорошо бегали твои ноги, как точно разили врагов твои защищающие руки, и не огорчайся, что теперь проходишь урок омертвения тела, несущего в себе живой и деятельный миротворящий дух.

И. сделал мне знак следовать за ним, взял за руку Старанду, и вскоре, миновав дома и густые заросли, мы очутились на большой поляне, на которой был разбит целый ряд прекрасных оранжерей и парников, закрытых тёмными занавесями, укрывавшими редкостные фруктовые деревья от чрезмерного солнца. Теперь я понял, откуда в Общине так много прекрасных и редкостных фруктов. И. приказал нам остановиться у одной из самых больших оранжерей. Он показал нам человека, одиноко и тоскливо стоявшего под большим цветущим деревом неизвестной мне породы. Человек в монашеской одежде стоял, опустив голову вниз, держа в руках лопату. Время от времени он тоскливо взглядывал в окно и смахивал со щеки катившую слезу. И. постоял некоторое время, как будто вслушиваясь в разговор человека с самим собой, потом улыбнулся и, сделав нам знак следовать за собой, вошёл в оранжерею.

— Где здесь садовник Георгий? — громко сказал И., подойдя к огромной, раскинувшей листья пальме, такой широкой, что мы все трое скрылись за ней.

— Я садовник Георгий. Кто здесь? Кому это я понадобился? Теперь время отдыха, кому какое дело, где я? — Голос раздался издалека, мягкий, приятный, голос, несомненно, певца, что моё ухо научилось хорошо распознавать. Несмотря на грубость ответа, я сразу понял, что говоривший был, безусловно, человеком культурным, что он добрый и, по всей вероятности, глубоко несчастный.

— Ты очень нужен одному больному человеку, — ответил И. — Разве в уходе за больными можно соблюдать своё время отдыха?

— Чудно, право. Да кто ты такой? Я такого и голоса-то здесь не знаю. Почему ты берёшься учить меня моим здешним обязанностям? Я своему больному всё приготовил, — и шаги направились прямо к пальме, за которой мы укрывались.

Дойдя до дерева, Георгий наткнулся прямо на меня и в удивлении воскликнул:

— Батюшки, да ты скоро в потолок оранжереи упрёшься. Я судил по твоему голосу, такому необыкновенному, что ты, должно быть, и создан Богом, как сама гармония. А ты, видишь-ка, скоро до неба достанешь, хотя у тебя и ребячье лицо.

И. Вышел ему навстречу, и тут произошло то, чему я бывал уже тысячи раз свидетелем. Георгий выронил из рук лопату, уставился в лицо И., точно не мог оторвать взгляда, и стоял, меняясь в лице, бледнея и краснея. Это был ещё молодой человек среднего роста, но плечи и грудь его были так широки, точно приставлены от совсем другой фигуры. Большие светло-серые беспокойные глаза и крутой, упрямый лоб — всё говорило, что человек этот настойчив, своенравен, самолюбив, быть может, грубоват, но добр и чист.

— Что же ты, Георгий, не вышел со своими братьями встретить меня? Или *само*любие стоит у тебя выше *человеко*любия? В последнюю нашу встречу ты мне обещал, что будешь думать о людях и забудешь о себе. Видно, тебе трудно перемениться ролью с твоим братом, который слишком много думает о людях и совсем не помнит о себе, хотя живёт всё там же, в миру, в Москве.

Георгий вздрогнул, точно И. его ударил, и прошептал:

— Брат? При чём здесь брат? Я не думал о нём много лет. Что хочешь ты этим сказать?

— Я хочу напомнить тебе, как грубо ответил ты брату, заменившему тебе отца, на его мольбы не покидать мира. Он стремился доказать тебе, что всюду можно быть чистым и честным человеком и преданным гражданином своей родины, всюду можно любить людей и служить им. Ты ушёл сюда. И всё время борьба твоего сердца, борьба-протест против каждого высказанного другим человеком мнения стоит на первом месте в твоих мыслях. Что же такое твой день здесь? Чем он разнится от твоей мирской жизни? Чем облегчаешь ты встречных? Чем помогаешь им жить в доброте? Матвей говорил тебе много раз, что, не имея мира в собственной душе, нельзя подать его другим. Дать можно только то, чем владеешь сам. Помнишь ли ты единственный данный тебе мною завет? Я сказал тебе: неси мир всем, особенно неси мир-отдых трудящимся рядом с тобой. Почему же и здесь, в обители тишины, ты всё тот же *не*мирный Георгий, что не мог ужиться в мире нигде и ни с кем? Только потому, что у тебя и здесь на первом месте *само*-, а не *человеко*любие.

Георгий закрыл лицо руками, и я увидел, как на его рясу, бедную, поношенную, выцветшую, потекли ручьи слёз.

— Не плачь, мой друг. — И. подошёл к монаху и провёл рукой по его длинным чёрным волосам. — Успокой свою блуждающую в мечтах о недоступном мысль. Ты только и делал, что мечтал о встрече со мной. А пришёл я, и ты трусливо бежал от этой встречи. Любовь моя нашла тебя здесь, где ты укрылся, жаждая видеть меня.

Сердце твоё отягощено грузом скорби и жаждой высказать мне её, а уста твои молчат, не имея сил передать в слове жалобы сердца.

Георгий упал к ногам И., поднял своё залитое слезами лицо и страстно сказал:

— Благословенный, снял ты с меня весь мой бунт. Пропало в ласке твоей всё моё возбуждение, мир принёс ты мне. В одну минуту понял я, *что* такое истинная любовь к человеку, в одно мгновение просветлело сердце моё, *узнало* мир. И теперь я его понесу всюду, потому что дал ты мне его навек. Прости меня за глупую детскую строптивость, — целуя руки И., говорил монах.

— Встань, друг, пойдём с нами, поживи ещё здесь. Утешь своим миром и любовью Матвея перед его близкой кончиной. Возврати ему все его заботы о тебе, и, когда отдашь последний долг его праху, Раданда возьмёт тебя к себе. У него будешь учиться, приготовишься к государственному экзамену в университете, и, когда будешь готов, я пришлю за тобой. Станешь профессором — и твоя тоска по науке будет удовлетворена. Успокойся, найди самообладание, чтобы подойти к Матвею со спокойным и радостным лицом.

И. нежно обнял Георгия, благословил его. Лицо его теперь сияло, и мы возвратились снова к Матвею и его братьям, которых застали за оживлённой беседой с Яссой. Пробыв ещё некоторое время в скиту, обняв каждого из братьев и каждому сказав что-то ласковое и чрезвычайно для него важное, И., взяв с собой Старанду, вышел из скита и пошёл прямо в наш домик. В одной из комнат он приказал Славе поместить Старанду. Приняв душ и переодевшись, он приказал мне позвать к нему Андрееву и Ольденкотта.

Никого из них я не нашёл в комнатах. Не зная, куда направиться на поиски их, я вышел в сад, где Слава сказал мне, что видел только что обоих друзей сидящими в белой беседке за чтением книг. Я помчался по аллее и действительно нашёл их за совместным чтением большущей книги. На моё приглашение отправиться со мной к И. оба друга реагировали совершенно разно. Лицо Натальи покрыла густая краска, точно вся кровь бросилась ей в лицо. Она заспешила, стала суетливо собирать по обыкновению разбросанные в беспорядке вещи, и во всём было видно её внутреннее волнение. Что же касается милейшего американца, то ни одной чёрточки волнения не мелькнуло на его прекрасном лице. Он спокойно закрыл книгу, помог Андреевой собрать её вещи, минуту постоял в раздумье, как бы сосредоточивая свою мысль на предстоящем свидании, и сказал мне:

— Мне неудобно войти к Учителю с этой книгой. Он приказал мне её прочесть, а я ещё не успел. Не будете ли вы так добры, Лёвушка, взять её в вашу комнату, пока я буду у Учителя И. Я возьму её у вас по окончании беседы.

— И это я не дала вам возможности выполнить приказание И., так как непременно хотела читать книгу вместе с вами. Как часто я бываю виновной в невыполнении порученных вам дел!

Я подметил несколько удивлённый взгляд, добрейшую, застенчивую улыбку Ольденкотта, которыми он ответил на торопливое замечание Натальи. Я взял из его рук тяжёлую книгу и поспешил вперёд, напомнив друзьям, что нашёл их не сразу,

что И. ждёт. Проводив обоих друзей до комнаты И., я хотел тихо выйти, но он меня удержал:

— Подай мне пачку писем с ночного столика и разбери ещё вот эти письма по числам.

Когда я подал требуемую пачку писем И., он велел мне сесть рядом с ним и пододвинул мне ещё несколько писем, написанных чётким и характерным почерком Али, который я мгновенно узнал.

— Ты разбирай письма и, раздвоив внимание, вникай в смысл разговора. Как моему секретарю тебе придётся знать и держать в памяти многие мои дела. Вернее сказать, не мои, а дела и труды Светлого Братства.

Я занял указанное мне место и впервые учился совмещать два дела, что показалось мне необычайно трудным и что вскоре стало для меня привычным, а потом и лёгким. Но в этот первый раз я всё время ловил себя на том, что или я разбирал письма — и разговор выпадал из моего внимания, или, наоборот, я старался уловить нить разговора — и письма переставали существовать. Наконец я покончил с письмами и собрал всецело внимание на разговоре.

— Многое из того, что вы сейчас сказали, Наталья Владимировна, верно. Но верно только по смыслу быта Земли, а вовсе не по здравому смыслу, мужеству и целесообразности мирового закона: неустанного движения вперёд. Ваш опыт прошлого, давший печальные *внешние* последствия, то есть расчленение на мелкие секторы того большого общества, которое поручил вам основать Али, *не* остался только трудом *одной* Земли. Все, кто искренне, без всякого тщеславия или корыстолюбия принимал участие в трудах основанного вами общества в сотрудничестве с Ольденкоттом, нашёл раскрепощение от многих давящих личных чувств и суеверий. Что же касается глубокого, *вечного* смысла, который вложили Али и сэр Уоми *через* вас обоих, то он *будет жить и изменяться* по тому закономерному порядку, которому подчинено всё, живущее в *двух* мирах. Есть ценности, невидимый смысл которых не открыт даже взору тех, кто своими руками вынес их в широкий мир из глубины сокровенной сокровищницы Духа. Всё, что вам надо усвоить, раньше чем отправиться в мир ещё раз с той же Истиной, — это *непоколебимое самообладание*. Только в таком самообладании возможна жизнь человека *постоянно в двух мирах*. И только *такая* жизнь гарантирует безошибочность *выбора* людей-сотрудников, с одной стороны, и *утверждение* ежеминутное Жизни и в *ней* той небольшой части *Истины*, передать которую людям вы посланы, с другой стороны. Имеете ли вы лично, Наталья Владимировна, *все* качества для порученного вам труда? Нет. Поэтому вам дан помощник и сотрудник, духовные и физические качества которого частью восполняют пробелы в необходимых для труда Али силах. И вы, оба вместе, всё же не имеете *всего* необходимого для гигантской работы. И *не*достающее вам восполняют собою Али и сэр Уоми. Сейчас запомните твёрдо одно: если *вы* отрицали одну каплю в деле, *вы* пролили в него сорок бочек яда, который *непременно* подобрали окружавшие вас люди. Они могли даже и не слышать от *вас* ни единого слова, но *ваше* отрицание *впилось* в окружающие вас вибрации и помогло проникнуть близко к вам отрицателям. Если вы видите, что дело, которое вас послали *утвердить* на Земле, вместо монолитного шара расчленилось на отдельные мелкие

ячейки, то в этих ячейках будет именно столько отрицателей, скольким *вы* открыли дверь своею *не* цельной верностью. Там, где Али и сэр Уоми смогли, они уже связали людей в крепкие узлы, послав вам устойчивых помощников, верность которых могла положить заплаты на щели и дыры духовной немощи главных основателей и носителей новой идеи, то есть вас обоих. Не поддавайтесь мучениям сомнений и раскаяний. За это время вы, Наталья Владимировна, не раз говорили мне и самой себе, что поняли так много, освободились от такого количества гнетущих личных сил суеверия и предрассудков, что нашли примирённость. Это верно только до некоторой степени. Чтобы найти *полный* мир, по масштабам вашей духовной лавины, вам надо ещё пройти несколько ступеней. Ждать, пока вы найдёте гармонию и приведёте в полное самообладание весь свой организм, огромный и взрывчатый, Жизнь не может. Жизнь никого и нигде не ждёт. Она ежеминутно движется и движет за собой всё, что *Ей* необходимо в данное «сейчас». Совершенно ли оно, по мнению окружающих, достойно или недостойно, по их понятиям, для Жизни значения не имеет. Её целесообразности отвечающих *Она* и движет как роковой ход событий, изменение которых совершается *Ею* в закономерном движении, а не по суждениям или воле временных форм. Последнее, чему вы должны здесь обучиться, — *полная точность* в исполнении данных вам указаний. Готовьтесь выехать из Общины через месяц. Вы увидите Али в его Общине и там лично от него получите последние наставления... Что касается лично вас, мой друг Ольденкотт, то вам предстоит за это оставшееся короткое время быть неразлучно при Раданде. Он научит вас многому в сфере лечения людей, и на этот раз вам придётся заняться больше детьми, чем взрослыми. Вы шли всю вашу жизнь по прямой линии. Но чрезмерная скромность мешала вам развить в себе большие дарования. Вам надо понять, что способности и дарования не приходят к человеку случайно. Они задолго до того момента, когда человек их *может* вынести в действие, живут в его *Эго*, и оберегает их целое кольцо невидимых помощников. Чрезмерная застенчивость человека *мешает* не только ему самому действовать как мировой энергии, но она мешает и всему округу Духа и Света, к которым принадлежит оберегаемый человек. Скромность, переходящая в истинное смирение, не имеет самолюбия. А застенчивость движется именно самолюбием и мешает гонцам Жизни — Светлому Братству — направлять и использовать людей с наивысшей силой ценности. Сейчас ударил колокол, мы встретимся с вами в трапезной.

Отпустив своих собеседников, И. приказал мне связать разобранные письма и, когда мы вышли в парк, по дороге в трапезную сказал:

— Скольких путей человеческих ты был наблюдателем за это время. Во многих случаях ты действовал по приказанию того или иного Учителя, в иных твоя любовь вела тебя к той или иной доле участия в судьбе встречного. Ты понял за это время, что нет людей своих и чужих, что все жизни *связаны* и каждая встреча — это *ты*. Ты научился в каждой встрече активно *действовать*. Дальше с каждым днём ты будешь развиваться в своих психических силах и прозревать всё больше. Если ты встретишься с людьми пожилыми или даже совсем старыми, которые не только не нашли мира в себе, не только не научились приносить утешение окружающим, но всё время нуждаются сами в чужом утешении, — знай, что эти люди не нашли *ниче-*

го, что вводило бы их в труд Вечного. Подходя к концу земной жизни, человек должен так ввести себя в *два* Начала мира, так расширить рамки своего духовного кругозора, чтобы вся мелочная накипь условностей, вроде обид, объяснений, настойчивых исканий, желания заставить людей признать *его* авторитет, *его* волю, *его* понимания, *перестала существовать*. Только тот, кто *понял*, что роль, сыгранная им в данное сейчас, была крохотным моментом отрезка Вечности, в труде *своём* спустившейся в его форму, может стать Светом на пути встречных. Если мать не постигла, что встреча её с детьми была не случайным эпизодом, но закономерным, величайшей важности движением вперёд, она не только не сможет создать гармоничного окружения своей семье, но разобьёт в большой степени силу в своих детях. Горести и неприятности её детей не сами извне войдут в их жизнь. Они придут логическим следствием её эгоизма и полной уверенности в непогрешимости своих действий. Ты до сих пор ни разу не задумался о своей личной жизни, Лёвушка. Как представляешь ты себе дальнейшие годы?

— Жизнь — вы меня учили — это «сейчас». Моё сердце мне ясно. Я знаю, что всё ближайшее будущее — ряд лет ученичества. Я не закончил университет, я вижу каждый день, как далеко мне до десятой части ваших знаний. О чём мне думать? Я *выбрал* мой путь. Я *иду* за вами. Вы обещали мне, что я пойду свою жизнь за Флорентийцем. Я пойду так, как будет нужно ему, Али, вам. Я счастлив жизнью подле вас и ни о чём, кроме знаний и служения Светлому Братству, не думаю.

Мы подошли к трапезной и здесь встретились со всеми обитателями нашего домика, а также с Грегором и Василионом. Поздоровавшись с теми, кого он ещё не видел, И. сказал:

— Завтра мы поедем в оазис темнокожих, выедем к концу ночи. Приготовьтесь все к этому путешествию. Оно не будет слишком длительным, но всё же не из лёгких. Ясса, тебе придётся позаботиться обо всех и приготовить всё необходимое. Ты же, друг Старанда, после трапезы пойдёшь со мной к настоятелю, и он тебе укажет твои новые обязанности.

Старанда, который был одет в обычную для братьев Общины белую одежду, поклонился, и снова такая радостная и детская улыбка мелькнула на его лице, что я сам себе поверить не мог, что так недавно видел на этом лице угрюмое упрямство и желание спорить о каждом слове, не только деле.

Мы вошли в трапезную, где всё шло обычным порядком и где атмосфера мира и радостности от присутствия И. передавалась всем сердцам.

Глава 23

Беседа И. с Бронским и Игоро. Наставление им к труду в оазисе Дартана. Неожиданная встреча с леди Бердран. Доктор. Ариадна, её сын и её трагедия. Вторая беседа И. с Андреевой и Ольденкоттом об их миссии в миру. Последние сборы и отъезд в оазис темнокожих. Первые впечатления от оазиса. Мать Анна

Когда по окончании трапезы все братья и сёстры с обычными поклонами И. и Раданде вышли из зала, И. велел всему нашему столу следовать за ним в покои Раданды. Здесь в одной из комнат, где по стенам стояло несколько больших диванов, И. сел рядом с Радандой и предложил всем нам разместиться кто где хочет. Мы с Бронским пододвинули себе низенькие скамеечки к дивану И. и уселись на них у его ног.

Посмотрев на нас, огромных на низеньких скамеечках, И. улыбнулся и пошутил, заметив, что вкус Раданды к прочным и устойчивым вещам помог нам на этот раз не раздавить несчастных скамеечек. От лёгкой и милой шутки, что Голиафам больше расти не полагается, а мы всё растём, И. перешёл к общей беседе. Хотя она всецело, как я уяснил для себя дальше, относилась к Игоро и Бронскому, но каждый из нас, слушая, думал, что всё, что говорит И., относится именно к нему.

— Скоро мы покинем это чудесное место, в котором каждый из нас так много получил за это время. Я говорю, не «из
вас», а «из нас», чтобы вы не думали, что между Учителем и учениками может быть какая-либо разница в отношении вечного движения вперёд. Ни на одну минуту не может остановиться в своей работе духа Учитель. Он включён в труд Самой Жизни. Он один из Её винтов, и вся его земная жизнь представляет собой только один из аспектов Жизни, оживших и развёрнутых в телесной форме Учителя. Если бы дух Учителя выпал на одно мгновение из всей энергии Движения, вся вселенная, к которой принадлежит его форма, почувствовала бы катастрофический толчок, как это было бы с любым сооружением, заводом или фабрикой, приводящими в действие через систему огромных машин труд людей, если бы с одной из машин соскочил приводной ремень, сломалась гайка или свернулся винт. Что же касается всего Светлого Братства и всех Учеников остановившегося на миг Учителя, то все они набили бы шишки на своих проводниках-телах и духе, а многие — наиболее слабые — остались бы лежать мёртвыми. Некоторые из вас задавали мне вопросы: «Почему так затруднён доступ в ученичество? Почему Светлое Братство не принимает более широкой волны людей, жаждущих служить ему и человечеству?» Думаю, что за время пребывания здесь вы получили ответ на эти вопросы, увидев на живом примере, к чему приводил более снисходительный выбор учеников или чрезмерная доброта и снисходительность к ним. Та круговая порука, та связь, которую ничем

нельзя разорвать, которая *сливает* в одно целое дух Учителя и ученика, существует и между *всеми людьми без исключения*. Люди грубо физические *чувствуют* её как кровную связь, как «своих» и «чужих». Люди высшей культуры сознают её как необходимое духовное единение, *выбирая* себе друзей по вкусу. Люди же, освобождённые от страстей и предрассудков, *несут* Свет *всем* существам, не ведая выбора, не отъединяясь от массы людей, но *вливая* во всё живое энергию Великой Жизни. Чем выше и шире культура сердца человека, чем яснее видит его взор Лик Жизни, тем проще и легче ему *вносить* свой труд в массы людей. Как бы ни казались *вам* тяжкими и сложными жизнь Учителя и труд его, *Ему* они легки, радостны, веселы и просты. Вся разница в восприятии людьми земной жизни и их действий в ней заключается только в *силе верности*, до которой развилось сознание человека. Верность Учителя, не знающая колебаний и сомнений, приводит его к тому моменту, о котором я вам сказал: Учитель становится *живым* аспектом Жизни, которая *Его* несёт в *себе* по дням и труду земли. Творя в *Ней*, Учитель не знает ни трудностей, ни разлада от нарушенного в себе мира, ни беспокойства от тех или иных случайностей в условностях земли. Верность Учителя не может поколебаться от тяжёлой жизни земных существ, знающих закон только *одной* земли, живущих только в нём и именно поэтому живущих в скорби, слезах и разладе. Учитель движется не сам по себе, но как один из приводных ремней Единого Движения, неумолимо двигая в жизни земли всё по законам целесообразности и закономерности всей вселенной. Он не может считаться с суеверием и предрассудком земной справедливости, существующей только для тех сознаний, что отяжелены и закрепощены личным. Огромное расстояние между учеником и *Учителем* сокращается или увеличивается, смотря по тому, растёт или уменьшается верность ученика. Почему именно на верности основывается вся система ученичества? Потому что верность, выметая из духа мусор колебаний и сомнений, помогает *короче* и *скорее* всего раскрываться ясному взору человека. И он начинает *видеть* во *всяком* встречном *Жизнь*. *Привыкает* общаться с *Нею* и входит, сам не замечая, в иные волны, вибрации которых Жизнь посылает *каждую* минуту во вселенную. Чем выше верность ученика, тем к большему количеству высоких вибраций он становится чувствительным. Не менее важным фактором в сближении Учителя и ученика является *труд* человека. Как только верность ученика ввела его в жизнь иного колебания волн, так труд становится для него *необходимостью*. Взор его начинает читать, как *вся* вселенная трудится, и его время, потраченное в пустоте, давит дух человека тяжелее самого упорного труда. Праздность становится ему непосильным бременем не только как таковая, как лень или разнузданность, но как ощущение своей *остановки* в следовании за Учителем. Он ещё не видит и не понимает, что Учитель *есть* аспект Самой Жизни, но он ясно чувствует, что труд Учителя неустанен. И верность ученика страдает, интуитивно давая его сердцу знать, что единственный путь следования за Учителем в законе вечной верности есть *труд*. Радостью наполняется весь человек, когда начинает понимать, что он всегда не один, что труд его, часто не признаваемый на земле, *имеет иное*, вечное значение, которого *не могут* ни умалить, ни возвысить земные признания, награды и похвалы. Очень хорошо, и это большое счастье для человека, если труд его *был* признан и оценен современным ему человечеством. Тогда духовно

развитой человек *мог* в полном мире уйти из воплощения, так как каждое из воплощений, в которое человек *мог служить* массам народа, *сократило* его вечный путь независимо от того, сознавал или не сознавал он сам себя членом Светлого человечества, трудящегося на общее благо. Довольно и того, что он сознавал себя *слугой* народа и бескорыстно любил его. Ты, Станислав, вместе с Игоро останетесь в оазисе Дартана, как вы сами добровольно обещали «дедушке». За время жизни здесь, учась в библиотеке Раданды, вы нашли немало новых знаний, которые перевернули всё ваше отношение не только к искусству, но и ко всей жизни. У обоих вас с самого детства все интересы дня сосредоточивались на театре. Никакие блага мира не увлекали и не манили вас, если они не соприкасались так или иначе с театром. До пребывания здесь театр составлял смысл всей вашей жизни, цель дня, форму единения с народом. Он один был необходимостью. Он диктовал, как и где вам жить и учиться. Он воплощал в себе *весь смысл* жизни, и дух ваш без театра был мёртв. Он — театр — животворил день, вносил интерес, мир или разлад в ваши сердца и мысли. Вся ваша личная жизнь и качества были только *следствием* того, что требовал театр. Вы были его жрецами, а он был солнцем, вокруг которого вы вращались. А что же теперь? Что сейчас ведёт вас по дням? Какая сила разворачивает весь костёр ваших талантов? Поняли ли вы, что ваши таланты и составляют ваши аспекты Жизни? Что сейчас стоит на первом, вернее, единственном месте в вашем духовном мире? Где ваши печали и скорбь? Вы и не заметили, как вся ваша преданность театру, освободившись от личного, перешла в верность самой Жизни. Теперь вы уже не театр несёте в сердце, а *аспект* самой Любви, принявший форму служения людям *через* театр. Разве теперь вас интересует количество и качество полученных аплодисментов? Разве вас тянет на подмостки, чтобы показаться перед толпой в ореоле славы и поклонения? Вас интересует, вернее сказать, теперь вам *приказывает* ваш новый, живой *аспект Жизни — единить людей в Её* вечной красоте. Вы уже не ищете *своей расширенной личности* и её перевоплощений в манящих, развивающих самолюбие образах. Вы ищете *привлечь* манками Вечной Красоты окружающих вас людей. И люди эти не чужие вам формы, но ваши братья, *куски* Вечности, как и вы сами. И вы видите Её в них, к *Ней* обращаетесь, и иного единения с ними в труде театра для вас не существует. Скоро мы будем вновь в оазисе Дартана. Что нового сможете вы вложить в своё искусство, в свои методы преподавания? Каждое слово, которое вы говорили людям раньше, было только словом бескорыстия и дружеского им сочувствия. Всё же «я» каждого из вас тяготело в каждом разговоре и вносило характер печали, скорби и неудовлетворения во всё то, о чём вы говорили, но чего слушатели ваши не понимали. Вы же сами не могли понять, что *истинное* сострадание — это такая сила мужества, такая *полная* верность закону целесообразности Вечного, в которых развивается и *закаляется* радостность. Эта радостность, приходящая в сознание человека как *ожившее* в нём гармоничное Начало, не может ни меркнуть, ни ослабляться от грозных или страшных, печальных или мучительных событий окружающего в переживаемый вами на земле момент Вечности... Мгновение — и кончено воплощение. И нельзя больше человеку внести в пролетевший момент его Вечности никакой поправки. Ушёл он из земной плотной формы и больше не может помочь своим мужеством оставшимся людям. Об исключительных случаях двойной

жизни я сейчас не говорю. Я говорю о массовых явлениях, о жизни обычных земных форм, слугами которых вы идёте свой путь. Через обычное расширение сознания вы сейчас вошли в совсем новое понимание своей роли на земле. Каждый, кто идёт гонцом Учителя, неся какую-либо из его задач, стоит выше обычного уровня своих современников в целом ряде способностей и психических дарований. Но это не значит, что он обладает совершенством и лишён возможности грешить. Это только значит, что для его духа открыт путь к тем волнам и вибрациям, которые недоступны большинству его встречных. В оазисе Дартана, а затем и на родине, куда вы оба вернётесь, как только выполните свою миссию у «дедушки», вы — по внешнему виду — будете всё теми же обаятельными артистами. Мало кто заметит огромную перемену, которая совершилась в вас. И тем не менее оба вы войдёте сейчас к людям по совершенно иной тропе и будете ими восприняты иначе. *Ваша* новая духовная тропа, тот *аспект Жизни*, что *развернулся* в вас, неведомо для них, привлечёт их внимание, и влияние ваше будет несравненно больше прежнего. Для вас теперь театр не идея существования, но Сама Жизнь. Теперь *Она* движет вас к сердцам людей, и по *Её* откровениям вы будете рисовать людям образы и эпохи на подмостках сцены. Не внешние ваши формы и действия будут привлекать к вам сердца зрителей. Но та Любовь, живая и мощная, которая будет захватывать в свой Свет все подошедшие к Ней *через вас* сердца. На живом примере собственной жизни вы видите, *как* совершается в человеке его внутреннее преображение. В вас это был долгий и мучительный процесс. Всё горе земли вы должны были пережить и постичь в своих сердцах. Долгие годы пришлось вам прожить носителями печали, вестниками неудач и горя всем встречным. Теперь вы будете гонцами Мудрости, и ни одно встретившееся вам существо не отойдёт от вас неутешенным, не прикоснувшимся к той Жизни, *что* действует через ваши таланты. Закон Вечности для всех один: мгновение — и кончено воплощение. Миссия, возлагаемая на вас Светлым Братством, огромна. Не теряйте времени не только в пустоте, но в каждом, даже чисто внешнем, необходимом вам визите или свидании не отходите от *главной* задачи: пробуждения красоты в человеке. В оазисе Дартана вам будет легко работать, так как «дедушка» вырастил поколение людей, раскрепощённых от самолюбия и зависти, от ревности и трагического восприятия внешней судьбы. Там вас ждёт целая группа, очень многочисленная, пламенно желающих *знать путь* к истинному искусству. Вы придёте как научные исследователи к людям, не понимающим тщеславных побуждений, предрассудка обидчивости от «маленьких» ролей и жажды первенства в «больших» ролях. Вы поведёте сразу внутренне свободных людей к той радости творчества, которая в *вас* ожила как аспект Жизни. Эта внутренняя освобождённость поможет им не только бескорыстно слиться с вами в труде и творчестве, но и пробудить *в себе* животворящую *Силу*. Но когда вы вернётесь к себе в Америку, ваше новое внутреннее состояние будет тяжело страдать, так как не только встречные волны эманаций людей, но и ваши физические проводники с утончёнными и обострёнными нервами, с целым рядом новых, раскрывшихся к действию узлов в мозговой и нервной системах будут мучительно воспринимать то грубое окружение, которое раньше переносилось вами относительно легко. Чтобы ваши физические и духовные страдания сократились до минимума, чтобы они не мешали вашей работе,

вам надо закалить организмы целым рядом систематических физических и духовных упражнений. Для этого вам нужен постоянный земной руководитель. В качестве такового с вами поедет Ясса, которому вы оба уже многим обязаны. Я читаю в ваших мыслях вместе с глубокой благодарностью к Яссе большое к нему сострадание, потому что ему придётся оторваться от меня и жить в тяжёлой, плотной и страстной атмосфере рядом с вами, в суете. Не жалейте Яссу. Каждый брат, идущий путём выполнения задач Светлого Братства, охотно и радостно живёт там и так, где и как это нужно всему Братству и как видит его ближайший Учитель и наставник. Яссе будет лёгок его путь, который для вас был бы непосильным, потому вы и печалитесь за него, а он улыбается и радуется. Начинайте своё новое закаление и обучение немедленно. С этой минуты вы поступаете в ученики к Яссе, выполняйте все его указания так, будто я присутствую рядом и будто в этом сосредоточены *вся* цель и *весь* смысл летящего вашего «сейчас».

Бронский и Игоро встали со своих мест, поклонились И. и подошли к Яссе, отдав ему низкий поклон. Тот, улыбаясь, встал, отдал им такой же глубокий поклон и обратился к И.:

— Благослови нас, Учитель, выполнить твоё поручение со всем усердием и самоотвержением и снова когда-нибудь прийти к тебе, к твоему мудрому руководству.

— Аминь, Ясса, будь им наставником, как я был тебе, если считаешь, что я был тебе наставником добрым.

И. Встал и отдал поклон всем троим вновь спаянным для одной цели нашим друзьям.

— Ещё немногое остаётся мне сказать. Сегодня в ночь мы поедем в оазис темнокожих. Не только стеклянный завод, где вырабатывается небьющееся и цветное стекло по системе, изобретённой Грегором и Василионом, является целью вашей поездки, но главным образом сами темнокожие люди, которых вам надо увидеть, чтобы понять безмерную мудрость, по которой совершает свой путь вечная эволюция человечества, и как Сама Жизнь готовит ступени высшего развития каждой ветви людей, побеждая стихии там и так, где и как *Она* находит нужным. Это племя поражает всех, впервые его наблюдающих, своею кротостью, миром и человеколюбием. У них нет неграмотных, нет нищих. Они не знают собственности и раскрепощены от многих страстей личного, что давит европейские и американские народы, считающиеся передовыми по своей культуре. Эти темнокожие люди живут годы под наблюдением и покровительством Раданды. Это он и его Община приготовили этому немногочисленному племени тот небольшой оазис, в котором вы их теперь встретите. У каждого из вас мелькает вопрос: кто эти люди, о которых так заботился и заботится Раданда? В лице Раданды о них заботится сама Жизнь. Они выходцы из тайной Общины. Их предки провели там много лет. Там они были укрыты милостивым и могучим Али, который долго боролся с тёмными оккультистами, из-под власти которых он вырвал этих несчастных людей. Али дал задачу Раданде приготовить им оазис в пустыне, вблизи от своей Общины, указал ему источник подземной воды, годной для людей, растений и животных, — и вот завтра вы увидите, *что* может сделать любовь человека, что сделала любовь Раданды из пустыни и из простых

человеческих душ. Сейчас все могут идти куда хотят до самой вечерней трапезы. Останутся только Лёвушка, Наталья Владимировна и вы, мистер Ольденкотт.

И. улыбнулся Яссе и его новым ученикам, затем со всеми нами и Радандой перешёл в ту комнату настоятеля с балконом, где уже однажды беседовал с нами ночью. Здесь он оставил Наталью и Ольденкотта, прося их подождать и обещая скоро вернуться, а мне велел идти за собой и Радандой.

Мы прошли через несколько комнат — вроде небольших рабочих кабинетов, заставленных шкафами с книгами и свитками, где работало по два, три человека, а иногда и больше. Никто из них не оторвался от своей работы и не обратил на нас никакого внимания. Я поражался поместительности этого дома. Комнаты были сравнительно маленькие, но сколько же их было! Пожалуй, без провожатого тут пробираться было очень трудно. Наконец мы вошли в длинный коридор, где по обеим сторонам тянулся ряд дверей. Мне показалось, что это позднейшая пристройка, так свежо, чисто и ярко блистало здесь пальмовое дерево.

Остановившись у одной из дверей, Раданда постучал три раза, и на стук вышла женщина в белой косынке и в белой одежде, и я мгновенно узнал в ней леди Бердран. Губы мои невольно раздвинулись в радостную улыбку.

— Пойдём, сестра Герда, — сказал Раданда. — Сегодня ты очень нужна одной матери и её ребёнку. Только твоё терпение, точность в выполнении приказаний и доброта могут помочь быстро выправиться от болезни ребёнку, а главное, дать матери пример полной верности и мужества. Ребёнок будет жить, но мать потеряла уверенность в этом и потому не может не только ускорить процесс его выздоровления, но всем своим поведением ему мешает. Надо её отстранить от непосредственного влияния на сына, но так, чтобы не нанести раны и без того израненному материнскому сердцу. Ты, моя умница, сумеешь, — ласково гладя по голове сестру Герду, говорил Раданда и, указывая на меня и моё улыбающееся лицо, прибавил: — А вот и Лёвушка ждёт не дождётся пожать тебе руку. Пожалуй, поговори с ним, пока мы с И. зайдём ещё в одну комнату.

Мы сели с Гердой на пальмовый диван, я хотел её спросить, как она живёт, но она не дала мне и слова вымолвить и сыпала фразами, внешне как бы и не имевшими связи, но внутренний их смысл я отлично понимал.

— Нет на свете чудес, Лёвушка, и это я на деле поняла здесь. И ещё поняла: когда сердце раскрывается как самая простая и маленькая доброта, то самая обычная, серая, будничная жизнь становится чудом, песней и радостью, потому что в груди не просто сердце, а молот бьётся в каком-то светящемся бездонном мешке. Кого туда ни впусти, мешок всё растягивается... Сегодня кажется, будто дошёл до какой-то предельной точки понимания, ан встал завтра, и уж ничего от вчерашнего нет, а всё новое, всё лёгкое, что недавно казалось невозможным. Сначала я всё точно математические задачи решала и каждый день всё *думала*: *как* мне подойти к человеку? Как влить ему из своего сердца доброту? Теперь же, когда я не думаю, а просто делаю для человека самые простые дела, даже не задумываясь, что *у него* в глубинах, а просто призываю в помощь образ Раданды и поступаю, как сердце скажет, — всё у меня выходит легко. Недавно у меня начался приступ тоски, всё казалось, что мало делаю и ничего не умею. Я вспомнила, как вы читали мне книгу от И. Дочита-

ли до места, где он приказал остановиться, и дальше, хоть вас распни, ничто не заставило бы вас перевернуть страницу. Как только я об этом вспомнила, поняла, что хочу раньше времени перевернуть в книге моей жизни страницу, до которой ещё не созрела, — улыбнулась, подумала о вашей верности, и от моей тоски ничего не осталось, как от растаявшего инея... Лёвушка, да как вы выросли! Бог мой, чем же это кончится? Да и красавец вы, просто заглядение! Ну куда девался тот заморыш, которого мы с Андреевой встретили у купальни? Ведь это точно в сказке? Впрочем, о чём я говорю? Сейчас моя жизнь — самая настоящая и невероятная сказка!

Я так и не успел ничего ответить Герде, так как во время её весёлого смеха, которым она закончила свою малосвязную тираду, в конце коридора показались И. и Раданда, и мы пошли им навстречу.

— Ну ты, Лёвушка, наверно, и слова вымолвить не успел, — улыбнулся И. — Не смущайтесь, Герда. Ему полезно помолчать. Ему придётся так много в жизни своей говорить, что каждая минута молчания, как драгоценный перл, будет ему мила. Я уверен, что он всё понял из того, что вы сказали, если даже ваши слова и не особенно точно выражали ваши мысли. Но сейчас мы пойдём к женщине, очень много пострадавшей именно потому, что точности в её словах, делах и поступках было чрезвычайно мало. В общении с нею и её сыном вы будете проходить двойной урок. Не только вы будете помощью ей, но и она будет помощью и великим уроком вам. Подле неё вам всё время придётся думать, пристально собирая внимание, о *каждом* слове, которое вы произнесёте. Есть такие люди, подле которых высокой стеной собираются их страдания. Таких людей много, и доступ к ним для каждого человека труден. Но между ними есть такие, чьи стены страданий утыканы, как булавками, их раздражением и неточностью мыслей. В этих стенах мысли наскакивают одна на другую. Брошенные, исковерканные, они окостеневают, как сталактиты, и не дают самой жертве вырваться духом на простор из построенного самому себе каземата. Вам целым рядом усилий к *полной* точности мыслей и слов, а также гармонией духовных, творческих толчков надо постепенно *приучить* женщину давать вам самые точные ответы на ваши вопросы. Старайтесь, чтобы внутри у неё *утвердилась* уверенность, что надо жить *каждое* сейчас *всею* полнотой чувств и мыслей, чтобы второе чувство не настигало ещё не изжитого первого. И переводите её мысли не на сына и его болезнь, а на ту недостаточную жизнерадостность, которой она окружала его детство, и на ту собственную унылость, в которой заставляет его жить теперь. Пойдёмте. Брызжущая из вас сейчас жизнерадостность поможет вам разрушить все невидимые стены, в которых, как в темнице, сидит несчастная мать.

И. разговаривал с Гердой у одного из широких окон коридора, сплошь закрытого цветущими розами, не позволявшими солнцу проникать в здание. Обменявшись с Гердой радостным взглядом, точно мы вместе будем выполнять её поручение, мы поспешили за нашими наставниками, свернувшими в такой же широкий коридор, где двери были чаще и, очевидно, комнаты меньше. У одной из дверей Раданда снова постучал. На стук вышел старик в белом халате, как я понял, доктор. Его милое и доброе лицо было озабочено и расстроено.

— Вот я привёл сестру больному мальчику, о которой вы просили, доктор. Не беспокойтесь, — сказал Раданда, видя, что лицо доктора слегка нахмурилось. —

Сестра молода, но опытна и не легкомысленна. Мы все войдём ненадолго и не разбудим спящего мальчика.

— Спящего? Если бы в его диком возбуждении ему удалось заснуть, то тогда можно бы было думать о его спасении. Но, к сожалению, я три часа бился над тем, чтобы привести его хотя бы к относительному спокойствию, и ушёл в досаде, нисколько не преуспев в моих стараниях.

— Всё же, доктор, ваше усердие, если и не так скоро, но дало желанные результаты. Мальчик уснул, и вы можете успокоиться за его жизнь, — улыбаясь перебил доктора Раданда.

— Да когда же он мог уснуть, отец Раданда? — вскричал доктор. — Я ведь только что оттуда и совсем расстроен, что в первый раз за много лет моё лекарство, которое я считал безупречным, не помогло человеку. Меня мучает совесть ещё и за то, что я напросился к вам, уверяя, что могу быть вам полезен. И вот — на сотом случае — осечка.

— Полноте печалиться, доктор. Говорю вам, мальчик спит, в чём вы сейчас и сами убедитесь. Это тот доктор, о котором я говорил тебе, Учитель И., а вам, доктор, я говорил об Учителе И. как о бесподобном докторе-врачевателе. Мы войдём к мальчику, и Учитель И. расскажет вам подробно, какой режим надо будет применить к нему.

— Режим? Чудеса! Если в эту минуту борьбы жизни со смертью, где смерть уже почти победила, можно говорить о режиме для больного, то Учитель И. должен быть не бесподобным, а богоподобным доктором.

Взглянув пристально в лицо И., доктор гораздо тише и менее возбуждённо продолжал:

— Кому выпало счастье взглянуть в ваше лицо, Учитель И., тому остаётся только следовать за вами, хотя бы он так же мало, вернее ничего не знал о вас, как я.

— Благо вам, доктор, следуйте за мной, и вы найдёте не дорогу чудес, но дорогу нового знания, — пожимая руку доктора, улыбаясь ему и проходя первым в комнату, сказал И.

Когда мы подошли к постели мальчика, у его изголовья с другой стороны постели, уткнувшись в подушку сына, рыдала несчастная Ариадна. Подавленная своим горем, она ничего не слышала и не видела, и её рыдания разрывали сердце Герды, которая, сжав руки, моляще смотрела на И. Он кивнул ей утвердительно головой, и в один миг Герда очутилась на коленях рядом с Ариадной.

— Разве можно так беспокоить уснувшего сына? — нежно обняв рукой несчастную мать, сказала Герда.

— Он умер, умер! — воплем вырвалось из груди Ариадны, напоминая вой насмерть раненного существа.

— Он спит, уймитесь, — властно сказала Герда, — возьмите его ручку. Чувствуете её тепло? Вы не любите сына, если так кричите подле его головки. Встаньте, придите в себя, посмотрите, *кто* в комнате, — продолжала Герда, поднимая Ариадну и подбирая её упавшие косы.

— Учитель И., — прошептала опомнившаяся Ариадна. — Учитель И., я снова не выполнила данного мне урока.

— После переговоришь с Учителем, отойди пока в сторону и не мешай вернуться к жизни сыну, — сказал Ариадне Раданда, делая знак Герде увести Ариадну к окну.

Довольно долго И. молча смотрел на спавшего мальчика. Сначала мне показалось, что малютка спит спокойно. Но, присмотревшись, я заметил, как временами судорожно поднималась грудь ребёнка и как жилы на его висках и у горла сильно надувались. Наконец И. вынул из кармана маленькую коробочку, достал из неё крошечный пузырёк с ярко-красной, как бы кипевшей жидкостью и, велев мне приподнять головку мальчика, впустил каплю жидкости в открытый мною рот малютки. Тот мгновенно вздрогнул всем телом, и я, не ожидавший такого сильного толчка и державший ребёнка лишь слегка на руках, едва не уронил его на кроватку. Я так перепугался, что только благодаря своей новой голиафовой силе смог осторожно опустить худенькое тельце на постель.

— Когда ты возле постели больного, надо быть всегда готовым ко всяким сюрпризам и держать всё внимание собранным очень бдительно, запомни это, Лёвушка.

Затем И. обратился к доктору и, указывая ему на совершенно неподвижно, как бы в обмороке лежащего ребёнка, продолжал:

— Лекарство, одну каплю которого, как вы видели, я влил в рот больного, действует так обновляюще на все клетки организма, что человек точно заново рождается к жизни. Обычно это лекарство действует в течение трёх дней. Но в данном случае, так как надо ещё победить тот вред, который принесло больному ваше лекарство, организм мальчика будет обновляться медленнее. После обычного трёхдневного срока больной должен будет пролежать ещё два дня, побеждая яд, развившийся в организме от вашего впрыскивания. Наблюдая этот случай, учтите, что людям с повышенной нервной организацией, предрасположенным к развитию сверхсознательных, психических сил, нельзя вообще делать уколов. А особенно ваших, вводящих такое количество белковых веществ, которые могут отравить некоторые организмы смертельно. Это и случилось бы сейчас с мальчиком, если бы не подоспело на помощь моё спасительное лекарство. Раданда предупреждал вас, чтобы вы воздержались от укола, а вы не послушались.

Разговор вёлся по-латыни, очевидно, для того, чтобы несчастная мать, не сводившая глаз с лиц разговаривающих, не могла понять грозного положения, в котором находился её сын.

— Я понял по симптомам сразу, как вошёл, что песенка мальчика спета. Но теперь, как вы, Учитель, говорите, мальчик, пройдя временное сонное забытьё, снова вернётся к жизни от одной капли вашего красного кипятка. Не могу ли я получить от вас ваш пузырёк, чтобы исследовать ваше красное чудо?

— Увы, моё красное чудо, чтобы *быть* им, нуждается не только в материальном исследовании, не только в физически видящих глазах, но ещё и во внутренней силе духа, рождающей психическое око, которое видит и читает не только самое болезнь, но весь организм больного. Вы пытаетесь лечить болезнь, а надо лечить больного, к чему уже давно пришли передовые представители медицинской науки. Кроме того, «чудеса» существуют только для невежественного сознания. Вы не обижайтесь, доктор. Предела развитию человека и его знаний нет. И тот, кто, по мнению умных

земли, мудрец, по мнению мудрецов вселенной — только начинающий учиться. Я сказал вам, что вы можете следовать за мной, если хотите, и найдёте знания.

— Я хочу следовать за вами, Учитель И., даже не для того, чтобы обрести знания в моей науке. Мне кажется, я впервые в жизни понял, что есть Бог не только в милосердном спасении через науку людей. Но что Он есть и в человеке. Не знаю, в каждом ли человеке Он есть, но что Он есть в вас, это я чувствую каждым нервом, и... Впервые, гордец, я преклоняюсь перед Богом в человеке, вернее сказать, перед Богочеловеком!

Голос доктора дрогнул, в глазах, сурово глядевших в начале разговора, заблестели слёзы, и вся фигура выражала полную растерянность.

— Пойдёмте с нами, доктор. Здесь вам пока делать нечего. Вы займитесь матерью, для которой я вам дам лекарство и которую надо будет полечить несколькими физическими методами. Но соблюдайте строго тот режим, который я ей назначу. О сыне я вам всё скажу после. К нему я пришлю опытного брата, который вместе с приведённой Радандой сестрой будет ухаживать за малюткой. Ты, Лёвушка, останься здесь, пока тебя не сменит Никито. Как только он придёт, он скажет тебе, где меня найти. Теперь же побудь здесь один и клади на голову больному примочки из этой жидкости.

И. подал мне пузырёк и обратился к Ариадне:

— Ты пойдёшь с нами, Ариадна, и не увидишь своего сына до его полного выздоровления. Когда я говорил с тобой в последний раз, ты давала мне и себе обещание быть мудрой и мужественной и принимать свою внутреннюю и внешнюю судьбу в полном спокойствии. Ты уже начинала жить в Вечном, и вот на первом же испытании, которое тебе послала Великая Мать, ты — мать — проявила слабость, а не героизм. Если ты не могла найти ни мужества, ни самоотвержения, чтобы не думать об одной себе, а помочь сыну перенести *его* момент Вечности, постарайся теперь найти в себе самую простую доброту к сыну, чтобы не нарушать атмосферу спокойствия и мира, в которых нуждается не только его тело, но и, главным образом, его дух. Постарайся понять, как мешает ему твоё страстное отчаяние, и не затягивай его выздоровления. Кроме того, и тебе, и ему не назначено прожить всей жизни здесь. По этому случаю, в котором проявилась неожиданная для тебя самой слабость твоего духа, пойми, как поверхностно было достигнутое тобой самообладание, не говорю уже о гармонии. Чтобы быть готовой сопровождать твоего сына в далёкий мир, чтобы оберегать в нём его трудоспособность и радостность, надо вырасти самой в твёрдое, жизнеспособное, не теряющее самообладания ни при каких обстоятельствах существо. Начни воспитывать в себе полное самообладание и только тогда сможешь помогать ребёнку воспитать себя к жизни. Сумей вырасти в полноценное, трудолюбивое и боеспособное существо. Жизнь — борьба. Это вечный труд и вечная борьба. А ты и в самых лучших условиях, под защитой любви Раданды, не научилась бороться. Иди и начинай труд самовоспитания. Верности твоей я даю урок: ни одного вопроса о сыне до той минуты, как я пришлю за тобой Лёвушку. Чем скорее окрепнет и углубится твоя верность, тем скорее пойдёт выздоровление твоего сына.

Через несколько минут комната опустела, и я остался один у изголовья больного ребёнка. Немедленно я развёл жидкость, данную мне И., как он велел, нашёл широкий полотняный бинт и стал менять охлаждающие компрессы на голове малютки. Меня поразило, что холодная жидкость, не делавшаяся тёплой, а, наоборот, как бы больше охлаждавшаяся, чем дольше она стояла в тазу с водой, мгновенно согревалась на голове ребёнка. Я полагал, что менять компрессы надо будет редко, а на деле выходило, что я едва успевал положить один, как он становился совершенно тёплым и надо было класть другой. Я было приготовился провести время в размышлениях, но увидел, что надо собрать всё внимание к текущей работе. Нечаянно я замочил наволочку на подушке больного, хотел подложить ему другую подушку, но заметил нечто вроде судороги на его лице, как только я хотел приподнять его головку. Пришлось с большими трудностями закрыть мокрое место полотенцем и сказать себе, что я плохой брат милосердия.

Отказав себе в удовольствии думать о чём-либо, кроме моей непосредственной задачи, я совсем не сознавал, сколько прошло времени, когда раздался лёгкий стук в дверь и в комнату вошёл Никито.

— Ступай, Лёвушка, И. ждёт тебя на балконе у Раданды, куда он уже пошёл. Тебе он велел пройти в душ, омыть руки вот этим составом и переодеться в чистое платье. И. так и думал, что ты весь измажешься, он забыл предупредить тебя, что жидкость оставляет жёлтые пятна, но отмывается легко.

Никито заметил, как я был обескуражен, когда увидел свои шафрановые руки и платье, и ласково мне улыбнулся. Простившись с Никито и расспросив его точно об обратной дороге, я старался сколько мог добраться незамеченным до душа и чисто отмытый явился на балкон к Раданде. И. был уже здесь. Он держал в руках два крупных пакета и, очевидно, только что вошёл, так как Ольденкотт придвигал ему кресло. Сев в него, И. передал мне свои пакеты, сказав, чтобы я передал их Яссе, что они поедут с нами в оазис темнокожих, и, улыбаясь, обратился к ожидавшим его Андреевой и Ольденкотту:

— Я непростительно долго задержал вас, мои дорогие друзья. Но я надеюсь, вы оба поняли, что только очень важные и непредвиденные обстоятельства могли заставить меня быть неточным. Сегодня в последний раз перед вашим выездом в мир вторично с той же миссией я хочу поговорить с вами о том, на что более всего оба вы должны обратить внимание в предстоящем труде. За время, прошедшее между вашей первой поездкой и сегодняшним днём, оба вы выросли так, что все перенесённые страдания, неудачи и разлад в отношениях с людьми, огорчавшие вас в первую поездку, кажутся сегодня вам не горем, а детскими недоразумениями. Но не только вы выросли и изменились. И те люди, среди которых вы трудились, росли тоже от *ваших* для них трудов, какими бы маленькими ни казались вам те кусочки Истины, которые вы были в силах открыть и оставить людям. Не важно, что и как думали *о вас* люди, пока вы жили и трудились среди них. Важно, что *дело*, как результат ваших бескорыстных трудов, *утвердилось*. Утвердилось устойчиво, несмотря на его абсолютную новизну и на несоответствие с общим течением умственных проблем современности. Утвердилось и захватило сердца и мысли людей так, что *без* брошенных вами новых идей люди *больше жить не могут*. Если бы в каждом из

вас были и остальные качества характера — главным образом самообладание — развиты так же цельно, как верность, вам не пришлось бы сейчас ехать вновь с той же миссией к людям. Вы, делая всё, чтобы единить людей, чтобы разрушить между ними перегородки условностей и влить в их общение клейстер Любви, оставили после себя не цельное, монолитное ядро, спаянное Единым стержнем, но целую сеть ячеек, по-своему сражающихся за истину и по-своему заблуждающихся в Ней, поскольку личное восприятие *Её* стоит у них на первом месте среди всех их предрассудков. Отсутствие в вас полного самообладания положило начало этому дроблению. Теперь для вас, выросших, окрепших и раскрепощённых настолько, что вы нашли примирённость, во главу угла должна стать не сама Истина как таковая, но сеть путей, ведущих и направляющих к Ней окружающих вас людей. Теперь вы должны не защищать Истину среди людей, но создать им ряд условий, которые помогали бы каждому сосредоточивать внимание на самовоспитании и на воспитании каждого встречного — безразлично, ребёнка или взрослого — *своим* собственным примером. То есть указать *первый* путь к Истине в раскрепощении самого себя. Сейчас вы сильны не только своей верностью. Но и уверенностью в единственной *действенной* форме влияния на встречного: *видеть* в нём Вечное, к *Нему обращаться* и *Его вызывать* к жизни в момент обращения. Это не значит, что вы будете вести пропаганду идеи Вечности среди мало- или среднекультурных людей. Это значит только, что *вы* будете, действуя, общаться с Вечным в человеке, а не с его видимой формой. В вашей первой миссионерской задаче вы не умели трудиться в постоянном присутствии Учителя. Вы трудились с Учителем в его защитном кольце, но отдыхать вы уходили от его волн. Теперь же не только труд или отдых вы проводите в вибрациях Светлого Братства. *Вся* ваша жизнь составляет нераздельное существование с Ним, и нельзя разделить или различить, где ваше «я» или «не я», ибо всё — *что* и *как* вы делаете — всё только *пути ваших Учителей к Единому в ваших встречных*. Вы и Светлое Братство — одно тело, одно дыхание, один путь. Вечность поглотила всё животное в вас и возвратила вам все прежние ваши таланты, потому что героическое напряжение духа перестало быть *моментами* творчества, а стало *постоянной* атмосферой труда. Идите же бодро и никогда больше не знайте сомнений. *Вы* не будете знать их, и идущие *за* вами не будут множиться как ячейки, но будут жить как одно свободное, радостное целое. Сейчас не так много времени остаётся до выезда в пустыню. Колокол уже бьёт к вечерней трапезе. После неё немедленно ложитесь спать. Ясса разбудит вас и укажет, как кому одеться.

Мы прошли все вместе в трапезную, где встретились с остальными обитателями нашего домика. По окончании трапезы все мы получили ещё раз приказание И. лечь спать сейчас же и спокойно отдыхать, пока Ясса не прикажет вставать.

Я очень жалел, что не могу помочь Яссе в его труде по приготовлению для всех одежды, но он улыбнулся и ответил мне, что Грегор и Василион, свои люди в оазисе темнокожих, сделали за него больше половины работы.

Захватив с собой моего дорогого Эту, которого я так мало видел сегодня и который ждал меня у Мулги, я с грустью подумал, что бедная птичка будет скучать без меня завтра ещё больше. Точно понимая мои мысли, Эта потёрся о мою ногу, высо-

ко поднял свою очаровательную головку и важно зашагал рядом со мной, давая мне понять, как вырос в своём мужестве и силе мой дорогой белоснежный друг.

Войдя в свою прелестную тихую келью, я призвал благословение Великой Матери на всё встреченное мною сегодня, на всё плачущее и радующееся во вселенной и мгновенно заснул рядом с Этой.

Проснулся я не от стука Яссы, а от тормошения Эты, чуткость которого необычайно возросла со времени его более близкого знакомства с Радандой. Я отлично понял, что Эта хотел дать мне знать о приближении Яссы. И действительно, вскоре раздался лёгкий стук в дверь, и, когда я её открыл, передо мной стояли две фигуры. В одной, несмотря на сильно менявший внешность костюм, я мгновенно узнал Яссу. В другой же, только пристально приглядевшись, угадал неузнаваемо преображённого костюмом Славу. Он подал мне целую пачку тяжёлых, как мне показалось, одежд, улыбаясь, что так озадачил меня своим видом. Ясса дал мне бутылку с жидкостью, говоря:

— Не ходи в душ, а натри тело этой жидкостью, Лёвушка. Мочи в ней губку и сильно растирайся. Только не забудь, что у тебя сейчас голиафова сила, действуй осторожно. Что для обычных людей будет сильным, тебе может показаться совсем слабым движением.

— Ну, Ясса, это уж преувеличено. Вчера я так слабо держал ребёнка, что чуть не уронил его, когда он неожиданно вздрогнул. Так что моё «слабо» и «сильно» ничуть не больше и не меньше обычного.

— Не в силе дело, а в ловкости и внимании. Сегодня ты будешь иметь возможность наблюдать работу, очень тяжёлую, людей, которые будут казаться тебе силачами. На самом же деле ловкость и внимательность этих людей заменяют им силу, в которой они далеко не первые.

Ясса отправил Славу к Бронскому и Игоро с такой же жидкостью, какую дал мне, велев ему помочь им растереться и одеться, а мне снова сказал:

— Ну-ка, Лёвушка, нянька Ясса по старой памяти поможет тебе растереться и одеться. — И он принялся растирать меня, причём я, смеясь, не раз говорил ему, что его «сильно» можно, пожалуй, причислить к лексикону Голиафа.

Вскоре я был готов, и, к моей радости, вся одежда и высокие сапоги со шнуровкой, принесённые Славой, оказались из лёгкого и плотного шёлка, были легки, приятны. Тяжёлым был только огромный зелёный плащ, который Ясса велел мне взять на руку. В таком виде, со шлемами на головах, мы вышли на крыльцо. Здесь ещё никого не было. Ясса, не теряя ни минуты, отдал мне свой шлем и плащ и побежал наверх, велев дожидаться его возвращения. Через несколько минут спустились вниз Бронский и Игоро со Славой, затем вышел Ольденкотт, сказав, что с трудом закончил свой сложный туалет, а Натальи и Яссы всё не было. Я боялся, что с минуты на минуту сойдёт И. и наши друзья опоздают. Я не сомневался, что Ясса побежал к Андреевой, у которой что-нибудь не заладилось. Меня так и подмывало побежать ему на помощь. Но тут же я вспомнил, как Ясса говорил мне о ловкости, которой я отличился у постели больного. Я вздохнул, поняв, что помогу мало, послал мысленно помощь Наталье Владимировне и приник всем сердцем к Великой Матери, прося Её благословения на предстоящий всем нам путь.

Наконец послышались поспешные шаги, вышли на крыльцо Наталья с Яссой, а следом за ними показалась стройная фигура И. Остановившись перед Андреевой, он посмотрел ей в глаза и тихо сказал:

— Как вы думаете, дорогая, если бы вы были нужны Али в эту ночь, он не нашёл бы лучшего способа сообщить вам об этом, как заставить вас нарушить отданный мною приказ и продержать вас без сна именно тогда, когда надо было собрать все физические силы, чтобы слабость тела не мешала предстоящей работе? Вы и Ольденкотт были предупреждены мною, что вам больше других придётся отдать силы и внимания в оазисе темнокожих. Я предполагал в течение пути приготовить вас к встрече с новыми людьми, часть которых вам придётся увезти отсюда в Америку и переправить в новую Общину Флорентийца. Вы же, не спавшая, когда я велел, и заснувшая, когда надо было уже вставать, не сможете со всем вниманием выслушать и точно запомнить всё, что я должен вам сказать. Из-за этого по приезде в оазис придётся сделать остановку на целый час, чтобы я мог с вами переговорить. Вы сейчас поедете не верхом, а в клетке для женщин и будете в ней спать, пока вас не разбудят. Неужели столько лет труда Али и других с вами всё ещё не научили вас *точно* выполнять сказанное вам, а не *поправлять* указания Учителя, как *вам* они кажутся ближе к здравому смыслу? Остерегитесь в будущем *отступать* от точности даваемых вам указаний. Это может повести к полной катастрофе лично для вас и к большой потере для всего Светлого Братства.

И. прошёл вперёд, мы все двинулись за ним. Я не мог видеть в царившей ещё тьме лица Натальи, но по её поникшей голове, тяжёлому дыханию и неверной походке я мог себе вообразить, как болело её сердце за совершённый ею промах. Рядом со мной шёл Ольденкотт, и я чувствовал глубину его сострадания и волнения по отношению к своему верному другу и товарищу. Я понял моей новой способностью видеть некоторые сцены прошлого, что благородный человек убеждал Андрееву подчиниться распоряжению И. лечь спать, но она упрямо твердила, что знает наверное, что именно в эту ночь Али будет с ней говорить.

Некоторое время все шли молча, поддавшись влиянию горести одного из нас, но И., не дойдя до трапезной, остановился и сказал:

— Друзья мои, я не раз говорил вам, что все люди связаны друг с другом невидимыми нитями любви. Я понимаю, что вы сострадаете друг другу в удачах и неудачах вашего труда. Но разве сострадать — значит впадать в уныние? Это значит так любить друг друга, чтобы вся бодрость сердца строила вокруг него защитный мост. Включитесь вместе со мной в радость, что у нас есть возможность внести свою удвоенную энергию в дело дня и вынести на своих плечах ошибку брата. Мы сократим время еды, ускорим посадку, не будем заезжать к пустынникам, оригинальный способ жизни которых я вам хотел показать, — и наверстаем то время, которое мне будет нужно для разговора. Легче, проще, выше, веселее, без постных лиц и тяжких вздохов.

По всем нашим существам пробежала очищающая волна энергии И., и мы легко вошли в знакомый дворик трапезной, где нас уже ждал Раданда. Быстрее обычного покончив с едой, мы вышли на площадку, куда, для сокращения времени, И. велел привести верблюдов. Первым подвели огромное животное с большущей клеткой

под балдахином на спине Наталье Владимировне. Я прочёл многое в её душе в эту минуту. Она, презиравшая слабость, ненавидевшая путешествие на манер восточного гарема, должна была влезать по лестнице в гнездо и ехать, отъединённая от всех нас!

— Ничего, друг, — услышал я нежный голос Раданды. — Лев остаётся львом, хотя его и впихнут в заячью клетку! Ты — львица. Была, есть и будешь ею. Но, пока живёшь на земле, надо жить по законам земли: есть, спать и заботиться о телесном проводнике настолько, чтобы быть всегда трудоспособной. Нельзя тебе жить с комарами, и бороться с ними львиными когтями мудрено. Но жить в братской семье Светлого Братства льву можно только тогда, когда у него вместо упрямой львиной воли появится радость послушания тому, кого сердце льва признало Учителем и господином. Это послушание — признак раскрепощения и освобождённости от давления собственной личности... Вот тебе, дорогая, конфетка. Ты такой ещё и не видала. Она сразу принесёт тебе и мир в сердце, и сон телу. Ну, полезай веселее. Видишь, все уже сидят в сёдлах и кутаются в плащи, а тебе этого не надо. Закроют плотнее занавески — спи себе.

Наталья Владимировна очень легко взобралась в свою башню, юный брат сел в крошечное седло почти у самой шеи верблюда. К полной неожиданности, этим братом оказался Слава. По знаку И. он тронул своего верблюда и поехал головным к воротам в пустыню. Последнее, что я мог разглядеть в предрассветной тьме, был Раданда с Этой на плече, посылавшие мне прощальные приветы.

Мы мчались по пустыне несколько часов. Солнце было уже высоко, и, если бы не огромный грубый плащ, сквозь который не жгло даже солнце пустыни, моя кожа, наверное, была бы сожжена. Под плащом, которым меня укутал Ясса, как мумию, моё натёртое жидкостью И. тело оставалось относительно прохладным. Все, даже Ясса, спрятались под плащи. Один И. ехал не прикрытым, спустив лишь синюю вуаль со шлема, чтобы защитить глаза от нестерпимого сверкания солнца и песка. Нигде, сколько хватал глаз, ничего, кроме песка и солнца. Я вспомнил слова И. о том, *что* сделала любовь Раданды для порученных ему людей из этого моря смерти и песка, сжигающего всякую жизнь.

Вопросы, так часто мелькавшие в моей голове, снова завертелись штопором: кто же такой Раданда? сколько ему лет? давно ли он в Общине? кто был её первым основателем? Все эти вопросы вовсе не были предметом моего любопытства. Но в этих вопросах было для меня так много непонятного, что я сознавал, как мало я ещё знаю и понимаю, если в одном человеке для меня была тысяча загадок.

Мысль моя перенеслась к Али, ко всему пережитому от первой встречи с ним — от чудесного лица Наль и до этой минуты. Наль была первой женщиной, которую проводили при мне в далёкий мир. Я вспомнил, как уезжала из Общины Беата, как я мысленно сопровождал её в пустыне. Сколько поэзии, красоты, высокого искусства увозила в себе эта женщина! И тот же великий, неразгаданный, всё обогащающий при встрече с собою И. возвращал её миру раскрепощённой, энергичной, с огромным внутренним богатством по сравнению с той нищетой духа, в которой она жила до встречи с ним.

И вот сейчас впереди нас едет женщина, которую тот же И. возвращает миру, давая и ей миссию нести огромный Свет людям, но по тропе совершенно иной, по тропе ясновидения и знания сверхсознательных сил в себе и людях. И Бронский, и Аннинов, и Ольденкотт, и профессор, и ещё тысячи неизвестных мне людей, уходят творить в мир по самым разнообразным тропам человеческого духа, провожаемые теми же И., Али, Радандой. О Великая Мать, просветившая мой дух, кто же И.? Кто же такой И., подле которого я живу каждый день? Богочеловек, как выразился вчера доктор?

Я ещё глубже понял, что, несмотря на своё новое преображение, напоминаю слугу, который может только отирать пыль с драгоценных книг и не может прочесть ничего, даже заглавного листа, в величайшей сокровищнице человеческого духа. Так и я перед И. Я мог чистить ему сандалии и разбирать по числам его письма, но на вопрос, *кто* такой И., я мог дать только один ответ: безмерно милосердный друг каждого человека. Этим исчерпывалось всё моё знание об И.

— А кто ты такой сам, Лёвушка, ты можешь ответить мне? — услышал я смеющийся голос И. рядом с собой.

Оказывается, я так ушёл в свои размышления, что превратился в доброго старого знакомого — «Лёвушку — лови ворон». Мой мехари, воспользовавшись моей рассеянностью, очутился на довольно большом расстоянии от остальных.

— Не так давно, мой милый мальчик, у постели другого мальчика, ты убедился, как необходимо собирать всё своё внимание и быть готовым ко всевозможным неожиданностям текущей минуты. Ещё несколько раньше ты пытался соединить в своём внимании два дела. И в обоих случаях ты вынес опыт: какой настойчивости и самообладания требует работа внимания, — продолжал И., заставляя моего верблюда перейти на аллюр и наверстать расстояние. — В эту минуту ты снова видишь, что *всё* упирается в рассеивающееся внимание или, что вернее, в однобоко концентрирующееся, упускающее из поля зрения всё, кроме привлекающих дух мыслей. Всякий человек состоит из духовных и материальных сил и, пока живёт на земле, должен жить в равновесии тех и других, никогда не перекочёвывая всецело в один или другой из этих миров, в себе носимых, и постоянно вводя между ними гармонию. Ученик, хорошо усвоивший, что он живёт не на одной земле, будучи носителем двух миров — своей личности и своей индивидуальности, — а в двух мирах, должен *создать, выработать* и *укрепить* привычку к вечной памяти о жизни *каждую* минуту в *двух* мирах. Только тогда верность ученика может привести его к неразрывному слиянию с Учителем, когда его *внимание*, то есть альфа и омега его *вечной* жизни и труда, приучится *действовать* так, чтобы разделение его между небом и землёй не вызывало усилий. Чтобы не *после* поступка шёл вопрос: «Так ли я поступил?» — но чтобы *перед* поступком рядом с учеником стоял сияющий образ Учителя как контроль и радость его действий. Твоя рассеянность этой минуты людьми одной земли, судящими обо всём через сеть предрассудков и условностей, была бы сочтена большой углублённостью, качеством почтенным, которым обладают немногие, в ком внешняя рассеянность признаётся даже одним из признаков великого ума. На самом же деле это ещё зачаточное состояние самодисциплины. В ученике это несносная мигающая лампа, мешающая и Учителю посылать Свет людям, и людям

воспринимать его через такие провода. И к сожалению, даже очень высокие задачи приходится Учителям выполнять через такие меркнущие и вновь вспыхивающие лампы, постоянно вводя коррективы в их действия. Старайся, мой друг, поскорее избавиться от этого мигания. Ты понимаешь, как оно задерживает труд Учителя. У тебя есть всё, чтобы ускорить свой процесс внутреннего роста. Только никогда не забывай: *никто*, кроме тебя самого, не может *выполнить твоей* духовной работы. Об этом ты прочёл в одной из первых огненных надписей, и это составляет основной закон Всей Жизни. Ни высокие могущественные друзья, ни Сама Великая Мать не могут выполнить за тебя того труда любви и мира, которыми *определяется* место каждого человека во вселенной. Тебе могут указать путь те милосердные, что забыли о себе и идут *только* для блага людей. Но *идти* можешь только ты *сам*.

Мы нагнали нашу кавалькаду, и... я не мог понять и разобрать, перед чем мы остановились. Стена? Стена и не стена. Нечто вроде огромной зелёной стены, как бывает во французских садах, но вышиной с самое высокое дерево. Когда я подъехал ближе, то увидел, что стену составляли переплетающиеся крест-накрест, кривые стволы, утыканные длинными, острыми колючками. И сколько мог проникать в чащу этих колючих стволов глаз, создавалась такая густая клетка, что не только зверю пустыни, но и птице не было возможности пробраться сквозь неё.

Чем выше шли стволы, тем переплетения становились реже, а в самой вышине они не только выпрямлялись, но и сплошь были покрыты красными и белыми цветами вроде крупного шиповника. Я глядел, очарованный, и на обращённый ко мне взгляд И. и его улыбку мог только сказать:

— *Что* могла сделать любовь Раданды!

Мне хотелось поклониться до земли этой зелёной стене, приветствуя в ней дар любви Раданды и чтя его труд как не человеческое, а божественное проявление сил человека...

Проехав несколько минут вдоль стены, мы поравнялись с воротами, высокими, выкрашенными в зелёный цвет и сделанными всё из тех же колючих стволов так искусно, что сразу их даже трудно было различить. Ворота открыли нам два привратника — молодые, стройные, рослые и красивые люди. Одеты они были своеобразно. Короткие белые панталоны кончались выше коленей, а блузы, оставляя голыми руки и шеи, пристёгивались к панталонам на талии. Ноги были почти босы, только для защиты от горячего песка к ним хитро было привязано нечто вроде сандалий, с одним большим пальцем и коротким задником. Один из привратников протрубил в рожок, издавший очень приятный звук, какой-то сигнал, вероятно не обычный, так как со всех сторон к нам стали подбегать люди и помогать всем сходить с животных.

Думая, что Наталье Владимировне будет не особенно приятна помощь посторонних людей, я спрыгнул со своего высокого мехари, чем немало удивил людей, собиравшихся помочь мне сойти с него, и вызвал у них знаки одобрения.

Как я ни спешил, но, когда я подбежал к верблюду Натальи Владимировны, так и шедшему головным всю дорогу, милый Ясса был уже тут, лестница была уже приставлена и грузная фигура Натальи Владимировны уже спускалась на землю. Мне хотелось хоть чем-нибудь выразить ей свою любовь, и, когда она спустилась

настолько, что я мог охватить её руками, я в один миг поставил её на землю. Это вызвало бурный восторг в целой толпе зрителей и весёлый смех самой жертвы моей любви.

Я понимал язык, на котором здесь говорили. Его я выучил в Общине по приказанию И., считая его языком давно вымершего древнего племени и никак не ожидая, что увижу живых людей, на нём говорящих.

В толпе, собравшейся вокруг нас, были люди и старые, и молодые, и дети всяких возрастов. Все они, без различия пола и возраста, носили одинаковые одежды, какие мы видели на привратниках. Только на пожилых женщинах было накинуто сверху нечто вроде туники, спускавшейся ниже коленей. Кожа у всех была тёмная, но далеко не коричневая, нежная. Черты почти у всех правильные, с отпечатком культуры и благородства. Глаза и брови очень красиво очерченные. Бросились мне в глаза и мелкие, очень белые зубы.

Не успели мы опомниться от первого впечатления, как увидели подходившую к И. высокую, необыкновенно стройную, пожилую, но моложавую женщину. На ней было длинное белое платье, подпоясанное чёрным шёлковым шнуром. По рукавам и подолу платья тоже шли широкие чёрные каймы, по которым бежала золотая вышивка. Ничего особенного, кроме стройности и поразительно лёгкой походки, в наружности женщины не было. Но приветливость лица, доброта улыбки и сияние глаз — с одним Радандой я мог их сравнить.

Подойдя к И. и приветствуя его низким поклоном, женщина заговорила. Боже мой! Где же я мог слышать этот дивный, глубокий контральтовый голос? Я был так поражён, что забыл всё на свете и «ловиворонил», силясь вспомнить, где я слышал это голос. Ведь я его знал, знал наверное. И вдруг как живая встала в моей памяти Анна — и, ничего не сознавая, я вскрикнул: «Анна!» На мой крик женщина вздрогнула, быстро оглянулась и подошла ко мне.

— Да, я Анна, друг. Но как можете вы знать моё старое имя, которым никто больше меня не зовёт?

Музыка её голоса перенесла меня в Константинополь, в зал Анны, я увидел её и Ананду у рояля, вспомнил их песни... Голос не повиновался мне, я не был в силах ей ответить, хотя и сознавал всю невежливость и нелепость своего поведения.

— Прости, мать, моему секретарю его растерянность, — сказал И., подходя к нам и кладя руку на моё плечо. — Тебе ведь не впервые видеть, как люди не могут оставаться спокойными, слыша твой чарующий голос, равный которому трудно встретить во всём мире. В Константинополе мы виделись с твоей правнучкой, о которой тебе писал Ананда. Её голос очень похож на твой. Её-то имя и выкрикнул мой энтузиаст-секретарь. Имя его — Лёвушка, позволь тебе его представить, прости ему его слабую выдержку и прими его в своё обширное сердце.

Когда я склонился к довольно большой, но прелестной руке той, кого И. назвал «мать», она обняла мою голову и поцеловала меня в висок. Я почувствовал целый поток нежной любви, лившейся мне от этой женщины. Она меня окружила любовью, как гармоническим кольцом.

— Дитятко моё, если ваше сердце несло Анне любовь, если вы так восхищались ею, что даже сходство наших голосов взволновало вас, что же, кроме благодарности

вам за преданность моей правнучке, я могу испытывать к вам? Ананда писал мне, что ты, великий Учитель, привезёшь её с собой. Где же Анна? — держа меня за руку, поглаживая её и тем меня успокаивая, говорила мать.

— Об этом, мать, после. Я не имел в виду начать с тобой сразу разговор об этом. Но... по некоторым новым указаниям, полученным мною в пути к тебе, мы не возвратимся сегодня обратно к Раданде, а проживём у тебя не менее трёх дней. Мы ещё будем иметь время для беседы об Анне. Позволь тебе представить остальных моих спутников, кроме твоих друзей Грегора и Василиона. Появлению похвальных листов за их работу у тебя они всецело обязаны тебе.

Представив всех нас матери, И. обратился к нам:

— Это мать-настоятельница Общины, имени которой до сих пор никто здесь не знал. Лёвушка разбудил к жизни давно забытое имя матери. Будь же, мать, отныне не просто мать-начальница, но свети всем встречным как мать Анна, Анна-Благодать.

— Да будет по воле твоей, Учитель, — склоняясь перед И., ответила мать Анна. Когда она выпрямилась, по щекам её катились слёзы, а лучистые глаза казались сияющими озёрами.

— Нет больше ни одной песчинки прошлого, мать Анна. Говорят, устами младенцев глаголет Истина. Младенчески чистое сердце выкрикнуло твоё имя. Вспомни, что сказал тебе твой наставник в тайной Общине, когда провожал тебя и твоих немногочисленных спутников на жизнь и труд в этом оазисе. Пусть же имя твоё звучит для новых радостей и побед людям, для нового понимания ими свободы. Пусть каждый, кто подойдёт к тебе, радуется и поймёт, что всю Свободу-Жизнь он носит в себе.

Мать Анна смахнула слезу, улыбнулась мне и, снова взяв мою руку, сказала:

— Мил ты мне, мой мальчик, за любовь твою к моей правнучке. Но ещё ты мне милей за великую радость, о которой сам ничего не знаешь. Много лет назад, отправляя меня сюда к Раданде, сказал мне мой наставник: «Когда чистые, впервые встретившиеся тебе уста назовут тебя Анной, тогда освободишься». Ты — мой вестник радости. Прими же мою благодарность и будь моим дорогим гостем.

Мать Анна поклонилась мне, поклонилась всем гостям, выразив им радость приветить их у себя в оазисе, и попросила следовать за нею. Она подвела нас к красивому домику, обсаженному прекрасными цветами и деревьями, и здесь сдала нас, мужчин, на попечение двум братьям, а к Наталье Владимировне приставила очаровательную девушку. Мать Анна хотела увести И. одного с собой в другой дом.

— У меня, мать Анна, будет много работы. Не разрешишь ли ты мне взять моего секретаря с собой?

— Как благоволишь, Учитель. Я буду рада иметь ближе к себе это дитя радости. Я только думала, что ты нуждаешься в полном внешнем покое. В домике, где я помещу тебя, только две комнаты, а самое место, где стоит дом, — островок, как приказал устроить Раданда. Только недавно деревья там поднялись высоко и окрепли, а кустарники разрослись стеной вокруг всего островка. Никому, кроме старика-сторожа, я туда входить не разрешаю. Ваши ноги первыми пройдут в этот священный

домик с тех пор, как он окончательно отстроен и меблирован, сколько хватило моих возможностей и усердия, красиво и комфортабельно.

Мать Анна шла впереди нас своей необычайной походкой, она точно плыла, едва касаясь земли. Шли мы минут двадцать, сначала среди разбросанных, поэтично выглядевших домиков, крытых пальмовой соломой, потом мимо белых домиков, казавшихся мраморными, с прелестными крышами, точно из розовых лепестков, но оказавшихся сплошь из стекла Грегора и Василиона, приспособленного для домов. Стекло не пропускало жары внутрь комнат и было непроницаемо для песка.

Я и не предполагал, слушая эти пояснения матери Анны, что буду иметь случай убедиться на опыте, как во время песчаной бури в пустыне, несмотря на высоченные зелёные стены, тучи песка проникают в этот оазис, и только плотные стеклянные дома являются единственными местами спасения для людей и животных, когда бушует буря.

Как я расскажу дальше, буря на Чёрном море была мало чем страшнее ужаса песчаной бури, которую И. дал мне возможность наблюдать со специально выстроенного матерью Анной огромного маяка с огнями и колоколом, дававшего спасительные сигналы караванам, случайно застигнутым бурей в окрестностях её оазиса.

Домики кончились сразу, и мы перешли в сад из финиковых пальм и громадных хлебных и кокосовых деревьев, плоды которых составляли основное питание темнокожих. Возле домов был шум и движение, возня детей и взрослых, а здесь была полная тишина и уединение, а ещё через несколько минут мы подошли к островку, окружённому небольшим рвом с чистой водой, через который был перекинут чистенький, беленький, пальмовый, точно вчера выстроенный, мостик. Возле него мать Анна остановилась.

— Этот дом для меня, Учитель, — святыня, алтарь. Приготовив в нём всё, я больше туда не входила. Благоволи войти один со своим келейником, как ты того желал, и, если что будет нужно, пришли его ко мне. Я живу вот здесь, на поляне, рядом.

— Принимаю от тебя — по восточному обычаю уступать право войти старшим впереди себя — эту привилегию. Но прошу тебя по этому же праву старшинства следовать за мной как моя гостья, друг и сотрудник Светлого Братства, давшего мне большое поручение для тебя.

— Радостно повинуюсь твоей воле, Учитель, — ответила мать Анна.

Но она не желала пройти впереди меня, чем меня так смутила, что я всё стоял у мостика, хотя И. уже перешёл на островок. Как всегда, выручая меня во все минуты неловкости, И. повернулся и сказал мне:

— Мать Анна как хозяйка оазиса лишает тебя привилегии кавалера. Проходи сейчас первым, ты сумеешь доказать ей ещё не раз за время пребывания здесь, что ты кавалер и рыцарь духа и что твоя юная внешность несёт в себе древний и не чуждый ей дух.

Ободрённый моим дорогим другом, я смело пошёл по мостику, забыв об условной неловкости. Так мы дошли до домика и поднялись вверх по чистой пальмовой лестнице в прелестный холл с панелями из пальмы, убранный цветами, а оттуда вошли в комнату.

Что-либо прелестнее трудно было себе вообразить. Всё, до последней вешалки, было сделано руками обитателей оазиса. И всё казалось мне предметами искусства, а не простого обихода. Я уже был расположен к «ловивоpонству», но И. не дал мне для этого времени, велев придвинуть два обворожительных кресла к окну, открытому в глубь сада.

— Пока я буду беседовать с матерью Анной, Лёвушка, ты сходи к Яссе и возьми у него те пакеты, что я велел тебе передать ему. Кроме того, из сумки, что я дал Грегору, вынь письмо, которое я передал тебе при выезде из Общины Раданды. Неси всё сюда, но неси осторожно, так как всё, что ты будешь нести, представляет очень большую ценность для матери Анны. И только чистые руки и чистые мысли должны доставить их сюда. Будь внимателен, мой мальчик, помни, что ты был вестником радости и освобождения для другой души, будь же до конца достойным гонцом Светлого Братства.

Поклонившись И., я вышел из комнаты и подумал, как ничтожна была моя верность в глазах И., если я нуждался в этом напоминании. Ещё раз мысленно поблагодарив И., я дал себе слово думать только о текущем сейчас, таком важном для другого человека. Я прикоснулся рукой к цветку Великой Матери, легко прошёл обратный путь, без затруднения отыскал дом и в нём Яссу.

Ясса встретил меня так, точно ждал моего прихода. На его кровати лежало для меня свежее платье, он проводил меня в душ, сам смыл с меня оставшиеся кое-где следы жидкости, помог мне одеться, сам расчесал мои кудри, особенно красиво уложил их и только тогда подал мне завёрнутые в белый шёлк пакеты.

— Здесь чудесное платье, Лёвушка, а здесь вуаль. Всё это драгоценно не только как символ для матери Анны, но и как дар Али. А ты сам знаешь, с какой царской щедростью одаривает этот Учитель своих избранников, если они имели счастье ими стать.

Да, я хорошо это знал, и слова Яссы, никогда не говорившего ничего зря, заставили меня быть ещё внимательнее. Мы вместе прошли к Грегору, у которого я спросил письма. Подавая их мне, Грегор на минуту остановился, отступил на шаг назад, вглядываясь пристально, по манере художника, во всю мою фигуру.

— Эх, написать бы вас так, Лёвушка! Никто бы не поверил, что вы живой человек, а не вымысел художника! И кто так уложил вам сегодня волосы?

— Ну, вот ещё, Грегор, с чего это вы взяли, что я вымысел? — обиженно сказал я, чем насмешил всех, бывших в комнате. — Я самый настоящий человек-мужчина, а не забава для художественной фантазии. Лучше пожелали бы вы мне благополучно донести мои пакеты, зная, какой я разиня.

Ясса проводил меня до самого мостика, нежно мне улыбнулся на прощание и повесил мне на плечо платье для И., которое нёс в чехле вместе со всеми остальными принадлежностями для туалета.

Соблюдая все возможные предосторожности, чтобы ничего не смять и не растерять, я вошёл в комнату. Я был горд, как кули, благополучно исполнивший поручение. И. взял пакет побольше, передал его матери Анне. Второй пакет он подержал несколько минут в руках, как бы призывая на него особое благословение, и тоже передал ей. Письма же, взятые мною у Грегора, он положил на стол и сказал:

— В пакетах, что я тебе передал, Светлое Братство посылает тебе платье, какое носят все его представители, Учителя-Наставники. Настал твой час освобождения, мать Анна. Пока я отправлюсь в душ и переоденусь с дороги, перемени и ты своё платье. Больше чёрных полос — скорбных воспоминаний о собственной поколебавшейся верности — на нём быть не должно. Пакеты, что лежат на столе, не вскрывай, я сам их для тебя открою.

С этими словами И. вышел из комнаты, я понёс за ним его платье и помог ему снять одежду путешественника. Я хотел немедленно отнести её обратно к Яссе, но И. велел мне сложить её, аккуратно вложить в чехол и унести в небольшой чуланчик под лестницей, где стоял пальмовый ларь, и уложить все вещи туда.

Пока я возился с этим делом, хоть мне казалось, что я сделал его очень быстро, И. уже был готов, когда я к нему вернулся, и подвязывал сандалии. Надев золотой пояс, И. стал подниматься наверх, приказав мне идти за ним.

Войдя в комнату, мы увидели мать Анну в новом платье. Что же это такое с ней сделалось? Разговор с И. или новое платье так изменили её? Я, правда, был слишком занят своей миссией кули подать порученные мне вещи такими же безукоризненными, какими мне дал их Ясса, и смотрел, войдя, на И., а не на мать Анну, но всё же я отлично помнил её лицо, когда уходил. Оно было по-прежнему кротко и напоминало по доброте Раданду. Но теперь вокруг её головы, плеч, рук я видел сияние, которого не было, когда я уходил. Платье на ней было длинное, белое, из такой же точно материи, как Али прислал перед пиром в К. моему брату Николаю. Вокруг шеи, рукавов и широко по подолу шла великолепная золотая вышивка. Талию матери Анны стягивал такой же, как у И., золотой пояс.

Лучистые глаза её сияли ещё больше, и мне показалось помолодевшим всё её лицо от тех потоков радости и счастья, что лились из него. Как воплощение энергии, стояла эта женщина перед И., и, если у стены оазиса я понял, что могла сделать любовь Раданды, то сейчас я понял, что всё, что создано в самом оазисе, создано руками и любовью матери Анны, что только ей одной обязан этот угол вселенной всей своей культурой. Но только на следующий день, когда разразилась буря в пустыне, я понял всю высоту и огромность роли матери Анны как слуги и спасительницы людей.

И. Взял один из пакетов, которые не велел без себя вскрывать, вынул из него плоский, довольно большой футляр из слоновой кости, раскрыл его и достал большой зелёный крест, весь как бы высеченный из цельного изумруда, на тонкой золотой цепи. Он надел его на шею матери Анны.

— Это посылает тебе Флорентиец с тем, чтобы, уходя со своего поста настоятельницы, ты передала его тому, кого сочтёшь достойным заменить тебя. А это, — прибавил он, вскрывая второй пакет и доставая из него чудесную коробку, чёрную, с изображением золотого павлина на крышке, — посылает тебе твой великий друг Али.

И. достал золотой обруч и длинную тончайшую вуаль, которую накинул на голову матери Анны и прикрепил обручем к волосам. Вуаль упала ей на плечи и спину, вся засияла переливчатыми тонами — от золотого и розового до фиолетового. Она

представляла такое чудесное зрелище, что я загляделся и опомнился только тогда, когда И. поднимал мать Анну с коленей, благословляя её.

— Великое Светлое Братство поручило мне ввести тебя в разряд посвящённых настоятелей и послало тебе вещественные знаки великих, созревших в тебе сил. Прими через эти вещи, освящённые любовью и силой Великих Братьев Али и Флорентийца, благословение всего Братства и его вечную помощь. Всё твоё прошлое исчезло из хроники веков. Следы его стёрты твоими верностью и трудом для общего блага. Ты превысила данные тебе указания и усовершенствовала жизнь порученного тебе племени выше указанных тебе рамок. Будь благословенна. Вот тебе письма от старших братьев.

И. подал матери Анне письма, мне же дал прежнее её платье, футляр и коробку, приказав отнести их за настоятельницей в её дом. Солнце стало уже опускаться, когда мы покинули островок. Дом настоятельницы был очень близко, и через несколько минут мы стояли в её комнате. Пока шли, мы встретили несколько человек, которых так поражал новый туалет и новый сияющий вид их матери, что они роняли всё из рук и, раскрыв рты, сопровождали её удивлёнными взглядами. Меня это так смешило, что я с трудом удерживал серьёзный вид достойного келейника Учителя.

Комната матери Анны была очень скромна по своей обстановке, но блистала чистотой и была наполнена ароматом прелестных цветов. Небольшой, очень изящной работы письменный стол, два кресла, несколько стульев, шкаф с книгами, киот с горящей перед ним лампадой, диван, заменявший кровать, всё из белого полированного пальмового дерева, несколько прекрасных ваз работы Грегора — вот и всё убранство её небольшой комнаты, в которую мы вошли через две большие приёмные, где ждали мать её подданные.

— Вот, дитя моё, какого счастья был ты для меня вестником. Будь благословен и возьми от меня на память эту пряжку, пристегни её к поясу и молись обо мне Великой Матери, — сказала она мне, как только за нами закрылась дверь её комнаты.

Я поблагодарил настоятельницу, выразил ей, как умел, свои поздравления и благодарность и возвратился на островок. Здесь меня встретил старик-сторож и объяснил, что через полчаса будет сигнал к окончанию работ, его проиграют на рожке. Затем второй такой же сигнал будет за четверть часа до ужина и наконец удар набата к сбору в столовой. Он рассказал мне, как найти дорогу в столовую, и я вошёл к моему дорогому И. Я застал его за письмом. Он велел мне сесть в кресло и подождать его распоряжений.

Окончив письмо, И. велел мне отнести его Ольденкотту, сказать Яссе, чтобы он привёл всех в столовую по удару набата, а Андрееву сию же минуту привести к нему.

Я помчался, памятуя, что до удара колокола остаётся мало времени. Выполнив всё порученное и отыскав Наталью Владимировну на её половине, я так торопился скорее возвратиться к И., что бедная женщина еле поспевала за мной. Всю дорогу она посылала малолестные эпитеты удушающей жаре оазиса.

Добравшись до островка, она вздохнула легче и объявила, что только здесь можно дышать. Не знаю, правильно ли я чувствовал её настроение, но мне казалось, что моя спутница чем-то раздражена и в чём-то разочарована. Я остановился при входе

в дом, коснулся цветка Великой Матери и всем сердцем молился Ей, чтобы эта женщина вошла в гармонии и мире в комнату, где только что другая получила священный привет высокого признания и счастья освобождения.

Как не раз бывало, Наталья Владимировна сейчас же почувствовала моё состояние, взяла меня за руку, несколько раз глубоко вздохнула, прикрыв другой рукой глаза, улыбнулась мне и кротко сказала:

— Спасибо, верный друг. Ни разу не забыли вы меня в своей молитве. Я готова. — И мы вошли к И.

И. Встретил нас улыбкой, придвинул кресло для Натальи Владимировны ближе к столу, за которым продолжал сидеть, а мне велел сесть в кресло у окна.

— Не время, моя дорогая, заниматься мыслями о себе. Многое изменилось за те часы, что мы ехали сюда. Если бы вы не нарушили моего приказания и спали ночь, вы были бы в курсе надвинувшихся на нас обстоятельств. Теперь же выслушайте меня внимательно, времени для добавочных пояснений не будет. В эту ночь в пустыне разразится буря, какой не только это племя темнокожих, но даже и Община Раданды не видела. Самое место оазиса будет охраняться кольцом невидимых защитников. Но люди будут переживать страх от ужасных явлений стихии тяжело. И всем нам надо разделить труд по их успокоению с наибольшей мудростью. Вам я поручаю детей и самых слабых женщин, которые по приказанию настоятельницы соберутся в одном из больших домов, наиболее прочном и устойчивом. Вам будут помогать келейницы матери Анны — женщины сильные, мужественные, закалённые. Бронский и Игоро под началом Яссы с наиболее сильными людьми оазиса будут дежурить у ворот, впускать и вносить тех, кого удастся спасти из застигнутых бурей в пустыне. Слава и Ольденкотт соберут вокруг себя старых, слабых и больных, а также наиболее трусливых мужчин и подростков, хотя должен сказать, что племя матери Анны вообще храбро и мужественно. Но, как я уже сказал, картина игры стихий будет страшна и храбрым. Только воистину верные не испытают страха в эту ночь. Я рассчитываю, что сила вашей верности даст успокоение тем, кто будет окружать вас.

— Если бы Лёвушка был со мной, я могла бы больше ручаться за успех поручения, — начала Наталья Владимировна, но И. улыбнулся и не дал ей продолжать.

— У Лёвушки, силача, будет иная миссия в эту ночь. Я только что сказал вам, что надо распределить силы с наибольшей мудростью. Грегор и Василион будут отстаивать завод. Они здесь свои и очень любимые люди. Вам же в эту ночь представляется возможность проявить всю ту любовь к братьям-людям, пример которой может оставить след в сердцах всех, кто проведёт с вами эту ночь. Возьмите эту коробочку и помните, *точно* помните наставление, которое я вам сейчас даю. Её содержимое предназначается *только* вам. Когда будете доходить до полного изнеможения, берите в рот один шарик. Туземцам пилюль не давайте, хотя бы вам казалось, что кто-либо умирает. Как вести себя в толпе безумствующих от ужаса женщин и детей, соображайте сами. Старайтесь предупредить панику. Действуйте примером собственного спокойствия и утверждайте в них уверенность, что рядом с вами они в полной безопасности.

Рожок прозвучал, И. велел мне свести Наталью Владимировну к Яссе и немедленно возвращаться к нему.

Я возвратился с ударом набата и нашёл И. уже поджидавшим меня на пороге дома.

Глава 24

Первый ужин в круглом доме в оазисе матери Анны. Зал и наши сотрапезники. Речи матери Анны и И. Работа И., его наставления и приготовления к встрече бури всего населения оазиса. Маяк. Страшная ночь бури. «Чудо», совершённое И. Мы сходим с маяка. Ясса, его мёртвый сон и моё отчаяние. Моя работа у ворот. Собаки-искатели. После бури. Мы посещаем Ольденкотта и Андрееву

Мы немедленно пустились в путь, обогнули островок и прошли во вторую часть оазиса, которой я ещё не видал. Миновав такие же тихие пальмовый и фруктовый сады, через какие вела нас на островок мать Анна, только здесь они были гуще и напоминали больше лес, мы неожиданно вышли на поляну. Здесь были устроены утрамбованные площадки. Это я их счёл таковыми, на самом же деле они оказались из матового стекла. Площадки предназначались для всевозможных игр детей и взрослых. Тут были сетки для игры в мяч, и крикет, и трапеции, и качели, и гигантские шаги — всего я даже не мог и взглядом окинуть.

В данную минуту на площадках двигалась только одна фигура старика, который собирал мячи и кегли и убирал их в большой сарай. Сарай был такой очаровательно чистенький, изящно выстроенный, беленький, с красивым орнаментом, что немало европейцев пожелало бы жить в таком прекрасном доме.

И снова я подумал, *что* может сделать любовь человека для своих ближних и в какой красоте помогал Грегор матери Анне воспитывать своё племя. Как ураган пронеслись мои мысли: сколько лет живут у Раданды Грегор и Василион, молодые сравнительно люди? Каков их истинный возраст? Где здесь их завод? Голос И. вернул меня к равновесию:

— Мы подходим. Не рассеивайся. Не так много времени прошло между бурей на Чёрном море и той песчаной бурей, что тебе предстоит испытать сегодня. Но тогда ты был несведущим и слабым мальчиком, сегодня же ты взрослый и закалённый мужчина. Все мысли сосредоточь на той помощи, что придётся оказывать людям сегодня. Думай неотступно о Флорентийце и проси Великую Мать благословить наш общий труд. Забудь о себе и обо всех вопросах, которые могли бы интересовать тебя лично. В великие минуты жизни, когда тысячи людей стоят перед лицом смерти или бедствий, надо выйти из всего условного и жить только Вечным, перед Ним складывать свой труд и Его спасать в формах временных, смертных.

Я глубоко вбирал в себя слова И. Они будили мой дух, но что касается моего внимания внешнего, то оно спало: я совсем не заметил, по каким дорожкам мы поворачивали теперь, хотя, когда старик сторож растолковал мне дорогу в столовую,

я, казалось, её хорошо понял. Я вздохнул: хорош секретарь! Но времени не было для жалостных мыслей. Я постарался ещё глубже сосредоточиться и вошёл вслед за И. в большой двухэтажный, совершенно круглый дом.

Меня очень удивила эта форма дома. Зал, куда мы вошли, тоже был совсем круглым. Окна, вроде люков, были наверху, многочисленные, в данную минуту плотно закрытые. Под потолком вертелись веера, как в Общине Али, но как-то иначе устроенные. Вокруг всего зала шёл широчайший коридор, где помещались кухни и множество комнат. Мать Анна встретила нас у порога и проводила к своему столу, где было только три прибора.

Хотя в зале было множество столов, но всех обитателей оазиса эта комната не вмещала. Над нею, во втором этаже, был точно такой же зал, но много больше, и столов он вмещал больше, так как не имел опоясывающего коридора. Даже нижний зал был похож на огромный театр, я представил себе, сколько же народа вмещал в себя верхний зал.

Усадив нас за свой стол, мать Анна рассадила всех наших друзей, поручив их заботам Грегора и Василиона — хозяев оазиса, как она выразилась. Возвратившись к нам, она тотчас же приказала подавать кушанья. Немедленно много молодых девушек и юношей стали передавать на столы подаваемые им из окон-ниш коридора миски и блюда с едой. Другие, поставив еду на небольшие подъёмные машины, тянули верёвки, переправляя её на второй этаж.

Первым блюдом оказалась превкусная похлёбка с большим количеством хрустящих пирожков. Того строгого молчания, какое царило в трапезной Раданды, здесь не соблюдалось. Все, кому хотелось, разговаривали. Но разговаривали тихо, и того гула голосов, который раздавался в столовой Общины Али, тоже не было. Полную непринуждённость поведения я наблюдал за всеми столами. Но как здесь все были воспитанны и культурны! Атмосфера полного мира и удовлетворённости окружала нас со всех сторон.

Одеты все были сейчас совсем не так, как при первой встрече у ворот. На женщинах были платья самых разнообразных цветов, короткие, не достигавшие пола, но много ниже коленей, фасонов хотя и самых простых, но разнообразных. Старые женщины все были в тёмно-серых или коричневых платьях, почти все с длинными пелеринами. Мужчины были в блузах, сплетённых из шёлковых ниток, тоже самых разнообразных цветов. Панталоны на всех были тёмно-синие, застёгивавшиеся под коленом. Ноги и у мужчин, и у женщин очень красивые, почти у всех босые. Только немногие носили тот же род сандалий, что мы видели на привратниках у ворот.

Детей здесь вовсе не было. Их жизнь шла в детских домах, как мне ответила мать Анна на мой вопрос. Здесь были люди, начиная с пятнадцати лет, что считалось возрастом зрелости и давало право вступать через год в брак.

Вторым блюдом были поданы овощи в самых разнообразных сочетаниях, потом фрукты и горячее какао с вкусными сладкими финиковыми хлебцами.

Подтрунивая над моим аппетитом, И. уговаривал меня есть как можно больше, так как потребность в моих физических силах будет очень большая. Я смеялся и с большим удовольствием старался.

Во время ужина я не мог не заметить тысяч восхищённых взглядов, обращённых на И. и на мать Анну. Она, очевидно, была не только душой, но и божеством своего оазиса. А сегодня, в новом платье, она привлекала к себе всеобщее внимание и вызывала восторг. Покончив с едой, мать Анна встала и заговорила своим необычайным музыкальным голосом.

Её голос точно был сигналом. Люди бесшумно передали через окна-ниши большую часть столов в коридор, а образовавшееся пустое пространство заняли люди, спустившиеся с верхнего этажа, где они ужинали. Быстро, без суеты, точно перемена театральной декорации, зал наполнился стоящими людьми, оставался только ряд ближайших к нам столиков, за которыми сидели старики.

— Братья и сёстры, только некоторые из вас видели великого нашего друга и всегдашнего милосердного помощника, Учителя И., сейчас присутствующего среди нас. С тех пор как мы живём здесь, с той минуты как впервые привёз нас сюда Раданда, ни одно великое событие нашей жизни не проходило без помощи Светлого Братства. Время от времени Милосердные посылали нам того или иного из своих великих избранников, и они спасали нас или помогали нам проходить тяжёлые, а иногда и гибельные моменты нашей жизни.

В царившей тишине, среди которой лилась музыка голоса матери Анны, пронёсся, как шелест ветра, взволнованный шёпот толпы, и снова воцарилась та же тишина. Я понял, что сердца присутствующих забились предчувствием какой-то скорби, и уста многих прошептали молитву. На меня же лично этот очаровательный голос производил такое успокаивающее и укрепляющее действие, что, если бы мать Анна читала мне смертный приговор, я и тогда думал бы, вероятно, не об ожидавшем меня ужасе, а о силе очарования и Света, которые исходили от неё.

— Соберите всю силу вашего духа, всю отвагу сердца и докажите в эту минуту, когда будете слушать весть, которую принёс вам Учитель И., что недаром пропали труды, положенные для вас Светлым Братством и Радандой, что вы выросли в мужественное и храброе племя, готовы во всякую минуту стойко встретить опасность и твёрдо, решительно её отразить. Мне нечего напоминать вам, мои любимые, о том беспрекословном повиновении, с которым надо выполнять все распоряжения Учителя И. Слушайте со вниманием, чтобы *точно* выполнить всё им указанное.

Мать Анна поклонилась И. и попросила его сказать присутствующим всё то, что Учитель имел им передать.

— Милые мои друзья. В эту минуту сжались ваши сердца предчувствием бедствия. Но взгляните на вашу мать, на вашу воспитательницу и руководительницу. Разве вы заметили в ней волнение или тревогу? Видите ли вы в её лице какое-либо потрясение, если даже вам и всему вашему оазису угрожает бедствие? Сегодня в её жизни великий день. Светлое Братство прислало ей новое платье, такое, какое носят все наставники, посвящённые Им и признанные достойными стать в ряды руководящих братьев всей Светлой Общины мира. Вы больше не видите на её платье чёрных полос, напоминавших о смирении, о путнике тайной Общины, откуда вышла мать-родоначальница вашего племени. На её платье золотое шитьё, сливающее — в стежках своего рисунка — всех людей вселенной, отдавших жизнь труду для блага людей, в одну семью. Ваша мать, имени которой вы до сих пор не знали, с нынеш-

него дня становится для вас матерью Анной, что, как вы, вероятно, и сами знаете, значит «благодать». Сегодня этим именем окрестило вашу мать Светлое Братство. Не для того Братство послало вам в её лице благодать, чтобы на вас, её детей, и на ваше дело обрушилась гибель. Она вас вырастила и воспитала не для гибели. Послезавтра, когда минует ваш оазис гроза стихий, я поговорю с вами о задачах вашего племени в жизни современного вам мира. Сегодня же я призываю вас к героическому напряжению всех ваших чувств и мыслей. Не раз говорила вам мать Анна, что жизнь есть борьба. Она собственным примером учила вас выносливости, настойчивости и полному самообладанию в борьбе за жизнь. Пришёл *ваш* час радости и счастья показать на деле, как вы умеете защищать дело вашей матери, защищать вашу родину. Это великий и благословенный для вас час: забыть о себе, о страхе и муках и принести спасение многим путникам, что будут сегодня застигнуты бурей невдалеке от вашего оазиса. Готовьтесь, счастливые братья, к жертвенному труду спасения своих ближних за стенами оазиса, к спасению животных и завода в стенах его.

Разбейтесь, женщины и мужчины, начиная с шестнадцати и до тридцати лет, на десятки и выберите себе старшину в каждом десятке. Заботу о детях, слабых и больных женщинах, не входящих в этот возраст, возьмут на себя мои спутники. Они получат точные указания, как им работать. Мужчины старше тридцати лет будут охранять сады и животных. Грегор и Василион будут спасать завод, так как буря сильнее всего обрушится на восточную часть оазиса. Животных соберите немедленно в конюшни и стойла. Ни одной собаки не оставляйте под открытым небом, так как в сегодняшнюю бурю они будут бесполезны как искатели гибнущих в пустыне, стихии их убьют. Когда для их работы настанет час, вы получите указание их выпустить. Люди, к которым привыкли животные, должны запереться с ними в их помещениях уже сейчас и рассыпать на полу листья того растения, что я им дам. Животные будут скованы сном, который не позволит им прийти в бешенство от ужаса бури. Этот зал вы сейчас же очистите и принесите сюда циновок, подстилок и подушек. Назначьте сотню людей, сильных и ловких, для дежурства в обоих залах. Сюда будут приносить спасённых. Через час я снова приду сюда — соберитесь все выбранные старшины десятков.

И. Велел Грегору и Василиону идти сейчас же на завод и дал им все указания, как поступать с машинами и зданиями, сказав им, чтобы они отобрали себе человек двести для помощи во всех плохо защищённых местах завода. Он дал каждому из них по пузырьку жидкости, назначение которой объяснил только им. Грегору он дал ещё небольшую палочку в руки, которую тот принял с большой осторожностью и благоговением, опустившись на колени.

Затем вместе с матерью Анной И. развёл всех наших друзей по указанным им для ночного дежурства местам. Последними он оставил у ворот Яссу, Бронского и Игоро с несколькими десятками туземных великанов-силачей, велев Яссе одеть всех в сплошное тёплое трико, которое ему дадут в кладовой матери Анны.

— Там же возьми и шлемы с небьющимися стёклами для глаз, иначе вы все ослепнете. Перчатки пришиты к рукавам трико, а сапоги придётся вам поучить надевать здешних людей. Они о них и понятия не имеют, — улыбнулась мать Анна.

Пока мы обходили те дома, где оставались дежурить Наталья Владимировна, Ольденкотт и Слава и где И. и мать Анна отдавали последние приказания, прошло больше часа. В атмосфере ничем ещё не выражалось приближение той грозной бури, к которой так лихорадочно готовился оазис. Всюду бегали садовники и привязывали к большущим кольцам, ввинченным глубоко в землю, какие-то плотные чехлы, которыми они покрывали особенно ценные плодовые и пальмовые деревья, цветы и оранжереи.

Возвратившись в обеденный зал, мы нашли в нём большую группу ждавших нас людей — старшин десятков, которым И. велел собраться. Поручив каждому из них различные пункты оазиса, И. ещё раз повторил, чтобы ничто живое не оставалось на воздухе и чтобы все старшины сейчас же заперлись со всеми теми обитателями оазиса, которые им поручены, в назначенных домах. Он напомнил старшинам, что необходимо проверить количество воды, заготовленной в домах, сараях и оранжереях. Он выделил особые группы для охраны водопровода и машин, дававших свет.

Только теперь я обратил внимание на освещение зала. Свет сосредоточивался в лампах, похожих на лампы в оазисе Дартана, только там он был ярко-белым, а здесь голубым. Но времени для этих мыслей не было, я твёрдо помнил наставление И. и не рассеивал внимания. Вскоре И. простился со всеми, благословив на успешный и усердный труд, и, выходя, сказал мне:

— Теперь начинается наша часть работы. Пойдём к воротам.

И мы направились к выходу из оазиса. Здесь И. проверил всех, подчинённых на эту ночь Яссе, и ещё раз подтвердил им задания. Он не упустил ничего, вплоть до сигнальных знаков, которые будут им подаваться с маяка в сторожки. Объяснил, как надо будет готовиться к выходу к воротам, как открывать, чтобы буря их не сорвала, как и куда вводить караваны или их отбившиеся части, куда передавать спасённых людей.

Простившись с Яссой и его подкомандными, мы вошли в гущу зелёной стены, и только теперь я увидел в высочайшей, непроходимой толще зелёной стены выстроенную из зелёного же, невероятной толщины стекла круглую башню. Размеров её я сообразить не мог, но понял, почему в маскировавшей её зелени я не видел этой башни, въезжая в оазис.

Мать Анна повернула какой-то руль, башня засветилась внутри, и я увидел, что она — колоссальная не только вширь, но и вверх — вздымалась выше живой зелёной стены. Отойдя на шаг вправо, мать Анна нажала ещё какую-то едва заметную кнопку, и послышался играющий звук пружины, точно что-то с силой и звоном отскочило в сторону, и через несколько минут между землёй и плитами башни стала образовываться щель. Кусок стекла, толстого, точно целая скала, плотно прилегавший к соседним слоям башни, медленно пополз вверх. Не дойдя и до половины высоты человеческого роста, он остановился, пружина снова издала точно такой же звук, как в начале подъёма стекла. Мать Анна хотела вторично нажать пружину, но И. остановил её.

— Времени терять не приходится. Проползём в эту щель, уже пора подавать сигналы набата и света, чтобы сюда поспешили не догадывающиеся о приближении бури путники.

И действительно, внезапно один за другим пронеслись два порыва ветра, от которых зашумели и задрожали все деревья оазиса. В воздухе пронеслись вой и пыль, точно пролетела тёмная стая зловещих ведьм. Мы проползли в щель, мать Анна нажала пружину с внутренней стороны, стекло-камень поползло вниз, и через несколько минут мы очутились в таком мёртвом молчании, точно мы были в могильном склепе в глубине земли. И. стал подниматься по лестнице, довольно широкой, винтовой, сделанной из белого стекла, как чашки Грегора. Лестница чудесно сверкала, точно чисто вытертые фарфоровые тарелки, над нею вились круглые поручни такого же зелёного цвета, как сама матовая башня.

Я насчитал сто семьдесят ступеней, а мы всё ещё не были на самом верху. Оставалось пройти ещё два пролёта. Каждый пролёт имел небольшую площадку, и кверху башня не суживалась. На каждой площадке был кран с водой и маленький бассейн. Мать Анна на всех площадках открывала краны, и вода бежала не только из самого крана, но и из нескольких тонких труб, сплошь в дырочках, сбегая в бассейны, а оттуда, переполняя их, в землю. Только потом я понял как благодатна была для нас прохлада этой воды, спасавшей нас от удушливого жара раскалённого песком воздуха. Хотя стекло и не пропускало жару внутрь, но самые стены башни с внешней стороны накалялись, как утюг. Бежавшая сверху донизу вода наполняла относительной прохладой наше заключение.

Наконец мы поднялись на последнюю площадку. Стеклянные стены здесь были так же толсты, но совершенно прозрачны. С последней площадки вела узенькая лесенка в самый купол, и по ней мы поднялись гораздо выше зелёной стены оазиса.

Здесь было четыре руля. У двух из них, расположенных рядом, И. поставил меня.

— Ты видишь надписи: «Набат», «Свет». Здесь указано, сколько поворотов руля тебе надо сделать, когда я буду говорить тебе: «двойной набат», «один набат», «непрерывный набат». По последней команде закрепляй руль на этой цепи. Точно так же поступай по команде матери Анны, которая будет управлять световыми сигналами. И по её команде «непрерывный свет» будешь закреплять на вторую цепь световой руль. Понять это несложно, но закреплять рули очень трудно, да и для самих поворотов руля тебе придётся расходовать большое количество физических сил. Здесь на стене две небольшие кнопки с надписями «Приготовиться», «Выходить». Это сигналы в сторожки. Я тебе эти слова так и буду говорить, и ты будешь нажимать одну из этих кнопок. Будь внимателен. *Что* бы ты ни увидел из феноменов природы или из явлений в самой башне, что покажется тебе сверхъестественным «чудом», не теряй присутствия духа и действуй *точно* у аппаратов, помня, что от твоего внимания зависит жизнь многих людей.

Сам И. и мать Анна стали у двух других рулей. Их назначения мне И. не объяснял.

Я поглядел сквозь прозрачную стену, кусок которой приходился против моих рулей. Сколько я мог охватить взглядом, в освещённом светом нашего маяка пространстве песок пустыни начинал колебаться. Пустыня, неподвижность которой я так хорошо знал, начинала походить на море.

— Один набат! — услышал я внезапно команду И.

Я повернул руль и от неожиданности даже вздрогнул. Где-то близко, точно над нашими головами, ударил такой мощный колокол, что мне показалось, будто всё вокруг вздрогнуло.

— Двойной свет! — сказала мать Анна.

Я повернул руль света, и волны белого и красного света, испуская длиннейшие лучи, осветили всё вокруг, как солнце. Песчаные волны теперь колебались в пустыне выше и сильнее, но всё же не достигали вышиной и четверти аршина.

— Двойной набат! — услышал я. — Непрерывный свет! — подала команду мать Анна. И хотя обе команды раздались почти одновременно, я их успешно выполнил.

В те несколько свободных минут, что выпадали мне между командами, я успевал наблюдать изменения в пустыне. Сейчас волны песка, несколько минут тому назад ползавшие по земле, уже были гребнями выше аршина и плыли в столбах пыли.

— Непрерывный набат! Приготовиться! — командовал И.

Я мгновенно закрепил руль набата, отчего послышался даже в нашей мало проницаемой для звуков коробке сильный гул, и нажал кнопку Яссе.

Только что я успел выполнить это приказание, как услышал: «Выходить!» Подойдя к стене, чтобы дать сигнал Яссе, я заметил караван, мчавшийся к оазису на обезумевших животных, бившихся и спотыкавшихся. Последнее, что я увидел, как Ясса с товарищами открывал ворота, а дальше столбы пыли покрыли всё.

— Непрерывный набат! Отпусти свет! — сразу сказали оба мои командира.

Так, под беспрерывные команды моих командиров, я работал рулями и сигналами в сторожке, не имея мгновения взглянуть за стену. Но в первый же минутный перерыв я поглядел в пустыню и был потрясён новой картиной. Волны песка достигли уже высоты более двух аршин. Они кочевали с какими-то перерывами. Вой и свист ветра достигали даже нас, молнии сверкали, но звук грома к нам не доходил. Быть может, за воем ветра я не мог его различить.

Снова, довольно долго, шли непрерывно команды. Вдруг мне показалось, что свет погас. Но это не свет погас, а на нас шёл колоссальный столб кружившегося песка, вихрь которого обрушился, к счастью для башни, на зелёную стену, а нас только засыпал рикошетом, отчего за стенами и стало темно. Свистящие порывы ветра сдули слои песка с круглой башни, и я понял, зачем выстроили её круглой. Снова и снова шли команды моих начальников. Мои руки и ноги работали уже с трудом, пот катился с меня градом, в глазах рябило. И. перебросил мне пузырёк, не отрывая глаз от пустыни, сказал:

— Выпей.

Воспользовавшись мимолётным антрактом, я выпил содержимое пузырька и сразу почувствовал облегчение и прилив новых сил. Глаза мои теперь снова видели ясно, руки и ноги опять стали точно железные. В пустыне был ад, хаос, где ни песка, ни самого пространства — ничего уже не существовало. Сплошная кружившаяся тьма, в ней вой и молнии.

— Непрерывный набат! Непрерывный свет! — услышал я почти одновременно. Я подумал, что в этой тьме ада, в этом смертельном верчении песка и ветра уже никого нельзя спасти, как услышал: — Приготовиться!

Я содрогнулся, так как был уверен, что всё живое, что дерзнёт выйти сейчас наружу, будет немедленно убито и сожжено горячим песком. Увы, я тогда не знал худшего: холод внезапно сменил палящий жар и превратил песок в режущие, холодные колючки.

«Выходить!» И я всем сердцем молил Великую Мать помочь моим друзьям и пощадить их жизни и жизни спасаемых. Я нажал кнопку с таким чувством, как будто я сам подписывал им смертный приговор.

Я взглянул сквозь стену и увидел, как по узкому проходу между двух огромных гор волнующегося песка из последних сил мчится караван верблюдов. Бог мой, я звал Флорентийца, хотел крикнуть И., молить его спасти несчастных, которые сейчас погибнут во всё суживающемся коридоре между двумя высоченными хребтами песка, как увидел у руля совершенно без движения самого И., с рукой, вытянутой к страшному коридору.

Я подумал, что И. умер. Мгновение, и я бросился бы к нему, как возле меня выросла фигура матери Анны. Она пристально взглянула мне в глаза и приложила палец к губам, приказывая мне молчать. Повернув меня лицом к пустыне, она указала мне рукой на приближавшийся караван, впереди которого... шёл весь светившийся И. Ещё мгновение, караван достиг ворот, а оба песчаных хребта слились в одно высоченное море песка, которое тот же час стало снова волноваться и уноситься вихрем дальше...

Сзади меня послышался глубокий вздох. Я оглянулся. И. стоял на своём месте, как будто минуту назад я не видел его мёртво-неподвижным. Лицо его радостно улыбалось, и он сказал матери Анне:

— Главные и самые страшные циклоны уже прошли.

Хотя главные циклоны и прошли, но это не мешало нашему маяку время от времени содрогаться под ударами песчаных столбов, точно в нас палили из пушек. Ещё долгое время я работал под команду обоих моих начальников, и наконец стал вырисовываться горизонт в слабом-слабом свете. Что за зрелище открывалось по мере возрастания света! Вместо чистого, белого и ровного песка пустыни, к которому уже привык мой глаз, расстилался словно нарисованный ландшафт раскопок какого-нибудь старинного города в самый разгар исканий.

Ещё долгое время шли команды моих начальников. Ветер всё ещё выл и свистел, но уже несколько раз я мог различить в слабом свете, как открывались ворота, удерживаемые двумя десятками рук сильнейших людей, и как верблюды, сами искалеченные и полумёртвые, вносили на себе свешивавшиеся к их шеям неподвижные человеческие фигуры. Постепенно свет становился ярче, И. дёрнул какой-то шнур, и свет внутри башни погас.

— Скоро наше дежурство кончится. Не беспокойся, мать Анна, те, кого ты ждёшь, спаслись в гроте. Теперь они уже едут сюда. Не пройдёт и двух часов, они будут здесь. Надо только держать непрерывно сигналы набата и света, чтобы они могли сориентироваться и сообразить, как пробраться среди наметённых бурей гор песка.

Думаю, что прошло более указанного И. срока, прежде чем я получил приказы: «приготовиться» и «выходить». Но, быть может, так только казалось мне от одолев-

шей меня вновь усталости. В последний раз И. отдал приказ, ворота открылись и закрылись, и он велел нам покинуть маяк.

Я привёл рули в их первоначальное положение и стал спускаться за матерью Анной и И. вниз по лестнице. Только сейчас я понял, до какой степени я устал. Ноги мои дрожали, руками я еле держался за поручни. Чем ниже мы спускались, тем слышнее становился вой ветра. Я видел, что на зелёной стене, вся верхняя часть которой при нашем въезде была покрыта такими дивными цветами, не было ни единого лепестка. Во многих местах, куда обрушивались столбы песка, в самой стене зияли широкие бреши без листьев, в которых среди обнажённых, переломанных стволов, как жуткие чёрные зубы, торчали здоровенные иглы. Уже по одной этой картине я мог судить, как должны были пострадать цветы и сады матери Анны.

Путь вниз казался мне бесконечным. Даже голова у меня кружилась, чего со мной теперь никогда не случалось, и о чём я забыл и думать. Но всему бывает конец, и мы очутились у входа.

— Приготовься не только к сильному ветру, Лёвушка, но и к резкому холоду. Вон там лежат плащи. Укутай в один из них мать Анну, другим укройся сам. Ну так и быть, чтобы у тебя не было тревоги за меня, я тоже надену плащ, — прибавил И., накидывая плащ.

Плащи были мягкие, лёгкие, тёплые. Мать Анна снова заставила играть пружину, и глыба стекла поползла вверх. На этот раз И. попросил вторично нажать пружину, объяснив, что мне надо несколько привыкнуть к резкой перемене температуры.

И каким же холодом обдало нас, когда глыба-дверь поднялась высоко. Резкий ветер, неся холодный песок, сразу засыпал мне глаза, нос и рот, и я не мог двинуться с места, как вдруг чья-то рука надвинула мне плащ на лицо и потянула меня за собой. Я шёл, дрожа от холода, спотыкаясь, и не соображал, ни куда ведёт меня мой поводырь, ни кто он. Но вот ноги наши застучали по дереву, через несколько минут рука моего провожатого ввела меня через порог в тёплый дом, сдёрнула покрывавший меня плащ, и милый голос Яссы сказал:

— Не открывай глаз до тех пор, пока я не спущу тебя в ванну. Тогда их промоешь.

Ясса велел мне вымыть чисто-начисто руки и налил мне полные ладони приятно пахнувшей жидкости. Я довольно долго промывал глаза, раньше, чем он разрешил мне их открыть. Тогда он подал мне таз и большой кубок с водой. Я с восторгом полоскал зубы и рот, с трудом отделываясь от скрипевшего на зубах песка. Наконец суровые команды Яссы, указывавшего мне, как и чем растираться, кончились, я выполоскался под свежим душем и мог теперь хорошо рассмотреть самого Яссу.

Я нередко видел Яссу слегка утомлённым, но никогда не предполагал, что мой дорогой заботливый нянька может быть утомлён до такого полного изнеможения, в каком Ясса находился в данную минуту. Мертвенно-бледное и осунувшееся лицо Яссы едва напоминало его обычный вид.

— Ясса, что с тобой? Ты болен? Разреши мне поскорее отплатить тебе за твою постоянную помощь и заботу. Не протестуй, умоляю тебя. Я мигом приготовлю тебе ванну и разотру тебя в ней. Ведь ты едва жив.

— Нет, Лёвушка, не поможет ванна. И. дал мне пузырёк и велел выпить его содержимое только в случае полного изнеможения. Я всё считал, что такое положение ещё не наступило и, кажется, опоздал. Пожалуй, теперь уже и поздно. Ноги меня уже не держат, и ванна меня не спасёт.

Ясса говорил едва слышным голосом, с трудом достал из кармана маленький пузырёк и выпил его содержимое. Несколько минут он лежал, вытянувшись в кресле, в полной неподвижности, в позе смертельного утомления. Я бросился к нему, поднёс к его губам цветок Великой Матери и, опустившись на колени, молил Божественную Заступницу помочь моему умирающему другу. Я молил Её возвратить ему жизнь, такую полезную и необходимую на земле. Я полагал, что Ясса опоздал выполнить указание И., хорошо помня, как в момент полного истощения сил на маяке И. бросил мне пузырёк с укрепляющим лекарством. Я взял беспомощно свесившиеся руки Яссы, вложил в них чудесный цветок и всеми силами звал И. прийти спасти Яссу, не умышленно промедлившего выполнить его приказ, но из величайшего уважения к его распоряжению.

Долго ли я стоял так на коленях, рыдая и отчаиваясь, я не знаю. Руки Яссы, становившиеся всё холоднее, я пытался согревать своим дыханием. Потоки слёз лились из моих глаз на эти дорогие трудолюбивые руки.

— Сумасшедший мальчик, — услышал я издали дорогой, знакомый голос. Поспешные шаги направлялись ко мне, и через минуту фигура И. стояла рядом со мною. — Когда же ты войдёшь в полную зрелость, мой Голиаф? Ясса спит и очень счастлив в этот момент. Нам с тобой надо позаботиться, чтобы охранить его тело и никак не мешать трудиться и совершенствоваться его духу. Это очень хорошо, что последнее, что унёс Ясса в своей памяти с земли, были твоя забота и любовь, твоя мольба о нём Великой Матери. Путь его будет легче и выше ровно настолько, насколько твоя чистая любовь свидетельствовала о его полезном и любовном служении земле. Я думал, что ты сам поймёшь, что Ясса от выпитой жидкости будет спать, как спал профессор, и выйдет из сна таким же обновлённым, как тот. Перестань огорчаться, заверни Яссу в плащ и отнеси наверх в свою комнату, которой ты, кстати сказать, ещё и не видел. Уложи Яссу на диван, задёрни окно, хотя солнца сегодня и не будет, и сиди подле него в полном самообладании, пока я не пришлю тебя сменить на твоём дежурстве. Своим зовом ты заставил меня бросить очень горячее дело. В следующий раз, если тебе придётся наблюдать такой случай, знай, как поступить, никогда и ничего не пугайся, и ни одной слезы чтобы не уронили твои глаза. Я пришлю двоих. Один останется сменить тебя здесь, другой проводит тебя ко мне. Каждый сильный человек сейчас на учёте, спеши ко мне на помощь.

И. Вышел так же поспешно, как вошёл. Я завернул Яссу в плащ и бережно понёс его в комнату, которую И. назвал моею. О, как я радовался этой возможности оказать моему другу хоть какую-нибудь услугу, выразить ему всю бесконечную благодарность за его заботы и внимание. Мне никогда не приходилось просить о чём-то моего друга-няньку. Он наперёд всё знал и всегда встречался в пути, как только у меня была заминка. Ясса, Ясса, я всем сердцем свидетельствовал не только о его полезной деятельности, но и о его самоотверженной преданности каждому из тех людей, что попадали в орбиту его внимания.

Поднявшись в мою комнату, я нашёл диван, уложил на нём Яссу как умел удобнее. Тело его было едва тёплое, но гибкое. Задёрнув окно, я придвинул к дивану кресло и сел подле моего друга, спавшего таким чудесным сном. Ветер всё ещё продолжал выть за окном, но порывы его были уже редки. Через опущенную занавеску я видел тени качающихся пальм. Слова И. внесли полное успокоение в мою душу за судьбу Яссы, но... немало тоскливых чувств пробудили во мне о моей собственной слабости.

Но тут же я спохватился, что не о себе мне надо думать, а о неведомом мне пути Яссы, где моя любовь и радость могут быть ему свидетельством и помощью к более лёгкому и высокому прохождению к свету. Я хорошо знал, что не одна моя любовь, не одни мои молитвы и мысли несутся в благодарных благословениях этой душе. Тем не менее я вновь опустился на колени рядом с Яссой, вынул божественный цветок из его мёртвых рук, приник к цветку и... почувствовал, что я точно отошёл от своего тела, что я стою у ног Великой Матери в Её белой часовне Радости. Я услышал голос:

«Много детей у меня, верных тружеников Вечности. Но мало таких, что знают путь прямой и цельный, путь без колебаний и сомнений, без двойственности и расхождения между идеей служения и собственными действиями на земле. Иди, сын мой, не твёрдостью характера утверждая на земле те или иные идеи. Но неси их в себе, верностью своей следуя за верностью Учителей твоих. В живом примере выноси в мир новые идеи в слове своём, не как плод одного ума, но как *откровение* сердца и культуру его...»

Я очнулся на коленях, рядом стояла мать Анна и тихо ждала, пока я окончу мою молитву. Я поднялся с коленей, поклонился ей, удивившись, как она свежа, точно и не простояла всей ночи на маяке.

— Я привела брата, что будет здесь дежурить вместо тебя, ты же пойдёшь со мною на помощь И., — сказала она мне.

Подойдя к дверям, она ввела в комнату старца с длинной седой бородой, в тюрбане и восточной одежде, опиравшегося на высокий посох. Тёмное лицо с суровым выражением, тёмные красивые руки, высокая фигура с воинственной осанкой делали его похожим на старого вождя. Я так и подумал, глядя на него: «Такие умирают стоя».

Старец улыбнулся мне, и улыбка изменила его лицо — оно стало добрым и ласковым, радостным. Он отодвинул моё кресло, взял стоявший в углу табурет, сел на него, опёрся обеими руками на свой высокий посох и замер, точно это было изваяние, а не живой человек. Мать Анна сделала мне знак, и мы вышли из комнаты.

На скамье у площадки она указала мне на трико и шлем с очками, сказала, что И. рассчитывает на мою работу у ворот, куда собаки-искатели приводят теперь из пустыни всех, кого находят в ней живыми. Платье переодеть необходимо, так как иначе я буду нетрудоспособен. Остатки бури в пустыне ещё очень чувствительно дают о себе знать в оазисе.

Подождав, пока я переодевался, мать Анна вывела меня с островка, поручила юноше, одетому в такое же трико, ожидавшему её у мостика, и тот повёл меня к воротам. Я не мог бы один отыскать туда пути, так как дорожек сейчас не существовало, всюду было одно песчаное море по колено высотой. Ориентироваться было не по

чему, и тучи пыли периодически покрывали нас. Песок, как град, стучал по стёклам, вделанным в шлем. Юноша, видя, что я часто останавливаюсь, — как только меня окружает песчаное облако, — взял меня за руку и потащил с силой вперёд. Я удивился силе этой стройной фигуры, совсем маленькой и детской по сравнению со мной, пожал руку юноше в знак благодарности и согласия спешить за ним, и так, держась за руки, мы добрались до ворот.

Здесь несколько рослых фигур как раз выходили из сторожки, чтобы открыть ворота. У самых ворот я увидел И., помогавшего привязывать к спинам собак бутылки с вином и водой, уложенные в небольшие корзиночки из какого-то непроницаемого материала, похожего на клеёнку. Собаки стояли спокойно, не выражая никакого страха перед отправлением в пустыню. Очевидно, дело это было им привычно. Правда, собаки могли быть легко названы маленькими тиграми, так они были огромны и страшны.

Ворота открылись, и одновременно свежие собаки пошли в поиски, а к воротам подходили три измученные, тяжело дышавшие, за которыми едва плелись несколько верблюдов без седоков и поклажи и несколько животных пободрее, с седоками. За третьей собакой, держась за её ошейник, шла полуживая от изнурения женщина, поддерживая на спине собаки две детские фигурки. Переступив порог, и женщина и собака упали, как я подумал, мёртвыми. Я бросился к женщине, а детей подхватил И., собаку подняли двое туземцев.

— Ты с женщиной пойдёшь за мной, а вы внесите пса в сторожку и отпоите его сейчас же молоком с той смесью, что я вам дал, — бросил И. на ходу мне и своим сотрудникам. — Ты же беги к дежурному сторожу и вели ему от моего имени ударять в набат каждые три минуты, — прибавил он юноше, приведшему меня к воротам.

Мы дошли до круглого здания столовой, сдали там женщину и детей матери Анне, хлопотавшей среди массы лежавших и стонавших людей. Многие, большинство, пораненные в эту ужасную ночь, были тщательно перевязаны. Иные держались бодро на ногах и помогали братьям и сёстрам оазиса в уходе за своими более несчастными товарищами по бедствию.

Быстро передав наших спасённых, И., уже поворачиваясь к выходу, сказал что-то матери Анне, и мы снова пошли к воротам. Набат громко бил в нескольких местах сразу, поддерживая главный колокол, висевший у ворот, удары сливались в один громкий, даже оглушительный звук. Много раз ещё открывались и закрывались ворота, собаки приводили всё большее количество уцелевших каким-то чудесным образом и отрытых в песке людей. Мне казалось, что и конца нашей работе не будет, как И. сказал:

— Теперь бить в набат и посылать собак уже бесполезно. Буря перекочевала за пределы наших возможностей. Сигналы звука и света, а также собаки не могут идти в такую даль, где в эту минуту люди могли бы нуждаться в их помощи. Буря несётся к Общине Раданды, и там уже все готовы к спасению застигнутых бедствием в пустыне. Думаю, что предупреждающие призывы колоколов Раданды заставили немалое количество караванов изменить намеченные пути и поспешить укрыться у

него. Ступайте все отдыхать. В кухнях вас ждёт походная еда, отправляйтесь в души, кушайте и ложитесь спать. Вы, Бронский и Игоро, идите за мной.

Только теперь, когда две рослые фигуры отделились от остальных, я узнал своих друзей. Все вместе мы прошли до того дома, где дежурил ночь Ольденкотт. Всё у него было в порядке, младшие дети спали или играли в придуманные им для них игры. Сам он был бодр, успевал за всем наблюдать и всё организовать, как считал наиболее целесообразным, и все порученные ему мужчины и старшие дети готовили, по его указаниям, перевязочные материалы, мази и примочки, запасов которых не могло хватить в оазисе для этого экстренного случая.

Не было сомнений, что Ольденкотт не только сумел избежать общей паники, но и создал атмосферу полной трудоспособности в порученном ему деле. Я сразу почувствовал полное доверие и любовь, которые он утвердил в эту ночь вокруг себя. Слава, немало помогший ему в этом, еле держался на ногах, хотя и бодрился. И. велел ему и Ольденкотту, как и всем в доме, немедленно лечь спать, оставив только нескольких дежурных. И. объяснил всем, что пищу им принесут сюда, что выходить из дома пока нельзя без специальной одежды, так как можно повредить зрение. Надо выждать несколько часов, пока буря не утихнет. Здесь мы оставили Бронского и Игоро, поручив их заботам туземцев.

Покинув Ольденкотта, мы прошли в дом, порученный Наталье. Здесь, уже подходя к дверям, мы были удивлены шумом. Двухэтажный дом походил на бурно проходящую большую перемену в мужской гимназии, когда классные наставники отвлеклись другим делом и предоставили школьников самим себе. И. остановился у дверей, прислушался, улыбнулся и тихо сказал: «Выдумщица».

Когда мы вошли в большую комнату нижнего этажа, я чуть не закричал от изумления.

— Сними шлем, удивляться будешь дальше, — сказал мне И., смеясь.

Комната представляла из себя в лучшем случае цыганский табор. Всё, что только могло служить как занавески, перегородки, было использовано для постройки шалашей. Кровати были опрокинуты набок, заменяя стены, тюфяки лежали на полу, и на них, кто на корточках, кто лёжа друг подле друга, дети и взрослые вместе, разыгрывали сцены путешествующего племени, застигнутого бурей в пустыне. Одни выли, другие трубили в рожки, третьи изображали из себя собакищеек, приносивших спасённых, четвёртые были докторами и сёстрами, а большая часть перебегала из палатки в палатку, как в оазисы спасения. Увидев нас, и дети, и взрослые с одинаковым энтузиазмом бросились к нам с криком:

— Спасённые, спасённые, готовьте им места!

— Спасители, а не спасённые, — раздался громкий голос Натальи Владимировны. Она вылезла из какой-то клетки, вся увешанная разноцветным тряпьём, долженствовавшим изображать драгоценные украшения вождя племени.

— Замолчите все, вы ведь знаете, что по закону нашего племени, создавшегося в эту ночь, всё племя молчит, когда говорит вождь. Кланяйтесь вашему спасителю, благодарите его за избавление от смерти в эту ночь и спойте ему песнь прославления, которой я вас научила.

Дети и взрослые мгновенно выстроились и запели радостную песнь величания. Откуда взяла Наталья Владимировна этот гимн великому вождю, я не знаю. Но он сейчас прозвучал такой неожиданной мощью и красотой, что рассказал нам всё, что делала эта необычайная женщина в не менее необычайную ночь.

Видя, как при первых же порывах бури паника начинает проникать в сердца её подначальных, Наталья Владимировна перевела их внимание и любовь на тех несчастных, что были застигнуты бурей в пустыне. Она влила такую энергию сострадания во всё своё окружение, затеяла с ними интересную игру в племя, посланное Богом спасать блуждающих по пустыне, ввела закон беспрекословного повиновения вождю и твёрдо увлекла их внимание за собой. Каждым особенно сильным раскатом грома и ударом ветра она пользовалась, чтобы усилить прилив сострадания и героизма в своём окружении. Силой своей громадной воли она уводила людей от страха, применяя свои гипнотические силы. В обычной жизни она ими никогда не пользовалась для влияния на людей. Но в эту ночь — сама стихия — она употребила их в деле спасения людей, порученных ей, от страха и мыслей о себе.

Окончив песнь, все присутствующие поклонились ей и вместе с ней И. Только теперь люди, проведшие с ней ночь, начали отдавать себе отчёт в своём поведении и в том, что буря миновала, что жизнь в безопасности, радостна и им улыбается.

— Спасибо за прелестную песню. Буря кончена, друзья, — сказал И. — Если бы в эту ночь и нашлось среди вас такое сердце, которое не возмужало, то песня, которую вы выучили, осталась бы для него воспоминанием о женщине, которая не только своим примером вывела вас из страха, но на опыте показала, как мысль о ближнем и о его страданиях и скорби помогает забыть себя, страх и тоску и уверенно действовать при самых грозных обстоятельствах. Вы убедились, что *сила* сердца *изменяет* окружающие обстоятельства, а *не* обстоятельства давят дух. Поблагодарите вашу гостью-вождя, так самоотверженно служившую вам в эту ночь, и помните: если в вашей жизни встретится нечто страшное, надо думать о помощи другим, *действовать*, искать *труда* на общее благо, а не искать спасения только себе.

И. простился со всеми, сказав Наталье Владимировне, что надо надеть тёплое платье, принесённое ей девушкой, и идти в свою комнату отдыхать, там же будет ждать её пища.

К моему неописуемому удивлению, девушкой Натальи Владимировны оказался тот юноша, которому мать Анна поручила проводить меня к воротам и который с такой силой тащил меня к ним. Девушка смеялась моему удивлению и коварно спрашивала, не надо ли меня ещё раз проводить.

Выйдя из дома, И. прошёл в свою комнату на островке. Здесь нас ждало известие, что у Грегора и Василиона всё сошло относительно благополучно. Слуга подал нам горячее какао и сухарики. И. велел мне поесть и отправил меня спать в его комнате на диване. Не успел я положить голову на подушку, как всё для меня куда-то провалилось.

Глава 25

Моё пробуждение. Как я ищу И. И. на заводе в роли рабочего. Первый обед в оазисе после бури. Беседа И. с сотрапезниками. Владыки оазиса

Проснулся я точно от какого-то толчка, также внезапно и сразу, как и заснул. Под впечатлением необычайно яркого сна в первые мгновения никак не мог взять в толк, где я, что же со мной на самом деле происходит.

Снилось мне, что я вместе с И. и Яссой в Общине Раданды. Мы дежурим у ворот. Вокруг нас ревёт и бесится буря. Но мы стойко работаем и то и дело открываем ворота и впускаем, и вводим, и вносим с помощью братьев и самого Раданды караваны, несчастных, полуживых людей и даже зверей.

Сон до того был реален, с одной стороны, и впечатления бури так властно засели во всём моем организме — с другой, что прошло немало времени, пока я окончательно отдал себе отчёт, что я не у Раданды, что Ясса спит в соседней комнате, что я в оазисе матери Анны и что И. ... Вот где же И.? Он должен ведь быть здесь, со мной. Но комната была пуста, никаких следов того, что И. здесь спал, не было. Вскочив со своего дивана, я хотел бежать в душ, как заметил на столе записку:

«Не медли, приводи себя в полный порядок. Сторож даст тебе какао и скажет, где меня найти. Дела много, помни, что я тебе говорил, что каждый сильный на учёте. Помни об этом и не рассеивайся».

Я спешил как только мог. Старик-сторож принёс мне еду и сказал, что И. на заводе и чтобы я шёл туда сейчас же. Нечего и говорить, как я торопился выполнить это приказание.

Выйдя из дома на островок, я увидел, что наметённые горы песка на дорожках уже аккуратно убраны, но цветочные клумбы ещё в жалком виде. Сторож растолковал мне дорогу на завод. Я шёл через тихие фруктовый и пальмовый сады. Даже если бы я и не видел их раньше такими густыми и прелестными, то всё же был бы поражён разорением и печальными остатками леса. Уцелела только половина деревьев, и именно те, которые были укутаны чехлами и пригнуты к земле канатами. Сейчас здесь работало много людей, внимательно осматривавших вырванные с корнем и сломанные деревья. Некоторые из деревьев люди сажали обратно в удобренную наново землю, иные спиливали и уносили прочь, тут же засаживая пустые места новыми деревьями.

Несколько рослых людей пытались поднять грандиозную пальму, всю в созревающих плодах, но не могли справиться с тяжёлым деревом. Я поспешил им на помощь, и здесь я мог без осторожности применить мою Голиафову силу. Через несколько минут общими усилиями дерево было поднято и сидело в своей обновлённой и удобренной яме. Трудившиеся с деревом очень меня благодарили за помощь, удивляясь моей необычайной силе и ловкости. Они застенчиво попросили меня помочь им поднять ещё одну не менее громадную и тяжёлую пальму. Я был в восторге

от того, что мог оказать помощь, и не в меньшей радости, что впервые был признан ловким. Но новое дерево задержало меня довольно долго, так как пальму надо было ещё раскутать от её чехлов и канатов, обновить её яму, и всё это вместе заняло не менее часа. Я ни на минуту не забывал о своей главной цели: найти скорее И. Но в это утро всё было против меня, всё меня задерживало.

Не успел я, напутствуемый тысячами благодарностей и благословений садовников, выйти на площадку для игр, как услышал у красивого сарая для хранения игральных принадлежностей жалобные стоны и причитания старенького сторожа. Оказывается, он хотел открыть ворота сарая, загнанные ветром глубоко внутрь, не рассчитал своих сил, упал, опрокинутый воротами, и сломал себе ногу. Пришлось отнести беднягу в больницу, что было тоже не очень близко.

Боясь причинить боль его сломанной ноге, я нёс его на руках, как малого ребёнка, что его крайне смущало. По дороге мне встречались люди, предлагавшие взять мою тяжёлую ношу, но я помнил, что у всех дела по горло, помнил и наставление И.: «Не бойся тяжёлой ноши». Пока я донёс бедненького сторожа до больницы и сдал его сёстрам, времени прошло немало. Определить, который теперь час, я совершенно не мог. Солнца не было видно, царил серый свет, о котором можно было сказать, что он и предрассветный, и с одинаковым правдоподобием он мог сойти за преддверие вечера, так внезапно здесь всегда наступающего. Зная дорогу на завод только так, как мне рассказал о ней сторож на островке, я теперь, проблуждав по оазису, никак не мог разыскать нужный путь. Юноши и девушки расчищали дорожки и увозили горы песка. У них я расспрашивал о дороге на завод и наконец добрался туда.

Ещё не доходя до целого ряда больших зданий, я услышал стук молотков, громкие голоса, лязг пилы и громыхание каких-то тяжёлых предметов. Войдя на широкую площадку перед самыми зданиями, я был задержан целой вереницей верблюдов, тащивших огромные двухколёсные телеги с песком и ещё с чем-то блестящим, что я принял за железные опилки, но что на самом деле оказалось стеклянным порошком.

У самого большого здания суетилось много всякого народа. Каждый был занят своим делом, никто не обращал на меня внимания, и я не знал, у кого спросить об И. Случайно я поднял глаза вверх и увидел Грегора, стоявшего высоко на узкой деревянной лестнице, у широкого окна второго этажа. Он подавал команду в глубь комнаты, держа в руках какие-то инструменты. Боясь помешать его работе, я его не окликнул, а прошёл в широкие ворота завода, думая оттуда пробраться к нему наверх. Меня остановила женщина, предупреждая, что в ночь произошли большие повреждения в стенах и крыше завода, что сейчас подымают новые куски для заделки брешей и проходить небезопасно. На мой вопрос об И., она улыбнулась и, выведя меня вновь наружу, подвела к такой же узкой лесенке, на какой я видел Грегора, ведшей к верхнему балкону. Женщина объяснила мне, что по этой лесенке, через балкон, я попаду в зал, где работает И.

То, что женщина называла балконом, было на самом деле довольно широкой галереей, опоясывавшей всё здание с этой стороны. И лесенка, по которой я поднимался, принятая мною за деревянную, оказалась стеклянной. Я влезал по ней вверх,

несколько сомневаясь, выдержит ли она мой голиафов вес, так как она имела вид изящной детали украшения, а не предмета для подъёма таких тяжёлых и громоздких тел, как моё.

Как бы то ни было, сомнениям моим суждено было кончиться очень скоро, потому что я благополучно достиг галереи. Не успел я на неё взобраться, как сразу ощутил прохладу по сравнению с жарой внизу и услышал голос И.:

— Ты бы, Лёвушка, ещё дольше собирался, — смеялся он, видя, как я опешил, что не могу отыскать его среди хаоса нагромождённых кучами стеклянных кирпичей самых разнообразных размеров. — Сюда, сюда, там ты или сам провалишься, или провалишь ещё незакреплённые куски в полу и стене, — кричал мне И. И я наконец увидел узкий проход, в конце которого стоял И. ... В одежде туземца, распоряжаясь и лично помогая нескольким рабочим в такой же одежде укладывать кирпичи в зияющие бреши пола и стены. — Одевайся скорее, вот одежда. Мне нужны точный и верный глаз и очень сильные руки, — продолжал он, снова смеясь, видя, как я превратился буквально в «Лёвушку — лови ворон».

Боже мой, до чего же И. был прекрасен! Если в первые дни знакомства я хотел возложить на его голову венок из цветов и видел в нём греческого Бога, то сейчас моя душа наполнилась благоговением и восторгом. Всё я мог себе представить. И., спасавшего людей во всяких обстоятельствах, с риском для своей собственной жизни, вплоть до чудесного спасения в ночь бури гибнущего каравана! Но И. в одежде туземного рабочего, ворочающий камни, полунагой, измазанный глиной или каким-то серым порошком... и всё же он был прекраснее всего, что можно было вообразить себе среди живых земли.

Мигом переменив своё платье на короткие панталоны и блузу, я занял указанное мне рабочее место и, под команду И. с одной стороны и команду Грегора — с другой, помогал рабочим аккуратно и точно укладывать стеклянные кирпичи.

Много времени прошло в напряжённой работе, но зато бреши в стене были заделаны полностью, а в полу оставались ещё большие дыры. От кирпичного хаоса не осталось и следа, когда раздался рожок и И. приказал всем окончить работу и отправляться приводить себя в порядок, готовясь к обеду. Весело шла работа, ещё веселее все понеслись в душ. К нам пришёл Грегор, откуда-то с крыши слез Василион, и все мы вместе закончили кое-какие мелкие и несложные штрихи в работе.

И., никогда и ничего не упускавший из вида, задержался несколько, чтобы указать Грегору, как закончить важные детали в полу, чем я воспользовался и сбегал в замеченный мною внизу душ. Мигом приведя себя в порядок, я возвратился наверх, отыскал платье И. и, подавая ему его, сказал:

— Яссы нет, Учитель, разреши мне напомнить, что пора переодеваться, звучит второй рожок.

И. Весело смеялся и уверял, что никак не ожидал, чтобы оазис матери Анны привёл меня в такую дисциплину. Грегор и Василион проводили И. в свою ванную комнату, находившуюся тут же, возле мастерской. Через самое короткое время мы шагали по саду и с ударом колокола вошли в столовую. Здесь не только не было уже никаких следов пребывания больных и раненых, но всё так блестело и сверкало, точно всё заново вымыли и покрыли блестящим лаком. Мать Анна показалась мне и

моложе, и ещё обаятельнее в своей сияющей вуали и чудесном белом платье. Пригласив нас за свой стол и указав всем нашим друзьям их прежние места за соседними столами, мать Анна заняла своё обычное место, приказала подавать кушанья и обратилась к И.:

— В твоём присутствии, Учитель, всё идёт чудодейственно. Никто из тяжело изувеченных не умер. И даже мать с двумя детьми, которых откопала собака в песке пустыни, как и сама собака, живы, хотя никто из нас не надеялся спасти их жизни. Только данная тобою капля жидкости спасла и мать, и детей, и животное. Кроме того, наиболее ценные деревья и оранжереи, укрытые по указанному тобою способу, уцелели. Нам не грозит голод. Спасибо тебе.

— Голод вам не грозит, мать Анна. И главное, караван с зерном и мукой, а также с новыми удобрениями, которые дадут вам возможность обработать орошённый вами кусок пустыни под пшеницу, благополучно достиг Общины Раданды, как я получил об этом сведения, — ответил И. — Али посылает твоему оазису и новую породу ослов, чрезвычайно выносливых, и машины, вроде нескольких соединённых плугов, которые глубоко вспашут пустыню. Караван, услыхав колокола-набаты Раданды, поспешил к его Общине и не понёс никакого урона ни в людях, ни в животных, хотя пережил тяжёлый час бури в пустыне. Едет к тебе и агроном, оказавшийся мужественным и отважным человеком. Благодаря ему, его личной помощи вся поклажа на бесновавшихся животных уцелела.

Я был потрясён. Ведь во время моего сна я живо, ясно видел белого человека, на вид ирландца, сидевшего на шее огромного животного, бесновавшегося, ревевшего, нёсшего вьюки и извергавшего пену изо рта. Белый человек гладил шею животного, стараясь передать ему своё спокойствие. Я сам бросился ему на помощь и ввёл верблюда, уже ничего не соображавшего и не видевшего ворот, охваченного ужасом. Что же это такое? И. снился точно тот же сон?

И. посмотрел на меня, улыбнулся, сверкнул своими юмористическими искорками глаз.

— В духовной мощи человека — все «чудеса», Лёвушка, и все сны *сбываются* тогда, когда мощь духа и сердца *равны*. Признать часть науки и отрицать её вывод может только невежда. Если человек пошёл по дороге знания, он не должен поддаваться суеверию или останавливаться на полпути только потому, что ему кажется «невероятным» то или иное из действий или событий, им наблюдаемых. Как сон Яссы, когда ты *видишь* спящим его тело и *не* видишь его трудящегося сознания, так и твой сон, когда ты *не* видишь своего физического тела, не *помнишь* работу сознания, — не зная *что* и *как* делало тело, спало ли оно или было дано тебе в новой, ещё тебе пока непонятной форме, — это всё только маленькие этапы к великому знанию. Есть разные пути. Одним *сначала* объясняют, *точно* указывают, и *тогда* они действуют. Другим ничего не объясняют, *как* действовать. Они духовно готовы. Лишь высшее их сознание и действия в нём *не* спускаются в их *физическую* орбиту жизни, и потому они не сохраняют в своей памяти работы сознания на высших мирах. Выведи сам следствия из всего, что я тебе сказал, вспомни *точно* свой «сон», отчего ты проснулся — и ты не будешь нуждаться в моём подробном объяснении. Не один раз ты уже *видел* помощь, *невидимую* для других. Тебе стоит припомнить

ночь бури на Чёрном море, образ Флорентийца, которого *ты* видел, но *не* видел его капитан. И по всей вероятности, многое из пережитого и виденного тобою раньше ты теперь поймёшь и воспримешь по-другому. Но сейчас кушай. Учи урок полного внешнего самообладания, хотя бы внутри бушевала буря.

Ответ моего дорогого друга и Учителя действительно поднял в моём сознании целую бурю вопросов, удивительно острых и недоумённых. Я почувствовал крайнюю необходимость получить ответ на них немедленно, с одной стороны, и тут же, сразу, как бы молниеносно сообразил, что *должен* сдать урок полного самообладания, с другой. Оба эти мои противоположные чувства — *немедленно* привести всё в ясность и *ждать*, пока настанет для этого возможность, — утонули в совершенно новом счастье: я понял, что мой сон был *не* сном, а реальностью, где я трудился с И. и Яссой. Но *как*? Как могло это быть? Я не мог взять в толк, только всем существом *знал*, что это *было действительностью*.

Всё это, как хаос в пустыне, пронеслось во мне в одно мгновение, и над всем возносилась одна задача: задача текущего «сейчас», в которое я должен выполнить урок *полного* самообладания. Мысленно сложив к ногам И. своё огромное благоговение, я сделал усилие, собрал внимание и начал жить жизнью окружавших меня людей. Лица туземцев в огромном большинстве носили следы тяжёлого утомления. Многие были ранены, с перевязанными руками и ногами. Кое у кого повязки были на головах и глазах. Как я узнал потом, несколько человек были очень тяжело ранены бесившимися животными, которых удавалось вводить из пустыни под крышу только благодаря листьям И. Обезумевшие верблюды и несколько слонов не слушали даже самых опытных вожаков.

Из присутствовавших в зале, сегодня гораздо менее многочисленных, чем обычно, весьма немногие были склонны к разговорам. Царила тишина, почти равная тишине трапезной Раданды. Лица были сосредоточенны, решительны и мужественны, но суровости в них не было. Я так же, как и в первый раз, ощущал льющиеся вокруг доброжелательство и удовлетворённость как две главные волны эманаций присутствовавших людей. Ничего похожего на протест или возмущение пронёсшейся бурей, принёсшей столько скорбных событий оазису, здесь не было. Точно каждый из присутствовавших был мудрецом и вливал мудрость и культуру сердца в общий чан любви.

Неожиданно для меня встал И., и его чудесный бодрящий голос полился, точно свежая струя. Никогда ещё не ощущал я так сильно прилива бодрости и радости от этого голоса.

— Я обещал вам, мои друзья и дети, переговорить с вами о задачах вашей жизни среди современного вам человечества. Это обещание я дал вам накануне той ночи, когда разразилась буря. Я призывал вас к мужеству и сохранению полного самообладания. Что значит полное самообладание в страшные минуты? Это значит сохранение полной трудоспособности организма. Это значит иметь такую силу верности, чтобы тушить волнение трудящегося рядом и даже вливать ему мир и уверенность. Сохранили ли вы силу самообладания в эту ужасную ночь? Были ли вы до конца мужественны и преданы вашему общему делу, тому строительству и утверждению жизни, к которым готовила, воспитывала и звала вас мать Анна? Ответили ли вы

героическим напряжением всех ваших сил в наступивший момент испытания, когда надо было действовать, а не колебаться?

И. сделал маленькую паузу. Сам он походил на Божью грозу по той силе и сиянию, что заливали волнами, шедшими от него, весь зал. А люди, слушавшие его стоя, с благоговейно сложенными руками, глядели в его лицо, точно глаза их были прикованы к этой силе. Они как бы окаменели, ожидая его решающего слова об их поведении. У меня мелькнула мысль, что так, вероятно, должны ждать люди решения своей участи в последний час вечного суда.

— О да, вы выполнили задачу вашего текущего страшного мгновения. Решающий час борьбы вы перелили в час Творящей Жизни. Вы защитили оазис, вы утвердили Жизнь.

Как тих, как нежен был голос И. в этих последних словах. Если бы не та мёртвая тишина, в которой он раздавался, пожалуй, трудно было бы его услышать.

И вдруг, точно ворвавшийся стон бури пролетел по зале, так мощно вырвались благословения из груди многочисленных слушателей. Боже, как изменились лица людей! Такие за минуту до того напряжённые, они сияли сейчас счастьем и радостью, какие я наблюдал только у безмятежно счастливых людей.

— Всё, что *могло* в эту ночь ответить задаче текущей минуты, всё было мужественно, боролось любя, победило любя и достигло утверждения Жизни на земле. Моими устами всё Светлое Братство шлёт вам свой поклон и привет благодарной радости. Вы разделили его труд и пронесли на землю, выполнили на ней Его задачу. Будьте благословенны! Проявленными мужеством и отвагой вы слились с огромным количеством невидимых помощников, которые могут теперь ближе и легче помогать вашим трудам, так как в эту ночь, бесстрашные, вы стёрли грани условностей между собою и ими. В каждое воплощение каждый духовно развитой человек несёт в себе ту или иную задачу, а иногда и несколько, смотря по тому, сколько талантов ожило в его костре сил и какие из них перешли в творческие аспекты Единого. Первая, наиважнейшая грань условности, мешающая развиваться талантам человека, — *страх*. Вы не только его победили, вы *раскрыли* мужество и отвагу как действия, где вы забыли о себе и думали только о родине. Благо вам! Переступив эту первую грань, вы должны идти дальше. Вы знаете, что Жизнь есть Вечное Движение, в котором никто и ничто не может остановиться. Люди, *достигшие* бесстрашия, уже не могут жить в одной узкой полосе пути, пути личного созревания и совершенствования. Они, как маяки, должны быть привлекающим огнём в единении людей. Ваш час настал. Многие из вас оставят свой любимый оазис, где они думали провести всю жизнь и лечь рядом с отцами и дедами в песок пустыни, под шелест могучих пальм. Вам — тем из вас, в ком *созрело* мужество, — настал час покинуть *этот* кусок земли. Кто *готов* героически отречься от тишины и красот природы, от радостей простой и чистой жизни в любимом поэтическом *месте* земли, кто *может* жить во *всей вселенной*, видеть в ней *не* места и людей, но *пути вселенной* к Единому и *его* труду, — те уедут отсюда со мною. Уедут прежде всего в Общину Раданды, о которой они слыхали. Там увидят иную моду условного приспособления к внешнему общению с людьми. Со мною же они уедут в оазис Дартана, где будут наблюдать ещё одну моду внешней и фазу внутренней жизни людей, и тогда уже

отправятся в Америку, к Великому Учителю Флорентийцу. Там, усвоив внешнюю культуру передового народа, они внесут в неё весь огонь своей верности, всю глубину чести, благородства и честности, всю высоту духовных знаний и освобождённость в единении с людьми, в которых вы закалились здесь, под руководством матери Анны. Я счастлив, что среди всех собравшихся здесь людей не нашлось ни одного сердца, которое страдало бы от мысли, что надо покинуть всё родное и привычное и отправляться на край света вносить свои действия любви и мира на благо людей. Готовьтесь же, друзья мои, к далёкому путешествию. Одним из вас суждено больше не вернуться сюда, иные возвратятся седыми стариками, но с сердцами такими же юными и чистыми, с какими покинут родину. Они принесут сюда ту повышенную внешнюю культуру, которую усвоят в дальних странах, чем придадут ещё большее значение в мировом движении человечества своему оазису. Вашему небольшому безвестному островку, затерянному среди зыбучих островков пустыни, суждено играть роль духовной лаборатории в переживаемый вами момент эволюции мира. Вашим потомкам суждено быть первыми пионерами новой расы, высоко одарённой психическими силами, которую готовит Жизнь на смену сходящей с исторической сцены, ныне ещё цветущей расы. Мужайтесь же. Творите в любви и радости ваш день и не отходите от единения со всеми невидимыми помощниками, труд с которыми для вас отныне будет так же ясен и лёгок, как и труд с живыми земли. Небо и земля для вас — *едины*. Вечером мы ещё раз поговорим с вами, а завтра в ночь уедем в Общину Раданды. Буря к тому времени окончательно уляжется. Сегодня идите заканчивать приводить оазис в полный порядок, чтобы к моменту отъезда уезжающие оставили его таким же великолепным и в таком же порядке, как он был до бури.

Радости присутствовавших я описать не берусь. Все повскакали с мест, обнимали друг друга, прыгали, смеялись, точно отмечали день великого праздника. Зал быстро опустел, остались только наши друзья, лица которых выдавали их внутреннее волнение.

— Благослови нас, дорогая мать Анна, на продолжение труда, — обратился И. к матери Анне.

Лицо матери Анны сейчас поразило меня.

Я подумал, что до этой минуты вовсе и не понимал, кто такая мать Анна. Не живое её лицо, которое быстро обернулось ко мне, когда я крикнул «Анна!», я видел сейчас перед собой. Это — как мгновениями у Раданды — был древний лик слоновой кости, с иконы незапамятных времён. Что-то столь мужественное вышло на поверхность этого лица, что заслонило собой и доброту, и женственность, и обычную ласковость этой женщины настолько, что можно было принять эту голову за голову мужчины.

— Бог благословит, Великий Учитель. Ты ведь хочешь не только окончить чинить завод, но и познакомить твоих близких друзей-учеников со старейшинами моего оазиса и их лабораторией, — тихо ответила мать Анна, и даже голос её показался мне несколькими нотами ниже обычного, точно отзвук какого-то неземного колокола был ему фоном.

— Ты угадала, мать Анна, сегодня в первый раз за всё время уединения в твоём оазисе Владыки его должны войти в общение с белыми людьми, присланными к ним Светлым Братством. Как ты знаешь, таких свиданий, хранимым тобою Владыкам, предстоит семь, и только тогда они и ты освободитесь от труда земли. Я обещал тебе сказать об Анне. Сегодня, в начале ночи, я скажу тебе о ней. Сейчас же прибавлю только одно: не жди себе смены в ней. Её верность поколебалась, а ты сама знаешь, что хотя бы раз усомнившийся, хотя бы раз отдавшийся *личным* чувствам и *их* владычеству над собой после того, как был призван к служению Эволюции Вечного, не может быть тебе преемником... Сейчас мы уйдём работать. На заводе дела, самого необходимого, где нужно моё руководство, не более чем часа на три. Благоволи зайти за нами к этому времени и проводить нас к Владыкам. Я возьму всех своих учеников с собою.

— По воле твоей, Учитель, быть, — снова тихо ответила мать Анна, и снова в моих ушах точно прогудел какой-то колокол вселенной.

Глубоко погружённый всем вниманием в речь И. и его разговор с матерью Анной, я только теперь, когда мы вышли из круглого зала и молча шли все вместе за И. на завод, имел возможность посмотреть пристально на моих дорогих друзей, которых я только мельком видел в ночь бури.

Как все они изменились! Я не сказал бы, что кто-нибудь из них постарел за одну эту ночь. Но на лице каждого появилась новая решительность и зрелость, как будто бы ночь бури вырвала из их сердец полное бесстрашие и утвердила их в нём. Я читал в них новое понимание *слитности* данного «сейчас» со всей Вечностью и *неотделимость каждой* текущей минуты от Жизни всей вселенной.

Лица моих друзей и всегда, сколько я их знал, были мужественны. Но теперь я наблюдал на них как бы отражение некоторой части силы лица И. Как будто только сегодня они, через свой бесстрашный труд ночи, *смогли слиться* с ним гораздо теснее.

Вскоре мы были на заводе и погрузились в горячую работу, причём не только нам, но и Наталье Владимировне И. нашёл подходящий и полезный труд. Сам же он, хотя и не переодевался в рабочий костюм, но руководил всем, и голос его раздавался в самых неожиданных местах, всюду выправляя малейшие заминки и рассеивая недоумение.

Я работал рядом с Бронским и Игоро. Все мы под команду Грегора и самого И. усердно и очень аккуратно укладывали подносимые нам кирпичи. Работа была тяжёлая, так как приходилось поднимать и прилаживать кирпичи огромной величины и веса, и меня то и дело отрывали во все стороны, где была нужна особенно большая физическая сила. Я был счастлив оказывать всем помощь и не скрою, что довольно гордился своей репутацией «силача». Для меня самого это свойство было так ново, что я, спеша куда-либо на помощь, всё ещё сам опасался, не убежала ли моя голиафова силушка.

Пот лил со всех нас градом, времени мы не замечали, нам казалось, что прошло едва полчаса, поэтому мы обомлели, когда раздался голос И.:

— Ну, терпеливые мои работники, теперь всё ответственное сделано. Остальное сделают и без вас. Важно было сохранить машинное отделение так, чтобы ничто не нарушило хода машин. Скоро придёт за нами мать Анна.

Когда груды стеклянных кирпичей легли на должные места и туземцы, всё время убиравшие мусор в зале, почти очистили помещение, я увидел несколько огромных ящиков, привязанных канатами к кольцам в полу. Я понял, что это были какие-то ценные машины, укрытые Грегором и Василионом во время бури от песка и ветра. Канаты, державшие ящики, проходили через пол в нижний этаж и там тоже крепились к кольцам в полу.

Как ни быстро мы приводили себя в порядок, всё же мы пришли позже матери Анны, которая сидела между И. и Натальей Владимировной и разговаривала о чём-то с горячо спорившей, как мне показалось, Андреевой. Я услышал только последние слова матери Анны:

— Ещё долго будет вам труден путь земли и работа на ней, мой друг, потому, что земля, в каком бы месте её вы ни жили, требует развития всех приспособлений человека, если он идёт по ней носителем духовных откровений. Нельзя иметь в сердце Божественную доброту и — при ней — не развить до такого же масштаба в себе приспособления такта. Нельзя владеть огненной силой духа и не развить в себе приспособлений для полного понимания сил и характера встречного, чтобы всегда *знать точно*, до какого предела вы можете и должны вовлечь его в свой огонь силы. Нельзя прикасаться к жерновам мельницы Бога иначе, как пронося в перемолотом виде все дары Истины людям. Если подать не понимающему самое заветное Сокровище, он может умереть от неумелого обращения с Ним, не принеся пользы ни своему окружению, ни себе. И даже в развоплощении он может пострадать, так как поймёт, оставив тело, *чем* владел, и от раскаяния и сожалений задержится в мире страстей гораздо дольше, чем сделал бы это, даже ничего не зная. Приспособления бдительности внимания не имеют ничего общего с трусливой возможностью, как вы поняли вначале мои слова. Но я думаю, что знакомство со старейшинами моего оазиса даст вам больше, чем кому-либо другому. И вы на деле поймёте весь вред, приносимый людям земли и созданиям надземных миров отсутствием полного самообладания в человеке, одарённом развитыми психическими силами, если Жизнь посылает его Своим гонцом.

— Готовьтесь, друзья мои, — обратилась мать Анна ко всем нам, — к одной из величайших встреч вашей жизни. Те, кого вы увидите, сошли с иной планеты на Землю в незапамятные времена по счёту и понятиям Земли. Вам не дано пока знать об их жизни. Всё, что я могу сказать вам о них, — что они вместе со мною были вывезены Радандой из тайной Общины, где их укрыл спасший их Али, тогда ещё юный мальчик, по приказанию своего Учителя. Старейшины, или, как их называет Учитель И., Владыки оазиса, кончают здесь свои обязательства Земле. Вы слышали, что сегодня состоится их первое свидание с белыми пришельцами. Вы начинаете ряд их свиданий, которых всего должно состояться семь, и тогда они освободятся от обязательств перед Землёй, и я вместе с ними. Я — тот гонец, которого выбрала Жизнь возвестить Владыкам ваш приход — начало их освобождения. Вы — те гонцы, что выбрал Учитель И., чтобы передать в широкий мир результаты их трудов первого

кольца. Учитель И. — тот гонец, кого избрало всё Светлое Братство, все Великие Сущности, для проведения новых задач культуры духа, сердца и материи в серый день, в земную атмосферу условностей времени и места. В Учителе И. развиты все его приспособления, ибо все аспекты Единого *ожили* в нём; поэтому для этой великой миссии он и избран Светлым Братством. И один-*единственный* закон держит всех нас в высокие и мелкие моменты труда и действий: *закон верности*. Ныне, в этот важнейший момент, соберите ваши силы духа, мысленно вознеситесь и прильните ко всему самому высокому, что знаете, и, утвердясь в верности, помните: нет чудес, есть та или иная ступень знания. Вы не в мир сказок и чудес войдёте, но в мир величайшей реальности. Чтите Вечность, *протекающую* в этот миг.

Мать Анна сошла вниз и пошла рядом с И. к зелёной стене оазиса. Стена отстояла довольно далеко от завода, шли мы быстро не менее двадцати минут. Странно было здесь видеть игру проходивших ночью ураганов, оставивших неприкосновенным довольно большой кусок стены. Рядом было всё исковеркано и изломано, а на большом протяжении даже цветы на высоченных деревьях цвели, и их гроздья показались мне среди общего разорения ещё роскошнее и ярче.

Я не мог понять, куда же ведёт нас мать Анна. Мы подходили уже к самой стене, и дальше идти было некуда. Как вдруг я увидел, что И. открыл перед нею нечто вроде калитки, точно так же плотно и незаметно вделанной, как ворота оазиса, в самую гущу кривых стволов стены. Калитка вела в нечто похожее на каменный грот, что на самом деле оказалось туннелем из такого же стекла, из какого был сделан маяк.

Когда мы вышли из туннеля, то попали во внутренний дворик, совершенно очаровательный по цветущим роскошным цветам и царившему в нём порядку. Я видел только на гравюрах испанские патио, но мгновенно ощутил во всём окружавшем меня какие-то черты древне-мавританского стиля и культуры. Всё здесь было не от современности, даже учитывая, что вообще мы были за тридевять земель от цивилизации Европы. Посредине бил фонтан, чистый и высокий, и вода тихо журчала в водоёме. Зелёная стена была здесь двойная, а весь дворик был обнесён ещё высокой стеной, сплошь утопавшей во вьющихся цветущих растениях с цветами самой сказочной формы и красоты.

Мне так и думалось, что я в мире грёз, несмотря на предупреждение матери Анны. Очевидно, И. побоялся, что я возвращусь к старому доброму другу «Лёвушке — лови ворон», взял меня под руку, возвращая к действительности. Я вошёл в полное внимание.

Теперь мать Анна, не менее похожая на видение из сказки в своей сияющей вуали, шла одна впереди всех и, подойдя к узкой, едва заметной чёрной резной двери, постучала в неё три раза молотком. Дверь немедленно отворилась, точно нас ждали. Мы прошли светлую, тоже всю в цветах галерею и очутились в просторном вымощенном дворе.

Здесь было несколько зданий, выстроенных так своеобразно из какого-то непонятного камня, что, если бы не рука И., я обязательно «словиворонил» бы снова.

Главное здание, самое большое, было круглое, со стеклянной крышей, сверкавшей даже сейчас, в тусклом свете. Надо было себе представить её нестерпимое сверкание при солнечных лучах пустыни.

Стены этого здания были белые с тремя широкими чёрными полосами вверху и четырьмя такими же внизу. Окон совсем не было. По чёрным полосам шёл золотой орнамент, но, быть может, то были непонятные мне надписи.

В отдельных местах двора стояли семь небольших, но высоченных домов, совсем тёмных, почти чёрных, однако из чего они были сделаны я понять не мог. В них были резные двери такой художественной работы, что они могли бы занять почётное место в любом музее.

Пока я собирался рассмотреть получше ближайший домик, двери всех семи открылись сразу, и из них вышли семь фигур. Бог мой! Я уже видел поразительный рост людей. Я видел необычайную высоту Флорентийца. Видел высоченного Али, потрясавшего своей высотой, но те, кого я увидел сейчас, только и могли быть великанами из сказки.

И. остановился, остановилась возле него мать Анна, остановились и все мы. Фигуры, одетые так же, как была одета в момент нашего приезда мать Анна, с высокими посохами в руках, сошлись все у круглого здания, выстроились в ряд и молча поклонились нам.

— Добро пожаловать, — сказал на языке пали человек, стоявший в середине, на груди которого висела на цепи пятиконечная сверкающая звезда. — На каком языке можно говорить с твоими учениками, Учитель, чтобы все они понимали нашу речь? — продолжал он, обращаясь к И.

— Некоторые из моих учеников знают язык, на котором ты говоришь сейчас, Владыка. Но если ты желаешь быть понятым абсолютно всеми, то благоволи избрать один из современных европейских языков, — отвечал И.

— Хорош ли будет английский? — переходя на этот язык, ставший, кстати сказать, нашим обиходным, снова спросил Владыка.

— Этот язык хорошо знают все мои ученики. Если благоволишь объясняться на нём, затруднений не будет.

Взяв за руку Наталью Владимировну, И. подвёл её к старшему Владыке и сказал:

— Этот ученик хорошо знаком тебе по иным местам и в иных телах. Сегодня Али посылает его к твоей мудрости и просит тебя обучить его в твоей лаборатории всем оккультным знаниям, о которых он говорил с тобою и которые Светлое Братство нашло необходимым и своевременным вынести в широкий мир... Этот брат, — подводя к нему Ольденкотта, продолжал И., — будет верным спутником первого, земным его помощником в делах и воспитателем его детства. Оба они пройдут новое кольцо жизни в полном целомудрии. Ему дана сила лечить людей, помоги ему своими знаниями и дай те камни, что суждено передать Земле и открыть их на ней как новые вещества в химии. Так судило Светлое Братство... Это — Грегор. О нём я тебе уже говорил. Передай ему новые краски и помоги закрепить их на своих картинах, с тем чтобы вынести их тайну в мир для широкого пользования. Помоги ему в твоей лаборатории постичь жизненность изображения и новую обработку холста под масло, чтобы сделать и их достоянием масс, а не индивидуальным достижени-

ем. Он должен создать новую эпоху в искусстве... Это — брат его, Василион. Всё, что ты ему передал относительно стекла и фарфора через мать Анну, он уже выполнил. Через него Светлое Братство просит тебя вынести в мир все новые способы обработки, создания цвета и формы стекла и фарфора, а также новой эмали, открытых тобою.

Старший Владыка взял за руку Василиона и поставил его перед своим соседом справа, а Грегора — перед своим соседом слева. Андрееву он оставил перед собой, а Ольденкотта отвёл к самому крайнему Владыке слева от себя.

— Четыре устроены, — улыбнувшись, сказал он И. И от этой улыбки точно сверкнул луч солнца. — Ещё трое. Что через них?

— Это два носителя печали в прошлом, — взяв Бронского и Игоро за руки, сказал И. — Эти тоже идут вместе. Ныне Светлое Братство ввело их в кольцо носителей радости. Через них должна влиться в мир новая сила воздействия красотой в протекающем во времени искусстве. В твоей лаборатории открой им все тайны творчества Вечности, чтобы могли сразу *проникать* в новые узлы нервной системы людей, действуя *сознательно* на огонь толпы слушателей и, видя *ясно*, как и что *привлекает* человека в их искусстве. В твоей лаборатории открой им путь к исцелению безумных людей путём звука и слова.

Владыка отвёл Бронского и Игоро к двум своим товарищам справа. Седьмым из учеников оставался только я, и только один из Владык, средний с левой стороны, ещё не имел ученика.

— Этого ученика посылает тебе, Владыка, Флорентиец. Он просит тебя вспомнить, как неоднократно в течение нескольких жизней на Земле ты передавал свои щедрые знания оккультных миров нескольким писателям и как все они использовали эти знания на личные свои цели, чем навлекли на тебя и твоих сотрудников толпы мелких тёмных сил, создававших даже вокруг тебя самого большущее войско со стойкими крепостями. Твои многократные усилия и помощь самого Флорентийца освободили тебя от жуткой связи с тёмными силами. Но сведения, которым Жизнь судила проникнуть в мир людей в поэтической и литературной форме, остались не вынесенными в толпу. Этот мальчик, на которого ты смотришь сейчас такими печальными глазами, точно читаешь его будущую судьбу среди людей, всегда отрицающих тех великих пионеров, что разрушают их устойчиво сохраняющие быт условности, обладает достаточной силой духа, чтобы не потерять своей радостности и не впасть в уныние. Он также несёт в себе непоколебимую верность, за которую тебе ручается Флорентиец. Вторым ему поручителем прими меня. Вскрой ему все внутренние пути познания духовного творчества надземных миров и проводи его по всем планам, чтобы понял на опыте *всю слитность* творящих земли и неба. Его ближайшая подготовительная задача: сорвать с сознания людей всё закрепощение в условной религии, в условностях позволенного и непозволенного в ней. Путём могучего дара писателя он должен помочь человеку *утвердиться* в жизни земли *на собственном стержне* чести и бесстрашия. Другие твои сотрудники передадут остальным ученикам всё для той же цели раскрепощения человека свои великие знания. И так начнётся и создастся первое кольцо передачи части ваших знаний и трудов Земле. Светлое Братство хранило вас, всех семерых Владык, как ему было

указано свыше. По сознательной или бессознательной вине, но при активном участии всех семи Владык пострадала в конечном счёте раса Атлантиды. Ныне наступил новый период подготовления к созданию следующей расы. Всем вам назначен огромный круг из семи свиданий с выдающимися людьми Земли, которые будут выносить накопленные вами знания в мир по частям, как найдёт своевременным Светлое Братство. В это первое свидание оно просит вас передать моим ученикам всё то, о чём вам сказано вчера. Как только эта ваша задача будет выполнена, одна из чёрных полос на вашей лаборатории, которые не вами были проложены, но появились, как только вы приступили к занятиям в ней, исчезнет. И это будет значить, что задача ваша выполнена в совершенстве и последний круг вашего освобождения — он же круг вашего последнего служения Земле — начат. Ваше непослушание в далёкие времена было началом гибели цветущего государства и одной из одарённейших психически рас. Теперь настало ваше время помогать созиданию новой, освобождённой расы, с не менее сильно развитыми психическими свойствами. Примите привет Светлого Братства и его поздравления и радость о новом вашем — Владык мощи — включении в мировой труд созидания новой расы и её утверждения на Земле.

Он поклонился самому высокому Владыке, и все семеро ответили ему глубоким поклоном.

— Я сам займусь с твоим учеником, писателем и будущим проповедником освобождения, — ответил Главный Владыка, беря меня за руку и ставя перед собой рядом с Андреевой. — Но, пока я буду занят со своим старинным и буйным приятелем, — указывая на Наталью Владимировну, продолжал он, — писатель будет учиться с знаменитейшим писателем древности, которому давно уже открыты творческие пути многих миров. — И он подвёл меня к единственному остававшемуся свободным из семи Владык.

Как только мы все были распределены среди наших новых Учителей, старший Владыка ещё раз поклонился И., приглашая его и мать Анну войти вместе с нами в лабораторию, но И. ответил:

— Как у вас есть своя мировая задача и в эту минуту вы служите проводниками Жизни, чтобы зарядить новые приёмники для Неё, так и у меня есть задача, полученная от Светлого Братства, не терпящая промедления. Рядом с вами,
служа вам проводом для всего, что Светлое Братство поручало ей передать вам, а также через вас этому месту Земли и его населению, равно как и дальним Общинам пустыни, идёт мать Анна. Путь её, хотя и тесно связанный с вами, всё же не ваш путь. К ней Светлое Братство направляет меня сегодня. Оставив вам семь моих учеников, я возвращусь с нею на островок, чтобы передать ей её задачи ближайших и дальнейших дней. Будьте благословенны, Учащие и Учащиеся! Да сойдут мир и усердие в ваш взаимный труд. Перед лицом Живого Бога совершается эта значительнейшая минута в жизни каждого из вас, и начинается величайшая минута новой мировой задачи всего Светлого Братства.

Простившись общим поклоном, И. и мать Анна исчезли в цветущей галерее, и тихий звук закрывшейся вскоре за ними узкой двери сказал нам, что они теперь отделены от нас недоступными для нашей власти препятствиями.

Молчание и неподвижность, точно Владыки стали статуями, длилось довольно долго в этом внутреннем дворе. Тишина, мёртвая тишина пустыни — вот что я *услышал* в первый раз в жизни. Во всю мою жизнь дальше я уже никогда не слышал подобной тишины, хотя много бывал в одиночестве, в самых тихих и пустынных местах.

Владыки всё так же стояли, как статуи. Я ещё ничего не сказал об их внешности, кроме их роста. Цвет их кожи был медно-красный, но очень приятный, матовый, похожий скорее на кость, обработанную в этом цвете, чем на кожу живого человека. Волосы были у некоторых чёрные, у других тёмно-рыжие и у всех спадали до плеч красивыми волнами.

Лица?.. Но их и назвать-то лицами было невозможно. Это были огромные лики, изображавшие собою Древнюю Мудрость. Это были символы, но никак уже не люди. И если, как сказала мать Анна, они пришли на Землю с другой планеты, то ничего не было удивительного, что на Земле они и казались мне символами Вечности.

Боже, как много вопросов снова пронеслось бурей через мою голову. Как хотел я знать об их жизни и делах, но все эти мысли прервал старший Владыка, сказав своим тихим, но таким чётким, какой невозможен на Земле, точно стеклянным голосом:

— Войдёмте в дом знания, пришельцы. Вы — первые люди за долгое время, которых приказано впустить в лабораторию стихий. Неожиданного в ней для всех вас будет много. Но, входя туда, помните одно: *нет религии выше Истины*. Истина одна, путей Её бездна. И вы войдёте в дом знаний, чтобы людям легче было понять, как сбросить с себя владычество вековых условностей и дать возможность Творящему Началу в себе подняться на поверхность. Ни одного обета никто из нас не спрашивает с вас, ибо входите сюда не для того, чтобы молчать, но для того, чтобы говорить людям о новых, входящих в действие массы людей *началах жизни*. Если вас сюда привели, значит, вы готовы. Только бесстрашный и чистый сердцем *может* переступить порог лаборатории стихий. Лжец и лицемер умрёт, сожжённый на пороге огнём стихий. Вам суждено передать людям новые знания, говорить и писать о них.

Но *говорить* на *нашем* языке значит *вносить силу*, *утверждать в действии* то, что дерзнул сказать. *Каждое* слово должно *раскрывать* слушающему его *путь к действию* в новом знании. Говоря, оценивайте не только самое знание как таковое, но *ищите новых начал в себе* — пробуждённых аспектов Единого, которые *все* раскроются в вас, когда войдёте в дом знания. Оценивайте теперь по-новому слово, и только такие просветлённо понятные слова ваши взойдут как семена, а не плевелы. По жатве понимайте силу и чистоту собственного посева. Ибо для путей Бога — препятствий нет.

Каждый из Владык взял своего ученика за руку, и двинулись мы за Владыкой-Главой к дверям лаборатории не так, как стояли, а по той очереди, как И. передавал нас. Поэтому я очутился вновь седьмым и шёл со своим Учителем последним.

Глава 26

Лаборатории стихий. Лучи путей человеческих. Их возглавляющие Великие Учителя. Светлые сонмы невидимых помощников. Их труд для человечества земли. Неожиданное видение в седьмом луче

Место, где выстроились в ряд Владыки, оказалось дверями лаборатории. Самые двери её были, очевидно, или ловко пригнаны к стенам, или открывались особым образом, потому что, хотя они и были высоченными, соответственно росту своих властелинов, но я заметил их только тогда, когда они широко открылись. Открылись они сразу, вызвав треск, точно много мелких электрических батарей разрядилось одновременно. И — что ещё более странно — вокруг всего отверстия, которое образовывали эти двери-ворота, засверкала узкая полоса сине-красного огня, создавая овальную раму.

Я вспомнил слова Владыки-Главы, что лжеца и лицемера на пороге дома знаний сожжёт огонь стихий.

Все Владыки шли с левой стороны, правой рукой держа ученика за руку. Так как я был выше всех своих друзей, то, хотя шёл последним, видел отлично всю внутренность здания. Оно было ярко освещено и вмещало в себе второе круглое здание, сплошь белое, как бы мраморное, с единственной лестницей, довольно узкой, с огромными и крутыми ступенями. Лестница насчитывала семь этажей, кончаясь в каждом этаже балконом и снова подымаясь вверх. Лестницы все были прямые, а балконы опоясывали всё здание. Окон и в этом здании также не было.

Хотя мой новый Владыка-Учитель был не из самых огромных, но я приходился ему едва выше пояса и, держась за его руку, чувствовал себя совершенным ребёнком. Он немедленно прочёл мою мысль и молниеносно ответил мне на неё улыбкой, слегка пожав мою руку. Так много теплоты и дружелюбия было в его улыбке и пожатии, что я перестал чувствовать всякую неловкость первых минут знакомства и в моём сердце сразу всё встало на своё место. Единственное, во что я весь погрузился, — в понимание великой задачи, перед которой я стоял. Я молил Великую Мать и Флорентийца поддержать меня в эту величайшую минуту жизни, чтобы суметь вынести во всей чистоте сердца новые знания для моих братьев-людей.

Ещё одно нежное пожатие моего Учителя-великана дало мне понять, что он снова прочёл меня насквозь, и помогло моей сосредоточенности ещё более углубиться.

Владыка-Глава, подняв руки вверх, произнёс какие-то слова на совершенно неизвестном мне языке. Он держал руки поднятыми до тех пор, пока огонь рамы не сконцентрировался в большой шар в самом верху дверей, а затем сложился там же в чудесную пятиконечную звезду, сверкавшую такими невообразимо чудесными красками, каких мой глаз не мог себе представить существующими на земле.

Все Владыки стали на колени и запели гимн. Не могу сказать, что именно так подействовало на меня в эти минуты. Сияние ли необычайной звезды или потрясающая гамма звуков, стеклянно-прозрачных, неземных, далеко не человеческих голосов, или же сам гимн, музыка которого не имела ничего общего со всем мною слышанным до сих пор на Земле, но я пал на колени и ещё раз пережил то состояние блаженного небытия, в котором я очнулся в часовне Великой Матери. Я точно видел сразу всем сознанием, видел всё насквозь, видел через толщу грозной двойной башни стихий всю пустыню, всю землю, всё небо, — и всё было населено живыми существами, посылавшими нам свои благословения, мир и помощь.

Я увидел Флорентийца, благословлявшего меня широким крестом, я услышал его голос:

— Прижми к сердцу мой чёрный камень. Если сердце твоё чисто, всё зло, совершённое людьми, им неправедно владевшими, закончит своё существование. Его сожгут огни стихий, а самым злым будет легче проходить свои страшные ступени искупления, если сердце твоё подберёт их слезу, а уста произнесут за них мольбу. Мужайся, сын мой, входи в бесстрашии и благоговении. И то, что вынесешь отсюда, перестанет быть тайной, только как твои знания и действия. Но самый факт, *где* взял ты свои знания, *кто* посвятил тебя в них, ты должен хранить в *полной* тайне до тех пор, пока не укажу тебе открыть её людям.

Владыки кончили свой гимн, встали с колен, и звезда снова слилась в шар, а шар разлился огненной рамой по всей двери. Как только вся рама засветилась, Владыка-Глава, держа за руку Андрееву, переступил порог, а вслед за ним вошёл в здание Ольденкотт со своим Владыкой. Хотя Владыки были худы, но так громоздки, что только двое могли одновременно подниматься по относительно узкой лесенке друг за другом.

Владыка-Глава, поднявшись на первый балкон-галерею, сейчас же открыл дверь первого этажа и скрылся в ней с Андреевой. Второй Владыка дошёл до второй лесенки и скрылся с Ольденкоттом во втором этаже башни. Так постепенно все Владыки вводили своих учеников в свои этажи дома знаний. Последними поднимались Бронский и я.

По мере того как мы поднимались всё выше, зрение моё всё больше меркло, и, когда мой Владыка подвёл меня к своей двери, я видел уже только своими обычными физическими глазами. Дивное состояние полного зрения насквозь, когда я видел не один крошечный кусочек места Земли и света в ней, но всю вселенную и понимал, что живу в Свете Жизни, теперь исчезнувшее, оставило во мне впечатление, точно я стал совершенно слепым. В первый момент это ощущение слепоты показалось мне печальным, но тут же я вспомнил слова И., который был уверен в моей устойчивой радостности, и я улыбнулся моему новому Учителю, который всё продолжал держать меня за руку. Он обратил моё внимание на то, что над нами возвышался ещё один балкон и лесенка вела в самую высь купола, который так нестерпимо сверкал снаружи, даже в том сумеречном свете, что оставила после себя буря.

Когда я поглядел на крышу изнутри, она показалась мне не только не сверкающей, но даже матовой и непрозрачной. Но решить, в действительности ли она такова или это результат моего ничтожного зрения, я не мог. Целый ряд вопросов замель-

кал в моей голове: что представляет из себя восьмой этаж? Не маяк ли здесь, вроде того, на каком я провёл ночь бури с И. и матерью Анной? Или там какие-нибудь мастерские? Или общий зал отдыха Владык?

Мой Владыка улыбнулся всем моим мелькавшим мыслям, как улыбаются детям. Я уже перестал поражаться его разговору, в котором он не нуждался в таких приспособлениях, как слова, и почтительно выслушал его ответ:

— Наверху обсерватория. О ней позже. Войдём в мой зал. Сохраняй полное спокойствие. Ты входишь в мир новых идей. Эта комната для тебя — самый священный храм, в каком ты мог быть на земле, в своём физическом теле.

Он открыл — я не заметил как — дверь, она отодвинулась бесшумно в сторону, и мы вошли в большую круглую, залитую ярким светом, как солнце пустыни, комнату. В первое мгновение, быть может, от чрезвычайной яркости освещения, которое несколько ослепило меня, комната показалась мне как бы пустою. Только привыкнув к освещению, собранному под самым потолком в несколько светящихся шаров, на которые просто глазами и смотреть было нельзя, я заметил, что в комнате много узких больших столов, чрезвычайно высоких по моему росту и необыкновенно низких по росту моего Владыки.

Я мог хорошо видеть всё, что было на столах, так как они приходились мне ровно по плечи. Но если бы я захотел работать за таким столом, пришлось бы мне карабкаться на какие-либо подставки.

Осмотревшись, я увидел, что весь зал заполнен не только столами и круглыми табуретами к ним, но по стенам, выложенным плитами из какого-то металла, блестевшего, как золото, висит очень высоко множество стеклянных шкафчиков самого разнообразного размера и формы. В них стояли и лежали всевозможные пробирки, инструменты, пузырьки и ещё много предметов, каких я никогда не видал и даже не знал слов для их наименования.

Каждый шкаф, каждый стол и столик, каждая полка с книгами, которых тут тоже было немало и размеры которых говорили, что они только и могли служить людям роста и сил Владыки, — всё носило надписи столь необычайного письма, что я вздохнул и окончательно присмирел. Если меня подавляла разнообразием своих языков комната Али, то что же сказать об этой комнате? Здесь и жизни не могло хватить, чтобы только запомнить, где лежат предметы и книги в этом храме науки, где — на мой рост — в одной комнате была, по крайней мере, трёхэтажная высота. Мне было досадно, что из такого высокого пункта, как седьмой этаж лаборатории, который превышал маяк, я не могу увидеть пустыни и узнать, что делается во внешнем мире. Владыка улыбнулся, провёл рукой по моей голове и глазам, коснулся моего лба между глаз, моей шеи у самой груди — и я вдруг увидел не то что сквозь стены, а точно стен и вовсе не было. Вся пустыня, ещё взъерошенная, но уже тихая, без воя ветра и пыли, лежала передо мной. Мне не надо было поворачивать головы назад или в стороны, я видел не только глазами, но всем сознанием. И не одну голую пустыню видел я. Я ощущал в ней, за ней и под нею Жизнь. Я видел, что всё — Свет. И Свет лился не только на все видимые предметы, но он шёл и от них во все стороны, связывая всё между собою светящимися нитями, независимо от того, были

ли это существа одушевлённые или неодушевлённые. Только нити в первом случае были ярко-красные, во втором — сияюще-голубоватые, напоминавшие лунный свет.

Я увидел среди общего Света и Общину Раданды, и оазис Дартана, и светящиеся фигуры Флорентийца и брата Николая, стоявшие рядом и посылавшие мне свои благословения. Я ощущал себя слитым со всей вселенной, и блаженное чувство неизмеримой радости охватывало меня. Владыка ещё раз слегка коснулся моей головы, зрение моё возвратилось в рамки нормального человеческого, и я опять почувствовал себя нищим, заключённым в темницу...

Попривыкнув к необычайной яркости освещения, освоившись, что мне приходилось двигаться среди общества ножек от столов и табуретов, а для того чтобы положить руки на стол, требовалось некоторое напряжение, я перенёс всё своё внимание на моего Учителя.

Заметив, что я освоился со своим положением малого ребёнка в комнате великана, Владыка подвёл меня к одному из самых высоких и широких столов. Не успел я даже сообразить, в чём дело, как уже сидел на высоченном стуле, посаженный на него моим наставником. Если бы я сажал трёхлетнего ребёнка, то это заняло бы у меня больше времени. В его руках я точно не имел вовсе веса: вроде пера, которое перекладывают с места на место на своём письменном столе.

— Здесь ты видишь несколько аппаратов, которые ещё не известны на земле. Не думай, что их изобрёл я. Они поданы моему сознанию из высших миров. Их творцы соединили силы природы так, чтобы стихии планеты Земля могли проявиться на ней как ряд новых физических явлений, химических элементов и психических свойств. Наблюдая мою работу за этим столом, раз и навсегда уничтожь в себе предрассудок разделённости в труде между небом и землёй. Не менее трудная задача стоит перед тобой, чем та, что дали мне братья мои — Владыки мощи, выше меня стоящие. Моя задача состояла в том, чтобы приспособить одно твоё сознание к пониманию части тех новых откровений, что Светлое Братство признало своевременным послать на землю. Для этой задачи я должен был развить в себе целый ряд новых приспособлений, так как твоё и моё сознания должны слиться в полной гармонии, чтобы творить с пользой для миллионов сознаний Земли. Тебе же придётся перескочить через целый век, опередить твоих братьев Земли и вынести — в своём таланте — в массы много новых идей. Для этого тебе самому надо не только *вскрыть в себе* новые пути сознания, тебе надо ещё выработать целый круг совсем новых приспособлений, чтобы суметь *влить* в массы людей силу Света, предназначенную не только для *разрушения* старых предрассудков, что легче, но и для *созидания* иной, раскрепощённой психики свободного и могучего нового человека, что составляет одну из труднейших задач. Ты видишь, сколько слов мне пришлось наговорить тебе для самой простейшей из твоих задач. Посмотри сюда, и ты увидишь *точно*, в одном мощном аккорде, работу развоплощённого человечества, Владык стихий и Братьев мощи. Вся картина дальнейшей жизни человечества предстанет перед тобой в этом маленьком аппарате...

Мой Учитель пододвинул меня на моём огромном стуле — опять-таки так, как будто и стул, и я были невесомыми перьями, — ближе к аппарату, который он назвал маленьким, но на который я смотрел с опаской, такой башней он мне казался. Прав-

да, он много не доставал до потолка, тогда как на других столах приборы почти упирались в него. Учитель притронулся к шнуру, вложил его в стеклянную головку в стене, и немедленно по всей башне побежали огни всех цветов. Внутри башни лежал, как мне показалось, стеклянный шар, но Владыка сказал:

— Этот шар — миниатюра Земли. В нём живут все свойства, которые будут открыты учёными планеты в течение семи предстоящих кругов её движения в вечности. Смотри сюда. В живой картине на стене перед тобой пройдёт вся история Земли до этой минуты и далее потечёт та часть жизни человечества, пионером которой в поэзии и литературе тебе суждено стать.

Владыка произнёс какие-то слова — думаю, что они походили на те, какие произносил Владыка-Глава внизу у дверей лаборатории, — и на самом верху стены, у того места, где он стоял, вспыхнуло несколько красных пятиконечных звёзд. Тогда он ударил по золотой поверхности стены — но, быть может, она только сверкала, как золото, — раздался удар такой мощи, что я едва не упал со своего стула. На стене появилась дымка, точно клубящийся в горах туман с красноватым оттенком. Когда он рассеялся, я увидел огромное количество светлых образов, прозрачных, как бы сотканных из светящейся материи, сохранявших человеческие формы, трудившихся над шарообразными кусками более плотной, чем они сами, материи. Светящиеся фигуры вкладывали в эти шарообразные формы материи по куску Огня Вечности, трепетно сиявшего внутри каждой формы.

Владыка снова ударил по стене своим молотком (нежно выражаясь), что равнялось, в нормальном человеческом понимании пудовому молоту. Картина вновь застлалась туманом, и когда он рассеялся, я увидел более ясно очерченные и более плотные человеческие фигуры, такие же лучезарные, нёсшие шарообразные массы с трепетавшим в них Огнем вниз. Бесчисленное количество этих фигур мчалось с быстротой урагана.

После нового удара Владыки появилась картина, где ещё более ясно очерченные человеческие фигуры вносили в огромнейшие залы всё те же куски материи с Огнем и передавали их чётко обрисованным фигурам, в которых я понял Владык Кармы.

Снова последовал удар, картина изменилась, и я увидел, как Владыки Кармы, записывая что-то в громадных книгах, передавали духам, ещё более плотным, куски материи, ставшей уже сжатыми комочками, но Огонь трепетал в них с прежней силой.

Удары Владыки сменяли картины. Я отчётливо увидел незнакомое мне место земли, увидел дома — и в них духи Света вносили будущие эмбрионы людей — *начала* воплощения.

В следующих картинах изображалась жизнь развоплощения. Дух умершего возносился сначала один, потом соединялся с самыми различными светящимися духами, соответственно своей карме и духовной высоте.

— Ты видишь сейчас только пути творцов, имеющих в сознании *полное* понимание своего служения современному человечеству. Внимательно следи, и ты осознаешь непрерывный круг Вечного Движения, *вечно творящую Жизнь*, — произнёс Владыка, вновь ударяя молотком.

Я увидел, как светлые духи вводили в громадные залы светившиеся тени развоплощённых людей. Здесь, точно в обширных рабочих кабинетах, люди-тени склонялись над книгами, всевозможными приборами, изысканиями, записями.

Снова по сменявшимся ударам Владыки сменялись картины, люди-тени кончали свою работу, поднимались выше, становились всё светлее, и, наконец ставши совершенно светлыми, они достигали лучезарных высот, исчезали в них и вновь спускались в тот план, где в массы материи труженики неба вкладывали куски Огня. Исчезая в новом куске материи с большим куском Огня, они снова проходили весь круг жизни, труда Земли и смерти на ней.

Владыка вынул шнур, башня погасла, и сам он сел рядом со мной.

— Ты видел схему действий и труда Вечности. Теперь, когда ты знаешь весь цикл, проходимый человеком Земли в его духовном пути, займёмся рассмотрением индивидуальной жизни человека, получающего миссию от Владык неба.

С этими словами мой Учитель пересадил меня к другому столу, у самой дальней от нас стены, и заставил гореть башню совсем иной формы, оканчивающуюся пятиконечной звездой, пожалуй, несколько меньших размеров.

— Тебе было дано наглядно убедиться, что смерти нет, а есть только путь вечной жизни и вечного труда. Рассмотри ещё путь вечного совершенствования отдельных людей... Великих Учителей, управляющих при помощи всего Светлого Братства совершенствованием всех людей Земли, — семь. Это только главные этапы, неминуемые в эволюционном движении для каждого человеческого сознания. Весь мир разделён на семь величайших секторов. И в каждом секторе горит неугасимым планетным Огнем своя башня. Башня заключает в своём секторе не только дух людей, но и дух всего живого — одухотворённого и неодухотворённого, выражаясь по современной терминологии, что движется активно или относительно Земли.

Ты уже знаешь, что не только в мире Земли, но и во всей вселенной таких мест, где царил бы абсолютный покой, нет. Всё движется независимо от того, воспринимают ли твои чувства это движение или нет. Сейчас ты увидишь одну из башен земной вселенной и там различишь те световые лучи, которых обычно глаз твоего физического проводника воспринимать не может.

Владыка дал мне в руку какую-то, вроде стеклянной, пластинку, объяснил мне, что я сижу на стуле, не проводящем энергии Огня, и строго приказал не двигаться и не выражать ни в каких восклицаниях своих чувств, если я даже буду чем-либо поражён.

Я собрал всё своё внимание. Владыка ударил небольшим, но, вероятно, очень тяжёлым молотком по самой башне. Посыпались снопы самых разнообразных искр, многоцветных и многоформенных, стены самой лаборатории исчезли для меня, и я снова стал видеть всю вселенную и сознавать себя слитым с её Светом. Я увидел — не могу сказать вдали, так как расстояние и время для меня исчезли — башню, горевшую белым огнём на Земле и уходившую в огне в небеса, всю сплошь залитую трепетавшим Светом. Величина её превосходила все человеческие представления. Эльбрус Кавказа, не раз мною виденный, был просто крошечной бородавкой по сравнению с гигантской белой башней.

Среди могучего белого огня вкраплённые, будто небольшие лучи в мощном белом сиянии, сверкали прозрачные полосы и круги синего, зелёного, жёлтого, оранжевого, красного и фиолетового огней. Но что это были за лучи! Никогда я не предполагал, что в таком огромном количестве могут гореть лучи света! Если бы я мог с чем-либо их сравнить, то только с теми огнями в разноцветных высоких чашах, что я видел на столах-престолах И. и Франциска.

— Ты вглядись внимательно, — сказал Владыка, притрагиваясь к моему темени. — Быть может, ты увидишь кое-кого хорошо тебе знакомого.

Моё зрение ещё более прояснилось, и я увидел гигантских размеров образ Али, как бы возглавлявший всю башню. От его изображения, тонувшего в белых огнях башни, на огромное расстояние, сколько мог охватить мой глаз, распространялось сияние. Оно скользило лучами и громадными кругами, вибрации которых были безмерно прекрасны. Многочисленные, подчинённые и соподчинённые Али прозрачные духи мчались по всем направлениям лучей, всюду внося деятельность и гармонию.

Чем ближе к Земле спускались светлые тени, тем кольца их становились темнее и плотнее, и наконец совсем близко к Земле они располагались устойчивыми каналами, через которые вливались и распределялись по бесчисленным точкам молнии мыслей Али, вдохновлявшие людей-творцов, выработавших в своём духе дар мужества и силы. Все мысли Али, мчавшиеся к Земле, имели вид сияющих, пленительных, самых разнообразных форм прекрасных молний.

— Ты видишь Владыку мощи земной вселенной, непосредственными слугами которого мы теперь живём на Земле. Потому и назвал нас Учитель И. владыками мощи. Этот великий самоотверженный слуга Истины начинает первое кольцо нашего освобождения. От его луча мощи будут даны каждому из вас дары и просветление, с каким уйдёте отсюда в мир помогать создаваться его новой расе, водителем и хранителем которой будет этот слуга-гигант Истины. В этом луче живут те трудящиеся Земли, чьи верность и любовь достигли незыблемой силы и стали непоколебимы. Только такие существа могут выдержать огонь его мощной мысли, летящей на Землю как палящие молнии. Смотри сюда, — продолжал Владыка, перенося меня к новому столу, где стояла почти такой же величины башня. Проделав снова тот же ритуал, подождав, когда на стене вспыхнул ряд рубиновых звёзд, Владыка направил моё зрение в поле огромного синего столба света. Приглядевшись, я понял, что это тоже была башня, такая же широкая и огромная как и белая. Она так же изливала лучи и кольца всех цветов среди громадного моря живого, трепетавшего, глубокого синего огня.

Не успел я освоиться с этим дивным сиянием, как увидел возглавляющим синюю башню чудный образ сэра Уоми. Я был так поражён, так неожиданно для меня было увидеть эту парящую в небесах фигуру, что я уже приготовился протирать глаза, не веря чудесам, которые одно за другим я видел.

— Нет чудес, есть только степени знания, как повторяли тебе не раз твои наставники, — услышал я голос Владыки. — Это ближайший спутник, друг и сотрудник Али, имя которого тоже не Али, о чём узнаешь позже. Это вековой его соратник, Учитель, направляющий всё воспитание народов Земли. Он движет мудрость и

науку воспитания вперёд. Его заботами о нарастающих поколениях Светлое Братство периодически посылает в каждую современность соответствующих ей великих вождей и воспитателей. Они заботятся о подготовке новых кадров людей, обладающих более повышенной, по сравнению с уходящим поколением, психикой, более тонкими и разнообразно развитыми приспособлениями в духе и теле. Все видящие своё призвание в воспитании и обучении, входят во влияние и Мудрость, спускающуюся через этот луч, если служение их бескорыстно. Всмотрись пристально, в чём именно заключается труд подчинённых этому лучу духов и живых людей.

Я увидел, что от всей фигуры сэра Уоми шли глубоко синие лучи, но все они были не только пронизаны великолепием лучей разных цветов, но и в самой гуще синей бездны сверкали разнообразной формы роскошные яркие цветы.

Владыка слегка притронулся к моему темени, и я стал видеть ещё ясней. То, что я принимал вначале за цветы, качающиеся на длинных стеблях, оказалось мыслеобразами, исходившими от всей фигуры сэра Уоми. Все эти мыслеобразы были связаны с его фигурой и между собой тончайшими золото-сине-красными переливающимися нитями.

Мыслеобразы, спускаясь всё ниже, несколько меняли свою форму, и в яркости их первоначальных тонов появлялась некоторая матовость. В этом виде они подхватывались сияющими духами и переносились вниз, где передавались более плотным формам.

Так мыслеобразы совершали свой путь, несколько раз спускаясь всё ниже и наконец останавливались у громадных воронок, сияющих, с большим отверстием вверху и узким выходом внизу. Но, конечно, когда я говорю «широким» или «узким», то всё это относительно, так как размеры планов вселенной не умещаются ни в какие земные представления о масштабах. Да и самые слова человеческие не вполне отвечают тому, что видели мои глаза.

Очаровательно-прекрасные духи, оставаясь всё время на одном и том же уровне, принимали сверкающие мыслеобразы от спускавшихся сверху тружеников и подносили их к отверстиям воронок, двигавшихся кругообразно с быстротою вихря. Они вбрасывали в воронку иногда одну, иногда несколько мыслеформ. Сама воронка, показавшаяся мне вначале сконцентрированной туманной материей, теперь ясно увиденная, состояла из бесчисленного количества почти прозрачных очертаний тонких человеческих форм, отбрасывавших от краёв хранимой ими воронки всё, что не должно было туда проникнуть, и принимавших только предназначенное ей.

Быстрота волн и вибраций каждой воронки могла втянуть в себя только то, что отвечало колебаниям её волн, а хранители воронки бдительно следили, чтобы вихрь не подхватил чего-либо ошибочно притянутого. Нёсшие мыслеобразы духи часто миновали десятки и сотни воронок, отыскивая гармоничные их мыслеобразам колебания.

— Ты — математик, и Учитель И. открыл тебе немало механических законов движения, потому ты так ясно и понял, что ошибок здесь, как правило, быть не может. Тут действует закон притяжения, но не так преломлённый, как на Земле. Здесь сила тяжести не физическая, а духовная. Она, невесомая, неосязаемая, невидимая, живёт и движет всё по законам причин и следствий, — говорил мой Владыка, пока я

как зачарованный смотрел на дивный труд сподвижников сэра Уоми. — Те ошибки, в которые могут быть вовлечены трудящиеся неба, как и трудящиеся Земли, происходят — вернее, могут произойти — только от нарушения кем-либо из тружеников всё того же, единственного и главнейшего из главных закона *верности*. Доброта *личная* в духовных отношениях, *ложно* понятое сострадание, то есть *желание ввести* кого-то в мир новых идей и духовного творчества: *не ответ* на запросы чьего-то духа, а *настойчивый зов* неготовому человеку в те высоты, где требуются уже *вся* мощь и *вся* гармония организма — приводят всегда к катастрофе. Как бутон цветка, насильственно переставленного на чересчур яркое солнце, засыхает вместо цветения, так и дух человеческий, введённый в более высокий план ранее, чем гармонично развитые силы *всего* его организма *сами вызовут* и притянут вибрации и частоту волн высшего плана, не даёт не только плодов творчества Огня, но идёт в искривление. Даст одну какую-либо огромную ветвь, оставляя весь остальной организм убогим и уродливым. Так, нередко можно видеть абсолютно глупого тщедушного человека, который, считая в уме, потрясает толпу зевак огромнейшими вычислениями. Такой человек может сказать почти тотчас же, какой день был такого-то года и такого-то числа, рассказать о датах открытия тех или иных памятников чуть ли не с сотворения мира, перевести на язык любого племени цитаты Цицерона, высчитать число войск у Юлия Цезаря и прочие, никому и ничего творческого не открывающие феномены. Эти ошибки преждевременного вовлечения кого-либо в духовный подъём совершает доброта людей неба и земли. «Просите и дастся вам», — это слово не только Евангелия христиан. Это один из вечных и неизменных *законов* вселенной. Но он не значит, что всякому попросившему надо немедленно дать в руки священное откровение и ввести его в Святая Святых. Для человека, поставившего себе священной целью служить людям, выполняя план Бога, это значит: вникнуть глубочайше в ту ступень духовной культуры, в которой живёт просящий человек. Стать самому на его место, в его обстоятельства, учесть все его возможности и, с величайшим тактом и любовью, подать просящему *ту часть* знаний, которыми он *может* овладеть в полной гармонии *своего* существа. И этим свойством — умением развить в себе такт и *все* приспособления для полезного служения человечеству — заведует во вселенной третий луч, к рассмотрению которого мы сейчас перейдём.

С этими словами Владыка пересадил меня к одному из самых высоких столов, на котором возвышалась почти под самый потолок башня особенно мелкого и красивого рисунка. Проделав всё ту же церемонию удара молотком по башне, Владыка подошёл совсем близко ко мне, говоря:

— Я предупреждал тебя, что *полная выдержка* тебе необходима. Что бы ты ни увидел — храни полное молчание и самообладание. Не рассеивайся мыслью ни на секунду, чтобы ни одно моё слово и ни один из видимых тобою фактов не выпал из твоего внимания. Не только в твоей дальнейшей земной жизни, но и в твоей жизни небесного, векового труда этот луч будет играть главную роль и помогать твоему дару раскрывать людям суть и смысл их земной жизни.

Владыка положил свою огромнейшую руку мне на плечо. Казалось бы, я должен был ощутить тяжесть этой ладони, занявшей всё моё голиафово плечо, и пальцев, почти касавшихся моего пояса. Но я ощущал только прохладу и лёгкое-лёгкое пока-

лывание, будто бы электрический ток шёл по мне. Стены, и раньше исчезнувшие для моего зрения, теперь точно слились с прозрачным воздухом, в котором я увидел клубы зелёного огня, стремительно вращавшиеся вокруг зелёных громадных столбов.

Прошли короткие мгновения, и я увидел, что то были не столбы, а башня, огромная, изрезанная по всему зелёному фону огненным рисунком всё тех же тонов, которые я видел на двух первых башнях. На зелёной башне, пожалуй, было больше белого и оранжевого, чем других цветов.

Мчавшихся здесь огромных, больших, средних и самых крошечных духов-тружеников, сияющих, прозрачных и особенно быстрых, было гораздо больше, чем в предыдущих башнях. Я не понимал, почему Владыка так исключительно предупреждал меня об этой башне. Правда, она была много красивее, и какое-то радостно-нежное чувство любви влекло меня к ней. Я хотел бы ринуться в глубину зелёного огня к труженикам и предложить им свою помощь. Но всё же, какое это имело отношение к стойкости моего самообладания, я не понимал.

Вдруг я почувствовал, что рука Владыки сильнее сжала моё плечо, электрический ток, шедший от него ко мне, усилился. Я поднял глаза вверх... и с большим трудом удержал крик радостного изумления. Сохраняя самообладание под влиянием моего Владыки, я глядел в благоговении на дивную фигуру Флорентийца, возглавлявшего зелёную башню. Мой дорогой обожаемый друг сохранял здесь всю свою земную красоту и стройную пропорциональность фигуры, и вместе с тем ничего от земного Флорентийца, каким я привык видеть моего Учителя в жизни, в этом величественном и мощном образе не было...

Я различал в тишине пустыни громоподобные шумы от взлетавших зелёных шаров. Сначала я только *их* и видел. Постепенно я стал наблюдать, как шар, отделяемый от башни бесчисленным количеством светящихся тружеников, с шумом грозного раската уносился в определённом направлении кольцом духов. Они разрывали его на части, далее он ещё и ещё делился, и в конце концов крошечные светлые существа мчались, как млечный путь, многочисленные и сверкающие, с зелёными кусочками вниз, к Земле.

И куда бы ни мчалось со своим зелёным кусочком крохотное существо — нить золотисто-зелёная, огненная тянулась к фигуре Флорентийца. Казалось бы, мириады нитей должны бы были спутаться так, что никакая сила их не расплетёт. На самом же деле все нити переплетались в тот стройный и дивный рисунок, какой я видел на башне Владыки в лаборатории стихий.

— Этот луч не только необходим, но неминуем для всего человечества. Два первых луча доступны только творцам человечества. Чтобы идти ими, надо влиться в те или иные творящие стихии планеты и вынести их в своём труде земным братьям. Только мощно одарённые мудростью и духом могут проходить свой путь по двум первым лучам. И для таких духовно одарённых все остальные лучи — лишь гармонично развивающаяся оккультная гамма. Для всего же человечества третий луч есть Начало выявления тех божественных свойств, что каждый носит в себе. И пока человек, обычно одарённый и культурно развитый, не разовьёт в себе такта, умения *точно* понимать современные ему обстоятельства его окружения, пока он не поймёт

дружелюбия ко *всему*, что окружает его в его эпоху жизни, он не может двинуться к следующему пути совершенствования. Не рисуй себе значения этих путей как отдельно существующих стихий природы, направляющих людей обособленными тропами, которые они могут *сами* себе *выбрать*. В природе всё слито, всё проникает и пронизывает друг друга. И люди идут по тем лучам, к которым созрел их дух, то есть вибрации, *ими* выбрасываемые в Мир-Вселенную, *вовлекают* их в круги вращения себе подобных. Пока человек не пройдёт третьего луча, он не может двинуться в своём совершенствовании дальше. Ибо следующий луч, луч гармонии — кульминационный пункт в духовном созревании. Эти два луча, третий и четвёртый, тесно связаны между собой. Если третий луч — пропускной пункт всего человечества к движению вперёд в вековой Эволюции, то луч четвёртый — *заграждающая сеть* для всех тех, кто вносит малейшее творческое Начало в свой труд. Самый многочисленный по количеству идущих в нём людей — третий луч. Много и много раз люди возвращаются сюда, пока достигнут *той* высоты такта и развития приспособлений, которые помогут им двинуться дальше в своих Творческих Началах. Смотри сюда — вот луч гармонии.

Снова Владыка перенёс меня к другой, не из самых высоких, совершенно жёлтой круглой башне. После обычного удара башня залилась сверкающим жёлтым пламенем. Я увидел как бы несколько дальше, чем видел первые башни, море разноцветных огненных языков, сплетавшихся феерически прекрасным зрелищем на жёлтом фоне. Из них вырисовывалась совершенно круглая башня с куполообразной жёлтой горящей крышей, вверху которой я увидел фигуру в жёлтом одеянии египетского стиля, державшую нечто вроде скипетра в руке. Лица такого или ему подобного я никогда не видел. Не то чтобы оно подавляло своей красотой — оно было прекрасно, конечно, но оно выражало такой божественный мир, такое нерушимое благоволение, что от одного взгляда на это лицо я понял, что такое гармония.

Чем больше я смотрел в лицо неведомого мне Учителя, тем яснее узнавал и понимал это выражение нерушимого мира, любви и доброты, припоминая это выражение на лицах хорошо знакомых мне моих великих друзей Али, сэра Уоми, Флорентийца, И.

— Толпы тружеников *подводят* и *подносят сюда* свои шары материи, а также отдельных развоплощённых и воплощённых людей в их астральных оболочках, как ты видишь. Разница между движением в *этом* луче и другими состоит в том, что здесь все идут к *нему*, а не *от него*. Сюда идут *только сознательно*, и никто не может пройти, принесённый другими, без собственного *активного* участия. Здесь: «Толците, то есть действуйте — и отверзется вам», — ты видишь в действии. Смотри на Землю.

Владыка перевёл мой взор на земное пространство, как уже делал это раньше, и я увидел толпы суетливо трудившихся людей. Вся атмосфера вокруг них была туманна. В каждом отдельном существе тлела искорка огня, в одних еле видная, в других — ярче. Кусок земли двигался передо мной, точно на экране сменялись картины. Вот атмосфера стала яснее, я увидел отчётливо людей в огне, их творческие мысли сияли вокруг них, образуя блестящую движущуюся ауру. Атмосфера стала

почти прозрачной, и я увидел брата Николая, писавшего в книге, рядом Наль, рисовавшую анатомический атлас, а невдалеке, в комнате, за роялем женскую воздушную фигуру, пальцы которой бегали по клавишам. И клавиши, и рояль, и пальцы, и комната — всё светилось жёлтым светом, как тетрадь брата Николая, как атлас Наль...

— Я показал тебе людей во всех фазах труда, *идущих* к гармонии и уже живущих в ней, — продолжал Владыка, переводя моё зрение снова на жёлтую башню. — Каждый, кто *может* в результате работы над собой дойти до четвёртого луча, начинает свой путь с понимания, что труд есть *не* необходимость, но радость. Поняв, что без труда на общее благо жить нельзя, человек выбрасывает волны новых для него вибраций *примирённости*, он начинает на деле, в *действии* простого дня, понимать, что *все* обстоятельства земли — *именно его* обстоятельства. Тогда он приходит к вратам луча гармонии, где его, как ты видишь, встречают светлые братья-духи и вводят в огонь башни. Однажды побыв здесь, человек уже никогда более не может вернуться к духовной суете, хотя бы жизнь его внешняя и продолжалась всё в тех же условиях суеты и напряжённости. Духовный кризис каждого человека, перенесясь через луч гармонии, вводит его в новый круг рождений и смерти, он уже никогда не понижается в фазах своего духовного развития, но идёт, всё повышаясь в нём. Какими бы богатыми дарами ни был одарён человек, — в соответствии с его кармическими данными, — он будет совершать свои ошибки и держаться *личного* понимания жизни и её ценности до тех пор, пока не созреет духом настолько, чтобы перейти рубикон гармонии. Только после этого второго крещения человек становится целиком и полностью *творцом* для вселенной и может проходить тот круг рождений, где входят в непосредственное слияние с Жизнью. Пути и способы, которыми люди сливаются в своём труде с Жизнью, неисчислимы по своему разнообразию. Светлое Братство стоит стражем-хранителем каждому существу, перешедшему рубикон четвёртого луча. Задачи, даваемые Жизнью людям, передаются сонмами Учителей и учеников. *Их* ставит Светлое Братство водителями и поручителями людей Земли, помощниками их труду и, нередко, защитниками их быта. Имя великого Учителя гармонии — египетское, ибо здесь он прошёл свой путь знаний. Его зовут сейчас Серапис. До этой минуты ты видел труд людей Земли и неба слитым в монолитных огнях башен. Земля и небо, путь труда в мире физическом и духовном, действовали через один провод — Огонь планеты. Теперь ты подходишь к одному из лучей величайшего труженика, заведующего пятым лучом в человеческой эволюции. Учитель пятого луча проносит свой труд Земле по двум проводам планетного Огня. И башня его — двойная, вернее сказать, раздваивающаяся на некоторой высоте как бы на две самостоятельные башни, слитые воедино только верхушками. Собери ещё глубже всё своё внимание, сам поймёшь, что этому Учителю ты уже многим обязан и в дальнейшем будешь связан с ним в веках, ибо все, имеющие ту или иную степень ясновидения, хотя бы самую слабую, тесно связаны с лучами этой исключительной по работоспособности башни.

Владыка пересадил меня к следующему, особенно большущему столу, где я увидел необычайной формы оранжевую башню. Вверху она была совершенно круглая и несколько выше середины разделялась на две восьмиугольные башни, расширяв-

шиеся книзу. Каждая из башен имела много этажей. И что меня особенно поразило, на каждом этаже шёл орнамент, ну точь-в-точь из таких цветов, какие окружали тайный домик И. на скале, в дальнем парке Общины Али.

— Не раздумывай и не отдавайся догадкам, но *действуй* внутренне. Зрей духом. Твои выдержка и самообладание уже не те, с которыми ты сюда вошёл. И тем не менее они недостаточны, чтобы поднять на плечи мировую задачу, — подымая молот, также имевший на одной ручке два молотка, сказал Владыка. — Никто не выполняет мировой задачи один, как и вообще никто не живёт и не трудится во вселенной в одиночестве. Каждому помогают, как ты уже видел, но сейчас тебе предстанет на опыте узнать беспредельность милосердия Мудрости и Её слуг.

Владыка ударил по башне своим двойным молотком, башня залилась оранжевым огнём, и в ту же минуту я увидел между небом и землёй море оранжевого огня, стремительно кружившегося в пространстве.

Владыка снова положил руку на моё плечо, передавая мне своё неземное самообладание, которое сделало в это мгновение и меня мощным, точно я стал частью его самого. Я заметил, что клубы огня вращаются равномерно, и, присмотревшись, различил, что они охватывают две башни, необычайно стройные, грандиозные, сливающиеся в один круглый ствол вверху, как я видел на столе у Владыки.

Не могу сказать, зрение ли моё попривыкло к морю огня или близость Владыки, слившего меня с собой, помогла мне, только теперь я мог разглядеть все этажи башни, чудесные орнаменты-цветы на них, бесконечное количество лёгких прекрасных тружеников, трудившихся на всех этажах. Чем ниже был этаж, тем всё плотнее были тени, чем выше поднимался труженик неба, тем форма его была прекрасней и прозрачней.

— Смотри прежде всего на великого Учителя, возглавляющего эту двойную башню. Ещё раз пойми, что нет чудес — есть только та или иная ступень знания. На опыте убедись, как беспредельно и необъятно может быть знание каждого живого во вселенной — и границ ему нет. Убедись, как даже очень близко стоящий к физической форме Учителя человек мало знает о необъятности — по своим масштабам понимания — действий, знаний и трудов Учителя. Смотри на верх башни.

Я устремил взгляд, как приказал Владыка, и на некоторое время потерял всякое понимание: где я, кто я, кто со мной и что со мной. С самой высоты башни на меня смотрело лицо И. Если я в обиходе Земли говорил, что И. недоставало только венка на голове, чтобы быть греческим богом, то... здесь на его голове лежал огненный оранжевый венок... и действительно И. здесь *был* Богом.

Но то был не только бог красоты, в нём было ещё что-то столь духовное, мощное и вместе с тем гармоничное, что никакими словами нельзя описать этого Богочеловека. И *этот* И. приблизил меня к себе на земле! Вёл, как может воспитывать снисходительнейший и милосерднейший воспитатель малого ребёнка! Помогал моему прежде ужасному характеру выработаться, превратил меня из тщедушного юноши в Голиафа!.. Слёзы благоговения не скатились из моих глаз, но всем сердцем я склонился перед Великой Жизнью, не зная, чем выразить свою благодарность, прославление Её! Я понял, что такое милосердие и как надо к нему готовить сердце в сно-

шениях с братьями-людьми. Я понял, что такое Любовь-действие, Любовь-труд, Любовь-радость...

От всей фигуры И. шли сияющие мыслеобразы, как от фигуры сэра Уоми. Только здесь они *определённо* и *точно* неслись по *двум* направлениям, никогда не переходя из одной башни в другую.

Владыка крепче сжал моё плечо, и я стал различать, что в одну башню духи, более прозрачные, носили только оранжевые, жёлтые, красные и фиолетовые мыслеобразы. В другую — белые, синие, зелёные, тонувшие в оранжевом огне.

— Перед тобой два пути одного луча. Тебя поначалу может поразить, что такие на первый взгляд несоизмеримые величины, как *точные* науки и ясновидение, венчаются одной главой, возглавляются одним Учителем. В далёкой-далёкой древности это было не так. Но во времена и по планам Божественных Сил, сейчас тебе не доступным, произошли изменения в управлении человеческими путями так, как современность требовала и как по плану целесообразности нашли Силы Жизни необходимым. Каждая точная наука может расти и достигать творческих результатов только тогда, когда интуиция или внутреннее прозрение одухотворяют учёного. Все изобретатели, великие путешественники, открывающие человечеству новые земли, все великие астрономы, математики, химики, вносящие в науку плоды своих трудов, — все в значительной степени ясновидящие, хотя бы лично они и не сознавали своего ясновидческого дара. Но речь идёт здесь только об учёных-творцах, хотя бы их творчество выражалось в самой маленькой доле. Вторая башня, где мыслеформы только оранжевого, жёлтого, красного и фиолетового цветов, — башня ясновидчества по существу, она включает человечество, одарённое обратно пропорционально тем, кто мчится в вековом труде по первой башне Учителя И. Здесь только те ясновидящие, чей дух развился в каком-либо труде до творчества. Безразлично — наука, поэзия, литература, музыка, живопись, скульптура ли, но преобладающее в них ясновидение приводит их к этому лучу. Их силы проносят в мир Земли *всегда* новые идеи, так как их бескорыстие *уже* непоколебимо, их верность *не может* отклониться ни в какую сторону. Они *видят*, и их верность *есть* духовное прозрение. Эти творцы могут быть сожжены на костре невеждами и глупцами-ханжами своей современности, но они — столпы Вечного Движения, Его слуги, *не* рабы, но освобождённые и просветлённые сотрудники в вечности. Этот путь — труднейший, так как ни одному ясновидящему *не может быть* лёгок путь в быту его современности. А между тем именно для *неё-то* и посылаются в гущу суеты люди-творцы, сливающиеся с этой башней.

Владыка умолк. Я продолжал смотреть на И. и заметил теперь, как руки его двигались, употребляя нечто вроде рулей, на которые он иногда нажимал то на одной, то на другой башне. Тогда сверху башни вылетали целые шары светящихся разноцветных мыслеобразов, духи растягивали их в гирлянды, гирлянды складывали в букеты всё более мелких размеров, иногда подбирая один крошечный цветик и мчась с ним вдаль. Но никогда шары по расцветке не смешивались стаями тружеников, а *точно* разносились по этажам именно той башни, для какой предназначались.

Здесь не было воронок, и духовные каналы, по которым мчались духи, были односторонними. То есть труженики неба, нагруженные мыслеобразами, мчавшиеся

послами в *точное* место башни И., мчались по очень ясно очерченному и хранимому миллиардами духов каналу. Но возвращались все, выполнив свою задачу, по свободному пространству к верхушке башни. На миг исчезая в ней, они снова мчались к тому этажу, который обслуживали, вновь подхватывали подаваемый им Владыками Кармы их этажа мыслеобраз и снова улетали с ним через определённый канал.

— Ты видишь, что среди огромного количества ясных и светлых каналов, — снова заговорил Владыка, — есть каналы совсем тёмно-оранжевые. Присмотрись. По ним — правда изредка, но всё же в довольно большом количестве — возвращаются опечаленные светлые духи, которым не удалось подать человеку предназначенного ему мыслеобраза. Или мать изгнала плод из своего чрева, или рождённый ребёнок окружён таким отсутствием покоя и радости, что труженик неба не мог в достаточной степени успокоить элементаля, строящего в течение первых семи лет тело ребёнка, чтобы вручить ему свой мыслеобраз для вплетения его в организм маленького человека. Или когда по кармическим данным человеку *мог* быть вручён его дар *только после* тяжких испытаний, *героически* вынесенных, — у несчастного не хватило сил радости, чтобы вести творческую жизнь, он впадал в уныние и не мог уже понять подаваемого ему нового мыслеобраза. Или же человек проживал свою жизнь в отчаянии и разврате вместо чистоты и героизма, или же впадал в эгоизм, приводивший его к связи с тёмными оккультистами, — тогда опечаленный брат его, труженик неба, возвращается обратно по одному из этих плотных оранжевых каналов. Такие опечаленные труженики берут на себя добавочный труд: они разыскивают, через Владык Кармы, злейшего врага того несчастного, кому не смогли вручить свой мыслеобраз. Иногда они много лет помогают этому врагу очиститься от злобы и ненависти, доводят его до мысленного примирения с бывшим своим врагом и тогда передают ему новый мыслеобраз, крепко связывая его в сознании человека с образом его бывшего врага. Дух последнего постепенно оживотворяется и очищается трудом *одного за двоих* и доходит — через новое воплощение — до момента, когда уже получает сам предназначавшийся ему ранее мыслеобраз. Работа здесь, как видишь, не прекращается с земной смертью человека. Всякий, начавший трудиться на Земле в этом луче, может потом перейти к лучам иным, если его карма или его духовное совершенствование требуют этого. Вся вселенная движется закономерно и целесообразно, и отдельные частицы её — люди — не составляют исключения из этих, общих для всей планеты, законов. Духи последнего этажа башни работают в ментальном плане. Они направляют в огромных духовных мастерских труд всех развоплощённых, а также тех воплощённых, чьё сознание они выносят в этот план для его скорейшего совершенствования. Мастерскими своего луча заведует сам Великий Учитель, принимая ту форму и тот образ, в которых он всего легче, проще и короче может *помочь* учащимся и облегчить *им* восприятие форм Огня. Перейдём теперь ещё к одному из самых трудных путей человеческой эволюции — к пути Любви.

Так говоря, Владыка перенёс меня к одной из самых больших башен в комнате, чашеподобной, тонувшей в прелестных орнаментах красных цветов. Здесь была целая гамма оттенков только одного красного цвета — но что это были за сочетания

тонов! Так распорядиться красным цветом — казалось бы, немыслимо багрово-ало-розовых сочетаний, гладких и с прожилками, с фигурным рисунком и с полосками, ни в одном месте не режущими глаза, — могло только небо. Владыка ударил молотком по башне, красные огни вспыхнули на ней пожаром — я увидел далеко в пространстве стройную, чашеподобную башню, горевшую красным огнём, уходившим высоко в небо. Чаша, совсем такая, какую видел я на столе-престоле Франциска, горела, выбрасывая красный огонь лавиной вниз через свои края. Переливаясь, огонь лился вниз по охватывавшему винтовую подставку чаши красному орнаменту. Но и орнамент был живой. Его составляли труженики неба, передававшие струи Огня друг другу сверху вниз. Радость светилась здесь через светло-розовых духов, как бы возвышавшихся над всеми остальными, много темнее их.

— Ты видишь живой орнамент, — подходя ко мне, вновь сказал Владыка, — в бесчисленном количестве слоёв течёт Любовь к земле, обновляя и возвышая сердца людей и животных. Если бы не было этого луча, перестала бы существовать и вся планета, так как Жизнь, милосердная ко всему, уничтожает только те формы, что не могут раскрыться для Любви. На этом орнаменте — от самого дивного цвета Любви-радости, до тёмно-красной любви-плоти зверей и человекоподобных, но ещё *не* людей духовно развитых — ты видишь все оттенки любви эгоистической. Здесь же ты найдёшь любовь со всеми национально привитыми суевериями и предрассудками. Обрати внимание на очень ясно заметные линии красивого тёмно-алого цвета в орнаменте. Ты видишь, что вся эта линия состоит из поникших головами печальных тружеников. Их ровно столько, сколько духов — розовых, прелестных носителей радости. Теперь не время объяснять тебе смысл этого явления. Его получит тот из вас, кому судило Светлое Братство принести новые идеи любви на землю и новое понимание, *что* такое любовь. Ты же и здесь выведи следствие — как и во всём, что необходимо знать тебе, — что во всей вселенной царит закон сохранения энергии. Полное *равновесие сил* сохраняется во всём, созданном Мудростью. Радостники и печальники, то есть приносящие встречам земли радость или скорбь, совершенно такие же равноценные слуги Жизни, как все остальные Её сотрудники. Никто не провинился и никто особенно не выслужился, ибо *этих понятий* о наградах и наказаниях у Жизни нет. Люди же судят, любя или устрашаясь, наказывая или награждая, — и вот, смотри на несчастных, вечно колеблющихся в своих компромиссах с совестью. Труженики Любви, защищающие в своих округах трусливых и сомневающихся, не имеющих в себе верности до конца, разъедаемых вечной половинчатостью, носят на себе отражение грехов своих подопечных. Их воздушные тела все изъязвлены и проколоты до дыр теми ударами, которые им наносят опекаемые ими братья-люди. Великая Любовь, изливающаяся из башни-чаши Любви, заливает раны своих сотрудников всё новыми потоками своего огненного милосердия и превращает дыры их воздушных тел в чарующий рисунок Любви, который ты видишь в орнаменте. В своих произведениях, где должна вылиться вся новая мощь твоего просветлённого новым знанием сердца, дай понять людям, что всякая любовь хороша, даже эгоистическая, лишь бы она была чиста и бескорыстна. Как новая нота должно звучать твоё дарование, показывая людям величайший грех, не менее греха убийства — грех преступления против любви, грех

любви проданной и купленной. Инквизиция — грех проданной и купленной любви — тем и страшна миру по своим последствиям, что, прикрываясь преданностью Богу, растлила миллионы человеческих душ. Видишь тёмный бордюр на ярко-розовом фоне орнамента? То царство животное и птичье, их любовь и кровожадность. Это единственный луч, где ты видишь мир животных вплетённым в жизнь людей. Здесь вред и польза сосуществования мира людей и мира животных ясно выражены. Только *этот* луч любви может единить всё самое противоположное, что живёт на планете. Объединяя людей и зверей в луче любви, Жизнь даёт возможность низшим формам восходить, подниматься в вибрации любви человека, выше них стоящего. Но, имея величайшее значение в эволюции животного царства, любовь людей *поднимает* зверей только тогда, когда она истинно духовна и мудра. Ничтожная, *личная* привязанность к животным, неряшливая, разбросанная, без преданности *идейной* жизни животного, без постоянного внимания к *его* внутреннему сознанию, ничего не стоит в мировой эволюции и не имеет места в этом случае. Здесь живёт только одухотворённое, творческое стремление любви к единению в Красоте со всем сущим на земле. Перенеси свой взгляд выше, приникни всем сердцем к Великой Матери и вглядись в сияющий лик Учителя этого шестого луча.

Владыка обнял меня за плечи и совершенно слил меня со своим сознанием. Необычайное чувство мощи охватило меня всего, точно весь мой позвоночный столб стал насыщен электричеством, я ощущал его как огненный стержень всего моего существа. Огонь башни стал теперь для меня прозрачным. И я увидел незнакомое мне лицо в тёмных волнах волос, с огромными глазами, выражавшими такую доброту, для определения которой на человеческом языке слов нет. То выражение мира, доброты и любви, которое казалось мне не так давно пределом возможности на лице Франциска, теперь было понято мною только как намёк на то, что я видел сейчас. И с этой неизречённой добротой, любовью и милосердием сочеталось такое мужество, что я понял, как в любви этого Богочеловека не могло быть ни одной капли сентиментальности или слабости, компромисса или нерешительности. Я понял, что любовь *ясно* видящая не может совершать тех заблуждений и попустительства, которые введут человека во *временное* улучшение его внешних обстоятельств в ущерб его *вечному* пути и труду. «Доброта» в кавычках, доброта — «слезливая сентиментальность» не имела ничего общего с мужественной добротой этого лица.

— Многое ты понял сейчас и без моих объяснений, — всё держа меня за плечи, сказал вновь Владыка. — Одно ещё мне остаётся сказать тебе об этом луче. Здесь нет никаких ограничений и заграждений, никаких условий или особенностей в отыскании путей к этой величественной, гигантской башне. Люби — и ты непременно *найдёшь* путь к Владыке этого луча. Человек может даже ничего не знать о Боге. Он может быть совершенно невежественным в смысле условной культуры своей современности, но сердце его может быть полно чистой любовью, и выбрасываемые им вибрации — по самому элементарному закону притяжения — привлекут его сюда. Имя этого Владыки — Иисус... Теперь тебе остаётся узнать о последнем луче — седьмом. После третьего луча, где, как я тебе объяснил, люди группируются,

не однажды возвращаясь обратно, луч седьмой — самый многочисленный. Добрая половина людей Земли идёт этим лучом. Это луч религии и обрядов, но он же и луч многих отделов науки, особенно техники и механики. Величайшие изобретения и открытия сходили на землю при непосредственной помощи этого милосердного помощника и заступника рода человеческого. Перенеся сам — в своих земных воплощениях — много преследований и будучи не раз сам заключаем в темницу, он — ближайший заступник и помощник всех гонимых и заключённых. Немало труда своего он положил на то, чтобы расширить мировоззрение правящих Земли и внести свет в жестокий мрак буржуазного строя людей. Почти нет человеческих революций, где бы мудрость и культура этого Учителя не помогали людям отыскивать новые формы общежития. Это мудрец из мудрецов, в сознании которого развито такое огромное количество знаний, что нет ни одной отрасли труда всего современного человечества, которой бы он не знал. Его имя Сен-Жермен. Популярность этого Учителя много больше среди людей, чем популярность остальных Великих, труд которых — в их лучах — я тебе показал. Все религии — если возглавляющие их чисты сердцем и бескорыстны в своей преданности Богу, исповедовать Которого учат свою паству, — имеют непосредственную связь с Учителем этого луча. Самое большое количество истинно и крепко связанных со Светлым Братством идёт через этот луч. Взгляни сюда.

Владыка перенёс меня к последнему из своих самых больших столов и указал на высокую, относительно узкую, необычайно стройную фиолетовую башню. Она казалась лёгкой. Вся изрезанная, кружевная, она совсем удивила меня своим необычайным стилем. Весь её низ был круглый, а этажи чередовались: то они были совершенно круглые, то восьмиугольные, то крестообразные, а в самой вершине сиял крест, и над ним пятиконечная звезда. Владыка ударил золотым молотком по стене и башне почти одновременно. На стене заклубился туман, а башня загорелась прелестным, нежным фиолетовым огнём самых разнообразных и чудесных оттенков.

— Смотри на стену, иначе ты не поймёшь сокровенной сути религии, живущей в огне этой башни, — произнёс тихо Владыка.

Туман на стене рассеялся, и я увидел три юные, божественно прекрасные фигуры, составлявшие треугольник. В центре треугольника стояла четвёртая, ещё более юная, прекрасная, прозрачная фигура, соединявшая в себе мощь, божественную красоту и такое величие, что я не мог вынести её сияния и уже хотел закрыть лицо руками, как Владыка взял меня на руки, опустился на колени и склонился до земли. Оставаясь коленопреклонённым, подняв голову, он прижал меня к своей груди, как делают матери со своими больными детьми, и сказал, обращаясь к сиявшим нестерпимым Светом фигурам на стене:

— Вечность есть закон Бога, и *этот* закон движет вселенную и всё живое в ней. Прими рабов Твоих, Тебе трудящихся. Помоги ясно видеть Лик Твой, Его не забыть и с Ним, в Нём и для Него трудиться на Земле на благо и счастье людей.

От стены отделилась маленькая пятиконечная фиолетовая звёздочка и утвердилась на волосах Владыки. От центральной, божественно прекрасной фигуры отделилась золотая нить, соединив между собою три стоявшие треугольником фигуры. От пер-

вой из них, бывшей вершиной треугольника и стоявшей лицом к нам, полетел к башне сноп золотых лучей. Лучи золота пронизали всю башню. Как только вся башня погрузилась в золотое сияние, картина на стене исчезла. Владыка поднялся с колеей, посадил меня снова в кресло и стал рядом со мною.

— Ты видишь, как фиолетовая причудливой формы башня вся утонула в море золотого Света, промчавшегося к ней от Божественной Силы, охраняющей, защищающей, созидающей и правящей Землёй. Эти Божественные Владыки — выше всего существующего на Земле. Они завершили круг величайшего творческого пути на иной, много более высокой планете и сошли на Землю, движимые непостижимым для сознания земли подвигом милосердия и самоотвержения. Их сознание настолько выше всех земных сознаний, что достигнуть его и приблизиться к нему не могут не только воплощённые, обычные люди, но и не все высочайшие из развоплощённых могут постичь его. Эти Владыки, вечно юные, — центр Божественных Сил на Земле. Но это всё, что в данную минуту я могу сказать тебе о них. Божественная Сила, показавшая тебе Себя, благословила твой труд, признав твоё бескорыстие, самоотверженность и верность. Ты же помни, *чему* был свидетелем; трудясь, неси в сердце Божественный Лик, признавший в Своей Любви тебя достойным Его лицезрения, и развивай в людях новые идеи о Божестве. Очищай от суеверий и предрассудков представления людей о Боге и вливай в них уверенность, что *всё* и *вся* в жизни Земли *живёт* под бдительным и непрестанным, милосердным и спасительным покровом *Живого Бога*, трудящегося во всех отделах жизни на Земле. Эти Владыки сотворили *всё* сущее на Земле, принеся с собою на «Землю-хаос» злаки, людей и животных. Всё, что ты видишь на земле, под землёю, — всё *труд* милосердия этих Божественных Владык... Обрати теперь внимание на башню. Что обозначает её необычайной причудливости форма? Эта форма — ещё одно из подтверждений высочайшего милосердия Божественных Владык. Люди, впадающие во всевозможные предрассудки и суеверия, хотят молиться Богу так, как *им* кажется всего милее и целесообразнее. И вот ты видишь в отдельных этажах этой башни все формы религий, населяющих в данный момент Землю. Лишь бы религия людей базировалась на любви, чистоте и бескорыстном самоотвержении — и она *принята* Божественной Силой, она отражена здесь, в башне Религий и Обрядов. Священное — истинно Священное людям — находит здесь не только одно голое отражение, но и получает Божественное Озарение и Очищение, как ты видишь в пронизывающих насквозь башню золотых лучах, посылаемых Божественными Владыками. Я тебе уже сказал, что Учитель Сен-Жермен, мудрец из мудрецов, в своём милосердии и долготерпении, в своей снисходительности и помощи, стоит на *первом* месте по близости к Земле и выносит на своих плечах много больше тяжести вибраций людей, чем остальные Милосердные Учителя. Поэтому очищающая сила Бога и горит здесь неустанным золотым Светом, помогая нечеловечески трудному подвигу этого благого Учителя. Нет большей трудности, как исправлять кривизну религиозных заблуждений, ибо в этом секторе религий человеческое сознание наиболее лично и упрямо. Вглядись, какое разнообразие видишь ты здесь среди слуг Учителя. Многие из светлых духов, даже пройдя свой путь надземного служения человечеству, достигнув радости полного духовного освобождения в остальных секторах творче-

ского сознания, остаются закрепощёнными в узкой тропе любви к *своему* Богу. Одни из них прозрачны, но на своих формах сохраняют сутаны католицизма, монашеские рясы своих орденов, иные — священнические облачения, жреческие одеяния, мусульманские и китайские отличия. И только на самом верху ты видишь единство всех без различия религиозных форм под эмблемой нашего Божества Земли — пятиконечной звезды. Язык пали ты знаешь. Над звездой сияет надпись — прочти её.

Владыка обнял меня за плечи, и я совершенно явственно различил выше звезды светящуюся фигуру, державшую в руке золотые скрижали, на одной створке которых сияло огненными буквами:

Мир-Вселенная есть часть Истины
Истина одна — путей к Ней много.

На другой створке письмо было фиолетовое, и оно гласило:

Нет религии выше Истины. Раскрепощённый от узкой религии, чистый сердцем встречает Любовь Живую. Познав Её, уносит в Вечность своё знание и проходит весь дальнейший путь как творческий сотрудник Истины.

Когда я окончил чтение надписей, Владыка снял меня с моего высокого кресла, открыл дверь в стене здания, существования которой я и не предполагал, и вывел меня через закрытый внутренний туннель на маленький наружный балкон, как он о нём выразился. Но этот «маленький» балкон, изображавший своей формой лодку, был грандиозен, как и всё вокруг Владыки. Мы находились выше Гималаев, как сказал он мне. После его лаборатории, где было относительно прохладно, здесь было так холодно, что Владыка закутал меня в звериные шкуры, висевшие на парапете балкона. Шкуры были неведомого мне зверя, лёгкие, мягкие, пушистые и серебристые.

Читавший все мои мысли, как открытую книгу, Владыка улыбнулся и объяснил мне, что это шкуры прелестных серебристых лис очень древней и теперь уже очень редко встречающейся на земле породы.

— Я вывел тебя сюда, чтобы ты ясно понял, каким зрением — насквозь — ты обладаешь сейчас. Сквозь толстенные стены, толщину которых ты хорошо мог оценить, так как сейчас прошёл их сам обе, ты видел горящую башню седьмого луча не менее ясно, чем видишь теперь. И фигуру Учителя, и его скрижали с надписью — всё видишь, читаешь также прекрасно. Что значит фиолетовая звёздочка, которую послал моей голове Великий Божественный Владыка? Если бы она была символом только того, что Божественный Властелин принял и признал наш с тобой взаимный труд, признал наше Ему славословие в труде бескорыстия, то звёздочка была бы золотой, ибо то цвет Божественного Сияния. Если же Он послал труду твоему фиолетовую звёздочку — это значит, что ты должен получить специальное слово-наставление от Великого Мудреца, Учителя седьмого луча. Призови всё благоговение сердца и читай своё слово. Образование этого Учителя так универсально, что ты получишь своё наставление на самом близко тебе знакомом языке.

— Неужели возможно, чтобы на мировой вековой башне загорался огнём французский шрифт, Владыка? — не смог я удержать даже в эту минуту своего темперамента.

Владыка погладил меня по голове, улыбаясь мне столь нежно, что я и предположить не мог такой доброты на этом суровом лице.

— Смиренный мальчик мой, — прошептал он. — Даже не предполагаешь, что милосердие Учителя Сен-Жермена может наградить тебя русской речью, если указание предназначено только тебе одному? Читай. Храни всю свою жизнь всё те же верность, чистоту и смирение, и Жизнь примет тебя в свои вековые сотрудники.

Он прижал меня к себе с той же нежностью, и я увидел, как прекрасная рука перевернула страницу на скрижалях. Сначала страница оставалась совершенно чистой, затем на ней заклубился туман, как на стене в лаборатории Владыки и наконец стали проступать огненные знаки:

Однажды в столетие приходит сюда человек, чтобы получить указание Бога к труду на земле.

Надпись погасла, была она на русском языке.

Переходов от неба к земле, искусственно сотканных и поддерживаемых вымышлениями и условностями, — нет. Есть ***Единая Жизнь*** *во всём сотворённом, и* ***Она*** *пронизывает, связывает и животворит* ***всё*** *сущее.*

Твои искания в веках, твоя преданность Любви возвращают тебе Любовь. Дар твой — ***не*** *твой, но* ***Жизни Движение****. Перенеси то, что видишь и слышишь здесь, в образы земли и* ***приспособь к пониманию своей современности****.*

Расширь сознание людей. Способствуй его гибкости.

Для создания новой расы, которой суждено обладать высокой духовностью и утончённой психикой, необходимо разбить предрассудок ***разделённости*** *трудов неба и земли.* ***Не менее*** *необходимо победить предрассудок смерти и страх её.*

Надпись снова угасла, и чудесная рука ещё раз перевернула страницу. На ней снова, после рассеявшегося тумана, загорелись слова, ещё более чётко горевшие огнём:

Мир-Вселенная — не путь уничтожения и возрождения, но путь вечной Эволюции, где нет иного принципа, как неумолчное совершенствование

Идущий в творчестве, полезном для масс людей, идёт не одиноким самобытным талантом, но звеном ***Единой Жизни****, отметившей данное звено как* ***путь*** *для массы людей, для* ***их*** *освобождения, самого лёгкого, самого простого и самого короткого.*

Вноси не ***свой*** *труд и не* ***свой*** *талант в среду серой посредственности, но разбивай* ***новую тропу*** *для Жизни, чтобы Она могла пробивать в сознании людей бреши к освобождению,* ***через*** *твой дар.*

Освобождённый — это тот, кто ***мог*** *так постичь* ***Любовь****, чтобы забыть о себе и служить только Ей, так и там, где укажет Светлое Братство.*

И эта надпись угасла. Я думал, что все указания лично для меня окончены, как Владыка указал мне на крест, сиявший под звездой розово-сиренево-золотым Светом, говоря:

— Милосердие не знает пределов, когда даёт своим избранникам поручения. Читай ещё одно, последнее указание лично тебе.

Я прочёл загоревшуюся надпись:

Крест — не символ страдания. Он символ кармы, символ вечного закона Вселенной: причин и следствий. Твоя карма — не только с теми, кого ты лично знал, но и со всеми теми, чьих сердец коснулось и ещё коснётся слово твоего дара.

***Отдавая** слово миру, не в эмоциях и наблюдениях ищи ему вдохновения. Но в той Силе Света, что видишь и слышишь, что читаешь сейчас. Её находи в людях, Её вливай в изображаемые образы, **Ею едини** людей.*

Так гласила последняя надпись, и, когда она погасла, прекрасная рука вновь повернула скрижали на те страницы, где горели надписи на языке пали.

— Взгляни теперь в сверкающие тона фиолетового цвета всех этажей. Ты видишь, что нет ни одного этажа башни, где бы не было лучей всех тех цветов, в расцветке которых ты видел светящиеся башни остальных лучей. Каковы бы ни были отрицатели, как ни упорны были бы они в своих предрассудках отрицания — Бог у них всегда в сознании *есть*. Если они даже отрицают для самих себя искренне, но дух их чист — они непременно имеют связь с этой башней. Всё чистое, всё доброе и всё бескорыстное — от великого героя до скромного труженика — *все* вовлекаются, теми или иными путями, в огни этой башни. Нет ни одного самоотверженного поступка человека или зверя, который бы не отразился здесь и не был бы передан в вечную хронику слугами-духами этого луча. Со сказочной быстротой совершается здесь отражение земного поведения человека, если он действует во имя Бога. Подвинься ближе ко мне и рассмотри, что найдёшь ты общего между всеми столь причудливо разнообразными этажами башни?

Я пододвинулся ближе к Владыке, в моём сознании наступило ещё более высокое просветление, и я заметил, что сколько бы ни мчалось светозарных теней от башни или к башне, все они имели золотую звёздочку, горевшую на лбу между глаз.

— Ты видишь у всех трудящихся здесь светящейся чакраму духовного развития. Ни одно существо, не дошедшее в своём пути до просветлённости, до понимания *Вечности* и служения *Ей*, не может войти в повышенные круги творческой жизни трудящихся здесь духов. Если даже люди прожили с пользой для своей современности, они остаются в цепи кругов того же развития, пока их дух не завоюет понятия «*вечное сейчас*». Пронося свой день, люди-отрицатели постепенно, с большим трудом освобождаются от своих предрассудков. *Каждый* отрицатель, в какую бы форму не вылилось его отрицание потом, *начинал* с отрицания Вечности. Приняв Её, он уступал — под натиском просветляющегося духа — одну позицию отрицания за другой и, наконец, уже *мог* быть вовлечён в огни этой башни. Обряд, его великое укрепляющее и животворящее значение, спускается через огни этой башни к людям. Только для тех он несёт свою животворящую силу, кто чистыми устами призывает в бескорыстии сердца имя Божие. Молитва *действенная* — это не просьба о себе, а славословие. Славословие, поданное человеком *в полной радости*, возносящееся в религиозном обряде, — это непобедимая сила. И такая молитва всегда достигает Бога через тех Его слуг, в округах которых она возносится. Теперь взгляни пристальнее на самого

Великого Учителя этого луча. Не найдёшь ли ты и в его окружении чего-либо особенного по сравнению с другими башнями?

Владыка взял обе мои руки в свою могучую ладонь, склонился к моей голове, и я увидел ниже фигуры Учителя целое кольцо светлых фигур, большинство из которых я не знал, но в самом центре кольца мгновенно узнал Ананду и Раданду.

— Это кольцо — ближайшие сотрудники Учителя Сен-Жермена, его помощники, выносящие отсюда силу Любви и Божественной Доброты и помогающие людям *приспособиться* в *их* обстоятельствах Земли к служению Истине и выполнению Её планов. Это всё, что должен ты передать людям о лучах. Силы твои приходят к концу, несмотря на всю мощь, какую тебе дают твои высокие покровители и лично мой магнетизм. Вот тебе пища. Мы уже давно не едим злаков Земли, но добываем себе пищу из эфира и электрических волн в пространстве. Всегда питаться нашей пищей ты бы не мог, но на некоторое время это тебя вполне поддержит.

Владыка дал мне нечто вроде огромного боба, на вкус приятного и такого питательного, что я и половины его съесть не мог. Затем он дал мне запить прозрачной, как бы газированной водой из стакана, похожего на добрый кувшин, и вывел меня в комнату через другой балкон-туннель.

В комнате стоял диван гигантских размеров, Владыка уложил меня на него и закутал шкурами всё тех же серебристых лис. Последнее, что я запомнил, — предобрая улыбка Владыки, его благословляющая рука и слова, сказанные куда-то вверх, смысла которых я не разобрал. Только теперь, улёгшись под тёплые шкуры, я понял, как я устал.

Моё пробуждение в комнате с диваном. Возвращение в лабораторию. Беседа в ней с Владыкой. Божественное видение

Я проснулся внезапно, точно от толчка, как это нередко бывало со мною. В комнате разливался мягкий свет, но я никак не мог понять, откуда он шёл. То мне казалось, что где-то стояла задекорированная лампа, то я начинал думать, что сюда проникает свет пустыни, но источник света оставался загадочным, а внимание моё отвлекали другие предметы необычайной комнаты.

Вопреки почти утвердившейся во мне привычке плохо разбираться в обстоятельствах при пробуждении, я сейчас отлично понимал, где я и что со мной, и *точно* помнил всё, о чём говорил со мной Владыка-Учитель и что он мне показывал. Одно только исчезло из моего понимания — время.

Я рассматривал углубление, напоминавшее алтарь, в противоположной от меня стене. При входе в комнату — это я отлично помнил — этого углубления я не видел. И теперь понял, почему я его не заметил: тяжёлый, из необычайной золотой парчи занавес, скрывавший от моих глаз алтарь, был в эту минуту отдёрнут.

В углублении, на высоте трёх огромных ступеней, стоял престол такой же формы, как у Франциска, только громадный и весь белый. На нём возвышалась чаша, гранёная, сверкавшая как гигантский алмаз. И чаша, и престол переливались разноцветными огнями. По росту Владыки всё это были небольшие вещи, но я сомневался, чтобы руки мои смогли удержать подобную чашу, даже при моей новой голиафовой силе.

Не успел я насмотреться на дивное алмазное сверкание престола и чаши, как внимание моё привлекла сверкавшая под самым потолком пятиконечная звезда. Она сияла ярко, и через некоторое время я стал замечать складывавшееся над нею огненное письмо. Сначала я думал, что на такой высоте ничего не разберу, даже если буду знать язык письма. Но, встав во весь рост на диване, легко прочёл огненные слова на языке пали:

Тот, кто проявил героическое напряжение и чистоту сердца, — вошёл в пламя Вечности.
И Вечность сожгла всё его животное, возвратив ему все прежние его таланты.
И человек, став слугою-другом людям, станет слугою и Самой Истине и принесёт людям Её Новое Евангелие.
Слугою Истине может стать только тот,
кто научился любя побеждать.

Надпись погасла. Я сошёл с дивана и склонился до земли перед престолом Владыки, моля Великую Мать помочь мне сделаться достойным слугой людям и вы-

полнить волю Единой Истины, любя — побеждать и любя — творить только одну Её волю.

В этом положении меня застал Владыка, поднял меня с земли и, крепко прижимая к себе, сказал:

— За всё время моего существования на Земле никому ещё не возвестила Истина своего избрания огненным письмом над этой чашей. А чаше этой — не мною сотворённой, но мною полученной от выше меня стоящих, — эоны лет. Только истинно смиренный и ясно осознавший место своё во вселенной *мог* получить *здесь* указание Огня. Оно равносильно второму крещению, крещению Духом и Огнем. Иди же путём, здесь, брат мой, тебе указанным. Будь смирен до конца и пойми в своём смирении, что ты избранник Божий. Помни: тяжёл путь каждого пророка. А путь пророка, возвещающего Новое Евангелие, — вдвое тяжелее. Пойдём теперь отсюда, из этого «Святая Святых», но посмотри ещё на стену, у которой ты спал, быть может тебе откроется лик Владыки мощи, покровителя и защитника всех идущих *полною* верностью *до конца* в его луче мощи. Величайшее милосердие этого Учителя мощи не знает пределов; и только слабые духом воспринимают этого вождя суровым. Его внешняя суровость — защита именно тем слабым, что не имеют силы *вынести* его мощи. Ибо и мощь Милосердия должна быть встречаема мощью мужества человека, чтобы *быть* понятой.

Обнимая меня, Владыка подвёл меня к дивану. Он отдёрнул тяжёлую занавесь у изголовья, и я увидел на белой стене светящийся чудесный портрет Али. Он стоял во весь свой гигантский рост как живой. Чёрные кудри выбивались из-под белого тюрбана, в руках он держал сверкавшую чашу, точь-в-точь как на престоле Владыки, только несколько меньших размеров, с клубившейся в ней огненно-белой жидкостью.

Это был тот Али, что гулял и беседовал со мною в своём парке; тот же Али, которого я видел в аллее в К., на пиру в его доме, наконец, тот же Богочеловек, лик которого сверкал с высот белой башни. И... В то же время это был другой, новый Али, которого я никогда не видел, и даже не мог предполагать, что его лицо *может* носить такое выражение ликующей радости, счастья, любви, кротости и той божественной доброты, что я видел на лице Великого Учителя Иисуса. О, как он был прекрасен! Я невольно опустился на колени и прошептал, склоняясь к земле:

— Славословлю имя Твоё, Али, посланник Бога! Да будет славен каждый, кто, даже не зная Тебя, произнесёт с надеждой и любовью имя Твоё.

Владыка поднял меня, отёр душистым платком катившиеся по лицу и не замечаемые мною слёзы благоговения и сказал:

— Узнай истинное имя этого великого слуги Бога, Его воина мощи. Его зовут Мория, и, обращаясь к нему, отныне зови его так. Этот покровитель всего творящего не оставит и тебя в пути, и в доказательство его милосердия и помощи тебе он показал тебе здесь свой лик, которого не видел ещё ни один человеческий глаз. Пойми крепко: нет чудес, есть *только* ступень *знания*. И сообразно *этой* ступени каждый *видит* то, что дух его видеть *может*.

Он вывел меня из комнаты, и мы снова вошли в лабораторию, пройдя внутренний туннель.

Я не мог бы с точностью описать, *что* произошло со мною внутренне. Но какой-то переворот снова совершился во мне. Не говорю уже о том, что зрение моё стало совсем *ясно*. Я видел всё насквозь без помощи Владыки, видел горящие башни, всю деятельность на них, *всю Жизнь*, движущуюся в разнообразных формах и *живущую* в формах без движения. Я снова был *слит* со всей вселенной, с *её Творящим Началом*. *Я был в Нём, Оно было во мне*.

И в то же время я *точно* сознавал, что был только крошечным колёсиком Вечного Движения, гармонично вплетённым в Него, с сохранением полной самостоятельности мышления, движения, трудоспособности. В этой тесной связи со *всем* я был отдельной, *свободной* точкой сознания. И свобода моя была именно те лёгкость и пустота сердца, о которых мне говорил давно и часто И.: я жил освобождённым от страстей, от личных привязанностей.

Только сейчас я стал понимать счастье *жить* освобождённым, счастье *быть* творящей единицей Всей Гармонии. Радость *звучала* в моём сердце, и я понял великое название часовни, к которой привёл меня Раданда, часовни Великой Матери: «Звучащая Радость».

Мне казалось, что божественно прекрасный и милостивый лик Али-Мории сопровождает меня сейчас и в этой комнате и он помогает моему новому сознанию усваивать уроки Учителя-Владыки.

«Мир-Вселенная есть часть Истины», — прочёл ты в огненном письме. Это кажущаяся недосягаемо высокой сознанию человека Земли *часть* Истины теперь раскрывается тебе как *маленькое поле труда мировой божественной силы*. Проследи эту свою последнюю жизнь. И ты увидишь, что в твоей интуиции с самого детства всё время *жило* глубоко запрятанное чувство, что тебе готовится путь иной, чем пути всех, тебя окружающих. Ты ничем вовне не отличался, кроме исключительных способностей, от пёстрой толпы окружавших тебя людей. И всё же ты *знал*, что какую-то *миссию* для этой окружающей тебя толпы ты должен будешь выполнить. То же знали и все пришедшие сюда с тобою братья твои... Почему мог *ты* об этом знать, вернее выразиться, почему в тебе жило именно *это* предчувствие? Почему лицо Мории поразило тебя при первом же мимолётном свидании? Почему тот, кого ты привык звать Флорентийцем, но чьё имя на самом деле Венецианец, привлёк в самое короткое время твою любовь не меньше, чем это мог бы сделать родной тебе отец? Да просто потому, что все эти великие слуги и самоотверженные сотрудники Истины давно уже *готовили* тебя к твоей миссии и *учили* тебя понимать Жизнь *во всех* Её формах, видимо и невидимо трудящихся *в двух* планах: земли и неба. Но твой характер, склад твоей кармически изживаемой в это воплощение личности мешали тебе уносить — до времени — память о труде твоей вечной индивидуальности, *память* о ночных уроках на Землю. Самоотвержение И., оставившего для тебя и всех твоих спутников свои высоты, спустившегося в гущу бытовой жизни, чтобы скорее, проще, легче и веселее вывести вас, избранных Светлым Братством, для подвига труда и помощи современному человечеству, помогло вам всем найти, развить и укрепить в необходимой мере Гармонию между личностью и индивидуальностью, между текущей формой и Вечным, в ней заключённым. В своих произведениях откроешь людям в ряде художественных образов не только то, что *смерти нет*. Но и

всю необходимость его личности для каждого, кто сходит жить на Землю. Личность — не зло, от которого можно отмежеваться или отмахнуться. Не *навязанный* кармический груз, от страстей которого можно стонать и жаловаться. Личность человека — это величайший из *даров* Милосердия, Свет, подаваемый каждому в той наичистейшей лампаде, которую все невидимые помощники округа *могли* соткать вечному Огню человека, слив свои заботы и помощь Любви с его собственным трудом и любовью. Многие миллионы сознаний, где ещё закрыт выход Духу, идут в материалистических идеях ума и живут в его крепости, не менее надёжно запертые, чем те миллионы, что всю жизнь «ищут» духовных путей, а *живут* в узких рамках личного. Первые, отрицающие дух, часто бывают цельнее и находят выход к Истине скорее и легче. Вторые — «искатели» — чаще всего так и умирают в двойственности, *ища* в идеях и фантазиях, а в земном, сером дне *живя* в железных лапах личных желаний. Взгляни сюда.

С этими словами Владыка посадил меня у подножия зелёной башни, в высотах которой сверкал дивный образ того, кого я привык звать своим другом и покровителем Флорентийцем, но кого теперь призывал сердцем как великого Учителя Венецианца.

— Видишь ли ты в узкой полосе белых цветов постоянно обновляемое движение, тянущееся к самой груди Учителя и кончающееся огненно-зелёно-красными нитями? Ряд белых, прекрасных цветов вносят труженики с белой башни Мории. Присмотрись... Целая толпа сияющих белых духов, видимых отчётливо тебе, но даже не всем братьям Светлого Братства известных, ждёт своей очереди, чтобы вложить в совершенно определённый, гармонически *точный* белый рисунок свой цветок. Почему ждут эти самоотверженные труженики? И чего они ждут? Они ждут своей — вернее сказать, того, кому несут, — очереди и места. Вот из зелёного поля огня башни Венецианца отлетел труженик с белым цветком — силой мысли Мории — обратно к белой башне. Проследи его путь. Цветок на зелёной башне казался совершенно белым. Теперь, вброшенный в белый горн огня, он вплёлся в него зеленоватым рисунком и поплыл дальше, сияя и расширяясь, то есть принимая форму активной силы, как *действие* Мудрости, в Её сочетании Силы и Такта. Дух *новый созрел* в человеческом существе для нового, повышенного служения своей отрасли труда. В образовавшееся пустое место зелёной башни очередной невидимый помощник вносит свой белый цветок — неустанно. Идёт *Жизнь — Вечное Движение в формах и без форм*. Если ты понаблюдаешь все открывшиеся твоему взору башни Труда, ты увидишь тот же целесообразный и закономерный труд Гармонии на них на всех. Может ли быть хоть кто-либо забыт? Может ли хоть один человек быть обойдённым? Может ли помощь к нему опоздать? Может ли небесный труженик остановиться в пути? Изменить по своему усмотрению путь несомого им человеческого сознания? *Всё движется в строго определённых каналах* Мудрости, Её *полном* милосердии. И все перемены внешней и внутренней судьбы человека — есть *ответ* ему на *его* зрелость. *Готов* человек — готов ему *ответ* Жизни. И этот ответ *всегда* целесообразен, хотя бы на бытовом языке он и оценивался «незаслуженным». Все люди молятся, взывают к Богу и Его святым, но большинство этих молений — пустая, суетная возня людей со своими собственными слепыми личностями, потому

они и остаются неуслышанными, без ответа и помощи. Наибольшее поношение получишь ты от этих неготовых, но считающих себя центром, умом Земли, людей. Ни одной катастрофы в жизни человечества не бывает попусту. Все они вызываются чрезмерным развитием конечного ума, нередко вступающего в сотрудничество с тёмными оккультными силами. Вступив в такое содружество, значительная часть людей начинает мечтать о подчинении мира своей власти, старается выбросить в современность грубейшие из идей материализма, убить дух и живой Огонь в человеке — и катастрофа на земле назрела. Великая Жизнь вводит снова Свои формы в русло закономерности и целесообразности. То есть те слои человечества, где окостенение их духа столь велико, что в эти их временные формы уже нет возможности вдвинуть какую-либо цивилизацию и более высокую культуру, Жизнь уводит в иные слои Своих форм, давая им отдых, озаряя их окостенелое сознание новыми духовными волнами и снова возвращая на Землю как более гибкие и светлые формы, целесообразно соответствующие своей и общечеловеческой вечной эволюции. А люди, судящие всё с точки зрения справедливости только одной Земли, говорят: война, эпидемия, голод, землетрясение, погром и так далее. Взгляни теперь сюда, присмотрись пристальнее к красной башне. Уже в первый раз, как ты рассматривал и наблюдал работу невидимых её помощников, ты понял, что отличительной чертой шестой башни — неповторимой больше нигде — было неустанное излияние самых разнообразных слоёв и волн Любви на Землю через тружеников неба — слуг этого луча Любви. Их деятельность сплетается в орнамент, полный красоты и гармонии. Но в чём, собственно, состоит труд невидимых помощников луча Любви в отличие от труда всех остальных лучей? Почему этот путь — один из самых трудных для человечества? Все, кто достиг такой освобождённости, чтобы трудиться на этой башне-чаше, *уже* прошли те центральные круги духовного совершенствования, где живут понятия осуждения братьев-людей. И не только осуждения или пересудов не знает сознание тружеников этого луча, оно не знает и *временного* благополучия, не знает закона справедливости — измышлений одной земли. Их сознание воспринимает только вечное в человеке. К этому вечному оно обращается и только этому вечному помогает в каждой форме. Мужественная Любовь Владыки этого луча изгнала всю слабость из сознания своих сотрудников. *Помощь* этого луча — *героическое напряжение*, которое и сам этот Учитель, и все его сотрудники *пробуждают* в людях, закаляя их характеры в нём. Только те люди, которые перестали жаловаться на свою судьбу, *перестали* в своём сером дне возлагать надежды на помощь *со стороны*, свалившуюся им как протекция или опека, которых они считают себя «достойными», а дающих их — «обязанными»; только те люди, которые *достигли* силы *жить* свой серый день в героическом напряжении, считая эту форму жизни самой простой и естественной *радостью* для себя, — идут лучом Любви. Одной из отличительных черт этих людей *всегда* бывает то, что они *всюду вносят* с собою *мир*: умиротворяя своим примером героизма в сером дне, прерывая в своих встречных братьях-людях их, казавшиеся такими тяжёлыми, драмы. Стихают не только все бури страстей, но даже недоброжелательство друг к другу стихает в их присутствии. В своей будущей литературной работе, к которой готовит тебя сейчас великая Мать Жизни, пронеси сознанию людей в ярких чарующих образах — образах безвестных

героев серых будней — эту новую героику чувств и мыслей. Шаг за шагом указывай на мощь духовного развития в простых, обычных людях, что строят *новые* формы быта только потому, что их *собственная* в них живущая Любовь не знает разъединения, не знает смерти, а знает *твёрдо* и *непоколебимо* вечную смену форм *Единой Вечной Жизни*. Теперь вглядись в кузнецов мощи духа первого луча и разберись, чем и как они отличаются в своём труде от кузнецов духовной мощи шестого луча.

Владыка посадил меня так, что я увидел точно приближёнными друг к другу башни — белую и красную. Обе они как бы выступали на первый план, а все остальные горели ярко за ними. Но я понял, что на самом деле никакого изменения в размещении башен не произошло, а просто Владыка — силой своей неземной воли — помог мне фиксировать так моё внимание, что оно сосредоточилось на первой и шестой, оставив остальные башни, как и всю остальную вселенную, только существующими в моём сознании.

Этот опыт — по-новому фиксированного внимания — проходил тоже впервые. Где-то во мне мелькнула мысль, как многим я обязан помощи Владыки, но голос его прервал всякую возможность рассеяться.

— Ты видишь, что небесные труженики обеих башен, помогающие людям ковать силу духа, идут путями разными. В белой башне они идут по ярко-розовому лучу. А в красной башне они идут по лучу бледно-розовому, испещрённому белыми прожилками, сложившимися в сложный и прекрасный рисунок из белых молний — мыслей Мории. Все духовно мощные, идущие лучом первой башни, как ты уже знаешь, — творцы. Эти творцы имеют *всегда* определённую миссию: вести, пробуждать, организовывать толпу. Это *вожаки* земного человечества, устроители государств и политические реформаторы. Но это только *те вожди* человечества, *те мудрецы*, которые трудятся на благо своего народа или всего человечества. Их расширенное сознание не тонет больше в мутных волнах личного. Их любовь превращается в такую силу, когда они, не бросая якоря спасения сотне самоотверженных, *имеют* Дух-Огонь-Волю-Любовь *обречь* на смерть — смерть *временного* — сотни, если *знают*, что самоотвержение этих сотен вынесет в своём героическом смертном стоянии в высшую волну Жизнь в формах новых миллионов. Верность этих вождей не знает сердечного содрогания от ужаса временного. Они трудятся для вечного, *для его повышающихся форм*, для неустанного выявления в массах новых, единящих людей идей труда и Света. Владыки и главы государств, вожди политических партий, преследующих цели общего блага, — все идут здесь. Это луч сил исключительных, выдающихся. Все ведущие — будь то деятели искусства или литературы, просвещения, авторы изобретений или открытий, охватывающие огромные массы людей своею деятельностью, — идут здесь. Их Любовь-Силу несёт всегда Огонь. И нет для них лично никакого значения в том или ином быте. Они *не* умещаются ни в какой «быт». Напротив, они почти всегда *разрушители* обывательских, привычных норм существования, потрясатели плесневеющей психики. Они, *лично* не заинтересованные в быте, являются *необходимыми* разрушителями для созидания обстоятельств, *полноценно* соответствующих своей современности. Что касается огненной верности-Любви деятелей мощи шестого луча, то у них на *первом* месте *быт*, труд серого дня, семья и устои нравственности. Но этика этих деятелей не мёртвая мо-

раль, «принципиально» основанная на сухом велении мозга, где и доброта идёт от ума, суха и до мелочи «обоснована». Этих тружеников мощи, любящих миротворцев мира, ведёт *Огонь* их сердца по делам простого дня. Не суди о них по бытовым понятиям земли. Не думай, что они не годны для дел широких возможностей. Но их любовь так велика, что они немедленно спасают каждого, в данный *текущий* момент, в данных *его* обстоятельствах, прилагая всё очищающие силы своей Любви-Мощи на то, чтобы помочь *раскрепоститься* человеку от его протестов против тех внешних обстоятельств, в какие *он* попал в это своё «сейчас» вечности. И эта их деятельность, как избравших себе самый *простой* день, так заполнена мыслями о встречном, вернее сказать, о каждом из них, что для потрясающих и созидающих переворотов масс они быть использованы Жизнью не могут. Эти труженики несут на своих плечах всю тяжесть обыденщины, превращая серый день, убогий и бледный, в сияющий Свет своим встречным. Эти смиренные — *истинно* смиренны. Они *точно* знают своё место во вселенной. Потому-то мир их сердец переливается во все места, где они живут, как переливается через края огненная Любовь той чаши-башни, лучом которой они идут. Их правдивость, как и их Любовь, не принцип, а *Огонь* сердца. И творчество их, маленькое по масштабам, огромно по силе их помощи. Фиксируй своё внимание на том, что я сказал тебе: они помогают встречному *сейчас*, в *его* обстоятельствах, становясь на уровень *его* понятий. К какому же лучу стоят они ближе всего этой стороной своего труда? «К третьему», — без слов отвечаешь ты мне. Быть может, и к третьему. Но я задал тебе этот вопрос только с той целью, чтобы ты твёрдо усвоил: *нет в труде жизни отъединения и быть его не может*. Задачи шестого и первого лучей в их выковывании мощи ты проследил. Задачи шестого и третьего лучей ты сам назвал общими. А разве задачи второго, шестого, третьего и первого лучей не связаны? Разве задачи пятого и седьмого лучей стоят в стороне? Я тебе говорю всё это для того, чтобы ты более не удивлялся и не потрясался, в *каком* облике увидел *ты* Владыку того или иного луча. *Всё* слито воедино в каждом из этих совершенных людей, которых ты зовёшь Богочеловеками и так воспринимаешь их в своём сознании. В гармонии их мощи, в гармонии их *Огня они так освобождены от всяких страстей*, что *могут* быть видимы одновременно многим сотням сознаний, каждому *именно* так, как *ему* это наиболее целесообразно, по *его* возможности. Тебя потрясает, что ты, считающий себя слабым и недостойным, избран для миссии столь великой. Не тебе судить, сын мой, тебе — повиноваться. Неси в смирении подаваемый тебе Жизнью вновь дар. Неси радость и лёгкость в своих встречах и мужайся в них. Всё то из своей кармы, что было бы в тягость твоему новому таланту, что не могло бы позволить тебе *внести Новое Евангелие* серого дня в современное тебе общество, сожжено самой Жизнью. Жизнь дала тебе Великих в непосредственные наставники. Тех Великих, путь к которым люди ищут веками и находят редко. Ещё раз повторяю: *не тебе судить*. *Тебе — повиноваться*. Ты не можешь ещё понять *всей* закономерности и целесообразности труда Жизни. Но ты можешь *до конца* понять, что только *радость — твой* меч победы. Только *с ним* в руках ты можешь выполнить даваемую тебе миссию, заветом которой для тебя будут всегда слова, что ты сам прочёл в огненном письме: «*любя побеждай*».

Владыка умолк. Взглянув на него, на всю его громадную фигуру и светлый лик, я увидел, что он как бы окаменел со сложенными на груди руками. Я боялся шелохнуться, чтобы не прервать его экстаза. Глаза мои, всё время сохранявшие полное и ясное зрение, видели все ярко горевшие башни и непрерывный труд на них небесных тружеников.

Долго ли продолжалось молчание Владыки, я не знаю. Я уже говорил, что время для меня кончилось, как исчезло и пространство. Я жил только в Вечном, а сейчас только *так* и мог понимать и воспринимать всё творившее и творившееся вокруг меня.

Внезапно я услышал тихий вздох и, подняв глаза на Владыку, был потрясён сияющим видом не только его лика, но и всей его громоздкой фигуры. Владыка сиял весь. Сияли его волосы, плечи, руки, глаза, лоб, шея, ноги. Я отчётливо увидел в вихревом вращении его чакрамы, своим объёмом отвечавшие пропорциям его сложения. Но по расцветке и блеску они показались мне ещё невиданными.

— Встань, друг, — еле слышно сказал мне Владыка. — Милосердие не знает предела, когда готовит детей своих к подвигам любви на общее благо. Смотри за башни. Там увидишь и услышишь предназначающееся тебе для вечной памяти. Много жизней изживает человек. И вовне ничем святым эти жизни не отличаются от окружающих их. Не потому, что в них на самом деле нет святого. Но потому, что святыня человека малодоступна зрению обычных людей. Видят то, что *могут*. Чаще всего проблемы ума и морали, а не Истину, живую и вечно движущуюся в Святая Святых сердца избранника, видят люди. Приготовься принять в своё Святая Святых то Евангелие серого дня, что понесёшь на землю людям как ряд новых, чарующих образов.

Владыка стал на колени, расстелил край своего хитона и помог мне опуститься на него подле себя на колени.

Я весь ушёл вниманием, точно перенёсся за башни, и увидел пустыню, глухую и мёртвую. Через некоторое время в глубине пустыни заклубился туман, как я видел на золотой стене в лаборатории Владыки. Туман слился в огромный шар, шар постепенно стал золотиться и принимать грандиозные размеры, закрыв собою всё. Став совершенно золотым, он начал переливаться всеми цветами радуги, испуская лучи и кольца такой мощи и яркости, что вся земля и небо оказались охваченными ими, очутившись в самом центре колец и лучей. Шар становился всё прозрачнее, от него отделилось несколько больших пятиконечных звёзд, а самая гигантская из них взлетела высоко и замерла в своём ослепительном сиянии. Туман теперь совсем рассеялся, и под сиявшей гигантской звездой я увидел нечто вроде сказочно прекрасного сада. На площадке в центре его — те же божественные, юношески прекрасные фигуры, которые я видел впервые на стене Владыки.

Но теперь самая из божественно прекрасных, сиявшая, как солнце, фигура, стоявшая тогда в центре треугольника, стояла впереди, а три фигуры, тогда образовывавшие треугольник, стояли теперь в ряд сзади.

Первая фигура, несмотря на помощь Владыки, поставившего меня на свой хитон и покрывшего мне голову своим рукавом, сияла такой нестерпимой для меня мощью

Света, что я сознавал себя на грани смерти. Ощущение у меня было такое, точно сам я умер и жило только моё сознание.

Рука Божественной фигуры протянула мне — точно выбросила в меня сноп Огня, который меня опалил, — свиток древнего папируса. Три стоявшие сзади фигуры развернули его, и я прочёл легко и просто три сверкавшие на нём надписи. Первая надпись гласила:

Ряд жизней не вскрывает сознанию человека его связи с Мудростью. Её вскрывает всегда катастрофа, сжигающая животное в человеке. Он входит в Гармонию.

Эта надпись сверкала ярко-жёлтым огнём. Вторая, ярко-ало-огненная, говорила:

Вошедший в Гармонию принимает дар посвящения. Ибо стал сам частью Любви.

Третья надпись, горевшая совершенно белым огнём, гласила:

Став Любовью, человек поднимает крест распятия на свои плечи. Идёт в гущу жизни и несёт людям ***Новое Евангелие****, такое, так и там, где верность его следует за верностью ведущих его, где верность ведущих его следует за верностью* ***Моею****.*

Идёт человек, неся Новое Евангелие Земле, ибо стал ***Силой****.*

Надписи все погасли, фигуры Божественной Красоты закрылись туманом, туман снова слился в гигантский шар.

Я дрожал и был близок к смерти, как мне казалось.

Последнее, что я запомнил: Владыка укладывал меня на диван и укрывал шкурами.

Глава 28

Второе пробуждение в необычайной комнате Владыки. Что говорит мне живой портрет на стене. Ещё одно Божественное видение. Последнее наставление моего Владыки-Учителя. Посещение Владыки-Главы, беседа с ним в его комнате и беседа в «Святая Святых»

Я проснулся сразу, с чувством такой силы, радости и счастья, каких я, казалось мне, ещё не знал. Насколько изнемогающим, в смертной усталости и бессилии, я был сюда внесён Владыкой, настолько же гигантски сильным я чувствовал себя в своём пробуждении. Так как время исчезло из моей жизни, то я не мог отдать себе отчёта, который теперь час, утро или вечер, день или ночь. Не знал я также, сколько времени я спал, и ещё менее понимал, как долго я нахожусь вообще во владениях Владык мощи.

Я быстро вскочил с дивана, по ассоциации вспомнив, как поразил меня когда-то дорогой мой друг Венецианец, поднявшись мгновенно, упруго, как кошка, после своего непробудного сна в вагоне. Благословив то дивное время, когда я ничего не знал о Венецианце, а жил, спасаемый, ласкаемый и утешаемый, подле друга моего Флорентийца, послав благоговейное ему моё приветствие, я взглянул на стену у изголовья дивана, надеясь увидеть там дивный портрет Али-Мории, так поразивший меня в первый раз сиянием счастья и мира, которыми я сам был переполнен сейчас.

На стене клубился туман, прикрывавший облик Мории; но его прожигающий взгляд достиг меня даже через эту завесу. На этот раз я воспринял молнию глаз Мории как луч радости. Ещё шире раскрылось сердце моё к счастью, ещё ярче я понял Божественные слова: «Звучащая радость». Я опустился на колени, в порыве любви и благодарности протянул руки к портрету и воскликнул:

— Мория, Мория, Мория! Я молил Жизнь, чтобы спасся каждый, кто с верой и надеждой произнесёт имя твоё. В эту минуту радостью сердца моего я благословляю тебя, Великий Учитель, за те слова, что сказал ты мне у озера, мне, жалкому, несчастному мальчику, каким был я для всех. Твоя же любовь, как и любовь Венецианца, как милосердие И., подобрали меня и помогли выйти на ту тропу, где я *увидел* радость и счастье на лике твоём, *понял* радость и счастье *жить* для блага людей. Да будет благословенно Светлое Братство! Да откроются пути радости жить и творить всем тем, к кому меня посылает Великая Мать. О, Мория, будь мне примером и вечной памятью о том, как я должен научиться одному: *забыть о себе и думать о других*.

Благословляя имя моего божественного друга, я склонился до земли перед клубившимся туманом, скрывавшим его портрет. Когда я поднял голову, на меня смотрело чарующее лицо Мории, уста его счастливо и ласково улыбались, чаша в руках сверкала всеми цветами радуги, и тихий голос, точно прямо в ухо мне, говорил:

— Мужайся, сын мой. Сказало тебе огненное письмо: «Идёт человек, неся Новое Евангелие, ибо стал силой». И там, где встал ты на путь силы, там скрестился путь твой с моим. Никто не идёт в одиночестве, а менее всего тот, кто несёт людям завет новый. Но людей таких, чтобы *приняли* безоговорочно в цельной верности *новый* завет своей современности, мало. Большинство старается примирить слово новое на компромиссах со старыми предрассудками. И выходит у них халат из старой затасканной мешковины с новыми яркими заплатами. Они не чувствуют этого уродства, не страдают от дисгармонии, потому что их понятия о гармонии — детски. Устойчивости в них нет; и Вечным — в *Н*ём полагая весь смысл своего текущего сейчас — они не живут. Страдает от бурь и отрицания толпы больше всего тот, кто *принёс* завет новый на землю. Крестное распятие предлагает гонцу неба невежественное человечество, вместо благодарности и радости награждающее его презрением и вульгарными насмешками. Мужайся, сын мой. Путь твой скрестился с моим — я пойду с тобою, неся свою силу в помощь тебе. Я опускаю чашу силы моей тебе на голову, и отныне, где бы ты ни был, что бы ты ни делал, как бы ни шли и куда бы ни вели пути твои, я всюду с тобою. Зови имя моё и помни: *каждый* труд твой — *Я разделяю*, в *каждом* деле дня — *Я твой сотрудник*. Никто не одинок и ты менее всех, хотя бы лишь ничтожная доля современников *приняла* труды подвига твоего. Единясь с людьми, важно помнить одно: *не личность* людей и *её* истерзанные осколки *подбирать*, но заставлять — силою *своей* устойчивости и радостной верности — *таять личность* встречного человека. Пробуждать в *н*ём мир и мысли о Вечности; *стирать* грани условного и *единить* его в высоком благородстве не только с собой одним, но так много пролить мира и удовлетворения в его сердце, чтобы он *мог сам* принять встречаемых им людей в свои братские объятия, ведя своё братство с ними от Единого в себе и в них. Подойди к алтарю. Тех, кого Истина *посылает* Своими гонцами, Она закаляет в единении с Нею. Моя любовь будет поручителем и помощью тебе в твоей последней беседе с Владыками Божественной Мощи.

Голос Мории затих, а рука указала мне на ступени алтаря в углублении противоположной стены. Я поднялся с земли, ещё раз низко поклонился живому портрету Мории и взошёл на ступени алтаря, радостно улыбаясь смешным усилиям, которые проделывали мои руки и ноги, чтобы влезать со ступеньки на ступеньку. Рассчитанные на рост Владыки для обычного человека ступени были громоздки, как огромные обломки скал.

Остановившись на верхней ступени, я сосредоточил всё своё внимание на белой чаше и воззвал к образу того божественно прекрасного Владыки мощи, что бросил мне драгоценный свиток в снопе опалившего меня Огня.

Чаша, сверкавшая и раньше, теперь залилась вся золотым светом. Над нею, на стене алтаря, заклубился туман, вверху сверкнула звезда, и я увидел окружённую необычайно прозрачным светом фигуру юного Владыки мощи, фигуру живого Бога, ибо я не умел назвать иначе этого покровителя Земли. Но не изнеможение, не желание закрыться от сверкания Божественного Света в Нём наполняло меня сейчас. Восторг, тишина Духа, какой я ещё никогда не испытывал, тишина, которую могу определить только как Божественный мир, как желание выполнить всё, что велит мне этот Образ живого Бога, выполнить до конца, быть верным до смерти, до

смертного распятия, если оно закрепит в сознании людей то новое слово, что определила мне Жизнь передать им.

Вся стена, вся комната засияли, точно сюда ворвались лучи солнца. И в этом свете, который шёл от дивной сверкающей фигуры, я мог теперь разглядеть лицо, точно сотканное из самых прозрачных лучей, улыбку уст, доброту и сострадание которого не описать никакими словами, и услышал голос.

Но как описать этот голос? Он был нежен и мягок, музыкален и обворожителен, как свирель; и он же был мощён и звонок, будто вся вселенная должна была наполниться его раскатами.

«*Строители* Жизни — только те, что духом созрели и вышли из детских понятий страха смерти.

Каждый, дошедший до такого состояния, входит в число *со*трудников Моих независимо от внешних условностей, в которых живёт на земле.

Избранники — не те, кого отмечает славой и почестями условность земная, но те, кто Дух свой слил с Трудом Бога.

Труд Бога и *со*трудников Его имеет один признак, не всем людям видимый, но *всегда* видимый Светлому Братству: *бескорыстие*. По этому признаку Светлые Братья отыскивают *со*трудников Моих в море лицемерия и страстей и берут их под свою опеку. Воспитывая их в законах Вечного, Светлые Братья вводят каждого из *со*трудников Моих в ступень *его, им самим* сотканного избранничества.

Нет «способов» стать избранником. Духа высота *горит* в человеке *видимо* для Светлого Братства и часто *невидимо* для окружающих Моего избранника людей.

Владыки Кармы, *зная силу Огня* в человеке, соединяют в нём иногда в одном воплощении все «хвосты» прежних его карм; и идёт человек-избранник *умышленно* закрытым от взоров окружающих его людей. Видят в нём личность, грандиозную и поражающую, и *не видят* Меня в нём.

Тебе — путь иной. Вне очередных посвящений и ритуалов неси Евангелие Новое, будоражащее и закаляющее дух людей. Властью чистой радости расчищай костры мусора и предрассудков труда и работы, в которых, как муравьи, засели и погрязли люди, думая, что *труд* их есть неизбежное *закрепощение*, пока живут на земле.

Трудиться должен каждый, не привязываясь к труду, не ища в нём результатов, за которые награждают. Но славя в своём труде Бога и ближних. Труд человека есть *славословие* дню.

Внеси ясность и понимание, что труд есть радостная *основа* и *свобода* жизни. Внеси понимание *нераздельности* труда неба и земли, как и *нераздельности* жизни земли и неба.

Вся помощь, которую ты вместить *можешь*, даётся тебе от Меня через Светлое Братство. Внимая Мне и слугам Моим, Братьям Милосердия, неси день не как подвиг горя, но как счастливый человек, понимающий, что *день* жизни *лёгок*, что он есть *сила* сердца, то есть ни мысль, ни чувства *не ощущают тяжести* героического напряжения, но *живут* в ней легко и радостно, ибо *видят меня* и трудятся со Мною».

Не знаю, сколько времени сиял Свет, когда застлалась фигура Живого Бога туманом, — я не жил на Земле, я влился в струи Света — и счастью прожитых в блаженстве минут нет названия...

Когда я очнулся, Владыка стоял за мною, держа обе руки на моей голове, и тихо говорил что-то, обращаясь к чаше, но я не мог ещё ничего разобрать...

Владыка поднял гигантскую чашу с престола. Чаша вся горела золотом, кипевшим в ней и вокруг неё как огонь. Подняв её высоко, Владыка сказал:

— По велению Твоему.

С этими словами, произнесёнными на языке пали, он опустил чашу мне на голову. Я ощутил невероятной силы толчок и треск; как от удара грома сотряслось всё моё тело, я был оглушён и ослеплён. Но это продолжалось одно мгновение, вслед за которым во мне и вокруг воцарилась та божественная тишина, которую я уже испытал у этого алтаря, когда увидел на стене сияющую божественно прекрасную фигуру.

— Тебе от Твоих, — тихо произнёс Владыка, всё ещё держа чашу на моей голове.

Через мгновение он поставил чашу на престол, сошёл со мною со ступеней и, остановившись перед ними, точно повинуясь неслышному и непонятному мне приказанию, так же тихо произнёс:

— Да будет воля Твоя.

Я не знал, кому говорил Владыка, ибо в комнате сверкала только великолепная звезда, от которой бежали к Владыке мелькавшие в лучах светлые, золотые, менявшие форму мыслеобразы, которых читать я не умел.

Поклонившись низко всё ещё сиявшей звезде, Владыка приблизил меня к себе и сказал:

— Нет чудес, есть только ступени знания. И это знают все мудрые. Но, кроме ступеней знания, есть ещё ступени Милосердия, и о них не знают не только обычные люди, но не знает и большая половина мудрых. Ступени Милосердия не открываются людям земли, ибо они редко доходят до *истинной* силы Духа, то есть редко на самом деле, в активной деятельности серого дня, *живут в двух* мирах, стоя в них *в полном бескорыстии и славя минуту текущей вечности*. Через каждую ступень Милосердия ведёт человека, если Божественные Владыки дают на то Своё повеление, кто-либо из высоких членов Светлого Братства. Неисчислимо количество ступеней Милосердия. И однажды открытое человеку как восхождение к Истине, оно не прекращается для него никогда. Вступивший однажды на первую ступень Милосердия дойдёт и до последней, кончающейся у ног Живого Бога на той планете, где человек живёт. Для ступеней знания человеку нужны какие-то усилия, чтобы *вскрыть в себе* живущее уже там, но не сознаваемое ещё ясно знание. Для ступеней Милосердия никаких усилий человеку не нужно: *в нём* читают очи Бога *его* чистоту и полное бескорыстие, и по этим признакам отдаётся Божественный приказ — всегда определённым членам Светлого Братства — *ввести* человека в ступень Милосердия, то есть помочь ему войти в путь труда и общения с Богом. Я сказал: ступеней Милосердия неисчислимое количество. Если ступени знания людей *всегда* совпадают с трудом невидимых помощников семи лучей человечества, то ступени

Милосердия *никогда* не идут для человека, подчинённые каким-либо законам, установленным для человечества. Очи Бога той планеты, где живёт человек, обращая взор Своей силы на человека, вырывают его из всех условий его бывших карм, сливают его с Собой и кладут на него венок Своего *со*трудничества, а люди говорят о нём: святой, мученик, угодник, герой. Чтобы очи Бога почили на человеке, он должен обладать, при своём бескорыстии и чистоте, ещё и полным самообладанием. Если видишь людей, владеющих в полной мере своими органами и своим характером, то есть людей, совершенно освобождённых от давления личности, то всегда *точно* знай: это люди, идущие ступенями Милосердия. Перед каждым человеком раскрыты все дороги Жизни. Ты понял, что нельзя *избрать* человека по его *кажущимся* признакам добродетели. Его можно только ввести в *те* слои вибраций Гармонии, что в нём *живут, невидимо* для людей и видимо для очей Божественных. На какую из ступеней Милосердия ступит нога человека — то определяется силою воли человека. Сила воли Христа или Будды зависела от их полной освобождённости, и очи Бога могли вызвать их для жизни и действий на последней ступени Милосердия, где настало их *полное* слияние с Богом. Вникни ещё в одно указание, что повелел мне растолковать тебе Великий Бог, Господь нашей планеты — *Санаткумара*.

Владыка стал на колени и коснулся челом первой ступени престола. Вся фигура его выражала благоговение и счастье, в которых он произнёс Божественное имя. Я последовал его примеру, шепча чудесное имя и славя Его всем сердцем за всё излитое мне Милосердие. Поднявшись с коленей, Владыка, сияя всей своей фигурой, продолжал:

— Никогда, нигде и ни перед кем не произноси этого Божественного имени без особого на то указания. Настанет время, и всё, что ты испытал здесь или вообще в своей жизни, будет указано тебе передать людям. Только для этого шла, идёт и будет идти вся твоя жизнь, только для этого пришёл ты сюда. Но тот, на ком почили Очи Бога — выведя его из всех общих законов движения людей, взяв его в Свои непосредственные *со*трудники, — должен жить не на земле, а в двух мирах, чётко понимая, что *живёт* в мире неба, а *трудится* в мире земли. Имя, открытое тебе здесь, носи всегда *живым* в своём сердце, обращай к Нему свои молитвы и, держа за руку Учителя, ближайшего наставника и помощника, с ним идя в труде земли, *знай*, с Кем, где и как *со*трудничаешь. Это всё, на что получил я веление открыть, вернее сказать, растолковать тебе. Лично же от себя прибавлю: будь благословен не только как человек, с которого начинается круг наших — Владык мощи, так долго зажившихся на земле, — освобождений. Будь благословен как избранник Божий, как часть Силы, подаваемой людям для их ускоренного освобождения. Прими моё благословение, друг и брат. Всё, что было мне определено передать тебе, я сделал. Сейчас я получил приказ отвести тебя к старшему брату моему, к тому, кого ты зовёшь Владыкой-Главой, — закончил он, и на устах его скользнуло нечто вроде юмористической улыбки, преобразившей неожиданно это всегда серьёзное лицо, серьёзное даже при улыбке и выражении чрезвычайной доброты, столько раз проявленной мне за время моего пребывания у Владыки.

Поблагодарив моего милостивого Учителя за его благословение и за всё, что он для меня сделал, я только хотел обратиться к нему с просьбой разрешить мне войти ещё раз в его лабораторию и взглянуть в последний раз на горящие башни, как он, прочтя моё желание, сказал:

— Войди, друг. Ты можешь ещё раз посмотреть на башни и их Владык. Можешь ещё раз принести им и их труду благословение и благодарность, но ты ошибаешься в одном: для тебя — как и для всех тех, кто вошёл в этот дом с тобою, — нет больше нигде и ни в чём «последнего раза». Если Божественный Владыка Санаткумара вводит кого-либо в Своё *со*трудничество, то всё знание и откровение, которое даётся человеку по Его приказу, остаётся в сознании человека навеки. Человек, *посвящённый* Им Самим, идёт по ступеням Милосердия и уносит Огонь Знания с собой всюду, где и как ему будет определено жить. Башни всегда будут гореть перед твоим ясным взором, и ты всё дальше и больше будешь постигать величие Труда Бога и Его *со*трудников на земле. Но войдём... Сердце твоё так переполнено благодарностью и благоговением, что даже от этих святых чувств ему надо освободиться, чтобы в нём громко звенела «Звучащая Радость», и только таким, совершенно свободным, устойчивым, уравновешенным, в полном самообладании и уверенности, можешь ты войти для свидания с Владыкой-Главой.

Со своей предоброй улыбкой Владыка ввёл меня снова в лабораторию. Я видел всё ясно: башни сверкали, казалось мне, ещё ярче, чем когда я видел их впервые; за ними я видел беспредельную пустыню и... знал уже, что в центре её лежит дивный остров с садами, знал, Кто обитает там... Я преклонился, благословляя всю вселенную, благословляя Труд Бога и людей, благословляя их скорби и радости, их любовь и слёзы, их веру и надежды, их труды и разочарование...

— Пойдём, друг, Владыка-Глава ждёт нас, — чуть юмористически произнёс Владыка, делая ударение на моём названии «Владыка-Глава».

Я обвёл взглядом грандиозную комнату, и поневоле чувство прощальной грусти вырвалось в моём вздохе.

— Чудной мальчик, — тихо сказал Владыка. — Ты поистине дитя и даже не понял, что для тебя нет «прощания». Я буду с тобой всегда, так как нас с тобой связало То, выше Чего на земле нет ничего, и Оно благословило наш нераздельный труд для блага братьев земли. Ты будешь приходить сюда часто и здесь будешь пополнять свои знания и закалять свои силы. Как ты будешь приходить сюда — о том скажут тебе твои ближайшие наставники. Не упреждай событий. Живи и действуй так активно, как если бы ты жил свои последние часы, и неси людям всю полноту чувств, не думая ни об одной следующей минуте, *зная*, что *есть* только одна *протекающая* минута Вечности.

Владыка прижал меня к себе, я горячо прильнул губами к его огромным, прекрасным рукам, ещё раз оглянулся на всю необычайную комнату, и мы вышли на лестницу, чтобы спуститься в нижний этаж, к Владыке-Главе.

Я поразился сам, как легко я шагал по грандиозным ступеням. Когда я поднимался в седьмой этаж, несмотря на помощь Владыки, мне было трудно: сердце моё билось и пот градом катился по щекам. Теперь же, хотя спускаться по всякой круче гораздо труднее, я прыгал легко, чувствуя в себе силу льва. Мне казалось, я мог до беско-

нечности совершать это прыжкообразное путешествие, и был удивлён, когда Владыка остановился и сказал:

— Мы пришли. Вспомни в одно мгновение всё, что ты унёс в сердце и в сознании за время своего пребывания у меня. И *в полном самообладании*, о котором ты читал в Огне и о котором я тебе говорил, войди к старшему брату моему.

От слов Владыки огромная волна радости, точно вал океана, прокатилась по мне. Ещё раз я осознал, какая грандиозная перемена совершилась во мне. Зрение, слух, физическое тело — всё было легко, гибко, ни в чём я не испытывал затруднений и даже представить себе не мог, чтобы слабость закралась в какой-либо орган моего проводника. Поразило меня только то, что я видел всё вовне сквозь стены здания, но внутренняя стена, охранявшая лабораторию Владыки, была для меня непроницаемой. Читавший мои мысли, как открытую книгу, Владыка сказал мне, улыбаясь:

— Ты встретился на опыте с главнейшим из духовных законов: нет тайн и преград в делах движения духа. Есть только *сила* духа и его чистота, в самом человеке живущие. Ты видишь всё там, где духом поднялся и овладел. Но там, где сила духа твоего *ниже* сил встречаемых тобою факторов, ты ни видеть, ни слышать не можешь. Будь готов!

Предостерегающие слова Владыки не успели отзвучать, как дверь бесшумно отодвинулась, открывая перед нами зияющее пространство, всё охваченное огненной рамой. Через такую же огненную раму я видел вошедшими сюда Владыку-Главу и Андрееву, когда мы впервые входили в лабораторию стихий. Только теперь, мне казалось, огонь дверной рамы бушевал гораздо сильнее. Мне самому было удивительно и странно, что огонь рамы не устрашал, а радовал меня, возбуждая во мне энергию. Мысль об этом мелькнула, я произнёс имя: «Мория» и одновременно с Владыкой переступил страшный порог. При первом же шаге в комнату Владыки-Главы я услышал треск и как бы раскат дальнего грома; но всё вокруг было заполнено туманом, и я не понимал, ни откуда идёт гром, ни где я, не знал даже, тут ли мой Владыка-Учитель. Я остановился, полный радости и силы, и ещё раз тихо произнёс: «Мория».

— Почему ты входишь ко мне, друг, произнося это имя, когда ты знаешь имя более могущественное, имя Великого, пославшего тебя сюда?

Передо мной в рассеявшемся тумане стоял Владыка-Глава, и это его голос я услышал среди густого тумана.

— Привет тебе, Владыка-Глава, — ответил я, — Прости, что я называю тебя так, но иного имени твоего я не знаю. Я назвал священное для меня имя Мории, имя Учителя, так много помогавшего мне в жизни, только потому, что имя Божественное — навсегда живущее теперь во мне — не смел произнести громко. Прости, если я поступил не так, как следовало.

— Войди, друг, будь здесь не гостем и не учеником, но чётко сознавай себя частицей Единого, для труда и служения которому ты *сюда* вошёл, и во мне зри тоже только частицу Единого. Все те, кто *мог* увидеть Божество Земли, приносят Его труд не только в те места, где они сами живут, но и во все души человеческие, *готовые* при-

нять новое слово, посылаемое им Богом через своих гонцов. Во имя Единого Бога я приветствую тебя, и да сойдёт Его благословение на наш взаимный труд.

Владыка-Глава взял меня за руку, и я увидел, что комната, где я стоял, была вовсе не похожа на лабораторию моего Владыки. В ней не было столов с башнями, а стояло множество шкафов с книгами, несколько письменных столов и какой-то один грандиозный прибор, пожалуй, по своим размерам тоже напоминавший башню.

Не успел я оглядеться, как Владыка-Глава снова спросил меня:

— Что же ты не приветствуешь свою подругу? Ведь ты немало думал о ней, когда спускался сюда?

Я недоумевающе оглянулся на Владыку, так как не видел нигде моего дорогого друга, Наталью Владимировну.

Звонкий смех донёсся ко мне откуда-то сверху, и наконец я различил её, тучную и плотную в моей памяти, — казавшуюся сейчас крохотным ребёнком. Зарывшись в грудах книг, она сидела на одной из высоченных полок, куда её, очевидно, посадил Владыка-Глава. От всей её фигуры шёл свет, которого я раньше в ней не замечал, и даже смех её показался мне особенно мелодичным, лишённым всякого сарказма, так свойственного ей прежде.

Владыка-Глава подошёл к полке — и в один миг Андреева стояла рядом со мной. Посмотрев в её лицо и глаза, я застыл от удивления и не мог произнести ни слова. Перемена в ней была для меня не переменой, каких я в ней уже немало видел, но целым переворотом.

Всё в ней как будто было то самое, что я хорошо знал; и вместе с тем всё было незнакомое, высокое, святое. Глубочайший серьёз, доброта и свет мира лились от всего её образа. Я смотрел на неё во все глаза, она, в свою очередь, молча глядела на меня и покачивала головой.

— Подойдите сюда, друзья мои, — раздался снова голос Владыки-Главы, который сидел на широком кресле и указывал на места возле себя на высокой скамье, которая была для него крошечным возвышением, вроде порожка. — Скоро все вы, вместе вошедшие в этот дом, также вместе и выйдете из него, чтобы рассыпаться по земле для блага и счастья людей. Каждый из вас знает точно свою миссию; и для каждого из вас было сделано всё, как повелела Божественная Сила. Одного тебя было угодно Провидению, — Владыка обратился ко мне, — посвятить не только в знание Труда Вечного, но и в *полное* понимание психологических задач современного тебе человечества. За этим последним ты и пришёл ко мне. Что первое из великих истин, данных тебе для новой проповеди, ты должен раскрыть людям, помимо того, что тебе уже растолковал Владыка — брат мой?

«*Первая* истина, которую проповедуй в своих новых произведениях: только тот человек *может* войти в полное понимание своей роли на земле и смысла своей земной жизни, кто в своём куске хлеба *не видит горечи*, то есть в ком исчезло окончательно чувство зависти.

Тому, кому ещё свойственны сравнения своей судьбы с судьбами других, нет места в предстоящей деятельности людей будущей расы. Полная радостная самостоятельность и независимость каждого есть остов будущего человечества.

Как к этому приходят? Через полное освобождение от страстей, что ты уже осознал не только умом, но и в активном действии. Проводи практически, на чарующих образах, в жизнь разума и духа людей эти понятия.

Второе: нет места двойственности в земной жизни человека, когда он разбивается *между* служением Богу и мамоне.

У освобождённого — нет места компромиссам. Есть кусок хлеба и труд, которые всегда *славословие* дню. Разрыв в психике, вопрос: «*Как соединить* то и другое?» — это только личности *одной* земли зов.

Ты же вноси понятия *единственной* возможности радостно *жить*: войти духом и мыслью в *неразрывную жизнь двух* миров.

Третье: нет религий как навязанных устоев морали, жердей и подпорок, костылей и палок Света, чтобы ими подпирать быт земли: этим путём идут только в ещё большее закрепощение.

Есть неизбежное и для всех вечное правило: определить *своё* отношение к Богу и религии как к *единственному* закону Жизни, который *каждый* устанавливает для себя сам. Помогай сбросить предрассудок, что, закрепостившись в материалистической башне, *можно* составить себе свободное существование. Свобода — сам человек, *его* вскрытый Бог. Извне свобода не добывается — Она *есть* Гармония.

Четвёртое: не проповедь неси, но Евангелие Новое. Какая и в чём здесь разница? Проповедь есть знание, *не* подкреплённое собственным примером. Она может быть велика, но она не является словом Бога, передаваемым *гонцом* Земле.

Со словом Бога, *передаваемым* Земле, то есть с Евангелием Новым, идёт гонец, получающий силу *жить* самому так, как звучат передаваемые им Слова.

Даже смерть не может остановить или поколебать гонца Бога. *Он* в человеке и человек *в нём* — *всё* слито воедино.

Пятое: слово мира и любви ты понесёшь людям *не* как возобновлённый *догмат*. Ты будешь учить людей *жить без догмата, имея Живого Бога* мира в сердце.

Пытайся разъяснить тягчайшее заблуждение: жить духовно по *указке другого*.

Человек будущего должен жить в полной свободе, то есть в полном раскрепощении. Как самостоятельность в хлебе и труде, так и самостоятельное развитие в Духе и Огне необходимы будущему человеку, психические чувства и силы которого будут легко развиваться. Но условием для их цельного и истинного развития должна быть *полная устойчивость* в своей самостоятельности, что равносильно непоколебимой верности.

Через определённые периоды времени, Самой Жизнью устанавливаемые, выбрасываются *ею* новые лозунги людям, по которым — как по ступеням лестницы — люди поднимаются к высотам, которые кажутся им приходящими извне. На самом же деле Любовь, зорко следящая за развитием сил людей, *видит* тот момент, когда человечество *может* двинуться вперёд, и шлёт ему своих пионеров, помогающих сжечь предрассудки старого и начать новый цикл восхождений».

Окончив говорить, Владыка-Глава встал, подошёл к Наталье Владимировне и, положив ей на курчавую голову свою огромную руку, продолжал:

— Кончай теперь изучение тех последних томов, что тебе ещё остались, и не забудь данных тебе записей, — с этими словами он посадил её снова на полку, где я застал её при входе в комнату.

Движения Владыки-Главы были при этом совершенно такие же, какими мой Владыка-Учитель пересаживал меня, — точно она была без веса, как пёрышко или орех.

— С тобою же, друг, у меня будет особая беседа, которая не только предназначается одному тебе сейчас, но о которой ты никогда и нигде не упомянешь. Ни один человек не услышит от тебя ни единого слова из нашей беседы, как бы высоко он ни стоял в твоём мнении и в его месте во вселенной, если на то тебе не будут даны особые указания. *Молчание*, указанное ученику, есть та же верность, через которую он подходит к своему посвящению. То не тайна, но тот огонь Духа, что может быть пролит с пользой только так и там, где указан. При нарушенном послушании ученика он может сжечь и разрушить задачи Жизни вместо созидания.

Владыка быстро прошёл через свою огромную комнату, открыл дверь в стене, в том месте, где находилась комната с диваном у моего Владыки-Учителя наверху, и пропустил меня перед собою в ярко освещённую комнату. Она ничем не напоминала той комнаты, где я дважды спал под шкурами серебристых лис.

Престол-алтарь находился здесь прямо против двери. Он был огромен, во всю высокую стену, и на нём стояли семь громадных чаш, горя и сверкая всеми цветами горящих башен. Над каждой из чаш, точно живой, сиял вделанный в стену портрет Учителя того луча, цвет которого она отражала. И в руках каждого из Учителей сверкала чаша его цвета.

Всё так сверкало, переливалось в дрожащих лучах, представления о трепете которых не мог бы дать самый драгоценный волшебный фонарь, что я, поражённый дивным величественным зрелищем, упал на колени, славя имя Бога.

— Ты прав, сын мой, здесь обитает Сама Жизнь, и в непрестанном трепете лучей ты видишь воочию *Её вечное движение*.

Владыка поднял меня с коленей, прижал меня, дрожащего и ошеломлённого, к себе и продолжал:

— Много раз уже Жизнь выбирала человека для миссии Своей любви, помощи и спасения людям. Многим подавался *Её зов*, но не все могли его принять. Некоторые из тех, кто его принимал, не имели сил верности поднять его как *крест радости* на свои плечи. В эти минуты, когда ты стоишь в *Её* Святая Святых, не думай о том, *хватит ли* твоей верности, чтобы пронести *Её* крест. Не думай о *предстоящем* подвиге, о том, что *будет*, когда ты выйдешь отсюда. Думай только о *высочайшем* счастье: *внимать сию минуту голосу Бога*. Внимать Ему, забыв о себе, раскрыв всю сердца чистоту, всю радость, чтобы *каждое* слово Его могло запечатлеться в сознании твоём навеки.

Владыка опустился вместе со мною на колени, и началась его со мною беседа.

Я ещё не получил указания рассказать кому бы то ни было об этой беседе, а потому здесь я опускаю занавес моего благоговения.

Глава 29

Башня стихий природы в лаборатории Владыки-Главы. Его объяснения мне и башня стихий в пространстве. Стражи стихий, их труд и роль в передаче творческого вдохновения. Великий Учитель Маха-Чохан. Его роль в мировом труде. Последнее наставление Владыки-Главы мне и Андреевой. Наш выход из лаборатории стихий и новая встреча с И.

Окончив беседу, Владыка-Глава снова пропустил меня впереди себя в свою лабораторию. Дверь священной комнаты закрылась, стена слилась в одно целое, и никто не сказал бы, что она открывалась и пропускала нас.

Подведя меня к единственному во всей его лаборатории прибору, башнеподобному и грандиозному, Владыка сказал мне:

— Ты видел горящие башни Энергии и Любви. Ты видел на них *со*трудников — тружеников неба и земли, видел *неразрывную связь* неба и земли в *труде Вечного*. Тебе предстоит увидеть ещё труд Единой Жизни в Её слиянии со стихиями природы. И здесь, как во всём *Труде Вечного*, нет чудес; есть только знание. Ты видишь на этом приборе семь этажей. Четыре нижних этажа отражают в себе Жизнь в Её четырёх стихиях: огня, воды, воздуха и земли. Самая яростная и действенная из стихий — огонь. Эта стихия, весь труд её Владык, отражены в самом нижнем этаже башни, который ты сейчас видишь золотым и спокойным, так как деятельность его скрыта от твоих глаз. Гляди на эту часть башни и ты увидишь её просыпающуюся для твоих глаз деятельность. И ещё раз пойми и запомни: можно стоять у источника Жизни — и *не* видеть его. Поэтому в предстоящих тебе встречах Земли никогда не удивляйся, когда люди будут слушать твои слова и *не* слышать, то есть не понимать их смысла. Будут читать твои произведения, выбирать то, что *им* будет нравиться, и пожимать плечами на всё остальное, что они будут связывать с *твоею*, им не нравящейся или им непонятной личностью и говорить: «Мало ли кто и что выдумывает?» в этих случаях *ты* помочь людям ничем не сможешь, так как *их* глаза ещё не пробудились — и потому видеть *не* могут.

Владыка взял один из семи небольших молотков, лежавших на столе у башни. Молотки все были одной формы, одного размера и по виду одного золотого цвета. Но как только Владыка взял крайний молоток в руку, он показался мне куском горящего огня в форме молота, во много раз превосходившего размерами виденный мною незадолго перед этим на столе молоток. Я поразился, как мог Владыка держать в руке такой грандиозный горящий молот, одно прикосновение к которому, казалось, грозило немедленно испепелить человека, как вдруг услышал его изменившийся громкий голос:

— Только бесстрашный может приблизиться к престолу труда Твоего, Великий Владыка. Бесстрашного защищает чистота его верности Тебе, и Огонь Твой не сжигает его, но вводит в Вечное знание, Тобою Одним открываемое.

Ещё звучали в ушах моих слова Владыки; ещё я весь был под обаянием его изменившегося голоса и особенной силой дышавшего взгляда, как рука его коснулась моей, вложила в мою ладонь горящий молот. Указывая мне на выступ в стене, к которому в одно мгновение он меня перебросил, он властно приказал мне:

— Бей молотом Любви и радуйся счастью жить ещё одну минуту в *полном* действии чистого сердца, в сотрудничестве со мною, пред лицом Живого Бога.

Я не ощущал ни палящего огня, ни тяжести молотка, я весь был воплощением радости, залившей меня всего, как в часовне Великой Матери. Сколько было сил моих, я ударил по указанному мне выступу стены, прошептав: «Великий Живой Бог Санат-кумара, во имя Твоё жить и действовать — да будет единственной целью моей жизни».

От своего удара по выступу стены я содрогнулся сам, дрогнула вся комната, искры закрыли всё вокруг меня. Рука Владыки взяла у меня молот, который я теперь держал двумя руками. Искры рассеялись, вся стена горела ярким огнём. За мною на столе нижний этаж башни также весь горел красным пламенем.

Положив руку мне на темя, Владыка молча указал мне сквозь стену. Я увидел пустыню, в самой мёртвой части её увидел прекрасный сад и в глубине его — на одно мгновение — увидел Того, Чьё имя произнёс, ударяя в стену, увидел Его благословляющую руку...

— Вот горит в пространстве башня стихии огня, — услышал я голос Владыки и увидел в пространстве высокий и широчайший столб огня, вырвавшегося из земли, точно из гигантского кратера. — Видишь ты движущиеся огненные фигуры? То духи стихии огня, труженики, весьма редко видимые людям, но чётко видимые всем освобождённым. Они крепко связаны в своём труде *со всеми* тружениками неба. В каждом округе вселенной есть свой Владыка округа, *всегда* высокий член Светлого Братства. Ему подчинён труд всех людей, животных округа и всех тружеников четырёх стихий, как и вся жизнь растений Земли и весь труд невидимых помощников округа. Ты видишь, что из глубоких недр Земли труженики огня выносят куски пламени. Вглядись, куда прежде всего несут они куски огня Земли?

Я внимательно рассмотрел горевший нижний этаж башни. Он был, в свою очередь, разделён на четыре этажа и во всех четырёх я видел деятельность трудящихся человекоподобных духов.

Я стал следить за работой огненных существ и увидел, что все они были разные. Были более яркие и более бледные. Были больше и меньше по размерам; были яростно рвавшиеся, неукротимые, все в пламени и были нежно и осторожно нёсшие огонь.

Наиболее яростные, самые большие труженики выбрасывали целые костры огня, который не поднимался наверх. Он пылал и клокотал, как взбаламученное море на Земле. Сбросив огонь с себя, точно отряхивая горящие струи у основания пламневшей башни, самые большие духи ныряли в недра Земли. Они определённо периодически скрывались в них и вновь подымались к основанию башни, нагруженные снопами бушевавшего огня.

Вся их деятельность состояла в добывании огня в недрах Земли и в сбрасывании всё новых и новых снопов его в клокочущее огненное море. Лица их были мрачны и действия сосредоточены, сами они багровы.

Духи меньшего размера и более лёгкой формы в первом этаже башни разбирали струи пламени. Они точно граблями расчёсывали его, растягивали в правильные ленты и доводили эти огненные ленты до второго этажа. Там духи формы ещё более лёгкой и прозрачной, размеров меньших и менее багровые, с большей примесью фиолетового, розового, оранжевого и жёлтого цветов в своих телоподобных формах, свивали ленты в нечто вроде канатов — снопов красного цвета, вплетая в них упомянутые мною тона огня, сверкавшие в их формах.

Ещё этажом выше ловкие, лёгкие огненные служители вплетали в канаты нити зелёного, синего и белого огней всех тонов и оттенков. На самом же верху очаровательные, весёлые, смеющиеся духи, прелестного огненного, мягко сверкавшего цвета с большой примесью золота отрывали от продвинутых в их этаж канатов крошечные кусочки и мчались с ними, высоко поднимаясь над своей башней к горевшим в пространстве башням лучей.

В работе чудесных огненных тружеников наблюдалась строгая закономерность. Некоторые брали кусочки огня только с одной стороны башни, другие — с другой стороны, никогда не переходя границ, кем-то установленных для их труда.

— Не раз повторяли тебе и за время пребывания твоего в этой лаборатории, и раньше, за время жизни у И., что в труде Жизни нет отъединения — *всё* слито, *всё* в гармонии. Ты видел, как трудятся для блага и спасения людей на башнях лучей. Теперь ты видишь, что башни лучей — уже дальнейшая фаза труда Творца, защитника нашей планеты и Его *со*трудников. Выбрасываемый Огонь Творца подбирают Его *со*трудники стихий и несут к башням лучей, *уже* сотканным их руками так, как указали Владыки Кармы. Мы, Владыки мощи, живём в тесном творческом единении с ними и помогаем им создавать психическую силу для каждого из людей, читая их Вечную Хронику. В каждом этаже башни стихий есть *свой* сонм Владык Кармы. Они получают непосредственные указания от Верховного Владыки, заведующего всеми пятью лучами, от третьего до седьмого, по которым идёт всё человечество свой земной, восходящий путь. Здесь, на башне стихий, вкладываются по их указаниям в сознание будущих людей именно те силы природы и огня Земли, которые *определяют* свойства людей. Люди зовут их в будущем мореплавателями, военачальниками (если они используют истребительный Огонь), воздухоплавателями, испытателями и бесстрашными исследователями природы, неба, звёзд и морей. Отсюда — *по первоначальным* указаниям Владык Кармы с башни стихий — переносят духи стихий элементы *Начал* к башням лучей, и там, руководимые Владыками Кармы *текущих* циклов жизней людей, труженики неба *подбирают* и *проносят* элементы Начал с башни стихий. Их труд ты уже не раз видел, теперь видишь его яснее *в связи* с трудом башни стихий и понимаешь ясно: *связь всех начал жизни воедино* заложена в *каждом* живом существе.

Владыка помолчал некоторое время, как бы давая мне глубже вникнуть во всё происходящее передо мною.

Уже созерцание грандиозных башен лучей, показанных мне первым Владыкой-Учителем, наполнило меня благоговением и трепетом перед Мудростью. Величие же того, что я увидел сейчас, — глубочайшая закономерность и целесообразность Труда Жизни, *Любовь и забота о каждом существе*, сонмы беззаветно любящих, бескорыстных тружеников, имевших одну цель: благо людей, — заставило меня застыть в благоговении, и я невольно воскликнул:

— О, как прекрасна Жизнь!

— Да, сын мой, ты прав, прекрасна Жизнь! — тихо сказал Владыка-Глава. — И несмотря на неусыпные заботы Жизни о людях, ты сам знаешь, как редко на земле человек бывает счастлив. Как редко в его сознание проникает мысль, что *единственная* непобедимая сила — это радость. И ещё реже ты можешь встретить на земле освобождённое существо, *утвердившееся* в знании, что *каждый верный сын жизни должен нести встречному радость и оправдание в своём сердце*. В безумии своём, отъединяясь в своём эгоизме от людей, человек чувствует себя одиноким; а сливаясь с ними в *личных связях*, называет жизнь свою полноценной. Ты же сейчас понимаешь, что ни те, ни другие не могут найти пути к освобождению, то есть пути к Истине. Ибо лишь те его найдут, кто на самой Истине, *в себе* носимой, ищет единения с трудящимися земли и неба. Взгляни теперь на труд Владык стихий воды, воздуха и земли.

Владыка взял тройной золотой молоток, лежащий на столе, и в его руке он принял вид огромного трёхголового молота, сверкающего фосфорным, золотым и белым дрожащим огнём, сплетавшимся в змеевидные кольца и клубни. Вложив мне и этот молот-трезубец в руку, Владыка передвинул меня несколько правее, указал мне на нечто вроде наковальни, горевшей как золото, и сказал:

— Бесстрашному и верному до конца — Твой призыв до конца. Прими сына, Тобою призванного.

С этими словами он указал мне ещё раз на наковальню. Я ударил по ней, призывая великое имя Живого Бога Санаткумары. Раздался треск, как бы подземный грохот, шум, точно буря на море, и вой ветра, напоминавший мне содрогание маяка матери Анны в самые страшные минуты бури в пустыне.

— Всё во славу Твою, Господи, ибо *всё* — Ты, — прошептал я, едва устояв на ногах от своего удара.

— Да, сын мой, ты ещё раз прав. Всё — Он, Всеблагой. А весь Труд, всё творчество Земли, всё — любовь величайшего Защитника и Покровителя Земли — Санаткумары, — продолжал Владыка. — Посмотри на башню на столе. Что пробудил в ней твой удар?

Я посмотрел, как он приказал мне, и увидел, что ещё три этажа башни, бывшие дотоле спокойными, зажглись самыми фантастическими огнями. Рядом с этажами огня теперь клокотал и пенился огонь, белый, точно морская пена. Над ним переливался этаж золотого, жидкого, прозрачного огня, похожего на солнечные лучи. Он завывал, точно откуда-то гнал его ветер. То был этаж стихий воздуха.

И последний из горевших этажей, отображавший стихии Земли, весь был взъерошен, покрыт дымом, из-под которого вырывались клочья коричнево-красного

огня. И сверху, точно отображая молнии неба, в дым Земли вплетались струи яркого огня, смешиваясь на взъерошенной поверхности, как на спине чудовища.

Этаж стихии Земли казался тяжёлым прессом, давившим собою все остальные стихии.

— Смотри в пространство и наблюдай, — приказал мне Владыка.

Я повернулся к прозрачной теперь для меня стене лаборатории Владыки и увидел ожившие этажи башни стихий. Боже мой, что это было за зрелище! Всё то, что я только что описал оживотворённым в лаборатории на башнеподобном приборе Владыки, увеличенное в сотни раз, трепетало передо мною в пространстве.

Башня стихий — не в пример тому, что я видел до сих пор, — вся расширялась вверх. Земля, как гигантский гриб-сморчок, покрывала собою все остальные стихии. Я был подавлен и ослеплён и почти не мог овладеть собою.

Владыка-Глава стоял молча рядом со мной. Наконец он положил руку мне на голову и заговорил:

— Много, много раз земля и небо твердили тебе о полном и совершенном самообладании. Не только тот, кто призван Единым для высокой миссии *со*трудничества с ним, но и каждый простой человек, начавший свою истинно человеческую, а не получеловеческую стадию жизни на Земле, *должен* достичь *полного самообладания*. Ты же, как и каждый гонец Светлого Братства, не можешь выпадать из самообладания ни на одну минуту. Ни при каких феноменах, ни при каких обстоятельствах, ни при каких встречах ты не можешь стоять растерянным, потеряв собранность внимания хотя бы на один миг. *Каждое* мгновение — мгновение летящей Вечности, — в которое *ты выпал* из полного самообладания, оставило не только тебя за бортом корабля, но и всех *тех*, с кем *ты связан* мыслями, делами, трудом, перепиской и даже временно случившимися встречами. Всё, связанное с гонцом Единого, вступает *через него* в связь с Вечным и лежит на его карме, на его сознании, на его активной деятельности, как пелена. Эту пелену пронизывает Свет через чакрамы и внимание гонца. Чакрамы встречных людей движутся и очищаются через чакрамы гонцов, с которыми они вступили в духовную связь, ещё *ближе* и *сильнее*, чем очищаются чакрамы людей через чакрамы Владыки округа. Тебе предстоит вернуться в общество людей, неся им великую миссию. Поэтому твоё самообладание не может выходить из рамок полной радости.

В чём *сила* твоего, как и каждого человека, самообладания? *В полном знании*, в ежеминутном *ощущении в себе* живой Жизни. Ты *чувствуешь* каждую минуту влияние, связь *непосредственную* с Единым. Чувствуешь её и через всех членов Светлого Братства, и через каждое стихийное явление, и через каждое встречаемое сердце, куда *ты* вводишь ток Любви, идущий *к тебе всеми* путями из *первоначального* источника, Представителя Единого на Земле, Великого её Защитника и Властелина Санаткумары. До сих пор ты жил, не зная этого великого имени. И Жизнь твоя текла по всем *гармоничным тебе* ручьям, всюду защищая тебя, открывая тебе всё новые и более высокие ступени священной иерархии. Что теперь составляет обязанность твою перед людьми и небом? *Быть* живым примером того, *как передаётся* в простую жизнь серого дня могучая сила помощи и забот Любви. Тебе предстоит счастье развернуть людям великую и ослепительную панораму деятельности и за-

бот всех светлых сил Земли *о каждом* живом и умершем человеке. Тебе предстоит счастье вскрыть в человеке *не мысль, не* одно *сознание* постоянного сожительства и сотрудничества со всеми Светлыми земли, но расчистить каждому человеку путь к его собственному сердцу, чтобы он *там* мог *почувствовать* вечную связь — в активности действий серого дня — с Божественной Силой Санаткумары. Ты должен вернуться в общество людей не только закалённым бойцом, в полном бесстрашии и самообладании, но и в полной *мира* верности. В той верности, что не знает колебаний и растерянности ни при каких катаклизмах природы, событий и людей. Весь твой день серого труда, как и величайших подъёмов, — всё только *прямой*, как электрический канат, путь *передачи людям в слове сил, знаний и помощи Светлого Братства*. На одном из первых мест в твоих произведениях должно стоять втолковывание людям — постоянное, упорное, на все лады доказываемое, — *что* такое обязанности *обычного* человека по отношению к семье, к соседу, к встречному. Не менее важно человеку, переставшему быть слепым, понять, почувствовать и *проводить* в жизнь обязанности перед встречным и перед самим собою в данное ему воплощение. Обязанности человека в его быту — *не карма* и её давящий гнёт. Обязанности его — *радость передать сердцу встречного каплю облегчения и мира*. Это — не пассивное восприятие текущей жизни как результатов прошлого; *но активная борьба за свет в ежедневном труде без компромиссов и утомительной нравственной раздвоенности в нём*. Подробно обо всём этом будешь не раз ещё наставляем И., Венецианцем и главным твоим водителем, великим братом и мощным другом человечества — Морией. Теперь, когда ты снова вошёл в полную силу самообладания, смотри внимательно на башню стихий. Почему земля имеет такой взъерошенный вид? Почему её атмосфера дымчато-серо-коричневая? Почему огонь на ней выпирает клочьями? Почему она давит собою все остальные стихии, точно схоронив их под собой? Давит она все остальные стихии лишь иллюзорно. На самом деле *они* пронзают её насквозь. И огонь, что ты видишь вырывающимся клочьями, есть именно огонь Земли, *пронзающий* всё живое на ней. Ни единой букашки, ни единого животного не могло бы существовать на Земле, если бы огонь её недр не был *влит* во всё живое, в равной мере со светом солнца. Перед тобой лежит Земля — уже результат труда Санаткумары и его Сподвижников, результат *Их* беспредельного самоотвержения. Они забыли о Себе, их труд *видел только человека* и *его* восхождение к совершенству. На этом законе Любви, данном человеку Единым как завет для Земли при его схождении на неё, строил Санаткумара всю жизнь на Земле. Всё, что идёт по этому закону, всё счастливо и светло, ибо попадает в тропы Гармонии и легче или труднее, но восходит к совершенству. Всё, что подпадает под власть грубого эгоизма, втягивается в тёмные тропы, где, заблуждаясь всё больше, в конечном счёте гибнет, не выполнив *задачи* воплощения и бессмысленно потеряв его. Ты видишь, как в сморчкообразной, точно изрытой воронками форме Земли, в каждом углублении её вращаются кругообразные светлые центры. Это прообразы чакрам человека. Это центры Земли, втягивающие в себя силы всех стихий. Ты видишь, что все они, как воронки, суживаются книзу, и свет внизу гораздо ярче, чище; и вращение его менее бурно, чем вверху, в широком конце воронки. Это уже результат труда Владык стихий и тружеников неба и земли Светлого Братства.

Руководимый указаниями Владыки, я различил сонмы двигавшихся в каждом воронкообразном центре Земли духов. Необычайное их разнообразие и многочисленность указывали на совершенно разный их труд. Но соподчинённость их одному Владыке стихий в каждом углублении, стройность их труда и полный порядок в нём резко бросались в глаза.

Помолчав немного, Владыка продолжал:

— Стихии, кажущиеся людям слепым движением, иногда губительным, иногда спасительным, идут в своём труде для блага вселенной по тем же мировым законам целесообразности и закономерности, по каким движется труд всего созданного высшей Мудростью во вселенной. И им нет дела до измышленного одной Землёй закона справедливости, как и вообще всему, что живёт в двух мирах и не понимает отъединения. Развивающееся дальше, в глубь Земли, движение прообразов чакрамов — так я буду называть их пока тебе — переходит через труд сонмов помощников в светящиеся мелкие центры, укрытые в самых недоступных людям и зверям местах. Когда я говорю «мелкие», ты видишь относительность этого понятия, ибо по масштабам Земли они грандиозны. Эти гнёзда, где сконцентрированы все Начала стихий, поддерживают жизнь планеты. И каждая планета живёт и дышит до тех пор, пока заложенные в ней Начала её центров обогревают, кормят, освещают её и помогают восхождению её и всего живущего на ней к совершенству. Начала стихий живут в Гармонии и выполняют Мудрость бьющего часа даже тогда, когда люди потрясаются окружающими и давящими их бедствиями. В каждом центре земных Начал ты видишь трудящихся *всех* стихий. Посмотри, как связаны они в своём труде с лучезарными духами башен лучей? Ты видишь, что у основания каждой башни лучей, глубоко под ней, и вокруг неё, и на некотором расстоянии от неё, расположены целые круги центров, как огневой хребет, вершинами вниз, защищающий подступы к башням. Ни одна тёмная сила не может подойти ни к одной из башен Святой Мощи, хотя многие секты тёмных имеют власть над отдельными элементами стихий. Но добиться овладения *всеми* стихиями может только светлый, любящий, *движущийся в своём труде радостью*. Тёмные не знают радости. Их орудие — упорство воли, то есть меч зла. Орудие Света — радость, и их меч: «Любя побеждай». Не только у башен лучей — скопление центров Начал. Они укрыты ещё во множестве мест Земли, и там всегда природа богата, земля плодородна и живописна, люди музыкальны и красивы и характера лёгкого. Живут центры — живёт планета, угасли центры Начал — умерла и планета. Атмосфера Земли, видимая тебе сейчас дымчатой, коричнево-красной, если ты внимательно присмотришься, на самом деле прозрачна. Духи стихии воздуха, даже коричневые, мелкие весёлые создания, ежесекундно очищают туманные скопища на Земле. Что обозначают эти скопища? То эманации людей. Бывают периоды, когда духам стихий удаётся разогнать почти все туманные скопища в атмосфере Земли, потому что в это время эманации людей не концентрируются в грандиозные кроваво-красные тучи. Это периоды мирного строительства Земли, радостный отдых от кровавых войн и одолевающей их ещё хуже войны алчности. Жадность и скупость наполняют туманные скопища, как ты видишь, не менее плотными пеленами, чем огненно-чёрно-серые пелены убийств, злодеяний и страха. Далее в своей жизни ты узнаешь, как самоот-

верженно сражаются Владыки Кармы башни стихий, *защищая* каждое рождающееся существо в его новом пришествии на Землю. Эти Владыки, крепко связанные в своём труде с тружениками шестого луча любви, *освобождают* — путём принятия на себя большей части страстей вновь входящего в воплощение человека — каждое существо так, чтобы оно *могло*, во всей полноте сознания, *выбрать самостоятельно* путь Света или мрака. Кроме элементаля, строящего в первые семь лет физическое тело человека, подбор которого каждому зависит от них, эти Владыки стихийных карм избирают из своей среды ещё покровителя и защитника каждому человеку на время всей его земной деятельности. Такого покровителя народная сказка назвала Ангелом-хранителем, а народная молва, от величайшей древности и до сих пор, видя чьё-либо неожиданное спасение, говорит: «Твой Ангел-хранитель не спал». Теперь перенеси своё внимание на верхние этажи башен. Стихий воды и воздуха мы сейчас касаться не будем. Чтобы о них *знать*, то есть иметь возможность *повелевать* ими, ты ещё не созрел. Уйдёшь отсюда только с силами повелевать стихиями огня и земли. Для двух других стихий ты ещё раз вернёшься сюда, как я тебе сказал в сокровенной беседе. Все три верхних этажа башни принадлежат Владыкам стихийных карм. Их труд, неутомимый и самый тяжёлый из всего труда Любви, ты сможешь сейчас увидеть и понять тоже только частично. Но всё, что увидишь и поймёшь, всё передашь людям, чтобы *им* легче было понять, что их полной духовной *свободе не* мешает и не может мешать никакое «предопределение». Из трёх верхних этажей башни самый верхний — это труд Владык Кармы огня и земли. Как прилежнейшие ювелиры, эти Владыки вплетают Начала Вечного в цветущие всеми цветами страстей результаты прежних карм человека. Ни в одной чаше правосудия, где человеческая мысль часто достигала гуманности и милосердия, не может быть такой великой доброты и сострадания, как здесь, у этих великих добротворцев. Эти Владыки — абсолютно свободные существа. На них не может иметь влияния не только что-либо личное, но они сами, по своему строению и составу, приближаются к лучезарному облику великих Кумар. Ты видишь, на этаже башни, где трудятся стихийные Владыки Кармы огня и земли, по краям его стоят как бы два великих Стража. Они лучезарны, прозрачны и кажутся сотканными из воздуха, хотя формы их ясно и чётко носят человеческие очертания. Двух таких же сияющих Стражей ты видишь и в следующем этаже, где обитают и трудятся Владыки стихий воздуха и воды. Стражи — всеведущи и вездесущи. Они отражают на Земле эти качества великого живого Бога Санаткумары. Они — создатели великих книг хроники Акаши. Они — *память Бога Земли*. По их указаниям бесчисленное войско добрых Владык стихийных карм в глубине земли продвигает заботы и любовь Бога в гущу толп людей. Сейчас я не буду объяснять тебе всей огромной сети их труда. Ты можешь видеть сам, что труд их так же разнообразен, как многочисленны формы их иерархии. Только Стражи лучезарны и богоподобны по своей красоте. Их повеления, как дивные молнии, передаются творчеству непосредственно сносящихся с ними подвластных им Владык Кармы. Они, малочисленные, властные и добрые, заведуют — в своих огромных отделах — хрониками Вечности. По указанию Стражей они сыплют своим многочисленным, им подчинённым помощникам собственные мысли в виде гирлянд цветов. Эти помощники, в свою очередь, заведуют запи-

сями вечной хроники в более мелких отделах, читают жизни каждого вновь воплощаемого человека и передают их — без своей санкции — тем Владыкам Кармы, которых ты увидел первыми. Эти, как я уже говорил тебе, как тончайшие и добрейшие ювелиры, ткут каждому человеку его защитную сеть и посылают своих гонцов перенести результаты своих трудов Любви на башню лучей. Отсюда начинай втолковывать современному тебе человеку бессмысленность его страха. Старайся дать понять людям, что они *сами* засоряют *связь* между собой и *Богом*. Каждый, кто *старается* найти путь к освобождению, движется и к очищению сора на своём пути к Богу. И чем ближе он подходит к Богу, потому что очистил себя от путаницы личных страстей, тем ближе подошёл он и в своём снисхождении, в своей любви и радости к встречному человеку. В образах своих произведений *старайся раскрыть сознанию человека, что ни один из идеалов, носимых в уме как теория*, не может иметь активного воздействия на сердце и дух встречного. Только мир и простая доброта собственного сердца могут вплести во встречу то общение без предрассудков и условностей, где откроется щель для луча Любви. Проследи теперь, во всём внимании и сосредоточенности, как спускаются на землю творческие импульсы Божественной Мысли. По каналам, оберегаемым весёлыми и радостными светлыми духами, ты видишь отличающиеся от всех других миллионов мыслеобразов шары, на вид плотные и включающие в свою окраску всегда одну и ту же пропорцию цветов. Одна сторона шара — однотонная, несущая один из цветов семи башен лучей, другая же включает в себя в одинаковой мере остальные шесть цветов башен лучей. Все тона и краски расположены так, как зрение современного человека Земли может их воспринимать без помощи каких бы то ни было физических и оптических приборов. И эти тона и краски в точности соответствуют всем духовным откровениям человека Земли данной эпохи. Ты видел, что *все* Начала Жизни вплетаются в организм *каждого* человека Земли. Ты видел, что труд сонмов Владык Кармы и защищает, и помогает движению человека вперёд, к совершенству. Но любовь Великой Божественной силы Санаткумары, как и Его труд, не знают остановок ни на единое мгновение. В Его Вечном Движении, слитом с Божественным Движением всей вселенной, идёт ежесекундное усовершенствование, как сказали бы люди, а на самом деле — ежесекундное выбрасывание доброты и милосердия в помощь движущимся толпам людей. И вот те сплетающиеся в такой особенной расцветке шары, которые ты видишь уже направляемыми к определённым каналам сонмами невидимых помощников, — это творческие мысли Бога, действенная сила, которую люди зовут вдохновением, талантом. Эти силы просыпаются в людях иногда как бы внезапно, в отроческие и юношеские годы, после детства, никак не предвещавшего в человеке особого дара. Иногда талант, в понимании людей, возникает поздно, даже в старости, ничем не выраженный раньше. Но и в этом, как и во всём, никаких чудес нет, лишь и здесь, как и во всей жизни вселенной, движется логика Вечного. Следи. Вот летит мысль-шар Санаткумары. Она подбирается непосредственно четырьмя Стражами стихий. Они не передают её подчинённым им Владыкам Кармы. Они отдают её каждый раз сонму специальных радужных сияющих духов, несущих эту мысль-шар к определённой башне лучей. Кому они там передают её? На первых двух башнях — непосредственно великим Учителям, ими заведующим. И вот ты

видишь, как по их мантиям, напитываясь всем магнетизмом сердца и мысли Учителя, мысль-шар принимает именно ту расцветку, которую я показал тебе вначале. Связь этой мысли, прокатившейся по мантии Учителя, вновь подобранной специальными духами и переданной ими Земле в определённый округ, определённому Владыке, а через него — определённому человеку, — так велика и сильна с Учителем и окрещённым ею человеком, что каждое отрицание или неполноценное к ней отношение попадает, как бумеранг, непременно обратно в Учителя, направившего её к Земле, избранному им человеку. Установление магнетических каналов — это тоже труд Владык Кармы. И особенно ответственен этот труд для следующих пяти лучей — от третьего до седьмого, — по которым проходит свой путь всё человечество Земли. Теперь ты видишь впервые Великого Мирового Учителя Маха-Чохана, труд которого обнимает эти пять лучей. Ты видел, что на первых двух лучах мысли Бога подхватывали Стражи стихий и пересылали их двум первым башням через сонмы специальных невидимых помощников. Здесь же Учитель Маха-Чохан получает мысли-шары от Великих трёх Кумар непосредственно. У каждого из великих *со*трудников Живого Бога Земли есть свой сонм невидимых помощников, переносящих Маха-Чохану мысли и вдохновение доброты Бога. От Маха-Чохана несутся лучезарные, подчинённые ему специальные помощники, не смешивающиеся с иерархией служителей башен; и они мчат мысли Бога всегда к определённой башне, по указанию Верховного Учителя, заведующего этой отраслью труда Бога на башнях лучей. Эта отрасль труда Бога, которую передают вселенной Земли три ближайших непосредственных помощника, три Его Брата, несётся *вне* всяких установленных для обычного пути развития и восхождения среднего человека иерархических ступеней и правил. Здесь применён закон Любви: побеждает тот, кто находит силы принять и благословить *все* обстоятельства своей эпохи, своей личной жизни, своего окружения. Тот *может* притянуть к себе магнетический ток, передаваемый на Землю этим путём, кто выстроил мост из доброты своего сердца и отваги его, из чистоты и устойчивости мысли, из бесстрашия и бескорыстия. Три Кумары передают Верховному Владыке пяти лучей, Маха-Чохану, свою силу для осуществления духовного канала *устойчивой* Гармонии моста сердца, увиденного и принятого Ими в свои объятия и заботы человека. И уже сам Учитель Маха-Чохан передаёт и вливает в определённую башню лучей силу Третьего Логоса (олицетворяемого тремя Кумарами), силу творчества и вдохновения. На этом его труд творчества в мировом строительстве кончается. Учитель, Верховный Владыка каждой башни лучей, передаёт сам подведомственным ему Владыкам Кармы *новую* силу магнетического тока Божественной помощи определённому человеку и далее всё течёт по логике Творчества Вечности. Взгляни дальше башни стихий. Что видишь ты там? Что обозначает огромное море песка, курящегося, как полупотухший вулкан? Это перерабатываемые из окоченелых пластов земли трудом самых высоких учеников-людей новые — в будущем плодородные — земли для следующих потоков человечества. Эманации зла и скорби людей истощают плодородие земли и здоровье воздуха не менее, чем те злаки, которыми они неразумно истощают землю. Гнёзда, из века заложенные, гаснут, подвергаясь катаклизмам всякого рода: всё на этих участках земли, как и она сама, умирает. На этой курящейся поверхно-

сти, что ты сейчас видишь, под непосредственным руководством Стражей стихий, трудом *на* земле высоких учеников и трудом *в самой* земле всех невидимых тружеников стихий вскрываются *новые* гнёзда Начал Жизни, которые мы с тобой условились называть чакрамами Вечного Движения. Теперь картина труда Творца Земли тебе ясна постольку, поскольку в *этот* миг *твоё* сознание *может вместить* картину вечного бытия Жизни. Не забудь вовек: *всё* — в *каждом* человеке. И только *Он* один — творец своего пути. Вернее выразиться, *каждый* человек есть *путь*, и этот путь *настолько* близок к творчеству Бога, насколько *смог освободить Его в себе человек*.

Владыка подозвал к себе Наталью Владимировну, до которой не долетало ни одно слово нашей беседы, так высоко и далеко она сидела. На его повышенный зов она ответила:

— Моя задача окончена как раз в эту минуту, Владыка-отец. Но сойти к вам я не могу, так как ещё не научилась прыгать у тигров.

В её тоне мне послышался самый лёгкий, едва заметный намёк на раздражение. Если бы это было сказано в обстоятельствах обычной жизни, то могло бы прозвучать юмором. Но в этой великой келье Мудрости обычные человеческие слова, созданные для смеха людей над собственной беспомощностью, прозвучали не только дисгармонией, но даже резанули меня по сердцу.

— Ты не можешь выйти из этой комнаты, мой друг, не оставив в ней всей раздражительности, свойственной твоему характеру. Сюда можно *войти*, сохранив *неполное* самообладание, ибо сила Санаткумары создаёт такому человеку особый Свой Вихрь. Но *выйти* отсюда для деятельности и разделения Его труда на благо людей может только тот, в ком совершилось *полное* преображение, и о том ты сама только что читала. Если бы ты сохранила в этот миг *полное* самообладание, ты немедленно и ясно увидела бы выход из своего положения.

Владыка не прибавил больше ни слова. Он пошёл к стене, прикоснулся к ней обеими руками — и башни стихий, и башни лучей закрылись от моего взора, точно потухли и никогда не существовали.

Опечаленный внезапно охватившей меня темнотой и слепотой, я не имел времени сосредоточиться на этом явлении, так как грустный вид моей подруги, сидевшей между кучами разбросанных ею фолиантов, взывал, казалось мне, к скорейшей моей помощи.

Обведя взглядом всю комнату, я увидел у противоположной стены прислонённую к полкам с книгами лестницу, как раз на той высоте, где сидела Наталья Владимировна. Лестница была гигантской и казалась тяжести непомерной даже для моих голиафовых сил. Я увидел также, что полка, где сидела горестно моя подруга, была настолько широка, что без всякой опасности для жизни, даже при её грузности, она могла бы пройти по краю полки до конца и там спуститься по мелким украшениям полки, точно по специальной лесенке, вниз.

Но я знал уже по опыту, что раздражение дорогой моей приятельницы только возрастало от указаний, делаемых ей в такие трудные для её самообладания минуты. Поэтому я решился попробовать перенести лестницу к её полке, хотя поднять этакое чудище над высокими столами и казалось мне задачей невозможной.

«Не бойся тяжёлой ноши», — вспомнил я слова, неоднократно слышанные от своих наставников, улыбнулся своей, всё ещё детской, психологии: раздумывать там, где надо действовать. Я призвал имя моего великого друга Венецианца и подошёл к странной лестнице.

Она оказалась прикреплённой вверху к золотой на вид толстой проволоке, и поднять её не было никакой возможности. Оглядевшись внимательно, я увидел, что золотая проволока шла параллельно всем полкам с книгами. И сама лестница стояла на подобии вогнутого внутрь рельса. Я попробовал двинуть её по направлению к книгам, где сидела Андреева, и она покатилась сравнительно легко. Трудно было протащить лестницу по открытому пространству мимо той части стены, где не было книг. Я не был уверен, что относительно тонкий золотой прут, шедший и здесь, выдержит такую ужасающую тяжесть без опоры на край полки. Пот лил с меня градом. Почти задыхаясь, смертельно усталый, я всё же протащил лестницу мимо открытого места стены и подтащил её к полке, где сидела Андреева.

Здесь дело снова пошло легче, и через несколько секунд лестница стояла у её ног. Полными слёз кроткими глазами она смотрела на меня и тихо-тихо мне сказала:

— Мой друг, моё дорогое дитя, о если бы вы знали, *чем* рисковали вы, проходя мимо не уставленного книгами куска стены! Простите мне. Ещё один раз вы подаёте мне ничем не оценимую помощь, и ещё один раз я вношу в свою вечную память благодарности ваше имя. Но как я сойду на эту лестницу! Ведь она совершенно вертикальна.

— Ну, это-то дело уже совсем простое, моя дорогая, — ответил я ей, мигом влез на самый верх лестницы, подхватил Наталью Владимировну левой рукой за талию — и через минуту оба мы стояли у ног Владыки.

Молча, улыбаясь, смотрел он на нас, и от суровости его тона, каким он говорил Андреевой о самообладании, не осталось и следа.

— Труднее смерти выковывание *полного* самообладания и выдержки для легко возбуждающегося человека, — продолжал Владыка. — А между тем можно много раз рождаться и умирать, *имея все* данные для *высокого* слияния с трудом Божественной Силы, и всё возвращаться назад, всё к *тому же* препятствию — отсутствию полного самообладания. Ты тащил лестницу с таким смертным трудом мимо рабочего места Санаткумары в этой лаборатории. Мало того, что вибрации, которыми Он напитал это место, почти невыносимы для твоего физического тела, и без моей помощи сердце твоё лопнуло бы. Но в этом я *мог* помочь тебе и послать тебе свою защищающую твой организм от чрезмерного Света, силу. Но в чём я был совершенно не властен — это в тех чувствах и мыслях, что руководили *тобой* во время твоего прохождения Его рабочего места — алтаря и святыни для меня, места моего с Ним сотрудничества для блага людей земли. Малейшая мысль жалости к себе, малейший намёк на *неполное* бескорыстие предпринятого тобою труда, малейший проблеск страха или тщеславия в сердце, и ты сгорел бы, испепелённый Огнем стихий, ибо только *до конца* чистого он не сжигает, как ты читал сам в даваемых тебе записях Огня.

Владыка придвинул нас обоих к себе и подошёл с нами к той части стены, что он назвал рабочим местом Бога, своим алтарём.

— Идите в мир и выйдите отсюда не просто одарёнными новыми силами в своих преображённых организмах. Унесите знание и память вечную о том труде *всего* Светлого Братства, что открылись вам здесь не как сказка, не как предание, но как *опыт* вашего простого дня. Теперь, когда будете говорить людям, что нет иного пути к совершенству, как путь серого будня и труда в нём, вы будете сами ясно и твёрдо знать, *где* этот будень *каждого* начинается и *кто со*трудник *каждого* в его дневном труде.

— Тебе, мой милый друг, — обратился Владыка к Наталье Владимировне, — тебе путь многотрудный. Ты *выйдешь* отсюда, ибо сила моя, то есть передаваемая тебе непосредственная забота Великого, тебя вводит в русло тех гонцов Его, что *могут* нести Его миссию Земле. Но так как ты *сама* — в мелочах дня, в единении с людьми — ещё не можешь добиться полного и нерушимого спокойствия, то жизнь твоя и будет двойственна. *Небу* ты *будешь* служить в верности до конца, *людям* — всегда будешь искать раньше, где прыгнуть, как тигр, а потом уже сообразишь, что *твои* тигриные силы не по плечу мягким и ласковым собакам, кошкам и лошадям, окружающим тебя. Выходя отсюда, прости всем людям, кто до сих пор тяжко ранил тебя. Пойми, что и ранили тебя только потому, что *в тебе* нет спокойствия. И ещё пойми, что *это* качество лёгкой возбуждаемости *мешает жить всем*, кто по законам кармы *должен жить* с тобой в непосредственной близости. Всякая рана, всякая обида, наносимая тебе, есть отклик твоей собственной работы среди людей. Учти это навсегда. Теперь обоим вам и всем, вошедшим с вами сюда, пора двинуться в обратный путь, к труду среди людей. С той минуты, как вы сюда вошли, по современному вам счёту земли прошёл ровно год.

Услыхав эти последние слова Владыки, оба мы с Натальей Владимировной превратились в соляные столбы. И должно быть, мы представляли такое уморительное зрелище, что даже на вечно серьёзном лице Владыки мелькнула улыбка. Ничего больше не сказав нам, Владыка-Глава нажал небольшую пластинку на одном из своих столов. Раздался очень мелодичный звук, как бы удар очаровательно звеневшего колокольчика, за ним другой, третий — все в мажорном сочетании сплелись в какую-то прелестную музыкальную фразу.

Улыбнувшись всё ещё продолжавшемуся нашему остолбенению, Владыка объяснил нам, что вызванная колокольчиками музыкальная фраза была сигналом всем обитателям лабораторий стихий Владык мощи к выходу наружу, в тот дворик, где Владыки впервые встретили нас.

С этими словами Владыка взял посох в руки, и я поразился форме, тяжести, драгоценности и вместе с тем изяществу этого необыкновенного предмета. То, что Владыка назвал своим посохом, на самом деле заслуживало скорее названия булавы. В верхнюю часть булавы с огромным золотым шарообразным окончанием был вделан такой большущий алмаз, и бросал он такие невероятного блеска искры и лучи, что каждый раз, когда они проносились мимо моих или Натальиных глаз, нам приходилось закрывать их рукой.

Вокруг этого алмаза сидело семь тоже громадных выпуклых камней, соответствовавших цветам семи башен лучей. Весь посох был золотой, и на нём был изоб-

ражён змей, обвивший его, как выпуклое изваяние. На всём посохе шли надписи и фигуры, значения и смысла которых мы не понимали.

— Когда придёшь сюда в последний раз, чтобы унести знание ещё о двух стихиях, которыми ты не был в силах овладеть сейчас, тогда узнаешь, что за посох у меня в руках, каков его смысл и значение в деле труда на благо людей, — сказал Владыка, обратившись ко мне. — Теперь же, — продолжал он, повернувшись к нам обоим, — унесите последним моим заветом вечную память о том, что только человеку *в полном* самообладании открывается путь Вечного. Только в верности *до конца* достигается *то* бесстрашие, где человек может вступить в *со*трудничество со Светлым Братством. Только овладевший этими двумя качествами может *увидеть, где* начинается и кончается серый день человека и *кто* разделяет его с человеком в *его* условиях окружения. Будьте благословенны! Будьте благословенны за то, что вы очистили в себе Единого так, что Светлое Братство *могло* провести вас сюда для извечно назначенного Любовью момента свершения человеческих судеб. Будьте благословенны за то, что мы могли передать людям через вас часть тех новых знаний, что настала пора раскрыть их жаждущему духовному взору. Будьте благословенны, как первые вестники нам нашего освобождения и прощения. Хвала небу и земле, хвала им, как Труду Вечного, и хвала вам в числе всех трудящихся. Примите нашу благодарность; и вечное слияние наше с вами в труде да будет в мире и усердии на благо всему живому. Да потечёт труд ваш так, как видит и слышит Учитель ваш; да потечёт верность ваша по стопам его, как и наш труд и верность да будут вовеки только отражением Света Вечного.

Владыка повернулся к выходу, остановился у огромной рамы двери, где огонь горел теперь совсем низкий, бездымный и ничуть не страшный.

Мы вышли во дворик, где все остальные Владыки уже ждали нас, стоя в первоначальном порядке и имея каждый перед собою своего ученика. Владыку-Главу все приветствовали низким поклоном, на который он ответил, за ним ответили и мы. Он указал нам занять свои места и поднял высоко вверх свою булаву. Раздался сильный треск, и через минуту на громадном алмазе её засияла пятиконечная звезда.

Владыка-Глава занял своё центральное место. Он опустил посох, держа его в правой руке и опираясь на него, поднял левую, как бы подавая знак всем Владыкам. Они — а вслед за ними и мы — опустились на колени, и раздался снова тот гимн Жизни, который пели Владыки в первый раз, у дверей их лаборатории.

Не знаю, сколько времени на этот раз пели Владыки. Не знаю, что делалось вовне. Я был в часовне Радости Великой Матери. Я благоговейно благодарил Её за всё милосердие, мне ниспосланное. Божественная фигура вновь подала мне свой живой цветок, и я услышал голос:

— Теперь пойди в часовню Скорби и принеси туда цветок моей Радости и утешения. Во встречах серого дня *не важно слово человеческой философии. Важно слово утешения*, чтобы *мог* человек *отыскать в себе* путь ко Мне. Я — не судья, Я — не предопределение, Я — не неизбежная карма. Я — Свет в человеке, *его* Радость. Ко мне нет пути через помощь других, но только через мир в самом себе.

Когда я очнулся, Владыки исчезли, и передо мной стоял И. Он протягивал мне руки. Я бросился в его объятия. Сейчас я не был уже тем мальчиком, что тосковал о

нём в Константинополе и бросался ему на шею, как соскучившийся по своему хозяину дог.

Теперь я обнимал моего друга-наставника, как луч и путь того Света, что он мне открыл, как Божественного Вестника, которым он для меня был, как часть всей вселенной, которую я мог в его образе познать, обнять, благословить и перед Ней в благоговении склониться.

Всё та же сила радости, особенного мира и счастья охватила меня и на этот раз, когда я прильнул к его груди, которая охватывала меня всегда, во все моменты физической близости с ним. Но на этот раз я ощущал ярче на себе его духовную мощь. Я не испытал более того содрогания всего организма, которое раньше бывало первым ответом моего проводника на всякое прикосновение И.

Теперь я почувствовал, что весь мой организм напрягся: по всему спинному хребту, ногам, рукам, голове шёл сильный ток, отдававшийся — на моё ощущение — как бы некоторым гулом, вроде того, который испытываешь, когда стоишь рядом с сильной машиной, пущенной в работу, на движение которой всё вокруг отвечает ритмическим, мелким, частым и сильным дрожанием.

Это дрожание всего моего организма было сейчас таким экстазом счастья! Я сливался в моей силе с какой-то частью силы И. и ощущал это слияние как счастье полной гармонии с ним.

Я не нуждался теперь ни в каких словах И. Я в одно мгновение понял, что И. одобряет всё моё поведение у Владык. Я понял, что и сила моя духовная, так гармонично слившаяся с силой моего дорогого Учителя, очистилась и выросла и только потому я *мог* влиться в его чудесные вибрации. Я был принят им вновь с ещё большей сердечностью в ещё большую близость.

— Мой мальчик, ты уже перерос меня, — шутливо сказал мне И. — вскоре ты и в самом деле станешь Голиафом, если так будешь продолжать. Пожалуй, тебе довольно расти, а то будешь чересчур привлекать внимание людей на всех улицах, по которым придётся ходить, — улыбаясь, говорил он мне, и я прекрасно понимал, что он говорит мне эти шутливые слова, чтобы дать мне время справиться с моим экстазом счастья.

Я всей глубиной души сосредоточился на образе Великой Матери, давшей мне свой первый привет при моём возвращении в мир; я прижал к груди Её новый цветок и только теперь увидел, что прежнего, который я носил на груди привязанным к чёрному алмазу Венецианца, не существовало. Не существовало и самого чёрного камня, а вместо него на тончайшей цепочке сверкал на моей груди крупный камень, бросая радугу лучей, — электрический камень.

Очевидно, во время тайной беседы, объясняя мне моё поведение по отношению к тёмным силам, Владыка-Глава снял с меня чёрный камень и надел мне на шею подарок от себя. Мысленно поблагодарив его, я спрятал цветок на груди, благословил своё новое вступление в жизнь и труд и посмотрел на всех своих товарищей, возвращавшихся вместе со мной к новому служению людям.

Часть моих друзей уже поздоровалась с И. и стояла возле него, блистая свежестью, мужеством и красотой. Часть ещё ждала своей очереди, а в эту минуту перед И. стоял Бронский, восторженно глядя на него и низко ему кланяясь.

Я с удивлением глядел на артиста. Что с ним сталось? Это, несомненно, он, и в то же время — это никак не он. Это юноша, это Бронский двадцати, а не своих сорока с лишним лет. Это красавец, похожий на слетевшего на землю ангелоподобного труженика с сияющей башни лучей! Что с ним?..

Пока я раздумывал об этом, ко мне долетели слова И.:

— Перед новым рождением вы стояли давно. Но надо было пройти весь путь бездны человеческих страданий и ни разу не возроптать, как это сделали вы, друг Станислав, чтобы прийти к этому часу новой нашей встречи. Теперь уже никогда и ни в чём не может быть двойственности в вашем пути земного труда. В каждом встречном и деле его вы будете видеть и небо, и землю и, в свою очередь, будете нести каждому в себе и небо, и землю в привет и во встречу, как и во взаимный труд.

Сияющий юноша Бронский отошёл, а к И. подходила Андреева, которой он тоже протянул обе руки, ласково притягивая её к себе, и сказал:

— Неизгладимое впечатление от слов Верховного Владыки мощи о двойственности вашего труда, друг, о двойственности ваших действий на земле как результате не вполне побеждённой раздражительности опечалило вас настолько, что даже в эту минуту вновь начинаемой жизни и труда для людей в ваших глазах стоят непролитые слёзы. Вы не забыли, дорогая, что *всякая* слеза — слеза только о себе. Забудьте с этой минуты навсегда о себе и оставьте в этом дворе всякую память о своей личности. Нет таких положений среди стихий Земли, где можно было бы сказать: «Я достиг совершенства, мне можно теперь отдохнуть и постоять на месте». Всё вперёд движемся мы все, слуги Светлого Братства; и ни один из нас не может надеяться быть безгрешным в своих трудах. Но чему надо научиться *каждому* слуге Бога — это чёткому, активному действию в *постоянной ровной Радости*. Из каких бы стран ни возвращался слуга Светлого Братства вновь к труду среди людей, как бы высоки ни были вибрации Света, воспринятые им в периоды своего усовершенствования, если он будет вновь и вновь *начинать свой труд с людьми опечаленным*, всё его в себе носимое Сияние *не* будет путём мира и помощи людям; хотя только *для них* он живёт, только *для них* он трудится, и только *их утешение составляет цель его жизни*.

И. оставил руки Андреевой, поставил её рядом с собой и обратился ко всем нам, тесным кольцом окружившим его. В его голосе я теперь улавливал новые для меня тона непобедимой воли, как и во всём его образе я видел теперь огромное сходство с той мощной божественной фигурой Учителя пятого луча, которая так поразила меня на вершине его башни.

— Друзья мои! Каждый из вас точно понимает, где он был, чему он учился, что он вынес. Понимает и ощущает своё полное преображение и сознаёт свои новые, гигантские силы для нового земного труда. Не мне вас учить, как и кого вам благодарить за все знания, посланные вам Милосердием. Но мне, как старшему среди вас, а потому и самому ответственному перед Жизнью за всех вас и ваш дальнейший труд, предстоит принять и наставить вас в ваших первых шагах новой жизни. Оставьте в ограде этого двора всё то, что раньше казалось вам важным, как бытовые условия в сношениях с людьми. Если вы что-то делали среди людей, что вам было

поручено и что вы считали священным и великим, то вы всегда думали: «Насколько это полезно и просвещает дух людей?» Теперь же, трудясь с открытыми глазами, то есть зная, что всё проникает вселенную, что серый день человека *есть его* движение в сосуществовании, в сотрудничестве с Вечным, идите, *легко* выполняя свои задачи, и не ждите появления сейчас же плодов вашей работы. Вы — новые пахари; плоды созреют. Не о плодах труда заботьтесь, но о том, чтобы *в вас никогда не мелькнуло желание наград или похвал за вашу работу*. Не ждите, что вас встретят приветом, оценят и признают. Идите в Вечном Свете, чтобы ни на минуту не разделиться с Ним в труде земли. Вы будете унижаемы и огорчаемы, будете осмеяны и оклеветаны не раз, но для *этих* обстоятельств идите глухими и слепыми. *Им* — нет отклика в ваших сердцах. Там живёт только Радость-Действие, Она встречает каждого и Она же его провожает.

Как встречает каждого Радость-Действие ваших сердец? *Всех* одинаково по любви, и *каждого* иначе по мудрости действий. Любовь, давшая вам знания, чтобы двинулись люди вперёд, дала вам и понимание, *как приспособить* все силы *своего* организма так, чтобы в каждой встрече *вы оберегали человека от возможности отрицания и раздражения. Полное* понимание, *как провести встречу с одним или тысячей людей* во всей силе доброты и такта, — ваша первая обязанность, как только нога ваша перешагнёт порог этого двора. Воздадим славу и благодарность великим труженикам мощи и вернёмся в обычную жизнь. Мне не надо напоминать вам о молчании: каждый из вас получил свои специальные наставления.

И. глубоко склонился перед запертой дверью лаборатории и коснулся рукой земли. Я встал на колени, коснулся лбом и поцеловал священную для меня землю. Когда я поднялся с коленей и направил последний взгляд в седьмой и первый этажи священной башни, я увидел там две фигуры Владык, благословлявшие меня широким крестом. Владыка-Учитель держал в руках тонкую палочку, и на ней сияла маленькая пятиконечная звезда. Владыка-Глава держал в руке булаву, и на ней горел треугольник, а внутри его трепетала большая золотая пятиконечная звезда.

То было последнее моё видение.

И. двинулся вперёд, мы вышли за ним, прошли узкую галерею с цветами, точно мы шли по ней вчера, вышли в оазис матери Анны, и... ни бреши, ни калитки в стене Владык.

Как сон, мелькнуло это «вчера» во мне, оставив только в сердце и сознании великое, действенное «сегодня» Любви.

Одна жизнь кончилась, мы шли за И. начинать другую, *зная* на опыте, что *есть* только одна Вечная Жизнь.

Возвращение к жизни. Ещё раз оазис Матери Анны и первое свидание с нею. Новые аллеи и памятники нашей любви и благодарности на них. Закладка часовни «Звучащая Радость»

Я шёл впереди с И., давшим мне свою руку, и не мог видеть всех своих друзей, с которыми провёл год в лаборатории Владык, как сказал нам с Андреевой Владыка-Глава.

Да, видеть их я не мог, но всем своим сознанием понимал, что внутреннее их состояние такое же, как и моё. Мы точно вновь рождались для жизни: словно этот год нашего обучения у Владык длился столетие и в эту минуту мы вступали в новую жизнь, отделённые от нашего, сравнительно такого недавнего «вчера» в оазисе матери Анны вековым периодом обучения. Не то чтобы в сердце моем не пела радость. Нет, она, конечно, пела, даже гудела на все лады, и чувства горечи, что пришлось покинуть обетованный край, где всё насыщено вибрациями Божественной Силы, нигде, ни в одной тайной складке мыслей не было.

Было только трудно приспособиться сейчас даже к этой жизни — светлой, чистой, трудовой и радостной жизни оазиса. Каждый из нас, пропитанный и насквозь пронзённый высочайшими эманациями, шедшими к нам от самих Владык мощи и через них, не мог сразу гибко принять в себя излучений людей оазиса. И каждый понял, насколько он стал восприимчив к невидимым вибрациям людей, как болезненно чувствительны стали теперь нервы и как надо каждому из нас закалиться в своих физических и духовных проводниках, чтобы *иметь силу передать* всё полученное людям и не остаться только хранителями — бесполезными и бездеятельными для окружающих — тех великих истин, что были преподаны нам именно для роста и счастья людей.

И., казалось, понимал наше состояние лучше нас самих. Держа меня за одну руку, он дал мне в другую руку часть своего золотого пояса, велев шедшему за мной Бронскому привязать к нему свой пояс и протянуть конец его следовавшему за ним Игоро. Тот, привязав свой пояс, передал конец его шедшему за ним Ольденкотту, и так далее. Последней шла теперь Наталья Владимировна, обронившая где-то пояс, и ей протянул конец своего Грегор, шедший за Василионом.

Когда я взял в руки часть пояса И. и передал конец его Бронскому, я почувствовал, что пояс гудит, напоминая гудение телеграфного провода. И. создал нам защитную сеть, и я видел целый сонм невидимых помощников, плотной стеной защищавших наши до крайности утончённые физические проводники, ещё не получившие должной степени закалённости для новой жизни на Земле и новой на ней деятельности.

И. шёл умышленно какими-то дальними, удлинёнными дорожками, которых, мне казалось, год назад и совсем не было, чтобы наша несколько болезненная воспри-

имчивость поулеглась. Он давал нам время, каждому по-своему, овладеть собою и привести в повиновение свой организм и для этого выбирал самый дальний путь.

Теперь, идя за И., я отчётливо понял, что все дорожки, по которым мы сейчас шли, были недавно обработанным куском пустыни. Зелень была хотя и мощная, но по сравнению с могучими деревьями старого оазиса матери Анны эти деревья можно было назвать ивовыми кустами.

Да и большой участок стены, хотя он и цвёл, был много ниже, не так плотен, имел сучки на своих стволах не чёрные, как старая стена, а ярко-розовые, что делало молодую часть зелёной стены особенно красивой.

Когда мы подошли вплотную к новому участку стены, то увидели в ней широкие ворота-арку. Войдя в них, мы попали на прелестный островок, окружённый широким рвом с водой. На нём блистал совершенно очаровательный чистый белый домик из пальмового дерева, красиво обвитый цветами. Всюду были разбиты клумбы. Мы попали в море цветов, и мне, отвыкшему за это время от этого очарования земли, было не только радостно: мне хотелось лечь в эти цветы, обнять их и благодарить всех тех, кто трудился, обрабатывая мёртвый песок, чтобы встретить нас таким ярким, живым проявлением любви и красоты.

И. молча подводил нас к домику, и на пороге его первым человеческим существом, приветствовавшим нас своими объятиями в оазисе, был Ясса.

Не надо было слов, чтобы понять радость свидания Яссы с нами, как и ему не нужны были слова о нашем счастье видеть его. Но удивление, моё и всеобщее, вылилось громким «Ах!», когда мы разглядели близко Яссу.

Ясса не только сиял радостью и миром, которые составляли его всегдашние отличительные черты. Он сиял свежестью, молодостью и красотой, которые никогда не были ему свойственны. И я, сохранивший в памяти тот образ Яссы, перед которым я год назад горько рыдал, считая моего друга умершим, был особенно поражён и обрадован. Ясса данного момента мог оспаривать у Бронского привилегии молодости и свежести...

И. Ввёл нас в дом, указав каждому его комнату, сказал, что Ясса поможет нам умыться, переодеться и позавтракать, велел нам отдохнуть и быть готовыми через два часа, когда он за нами вернётся и поведёт нас к матери Анне.

Милый Ясса всё так же усердно помог нам, мужчинам, своим массажем в воде, после которого каждый из нас почувствовал себя много крепче. Одной Наталье Владимировне пришлось справляться самой, но на этот раз не проявилось ни одного намёка на раздражение, как будто оно никогда не было ей свойственно.

Позавтракав молоком и хлебом, что после пищи Владык показалось нам тяжёлым и чрезмерно сытным, мы поспешили разойтись по своим комнатам. Каждому хотелось начать своё новое вхождение в труд и новое единение с людьми в полной сосредоточенности и самообладании.

Оставшись один, я прижал к груди сияющий камень Владыки-Главы и дивный цветок Великой Матери. Я молил её о помощи в том величайшем деле, которым Она приветствовала меня в первую минуту возврата к жизни серого дня, когда я покинул лабораторию Владык. Я повторил её слова, первые слова Жизни, приветствовавшие мой возврат к обычному труду Земли: «Теперь пойди в часовню Скорби и

принеси туда цветок Моей Радости и утешения. Во встречах серого дня важно не слово человеческой философии. Важно слово мира и утешения, чтобы *мог* человек отыскать в *себе* путь ко Мне. Я — не Судьба, Я — не предопределение, Я — не неизбежная карма. Я — Свет в человеке, *его* Радость. Ко Мне нет путей через помощь других, но только через мир в самом себе».

Этот привет Великой Матери точно выгравировался в моём сознании. Он врезался заветом Жизни мне в сердце. Я понял, почувствовал его как творческое движение моего сердца по предстоящей мне веренице дней. Я принял и благословил Божественное указание в начинающейся снова живой галерее человеческих встреч.

Всё, чему обучили меня Владыки, все новые силы и знания — всё вело к *этому* выводу, к *этому* священному завету, укладывавшемуся в столь немногие слова: — «Любя побеждай», — которые прошептал я, благоговейно приложив губы к цветку и камню, и в тот же миг услышал зов возвращающегося за нами И.

Через некоторое время, когда все мы собрались на крылечке дома, И. обратился к нам с несколькими ободряющими словами и, заканчивая свою ласковую речь, прибавил:

— Мы не будем долго задерживаться здесь, в оазисе матери Анны. Это место вселенной находится под особым покровительством высших Сил, и живущие здесь идут все без исключения по ступеням Милосердия, то есть под непосредственным наблюдением высоких членов Светлого Братства, передающих всем обитателям оазиса Свет Вечного и Его *прямую* помощь. Ни одному из вас не было назначено задачи и труда здесь. Но каждый из вас получит задание в Общине Раданды. Поспешим же туда, и да поможет вам Великая Мать в выполнении ваших задач. Даже здесь, в этой обители чистоты, в этом избранном месте, вам было тяжко жить и дышать в первые минуты перехода из великого мира Владык мощи и места *со*трудничества Силы Света с представителями Земли. В эти короткие дни своего пребывания здесь ищите в *себе* все способы закалиться и войти в полное равновесие, так как полное самообладание *уже* составляет основу ваших организмов. Не думайте, что, добившись однажды и навсегда полного самообладания, можно на этом успокоиться хотя бы на короткое время. Никакое *полное* самообладание не защитит человеческий организм от возможности быть потрясённым теми или иными событиями, если хотя бы на одну минуту дух человека разъединился с Тем, Кого, живым и мощным, он носит в себе. Именно это и случилось со всеми вами. Каждый из вас думал о том счастье, что покидал, а не о том *сверхсчастье,* куда шёл. Беспредельное мужество и радость нужны гонцам Вечного, чтобы *выполнить* Его задание на Земле. И эти силы мужества и радости, независимо от величины и значительности задания, необходимы *каждому* гонцу. Ибо в каждом человеке, которому *даётся* задача, вскрывается и особая, *новая* сила. Жить, действовать и творить в ней человек может только в том случае, когда забыл о себе, забыл о возможности печалиться, покидая те или иные места, но *зная* только одно: в мужественной радости *нести* Свет и *пролить* Его в данном ему поручении, в том месте, времени и форме, что ему указаны. Если бы вы *до конца* были полны именно такой верностью — ни одному из вас встречные вибрации людей не были бы тяжелы. Они *не* ощущались бы вами, так как вы *строили* бы защитную сеть *вместе* со всеми вам покровитель-

ствующими невидимыми помощниками, а не *нарушали* бы её мыслями личного характера. Из этого урока поймите, как многого вам надо ещё достигать в *себе*, чтобы *приступить* к задачам, данным вам Вечным. Пока вы не знали имени Великого Творца Земли — орбита ваших действий позволяла вам «отдыхать», выражаясь вульгарно, от небесного Света. Теперь для вас *нет* возможности жить в том состоянии бездеятельности, что люди зовут отдыхом. Отдых *ваш* только там, где *идёт со*трудничество ваше со всем Светлым Братством, с Его Главою — Санаткумарой. Врежьте в сердца и сознание *этот* Свет Величайшего, встречайте и провожайте день труда, призывая это Имя; ибо знаете ныне, что только пред Ним начинается и кончается ваш серый день труда, только с Ним сохраняется, растёт и развивается ваша сила. Учтите заботу Милосердия о вас: ни одному из вас не поручено дело в оазисе. Всемилостивый, Он заботился о вас; думал о вашем состоянии, мире, физическом и духовном моменте творчества и дал вам поручение так, чтобы вы *имели* возможность привести *все* новые силы к равновесию и могли действовать успешно. Унесите вечную память об этом Милосердии; всегда, встречая людей, оказывая им помощь или давая им *для них* переданные вам блага и знания, *умейте* приготовить в их душах почву, на которой *может* быть понято передаваемое вами. Первая забота о человеке, если он поручен вам, — суметь стать в *его* положение и *не превысить его* возможностей в передаваемом ему поручении. Твёрдо помните, *не* как теорию, а как практику ежедневного труда: «*Может — не значит будет*». Каждый раз, где вы подумали сначала о себе, то есть сказали себе: «Как трудно продвинуть в массы эти понимания», — вы *уже* раскрыли щель в защитной сети и наполовину уменьшили успех предпринятого дела. Начиная день, как начиная и любое дело, помните лишь одно сияющее Имя, пославшее вас к Владыкам мощи и посылающее вас в толпу людей. Как драгоценный караван, идите через пустыню и несите в сердце чашу Бога, полную Его Света. Расплескать каплю Огня, не приготовив предварительно костра, где Он мог бы запылать, — равносильно евангельской истине — метанию бисера без смысла и без пользы. В эти короткие дни пребывания здесь оцените встречу, оказанную вам Милосердием. В доме, куда вы вошли, никто не жил; по острову, где вы проживёте немного дней, ничьи ноги, кроме Яссы, не ходили. Оцените и поймите эту заботу о вас, не как о тех или иных личностях. Но каждый раз, как будете встречать людей, имеющих те или иные поручения Светлых Сил, отдавайте Им всё внимание, стремитесь устроить Их внешнюю судьбу так, чтобы им поданное *поручение могло* быть выполнено с наибольшей пользой и смыслом для людей. Для вас, гонцов неба, нет никакого разделения времени и пространства. Для вас есть только та жизнь, в которой *куётся* вечное, вне зависимости от времени и пространства. Нет для вас человека как внешнего или внутреннего облика. Есть только человек-путь. И *каждый* путь *вами* оберегаем; ибо вы — мосты, через которые текут любовь, помощь и знания Санаткумары к людям земли.

И. Велел нам разойтись по комнатам, обдумать то, что он нам сказал, и сойти через час снова вниз, где он будет нас ждать и поведёт нас в домик матери Анны, а оттуда в трапезную.

Возвратившись в очаровательную по чистоте, но чрезвычайно скромную по обстановке комнатку, я ещё раз прижал к груди цветок Великой Матери и электриче-

ский камень Владыки-Главы. Мне казалось, что я вовсе не был лично взволнован, когда выходил из владений Владык и переступал высокий порог их ограды, ведущий в оазис, а только испытывал колотьё по всем нервам, точно они были обнажены и болели от вибраций, от которых я успел отвыкнуть.

Сейчас я понял, насколько глубоко *лично* я воспринимал мой новый выход в жизнь, насколько слабо было моё сердце, которое не сумело сразу раскрыться шире, растянуться, по крайней мере, на весь оазис и влить в него новую любовь, новую силу, полученную мною за время обучения.

Ещё раз я яснее понял и лучше увидел, *кто* был И. У этого Богочеловека, даже когда он сносился с животными, ни на минуту не прерывалась связь с Единым Владыкой, имя которого сияло в его делах, как солнце привета всему, что он встречал, что делал. Он всё и всех поднимал вверх, ибо у него не было мысли «поднять». *Он действовал* как Свет, ибо *только* Свет был *в нём*, а не «я», в какой бы форме оно ни пряталось в человеке.

Я понял *не* метод, «как овладеть» собой, как применить те или иные знания и силы, я понял, что только тогда человек действительно *забыл* о себе, когда дух его *слился* с *тем человеком, с которым он говорит, или с трудом, который он сейчас делает*. Я понял *непрерывность* слияния с высшим — только тогда возможную, когда сила Его *вяжет воедино* тебя и каждого.

Когда снова раздался голос И., призывавший нас спуститься вниз, я был уже в полном равновесии и не сознавал себя ничем, кроме радостного рабочего моста, где в *данную* минуту Свет Вечного шёл ко мне через И., сотрудничавшего сейчас со мною.

Оглядев всех нас, когда мы собрались на крылечке, И. ласково нам улыбнулся, поманил к себе Наталью Владимировну, что-то тихо ей сказал, дал ей пояс взамен потерянного и сказал мне:

— Ступай со мной прямо к матери Анне, остальные пройдут с Яссой к нескольким больным, которые их нетерпеливо ждут.

Меня очень поразило, что мои друзья имели в оазисе людей, нетерпеливо их ждавших, но я уже знал всё разнообразие путей человеческих и не сомневался, что перед свиданием с матерью Анной моим друзьям было необходимо выполнить какой-то долг.

Мать Анна встретила нас всё такой же сияющей, какой я оставил её год назад. Но её лицо, глаза и вуаль показались мне ещё более лучистыми: точно куски радуги слетали с её головы. Я понял сейчас же, что я теперь научился читать её мысли, которых раньше даже не видел.

— Лёвушка, — сказала она мне, ласково пожимая мою руку и отдавая мне поцелуй в голову, когда я склонился к её руке. — Давно не звучала, вернее, не гудела подле меня так сильно радость человеческого сердца, как я слышу это сейчас. Я не говорю, конечно, об Учителе, — прибавила она, склоняясь в сторону И., — ибо Учителя сердце уже не человеческое, а Богочеловеческое. Мне всё ясно из того, что вы сделали и приобрели за это время, — продолжала она и, помолчав, прибавила: — Учитель И. обещал привести вас одного ко мне, как только вы вернётесь в оазис. Мне было указано Владыками мощи, что я могу отобрать среди своего племени

семь человек, страдающих о своих близких, поскользнувшихся на духовном пути; и я сама могу быть одной из семи. Нам разрешено обратиться к каждому из вас с просьбой...

— О, мать Анна, не надо слов, я всё понял, — перебил я чудесную женщину, глаза которой стали слегка влажными. — Вы желаете, чтобы я увиделся с Анной и помог ей в назначенном ей деле: сменить вас здесь. Я буду счастлив выполнить ваше желание, ибо знаю, что Учитель И. даст на это благословение. Он поможет мне быть достойным вашей просьбы. Я же перенесу Анне всю ту Силу помощи, до какой смогу дойти сам.

— Вы угадали мою просьбу, Лёвушка, — ответила мне мать Анна. — Но я должна сказать вам то, чего вы ещё не знаете. Выйдя от Владык мощи, каждый из вас обладает теперь силой и правом взять под своё покровительство — а через себя и под непосредственную помощь обучавшего вас Владыки мощи — несчастного, чистого по существу, но загрязнившего себя связью с тёмными силами человека. Ваша сила радости особенно важна и ценна в деле Анны, так как чёрный камень Браццано, который вы носили на груди, превращён Владыкой на том алтаре, что он называет рабочим местом Бога, в камень Жизни, прозванный редкими его обладателями электрическим камнем. Вы теперь знаете, *кто* дал вам Свой Огонь в камне. Хотите ли первую мощь камня излить на бедную Анну?

— О, как можете вы задавать мне этот вопрос? — вскричал я, только теперь поняв, что величина камня, его оправа и цепочка соответствовали вещи Браццано. — Я повторяю вам: великое счастье для меня ваша просьба. Если Анна сможет приехать сюда, чтобы раскрепощение ваше от земли совершилось как можно скорее, я уверен, что она приложит всю свою силу духа, энергию и усердие и поспешит утешить не только вас, но и своего великого друга Ананду.

Мать Анна долго молчала, точно погрузившись в молитвенный экстаз. И. подошёл к ней ближе, и я увидел в светлом кругу над её головой образы Ананды и Анны, бросавших цветы матери Анне.

— Спасибо, друг, — наконец тихо сказала она. — Я не останусь с пятном на сердце. Анна будет здесь.

Не успела мать Анна окончить своих слов, как раздался стук в дверь, и вошедший Ясса спросил разрешения войти нашим друзьям.

Получив разрешение, все друзья вошли в комнату матери Анны. Казалось, что час назад все мы вышли из дома, и облик каждого запечатлелся в моих глазах. А в эту минуту я мог бы поспорить с самим собой, что люди прожили в оазисе год, а не час: так уверенно, легко, просто и весело здоровались все с матерью Анной. Они как-то сразу освоились с атмосферой оазиса, точно и не уходили из него.

«Вот что значит забыть о себе», — подумал я.

Тепло приветствовала нас всех мать Анна, говорила, что Учитель И. за год своего пристального наблюдения над её оазисом сделал так много нового в нём, что мы его и не узнаем. Поздравив нас с началом новой жизни, мать Анна пригласила всех в трапезную, сказав, что там нас уже нетерпеливо ждут.

По дороге в трапезную оазис показался нам таким цветущим и благоухающим раем, что нельзя было себе и представить, как был он исковеркан песком и бурей

год назад. Странное чувство начинало расти в моей душе. Несколько коротких часов отделяло меня от жизни у Владык мощи, а между тем, сейчас мне казалось, что всё пережитое было только благодатным, радостным сном, а жизнь — как деятельность и земной труд — и не прерывалась вовсе. Я ощущал данный момент своего возвращения к жизни как будто бы не имевшим годового антракта, точно я вчера ушёл из оазиса и возвратился сегодня, проведя где-то поблизости одну короткую ночь.

Только в сознании своём я чувствовал *великую* перемену. Я видел теперь *во всём*, какую любовь нёс И. всякому человеку; как *человек был целью его труда* и дел всегда, везде и во всём. Я понял, что и мне *нет* иного подхода к начинающимся встречам, как *любя* человека, видя *в нём* цель дел Учителя, найти вход любовью в сердце *каждого* и своей гармонией облегчить ему жизнь...

Насколько я воспринимал свой возврат в оазис как дело минутной разлуки с ним, настолько жители оазиса восприняли наше появление как новый, вторичный приезд. Это меня поразило. Конечно, наше исчезновение могло быть воспринято обитателями как ночной отъезд. Но И. ведь оставался с ними? Почему же сейчас, при нашем входе в трапезную, оазис встречает И. восторженной овацией, благодаря его за вновь обретённое счастье — столь неожиданно скорое посещение? Где же был И.? Чем же он был занят этот год?

Я вспомнил башню пятого луча в пространстве; вспомнил ночь бури на маяке; образ И. среди гор песка пустыни в грохоте ветра, грома и молний; его же образ, в то же время неподвижно стоявший у руля на маяке, — и понял в первый раз отчётливо, что если Учитель и не всемогущ и вездесущ, то, во всяком случае, он *может* быть видим людям в разных местах почти одновременно, и в этом нет чуда, а есть только результат *его* знаний.

Итак, И. не жил в оазисе, а «пристально наблюдал» за развитием новой жизни в нём, как сказала нам мать Анна. На восторженный приём людей, наполнявших столовую, И. ответил коротким ласковым приветом, который закончил следующими словами:

— Спасибо вам, друзья, что вы всё это время с таким усердием и точностью выполняли все мои указания, которые я передавал вам через мать Анну и Яссу. Не меньшую благодарность примите и от моих друзей, именами которых вы назвали новые аллеи в разбитом за этот год парке. Каждый из них оставит в своей аллее вам какую-нибудь память. Между нами есть великие художники и скульпторы, учёные, писатели и изобретатели, и сегодня же, после трапезы, соберитесь в семь бригад все те, кто разбивал новые аллеи. Мои друзья выскажут мне свои пожелания, что и где каждый из них хочет оставить вам в своей аллее, и общими силами мы выполним эту работу. Но надо спешить, так как на этот раз мы не можем долго у вас задержаться.

Крики радости от обещания И. и огорчения от нашего быстрого отъезда покрыл гул общей просьбы: на воротах оазиса поставить изваянную фигуру И. в память чудесного спасения в ночь ужасной бури.

Назвав «детским» желание жителей оазиса, И. сказал, улыбаясь, что постарается оставить им на память свой портрет, но не на воротах, а на маяке, и пригласил всех

успокоиться, сесть за стол и мирно кушать, чтобы поскорее приняться за обход аллей и обсуждение их украшений.

Обед прошёл несколько торопливо. Видно было, что каждому хотелось принять участие в новой работе с нами, независимо от того, разбивал он новую часть парка или нет.

Перед окончанием трапезы мать Анна, видя всеобщее желание быть в нашем обществе, объявила, что пойдут к новым дорожкам только те, кто их разбивал, но что вечерняя трапеза будет на час раньше, всё население оазиса соберётся в новом огромном зале и будет оповещено о результате наших трудов. Там все будут иметь возможность провести вечер в нашем обществе и высказать все свои пожелания и мнения. А Учитель И. и его спутники увидят выстроенный без них — по их планам и указаниям — новый зал.

— Трепещите, одобрят ли высокие друзья и гости наш труд, — закончила свои слова мать Анна, и её голос и улыбка были особенно полны доброты и любви при этих последних словах.

По окончании обеда каждого из нас окружила кучка людей из тех, что не шли с нами работать, и милые обитатели оазиса рассказывали нам о чудесах доброты и энергии Яссы: о его необыкновенных приёмах лечебного массажа, о новых формах гимнастики, которым он обучал специальную, очень многочисленную бригаду.

К огорчению остававшихся, вскоре подошла к нам большая толпа юношей и девушек в рабочих костюмах, предлагая отправиться к новым аллеям. И. с нами не пошёл, сказав, что у него много дела в старой части парка.

Трудно было себе представить, до чего разрослось всё на старом и на вновь обработанном куске необъятной пустыни! Завод теперь совсем не был виден, закрытый со всех сторон поднявшимся стеной густым кустарником. Когда же мы подошли к тому месту, где был вход в особую стену Владык, — я *знал*, что вход здесь, так как увидел сквозь все преграды лабораторию Владык, увидел даже на седьмом этаже моего милостивого Владыку-Учителя, посылавшего мне улыбку, — то удивлению моему не было границ. Кругом шла стена-лес, точно вековое, ухоженное гигантами, живое окончание оазиса...

Перед этой толстенной стеной была разбита широкая площадка с цветущим на ней благоухающим палисадником. Всем хотелось иметь здесь статую матери Анны, но не было такого большого куска мрамора. Грегор с Василионом посоветовали вылить её из местного стекла, уверяя, что Василион знает теперь тайну несмывающихся и невыгорающих красок в стекле, переливающихся под солнцем краше перламутра.

Долго мы ходили по новым аллеям, обдумывая, что оставить каждому из нас как дар благодарности оазису, ставшему для нас центром великих откровений, началом новой жизни и труда для блага людей, обетованной землёй, возвращение на которую ещё раз было указано некоторым из нас.

Когда мы достигли той аллеи, что жители оазиса в шутку назвали «Лёвушкин рай», я мгновенно понял, *что* должен оставить на этой аллее как дар своей вечной благодарности. Аллея имела в середине круглую площадку, где блестел песок пустыни и где обитатели оазиса хотели выстроить большую беседку. Вся аллея была

из широколистных пальм, еле достигавших пока высоты человеческого роста, что среди огромных деревьев других аллей делало её похожей на обсаженную карликовыми растениями. Тем не менее листья пальм были уже так хороши, что аллея была тенистой. Половина площадки была обсажена кедрами, шедшими полукругом и также ещё не достигшими человеческого роста. Спутники мои, увидя мою сосредоточенность, поняли её как огорчение, что моя аллея мало поднялась. Они объяснили мне, что эта аллея разбивалась последней, потому она ещё низкорослая, но что через год-два поднимется выше своих соседок к небесам.

— Я совсем не огорчён, что аллея моя выросла мало, — ответил я. — Я глубоко задумался над тем, что должно быть сооружено на этой чудесной площадке. Мне хотелось бы, чтобы здесь стояла не беседка «Лёвушкин рай», но чтобы здесь была часовня, отдающая всем, к ней приникающим, чистоту и силу рая. Но я не знаю, имею ли я право соорудить здесь копию одной священной, божественно прекрасной часовни, которую видел в одной чудесной Общине. Об этом я скажу вам вечером, когда переговорю с Учителем И.

Так как моя аллея была последней, куда мы пришли, и только я один не решил своего вопроса, а все остальные точно знали, что хочет каждый создать в своей аллее, то времени на обсуждение ушло много, и сейчас все торопились разойтись по домам и привести себя в порядок, чтобы внимательно приготовиться к вечерней, более ранней, трапезе. Все разошлись, несколько задержались со мной Грегор с Василионом, и Грегор шепнул мне:

— Мы поняли ваш замысел. О, если бы Учитель И. нашёл это возможным! Здесь как бы нарочно всё устроено, чтобы копия могла появиться!..

Оставшись один, я сел на песок и опёрся спиной о ствол центрального кедра. Великая Мать дала мне задачу принести Её Радость и Утешение в часовню скорби в Общине Раданды. Разрешит ли Она мне оставить копию Её древней часовни Звучащей Радости здесь, в опекаемом Великими Силами месте, чтобы образ Её помогал совершенствоваться этому небольшому и необычайному племени, не знавшему горькой сети человеческих страстей и самолюбия, не знавшему слёз и встречавшему каждого улыбкой привета?

Я готов был положить под фундамент свои величайшие сокровища: Её цветок и камень Венецианца, очищенный от зла и ненависти Браццано Владыкой-Главой на его алтаре, что он называл Рабочим Местом Бога. Закрыв лицо руками, я ушёл с земли, я летел всем сознанием в часовню Радости, пытаясь там найти первое указание... Я вдруг услышал голос:

«Место Моё всюду, где чистая любовь человека зовёт Меня. Но *сила* помощи Моей зависит только от *верности* тех, кто ко Мне приходит.

Сложи в основание фундамента часовни не только те сокровища, что на себе носишь, но и все поданные тебе — любовью людей, цельной и бесстрастной, — вещи в оазисе Дартана.

Жди указаний И. Он передаст тебе камень Света для фундамента Моей часовни, что Божественные Силы подадут Владыке-Главе».

Голос затих. Спускалась уже тьма на оазис. Я не знал, куда и как идти, как вдруг услышал поспешные шаги И. Мой великий и мудрый покровитель шёл мне на выручку, как делал это во всех случаях моих затруднений.

— Мой друг, разве ты сразу не увидел, что всё подготовлено здесь мною, чтобы могла засиять ещё одна часовня Радости в пустыне? — сказал он, поравнявшись со мною. — Велико счастье твоё, что ты имел силы *вынести* из лаборатории Владыки-Главы очищенный, наполненный магнитным током Великого Бога камень и посланный тебе новый живой цветок Великой Матери. О трудностях технической стороны не беспокойся.

И. Взял меня, счастливого, потерявшего чувство времени и пространства, под руку, и мы весело зашагали во тьме, среди ярко сиявших небесных лампад.

— О, как прекрасна Жизнь, — тихо повторил я несколько раз за время этого короткого пути с И.

И опять по-новому воспринимал я общество моего высокого друга! Теперь не было у меня никакого ощущения разнобойных вибраций: я даже не замечал особенностей ритма дыхания и походки И., к которым раньше мне приходилось не без труда приспосабливаться. Я сейчас легко и просто сросся, слился с сознанием И., и мне было ясно: Единого *в нём* я воспринимал *всем* Светом своей души. И если я не видел ещё *всего* Света И., то *я жил* всеми *своими* силами *Единой* Красоты в *Его* Свете. Я *не* воспринимал личности И. потому, что не знал в эти минуты даже намёка на что-то личное в себе. Впервые я ощущал на деле, что такое *полная* освобождённость и как беспредельно счастье жить в ней серый день Земли!..

Когда мы достигли освещённого зала трапезной и погрузились в море голов и глаз, жадно ожидавших И., в первый раз за это короткое время так недавно начатой новой жизни меня не ударили, не оглушили и даже не смутили эманации человеческой толпы. Раньше я всегда чувствовал, как И. *меня* защищал от разбивавших токов мыслей и желаний людей. Сейчас я почувствовал, что я не только не нуждался в защите, я нёс людям силу в себе. Я понял ясно, что нёс её потому, что *был* в полной освобождённости от личного. Я ещё раз вознёсся к алтарю Владыки-Главы и, прошептав великое имя «Санаткумара», невольно тихо сказал: «О, как прекрасна Жизнь!»

— Ты только сегодня и понял, что значит благословенное счастье *жить* свой день в мужестве и мудрости, в единении с трудящимися неба и земли, в неугасимой любви Великой Матери, — ответил мне И. и тут же обратился к ожидавшим нас и поднявшимся с мест, приветствуя его, обитателям оазиса — Простите, дорогие мои и уважаемые друзья, за те несколько минут опоздания, какие мне пришлось невольно допустить. Поверьте, что причиной их было очень важное для вас дело, которое при помощи Лёвушки принесёт вам всем немало радости. Нам было необходимо решить вопрос о памятнике — чуде красоты, что будет вам оставлен в аллее «Лёвушкин рай», как вы её прозвали в шутку. Дав ей это название, вы и не думали, что попали всерьёз близко к цели, ибо действительно в ней будет сооружена часовня, где ни одно существо не сможет испытывать ничего кроме радости, так райски прекрасна будет установленная там фигура.

И. пригласил всех занять свои места за столами. Дождавшись обычного разрешения матери Анны на подачу кушаний, все принялись за еду, но во всех глазах читалось скрытое нетерпение, как бы скорее окончилась еда и начались доклады каждого из нас о предстоящем труде украшения аллей.

В самое короткое время окончился ужин, и зал принял вид аудитории. Я в первый раз видел ещё этот новый зал. Он был выстроен по образцу старого и несколько напоминал помещение внутри громадной крепости. Я понял, что и в этой постройке строители предвидели возможность борьбы с песчаными бурями пустыни. Невольно дрогнуло моё сердце, я подумал о будущей часовне в моей аллее, но тут же вспомнил слова Владыки-Главы: «Бесстрашному и верному до конца — Твой призыв до конца. Только в верности до конца достигается *то* бесстрашие, где человек может вступить в *со*трудничество со Светлым Братством».

Я нашёл мгновенно полное успокоение, улыбнулся детскости своего молниеносно мелькнувшего беспокойства о Святыне и стал слушать речь Грегора. Грегор не только говорил от лица всех нас. Он начертил на большой стеклянной белой доске чёрной тушью план вновь разбитых аллей и набросал в каждой из них те здания, которые должны будут их украсить.

Я всегда знал, что Грегор художник гениальный. Но перед тем, что я увидел сейчас, я просто благоговел. На площадке, где скрещивались лучеобразно шесть аллей, он начертил фигуру матери Анны, стоящей с посохом в одной руке и змеем, кусающим свой хвост, в другой. Рука со змеем была высоко поднята и как бы указывала на вход во дворик Владык мощи.

Фигура, нарисованная Грегором в несколько минут на глазах у всех, выступала точно живая на белом фоне доски. Сходство, выражение и манеры были до такой степени живо схвачены, что зрители затихли, замерли, и только после довольно долгого глубокого молчания раздался гром аплодисментов, радостных возгласов одобрения художнику.

Никаких обсуждений не требовал портрет матери Анны. Только один вопрос задали жители оазиса: почему в руке их настоятельницы змей?

Грегор объяснил им, что змей, кусающий свой хвост, есть эмблема Вечного Знания, постичь которое может только тот, кто откроет и поймёт Вечное в себе.

Здесь выступил И., сказав, что в течение всего времени своего пребывания в оазисе он будет каждый вечер, после ужина, вести беседы, и в них все поймут ясно этот символ Вечности и узнают ещё много нового из духовного мира.

Долго, очень долго и подробно Грегор рисовал театр Бронского, библиотеку-читальню Ольденкотта, училище и обсерваторию Игоро, химическую лабораторию Натальи Владимировны, чудесную, волшебной красоты баню Грегора, оранжерею и агрономические курсы Василиона.

— Что касается моей статуи, о которой вы просили, — её я сделаю сам, доверьтесь мне в этом деле, — улыбаясь, сказал И. — Я постараюсь соперничать с Грегором в чистоте линий и жизненности моей фигуры. Часовню Лёвушки мы обсуждать сейчас не будем — некогда, время далеко за полночь. Но когда вы начнёте строить её, под наблюдением и по указаниям нашим, вы сами увидите, что эта Святыня не

подлежит обсуждениям как художественное произведение. Она — ваше великое счастье.

Через несколько минут мы простились с матерью Анной и всеми присутствующими и пошли в свой домик. Долго ещё в эту ночь продолжались во всех уголках оазиса беседы о предстоящем украшении аллей и о начинающемся преобразовании оазиса в настоящий культурный «город», как представляли себе его никогда не видавшие городов жители оазиса.

В который раз шёл я подле И. в сверкающей звёздами ночной темноте пустыни! И каждый раз и ночь, и звёзды, и неслышные днём звуки пустыни — всё воспринималось мною по-иному. Сегодня я шёл в своём широко раскрытом зрении и видел ясно *всю* картину Трудящейся Жизни.

Сверкающие башни лучей не мешали мне видеть чудеса трудов на башне стихий. Мчавшиеся сонмы невидимых помощников волновали сердце и мысли, и яснее обычного я понимал невозможность остановки ни на один миг труда Вечного Движения.

Все мои товарищи шли молча, как и я, и общее для всех нас благоговение вводило нас в эту первую ночь нашей новой священной жизни на Земле. Мы подошли к нашему домику, и у его порога И. нас задержал.

— В каждом из вас совершился великий перелом. И в эту ночь ни один из вас уже не имеет ни личных желаний, ни личного восприятия того труда, которым суждено вам утешить, облегчить и украсить жизнь ваших встречных. Но не это составляет ныне центр вашего преображения. Ваше пребывание у Владык показало вам на опыте, *что* такое Земля, *кто* возглавляет *весь* труд Земли и на какой высоте должен быть тот, кто стремится, ищет и получает честь и счастье *со*трудничества с Великим Главой Земли. Однажды увидев труд *Его,* вы уже не можете больше относиться к Земле как к простому месту своего рождения и труда. Вы *знаете,* а потому для вас Земля перестала быть местом счастья или несчастья, местом долга и обязанностей. Земля *стала* для вас *священным храмом*, ибо знаете, что на *ней* стоит живое рабочее место Его — алтарь и святыня всех светлых людей. Вы можете жить теперь на Земле только как в священном храме, где *каждая* минута вашего труда льётся как славословие этому священному храму — Земле. Все ваши прежние понятия о добре и зле, о наказаниях и наградах, о будущем и прошедшем, о выборе себе изысканных положений и мест труда — всё распалось прахом. Вы воочию увидели, что *вся* Земля и *всё* на ней есть только труд Бога. И этот труд вы отныне призваны разделить, нося в себе и зная, *как* подходят к алтарю храма священной вам теперь Земли. Вступая в эту ночь в новую орбиту движений творческих сил, пусть каждый сохранит в памяти *начало своего пути*, начало *своих* исканий. Вспоминайте, что не всегда вы были сильными. Не всегда побеждала в вас любовь *без* раздражения и горечи. И вам будет легче *покрывать* своей любовью, своим милосердием и миром ту духовную пропасть, что лежит никому кроме вас и тех, что выше вас, не видимая, *между* вами и теми людьми, которым понесёте свои новые знания. И сколько будете жить на Земле — всегда и всюду будете чувствовать эту пропасть между собой и массами. Будете *зовущими* в красоту и мир. И *ощущать* будете, что зовёте стадо буйволов, грозно ревущих и охраняющих *своё* личное счастье, добычу

и наживу. Ваша *сила* есть *знание,* что *Земля — ваш* священный храм. Эта сила охранит вас от всех злых набегов. От всех попыток затоптать в грязь то знание, что суждено вам принести людям. И пропасть между вами и людьми не будет шириться, а будет сужаться лишь тогда, когда *вы* будете трудиться в *храме* Санаткумары — на священной земле. Будьте благословенны при вашем возврате на Землю. Вы все возвратились здоровыми и невредимыми, закалёнными бойцами Единого. Не думайте, что попытки подвести к знанию, которым вы ныне владеете, не делались и раньше. Они делались. Но люди, молившие о знании, клявшиеся в верности, не выдерживали и первых, лёгких испытаний, будучи не в силах соблюсти до конца чистоты и забвения себя. Они стремились использовать свои маленькие новые знания в личных целях — и им приходилось начинать весь цикл восхождения почти с начала, с животного мира. И эти случаи были лучшими. Ибо были случаи совершенно ужасного подпадения под власть тёмных сил, откуда спасти их до окончания жизни планеты никто не может. Отдайте же себе отчёт в той степени готовности, в какой стоите сейчас. Не забывайте пройденного пути своих побед, где *вы* всегда побеждали любя, и будьте снисходительны к людям, что ищут и хотят, но *не могут* достичь гармонии мысли и сердца, и *пропасть* между вами и ими для *вас* — самое *великое,* что вы знаете на Земле: *рабочее место Бога*. Оно *живёт* в каждом из вас, если *вы* чисты до конца.

Так закончил свои слова И. Он ласково обнял и благословил каждого из нас. В наступавшем рассвете я видел, как взволнованно-благоговейны были лица моих возвращавшихся к жизни будня товарищей.

Свет прибавлялся с каждой минутой, и, когда я вошёл в свою комнату, солнце уже поднялось наполовину на горизонте пустыни. *Первый серый день начинался*. О сне было нечего и думать, да и никакой потребности в нём я не ощущал. Я глубоко сосредоточил свою мысль на алтаре Великого Владыки Земли и просил всех помогающих мне милосердных братьев не оставить меня своим дружелюбным покровительством, чтобы я мог внести мою скромную долю труда и чтобы пропасть между мною и окружающими меня людьми сузилась хоть на одну песчинку, чтобы алтарь Великого Бога утвердился крепче в восприятии людей.

Я молил Великую Мать послать мне сил чистоты и радости, чтобы Её дивная часовня воздвиглась и охраняла оазис во всей веренице его дальнейших дней.

В мою дверь тихонько постучали, и я увидел милого Яссу, как всегда думавшего обо всём и обо всех. Он сказал мне, что лёгкий завтрак из молока и белого хлеба уже ждёт, и предложил отправиться вместе в душ. Я не замедлил воспользоваться его предложением, слышал, как по соседству с моей кабиной всплёскивались струи воды, и понял, что мои товарищи также готовятся к первому трудовому дню.

В маленькой столовой уже сидели Наталья Владимировна, Ольденкотт и Грегор, когда мы вошли. Они горячо обсуждали проект библиотеки-читальни, при которой милый Ольденкотт хотел создать целый ряд комнат, где было бы можно жить, целиком посвятив себя научной работе, и отделиться от общей жизни оазиса.

Я совершенно не хотел есть. Молоко и хлеб казались мне тяжёлыми блюдами, и за кусок боба Владыки я готов был отказаться даже от чудесных фруктов, в изобилии лежавших на столе.

— Надо кушать, Лёвушка, — услышал я за собой голос И. — всем вам, друзья, надо привыкать к обычной пище, хотя бы она казалась вам мало привлекательной. Пока вы были оторваны от земли и жили в вибрациях выше ваших индивидуальных возможностей, пища ваша должна была быть минимальной и лёгкой. Теперь ваш труд пойдёт в вибрациях ниже ваших индивидуальностей, с одной стороны, и под палящим солнцем пустыни — с другой. Поэтому в организме должны быть плотные вещества, помогающие закалить и внешне огрубить организм для встречных токов людей и атмосферы пустыни. Пока мы живём в оазисе, каждому из вас надо достичь привычки не только безнаказанного для чувствительности нервов общения с людьми, но и умения *мгновенно построить себе и встречному* защитный круг и только в нём общаться с человеком. Здесь вас окружают наиболее чистые вибрации, так как никогда нога тёмного существа не ступала на эту защищённую землю и не может на неё ступить. Здесь может жить или чистое, светлое, или совсем очистившееся от всего тёмного и ставшее светлым. И всё же даже эти прекрасные эманации были тяжки вам в первые минуты возврата на Землю. В общине Раданды — в месте *активной* борьбы со злом — вам надо быть уже во всеоружии, чтобы с этой стороны не думать о себе, а только о деле Того, Кем вы посланы к людям... Кушайте же всё, что перед каждым из вас стоит. Переоденьтесь в рабочие костюмы, и отправимся все на новые аллеи. Там распределимся по рабочим бригадам и начнём строить новые здания по методу и способу, полученным Грегором, Василионом и Игоро. Я подаю вам пример, — закончил И., улыбаясь и придвигая к себе чашку с молоком и хлеб с мёдом.

Несмотря на то, что я очень спешил проглотить своё молоко и хлеб, чтобы поскорее пойти в аллею и начать мой первый — и такой божественный — труд Земле, я всё же не терял время на одну еду и пристально наблюдал лица моих товарищей.

Эти лица меня удивили. Сам я чувствовал себя необыкновенно легко и просто. И лёгкость моего нового существования всё возрастала. Я весь сиял счастьем начать строить здесь часовню Радости и сознавал, что моё внутреннее сияние ярко отражается на моём лице.

Первым бросилось мне в глаза лицо Грегора. Оно было сосредоточенно, почти озабочено. И я понял, что дух его занимает сейчас какая-то иная творческая задача, к которой он, внешне занятый делами оазиса, внутренне готовился.

Наталья Владимировна, недавно горячо обсуждавшая проект своей лаборатории, с первыми словами И. как-то особенно притихла, точно собирала силы для постройки защитного круга себе и каждому встречному, желая уже в нём покинуть столовую.

Ольденкотт хранил, как всегда, своё благородное, детски спокойное выражение доброты и мира. Ему незачем было думать о том, чтобы пролить свой мир и свет кому-либо. Он именно ими и был сам, светил и грел, не думая о том, ибо жить иначе он не умел и не мог.

Игоро весь горел такой силой внутреннего огня и темперамента, что едва мог заставить себя сделать несколько глотков молока. Если бы не его чрезвычайная дисциплина и преклонение перед И., он вскочил бы из-за стола и помчался в свою аллею.

Бронский, новый, молодой красавец Бронский, был также мыслями не в оазисе. Над его головой я ясно видел движущиеся картины его богатейшей фантазии, в которой уже жили целые сцены новых постановок, и я узнавал отдельные фигуры жителей оазиса Дартана.

На всех лицах читались рои новых вопросов вновь зарождающейся жизни, и дух каждого дрожал и напрягался по-своему, ожидая первой счастливой минуты вступления в указанный труд и встречи в нём с живыми людьми. Во всех сердцах лежала одна забота: оказаться достойным данного поручения.

Один только Василион — почти тот же по внешности, но окрепший, как зрелый дуб, — сохранял на своём лице то дивное выражение восторга и счастья, которое я на нём увидел в первую минуту знакомства, когда невидимый им Раданда привёл меня в дом братьев. Точь-в-точь то же выражение ликующей любви лежало на нём, как в тот миг, когда он держал в руках обворожительный цветок. Это было не то выражение Василиона-певца, который забыл о Земле и пел оторванному от неё Богу. Нет, это было лицо восхищённого садовника, *знающего,* какие цветы *может* родить Земля для счастья людей, и в какие розы могут превращаться сердца людей, если садовник живёт на Земле — священном храме труда Бога.

Да, этот человек *уже* жил и действовал в священном Храме-Земле. Он уже не имел вопросов, *как* начать — он знал, он начал, он был не только в глубоком спокойствии, он уже *со*трудничал с Тем, Кто его послал.

И. окинул всех нас, таких бесконечно разных, своими всепонимающими глазами, улыбнулся, точно хотел сказать, что иначе и быть не может, как у каждого поразному, и предложил всем отправиться переодеваться в рабочие костюмы, приготовленные, конечно, Яссой.

— Ясса, миленький Ясса, ну мыслимо ли существовать на свете без тебя? — сказал я моему другу-няньке, добровольно занявшему при мне снова эту позицию.

— Смотри, Лёвушка, будешь так благодарить меня за каждый пустяк, вот и получишь меня в вечные спутники, — ответил он мне, улыбаясь.

— О, иметь тебя всегда рядом?! Было бы для меня довольно незаслуженным счастьем! — ответил я. И через минуту благодаря его помощи мы были первыми на крылечке, куда быстро спускались все обитатели, каждый по-своему оправляемый Яссой.

Вскоре присоединился к нам И., и мы отправились к новым аллеям. Путь на этот раз был гораздо короче, так как И. вёл нас через центральную часть оазиса. По дороге мы подбирали уже ожидавшие нас группы туземцев, и И. сразу же распределял их, прикрепляя к каждому из нас то или иное число людей. К концу пути у меня, как и у других, образовалась довольно большая рабочая бригада. Все мы рассеялись по своим аллеям, получив от И. и Грегора определённые первые задания по выравниванию площадок и рытью глубоких канав для фундамента.

И., отдав распоряжения, остался со мной. Через несколько минут на готовой уже площадке начались работы по закладке фундамента. Я ещё никогда не видел, как строилось какое-либо здание, и всё меня поражало. Глубочайшие рвы рылись специальными машинами, выбрасывавшими песок целыми горами. Тут же эти горы свозились на верблюдах и осликах к заводу, а оттуда привозились и складывались

огромные глыбы стекла вместо обычного камня для фундамента. Я понял, что столь глубокий фундамент закладывался для борьбы с бурями.

Работа кипела. Казалось, что просто по-сказочному быстро вырастает прочное основание часовни. Не только для самой часовни, но и для лесенки закладывался такой же глубочайший фундамент. Во многих стеклянных плитах я заметил заранее проделанные отверстия для будущих балок. Постепенно, по ходу работы, я понимал, что И. весь год нашего отсутствия наставлял жителей оазиса через мать Анну в подготовке материалов — по ведомому ему одному плану — для воздвижения всех зданий, которые каждый из нас, якобы от своего имени, должен был оставить в оазисе.

И ещё раз я увидел необъятность знаний и труда И.! И ещё раз преклонился перед этим человеком! И не только это понял я ещё раз — я понял *своё* скромное место во вселенной! Я думал, что *мне* пришла идея выстроить в оазисе матери Анны часовню Звучащей Радости, и понял теперь на опыте дня, что я был только тем видимым орудием, через которое Великая Жизнь давала знак Своего невидимого милосердия заслужившим его людям. И., бывший истинным строителем часовни, внешне отходил в тень, выставлял моё имя для благодарной памяти оазиса! И эта тень — величие могучего, не нуждавшегося больше в благодарности людей духа — открыла моему сознанию всю мою слабость: я ещё нуждался в подкреплении благодарных сердец, в *их* благословении в этой часовне, чтобы выполнить *свои* задания. И чтобы *получить* эту помощь от молящихся здесь, я должен был иметь только *полную* чистоту и самоотвержение сердца.

Когда я тащил лестницу в лаборатории Владыки, Великий признал их во мне. Ныне вторично, войдя в труд земного дня, я получал это признание...

— Лёвушка, силач, если ты будешь беречь свои силы и отдыхать в самые нужные моменты, — услышал я голос Яссы, — мы никогда многого не достигнем. Нука поддержи подъёмный кран и давай укладывать самые огромные кубы.

Я очнулся от своих размышлений и снова принялся за работу с ещё большим благоговением. Ещё ни разу не видел я так близко и чётко огромности И. Сегодня сердце моё точно раскололось на две части, вроде его башни, и *всё* в мире представилось мне живущим двойной жизнью: земли и неба. *Все* без исключения были тенью, отражением Вечного. Но только *некоторым* суждено было это *понять* в ту короткую минуту, которая зовётся воплощением...

Работа шла до такой степени быстро, легко и просто, что, когда раздался сигнал к обеду, никому не верилось, что уже прошло так много часов упорного труда. Я был совершенно свеж и бодр. Ни в каком отдыхе я не нуждался и с удивлением заметил, что лица моих сотрудников носили следы утомления от труда и палящего зноя.

И., оставлявший на время нашу аллею и поспевавший руководить всем и везде, возвратясь к нам, похвалил всех за отличную работу и немедленно отпустил туземцев, приказав им выйти вновь сюда на работу через два часа.

Когда мы остались втроём с Яссой, И. велел нам выровнять кое-где глыбы и идти с ним на завод. Здесь мы встретились с ожидавшими нас Грегором и Василионом. И. подвёл нас к небольшому по сравнению с заводом зданию, и тут все мы пришли в полное изумление. Дивные резные плиты для часовни и лестницы лежали

в полном порядке, а под тяжёлым чехлом возвышалась фигура, в значении которой никто из нас не сомневался.

— Это труд Общины Раданды, — сказал нам И. — вы не знали, что этот великий старец ещё и чудесный скульптор. Только он сделал статую белой и все цветы белыми. Нам придётся выполнить труднейшую работу расцвечивания статуи. Василион знает теперь тайну новых красок и методов этого векового искусства. Погрузим сейчас несколько балок и плит и сделаем основание, на которое будут продолжать укладывать сложный рисунок лестничных ступеней наши помощники.

Вскоре целый гружёный караван из пяти тележек, влекомых верблюдами, потянулся к месту постройки часовни. Неоднократно проделали мы этот путь, и, когда наши сотрудники, отдохнув после обеда, возвратились, самое основание здания было готово. Им пришлось только недоумённо развести руками перед темпами нашей «волшебной» работы, как они выражались, и продолжать начатую нами постройку. До вечера, отказавшись от полдника — как называлась в оазисе промежуточная еда между обедом и ужином, — трудились туземцы с нами и готовы были и от ужина отказаться, только бы не расставаться с И., к которому они привязывались всё больше, не по часам, а по минутам.

Повинуясь приказанию своего высокого руководителя, и туземцы, и мы покинули место стройки. И. обещал прийти в новый зал со всеми нами, как только кончится ужин, сказав, что будет ужинать в нашем домике, чтобы дать указания всем руководящим работами на завтрашний день. Хотя до некоторой степени и огорчённые отсутствием И. на их ужине, наши милые сотрудники ушли весело, заверяя И., что поужинают в один миг и будут его ждать, ждать, ждать...

Собравшись в нашей маленькой столовой к ужину, мы ожидали И., против обыкновения несколько задержавшегося. Обмениваясь впечатлениями с теми из друзей, кого я не видел в течение рабочего дня, я не без удивления узнал, что для всех предназначенных новых зданий в оазисе материалы были заготовлены в Общине Раданды. Всё, имевшее скульптурную и художественную обработку, было целиком прислано оттуда. Лишь грубые глыбы для фундамента были заготовлены в оазисе, причём цели и смысла их работы мать Анна не открывала своим подопечным.

Не менее поразило меня сообщение Андреевой и Ольденкотта, что они получили от своих Учителей-Владык: одна — огромное количество ящиков с приборами и всевозможным оборудованием для химической лаборатории, другой — целый магазин книг. Игоро получил несколько огромных ларей для будущей обсерватории и обещание прислать трёх учёных помощников от своего Владыки-Учителя.

Мы не замечали времени, обмениваясь своими важными новостями, а оно шло — и И. всё не было. Внезапно послышались его быстрые, лёгкие шаги, дверь бесшумно открылась, и в комнату вошёл... богоподобный И.

Он был в белой, шитой золотом одежде, в руках его была знакомая нам тоненькая палочка и небольшая чаша с горевшим в ней оранжевым огнём. Я не мог оторвать взгляда от его чудесного лица, в котором в эту минуту не было ничего человеческого и светился один чистый, радостный дух. Безоблачное счастье лежало на всём облике И., и своим выражением он напоминал тот портрет Мории, что я

видел в изголовье дивана в лаборатории, в комнате моего Владыки-Учителя. Окинув всех нас сияющим взглядом, И. сказал:

— Вы ждали меня к трапезе, друзья и дети мои. Но не единым хлебом жив человек. Я принёс вам великий Свет Жизни, который мы с вами положим в углубление основания часовни. Пойдёмте все туда и принесём вместе с даром неба всё то самое чистое, самое высокое и мирное из наших сердец, что только способен каждый вылить в своей благословляющей *всю Жизнь* молитве. Молясь, вылейте в этот Огонь — вещественный знак невещественного присутствия и *со*трудничества с нами Великого Бога — всё то благородство любви, сострадания и мужества, на какое вы способны, чтобы каждый молящийся нашёл помощь своей слабости, укрепляющую энергию своему сложному положению на Земле и никогда не боялся тяжёлой ноши... Бесстрашных молитва и благословение у этой часовни и великий залог помощи и мира тем, кто придёт к ней искать защиты и мудрости.

Высоко подняв над головой чашу и палочку, которая вся засверкала разноцветными лучами, И. благословил нас и повернулся к выходу. Ночь, глубокая и безмолвная, сверкавшая своими звёздами, была под тенью деревьев так темна, что даже дорожку разглядеть было трудно. Но чаша в руках И. бросала такой яркий сноп света, что не только вся его фигура, но и мы все были чётко видны.

Я не ощущал ни малейшего утомления или голода, ни вообще каких-либо признаков своего физического тела. Я испытывал один восторг, и молитва моя о будущих молящихся у часовни летела к пламени в руках И. Я шептал божественное имя: «Санаткумара», вливая в него всё счастье жить ещё одну минуту в мужестве, мудрости, в единении с трудящимися неба и земли, в любви неугасимой Великой Матери...

Подойдя к заложенному фундаменту, И. приказал мне поднять тяжёлую центральную плиту. Никогда за всю мою жизнь ничего тяжелее этой громадной стеклянной глыбы не случалось мне поднимать. И никогда больше я не испытывал такой радости, какая наполняла меня в эти минуты. Казалось, небо и земля слились для меня воедино, всё звучало одним общим чувством Радости.

И. стал на колени. Мы последовали его примеру, и, когда И. поставил чашу в углубление под плитой, положив рядом с ней семицветно горевшую палочку, за нами внезапно раздался гимн Жизни, который пели своими неповторимыми, ни на что земное не похожими, стеклянными голосами Владыки мощи.

Ничто не могло казаться «чудесным» в эти незабвенные, величественные минуты. Как и когда появились Владыки мощи здесь? Даже и в голову не приходили вопросы, до того действительность превосходила своими «чудесами» все чудеса волшебных сказок.

— Мы пришли сюда, чтобы участвовать вместе с вами, гонцы Земли, в заложении нового магнетического центра Божественной Силы на Земле, — сказал нам Владыка-Глава, сиявший весь в темноте ночи, как огромный светящийся столб. — Сегодня мы приносим вам свой прощальный привет. Будьте благословенны и счастливы в ваших делах и трудах для людей. Каждому из вас дана *Его* чаша Огня и Мира. *Но помните, что чаша — не символ, а дух и сила вашего труда, вашей жизни*. Приникайте к ней, вбирайте в себя её мощь и переливайте эту мощь в дела простые

серого дня. Не за символами, а за истинными знаниями, за Светом Жизни вы приходите к нам. В образе схоронённой здесь чаши вспоминайте, *распознавайте смысл* собственной земной жизни и к *этому смыслу* — первооснове *всех* человеческих существований — приводите все свои встречи и дела. Жизнь передаёт вам Свою Силу не для определённых мест и времени. Она напоминает вам ещё раз: Тот *Ей верен*, кто научился *жить* в Ней и пред Ней, *вне* времени и пространства.

И. приказал мне опустить плиту над горящей чашей, встал на неё, велев нам, семи, стать вокруг него, взявшись за руки. Владыки тоже взялись за руки, образовав огромное кольцо вокруг нас. Ещё раз они пропели свой Божественный гимн и исчезли в темноте ночи так же внезапно, как и появились.

Я видел сквозь толстенную плиту, как горела в углублении чаша и сверкала рядом с ней палочка. Я не смел спросить И., как и куда я должен положить указанные мне священные реликвии. Но мой милосердный друг, пригласив нас отдать прощальный поклон заложенной Святыне и поспешить в новый зал к ожидавшим нас, по дороге сказал:

— Когда настанет время водрузить статую Божественной Матери, ты положишь свои сокровища под Её пьедестал.

Мы вошли в многолюдный зал, где мать Анна кончила свою беседу, и И. занял её место на небольшой кафедре, если так можно назвать нечто вроде большого кресла с широкими подлокотниками, заменявшими при желании стол, оставляя открытой всю фигуру оратора.

Вид И. в парадном платье, ещё не виданном жителями оазиса, сохранившего всё сияние, в котором он вошёл к нам в маленькую столовую, так ошеломил всех присутствующих, что они встали с мест, молча, благоговейно ожидая его слов.

Глава 31

Беседа И. с жителями оазиса в ночь закладки часовни. Работа И., Василиона и моя над расцветкой статуи и установка её в часовне. Последняя ночь перед освящением часовни. Деметро и его поручение ко мне. Слова И. при открытии часовни

«**В**ы ждёте от меня чудесных откровений, — сразу начал И., — но если бы вы очень внимательно прислушивались к словам и наставлениям матери Анны за всю совместную с нею жизнь и особенно за последний год — вы бы ясно отдали себе отчёт, что *не извне* идёт к человеку помощь. Не вовне он схватывает самую значительную часть своих знаний. Но *в нём живущее откровение двигает его, увлекает и заставляет искать новых путей к знанию*.

Вы спрашивали, почему в руке будущей статуи матери Анны — змей, кусающий свой хвост. Нет в этой эмблеме тайны. *Весь* человек, *все* его *вечно* живущие силы духа и сознания *движутся*, как и Земля, где мы живём, кругообразно. Не однажды живёт человек, как вы уже знаете. Не однажды он возвращается на грубую землю, чтобы в плотной и тяжёлой форме нести труд личного совершенствования и помогать стремиться к нему своим ближним, имея *конечной* целью сотрудничество со Светлым Братством.

Круги циклов жизни человека не идут всегда в одних и тех же местах. Проживший несколько воплощений в Китае может быть воплощён для следующей работы на юге Франции или севере Англии, среди вас или среди кочующих племён пустыни, среди промышленных центров Америки или в тихих углах Сибири и Африки.

В цикле жизней человека не играет никакой роли географическое положение. Даже национальность, религия и им присущие свойства не играют роли, если *сам* человек не привязал себя *к ним* ненавистью или преступлениями в такой же мере, как и суевериями или тяжкой любовью.

Среди сил, *связывающих* свободу духа человека, самые сильные, неразрывные узы плетёт *ненависть самого* человека. Если, живя среди своего народа, человек ненавидел его — он много раз будет воплощаться в том же народе, пока не победит своей *настоящей*, свободной любовью всех горестных обстоятельств, а может быть, и преступлений, которые вызвала к жизни его ненависть.

Точно так же ненависть или презрение к какой-то нации или стране, где родился, к их особым свойствам создают трудную кармическую связь на много веков. Величайшая цель земной жизни человека — стать *свободным и помогать освобождённости окружающих*.

Но что значит «стать свободным»? Быть богатым? Не зависеть ни от какого труда? Иметь возможность путешествовать по всему миру? Приобрести все знания? Увидеть всю красоту, которой люди-творцы украшают землю?

Чем больше внешних красот и знаний вы будете приобретать, полагая *в них* всю силу и смысл жизни, *в них* видя *центр* свободы человека, тем более тяжёл и грузен будет караван ваших знаний, тем тяжелее вам будет передвигаться с ним, вместо лёгкости и радости, которыми только и ценен день труда человека.

Весь смысл жизни в том, чтобы постичь *гармонию всей* вселенной, убедиться, что все бури и стихии Земли, все катастрофы и потрясения на ней *не нарушают* гармонии вселенной.

Каждому из вас надо войти в такую освобождённость своего духовного мира, чтобы *ничто* из внешних или внутренних катастроф, даров, радостей, возвышений, унижений, разлук или несчастий не могло нарушить *ровного* света гармонии *в себе, не могло ни омрачить, ни разрушить вашего счастья жить этот текущий день*.

Если вы прожили данную минуту *в полном* равновесии сил вашего организма и не думали: «Ах, как *я* счастлив!» — а *выливали* результат вашего счастья — мир — всем вашим встречным, то вы *уже* укрепляли мир на *всей* Земле. Вы *были* на самом деле очагом радости тем людям, что встретились вам, вы укрепили *в них* не только нервы, но и трудоспособность по отношению к внешним делам и силу стремления к духовной свободе.

Никто из вас не знает тех страданий самолюбия и жадности, зависти к чужим успехам или высокому положению, в которых мучаются лучшие годы своей жизни современные культурные народы разных стран. У них именно и произошло то, о чём я говорил вам вначале в сегодняшней беседе: караван тяжёлый и мёртвый их *внешних* знаний завалил *живой* дух и огонь их сердца. Если нет гармонии между мыслью и сердцем — то *без* этой гармонии не может быть *полноты* жизни человека.

Как же различить вам, *где* та мера вещей в труде, бережливость и забота о текущих бытовых явлениях, которая *раскрывает*, а не забивает щель духу человека? Как понять, какие же знания и труд идут и ведут к Свету и в каких *внешних* усилиях долга, обязанностей и забот вы *не* двигаетесь к самоотвержению, а только теряете драгоценное время в пустой, не имеющей никакого значения для вашей *вечной* жизни суете?

Всякое знание, всякий труд — пусть он будет внешне мало похож на труд героя и напоминает труд прачки у корыта с бельём, — *если* он вызвал в вас повышенную эмоцию жизни, бодрость, простую доброту и *не* раздражил, не переутомил вашего тела так, что вы еле стоите на ногах [...][2] и не только не сияете внутри, но даже забыли, что *носите* в себе Свет, которому ваше физическое тело — *рамка*, то вы погубили не только *этот* день жизни, но и много следующих. Сколько же дней, ценных, необходимых не только вам, но и вашим встречным, вы погубили? Столько же, сколько их потребуется вам на отдых, чтобы *мог* ожить дух ваш, задавленный чрезвычайным переутомлением физической части вашего проводника. А на это надо ровно втрое больше дней для вновь полноценной работы вашего духа, чем потребовалось вашему телу для полного отдыха от недопустимого физического переутомления.

---

[2] Здесь в тексте, вероятно, пропуск, имеющий следующий смысл: [, то такой труд ведёт к Свету, освобождает ваш Дух от пут условностей внешней жизни. Однако, если вы задавлены вашими усилиями исполнить долг,]. — Прим. ред.

Точно такая же картина отсутствия гармонии в вас, если вы будете жить в пустой праздности и в пустой суете. Они, не менее неумеренного труда, давят и мертвят живой дух человека. Мысль — *самая великая из всех сил*, которыми одарён человек, — не может *действовать*, чем-либо давимая. Если дух не собран, труд не может быть вдохновенным.

Только *полная* освобождённость духа может привести человека к той бодрости, с которой начинается творчество, то есть к радостной гармонии божественной и физической частей человеческого организма. Есть бодрость — экзальтированность. Есть бодрость — показное, мнимо энергичное состояние, за которым человеку хочется скрыть от глаз людей прекрасно сознаваемую пустоту и бесцельность собственной жизни. Но это ничего общего не имеет с истинной бодростью духа. Это всё то же воспоминание своего «я» на иной лад. А истинная бодрость есть благословение в себе и ближнем Божественной Энергии и гармоничный *труд* в Ней при забвении «я».

По большей части неосмысленная растрата сил происходит в семьях малого и среднего достатка, где людям представляется, что, замучив своё тело до полуживотного состояния, они *творят* великое дело мира, помощи и спасения своих близких. Встречая такие гибнущие в предрассудках семьи в тех городах, куда вскоре многие из вас со мной поедут, старайтесь разубедить их и помочь им в понимании смысла жизни. Чаще напоминайте им, что не одним хлебом жив человек.

На сегодня я прекращаю с вами мою беседу. Я вижу много юных засиявших лиц в надежде ехать со мною в далёкие края. И вижу столько же лиц, опечаленных при мысли о разлуке с любимым местом, с любимыми людьми.

Ни те, ни другие не правы. Для вас, воспитанных в *новых* правилах высокой любви и этики, живущих подле того места, где Сама Жизнь трудится, защищая, благословляя и наставляя вас, не может быть — в минуты великие, решающие — ставки на *личное* благо, на личные радости. Для вас может быть один выбор: *для Жизни, вместе* с Нею, забыв о себе, вступить в Её труд, подаваемый каждому из вас так и там, как Светлое Братство вам укажет.

Не я должен вас увлекать и не за мной должны вы идти, куда я вам укажу. Но *ваша* звучащая радостью энергия Жизни должна двинуть вас, как стремительный поток Любви, *к людям*. Самую простую доброту и доброжелательность должны вы им принести. И где бы вы ни трудились *для людей* — всюду вы будете трудиться для *Жизни, в них* живущей. А трудясь для Жизни, люди трудятся *вне* времени и пространства, *вне* текущих обстоятельств и форм, чтя Её, Вечную, во всём временном.

Мужайтесь. Созревайте. Отдайте каждый себе отчёт в том, насколько вы *готовы* выйти из границ *своего* узкого царства мира и любви и понести *их* в шумные города усталым и беспокойным, растерянным людям».

На этом И. закончил свою речь. Вся аудитория, в тишине которой можно было расслышать биение человеческих сердец, стоя внимала словам своего чудесного друга. Лица восторженные, вдохновенные, с блестевшими радостью глазами, казалось, не видевшими ничего и никого, кроме светлого образа И. Он улыбнулся им на прощание, быстро встал со своего кресла-кафедры, и только тогда, когда мы уже вышли в тихую, ни одним листом не шелестевшую аллею парка, слушатели очну-

лись от своего экстаза, и царившее за миг до этого молчание превратилось в оглушительную бурю благодарственных приветов уже покинувшему зал оратору.

И. шёл молча впереди нас и, только подойдя к дому, сказал:

— Все, кроме Василиона и Лёвушки, идите отдохнуть. Ночь минет быстро, на завтра у каждого из вас много ответственного дела. Вы же переоденьтесь и ждите меня в рабочих костюмах здесь, на крылечке, — обратился он к Василиону и ко мне, стоявшим рядом.

Простившись с остальными товарищами, я быстро поднялся в свою комнату, переоделся в рабочее платье и опустился на колени, моля Великую Мать помочь нам собрать все мысли и силы, всю чистоту сердец и радости, ибо я чувствовал, что мы приступим к работе самой ответственной — по обработке статуи. Когда я спустился вниз, Василион был уже на крыльце. Я взглянул в его лицо, лицо безмятежно чистого и доброго ребёнка, где контрастом сияли огромные голубые глаза, напомнив мне добрый, мудрый и торжественно прекрасный взгляд Франциска.

Как только мелькнула у меня эта ассоциация, я горячо призвал на помощь в предстоявшем нам труде непреклонную Волю-Любовь этого человека.

— Это хорошо, Лёвушка, что ты призываешь к помощи сегодняшнего труда всё самое чистое, высокое и доброе, что знаешь на земле, — раздался голос И. — всё, что делает на земле человек, — всё он должен делать в защитной сети Светлого Братства. Ученик, не только ступеней высоких, но и самых начальных, должен начинать *каждый* свой труд в выстроенной *им* защитной сети милосердия, — продолжал И., идя между мной и Василионом по направлению к заводу. — Чем выше этап освобождённости человека, тем шире, мощнее и грандиознее та защитная сеть, которую он строит. И чем выше самоотвержение и бесстрашие ученика, чем меньше у него личных нужд, тем шире и ярче сверкает его защитная сеть, и *он может* покрыть ею не только себя одного, но столько людей, сколько дала его освобождённость возможности растянуться и сверкать его сети. Есть чрезвычайно мощные, великие Братья-Светоносцы среди членов Светлого Братства. И их защитная сеть может покрыть и защитить любого ученика в любом месте. Почему же так много учеников оступаются и не могут быть спасены от своего падения? Потому что сеть *зажжётся* горящим огнём только тогда, когда огонь этот — великий огонь Света Любви — *может проникнуть в сердце ученика* и извлечь оттуда чистую, гармоничную, творческую искру, имеющую силу слиться с творческим трудом того Великого Брата, что простирает к нему руку помощи. Всё — в человеке. Ничто в духовном мире не может быть достигнуто *пассивным*, инертным молением. Только активная, творческая *жизнь* сердца человека *может* привлечь к себе высокий дух близкого или далёкого — по расстоянию — помощника и включиться усилием радости в счастье *со*трудничества со Светлым Братством.

Мы подошли к уже знакомому нам сравнительно маленькому сараю, где были сложены материалы для часовни.

— Соберите все свою радость жить это мгновение, — продолжал И., опускаясь на колени перед широкими воротами сарая, — и молитесь вместе со мной; просите Великую Мать включить нас в сеть Её труда. Всё своё внимание перелейте в мощь чистоты сердца, ибо ничего человеку, строителю на земле, не нужно в такой мере,

как его чистота и самоотвержение. Не однажды слышали вы, что ни благодарности за свои самоотречённые труды, ни признания вас достойными тех знаний, что вы принесёте на Землю как новые откровения человечеству, вы от этого видимого человечества не получите. Но каждый из вас уже не раз получал признание от невидимого светлого человечества, получал ободрение и признание своей верности и труду в избранном вами пути служения Свету. Любовь и мир в ваших сердцах теперь уже *не* пассивная мысль: «Надо нести всюду мир», — а активная, *живая* любовь сердца, знающего *силу, действенную* мощь Мысли-Любви. Соберите же огонь этой Мысли-Любви в одну волю: включиться в *со*трудники Великой Матери в этой работе постройки Её часовни. Не место, прекрасно убранное, художественное по своей гармонии линий и форм, где бы каждый подошедший получал успокоение, надо нам оставить в оазисе, но таким благородством и чистотой духа, такой активной любовью и верностью насытить каждый возлагаемый камень, чтобы сердце подошедшего к часовне *оживало* для *новой* работы, чтобы досада и разочарования, с которыми он подходил к месту Света, показались ему не горем, а суетою и чтобы он понял, какое ничтожное место они должны занимать в его собственном духовном царстве, чтобы Звучащая Радость охватила его *всего* и включила в Свои вибрации, окрылив, подняв его очи духа от временной формы к Вечному. Если мольба ваша о людях будет искренна, если *активна* будет любовь ваших сердец, если, созидая, вы будете помнить одну цель: воздвигнуть *чистое* место, чтобы Чистота могла проявить Себя здесь, вы увидите знак Вечности. Он засияет над нашей часовней, когда мы будем водружать статую, под которую ты, Лёвушка, положишь всё, что приказано тебе.

И. умолк. Мгновения текли, но сколько прошло времени, я не знал. Я прижал к груди мой камень и цветок Великой Матери; я отошёл от всякой формы, забыл всё личное; я был только Мыслью-Любовью. Все силы духа я собрал на одной мысли: Жизнь должен почувствовать *в себе каждый*, кто подойдёт к часовне. Жизнь — радостное творчество — должен понять *каждый*, у часовни молящийся, и уйти с твёрдым решением: немедленно ввести в дело дня доброту и мир.

Когда я очнулся от своей мольбы — причём мне казалось, что всё тело моё, всё внутри меня гудит от мощной радости, от счастья и неизъяснимого покоя, — я увидел светящуюся фигуру И. и рядом с ним, тоже сиявшего, Василиона открывающими ворота сарая.

Мигом подбежав к ним, я распахнул тяжёлые ворота, и никогда ещё моя голиафова сила не казалась мне таким счастьем, такой радостью и лёгкостью жить. Не давая опомниться моим спутникам, я как-то сам понимал, какие и откуда тяжёлые плиты снимать, как устроить временный пьедестал для статуи, чтобы И. и Василион могли над нею работать.

Видя, что я не нуждаюсь в указаниях и что физическая помощь мне не нужна для этой тяжёлой работы, И. улыбнулся и погрузился в разбор тех красок и инструментов, что принёс в своём ящике Василион. Опять-таки не знаю, сколько времени длилась моя работа, но знаю, что, когда у меня всё было готово и я водрузил статую на прочный пьедестал и устроил вокруг неё удобный и не менее прочный помост, у И. и

Василиона тоже всё было готово, и они, встав со мною рядом на помост, помогли мне снять со статуи тяжёлый чехол-покрывало.

Боже мой, какое дивное зрелище представляла фигура Великой Матери среди глыб мутно сверкавшего стекла! Луна, высоко взошедшая в эту минуту, залила светом всю статую, и она казалась живой и воздушной, озаряя улыбкой всё вокруг.

— О, Раданда, Раданда, слышишь ли ты меня? — воскликнул И. — Никогда и ничего прекраснее не создавали твои руки, и, если этим ты закончишь свой труд на Земле на этот раз, благословен путь твой, великий старец! Благословенна любовь твоя к людям, в которых ты никогда не видел ничего, кроме Единого, на которых ты никогда не имел в сердце досады, но нёс им оправдание и мир. Да идут же они за тобою, да исполнится твоя мера вещей и Радость Звучащая да примет тебя в Свои объятия! Благослови нас, чистое сердце, чистая любовь, закончить твой труд, как нам указано. Да будет нам твоё смирение живым примером труда и любви.

И. умолк, и я увидел у ног статуи воздушную фигуру кроткого старца с его незабвенной улыбкой на изрезанном морщинами сухоньком лице, благословлявшего нас пятиконечной звездой, сиявшей в его руке.

Все мы глубоко поклонились Раданде, и когда я поднял голову, его уже не было у ног статуи.

До самого рассвета работали И. и Василион, придавая статуе те краски и блеск, которые были на ней в часовне Раданды. Но она ещё не переливалась тем несравненным жемчужным сиянием белого и розового, каким там поражала взор.

— Довольно на сегодня, уже светает. Надо немного отдохнуть, чтобы выйти свежими на работу со всеми, — сказал И.

Мне хотелось возразить, что я нисколько не устал, хотелось просить разрешения остаться здесь, но я уже знал, что всякое, самое маленькое, отступление от указаний Учителя *всегда* ведёт *не вперёд*, а назад, так как в нём всегда живёт личный элемент.

Быстро закрыв вновь чехлом статую, мы всё привели в прежний порядок и ещё быстрее, мне показалось, очутились в домике, где, молча простясь, разошлись по комнатам.

Проснулся я от сильного потряхивания Яссы, который, смеясь, говорил:

— Да что же это, наконец, Лёвушка? Водой мне тебя поднимать? Третий раз бужу — и всё засыпаешь! Ведь И. сейчас сойдёт, все уже в сборе на крыльце, а ты ещё спишь!

Ясса прекрасно знал, чем меня припугнуть. Осрамиться перед И. я не мог и думать, да и не понимал сам, почему так на этот раз разоспался. До некоторой степени я всё же проштрафился, так как вышел на крыльцо одновременно с И., взглянувшим на меня весёлыми, юмористически сверкавшими глазами. «Ты ведь нисколько не был утомлён и не нуждался в отдыхе», — казалось, так и говорили эти ласковые глаза.

День протёк в упорной и усиленной работе, и Грегору выпало труда больше других, так как все мы были в строительной работе куда как неопытны и только наше усердие и полное внимание помогали нам выполнять задаваемые архитектурные уроки.

Много дней протекло в усиленных работах. Звуки ударов молота, лопат, пилы, шуршание ног верблюдов и осликов по песку стали обычными для аллей нового парка, как и постоянное движение по ним людей и тележек с землёй и материалами. Но никого не утомлял тяжёлый труд. Смех и шутки звонких молодых голосов сливались с общим шумом строительной жизни, и сердца всех работавших нетерпеливо ждали одной минуты: речи И. вечером в новом зале.

Но не одни жители оазиса ждали с нетерпением его бесед. Все мы получали от них огромную помощь. Казалось, каждый вечер И. затрагивает всё более глубокую тему, в которой каждый из нас, также идущий в новую жизнь, как жители оазиса, имел много раз случай проверить свою собственную готовность к предстоящим задачам.

Не раз казалось мне, что тот или иной вопрос решён для меня бесповоротно, не может вызвать никаких сомнений или колебаний. И вот какое-то слово И. освещало по-новому весь вопрос. И я видел, что где-то в таинственном уголке сердца дремлет укрывшаяся искорка личного чувства.

Дни текли, работы подвигались. Настала наконец великая минута, когда готовую, сиявшую всей радугой красок жемчуга и перламутра статую Великой Матери надо было водрузить на место.

Задолго до рассвета властный голос И. разбудил меня, приказав надеть свежее белое платье, данный мне им золотой пояс и собрать все сокровища, что подарили мне Дартан, Раданда и Мория, и спуститься тихонько вниз, никого не разбудив.

Я прижал драгоценный камень Венецианца и цветок Великой Матери, с которыми никогда не расставался, собрал указанные мне вещи, особенно нежно припал к цепи Дартана, вспомнив его слова: «Это редкая вещь, принадлежавшая радостному существу, дух которого ни на минуту, ни в каких испытаниях жизни не омрачался».

В одно мгновение я мысленно облетел всех людей, давших мне свои вещественные благословения, благодарно склонился перед Владыкой-Главой, очистившим камень Венецианца, прижал к губам цветок Великой Матери, шепча: «Да пробудится в каждом склоняющемся перед образом Твоим живая сила энергии к новой жизни. Да вскроется в его сердце *понимание, кто* такой его ближний, и простая доброта — вместо осуждения — поможет ему найти мир и оправдание всякому встретившемуся».

Я завернул мои вещи в платок Дартана, мигом сбегал в душ, надел лежавшее у кровати чудесное белое платье, положенное мне, очевидно, любящей рукой Яссы, и спустился на крылечко, где уже ждал меня И.

Молча взял он меня за руку и также молча мы прошли до самого сарая. Двери его были широко открыты, и сияющая статуя стояла на временном, устроенном мною постаменте совершенно открытая. У ног её прильнула коленопреклонённая мать Анна.

И. приказал мне передать узелок с моими вещами настоятельнице. Он положил свои руки мне на голову и сказал:

— Возьми на руки статую и отнеси её в часовню.

О, как я обрадовался! Я даже не сообразил, что непомерная тяжесть стекла не даст мне возможности выполнить приказание, и хотел уже подойти к статуе, как снова раздался голос И.:

— Ты ещё не получил возможности владеть стихией воздуха, и слуги её не подвластны тебе. Но я вплетаю мою силу в твой огонь, К. и элементали воздуха помогут тебе. Иди теперь, поднимай статую — она будет казаться тебе теперь лишённой тяжести.

Я почувствовал как бы сильное движение воздушной волны вокруг себя и увидел целый сонм крошечных светлых существ, обвивших всего меня. Когда я поднял статую, она казалась мне картонной, да и сам я с такой лёгкостью шёл, точно плыл по земле. Я невольно отвечал радостным смехом на улыбки моих очаровательных помощников. Всё так же легко взошёл я по лестнице до самой верхней ступени, вошёл в самую часовню и опустил статую в центре уже готового и установленного пьедестала.

Я увидел, как раз под тем местом, где я поставил статую, глубоко в земле, под тяжелейшей плитой горевшую ярким оранжевым огнём чашу И. Теперь огонь её шёл прямо вверх, касаясь всех ступеней лестницы, пола часовни, всей статуи. А семицветный огонь палочки загорелся на всех цветах, что лежали на руках статуи и у её ног.

Вся почва, сколько хватал мой глаз, светилась огнём чаши и палочки. Вся аллея, как светящийся подземный ход, была залита Божественным пламенем.

И. и мать Анна подошли ко мне, встав по обе стороны от меня на колени.

— Возьми вещи и сложи их сюда, — приказал мне И., открывая в пьедестале не замеченную до сих пор мною дверку и указывая мне потайной шкафчик. Когда и кто его сделал, я не знал. — Если сердце твоё чисто и верно до конца, если ты не имеешь другого желания, как быть слугою своему народу, быть братом человеку не в мечтах и фантазиях, но ищешь *в деле* простом текущего дня *быть* основным звеном духовного общения между человеком и Жизнью, — все положенные тобою вещи загорятся огнём чаши и соединятся с огнём статуи. И все, давшие тебе вещи, соединят силу *своей* чистоты и радости *с каждым* молящимся здесь сердцем. И тем помогут цельности мольбы и духовному возрождению каждого ищущего у часовни помощи существа. И твоя сила любви и радости закалится так в этот момент, что ни одно испытание дней не омрачит и не поколеблет её, — сказал И.

Я тоже опустился на колени. Теперь я видел, что светилась не только земля вокруг и в аллее; светилась лаборатория Владык мощи, и сами они, повернув лица к часовне, пели свой гимн, доносившийся до меня. Светились и башни лучей, и от дивно сиявших ликов их Владык бежали лучи и касались часовни. Светилась башня стихий. В восторге, в блаженном счастье я взял поданные мне И. вещи, выложил их из платка, уложил туда и самый платок, снял со своей груди камень и цветок Великой Матери и хотел уже закрыть дверцу, как голос И. меня остановил:

— Возьми обратно платок. Его отдаёт тебе Великая Мать, как верному сыну своему. Пусть он будет тебе памятью об этой минуте земной жизни — минуте, выше которой ты уже ничего не испытаешь на Земле.

Я вынул платок, горевший всеми огнями палочки и не сжигавший мне рук, закрыл дверцу и склонился к ногам статуи, благословляя милосердие неба, посылавшего новый центр Своей Силы Земле и давшего мне возможность участвовать в установлении этой Святыни.

Когда я поднял голову, все положенные в тайник вещи дивно горели, рассыпая свои лучи по всей часовне, а вверху, над статуей, горела золотая звезда.

Владыки кончили петь свой гимн. Их лаборатория угасла первой, затем угасали одна за другой башни лучей и башня стихий, и оставались горящими только пятиконечная звезда да пламеневший подземный огонь.

— Друг мой, Анна, — вставая с коленей и указывая на сверкавшую пятиконечную звезду, сказал И. — вот обещанное тебе видение. Совершилась ныне та закладка нового магнетического центра на участке земли, где было тебе указано жить и трудиться. Было тебе сказано: «*Если* сумеешь жить в полной чистоте, забыв о себе». Ты сумела. Живое небо приняло сегодня твой дар любви и отдало тебе свой. Вскоре ты освободишься от тела. Внучка твоя Анна сменит тебя. Но «скоро» не обозначает сию минуту. Оно не обозначает быстро летящего земного времени. Жди спокойно той минуты, когда Лёвушка привезёт тебе сюда Анну и Ананду.

И. склонился глубоким поклоном перед всё ещё стоявшей на коленях матерью Анной. Он перекрестил её широким крестом и поднял с коленей.

— Не думай с тоскою, сколько ещё лет придётся тебе носить земную форму и сколько ещё побед над злом придётся тебе одержать в этой форме. Думай только о великом счастье своём: живя в теле земли, носить Свет Вечного, Ему служа, разделяя Его труд. Взгляни на свой крест, что всегда был простым золотым крестом; он сияет весь, точно бриллиантовый, дивным электрическим светом. Он отражает искру пятиконечной звезды, что сошла к тебе и не угасла в твоей чистоте. Только та душа сможет заменить тебя, чья чистота сердца и освобождённость смогут поддержать Огонь Мудрости в твоём кресте, которым ты благословишь свою заместительницу. Пойми глубоко, как много работы ещё предстоит Анне. Не торопи её. Терпеливо посылай ей мысли помощи и молись о ней в этом священном месте. Огонь, что носишь на себе, в своём кресте, будет постепенно пробивать дорогу всеми своими лучами от тебя к ней. И чем чище, бескорыстнее будут твои молитвы о ней, чем глубже забудешь о себе, тем скорее луч твоего креста коснётся её.

Кончив говорить, И. ещё раз поклонился матери Анне, ещё раз её перекрестил и, обращаясь к нам обоим, прибавил:

— Вы присутствовали перед истинным величием Божественной Любви, пролитой Земле. Сколько бы и где бы каждый из вас ни жил, не забывайте этой минуты, минуты счастливого Соучастия в труде Великого Бога, Живого и Могучего Покровителя Земли, Санаткумары. Не может быть и речи о «долгах и обязанностях» для тех людей, что имели счастье *видеть* действие Божественной Силы, Её труд на земле. Эти люди уже покончили с предрассудками и суевериями элементарной этики. У них нет установки: «Я должен». У них есть одна, бьющаяся в сердце радость: подать *встречному* бодрость и понимание, что *каждая* минута жизни на земле есть счастье жить *в Вечном*. Для них нет более разделения слов на лживые и правдивые, дел — на важные и неважные, людей — на нужных и ненужных, ибо *все* эти пони-

мания — эссенция предрассудков одной земли. А истинный эликсир Жизни есть проникающая *все* действия человека мысль: *всё идёт в Вечном, как и Вечность идёт во всём*. В этой установке существуют только люди знающие и незнающие, идущие к знанию, останавливающиеся на той или иной ступени, *живущие* в той или иной силе счастья и несчастья только потому, куда пришли в своём знании и чего в нём достигли. Вы видите подземный Огонь. Но те, кто будет приходить сюда, видеть Его не будут. Тем не менее, приходя сюда искать помощи и утешения, они их получать будут, ибо для них ещё *не* настал час видеть, но настало время *чувствовать* своё *единение* с живым небом. Уносите в сердцах ваших непреклонную стойкость и сознавайте всегда, что *ваши* сердца — это *мост*, по которому Сила живой Гармонии *может* встретить *на земле* вашего ближнего, непосредственно спустившись на *него через мост* вашей гармонии. Ступайте теперь, друзья мои, домой, отдыхайте. На завтра в полдень объявите торжественное открытие часовни. Все жители оазиса пусть соберутся сюда и ждут меня на площади. Я приду со всеми моими учениками. Всем быть в белой одежде. Теперь же оставьте меня.

Низко поклонившись И., мы спустились по ступеням горевшей, точно красное золото, лестницы, прошли по всей аллее, светившейся, как хрустальная ваза, и вышли к площадке, где высилась статуя матери Анны, уже несколько дней тому назад законченная.

От часовни бежали сюда огромные подземные лучи через все шесть аллей, сходившихся здесь, и сворачивались в большой шар под самой статуей матери Анны. Далее от этого шара бежало семь лучей к лаборатории Владык. И здесь они снова сливались в шар, сиявший с такой силой, что блеск его охватывал кольцом всю лабораторию, поднимаясь вверх почти до половины огромнейшего здания.

Поражённые ослепительным зрелищем, мы постояли молча некоторое время перед статуей и пошли поскорее в старую часть парка, чтобы ничем не нарушать одиноких минут И. в часовне.

Мать Анна подала мне руку, указав, что в старом парке, вплоть до самой зелёной стены, вся почва светилась, хотя и не так ярко, но можно было рассмотреть всю подземную жизнь корней деревьев и цветов.

Держась за руки, молча дошли мы до дома матери Анны. Затем она сказала мне:

— Ты ещё дитя по возрасту в сравнении со мной. И всё же ты дал мне не один урок за это короткое время, что я знаю тебя. Я увидела, как вся цельность моего служения, которую я считала безукоризненной, мало чего стоила, ибо имела трещину: я всё думала *о ране моего сердца*. Каждое свершавшееся событие становилось именно потому барьером моему освобождению, что я имела целью *своё* освобождение, а думала, что тружусь только для людей, выполняя волю пославших меня. Когда ты клал вещи в потайное место пьедестала статуи, когда брал горевший платок — я поняла всю цельность твоей верности, всю чистоту твоего самоотвержения. В тебе нет *мысли* о них, ты в них *живёшь*. Вот почему твои, а не мои руки уложили вещи светлых людей под пьедестал статуи и тем усилили восприимчивость земного человека к небесному току. Будь благословен. Я поняла, как радостно мне надо жить, чтобы облегчить задачу: привезти сюда ту Анну, на груди которой не померкнет небесный ток.

Мать Анна обняла меня и скрылась в своём домике. Я был так переполнен благоговением, великой внутренней тишиной и миром. Я был так далёк от земли, так счастлив, что шёл, сам не зная куда, как вдруг ощутил лёгкое прикосновение чьей-то руки.

— Прости, брат, что я нарушил твои размышления. Меня послал к тебе отец Раданда. Я давно ищу возможности подойти к тебе, но ты был всё время занят и не один. Я прислан старцем непосредственно к тебе, а не к моему будущему, обещанному мне Радандой, учителю — Грегору. Старец велел мне передать в твои собственные руки этот ларец, сказав, что ты сам будешь знать, что с ним делать.

К моему беспредельному удивлению, я с большим трудом узнал в посланце Раданды ни больше ни меньше, как самого великолепного... Деметро. Всего я мог ожидать, только не той метаморфозы, что произошла в стоявшем передо мной человеке, бывшем когда-то самонадеянным красавцем Деметро, мнившим себя первым кавалером и художником в мире.

Лицо его и сейчас ещё было прекрасно. Глаза сверкали, черты не деформировались. Фигура была стройна. Он был ещё молод. Но выражение горечи, печали, какой-то неумолкающей тревоги, сердечной напряжённости, сдерживаемой стремительности делали его такой резкой карикатурой на прежнее великолепное спокойствие и самонадеянность, что я не мог даже сразу оценить всей глубины перемены в этом человеке.

В моём торжественном настроении этот гонец прозвучал как набат смятенной земли. Запылённый плащ, усталость Деметро говорили мне, что он ещё не имел возможности ни умыться, ни переодеться с дороги. Я не знал, как найти дом для странников в оазисе, не знал, могу ли ввести Деметро в свой дом, и хотел уже направиться к матери Анне, чтобы спросить её, где мне обогреть и накормить посла Раданды, как заметил, что мы с Деметро стоим у самого порога её дома, куда я, сам не зная как, снова вернулся.

Не успел я подумать о матери Анне, как дверь на крылечке открылась, и сама она, приветливо мне улыбаясь, сказала:

— Веди гостя ко мне, Лёвушка. Моя девушка ещё не спит. Пока ты поведёшь гостя в душ, мы приготовим ему ужин. Где твой мехари, путник? — ласково обратилась она к Деметро, стоявшему перед ней с ларцом в руках и, видимо, поражённому её видом и голосом.

— Мой верблюд донёс меня до ворот твоей обители и пал мёртвым. Когда я был уже близко и даже видел уже стену твоего сада, мать, откуда ни возьмись напали на меня два разбойника. Они угрожали мне, требуя ларец Раданды. Я поднял ларец, прижал его к груди, решившись защищать его до смерти. Стрелы врагов пролетели все мимо меня. Тогда они стали пускать их в моего верного мехари, которому Раданда дал приказ донести меня живым сюда, хотя бы самому пришлось умереть. Не знаю, знаешь ли ты Раданду, мать. Этот старец так полон любовью ко всему, что даже все животные понимают его разговор с ними. Мой мехари тоже понял его приказ. Напрягая все силы, верблюд уходил от преследователей, оставляя их всё дальше за собой, но, когда твои ворота открылись перед ним, он уже не имел силы их переступить, — отвечал печально Деметро.

— Бедное мужественное животное, — тихо сказала мать Анна. — Не горюй о нём, путник. Твой верблюд был не более мужествен и бесстрашен, чем ты сам. И его мучения в пути были не меньше твоих. Он пал смертью храбрых и верных до конца; ты выполнил свою задачу, как выполняют её верные и бесстрашные гонцы. Прими мой поклон, священный посол Раданды. Осчастливь мой дом, дорогой гость, но передай, прежде всего, ларец тому, кому он прислан.

Мать Анна низко поклонилась Деметро, не отрывавшему глаз от лица настоятельницы. По щекам его катились слёзы. Но то были не слёзы горя, которое только что лежало тяжёлой печалью на его лице. Теперь оно было радостное, счастливое, засияло энергией, преобразив всего человека так удивительно, что трудно было поверить в существование того угнетённого Деметро, что встретился мне несколько минут назад. Он передал мне ларец и ответил ей:

— Какое слово, святая мать, ты мне сказала?! О, если бы ты знала, какую дверь в счастье и свет открыла ты мне! Будь благословенна! Ты, сама не ведая, ввела меня в новый путь.

Деметро хотел склониться перед матерью Анной, но она обняла его, поцеловала в голову и едва слышно сказала:

— Я всё знаю, друг. Войдём же, ты устал, пора отдохнуть. Не беспокойся о промедлении своём. Ведь Раданда сказал: «Возвращайся тотчас, *ежели* не встретишь нового друга, что знал тебя давным-давно и признает тебя желанным гостем». Ты встретил этого старого друга — это я. Пойдём.

Мы вошли в дом матери Анны. Я поставил на один из её столов ларец в запылённом чехле, как дал мне его Деметро, и проводил его в душ. Тут — к нашему общему удивлению — ждал нас Ясса. Поручив усталого путника его заботам, я возвратился к матери Анне. Я застал её коленопреклонённой перед столом, на который я поставил ларец. Теперь я увидел, что не только весь ларец сиял, но от него бежали огромные снопы света, наполняя всю комнату сиянием и благоуханием. Я увидел внутри ларца — точно в костре огня — лежавшие цветы. Мгновенно я понял, откуда и какие цветы послал Раданда к торжественному открытию часовни. Я склонился подле матери Анны перед ларцом, утонул в блаженстве мира и любви и услышал её неповторимо прекрасный голос:

— Спеши, Лёвушка, И. ждёт тебя в часовне.

С её помощью я снял пыльный чехол с ларца, оказавшегося из такого же переливающегося розовым жемчугом материала, как статуя в часовне «Звучащей Радости». Прижав горевший ларец к груди, я понёс его к И.

За несколько шагов до часовни я уже увидел И., спускавшегося по ступеням лестницы мне навстречу. Он взял ларец, высоко поднял его над головой, повернулся лицом к лаборатории Владык, и — как бы в ответ на его жест — вся лаборатория вспыхнула, Владыки отдали земной поклон ларцу. Вслед за тем загорелись все башни лучей, башня стихий, высоко в небесах вспыхнул громадный золотой шар. От него отделилась золотая пятиконечная звезда и упала на ларец, на котором и осталась гореть. Дивное явление продолжалось несколько мгновений и быстро погасло. Звезда же на ларце одна оставалась горящей и сверкала немигающим светом. Такою И. внёс её в часовню, шепнув мне:

— Следуй за мной.

Поставив ларец у ног фигуры Великой Матери, он стал на колени, открыл крышку ларца и вынул из него несколько живых, издававших дивный и сильный аромат цветов. Он снова закрыл ларец, на крышке которого не угасала звезда, и поставил его под самую статую, вскрыв новое потайное хранилище, размером как раз для ларца и звезды. Он приказал мне подать лопатку, где была приготовлена стеклянная масса, и инструмент, вроде широкого тупого ножа из стекла, и так искусно заделал и без того незаметную дверцу тайника, что различить её было невозможно.

Цветы он уложил на руки статуи точь-в-точь так, как они лежали в часовне Общины Раданды.

Мне казалось, что почва, часовня, фигура, лестница — всё уже и раньше ослепительно сияло. Но для блеска, игры лучей, бежавших от фигуры сейчас, я слов не находил. «Боже мой, Боже мой! — мысленно говорил я. — И этот Свет, этот величайший дар Милосердия привёз сюда Деметро! Каковы же *сила* Любви и снисхождения к *людям* Великого, что Его дар *мог* привезти вчерашний грешник!»

Я пал ниц, ещё раз раздавленный величием Любви Единой Жизни, горячо молясь о том, чтобы приходящие сюда сумели хорошо понять и вылить в энергию благоговения великие слова: «Слава в вышних Богу, на земле мир и в людях благоволение!»

От лёгкого прикосновения руки И. я поднялся с земли. Если моя душа была вся наполнена трепетом и радостью, то как описать мне образ И. в эту минуту? Для многого, многого в жизни, что составляет реальнейшие факты человеческого существования, нет слов, так как вся речь человека не в силах описать красоты людей в те моменты, когда в них просыпается и действует Бог и они становятся отражением Его...

— Пойдём, брат мой. Вскоре народ станет стекаться сюда. Тебе и всем твоим шести товарищам надо одеться в белые одежды и прийти сюда раньше всех. Вы займёте все семь ступеней лестницы, и никто не должен пройти в часовню раньше матери Анны. Все могут быть возле часовни, но ничья нога не должна ступить на лестницу раньше неё.

Заметив, что меня несколько смущает, не будут ли бояться обитатели оазиса ступать по горящей почве, И. улыбнулся на мой немой вопрос:

— Не все *могут видеть* подземный огонь; даже не все могут *ощущать* силу магнетического тока, проходящего под землёй. Только те, в ком ожил *их* огонь, могут ощущать силу и воздействие огня, скрываемого землёй. Здесь никто *не увидит* Огня неба; но каждый *ощутит* его воздействие на себе в виде новой волны энергии.

Дойдя до нашего домика, мы расстались с И. Он прошёл к себе, я же побежал будить всех моих товарищей, передал им приказ И., и через самое короткое время мы уже стояли на ступенях лестницы часовни. Я хотел остаться в самом низу, но Наталья Владимировна покачала отрицательно головой, говоря:

— Самое нижнее место — моё. Самое высокое — ваше. Ступайте на седьмую ступень, к самой двери часовни. Кроме вас, некому вынести силы огня, что полыхает там. За мною встанет Ольденкотт, за ним Грегор, дальше Бронский, потом Игоро и на шестой, подле вас, Василион.

Едва мы заняли места, которые она нам указала, как ещё раз — в последний раз в оазисе — мы увидели Владык мощи, благословляющих нас через их светившуюся лабораторию.

Не успели мы отдать благодарственный поклон Владыкам, как со всех сторон стали приближаться к часовне люди. Конечно, не будь у часовни стражей в нашем лице, людская толпа мгновенно попробовала бы её заполнить. Наталья Владимировна всем терпеливо объясняла, что пока мать Анна не поднимется в часовню, никто туда входить не должен. Не привыкшие к ограничениям своей полной свободы в оазисе в раз установленных ими самими обычаях, туземцы были удивлены и не особенно довольны, доказывая, что до сих пор все здания, которые были ими выстроены в оазисе, они же первые и украшали цветами. А мать Анна входила в них тогда, когда всё уже было украшено, и они сами с большими почестями и песнями вводили свою настоятельницу как первую гостью.

— То были «здания», друзья, — отвечала им Наталья Владимировна. — Когда будет открытие всех ваших новых «зданий», всё и будет по-вашему, как вы привыкли. И вы введёте туда вашу мать по созданному вами милому ритуалу. Но это *не* «здание». Это ваша Святыня, ваше счастье, как вам сказал Учитель И. Это ваше благополучие на земле, ваш храм, которого у вас до сих пор не было. Теперь вы будете приходить сюда за утешением и радостью. И надо, чтобы первой вошла в храм ваша мать, лучше и выше которой нет между вами ни одного человека.

Толпа сейчас же выразила бурный восторг по отношению к матери Анне, поняла и приняла слова Андреевой и осталась мирно и радостно ждать. Вскоре часовня была окружена морем человеческих голов. Долго ждать не пришлось. В конце пальмовой аллеи показалась высокая фигура в сияющей белой одежде, и часть толпы побежала ей навстречу, усыпая почву цветами.

Это был И. Он поднялся на седьмую ступень лестницы и обратился к тихо стоявшим вокруг часовни людям:

— Не ждите от меня каких-либо особых ритуалов, *внешних* обрядов освящения храма. Не в соблюдении внешней обрядности дело. Дело только в том, *как* и *для чего* вы приходите *в храм*. Если вы, *входя* в Святая Святых своего оазиса, будете нести в него Святая Святых *вашего* сердца — Свет вашего храма будет усиливаться, ваш храм будет сиять, не только заливая всё то, что на земле, но и ту жизнь, что трепещет под землёй. Сила ваших чистых мыслей будет привлекать к вам всех живых, но невидимых вам тружеников неба, и весь ваш оазис *вашим сознанием* включится в *общую* жизнь вселенной. Приходя сюда, несите не только всё то лучшее, что знаете в себе, не только очищайте свои мысли, приближаясь к часовне, но, уже подходя к аллее, старайтесь забыть о себе, думайте даже не обо всём оазисе и дорогих вам людях в нём. Думайте *обо всей* Земле, обо *всех* живущих на ней людях, печальных и неудовлетворённых, унылых и жалующихся, забывших, что такое радость. Я уже говорил вам не раз, что среди всех сил, двигающих вселенную к Свету и миру, к прогрессу культуры и внутреннему росту, самая первая, *непобедимая* сила — *Радость*. Сегодня великое милосердие Жизни подало вам знак Своей помощи, помогая вам всеми способами, которые вы не раз называли «чудесными», воздвигнуть этот храм, храм Звучащей Радости. Вы все видите эту фигуру Великой Матери, фи-

гуру божественной красоты, присланную вам в подарок — как дар своего труда и любви к вам — Радандой. Вы восхищены и дивным образом, и выражением неизречённой доброты, льющимися от этой чудесной фигуры. Каждому из вас хотелось бы приникнуть к ней в своей мольбе, в восторге экстаза преданности. Вы видите — нет преград. Вы вольны идти. Каждый может подняться по ступеням, где нет препятствий, и приникнуть к Святыне; в делах духовных вообще нет препятствий. Каждый действует там, *куда в силах* вознести его *его* дух. Так и здесь. Только тот радостный поднимется на самый верх и пройдёт в часовню, чей дух свободен от страстей и чист, кто живёт на земле не для личных благ, но для труда на общее благо. Многие из вас сегодня же будут пытаться войти в часовню — никто не успеет в этом. Будут немногие, что поднимутся до шестой ступени, а будут и такие, что не взойдут и на первую. И не потому, что одни будут достойнее, а другие нет. Но только потому, что у одних будут *уже* покорные воле страсти и желания, а у других будут *ещё* пылать их личные желания, разбивая не только их гармонию, но и самообладание. Я уже говорил вам: *без* самообладания жить человеку на земле нельзя. Каждый, стремящийся достигнуть такого положения, чтобы служить людям земли, чтобы жизнь его не прошла, подобно сорному растению, без смысла и пользы, *должен* достичь *мира в себе*. Когда он его достиг, он сделал половину пути к *осмысленному* существованию. Дальше — освобождённым от личных предрассудков — человек живёт уже и видит радость жить свой день в труде для Вечного. Он начинает *понимать*, что Земля есть не место наслаждений и страданий, добра и зла, но священный храм труда Бога, в котором и он, по мере своих сил, принимает участие. Знак Своей любви и покровительства дала вам Вечность, допустив вас помогать в воздвижении этого храма. Сколько будет существовать оазис — столько же времени будет выситься здесь этот ваш храм Звучащей Радости. И чтобы он *жил* среди вас — приносите сюда *в ваших* сердцах радость. Только через *эту* силу вы *можете* сливаться с божественными вибрациями, наполняющими это место. Все ваши настоятели, начиная с матери Анны, что правит вами сегодня, будут высокими избранниками, которые смогут не только проникать в часовню, но и приникать к самой божественной фигуре Великой Матери. Это будут люди, освобождённые от личного, и все их страсти, заложенные в физический проводник каждого человека, будут уже потоками радости. Поэтому невидимый вам Огонь ступеней и пола часовни не будет их сжигать, как это неизбежно случилось бы с каждым человеком, *ещё* не победившим в себе страстей, который попробует подниматься по этим ступеням. Чем ярче будут клокотать его страсти, тем сильнее будет жечь человека невидимый огонь Бога, положенный сюда Его волею для защиты и поддержки вашего оазиса. Только радостный, то есть освобождённый, сможет подниматься в часовню. Дайте дорогу, вот идёт ваша настоятельница. Сейчас вы увидите ту силу духа и сердца, которые, сливаясь, создают в человеке гармонию. Гармония выливается волнами радости и поднимает человека на те ступени, по которым может проходить только *со*трудник Великого Бога.

Толпа раздвинулась, и мать Анна подошла в торжественной тишине к ступеням лестницы. Её сияющий крест, развевающаяся вуаль и золотое шитьё на платье сверкали под солнцем, точно лучи в призме. Она медленно стала подниматься по ступе-

ням, и чем выше она шла, тем ярче горела её вуаль. Но вот она дошла до седьмой ступени — и точно золотой туман окутал всю её фигуру. Она повернулась лицом к народу, подняла руки и благословила своих детей, которым отдала всю любовь, весь труд и заботы всей жизни.

Через минуту, всё так же окутанная золотым облаком, она скрылась в часовне.

— Вы можете входить теперь, друзья, — обратился снова И. к толпе. — Не бойтесь ничего. Никого невидимый огонь не сожжёт. Просто каждый положит свой цветок там, куда сможет подняться.

Люди стали подходить друг за другом, но редко кто мог положить свой цветок выше третьей ступени. Груда цветов скопилась даже не на первой ступени, а возле неё. На четвёртой ступени легло с десяток цветов, и только по два цветка осталось на пятой и шестой ступенях. И то положившие их люди, спускаясь, изнемогали от жара невидимого огня, как когда-то изнемогал я, подымаясь в часовню с Радандой...

И. Вошёл в часовню, снял цветок с руки Божественной Матери и передал его матери Анне. С этим цветком она вышла из часовни, снова благословила своих детей, на этот раз держа цветок в благословляющей руке, сошла со ступеней и во главе всей толпы двинулась к трапезной.

И. Велел всем, стоявшим на ступенях, за исключением меня и Грегора, идти за матерью Анной, сказав, что у нас есть ещё небольшое дело, что мы скоро присоединимся к ним.

— Приведи сюда Деметро, — сказал он мне, как только последняя группа скрылась за поворотом аллеи.

Я не представлял себе, где мог быть сейчас Деметро, но И. указал мне на круто загибавшемся конце аллеи круг пальм. Добежав туда, я увидел сидевшего на земле и опиравшегося спиной о ствол пальмы Деметро. Он закрыл лицо руками, и горькие слёзы потоком катились по рукам его и по платью.

— Деметро, друг. Тебя зовёт Учитель И. Нельзя плакать. Ты сидишь сейчас возле такого места, где сама Жизнь-Радость дала людям знак вечной надежды и прощения. Только закон милосердия и пощады царит в этом месте. Ободрись, возьми мою руку, будь счастлив, что Учитель зовёт тебя. Но если радость не *превзойдёт* в тебе страха, раскаяния и всех иных сил и мыслей, *ты ничего* не услышишь и зов Учителя будет напрасен.

Я отёр его слёзы, как мог и умел постарался вдохнуть в него энергию своего сердца, и Деметро, тронутый моим усердием, улыбнулся мне, прошептав:

— Ах, брат, я так виновен перед небом и землёй и перед тобой лично — а ты так добр и ласков ко мне.

— Ты узнаешь, *что* значит «быть добрым», только тогда, когда подойдёшь к Учителю И., хотя ты уже достаточно видел от доброты Раданды, — отвечал я ему.

Чем ближе мы подходили рука об руку к часовне, тем всё больше светлело лицо Деметро. Когда мы подошли к самой лестнице, И. спустился к нам и положил обе свои руки на голову опустившегося на колени Деметро. Подозвав Грегора, И. приказал ему положить свои руки сверх его собственных и сказал:

— Я — защита тебе, друг. Не бойся больше ничего и нигде, как не боялся ты злых людей, преследовавших тебя в пустыне по дороге сюда. Крепко ощути, что ты

всегда не один. У тебя ещё не проснулись аспекты Единого, что носишь в себе, и потому не можешь ощущать той уверенности *в себе*, что знают люди, чувствующие себя *всегда* и *везде* в присутствии Бога, Его послами для помощи и выполнения Его труда на горькой и печальной земле. То — бесстрашные гонцы, забывшие о себе и помнящие только волю Его. Но мою руку и руку твоего будущего руководителя Грегора ты *можешь* ощущать *всегда* в руке своей. Опираясь на эту любящую руку, ты можешь проходить *бесстрашно* свой день, какое бы внешнее окружение не составляло рамки творчеству твоего духа. Но если всё, что ты слышишь и видишь, что читаешь и выносишь из общения с людьми высокой духовной культуры, остаётся только рядом идей, *мёртво* лежащих в складках твоего ума, и дела твоей жизни и труда катятся всё так же по рельсам страха, сомнений, компромиссов и колебаний — ты не станешь человеком-*учеником*, хотя бы имел неоднократные *призывы Учителя*. Не Учитель *шлёт* испытания своему ученику, так или иначе *проверяя его*. Но Жизнь — в лице Светлого Братства — *призывает* человека в ученики, закаляя его в тех или иных испытаниях. В этих испытаниях человек *сам* имеет случай себя проверить и понять, в *каком* месте своего духовного храма он стоит. Проверь же, друг, сам свою непоколебимую верность, бесстрашие и радостность. *Если* ты будешь *всё время* ощущать мою и Грегора руку в твоей, тебе бояться нечего — ты всюду будешь думать о человеке или о людях, *для* которых будешь участвовать в тех или иных событиях, а *не* о себе, своих страхах, удобствах или неприятностях. Если *встретился* тебе человек, и ты не подумал о нём, что это только футляр, *внутри* которого сосредоточена жизнь Единого, если одновременно и сам ты *не* помнил, *как* тебе приветить его *своим* светящимся огнём, храня такой чистый и сильный Свет сердца, чтобы быть похожим на прозрачную мраморную вазу, *внутри* которой сияет лампада, *ты не имел* встречи с человеком, и сам *ты выронил* мою руку. Если ты принял человека в свой дом — а ты знаешь, кого ты в него принял, — и рассматривал его как посланное *тебе* подспорье, как помощь тебе за твои заслуги и усердие к делам общественным как помощь лично твоим бытовым делам, и создал ему безрадостную жизнь, забыв, что не *он* тебе послан, а *ты ему дан* для защиты и помощи, для того чтобы *он* научился подле тебя *улыбаться* и раскрепостился от страха. Если в один прекрасный день Жизнь взяла бич в руки и подстегнула твои обстоятельства, которые заставляли стоять на месте твой мёртво лежащий дух, если Жизнь решила *дать тебе* возможность поправить твоё *неверное* отношение и поведение к тому встречному, что ты приютил, а *ты Ей* ответил слезами, страхом, жалобами и унынием, *снова* расценивая все обстоятельства как «я», — ты *уже* скатился с той ступеньки, куда вошёл, и рука моя *не может* поднять тебя, ибо твой дух покрылся плотным колпаком любви к себе, отбросив в сторону все священные идеи, о которых ты читал, которыми светлел и восторгался. Иди же, друг. Крепко подумай обо всём, что я тебе сказал, и ещё крепче держись за мою и Грегора руки. Возвращайся к Раданде. Снеси ему поклон великой благодарности от всех нас за его труд и помощь и передай ему, *что* видел собственными глазами здесь.

И. поднял Деметро, прижал его к себе, и тот вскрикнул, восторженно глядя на пылавшую часовню и лестницу, горящую землю и светившуюся в её подземном огне всю подземную жизнь.

— О, Учитель, — воскликнул Деметро, — что это значит? Всё горит в кострах пламени. Пламя, как лава, бушует под землёй, в деревьях и цветах — и всё же всё остаётся неприкосновенным! И ты горишь, Учитель, и горят твои товарищи, и горит моя одежда, но я жив и даже не поранен огнём. Что это?

— Это тот огонь, что Жизнь даёт от Себя людям в помощь и в знак *единения всей Вселенной,* состоящей из *одной* материи. Вернись к Раданде, расскажи ему, *что* видел, и иди дальше так, как он тебе скажет, до тех пор, пока я не вернусь в его Общину и не передам тебя непосредственному наблюдению Грегора. Вот спешит к нам и Ясса. Он поможет тебе оседлать нового мехари и сам поедет с тобой к Раданде.

И. благословил Деметро и Яссу, велел им выезжать сейчас же и передать Раданде его письмо. Но письмо своё он приказал мне взять в его комнате и передать его Деметро. Я получил также от него приказание проводить путников в их далёкий путь и только тогда прийти в трапезную, куда сам И. отправился сейчас же.

Простившись с И., Деметро и Ясса прошли к конюшням и навесу выбирать и седлать верблюдов; я же отправился в комнату И. за его письмом к Раданде. Письмо я нашёл на столе, и рядом с ним стояла небольшая коробочка, также предназначавшаяся Раданде.

Взяв и то и другое, я также направился к конюшням, но по дороге повстречался с одним из сторожей оазиса, посланным ко мне Яссой. Ясса просил меня ждать их у ворот, так как сами они должны ещё переодеться в платье для путешествия и зайти за провиантом. Я имел достаточно времени, чтобы элегантно упаковать посылку Раданде и приготовить путникам лёгкую и удобную корзинку с фруктами.

Ожидая моих друзей, я тихо сидел на скамье, мысленно пересматривая некоторые страницы прошлого, и в частности, встречу с Радандой. Мне приходили на ум постоянные жалобы людей друг на друга, их сетования, что ближний своей несносной тупостью или бестолковой отсталостью раздражает их или заставляет испытывать досаду, нарушая радостный и благополучный день.

Я представил себе Раданду, столь высокого наставника, и по устам моим скользнула улыбка, когда я задал себе вопрос: «*Мог* ли Раданда испытывать досаду на грешника, нарушающего его великое духовное благополучие?»

И ещё раз я пережил и передумал слова И.: «Встреча — это *ты*».

Послышались тяжёлые шаги верблюдов, и к воротам подъехали два бедуина, в которых я с трудом узнал Яссу и Деметро. Отдав Деметро посылку для Раданды, привязав к седлу Яссы корзинку с фруктами, я горячо пожелал путникам счастливого пути. Долго я ещё стоял в воротах — пока пыль пустыни не скрыла от моих глаз гонцов И., а затем поспешил в трапезную.

Прощальная речь И. обитателям оазиса матери Анны. Приезд в Общину Раданды и первая вечерняя трапеза. Наставление И. отъезжающим и остающимся. Часовня скорби. Отъезд в оазис Дартана Грегора, Василиона, Бронского и Игоро. Отъезд в Америку Андреевой и Ольденкотта

Я поспешил в трапезную как раз вовремя. Обед уже кончился, и при моём появлении в дверях И. поднялся, чтобы поговорить с населением оазиса в последний раз, как я узнал из его речи. Окинув всех пристальным взглядом, он как бы каждому в отдельности послал своё благословение и заговорил:

— Много раз за это время я встречался с вами в этой комнате, и многими мыслями мы обменялись с вами. В самом недалёком будущем я и мои сотрудники покинем вас. Значит ли это, что разлука физических тел не даст нам возможности духовно общаться, что, продолжая совершенствоваться сами, мы лишимся возможности помогать идти к совершенству тем друзьям, от которых оторвалось наше физическое тело? Я говорил вам, что *самая великая из действенных сил человека — мысль*. Если человек *достиг* самообладания, мысль его выровнялась. Она не представляет из себя больше тех скачков и зигзагов, в которых был зажат человек невыдержанный. Самообладанию вспыльчивого угрожает всё, вплоть до любого ничтожного внешнего препятствия. Человек *полного* самообладания *может* распоряжаться своею мыслью совершенно так же спокойно, не стесняясь любым расстоянием, как он распоряжается своею речью в физическом общении. Но для этого нужны ещё и *чистота* его преданности тем, *кому* он шлёт свои мысли, и полная освобождённость, а вы знаете, что освобождённость и радостность — синонимы. Но знать в теории, в мысли, в идее — ещё не значит *знать в истине*. Тот *знает* правду Истины, кто пред Ней, в Ней и для *Неё действует*. *Привыкнув* действовать в Истине, человек перестаёт различать *два* мира — земли и неба; тогда для него *существует* только *один* новый мир, мир *слиянного* неба и земли, в котором *он* живёт, мыслит и действует. Перейти в *эту* психику человек может только тогда, когда он долгое время жил, *утверждая* себя и встречного живущими в *двух живых* мирах — неба и земли. Этот подготовительный период, приводящий к жизни в *слиянном* мире, к действию *в общем* творчестве Всей Единой Жизни, длится у каждого существа так долго, как идёт его путь вырабатывания *цельности* мысли. Неясные, не до конца додуманные идеи вводят человека в мутное, компромиссное существование. А выхваченный пучок чужих мыслей и идей, не пережитый как опыт простого дня, вносит непоправимый вред и несчастье в жизнь человека. Он «ищет» царства счастья, не находит его вовне, винит ближайших окружающих его людей в неумении жить *с ним* в мире, на самом же деле, не умея создать мира *в себе и подать* его им, жалуется и чувствует себя несчастным. В шумных толпах людей, куда многие из вас со мной

поедут, ищите всегда и *начало и конец своего* неудачного общения с людьми — *в самих себе*. Вы же, остающиеся в этом чистом и чудесном углу, помните, как я объяснил вам *силу* мысли. Не выбрасывайте из своего внимания тех, с кем разлучаетесь сегодня. Но работая сами над цельностью вашей мысли, посылайте уехавшим друзьям *свою* силу умения мыслить по-новому, в *полной цельности* до конца. Не считайте, что войти в сотрудничество с Учителем можно лишь только потому, что «Учитель зовёт». «Много званых, но мало избранных», — о том сказано уже давно. Если кто-либо из вас получил, тем или иным путём, задание или указание Учителя, и вместо того, чтобы каждую минуту своего времени употребить на труд над самим собой, постоянно стремиться достигнуть наибольшей цельности в мыслях и перевести *привычно* сосредоточенную мысль в *действие*, начнёт смотреть по сторонам и говорить: «Конечно, я не могу жить в мире с теми или этими людьми. Но не могу вовсе не потому, что в моём сердце недостаточно мира. Я-то именно миролюбив, но меня не поддерживают люди, рядом со мной живущие. Достаточно было бы им произнести одно слово приказания — и грубые люди, сталкивающиеся со мной каждый день, стали бы самыми мирными и вежливыми со мною. И разумеется, тогда уж мне ничего бы не стоило жить с ними в мире". Вы смеётесь. И я готов был бы смеяться с вами, если бы приведённый мною пример духовного убожества не был очень частым явлением среди обывательской жизни тех стран, куда вы со мной поедете. Там такие люди считают себя «следующими» за Учителем и «чтущими» Его, и там вам суждено растить *истинную* культуру духа... К вам, остающимся, я обращаюсь теперь. Не важно для культурного роста вселенной, что живущее сейчас человечество, для вас далёкое, совсем не знает о вас. Ваша роль, как роль каждого исторического явления, *влияющего* на рост культуры людей, до времени скрыта от глаз современного вам человечества. Но вскоре — конечно, не по счёту одной земли, считающей короткий период ста лет веком, — вы выйдете на арену жизни, как творцы и деятели. Пустыня вокруг вас скоро зашумит хлебными злаками, вырастут и города неподалёку от вас. И ваш оазис станет большим и прекрасным городом, центром высокой цивилизации. Но вы? Как должны *вы* жить этот подготовительный период, пока скрыто от глаз народов вы *движетесь* в радости труда, видимые очам Бога? Мудрость не оказывает влияния извне, я неоднократно вам говорил. Но *она* и не проникает в глубины духа. *Она там живёт*. И пробудить Её в себе может только *сам* человек. И только *сам* человек — *предел* собственного Света. В данную минуту мы пришли к вам, чтобы помочь вам двинуться во внешней цивилизации. Чтобы помочь вам в деле колонизации пустынного куска земли для нужд и целей нового человечества, которое Жизнь приведёт сюда. Ваше *со*трудничество с Жизнью состоит в помощи строительства для новых кадров человечества. В приготовлении таких *новых* условий внешней цивилизации, в которых следующие поколения *смогут* познать в себе высокие психические силы, глубже проникнуть в тайны природы и развернуть ослепительную картину действия её сил для пользы и блага людей. Не вам суждено *вынести* новые ценности во внешний мир, ценности, подаваемые Жизнью людям. Вам суждено только *приготовить почву* для будущих откровений Её. Но разве труд ваш, *со*трудничество ваше с Жизнью от этого менее значительно? Разве для *этого* дела вы можете остановиться,

хотя бы на мгновение, в вашем самоусовершенствовании? Ответьте сами себе на этот вопрос. Усвойте первое правило людей, желающих *идти* в ногу со своим народом, со своею современностью: *нет дел мелких*. Всякое дело составляет или *утверждение* жизни — и тогда оно является *со*трудничеством с Богом, или оно является унылой мыслью о себе, то есть *отрицанием, непониманием* основного закона существования на земле: *всё в себе, всё для блага общего, ибо всё — любовь*. Лишённое этого понимания, существование человека является голым эгоизмом невежественности. Идите за матерью Анной, как шли до сих пор, светло, радостно и мирно. Но прибавьте к задачам дня *полное* понимание: *жить* на земле — значит входить в *активное* содействие с трудом Единого. Жить — значит ежечасно *утверждать*. А утверждает только тот, кто *в себе* знает закон доброты и *умеет* проливать мир вокруг себя. Завтра мы уедем. Нашими руками Жизнь оставляет вам часовню Звучащей Радости. В ней зрите не помощь вам, но признание вас *со*трудниками, верными друзьями Жизни, защитниками и пионерами новых духовных устоев для жизни и счастья будущих поколений.

И. отошёл от стола и долго ещё беседовал с обитателями оазиса. Все мы также оказались окружёнными милыми людьми, каждый из которых старался выразить нам свою благодарность и огорчение по поводу нашего скорого отъезда. Наши хозяева никак не хотели расставаться с нами в этот день. И. предложил пойти в новую часть парка и ещё раз полюбоваться всеми новыми чудесами искусства, которые жили теперь в оазисе как ряд новых великолепных зданий.

Долго большой толпой ходили мы за И. и матерью Анной, рассматривая обворожительно выглядевшие среди густой зелени новые постройки, как к И. подошла группа детей, и я услышал голос девочки:

— Учитель, а ведь ты ещё не исполнил, что обещал. А завтра собираешься уехать. Как же так можно? Раз что обещал — свято. Как бы уж трудно ни было, а исполнить надо. Уехать тебе завтра никак нельзя.

И. поднял девочку на руки и, смеясь, спросил:

— Чего же это я не исполнил, что обещал, дитя моё?

Толпа, поражённая выходкой ребёнка, притихла, и все ясно расслышали звонкий детский голосок:

— Да как же ты сам-то мог забыть? Ведь ты обещал нам свою статую. Ещё всё спорили: одни хотели поставить её на воротах, другие на больнице, мы, дети, — на школе, а ты, чтобы всех примирить, решил поставить свой портрет на маяке. Никак тебе уезжать нельзя, пока слова не сдержишь.

И. продолжал весело смеяться, но что тут поднялось вокруг! Люди, забывшие, начисто забывшие, о своей просьбе, точно устыдились своей забывчивости. Одни укоряли себя в ней, другие в неблагодарности, третьи молили остаться и выполнить обещание. Трудно было даже представить себе, что мирный оазис, бесстрашный и спокойный в самые трагические и ужасные моменты, принимающий в форме полного самообладания факты огромной значимости, может вдруг превратиться в этакое бурное море волнений и выкриков.

Подняв вверх руку, призывая тем самым толпу к выдержке и молчанию, И. сказал:

— В эту минуту каждый из вас получил два урока. Первый — как легко потерять внешнее самообладание и как оно вредно действует на внутреннее равновесие. И второй урок — как плохо увлекаться одной землёй и мало смотреть в небо. Если бы вы почаще смотрели на чудесное созвездие Креста, что сияет прямо над маяком, вы увидели бы, что обещанная вам моя статуя уже стоит на месте. Дитя напомнило вам о моём портрете, которому вы так много придаёте сейчас значения. И если бы уста ребёнка не укорили меня за невыполненное обещание, вы бы, вероятно, не скоро спохватились взглянуть на верх маяка и поискать там мою фигуру, хотя я верю вам, что по существу вы ею очень дорожите. Пойдёмте же, вы убедитесь, что Учитель держит своё слово. Но с вас — со всех до одного — я тоже беру слово: пусть моя статуя будет олицетворением одного из законов вашей высокой чести, что раз слово дал — выполни. Если пообещал, а потом показалось трудным выполнить — взгляните на мою статую, подумайте, что я, живой, стою рядом с вами, и скажите себе: «Легко мне, Господи!»

Не спуская девочку с рук, И. пошёл в старую часть парка. Дорога была не близкая, сумерки уже спускались, и, когда толпа, им ведомая, подошла к маяку, созвездие Креста уже ярко пылало на тёмном небе.

Много раз приходилось мне быть свидетелем «сверхъестественных» явлений, совершаемых И. И каждый раз так или иначе они меня поражали. В этот вечер я был раздавлен гигантским подвигом его воли и труда.

На самой вершине маяка — а я хорошо помнил его высоту, когда взбирался туда по неисчислимым ступеням лестниц, — стояла во весь человеческий рост статуя И. Чтобы казаться с земли в рост человека, как же велика должна была быть статуя на этакой высоте!

Да разве вообще это была «статуя»? Это был живой И. в белом, вышитом золотом платье, с оранжевым плащом на плечах, с пятиконечной звездой в поднятой руке. И звезда эта... горела так же ярко, как сверкавшие над нею её сёстры неба...

Молча стояла толпа, созерцая непередаваемое словами зрелище! И точно по волшебному мановению все опустились на колени, и мы семеро, И. и мать Анна запели гимн Владык мощи! Когда мы окончили петь, И. тихо сказал коленопреклонённой толпе:

— Выучитесь у матери Анны этому гимну и пойте его в высокоторжественные минуты вашей жизни. Пусть он будет для вас символом вашего единственного счастья: жить, утверждая Жизнь!

И. обнял мать Анну, поднявшуюся первой с коленей. Затем каждого из жителей он благословил и ответил поцелуем в голову на прощальный поцелуй его руки.

И. не говорил ни слова о своём отъезде, но каждый понимал, что Учитель давал своё прощальное приветствие и что больше он не увидит этого чудесного человека, быть может, долгое-долгое время.

Глаза всех были влажны, когда И. произнёс свои последние слова:

— Сейчас вы разойдётесь по своим комнатам, и многие из вас лягут спать в своих привычных условиях, чтобы проснуться завтра к обычному и привычному труду. Некоторые, возвратясь, найдут у себя платье путешественников. Они переоденутся в него и выйдут вновь сюда, чтобы начать жизнь, оторванную от старых привычек,

полную новых, неожиданных и неведомых положений. Но всё это — внешняя сторона. А силу, суть, самоё Жизнь каждый из вас понесёт *в себе*. *И только это важно человеку земли*. Помните об этом и будьте счастливы и радостны, дети мои.

Далеко за полночь перевалило время, когда ушёл последний благословлённый и обнятый И. обитатель оазиса.

— Прощай, мать Анна. Прими поклон нашей благодарности за оказанное нам гостеприимство. Простись здесь с нами и покажи пример своим детям — не провожай нас.

Мы все подходили к чудесной настоятельнице, и для каждого из нас она нашла слово прощального привета и любви, особенно метко попадая в слабое место каждого. Мне она сказала:

— Давно уже тебе перестало быть «трудным» твоё общение с людьми. Теперь у тебя ещё щемит сердце от жалости иногда, когда видишь необходимость сказать жёсткое слово ближнему. Но и это пройдёт. Помни, что жалостливость и пощада ничего общего между собой не имеют. *Пощада* есть *закон милосердия*. И она вечна. Вечна так же, как сама Жизнь. А *жалостливость* есть *предрассудок*, ибо исходит из условностей земли. И в ней выражается *не* сострадание, а только кажущаяся, *не* истинная любовь, то есть сентиментальность.

Проводив мать Анну до её дома, мы вернулись к себе, и тут я, впервые за всё время пребывания в оазис увидел... Славу. Слава выполнял обязанности Яссы. Бог мой! Только что я удивлялся, что дитя напомнило толпе людей о желанной статуе И. Не понимал, как же могла тысяча людей забыть о портрете Учителя, которого так горячо жаждала. А сам я? Я забыл, начисто забыл о *живом* человеке, с которым ехал всю дорогу по пустыне и с которым переступил порог обители матери Анны! Где же был всё это долгое время Слава? Возвращался в Общину к Раданде? Или жил где-то в уединении здесь?

На мой изумлённый взгляд и остолбенелый вид Слава ответил весёлым смехом, указал мне на приготовленное для путешествия платье и сказал:

— Такая уж мне линия — всё тебя удивлять неожиданностями, брат. Авось, по дороге расскажу тебе, как и где всё это время я учился. Ведь я же говорил тебе, что Учитель И. возьмёт меня с собой и отдаст в один из университетов. Но сейчас скорее одевайся. Верблюды уже ждут у ворот обители. Караван будет огромный. От одного Раданды я привёл двести животных, да, пожалуй, отсюда захватим столько же.

Он быстро и ловко помог мне одеться в сложное платье для путешествия и собрать необходимые вещи, ещё быстрее обежал всех товарищей и, не хуже Яссы везде и всё предусмотрев, снова зашёл за мной. Вместе с ним в последний раз сошёл я на милое и мирное крылечко, где все уже были в сборе. Через минуту вышел И., и вслед за ним мы отправились к воротам. Здесь уже грузилась первая партия верблюдов, на которых усаживалась часть отъезжавших с нами туземцев. Более двух часов размещались люди и выравнивалась вереница верблюдов за воротами обители.

Весь караван был разбит на семь отрядов. Впереди ехал И., а во главе каждого отряда — один из нас. Я ехал в последнем отряде, и шествие замыкал Слава. На полпути нас встретил большой отряд общинников Раданды, которых И. тоже разделил на семь частей, поручив им наши отряды так, чтобы они занялись вывезенными

нами от матери Анны людьми и опекой их в самой Общине Раданды. Ночь кончалась, когда мы выехали от матери Анны, и вечер уже опустился, когда мы, благополучно и безостановочно миновав пустыню, въехали в ограду Общины Раданды.

Как и в первое посещение, когда я въехал в широкие ворота этой Общины, привезённый сюда И., и сразу же увидел милое, с незабываемой улыбкой доброты лицо Раданды, — так и теперь первый встреченный мною взгляд был взгляд старца. Как только я сошёл на землю, он не дал мне даже склониться перед ним, но, протянув сухонькую ручку к моей голове, поцеловал меня в лоб и сказал:

— Ну вот, ты снова вернулся ко мне, дружок. Много, много кое-чего я тебе расскажу и передам, что велено мне присоединить к твоим знаниям и силам. А о тебе всё знаю, хоть и не рассказывай. Мне ты можешь не рассказывать и не проявлять внешними способами своей любви, — заливаясь весёлым смехом, продолжал Раданда. — Но что касается другого твоего друга, то уж тут — извини! Никакое моё педагогическое дарование не поможет тебе спастись от его требовательности. Но ты её извини. Это всё же не человек, а только птица, хотя и много умнее тысяч других двуногих братьев, — всё так же смеясь, закончил Раданда.

Оторвавшись взглядом от чудесных сияющих глаз старца, я поразился огромностью и блестящей красотой стоявшего рядом с ним Эты. Распустив чудесный золотой хвост, павлин стоял неподвижно, как бы с удивлением вглядываясь в меня и не узнавая меня в моей изменившейся, новой форме. Но, если был поражён моим видом Эта, то не менее был поражён и я тем, что видел над его сиявшей головкой. Я ясно видел там свой портрет таким, каким уехал из Общины Раданды, почти два года назад. Хотя я и тогда уже носил кличку Голиафа, но далеко не достигал тех размеров, до которых я вырос и расширился теперь. И не только этим я поразился. Я видел всю умственную работу моей дорогой птички, которая шла в ряде мелькавших картин. Удивление Эты выразилось в борьбе двух моих образов в его сознании. Он то отказывался признать меня в настоящей форме, то готов был броситься и заключить меня в свои объятия. Наконец с видом полного непонимания он повернул свою очаровательную головку к Раданде, требуя у него помощи и объяснения.

— Ведь вот какой ты, братец мой, Фома неверный, — кротко улыбаясь, сказал Эте старец. — Ведь я тебе каждый день втолковывал, что время летит и сметает прошлое. И не существует этого прошлого. Пока ты всё думаешь о человеке, каким он *был*, он уже давно успел во всём измениться, и начисто сам забыл о том, каким *был*. И верность в том и состоит, чтобы принимать *все* изменения своего друга и посылать ему любовь и мир. Это и есть он, Лёвушка, твой друг и хозяин. Тебе бы его приветствовать радостно, а ты стоишь и решаешь вопрос: как это пришёл друг в новой форме?

По мере слов Раданды глаза птицы принимали более спокойное выражение. Вдруг среди хаоса борющихся над его головой двух моих фигур блеснул какой-то свет, на мгновение всё в нём исчезло и обрисовалась одна, соответствующая моему теперешнему виду фигура. Эта вскрикнул, забыл всё условное от хорошей воспитанности и прыгнул мне на руки, охватив крыльями мою голову, стащил с неё и шлем, и капюшон и растрепал мои кудри, точно только их и признавая за истинный отличительный признак своего старого друга.

Как ни был я привычен к большим тяжестям, как ни оценивал я грандиозный для своей породы рост Эты — всё же тяжесть его веса меня удивила. Не без труда усадил я моего друга на плечо, и так мне и пришлось нести его до самого дома, потому что я чувствовал, что никакие увещевания и убеждения не заставят его расстаться со мной в эти минуты.

Раданда приказал мне спешить к И. и вступить вновь в свои старые обязанности его секретаря, с той только разницей, что теперь я уже не буду ему келейником, но у меня самого будет брат и ученик для несения этих обязанностей.

Так как мой отряд пришёл последним, то я не видел, кто, кроме Раданды, встречал предыдущие отряды, как и где размещались привезённые нами люди. Мой отряд встречали не только взрослые, но и дети, встречали точно лучших своих друзей и уводили по разным направлениям сада после того, как каждого приветствовал ласковым словом Раданда.

Я поспешил к И., поняв, что он остановился в том же домике, где жил до отъезда. Так оно и было. Здесь всё уже жило, энергично входили и выходили люди, двери комнат, где вновь разместились в старом порядке все наши друзья, открывались и закрывались, и между многими знакомыми фигурами общинников я увидал Деметро, входившего в комнату Грегора.

Когда я подошёл к своей келейке, дверь её открылась и на пороге показалась фигура И., успевшего уже умыться и переодеться в чудесное белое платье.

— И не стыдно тебе, Эта, замученного друга своего так утруждать? — улыбаясь, спросил И. птицу.

Эта соскочил с моего плеча, низко поклонился Учителю, поднял свою головку к его руке и подставил ему её, точно прося прощения и благословения.

— Ах, хитрец, хитрец, — продолжая улыбаться, сказал И. и погладил птицу, осторожно расправляя её хохолок. — Только смотри, больше не езди на Лёвушке, тебе уже самому пора его возить.

Ещё ниже поклонившись И., Эта чинно встал за мной, точно верный часовой. И., осмотрев мой пыльный наряд, укоризненно покачал головой и сказал:

— Как же это Ясса пропустил тебя? Он должен был у ворот встретить тебя и проводить в ванну. У него и новое платье для тебя.

Послышались лёгкие, торопливые шаги, это бежал Ясса.

— Прости, Учитель. Во всём виноват озорник Эта. Я видел, как он бежал к воротам, и велел ему проводить Лёвушку прямо ко мне. А он обещал, три раза кивнул головой — и не исполнил обещания. Я виноват трижды, — говорил печально Ясса.

— Конечно, Ясса, человек всегда виноват, когда старается данное ему поручение переложить на другого. Но для печального голоса твоего я не нахожу причины. Помни только крепче, что нет дел мелких. Веди Лёвушку скорее. Мы уйдём вперёд, я постараюсь подождать тебя и его у сторожки. Там будет и Мулга, вы ему оставите птицу. Старайтесь навести лоск скорее, — прибавил И. нам вдогонку.

На этот раз Ясса не пришлось возиться со мною. Я не испытывал никакой усталости, был свеж и бодр, точно и не совершал дневного путешествия по пустыне. Когда Ясса подал мне платье с золотым шитьём, в каком ходил И., я посмотрел на него с таким изумлением, что он расхохотался.

— Уж не думаешь ли ты, Лёвушка, что я вторично могу неточно выполнить приказание И.? Надевай без сомнений — это тебе подарок Владык мощи. И чтобы ты не забыл о своей вековой связи с ними, Владыка-Глава передаёт тебе перстень, что найдёшь в кармане платья.

Я надел прекрасное платье, подумав, как ко многому оно обязывает, и с благоговением вынул перстень Владыки-Главы. Необычайное волнение наполнило моё сердце. В золото был вправлен бело-розовый камень, на котором была выгравирована лаборатория стихий. На внутренней стороне камня были вырезаны слова: «Радостный носит Жизнь живую и мчит в Ней каждого встречного. Живи так до новой встречи».

Когда мы подошли к сторожке, Мулга и новый сторож приняли от нас Эту, а в дверях трапезной нас поджидали И., Раданда и все мои товарищи по обучению в лаборатории стихий. Двери трапезной широко раскрылись, и первое лицо, которое я различил в море голов, войдя в трапезную, было тёмное лицо великана Дартана.

Раданда усадил всех нас за своим столом, предложил занять места так, как мы сидели за этим столом в первый приезд. Снова, по знаку настоятеля, братья стали подавать еду; снова царила торжественная тишина в огромном зале; и снова Раданда делал вид, что усердно ест из своей полупустой мисочки. Как много огромного, не передаваемого словами, произошло в моей жизни и в жизни всех здесь сейчас сидящих и раньше сидевших людей! И я снова здесь, точно не существовало времени, отъездов, событий, незабвенного посещения обители матери Анны.

Анна... Это имя вызвало в моей памяти другое прекрасное лицо, другой неповторимый голос, Константинополь, Ананду и новое обязательство по отношения к матери Анне — обещание привезти к ней её заместительницу и освободительницу...

И. слегка прикоснулся ко мне, и я понял, что надо войти всей глубиной сердца в *это* летящее «сейчас», а не в то, что будет. Я улыбнулся И., признав себя проштрафившимся не менее Эты.

Есть я положительно не мог. После бобов Владык мне казались необычайно тяжёлыми молоко и хлеб у матери Анны, и трудно было привыкать к ним. Но горячая похлёбка, казавшаяся мне не так давно роскошным и изысканным блюдом, возмущала моё обоняние, и я не мог притронуться к ней. Мои товарищи были более благополучны и удачно делали вид, что едят с аппетитом. Как и когда-то, прислуживавший за нашим столом брат взял у меня похлёбку и подал мне смесь из разных фруктов, за что я его от всего сердца поблагодарил и принялся есть их усердно без всякого притворного аппетита.

Случайно встретившись взглядом с И., я получил из его глаз целый заряд юмористических искр, но, когда посмотрел в его чашу, ответил ему тем же: в его чаше было точно такое же фруктовое месиво, как у меня...

Я посмотрел на Дартана, сидевшего за ближайшим от нас столом, лицом ко мне. Я ли изменился, или изменился этот великан? Его лицо, показавшееся мне в первое знакомство каменным и непроницаемым, лицо, охранявшее внутренний мир от постороннего взгляда, как каменный панцирь, казалось мне теперь прозрачной, точно из коричневого мрамора вазой, где светились все мысли и била могучая радостность. Дартан, дедушка Дартан, вековой дуб, казался мне сейчас молодым. Я не ви-

дел его внешней судьбы, я читал его Вечное. По всей вероятности, и он смотрел на меня иными глазами, так как в них не было покровительственной защиты, с которой он смотрел на меня в своём оазисе, а была радость, точно он слал мне победный клич.

Трапеза окончилась; братья убрали последнюю посуду. Раданда встал, поклонился И., и его тихий внятный голос раздался в ещё большей тишине, хотя она и без того казалась предельной.

— Ты посетил нас вновь сегодня, Учитель. И это посещение твоё несёт многим из нас освобождение. Многих когда-то привёз ты сюда, но ещё больше людей взял и ещё возьмёшь ты отсюда в далёкий и широкий мир. Благоволи сам сказать, кого и как назначаешь ты себе в помощники и сотрудники.

Раданда сел, И. встал, и опять, но на этот раз в гораздо большей степени, весь зал озарился светом, бежавшим от него лучами.

— Друзья мои, вы ждали моего возвращения, как ждут «чудес». Вы и сейчас ждёте, что я буду вас «выбирать», увезу тех, кто *мне* понравился, кого я сочту «готовым» к новой жизни, вернее к новой форме труда. Ваш настоятель много раз старался объяснить вам, что *зов* Учителя *не* есть *выбор*. Готов ученик — готов ему и Учитель. Готов дух человека, созрел он — готова и *новая* форма труда и деятельности для него. Никто не может «вести» человека. Он *сам* идёт. И в зависимости от того, *как он сам идёт*, Учитель *может* ему ответить, освещая — с той или иной силой — горизонт *его* духовного пути. Если кто-либо из вас ещё *горит* какой-то страстью, как бы она ни была завуалирована, он не может ехать со мной в тот широкий мир, где пламенем, под вуалями и без них, горят страсти. Потому что его личная страсть, не имеющая явных внешних признаков, но ещё тлеющая в глубине сердца, немедленно вспыхнет, как только соприкоснётся с окружающим пламенем. Работа в условиях мирской жизни, из которой вы все *ушли* когда-то, преследуемые *собственными* страстями, может быть плодотворна снова только тогда, когда *уже не надо думать о себе*; когда интерес к частице «я» потерян и гудит радостная энергия в сердце, что *можно* теперь жить освобождённым, легко и просто, в любых условиях, заботясь только *о труде*, к которому даёт указание Единый Владыка Земли. Каждый человек, входящий в сотрудничество с людьми земли в её огромных, густонаселённых городах, может и должен развернуть в своей психике совершенно *новую* страницу деятельности, в которой нет пониманий обывательского «счастья» от полноты исполнения тех или иных своих желаний, собственных, личных возвышений и завоеваний. Тот, кто становится истинным человеком, то есть несёт *раскрытый* дух по векам — что и отражено в слове «человек», то есть «чело, идущее в веках», — тот уже не может не видеть, что *всё* человечество идёт к совершенству, что *сила всех* удесятеряется от стремлений *каждого* к добру и общему благу. Такой человек входит в единение *только с сутью* в человеке; и *умение* находить *только этот* способ единения с ближними есть первый дар, который завоёвывает человек, освободивший свой дух от личных страстей и порывов. Он всем сознанием объемлет *всю* Вселенную и строит Общину мира для неё. Вы — те, кто хочет ехать со мной *служить* людям ступенькой в *их* духовном прогрессе, — вы не только «человеки», вы ещё и *ученики*. Для вас уже *обязательно* не только единение в даре доброты; для вас *уже нет* иного пути, как радость понимания, что вы — *двигатели*, новые духовные моторы для

разрушения человеческих предрассудков в их привычном цикле пониманий. Устремлённость к дальним мирам — обычный и привычный способ вашего мышления. С первых же шагов в неведомом вам ещё современном культурном обществе вы столкнётесь с двумя тяжелейшими предрассудками эгоизма: одиночеством и требовательностью к людям. Сознаёте ли вы, как широко, как твёрдо, без всяких колебаний, должна жить в вас *Живая Радость*, живое сознание, что для вас, *учеников*, нет и не может быть одиночества? Ежесекундное *творческое слияние* с Единым так заполняет сердце ученика, что в нём нет места мыслям и чувствам о себе, а есть только одна мысль: всякое *моё* дело есть дело Пославшего меня на землю. Мой путь — *Его* движение, и если «я» схватило меня в эту минуту за сердце — Его путь *через* меня прекратился... Проверьте себя в эти последние дни. Откройте глубже свои духовные сокровища, отройте все остатки личных чувств и самолюбий и вникните в мои слова: не *я* вас «выбираю», но *вы* идёте на зов сердца, где нет иных побуждений, как быть слугою Бога. Тот, в ком шевельнулась хотя бы самая маленькая мысль: «Он награждён вниманием Учителя или людей больше меня»; тот, кто подумал: «Трудно жить на земле одинокому»; тот, кто развернул перед *собой* горделивую панораму: «Буду помогать человечеству», — все останьтесь, не ходите со мной в пламя крови и страстей людских, так как *вы ещё* не сбросили личины «я». Только *утвердясь* в живой Любви, то есть *неся её* всякому, человек перестаёт *быть* одиноким, так как это *понятие* исчезает из его духовного кругозора. Идя в *этой* психике среди людей, *можно* разбивать в каждом *его* предрассудок одиночества и вводить его в круг радостных новых пониманий, заменяя ими прежний цикл идей, в которых жил страдающий от одиночества человек. Первым *следствием* нравственной узости, когда человек *чувствует* себя одиноким, бывает нравственное уродство — требовательность к другим. Требовательность прежде всего к тем, кто старался или согласился разделить его одиночество. Если это дружба — то дружба эта имеет глубоко запрятанные когти ревности, желания быть «всем» для друга. Если это любовь, то любовь, идущая вразрез с самым элементарным человеческим пониманием, что она есть *отдача* света и мира, а не жажда *взять* всё лучшее, ибо чувство хозяина — первый стимул закрепощённого в страстях человека. Страх, в тысячах и тысячах самых разнообразных видов и мыслей, пугает человека и путает его ежедневное единение с другом, с общественностью, с сотрудниками, выставляя всюду условные пугала, существующие только в собственном сознании каждого: «потеряю», «увлечётся», «мне не достаточно отдаёт», «заболеет», «переутомится», «покинет», «потеряю опору и карьеру». Страх сжимает все духовные силы внутри человека и не менее крепко сжимает кольцо вокруг человека. Никакое общение невозможно для вас с Учителем и для Учителя через вас, если вы допустили страх в своё сердце. В тех городах, где предстоит вам трудиться на пользу и благо людей, почти все люди побеждены страхом и не умеют действовать в своём труде, стоя в Вечности. *Сейчас, здесь поймите*, какую величайшую освобождённость должны вы сознавать в себе, чтобы можно было о вас сказать: «Эти люди готовы к труду Учителя, их дух не может ни смутиться, ни замутиться от общения с закрепощёнными людьми. Они владеют *даром* распознавания, их «доброта» *есть умение видеть в каждом Единого*... Отряхните с себя не только уродливые мысли о застенчивости, но и всякие мысли о разнице

между вашей культурой и культурой людей тех мест, куда поедете. Для вас есть только одна культура: проносить во все сердца мир, как бы ни велика была разница в воспитании и отлична цивилизация стоящих перед вами людей и как бы глубоко вы ни понимали, что общающееся с вами сердце спит ещё в глубоком и грубом невежестве относительно своего истинного земного пути и в полном непонимании смысла своего воплощения. Не ужасайтесь никаким страшным событиям внешней жизни народов, в ритм существования которых суждено вам включиться, потому что для вас нет ритма какого-то одного народа, вырванного из общей жизни вселенной, для вас есть *один* ритм — ритм Великой Матери Жизни. Стоя в этом ритме, устремив сердце и мысль к дальним мирам, начинайте свой день труда и любви среди тех людей, куда последуете за мной. Но если хоть на одну минуту допустите тоску, что не всегда вы будете нести свой подвиг труда и любви рядом со мной, в физической близости, что не всегда сможете обменяться со мной мыслью, советом, найти во мне физического, бодрящего сотрудника, — не ездите, оставайтесь здесь, за оградой, куда не проникают течения быта и скорби суетных толп людей. Каждый идущий не во мне должен искать помощи, *но в себе вскрыть* аспекты Единого и *ими* войти в ритм Единого Владыки Земли, в тот ритм, в котором *Он* трудится для той же Земли, для которой вы, ученики, сотрудники и братья, «готовы». Раскрыть во встречном какое бы то ни было понимание мировой жизни и собственной ответственности перед ней не может ни один человек, пока сам не утвердится в привычке жить только в ритме вселенной. Тысячи и тысячи раз говорил я вам, что *дать* можно только то, что имеешь сам. Иначе все попытки принести мир и утешение человеку будут только пустоцветом, спиралью умствования, без смысла и цели посланными в эфир «словами», где и без того немало мусора. Обдумайте то, что я вам сказал. Некоторым из вас ещё есть время победить в себе остатки стесняющих дух страстей. Иным надо немедленно решить для себя кардинальный вопрос, *как* включиться в труд Единого на земле, ибо первая партия, которой предстоит отправится в путь с Грегором и Бронским, уедет через два дня в оазис Дартана. Там вы проживёте столько, сколько найдут нужным ваши новые водители, будете там учиться так и тому, как они найдут нужным, и только по их указанию двинетесь за ними в далёкие и неведомые вам страны. Ещё раз напоминаю вам: «Всё — в себе». Великую мощь должен ощущать каждый человек *в себе*, независимо от мест, окружения, обязанностей и внешних условий. И только те из вас, в ком окончательно нет слабости и желания искать себе иной защиты и помощи, кроме того Единого, что носят в себе, только те *могут* быть слугами и *со*трудниками Учителю, а *через* него и Великому Владыке Земли. Ежечасно ощущайте, что образ Учителя, трудящегося рядом с вами, живой, любящий и живущий в ритме Великой Жизни, принимает каждое дыхание вашей Любви и разделяет вашу радость жить в труде единения с живыми трудящегося неба и трудящейся земли. Всё едино, нет разрывов, есть единая Община мира, членами которой вас призывает стать Великое Светлое Братство.

И. поклонился всем слушавшим, поклонился Раданде и подал знак к выходу из трапезной. Когда все покинули огромный зал, И. подозвал Дартана, приветствовавшего всех нас как сердечно любимых друзей.

— Ну вот, Дартан, часть первая твоих трудов завершается. Великие Владыки мощи посылают тебе свои заветы и наставления через Бронского, Игоро, Грегора и Василиона. Видишь, как ты богат послами! Но это не значит, что ты сам освобождаешься от дальнейших трудов или что послы твои останутся с тобой надолго. Они совершат революцию в твоём оазисе, передадут тебе снова твоё переформированное царство и уедут вдогонку за мной выполнять свои новые мировые задачи.

И. отпустил всех нас, велел мне разобрать письма в его комнате и подождать его возвращения. Сам же он с Дартаном и Яссой прошёл к Раданде.

Захватив Эту у Мулги, который необыкновенно ласково приветствовал меня и сказал, что получил приказание от И. возвратиться с ним вместе в Общину Али, чему он очень рад и счастлив, я пошёл обратно в наш домик. Эта чинно шагал рядом со мной, ничем не нарушая торжественности моего настроения, в которое привела меня речь И. Вскоре я услышал вдали за собой торопливые шаги и почувствовал, что человек спешит догнать меня. Я замедлил шаги, и через несколько минут меня догнал Бронский.

— Лёвушка, дорогой мой друг. Давно я с вами не говорил, давно, с Общины Али, я даже не имел возможности обменяться с вами мыслями, хотя всё время был подле вас, разделяя во многом вашу судьбу. По существу говоря, мне даже не нужны были слова, так как я чувствовал, что все мои мысли доходят до вас так же, как и ваши до меня. Я сознавал неразрывную близость с вами, как и со всеми теми, кто несёт сейчас людям задачи Светлого Братства. Но кроме этой идейной связи, большая теплота сердца тянет меня к вам, дорогой друг. Я не могу забыть, с какой теплотой встречали вы меня во все минуты моего горя и как я всегда находил в вас утешение доброты, а не слова «об» утешении, звучащие нравоучением, что так часто встречал в жизни. Теперь, когда вся моя психика иная и для меня уже нет возможности думать о себе и жить для себя; когда это наше свидание, быть может, радостная и последняя встреча в этой форме, так как очень скоро я уеду с Дартаном, а вы будете сопровождать И. в его дальнейшем путешествии по миру, — мне хочется ещё раз высказать вам, каким примером бодрости, всегда глубокого мира вы для меня были. Много божественно прекрасных ликов и сияющих, священных фигур видели мы с вами за это сравнительно короткое время нашего счастливого обучения подле И. и Владык мощи. Но во всех этих людях я видел *уже* результат их многих и многолетних трудов. Я видел их уже не обычными людьми, но сверхчеловеками, теми, кого в быту мы звали «святыми». Грань между обычным миром земли и вечным небом для них не существовала. Но *как* они вошли в своё сверхчеловеческое существование, я постичь не мог. Встретив вас, хотя ни вы, никто другой мне ничего не говорили, я сразу понял, *какие* основные качества человека *могут* привести его к высокому и светлому пути существования сверхчеловеком, то есть к Великому Светлому Братству. Живой пример полной цельности, полной чистоты и преданности, полной верности, когда даже беглая мысль лёгкого её нарушения, не только какого бы то ни было предательства, не может мелькнуть в мозгу общающегося с вами человека, — этот живой пример, увиденный мною в вас, сразу заставил меня сбросить с сердца всю слякоть сомнений и крепко утвердиться в целесообразности движущихся и складывающихся обстоятельств каждого отдельного человека и всего

мироздания. Расставаясь с вами теперь, я об одном буду помнить: нет встреч случайных, и встреча с вами повторится, если вечная память о вашей верности будет жить во мне. Позвольте мне обнять вас, друг. Быть может, уже не представится больше минуты поговорить с вами вдвоём. И. дал мне поручение быть с Грегором в доме Деметро и отобрать всех, кто готов для возвращения в оазис Дартана. Мой последний привет любви я передаю вам в этой коробочке, на крышке и дне которой мы с Игоро выгравировали сами те постройки, его и мою, что остались в оазисе матери Анны. Грегор много смеялся над нашим детским трудом гравёров, но всё милостиво поправил и, в конце концов, даже похвалил. Примите наш общий дар и... помогайте нам. Мой Владыка мощи сказал мне, что первый по силе между нами — вы. Я, впрочем, в этом и не сомневался.

Обняв меня несколько раз, всматриваясь в меня, точно хотел навеки сохранить мой образ в своей зрительной памяти, Бронский поцеловал коробочку из белорозового стекла с золотыми крапинками и подал её мне. Отвечая другу на его сердечные объятия, глубоко тронутый его нежностью, я тихо сказал:

— Когда-то вы не раз говорили мне: «Лёвушка, где вы запропали? Я так соскучился по вас». Я тогда не понимал вашего состояния. Вы — обладатель такого гениального таланта — казались мне богачом, всегда настолько заполненным внутри, что вам некогда думать о ком-либо, кого бы вам не хватало для вашего творчества. Теперь я понимаю, что счастье творящего именно в том и состоит, что сердце его, всегда пустое для личного и открытое творческому порыву, вбирает каждого и отдаёт ему всю любовь. Отдав её однажды, оно уже не забывает встречного, её подобравшего. Не скука, не тоска, но полнота общения необходима сердцу, научившемуся отдавать любовь. Где бы вы ни были, чем бы вы ни были заняты, Станислав, в моём первом привете дню, в моём славословии вселенной, будет привет вашему сердцу и труду. Не ждите новых побегов сразу, но я знаю, что, когда мы встретимся с вами в следующий раз, сеть школ ваших театральных последователей заполнит все города мира и совершится новая эпоха в искусстве. Примите мою любовь в обмен на вашу. Этот крест подарил мне Дартан, прося отдать его тому другу, в преданности которого я не буду сомневаться. Он точно предвидел, что мне скоро понадобится такой талисман. Я носил его на себе всего несколько часов, но ощущение радости и тепла от него бежало по всему моему телу. Пусть радостность этого креста защищает вас во все минуты мелькающих вокруг человеческих разногласий и напоминает вам о любви и преданности вашего друга Лёвушки.

Ещё раз обнявшись, мы расстались с Бронским, которого уже разыскивал Игоро, издали призывая его условным свистом. Добравшись до своей келейки без дальнейших промедлений, полный впечатлений от любви и дружбы Бронского, я уложил спать Эту, переоделся в обычное платье и пошёл в комнату И., где и погрузился в разбор громадного количества писем и бумаг.

Я и не заметил, как мелькнула ночь, как солнце послало свой первый луч пустыне. Но меня привёл в себя звук колокола и одновременно с ним появившиеся И. с Яссой из одной двери и Эта из другой.

Всех нас заставил смеяться Эта, раскланивавшийся с нами по старшинству. Сначала И., потом Ясса, потом я получили по почтительному поклону.

— Вот и не угадал, дружок. Хозяину твоему Бог сулил быть выше Яссы по его положению на земле, — смеясь, сказал И. — Запомни, Эта. Он, Лёвушка, — хозяин для людей, а Ясса — работник. Так для людей. А для сердца твоего — оба равны. Для благополучия Лёвушки Ясса необходим. Запомни это хорошенько и оберегай обоих одинаково. Понял? — продолжал И., поглаживая головку Эты.

Не знаю, что и как понял Эта, только он пристально посмотрел на меня, потом на Яссу. Подошёл ко мне, опустился на землю и поклонился, касаясь головкой моих ног. Не дав мне опомниться от изумления, он подошёл к Яссе, поклонился ему, потёрся головкой о его руку, затем отступил шага на два, пронзительно вскрикнул, распустил хвост, раскрыл крылья и, взлетев на плечо Яссы, охватил его голову крыльями, нежно прильнул головкой к его плечу. Выразив Яссе этим способом, которого он кроме меня до сих пор не применял ни к кому, свою любовь, он снова вернулся ко мне, взлетел ко мне на грудь и чуть не задавил меня в своих мощных объятиях, чему немало смеялись мои друзья. Успокоившись, Эта встал у моих ног, давая понять, что всё сообразил и запомнил и что представления на этот раз кончены.

— Лёвушка, — обратился И. ко мне, — Я вижу, ты ещё не всю почту разобрал. Но как бы ни было много в ней экстренного, сегодня для неё у тебя времени больше не будет. Сейчас мы все приведём себя в порядок и отправимся в трапезную. Прямо оттуда ты со мной и с другими пойдёшь в дом Деметро, где соберутся все из оазиса Дартана, кто нашёл в себе силы и желание трудиться. После моей беседы с ними каждый из вас проведёт остаток дня в беседах и оказании помощи тем из людей, кто обратится к вам за советом или с вопросами.

Через самое короткое время все мы уже были в трапезной и радовались встрече с Деметро, его матерью и сёстрами-математиками, которых застали в беседе с Радандой у порога зала.

Приветливо поздоровавшись со всеми, но не задержавшись ни на минуту, И. прошёл прямо к столу, где и мы все заняли наши обычные места. Вся группа собеседников Раданды также заняла места за нашим столом. Прямо против меня сидел Деметро рядом с матерью, и я имел достаточно времени, чтобы разглядеть огромную перемену во внешности их обоих. Деметро нисколько не походил сейчас ни на свой первоначальный облик, хорошо сохранившийся в моей памяти, ни на того гонца-страдальца, врезавшегося в моё сердце в оазисе матери Анны. Сейчас передо мною сидело уравновешенное существо, совершенно не искавшее личного выдвижения. Он не был заинтересован в том, куда и как он поедет, где будет трудиться и кем будет окружён. Я видел яркий свет в сердце Деметро, не раз подмечал его взгляд, почти с обожанием устремлённый на И., и понимал, что жизнь новая, творческая, радостная начинается для этого человека. Его бодрости, казалось, нет конца, и ни малейшего разочарования или страха не мелькало в его ауре.

В сидевшей рядом с ним его матери всё было наоборот. В ней с большим трудом можно было признать ту красивую и элегантную даму, которая принимала меня в своём доме около двух лет назад и которую тогда можно было скорее принять за его старшую сестру, чем за мать. Сейчас от её красоты не осталось и следа. Она была старушкой, хотя держалась прямо и манеры её оставались элегантными. Я видел, что какое-то горе сокрушило её, разбило всё её будущее, а в настоящем она не

нашла ни мира, ни спокойного подчинения неизбежным обстоятельствам. Она подчинилась им, как трагедии. Печальный, померкший взгляд когда-то красивых глаз ничего не выражал, кроме горечи, разочарования и безнадёжности.

Я задумался о её судьбе, о том, зачем это олицетворение безнадёжности поедет в оазис Дартана, как получил ответ сразу на все свои вопросы о ней. Взгляд, который она бросила на сына, подметив его обожающий взор, устремлённый на И., взгляд, точно в зеркале отразивший обожание Деметро, был разгадкой для меня. Мать, обожавшая сына, пережила его обновление и переход в ученики Раданды, И. и Грегора как собственную личную драму, как разорение и опустошение собственного сердца. Любя его глубоко, она не сопротивлялась его стремлениям. Она сошла с его пути и не нашла себе места во вселенной, где могло бы её сердце зацепиться за какой-нибудь труд или радость, чтобы включиться в общую жизнь людей. Крах личной привязанности сделал её тенью Деметро, и всё в его пути казалось ей гибелью собственной жизни.

Мне было глубоко жаль несчастную женщину, но я понимал, что никто ничего не мог сделать, чтобы облегчить ей её путь, где без полной власти над обожаемым сыном она успокоиться не могла. Её «я», «я», «я» давило её со всех сторон.

Я перевёл глаза на сидевших по другую сторону Деметро сестёр-математиков, и сердце моё радостно дрогнуло, точно я соприкоснулся с источником живой воды. И Роланда, и Рунка, как пылающие цветы, испускали силу тепла, мира, энергии. Не только прежней неудовлетворённости не было в лице младшей, не только жажды опеки и поддержки со стороны старшей не искала младшая, но она как будто была впереди по лившимся от неё струям спокойной энергии.

Трапеза была окончена, мы вышли все вместе вслед за Радандой и И. и направились к дому Деметро. Мне пришлось идти рядом с Леокадией. Женщина, очевидно, почувствовала моё доброжелательство к ней, так как не прошло и нескольких минут, как она мне сказала:

— Благодарю вас за то, что вы простили мне и моему сыну тот малопочтительный приём, который мы оказали вам в нашем доме, хотя и знали, что вы пришли к нам от Учителя.

— Стоит ли вспоминать об этом неудачном поступке, который так давно был и не оставил никакого следа горечи в моём сознании? Если в эту минуту он всплыл в вашей памяти, то только для того, чтобы вы ярче и глубже подумали, как много раз мы теряем важные и нужные нам встречи только потому, что не вдумываемся вообще в великий смысл нашего дня, который весь только и состоит во встречах и подготовке к ним. Я прошу вас не огорчаться прошлым. Оно не существует более, вы сами восстанавливаете его из праха энергией ваших психических сил. Если бы вы могли ясно видеть, как мутится ваш дух в эту минуту в страстях скорби, горечи и беспокойства и как они мешают вам проливать радость и ловить Свет, который окружает вас и течёт к вам целыми реками от И.! Но кора вашего упорного устремления только на одну рану сердца: «Сын отошёл, для меня нет ничего больше в жизни», — кора непроницаемого вашего эгоизма не позволяет ни одному лучу коснуться вашего сердца. Только те сердца, что достигли мира, способны воспринять невидимые, но тем не менее глубоко действенные благие силы, окружающие их. Успо-

койтесь, отодвиньте от себя постоянно давящую мысль о себе и думайте о пути вашего сына, если вы действительно его любите. Вы представляете себе только иллюзию материнской любви, на самом же деле погружаетесь только в инстинкт животной любви, лишённой первого *человеческого* элемента: *отдачи*. Простите, мы приближаемся к цели, кто знает, будет ли у меня возможность новой встречи и разговора с вами, — прервал я Леокадию, явно желавшую мне что-то возразить.

— Если ваша сила любви именно *Сила* той *Жизни*, что каждый из нас в себе носит, будьте бдительны в эти серьёзнейшие минуты начала новой творческой жизни вашего сына и постарайтесь найти в себе примирённость. Только полное ваше самообладание, забвение себя и бесстрастие всех ваших мыслей и суждений в течение всего времени, пока Учитель И. здесь с вами, могут помочь Деметро сложиться в крепкую духовную единицу, где зло больше не сможет сломать его прекрасный и чистый творческий путь.

Мы подошли к дому Деметро. И. остановился, окинул каждого из нас пристальным взглядом, задержавшись несколько долее на Леокадии, и сказал голосом такой доброты, миролюбия и проникновенного внимания к каждому сердцу, что я радостно встрепенулся и получил ещё один урок, *что* значит *пощада* Учителя.

— Остановитесь на минуту, мои дорогие друзья, не переступайте порога этого дома в смятенном состоянии. Глубоко-глубоко вверьте себя Великой Матери Жизни, вберите в сознание Её закон целесообразности и понесите каждый в своём сердце ту силу доброжелательства к людям, до которой каждый из вас созрел. Перед началом каждого дела, каждой встречи и каждого нового творческого импульса сердца не надо стоять на перекрёстке дорог и думать: «Куда? Как? Что могу я?» Но надо крепко стоять на твёрдой и пламенной дороге: «Любя, несу любовь, ею коснусь Любви встречного, а не телесной рамки его». Сосредоточьтесь. Вы войдёте в дом, где люди много лет ждали момента *этого* свидания, и здесь воля к победе, любящая и стойкая, каждого из вас *может помочь* встречным только тогда, когда каждый будет в полной верности, то есть в полном самообладании. Только в *этой* силе духа, напряжённого до крайних пределов любви и мира, самоотречения и радости служить ближнему по масштабам духовных сил каждого, может совершиться предельное, вдохновенное озарение каждого встретившегося вам.

Мы постояли в полном благоговейном молчании несколько минут, в течение которых я и мои дорогие спутники — я чётко это чувствовал — взывали к Владыкам мощи, к Великому, через них познанному, Благому Милосердному, твердя имя: «Санаткумара».

Мы двинулись дальше и прошли к веранде Деметро. И снова, как в первый раз, говор многих голосов донёсся до моего слуха.

Мы вошли в дом, И. пропустил первым Раданду, и вслед за обоими Учителями вошли все мы. Леокадия, точно пронзённая словами И., старалась не отходить от меня, шепча мне, что чувствует себя сильной и стойкой подле меня.

Я узнал комнату Леокадии, куда входил первый раз в сопровождении сестёр-математиков. Всё было в ней как бы так же, и вместе с тем всё было по-другому. Что бросилось в глаза прежде всего — это огромное количество всевозможных

работ, лежавших в порядке на многочисленных столиках Леокадии и Деметро, служивших прежде только столиками для еды.

За каждым из столиков стояли фигуры мужчин и женщин, которым принадлежали разложенные на столах работы. И чего только тут не было! И тонкие кружева, и батистовые стопы белья и платьев, и изделия из слоновой кости, от довольно простых ножей до самых тончайших резных фигур, и чашки из стекла по моделям Грегора и Василиона, и прекрасные картины, и простые сандалии, и ковры, и детские игрушки, и книги, и рукописи, и огромные фрукты, и плоды...

Всего я даже не мог и взглядом окинуть. Огромная комната походила на выставку. Да так оно, пожалуй, и было. Выходцы из оазиса Дартана встречали Учителя И. плодами своих трудов, где каждый подавал то, на что был способен. Как этот день, день смиренных тружеников, боявшихся, не покажется ли их труд великому Учителю недостаточным, не походил на тот бурный хор протестов и отрицания, которым был встречен Раданда здесь два года назад!

Глубоким поклоном и молчаливой надеждой, с которой смотрели люди на И., был встречен Учитель. Учителем-грозою отображался образ И. в трепетных мыслях собравшихся здесь вчерашних грешников, и... Учителем пощады и радости вошёл он сюда.

— Привет вам, друзья и братья, труженики на общее благо. Я вижу, что мне не надо задавать вам вопросов, добровольно ли и радостно ли вы выполняли ваш труд. Всё, что я вижу здесь выставленным, излучает так много любви и доброй энергии усердия, что все вопросы об этой стороне дела излишни. Вы научились трудиться усердно, вы сами захотели включиться в жизнь Общины Раданды, но... почему вы боитесь? Почему в эту встречу со мною, значительности которой я не отрицаю, вы вкладываете так много страха и сомнений? Ваш ближайший друг и защитник, отец Раданда, неустанно говорил вам о бесстрашии и твердил вам, что вся сила и весь новый смысл вашего существования — научиться ничего не бояться. Не бесстрашие злодея, убивающего или грабящего свою жертву, если око закона его не видит; не бесстрашие сильного, понимающего, что его кулак бьёт крепче, но бесстрашие *знающего*, что *весь* закон *в нём* живёт, что внешнее есть *только* следствие, самим человеком сложенное от *его* внутренних причин, — вот *то* бесстрашие, к которому звал вас Раданда, к которому звал вас Дартан, к которому зову вас я и будет звать вас всё Светлое Братство, в чьём бы лице вы его ни встретили. Мужайтесь, друзья. Оставьте этот ужасный предрассудок страха; выключитесь из суеверия возмездия и наказаний; перестаньте чувствовать себя стоящими перед великаном-Учителем; но сознавайте себя, меня и всех здесь сейчас живущих единицами одного Творца, слугами Его, Его творящим дыханием Вечности; а в Вечности не может быть иного закона, как закон любви и пощады: *он же претворяется на Земле в закон причин и следствий*. Чего, кого, где вам бояться? Если *всё только в вас*? Если *Единое Всё* — неразделимо, как океан одной и той же Материи всей Вселенной, Материи, раздробленной на отдельные существа, часть из которых зовётся людьми. Вы смотрите на звёзды и солнце — и вы видите их светящимися. Почему? Да только потому, что миры эти, равные вам по Единой Материи, недостижимы для *ваших* недостатков; *вы* не можете перенести на них *своей* темноты, и потому они не меркнут от вашей

близорукой тьмы. Почему же вы не видите людей светящимися? Потому, что раньше, чем встретить человека, *вы* уже ему привесили тёмные простыни собственного эгоистического мрака и увидели прежде всего этот — собственного порождения — мрак. Вы не Единого в нём искали самой простой добротой сердца, вы не оправдание его невежеству несли — вы искали понять, где он ниже вас, в чём он виновнее вас перед всей мировой жизнью, если только ваше мышление смогло уже расшириться до ощущения себя единицей вселенной. В худшем случае — вы тонете в топкой болотной суете одной улицы или одного дома... Не унывайте, не печальтесь. Нет такого человеческого существа, которое не могло бы *двигаться к совершенству*, если оно поняло, что иного пути, как вечная эволюция, имеющая конечной целью это совершенство, для человека земли не существует. Будьте смелы. Не останавливайтесь в пути, чтобы оплакивать неверные шаги прошлого. Каждая такая остановка кладёт на ваше настоящее разъедающий пластырь. Учатся на своих ошибках только те, кто вырастает духом, поняв своё вчерашнее убожество. Тот, кто окреп сегодня, потому что увидел в своём вчерашнем недоразумении или ссоре с людьми собственную ошибку и решился более её не повторять, тот сегодня вырос на вершок во всех своих делах и встречах. Кто же залил слезами, жалобой, унылостью свою вчерашнюю неудачу, тот сегодня разделил судьбу сорного растения, которое обошло широким кругом даже голодное животное... Представляя себе будущее, не ищите великих дел, высоких порывов и мечтаний о новой красоте, которую вы вольёте в каждого, как широчайшую реку из молока и мёда. Думайте только о своём текущем дне, помните, что *каждая* его минута — это ваша протекающая доброта. Ложась спать, отдайте себе отчёт в трёх вещах: 1. К каждому ли человеку вы были добры? Совсем просто добры? 2. Что вы вносили в дом или комнату людей, куда входили? 3. Чьим именем вы, знающие, что такое любовь, благословляли свои встречи, людей и всю земную жизнь, неотъемлемую частицу которой составляете? Следите за собой, но следите легко. Не изображайте из себя знающих и строжайших наставников себе, как вы не желаете быть ими для других. Душа каждого из вас — тот же нежный цветок, который нуждается в ласке и заботливости. Но надо понять, что собственная душа растёт и очищается только силой той доброты, что источает сердце *встречному*, а не приказом воли, повиноваться которой без лёгкости и доброты — и есть путь злых... Завтра под предводительством Грегора, который назначен мною вам Учителем и водителем, в компании ещё многих людей, также ему порученных, вы двинетесь обратно домой. Многих из вас ждут горячо любящие дома, многим придётся встретить пустыми свои бывшие дома. Не носите в сердце скорби, возвращаясь в оазис. Учитесь у Жизни *Её* мудрости и стройте новый дом на новой силе своего сердца. Не несите в себе мелочи сожалений, что надо уходить из одних условий в другие, а несите всюду только одно: счастье жить ещё один день в мужестве и мудрости, в единении с трудящимися неба и земли, в понимании, что небо и земля — Единая Любовь, Великая Матерь Жизни. Будьте благословенны; всё, что будет надо вам знать дальше, всё, что повысит ваше понимание творчества сердца в текущем трудовом дне, всё скажет вам Грегор, а Дартан, Бронский и Игоро, которых вы здесь видите и которые тоже поедут с вами, помогут тем из вас в их личном образовании, кому велит Грегор

ехать дальше в широкий мир за ним. Что же касается Василиона, которого доброту вы все хорошо знаете, и не раз он был многим из вас спасителем, то ему я поручаю всех ваших детей. Перестаньте считать себя хорошими воспитателями. Из многих сотен живущих здесь взрослых, постоянно наставляемых и поддерживаемых Радандой, вряд ли есть десяток людей, которых можно назвать громким именем «воспитателей». Большинство из вас, видя недостатки и грубость своих детей, даже не понимает, что это последствия ваших же собственных убожества, эгоизма и отсутствия доброты. Положитесь на Василиона и несите бремя воспитания детей так, как он вам укажет.

На этом И. закончил речь. Он стал обходить все столы, внимательно рассматривал всё на них разложенное, беседовал с каждым человеком и, каждого обняв, каждому указав новый путь усовершенствования в его труде, после чего вышел из дома Деметро. В саду И. отпустил всех наших спутников, велев им приготовиться к пути рано утром, а мне приказал остаться подле него и Раданды. Расставшись с друзьями, мы прошли сокращавшими путь дорожками прямо к часовне Радости и, когда она стала виднеться на своём воздушном пьедестале, сверкая среди густой зелени и синевы неба, И. спросил меня:

— Хорошо ли ты, Лёвушка, помнишь наставление Великой Матери, полученное, когда ты возвращался к жизни, выйдя от Владык мощи?

— О, Учитель, мог ли я забыть хотя бы одну букву из Божественного указания? — ответил я поспешно. — Вот они, сияющие в моём сознании как огненная печать, незабвенные слова: «Теперь пойди в часовню скорби и принеси туда цветок Моей радости и утешения. Во встречах серого дня не важно слово человеческой философии. Важно слово утешения, чтобы *мог* человек отыскать *в себе* путь ко Мне. Я — не судьба. Я — не предопределение. Я — не неизбежная карма. Я — Свет в человеке, *его* Радость. Ко Мне нет пути через помощь других, но только через мир в самом себе».

— Живи же всем сознанием и сердцем в этой дивной радости гонца, получившего поручение от самой Жизни. Помни, что гармония твоя — мост, по которому сходит энергия Света к земле. Иди путём мира, будь *сам* путём мира для всех скорбных и протестующих, для всех сковавших своему духу тюрьму собственными жалобами и слезами. Будь благословен.

И. подал мне руку, Раданда взял вторую, и мы стали подниматься по кружевной лестнице. О, как легко, как очаровательно было восхождение в часовню на этот раз. Никакой огонь не жёг меня, и чем выше мы шли, тем легче мне дышалось. Когда мы вошли в часовню и все трое приникли к стопам Великой Матери — блаженство Радости, блаженство Любви, блаженство Бесстрашия и мира охватили меня, и я впервые понял раскрепощённое счастье земной смерти...

Я ещё не имею права рассказать о пережитом здесь. Великая Мать подала каждому из нас Свой живой цветок, приказав перенести их в часовню скорби. Подавая цветок И., Она сказала:

— Заложи в часовне скорби первый Свет надежды и мудрости.

Раданде прозвучало:

— Внеси в часовню скорби убеждение в пощаде и уверенность в доброте.

Я получил приказ:

— Вложи в часовню скорбящих цветок мира и знание, что ничей труд не пропадает напрасно, если он подан в бескорыстии и в мыслях об общем благе. Вложи в цветок всю любовь своего сердца и всю просветлённость своего сознания, чтобы каждый, прикоснувшись к образу Моему, почувствовал жажду вырваться из кольца слёз, знать и постичь Истину.

Молча трижды склонились мы перед Великой Матерью и, укрыв свои цветы под плащами, вышли из часовни. Раданда шёл впереди, я в средине, И. замыкал шествие. Не только обычное сверкание шаров Раданды и И. видел я теперь, но точно корабль Света двигался вместе с нами по земле. Мы шли какими-то зарослями, узенькой тропочкой, по местам, в которых я не бывал, и даже не подозревал, что есть такая непроходимая чаща вереска и терновника в Общине Раданды. Цветущая чаща не имела в себе ничего устрашающего, но я чётко понимал, что каждый, проникший в неё без провожатого, должен был неминуемо заблудиться, как в римских катакомбах древних христиан.

Совсем для меня неожиданно мы вышли к группам домов, раскиданных на большом расстоянии. Я не понял сразу, что именно произошло со мной, где мы, но весь я точно сжался, дышать здесь было много труднее, и ноги двигались так, точно вдруг на них повисли пудовые гири.

— Это эманации слёз и скорби, Лёвушка, бьют так сильно твоё тело, ещё не привыкшее к чрезмерной разнице колебаний волн человеческих мыслей и чувств. Пройдёт несколько минут, и ты приспособишься к новому окружению. Прижми крепче свой цветок, и силы твои мгновенно восстановятся.

Мы пересекли селение, молчаливое, как будто вымершее, и вошли в густую аллею исполинских тополей. Она привела нас к широкой площадке, где полукругом росли могучие белые клёны и в центре их высилась точная копия часовни Великой Матери, такая же резная и воздушная, но... совершенно тёмная. Сначала она показалась мне даже чёрной от яркого контраста с белой листвой, но в следующее мгновение я увидел, что и часовня, и лестница, и сама статуя — всё было как бы вырезанным из тёмно-тёмно-серой жемчужины. Я остановился, поражённый неожиданным зрелищем, и услышал голос И.:

— Часовня эта, эоны лет назад была белой. Она была дана в помощь людям, чтобы чакрамы их, обновляемые Светом радости и утешения, очищались, чтобы Жизнь-Радость, вливаясь в сознание молящегося, освещала сердце скорбного и помогала слабому. Но слёзы и жалобы людей, вбираемые великой Матерью, темнили своими психическими эманациями скорби, силу которых ты только что ощутил на себе, верхний слой покрова статуи. Вернее сказать, ложась веками на дивный, сияющий материал её, они покрыли, точно чехлом, всю фигуру Великой Матери. И теперь она видится людям как бы вырезанной из тёмно-серого жемчуга. На самом же деле — вглядись, ты увидишь, как сияет розово-белая фигура под слоем тёмных покрывал, что оставили на ней скорби, слёзы, жалобы и болезни людей. Войдём. Выполним великую задачу, возложенную на нас Милосердием. Раз в столетие переносится сюда дар Любви Великой Матери в виде Её живых цветов. Если бы Жизнь

не обновляла Своих забот о страдающем человечестве, оно само задушило бы себя, равно как и источник своего вдохновения и Света.

Мы поднялись в часовню и все трое вложили наши цветы в руки Божественной фигуры, где уже лежали цветы почти чёрные, много темнее, чем сама статуя. Очевидно, к цветам больше всего прикасались руки и уста страдальцев.

Как только мы вложили принесённые цветы в руки статуи, точно огонь вспыхнул во всей часовне и над нею. Вся фигура, на один миг объятая пламенем, стала не чёрной, но тёмно-розовой, почти алой, когда пламя потухло.

— Боже мой! Это точно красный переливчатый жемчуг! — воскликнул я, поражённый и обворожённый чудесным явлением.

— Да, сынок, то жемчуг любви, то пощада и доброта, принесённые сюда Жизнью. То Свет надежды и мудрости, то мир и знание, что труд есть счастье, ибо всякий в бескорыстии поданный труд строит Общину мира, — сказал мне Раданда.

— Да будешь ты всюду гонцом лёгким и приветливым, гонцом-утешителем. Пусть обаяние твоё поможет людям усвоить всё то, что Жизнь повелела тебе перенести в толпу людей, — прибавил И., обнимая меня.

— Помни об этой минуте, когда мировая Энергия пролила Свой очищающий огонь в помощь человечеству и ты был свидетелем этого движения Воли-Любви. Никто из нас не имеет сил, равных этому феномену. Но каждый из нас *может* проливать везде огонь *Своей* Любви, в помощь делам и сердцам людей. Не забывай никогда, *кого* несёшь в дела и встречи, *где* и перед *кем* начинается и кончается твой серый день земли и *что* он есть в действительности.

Когда мы вышли из часовни и вернулись снова в селение печальных, я даже не узнал сразу унылого посёлка. Точно ливень омыл дома и садики. Точно роса, неведомая пустыне, пробила пыльную пелену трав и цветов. Несколько взволнованных фигур показалось на порогах домов, а через самое короткое время возбуждённая, в счастливых слезах толпа людей спешила к сверкавшей рубиновой пылью часовне.

Мы снова укрылись в чаще терновника и цветущего вереска. После довольно долгого пути мы подошли к домику Раданды у трапезной с совершенно иной, неведомой мне стороны.

Оказалось, что времени прошло так много, что обед в трапезной давно отошёл и не так много времени оставалось до вечерней трапезы. И. приказал мне привести себя в полный порядок и сходить за Грегором, Василионом, Бронским и Игоро, а также за Андреевой и Ольденкоттом. Ясса, бывший тут, дал мне точные указания, где всех их найти, и позвал моего друга Эту, который мирно спал в сторожке, ожидая моего возвращения.

Моя дорогая птичка, конечно, ассистировала при совершении моего туалета в ванне Раданды. Но этого ей показалось мало, она прыгнула в бассейн и начала в нём полоскаться. Я испугался, что Эта утонет в глубокой воде, но шельмец преуморительно и с большой уверенностью, хитро на меня посматривая, совершал свой, необычный для павлина, туалет. Я понял, что и этот воспитательный приём происходит не без влияния педагогики Раданды, успокоился и хохотал так, что Ясса пришёл унимать нашу чрезмерную весёлость и порядочно выбранил нас обоих.

Проштрафившись во внешнем мальчишестве, мне всё же было очень легко собраться в своих внутренних силах и, вытерев Эту после ванны, я зашагал в его обществе по указанным мне Яссой местам.

Скоро, гораздо скорее, чем думал, я собрал всех своих друзей и привёл их к И.

— Дорогие мои, — обратился к ним И., — сегодня в последний раз в Общине Раданды я могу поговорить с вами. Я надеюсь, что ни у кого из вас ни на минуту не мелькнёт мысли сожаления, что вы расстаётесь со мной. Идите в будничную жизнь людей и несите им те новые психические силы, которыми вы *для них* одарены теперь. Раскрывая вам великую сокровищницу сил природы, Великий Владыка Земли видел в вас *свои мосты*, по которым должна проливаться Его энергия земле. Идите же и творите волю Его. *Как* творить — вы знаете, *научить* нельзя. Творчество — *в вас*. Оно одухотворено огнём Вечного — идите и сейте, *зная*, где сеять, и помня, *как* выбирать места, чтобы сеять, а не метать бисер перед недостойными. Будьте благословенны. На рассвете вы все выедете в оазис Дартана. Вы же, — обратился И. к Наталье Владимировне и Ольденкотту, — не остановитесь у Дартана, а проедете прямо в Общину Али, куда вас доставит небольшой вооружённый отряд во главе с Яссой. В Общине Али передайте моё письмо Кастанде, и он немедленно же отправит вас в Америку, где вы найдёте ещё Учителя Венецианца и получите от него все необходимые вам указания.

И. обнял всех своих соратников-учеников и надел каждому из них на шею свой портрет такой чудесной работы, что я заподозрил и здесь его собственный труд.

Вскоре раздался гонг к вечерней трапезе. Окончилась и эта, последняя для моих друзей общинная трапеза, поднялся Раданда, и полился его мягкий, любовный голос:

— Не вижу здесь печального флёра прощания и не слышу ни в одном сердце перебоев смущения перед отъездом в далёкие и неведомые места новых трудов. Так, дети мои, начинают всегда новую жизнь *те*, кто *понял* жизнь вечную. *Кто принял все свои земные* обстоятельства как обстоятельства той *рамки*, в которую вправлена *его* искра Вечности, и их *благословил*. Не начинайте ни одного дня, ни одного дела, не устремив вашего духовного взора к тем далёким мирам, откуда вы вынесли своё знание. Радуйте и радуйтесь. Любя побеждайте и несите только *оправдание* той невежественности, в которую вас отправляет служить закон Великой Пощады. Трудясь, не храните в сердце усталости и на челе пота. Но храните в очах и духе *один* образ: *образ пославшего вас*.

Всех благословил Раданда, каждому из уезжающих шепнул какие-то слова, а И. давал каждому маленький медальон, изображавший чашу с горящим в ней огнём.

— В последний раз, Лёвушка, спасибо за всё, — услышал я голос Натальи Владимировны, — всё, что делали вы для меня раньше, возможно, мог бы сделать и ещё кто-то. Но то, что вы сделали для меня в лаборатории Владыки-Главы, могли сделать только вы. Этим поступком вы привязали меня к себе канатами вечной благодарности. Будьте благословенны и не забывайте меня в своих мыслях, как и я вас не забуду в своих молитвах.

Она была единственная, с кем я обменялся прощальным словом. И. приказал взять мне на себя многочисленные обязанности Яссы и затем пойти разбирать почту, где и дождаться его прихода.

Выполнив все обязательства Яссы, обойдя нескольких его больных, я возвратился в наш домик и уселся в комнате И. за разбор его писем.

Я не присутствовал при отъезде моих друзей и их многочисленного каравана. Я только принимал на рассвете их прощальные приветы и отвечал каждому из них всей любовью сердца и мира, на какие был способен.

Глава 33

Ещё раз часовня и посёлок плачущих. Речь И. плачущим. Моё прощальное посещение часовни Радости. Прощальный вечерний пир в Общине Раданды. Последняя речь И. на нём. Наш отъезд в Общину Али

Мысленно я провожал весь караван в далёкий путь по пустыне. Как много раз уже провожал я дорогих мне людей в их новые пути труда. Как разнообразны были их и мои переживания при прощании с ними. Незабвенные образы вспомнились мне сейчас: Беата и сцена её прощания в Общине Али, как и дорогой Аннинов, занимали немалое место в моём сердце. И все, кого я видел уходящими из Общин Али и Раданды до сих пор, все уходили в печали и слезах.

Впервые отправлялся караван с темнокожими — в неведомые им страны, в чуждые условия — и уходил он легко, весело, просто, бесстрашно. И вели его также весело и радостно мои друзья, для которых теперь не существовало ни внешних, ни внутренних условностей. Они не «уходили», что-то и где-то «покидая», — они «продолжали» свой творческий путь, всюду видя одно: *быть* радостными мостами Вождю, передававшему через них людям Свои дары любви.

Я углубился в эти мысли, меня восхищали мои чудесные друзья — теперь люди силы и цельности — которых я так сравнительно недавно знал колеблющимися, занятыми собой и не способными на иные решения, как компромиссные. Я посылал им своё восхищение и благоговейную любовь их делам и встречам...

— Лёвушка, ты как будто бы не очень прилежный секретарь, мой милый друг, — услышал я сзади себя смеющийся голос И.

— Напротив, Учитель. Моё, или, вернее сказать, твоё мне задание уже исполнено. Немало в этих бумагах к тебе просьб и стонов, но вот одно письмо заставило меня глубоко задуматься, и я не знал, куда его отнести. Я оставил его особняком, так как не мог решить, что и как предпримешь ты, — ответил я.

Я подал И. написанное женской рукой письмо, подписанное именем «Дженни».

— Об этом письме я знаю. Отложи его в сторону. После мы о нём поговорим. А сейчас, как только ударит колокол, пойдём в трапезную и оттуда вместе с Радандой отправимся в посёлок печальных. Ты был свидетелем, как Любовь посылала Свои очищающие эманации Земле. Эманации такой силы, что человеческий организм мог их воспринимать только как огонь. Сегодня ты вместе с нами понесёшь *свою* любовь в это священное место, где Великая Мать дала людям возможность стряхнуть с себя уныние и груз слёз со своих сердец. Не думай, что ты всё ещё недостаточно крепок духом или высок по своим эманациям, чтобы помогать скорбным обретать мир. Нет предела совершенствованию, и неважно, кто выше, кто ниже к звёздам. Важно в *своих* масштабах доходить в каждом действии *до* конца, в собственном самоотвержении *быть* верным до конца Единой Жизни. Нести людям уверенность в знании, что жизнь Земли — вся без исключения земная вселенная —

есть фаза, одна из проходящих и изменяющихся форм, в которых ты, я, Али, Раданда, Мулга и Беньяжан, пустыня и звёзды — искры Единого, мерцающие, гаснущие, мигающие или горящие ровным Светом. Не твоя форма *данного сейчас* служит мостом Жизни для Её посыла Своих сил Земле, но твоя *Вечная Сила*, которую ты не можешь сделать ни хуже, ни лучше *сейчас*, если *вчера* ты жил только *мечтами* о действиях, а *действовали* другие, рядом с тобой шедшие, огонь духа которых был, быть может, много меньше твоего. *Но они действовали*, а ты *думал*, как *будешь* действовать, и упустил в *без*действии свою Вечную Силу, потеряв летящее «сейчас» без пользы и смысла.

Как обычно, ударил колокол, как обычно, мы совершили свой утренний туалет и, как обычно, провели время в трапезной. Но далеко *не* как обычно было у меня на душе. Я точно проснулся ещё раз к новому пониманию, что значит *действовать*. Мне показалось, что самый *день* не тянется с утра и до вечера как некое количество часов и действий в них, но что он есть только узенькая тропочка Бесконечности, по которой идёт человек.

После трапезы мы вышли той же аллеей, по которой возвращались вчера, к зарослям вереска и терновника и подошли к часовне скорбящих. О, как была прекрасна часовня — алая, сияющая и переливающаяся — на фоне синего неба и белой листвы! Только сейчас, казалось мне, я оценил полностью великое Милосердие, пославшее вчера на моих глазах Своё действие Земле...

Вокруг часовни мы нашли многочисленную группу людей. Не было ни одного человека, который бы здесь не плакал. Особенно раздиравшими душу слезами рыдала одна женщина, державшая прелестную белокурую девочку на руках. Многие имели такой жалобный и истощённый вид, такая безнадёжность сковывала их формы, что мне показалось невозможным вывести их из этой летаргии отчаяния.

Некоторое время мы молча стояли, никем не замечаемые. Я увидел, что от шаров И. и Раданды шли мощные лучи к особенно убивавшейся женщине, постепенно обнимая всю её и ребёнка своим светом. Мало-помалу стихали крики женщины, лицо, конвульсивно дёргавшееся, становилось всё спокойнее, и наконец на нём разлилось выражение мира. Она прижала ещё крепче к груди тихо уснувшего ребёнка, склонилась к ступеньке лестницы и замерла, точно обретя вдруг успокоение.

По мере того как стихало отчаяние женщины, лучи Раданды и И. всё шире и шире охватывали всю группу плачущих страдальцев. Слёзы и вздохи их стали постепенно стихать, и все они, точно сговорившись, вдруг оглянулись на нас. Дав мне знак следовать за ним, И. взошёл на ступеньку часовни и обратился к не сводившим с него заплаканных глаз несчастным людям с нежными и ласковыми словами:

— Друзья мои, мои бедные, плачущие братья и сёстры! Сколько слёз вы пролили в вашей жизни! Сколько раздирающих молений вы послали небу в вашей жизни раньше и у этой часовни теперь. И... сколько упрёков вознеслось здесь же из ваших сердец за то, что слёзные ваши мольбы оставались без ответа. Так ли это? Так ли жестоко молчит «мёртвое» небо, как это вы утверждаете в ваших упрёках ему? Так ли безответны «святые», к которым взываете, или,
быть может, занятые слишком много собою, *своими* слезами, вы не в силах ни ясно видеть, ни точно слышать подаваемых вам знаков пощады и милосердия? Вчера вы

видели эту часовню тёмной. Вам кажется, что это вы омыли слезами каждое резное украшение часовни. Что сердце каждого из вас отдало самый драгоценный дар этой часовне — свои слёзы. Вдумайтесь: если ваши глаза плачут — могут ли они что-либо ясно видеть? Хотя бы настолько ясно, чтобы заметить рядом с вами стоящего страдальца? Нет, плачущий — плачет о себе. Он так глубоко занят только самим собой, только своей горестью, что рядом с ним стоящий не пробуждает в нём ни сострадания, ни желания хотя бы на минуту забыть о себе и помочь его печали. Сейчас вы перестали плакать. Но перестали вы плакать *не* потому, что *я* вызвал в вас, извне, новые эмоции к жизни — доброту и сострадание, — но потому, что Жизнь, спалив невидимые вам, но вами же нанесённые горы слёзных эманаций, помогла вам раскрепостить в себе зажатый скорбью дух и убитую временно собственным унынием энергию радости. Сейчас вы дышите легче. На вас не лежит больше грубого савана печали, который не давал вашей мысли заметить главного феномена в жизни земли: *момент* переживаемой скорби — не есть *вся* жизнь. Земля, форма жизни и действий на ней — это только одно мгновение того *вечного пути*, что вы шли, идёте и будете идти. Кто вы? Почему вы попали сюда? Вы даже не знаете, что вы живёте в далёком, но высоко культурном уголке Земли, где процветает энергичная жизнь науки, искусства, ремёсел, откуда немало изобретений выброшено в широкий мир для пользы и блага людей. Вы не отдаёте себе отчёта — ни кто вы сейчас, ни кто живёт вокруг вас. Вы плачете, безразличные к жизни сейчас, как плакали тогда, когда покидали мир. Вы покинули его, безразличные ко всей жизни, потому что каждый из вас потерпел крушение в своей *личной жизни*. Вас подобрали члены этой Общины в разных местах мира, иные из вас сами *пришли*, жаждая только одного: жить в уединении и *не быть тревожимыми* в своих слезах. Нашли вы себе в слезах облегчение? Помогли вы хотя бы одному человеку, рядом с вами скорбевшему, энергией своего сердца, лаской, добротой? Вы только *своё* горе видели, и кроме самих себя никто для вас не существовал. Вы молились, прося только о себе и своих и, жалуясь, всё же продолжали жить, считая, что совершаете подвиг высокого самопожертвования, ведя бесполезную, слезливую жизнь. Жизнь — это ежеминутное действие. Это вечное движение, имеющее целью закономерность вселенной и целесообразность в ней. Живёт в истинном смысле слова только тот, кто входит в *это* Вечное Движение как гармоничная *его* единица, ухватившая ритм Его для *своих* трудов и действий. Нет остановок в беге Вечной мощи, как не может их быть и в действиях тех, кто считает себя человеком, то есть искрой Единой Жизни. Но для того, чтобы войти в труд — всеобщий труд вселенной, — надо, чтобы глаза могли *ясно* видеть, уши *точно* слышать и сердце *чётко* стучать в ритме Единого и Вечного Движения. Я сказал: очи, что плачут, не могут видеть ясно. Так же и уши тех, что жалуются, сетуют и слышат только уныние собственного сердца, не могут услышать зова Жизни. И сердце, стучащее в минорной гамме, стучит монотонно: «я, я, я». Такое сердце знает только страх будущего и раздирающую тоску прошедшего. Но текущей минуты, летящего «сейчас» оно не в силах ни видеть, ни слышать, так как за стонами и страхами о несуществующем прошлом и не менее эфемерном будущем оно *мёртво* для летящих сейчас мгновений, то есть именно для истинной Жизни. Вы, бедные мои братья и сёстры, вы, считающие себя живыми,

несущими великий подвиг любви, вы, унылые плакальщики и плакальщицы, — вы мертвецы. Возле вас не только люди не могут сохранять жизнерадостного вида; не только дети не могут смеяться; не только травы и цветы вянут и сохнут, но даже сама Любовь покрывается тёмной пеленой вашей скорби. Разве вы посланы на Землю, чтобы думать только о себе? Разве, если жизнь дана вам — допустим даже и этот эгоизм — для мыслей только о себе, то значит ли это терзать себя и ранить всех, видящих вас в таком виде плакальщиков? Жизнь послала вас на Землю, дав вам эмблемой Себя Радость. Вы же, утаив Её дар, превратились в бесполезные урны печали. Вы стоите на месте, даже не видя, как бегут дни. Вы мрачно смотрите в землю, не задаваясь вопросом, зачем взошло сегодня солнце? А оно взошло, чтобы сила Света *в вас не угасла*, чтобы вы подняли лица к небу не с мольбой «Помоги нам!», но с улыбкой: «Мы Твоей доброте гонцы». Перестаньте видеть добродетель в оплакивании неудач личной жизни. Отрите глаза, откройте уши — и вы сможете услышать тихий голос Радости, говорящей вам: «В себе несёшь Бога. Он *жив* в тебе. *Ищи понять*, что ты всегда не один, что *всё* в тебе. *Но всё* открывает Свой лик *только Радостному*». Вы живёте в этом углу, за этими зарослями, и даже не предполагаете, что вблизи вас стоит часовня Радости и там живут люди, понявшие бессмысленность слёз. Ни одно ваше действие не приносит и не может принести вам облегчения, так как *вы отравляетесь вечным раздражением слёз*. Ответственность за собственную жизнь тяжело падает на каждого человека. Каждый из вас должен рассматривать себя как самоубийцу, губящего свою жизнь медленным ядом — слезоотравлением. А как рассматривать вас с общественной точки зрения? Кто вы для общества? Для ваших детей? Для всех тех, кто встречается вам в делах дня? Разве вы не понимаете, как убийственно вы действуете на встречаемых вами здоровых людей? Вы думаете, что это не преступление — прервать весёлую улыбку ближнего, не подумав *о нём, о его* радости и равновесии, ворваться в его окружение ураганом скорби и слёз? Если разорвать мир счастливого, твёрдого характером и самообладанием человека своими слезами преступно, то что же сказать о слабых, колеблющихся, которых так легко сбросить с их шатких лестниц гармонии. Поймите, с этого момента и навсегда, что *смысл каждой* прожитой вами минуты состоит только в *утверждении чьих-то лучших сил*. Не там вы трудились, где вы, сжав зубы, готовы были ежеминутно послать крик негодования и протеста против тяжести вашего труда и неудач вашей жизни. Если вы даже не открыли рта и не произнесли своих жалоб, *то сердце ваше*, заполненное мутью непролитых слёз, уже соткало вокруг вас непроходимую стену дисгармонии. Развязать верёвки слёз, которыми вы сами себя опутали, сжечь чехол уныния, в который вы себя засадили, можете только вы *сами*, но не те «святые», к которым вы взываете. Чтобы получить *ответ* от тех, кого зовёшь, надо создать чистые пути *в себе* и вокруг себя, по которым могли бы пройти к вам их ответы. И прежде всего надо вылезти из чехлов слёз и уныния, в которых вы сейчас сидите. Как это сделать? Путь для *всех* единиц Света только *один*: *Радость*. Вы *можете* найти и войти в этот путь Света только *собственным* трудом духовного обновления. Надо понять, что весь ваш день труда, который начинаете и кончаете слезами, *не* существует как кусок вашей *вечной* жизни. Это только *бесполезная остановка невежественности*, не понимающей, что *каждое* летящее мгновение жизни

Земли — это *мгновение Вечности*. Но оно только тогда им бывает, когда прожито в полном сознании своей *неразрывной* связи с Вечным Движением. А эта связь может выражаться *только* как бодрость, доброта и *примирённость со своими обстоятельствами*. Можно не доходить до величайших откровений духовного мира, хотя они доступны каждому и преград к ним нет. Но если *не* дойти до *элементарного понимания, что Земля есть место труда и бодрости, энергии в доброте и мире к ближнему,* — войти в путь Света нельзя, хотя бы вы промолились и проплакали всё своё воплощение в храмах, у ног всех святых неба. Вы — унывающие — только и встретите мёртвое небо потому, что мертвы *вы*, а не оно. Встрепенитесь, оглянитесь вокруг и взгляните на стоящих рядом с вами таких же скорбных и плачущих. Вы слышали стоны и крики женщины с ребёнком, но вы были глухи и немы к её скорби. Найдите в себе самую простую доброту и взвалите на свои плечи тяжесть ближнего, забыв о себе и своих стонах. И вы найдёте то место, где живёт Радость. Перестаньте плакать хоть на мгновение — и вы увидите, где живёт Свет в человеке, что стоит рядом с вами. Перестаньте вслушиваться в неудачи своего личного пути, осушите свои слёзы — и вы увидите всю вселенную не в алмазах звёзд, но в живых образах Радости... Завтра придёт к вам Раданда, и, если найдёт среди вас кого-либо, кто сможет забыть о себе и подумать о помощи своему соседу, он уведёт их из этого места слёз в цветущую Общину; там они смогут найти себе труд по своим вкусам и склонностям. Но надо понять, *что жизнь даётся для действия на Земле*, для приложения всех своих сил доброты и радости к её делам. Надо чётко усвоить, что нет отъединения и разделённости от людей. Есть только Единая Жизнь, *ритм которой стучит во всех сердцах*. Каждое сердце стучит и звенит *своей* нотой, но нота эта попадает в *общую* гармонию только тогда, когда она выражает бодрость, доброту и радостность, то есть находит путь, чтобы влиться в ритм Жизни. Глядя на совершенные формы этой алой Божественной фигуры, осознайте, что Любовь пролила вам Свою помощь, спалив ваши эманации уныния, и учтите все отсюда вытекающие последствия. Таким же образом Любовь сжигает в катаклизмах непереносимые больше и вредные для процветания Земли и её населения злые и позорные результаты человеческих действий... Будьте благословенны, дорогие мои братья и сёстры. Стремитесь к освобождённости, так как только свободный от груза собственных страстей может услышать ритм Жизни и почувствовать себя единицей всей вселенной. Первый признак радостности, которую узнаете в своём сердце, будет и первым признаком вашей начинающейся освобождённости.

И. сошёл со ступеньки лестницы, нежно и ласково отвечал на вопросы и мольбы приникающих к нему людей и пере-давал каждого Раданде, говоря те или иные слова любви, сострадания и наставления. Затем он совершил ещё один феномен, которого я до сих пор ни разу не видел. Он закрыл густым светом себя и меня, заставив шары своих чакрам излучать один белый, похожий на дневной свет. Мы оба так плотно укрылись в непроницаемой для глаз пелене его света, что стали невидимы окружающим нас людям. Теперь они видели перед собой только одну фигуру Раданды, сгруппировались плотным кольцом вокруг него, а мы отошли от часовни и исчезли в зарослях вереска, где И. сейчас же принял свой обычный вид.

Он быстро шёл впереди меня, и мне не нужно было спрашивать, чтобы понимать, как глубоко он сосредоточен. Пытаясь по возможности меньше беспокоить И. в его раздумье, я замедлил шаги и старался идти как можно бесшумнее, оберегая его священный для меня покой.

Перед моими глазами всё стояли скорбные фигуры только что виденных подавленных печалью людей. Мысли мои неслись вихрем от них к Браццано, Беньяжану, выходцам из тайной Общины, потерявшим и вновь обретшим Светлый путь, и остановились на чудесном лике матери Анны.

О, путь человеческой души! Путь безмерного разнообразия — от самых элементарных горестей до величайшей преступности и подъёмов героической радости! Путь от великих шумных городов и столиц до маленьких сёл и пустыни! Всё один и тот же путь пробуждающегося и расширяющегося сознания. Путь, только тогда приводящий человека к творчеству, когда он обрёл мир и самообладание. Путь, завершаемый светлыми фигурами тружеников, вроде шедшего передо мной И. и оставшегося позади Раданды, где уже нет грани между человеком и ангелом, но где живёт только труд полной освобождённости. И всем, всем — только один этот путь вечного и неустанного совершенствования.

Я молил Владыку-Главу склониться перед великим алтарём в его лаборатории, который он называл рабочим местом Бога, и произнести мольбу о покинутых нами плачущих, так противоестественно видевших великое достоинство в своих слезах...

— Ты мне не мешаешь, Лёвушка, — услышал я мелодичный голос И., показавшийся мне ещё добрее и ласковее обычного. — Ты мне давно уже не мешаешь, друг, и потому можешь не отставать и не исчезать, если я тебе этого не предписываю, — улыбаясь, продолжал он. Ты и не угадываешь, до чего скоро начнётся твоя деятельность без меня и даже вдали от меня, Лёвушка. Вместе с тобой мы выедем отсюда в Общину Али. Там ты пробудешь очень недолго, и причина нашей разлуки и твоей будущей ускоренной самостоятельности и есть то письмо, что ты не знал, куда отнести, и что подписано: «Дженни». Письмо это переслал сюда сэр Ут-Уоми, которому оно непосредственно адресовано. Я не буду тебе сейчас ничего говорить о той, что его писала. История эта началась года три назад в Лондоне. В ней участвовали лорд Бенедикт и сэр Ут-Уоми, спасая нескольких людей от козней Браццано. Все подробности ты узнаешь от самого сэра Уоми, прямо к которому поедешь, мало задержавшись в Общине Али. У сэра Уоми ты найдёшь себе верную помощницу и спутницу Хаву, так тебя испугавшую когда-то. Ты не имел ещё возможности оценить величайшего героизма этого чистого сердца. Теперь в общем труде освобождения несчастной Дженни ты узнаешь, кто такая Хава и на что способна верность и преданность до конца освобождённого сердца. Сразу несколько задач ложатся на тебя. Ты вырвешь Дженни из ужасных рук Браццано. Ты поможешь Анне, посвятив её в часть своих новых знаний, и призовёшь их обеих в Общину Али. Не ты будешь провожать Дженни в тайную Общину, где её придётся укрыть. И бороться за неё будешь ты не один, тебе помогут сэр Уоми и Ананда, они же позаботятся о её дальнейшей судьбе. Но ты, Хава и Анна будете ей защитой в пути до Общины Али. Не так бурно, как за Дженни, предстоит тебе бороться за Жанну, и тут у тебя тоже будет преданный помощник — князь. Борьба предстоит тебе длительная и нелёгкая, сын

мой. И за время твоего отсутствия в Общину Али приедут брат твой и Наль, Венецианец и многие его сотрудники. И не твой взгляд встретит первый взгляд брата-отца. Нет ли в сердце твоём, Лёвушка, малейшего намёка на досаду, что кончается твоя счастливая жизнь подле меня? В полосе Света ты живёшь сейчас, и предстоит тебе спуститься в тревожные эманации людей, обуреваемых страстями и преступными склонностями. Огорчён ли ты? Сжимается ли твоё сердце от сожаления, что самые близкие и дорогие тебе люди, возвратившись, не найдут тебя там, где думали встретить тебя немедленно?

— О, Учитель, ведь ты читаешь в моём сердце и видишь его до дна! Как было бы ужасно Учителю растить учеников, на которых нельзя рассчитывать как на силу, которой можешь распоряжаться и на которую можешь положиться имён-но там, где нужно, и именно так, как нужно для дела, данного сейчас. Моё беспрекословное повиновение тебе — вот моя радость; мой труд для Светлого Братства — вот моё счастье.

— Будь благословен, мой мальчик, я дам тебе Яссу в спутники. Тебе не придётся думать о мелочах жизни, он будет тебе верной нянькой-другом. И вся сторона условностей и связанных с ними забот не будет тебя касаться. Ты будешь занят только духовной стороной дела и теми внешними положениями, которые будут необходимым следствием твоих задач духа. Связь твоя со мной будет неразрывной, и помощников тебе я буду посылать всё новых по мере надобности.

Мы подошли к нашему домику, и здесь нас ждал уже брат-распорядитель из Общины Али. Он сказал нам, что привёл Раданде целый караван груза и людей от Али и имеет распоряжение Кастанды захватить нас с обратным караваном. Специально для нас он захватил двух мехари, шедших сюда без всадников.

В это время раздался удар колокола. И. поручил своему келейнику Славе озаботиться всем для дальнего гостя и привести его в трапезную, где будет Раданда и где сообща решатся все вопросы.

Вплоть до самого окончания трапезы я не имел ни минуты подумать о нашем быстром отъезде, обо всех встреченных мною за это время людях и дорогом Али, в Общину которого предстояло возвратиться и, быть может, снова увидеть его дивную белую комнату. Люди сыпались на меня, как орешки из кедровой шишки, и я едва успевал заниматься их текущими нуждами. После окончания трапезы И. сказал мне:

— Ты свободен, Лёвушка, до вечерней трапезы. Это первые часы отдыха, которые я предоставляю лично тебе за несколько лет жизни со мною. Забудь обо мне, обо всех своих обязанностях и проживи их так, как найдёшь нужным. Только одни сутки будет караван отдыхать, а затем мы покинем надолго эти благословенные места. Иди, друг, мир с тобой.

И. нежно обнял меня и прошёл в покои Раданды, уводя с собой брата-распорядителя.

Я вышел одной из новых, в самое последнее время узнанных мною, скрытно вьющихся в зелени тропинок из покоев Раданды, чтобы провести в полном уединении предоставленные мне часы отдыха. Мой друг Эта, зорко караулившийвсе мои

выходы из трапезной, наверное, не согласился бы оставить меня одного, считая, что он и так предоставляет мне слишком много свободы.

Сначала я шёл этими уединёнными тропами, не задаваясь определённой целью. Но чем дальше я отходил, чем дальше отодвигались привычные звуки обиходной жизни, тем легче мне дышалось и тем яснее я сознавал своё слияние с природой.

Постепенно углубляясь, я зашёл в заросли вереска и терновника, миновал часовню плачущих и стал искать исполинскую аллею тополей, приводящую к часовне Радости.

Проблуждав некоторое время, я всё же её нашёл и вышел к тёмным кедрам, опоясывавшим белую часовню. Как недавно я здесь был и видел отчётливо это чудо искусства, поданное Самой Жизнью этому избранному Ею куску пустыни. И казалось мне, что я видел *всю* красоту часовни и *всю* божественную гармонию статуи. Но в эту минуту я понял, что очи духа моего раскрылись шире и физические глаза увидели то, что ещё так недавно оставалось мне незримым.

Вся статуя, бело-розовая, испускала целые тучи мелких золотых шариков, распылявшихся по всем направлениям и убегавших точно искры во все окружавшие часовню предметы. Я видел, как мощные кедры поглощали эти шарики, как они исчезали в цветах и пролетавших мимо птицах, как они напитывали землю и корни растений. Углубившись взглядом в землю, я увидел, как под землёй, из-под часовни, пылая, неслись огромные огненные ручьи, разливаясь по всем направлениям Общины Раданды.

Явление подземного огня, которое я наблюдал и под часовней Радости в оазисе матери Анны, но во много, много раз сильнее, ярче и больше, я видел здесь. Я был поражён этим зрелищем и тем, что *мог* не видеть его раньше.

Я остановился у лестницы, и вся сила моего внимания сосредоточилась на Божественной фигуре Великой Матери. Я благословлял человека — творца-ваятеля, чьи руки были так чисты, что могли отразить черты, Откровением посланные Земле.

Окружающее перестало существовать для меня, как Земля, отделённая от всей вселенной. Все скорби и слёзы, все унижения и печали, радости и личные достижения — всё исчезло как мир *одной* земли, как формы, живущие одно *короткое* мгновение земного воплощения.

Я видел в себе и во всём только *одну тропу Бесконечного*. Никогда ещё так ясно не сознавал я монолитности Жизни, кажущейся такой раздробленной в миллионах одухотворённых и неодухотворённых форм.

Я поднялся в часовню и приник к стопам Великой Матери. Я молил Её благословить мой новый труд и путь самостоятельности, я жаждал развить — в меру моих сил и возможностей — *всю* мою верность до конца. Я услышал голос:

«Сказано тебе — только радостный видит *ясно и может действовать в полную меру вещей*.

Из всех наставлений помни глубже всех одно: кто хочет до *конца* своей верности служить Единой Жизни, тот ни на минуту не может выйти из кольца радости.

Каждое дыхание того, кто идёт в мир для Сотрудничества с Единым, должно быть чистой радостью и наполнять всё окружающее бодрой энергией.

Нет иного завета светлому сыну, как *завет неомрачаемой радости*.

Эпохи войн, упадка этики и нарушения устойчивого равновесия в людях, уродливого разложения честности и чести — ничто не может нарушить радостности тех, кто вышел *не на бой с пороками братьев-людей, но вышел гонцом Любви, неся Её завет мира*.

Радость не звенит, как золотая деньга, и не блестит, как лучи серебра. *Радость бьёт грешника, заставляет задумываться злодея и окрыляет чистого*, если её несёт сын Света, верный до конца».

Голос умолк, но в руке моей очутился цветок Великой Матери, точь-в-точь такой, какой дала Она мне в моё первое посещение часовни.

Если в тот первый раз я весь был объят огнём восторга и сознавал себя физически слабым и даже еле живым, то сейчас сердце моё было полно мужества. Я торжественно брал на себя дивное обязательство *быть гонцом Радости*. Я впервые почувствовал в сердце великое счастье *всем существом любить Бога и все Его формы Жизни*.

Простая доброта слилась во мне с уверенностью, что больше мне не надо «думать» о том, что я всегда *не* один, что всегда нас двое: *мой Господь и я*. Я сознавал себя неразрывно в *Н*ём и Его в себе и только так мог теперь воспринимать всю вселенную и свой труд простого серого дня в ней.

Мой новый путь, предстоящие в нём труды и скорая разлука с Боголюдьми, как Раданда и И., — всё было для меня только тропой Бесконечного, и мысли о себе уже не только не тревожили, но и не существовали.

Во мне не было больше перерывов сознания, что работа Учителя — работа, *проводящая* те или иные силы Откровения, а какое-то дело летящего сейчас — только простой умственный или физический труд, не идущий дальше обихода земли. Я не мог больше иметь ни скользящих встреч, ни пустых мелких дел — всё, что я думал, видел, делал, — всё становилось теперь делом не одного меня, во всём было действующих двое: *мой Господь и я*.

Как когда-то в моменты высокой духовности, я испытывал особенную тишину в сердце, особенное спокойствие, так и сейчас я не ощущал границ своего тела и песка пустыни. Я твёрдо знал, как далеко идут лучи Света, как они сопровождают каждого в его трудах и делах, если эти труды и дела ведут *двое: человек и его Бог*.

Мне послышалось вдалеке, в пустыне, пение, и я узнал неземные, похожие на звуки хрустальных колокольчиков, голоса Владык мощи. Я узнал Гимн, который они пели, и понял, что они посылают мне благословение в мой новый путь.

Сосредоточившись глубже, я увидел всех семерых Владык мощи стоявшими у подножия своей лаборатории стихий и посылающими мне благословение. Я вспомнил последние слова Владыки-Главы, с которыми он отпускал меня в мир, о том, что в физическом теле я возвращусь к ним ещё раз и не скоро, но что видеть лично его, Владыку-Главу, и моего доброго Владыку-Учителя я буду не раз.

Теперь я видел их всех, принял их прощальное напутствие и понял, что буду и ими поддержан во все величайшие минуты напряжения, труда и борьбы, если только руки мои будут достаточно чисты и дух мой будет жить неразрывно слитым с Единым во мне.

Ничем не нарушаемая вокруг тишина, торжественный покой и радость внутри меня — всё создавало такую гармонию, такое счастье жить, что я не заметил, как спустились короткие сумерки пустыни. Новая энергия жить в понимании себя послом Светлого Братства лилась из меня целыми струями радости, и вместе с тем я чувствовал, как тело моё поглощает золотые искры Великой Матери, становясь всё крепче и бодрее.

Я приник в прощальном лобзании к Божественным рукам и давал обет нести энергию Света и помнить, что в труде среди людей *каждое* моё дыхание должно быть *выдохом только радости и мира*. Я погрузился в глубочайшее счастье, имени которому нет на человеческом языке...

Меня вернули на землю слова И., взявшего меня за руку:

— Сын мой. Много раз в жизни ученика чередуются периоды труда и отдыха. Но отдых ученика не похож на отдых обычного человека. Отдых его — это тоже труд, и очень напряжённый труд, всё для той же цели: блага людей. Отдых ученика — отдых-труд, это и есть повышение своих духовных сил, и следствием, отсюда вытекающим, идёт повышение в знаниях тайн природы. Перед тобой лежит новое широкое поле труда, в котором ты будешь победителем, ибо ты вошёл в ту ступень духовного сознания, где ты и твой Господь действуете вместе. С момента *такого* духовного прозрения уже нет для человека ни условностей земли, ни обособленного мира неба — для него есть *тропы Вечности* в земном непрестанном движении. Только с этого момента раскрывается *вся* сила чести в человеке, и он идёт по земле мудрецом, хотя бы грамотность его была в зачатке. Рамки условностей человеческих исчезают, *живёт* дух человека освобождённый. Все встречи, раньше тягостные, будут тебе теперь легки, так как и рамки людей будут разрушаться перед могуществом гармонии твоего существа. И каждый, независимо от личного желания, будет обнажать во встрече с тобой всё лучшее, на что способен. Иди, мой сын, помни, что главнейшая задача твоего служения — быть писателем. Это *твой* путь — вызывать и творчеством мысли утверждать в людях *их* лучшие силы. Как бы многочисленны ни были сейчас твои обязанности, дела и встречи, писать начинай теперь же, пользуясь каждой свободной минутой, какую сумеешь вырвать. Никакая суета земли и эманации несносных и неспокойных толп людей не могут разбивать трудов тех, кто несёт в себе Живую Вечность. И. обнял меня, и мы вместе вышли из часовни, когда тьма уже окончательно спустилась. Не успели мы выйти из аллеи гигантских тополей, как раздался удар колокола к вечерней трапезе, к которой мы едва поспели.

На этот раз трапезная имела необычный для Общины Раданды вид и поразила меня парадностью. Всё и вся в ней, и всегда сверкавшее исключительной чистотой, на этот раз казалось просто сиявшим белоснежностью. Столы были покрыты тонкими, блестящими, с прекрасным рисунком скатертями. В очаровательных горшках и вазах стояли цветы и фрукты. Перед моим и И. местами стояли тончайшей работы приборы из слоновой кости и серебра и такие же кубки.

Я восхищался красотой убранства, такого необычайного в скромном, почти суровом быту Общины, и не мог себе объяснить, что было причиной такой парадности, которая больше подходила торжественному пиру, чем простой трапезе общинников.

По приглашению Раданды все заняли свои места, и трапеза пошла своим порядком, с той только разницей, что блюд было больше, в кувшинах вместо молока стояло в изобилии вино и кушанья соответствовали убранству столов.

Да, это был пир. Прощальный пир, который давала Община своему высокому гостю И.

— В последний раз сегодня мы видим среди нас нашего любимого друга, нашего вождя и покровителя, Учителя И., — сказал, поднявшись, Раданда. — Много раз бывал у нас Учитель, много раз уезжал он от нас, но никогда ещё ни его присутствие, ни его отъезд не были связаны и с таким счастьем, и с такими переменами в Общине, как в это его пребывание. Если вы поглядите друг на друга, окинете взглядом все столы, вы почти не найдёте здесь, в таком парадном сегодня зале, тех лиц, которые были сотрапезниками Учителя И. в первые дни его приезда к нам. Сменилось не одно и не два поколения за этот период его пребывания с нами. Сменился целый поток людей, потому что в одних радостно пробудились, в других утвердились их лучшие силы. Не думайте, что это великое событие массового обновления душ произошло только по причине пребывания с нами Великого Учителя. Нет, готовы люди — готово им и свидание с Учителем. Но бурный рост готовых к обновлению людей, конечно, произошёл от непосредственного вращения их в сфере чистоты и мощи духа Учителя. Сегодня мы даём прощальный пир нашему другу и его спутнику. Мы украсили этот зал всем самым драгоценным, что имели в своих запасах. Нам хотелось, чтобы его внешнее сияние и сияние наших благодарных сердец сливались в общую гармонию красоты с сиянием лучей Учителя... Благодарим тебя, Учитель, — обратился Раданда к И., — за всё то, что ты для нас сделал. Уста мои, выражающие чувства признательности, любви и благоговения всех здесь присутствующих, не могут выразить словами всей радости сердца за счастье встретить и знать тебя, Учитель, за твою доброту к нам. Немало раз помогал ты нам своими наставлениями. Не оставь нас теперь без прощального слова, теперь, когда мы знаем, что надолго расстаёмся с тобой, — закончил Раданда свою речь, кланяясь И. глубоким, почтительным поклоном.

Ответив на поклон настоятеля, И. повернулся к сидевшей в полной тишине толпе людей, и голос его полился какими-то каскадами утешения и мира.

«Прощаясь с вами, я прежде всего хочу напомнить вам ещё раз о том, что *нет разлуки для духовно зрелых людей*. Как бы далеко физически вы не чувствовали себя от меня, вы всегда живёте и будете жить в моей памяти, в моей деятельности любви.

Кто однажды встретил Учителя и вошёл в единение с ним, тот не может быть им забыт никогда, ибо такова сила любви сердца Учителя. Она вмещает в себя всё живое, сумевшее однажды привлечь его внимание до ступени взаимного труда.

Но то — сила сердца Учителя, поддерживающего связь с людьми. Может ли держаться крепкая *взаимная* связь на одностороннем рычаге? Нет, конечно. *Связь* ученика и Учителя, как и всё во вселенной, может утверждаться только на *гармонии*. Только на законе *причин и следствий*, то есть на двустороннем рычаге. И как бы сильна ни была любовь односторонняя Учителя, она не может притягивать к себе мёртвые, не звучащие любовью сердца.

Вы можете “говорить” сколько угодно слов о своей преданности и верности Учителю, о своей абсолютно чистой жажде следовать за ним, о своей верности служения ему. Но не на “словах” *живёт* связь ученика и Учителя, *а на действии*.

Там, где *формально принимается* всё, а в действиях быта идёт сумятица, неряшество, ссоры или недовольство людьми, требовательность к ним, там бесполезно говорить об ученичестве. Мало того, вечные ссылки на “Учителя” отвратительны и даже оскорбительны в устах этих людей.

Я не раз вам говорил о дивных словах Евангелия: “Если не любишь ближнего своего, которого видишь, как можешь любить Бога, которого не видишь?” в этих словах — вся мудрость *деятельности* земли: *быть и становиться*. В действии каждого серого дня проносить чашу доброты *для* земли, *для* человека. Такое действие идёт во имя высшего, но идёт *по земле, для земли, а не над нею и именно в данных каждому его обстоятельствах*. “Свои” обстоятельства у каждого. Но это не значит, что надо их принять *как нагрузку*, не бороться, не побеждать их ежечасно, *любя*.

Все люди — мала ли, высока ли их духовная культура, здоровы ли они, больны ли, молоды или стары — имеют в сердце силу, называющуюся: *благодарность*.

При общении со своими ближними *эта* сила — *главный очистительный фонтан* духа, главный *двигатель* к совершенству. Она есть один из аспектов Любви.

Если человек не развился в своих духовных силах настолько, чтобы сердце его стало похоже на электрический фонарик, бросающий сноп лучей в *сердце встречного*, то он может стать на путь такого развития Жизни в своём сердце *через* чувство *благодарности*. Благодарности тем, кто выразил *ему* малейшую заботу, внимание, доброту или маленькую ласку.

Вот из *этого* чувства благодарности, *пролитой людям на* Земле, куётся второе плечо рычага, идущего к сердцу Учителя.

Последнее дело для человека, называющего себя последователем Христа, мнящего себя учеником Учителя, если дары, заботы, помощь или снисходительность к себе людей он начинает принимать как получаемые им «по праву справедливости» за его заслуги в прошлом.

Если человек стал на эти рельсы, считая, что ему возвращается затраченная им энергия и деньги, — он не что иное, как плохой коммерсант, просадивший своё состояние, не умея учесть прибылей, наград и убытков. Такой коммерсант, ожидающий, что “небо” в лице встретившихся ему добрых людей *вознаграждает* его за его же ошибки спекуляции, не может ожидать ответа Учителя на свои мольбы, ибо сердце его полно гордости и само-, а не *человеколюбия*. В его сердце нет полного бескорыстия, не только преданности и верности заветам Учителя.

Благодарность в сердце человека — признак его *жизненности*. Если *нет* в сердце благодарности — мёртв человек не менее, чем когда в сердце его нет радостности.

Весь ход *развития* духа человека идёт из этого живительного источника сил — благодарности. *Она* куёт у людей малоразвитых, малокультурных рельсы, по которым едут ввысь все черты характера человека. Людей же духовно развитых *она* приводит к встрече с Учителем, к сотрудничеству с ним.

Поймите же, что *не* Учителю, *не* Богу, *не* вашему встречному нужна ваша благодарность, а только *вам*. Ибо она есть *первая* сила истинного возрождения, *настоящего смирения*, настоящего мира в сердце, то есть полного понимания *своего* места во вселенной.

Прощаясь с нами на этот раз в обстановке торжественного пира, в красоте блещущих вокруг нас предметов, вспомните, что всё, всё, на что бы ни упал ваш взор, — всё сделано руками ваших сестёр и братьев, сердца которых были переполнены благодарностью. И плодами этой благодарности пользуетесь вы, никогда их не видевшие и, может быть, никогда их не встречавшие...

Перестаньте так часто говорить слово “карма”. У вас создалась привычка всё сваливать на это маленькое слово. Попали ли вы в тяжёлую земную жизнь благодаря *собственной инертности* или однобокой, как флюс, энергии — карма виновата. Не сумели вы устроить своей личной жизни в доброте и мире — карму за хвост, в виде спасительного змея. Не смогли *вы* создать себе радостного окружения, по причине, конечно, собственной разбросанности и несобранности в Едином, — снова карма. Не вышли вы в большие люди — ещё раз карма и т.д., и т.д.

В результате полное разочарование в текущей жизни (виновато окружение), выросло в сердце уныние и... или вы здесь, спасённые от худшего из преступлений — самоубийства, или вы погубили воплощение, кончив им, или вы в раздражении и зависти сковали себе пути ко злу.

Тот, кто часто повторяет слово “карма” и продолжает жить всё таким же, каким жил год назад, вчера, сегодня, завтра, не ища *в себе* обновляющих сил доброты и радости, — тот совершенно такой же мертвец среди живых, как тот, кто постоянно думает о смерти и боится её.

Боящийся смерти носит её в себе и не может быть свободным в своих *действиях* ни на минуту. Он засорил свои глаза, глаза духа, плачет и ужасается страшного момента изменения формы жизни, не понимая, что *новую* форму *он* куёт себе *сам только одними действиями в сером дне*...

Примите от нас — меня и моего секретаря, — в честь которых вы даёте этот прощальный пир, большую признательность за ваше внимание. Не стройте же себе иллюзий, *как* надо достигать единения с Учителем. *Отдавайте* силу благодарности вашим встречным, если не можете ещё выразить иначе своей любви им. И на этой благодарности *к людям* будет вырастать и крепнуть ваш мост единения с Учителем».

Когда настало время выходить из трапезной, каждого из сотрапезников И. благословил, каждого обнял и каждому сказал несколько утешающих слов. Очевидно, слова Учителя глубоко проникли в сердца обнимаемых им людей, так как лица их сверкали радостью даже в тех случаях, когда они приближались взволнованными и огорчёнными.

Когда вышел последний человек из трапезной, Раданда, указывая на вымытые и вновь поставленные на стол наши приборы из слоновой кости, сказал:

— Не откажи, Учитель, разреши твоему секретарю принять от меня это чудо искусства древнего мастера. Пусть он имеет эти приборы, небьющиеся и удобно укладываемые в кожаный футляр, всегда при себе и как память обо мне, и как вещь тонкой художественности. Глядя на них, пусть он помнит, что *ему* уже *обязательна*

жизнь во всякой красоте. И если кому-то достаточно *одной* духовной красоты, то ему её мало. Путь земли для *него* может быть только единением с людьми в красоте.

Приняв улыбку и утвердительный наклон головы И. за разрешение, Раданда обратился ко мне:

— Мой милый сын, введённый мною в часовню Радости. Прими эти два бесценных прибора как мой привет тебе и каждому, кому ты предложишь на них хотя бы кусок хлеба. Если будут дни, когда ты будешь садиться за стол один, ставь второй прибор для того, кто войдёт к тебе невзначай, и предложи ему разделить твою трапезу. Если будет такое время, когда ты будешь окружён большим числом чад и домочадцев, ставь его всегда рядом с собой для нежданного гостя и привечай его во имя моё, кто бы он ни был. Будь благословен. Зайди ко мне. Мне надо тебе ещё немало вещей передать по поручению Владык мощи.

Я поклонился И. и последовал за Радандой в его покои. О моей беседе со старцем я тоже ещё не получил указаний рассказать кому-либо. Она длилась всю ночь. На рассвете зашёл И. Раданда уже закончил всё, что имел мне передать, и мы все трое вскоре были снова в трапезной, но уже за утренней едой.

За нашим столом я нашёл на этот раз Мулгу, Славу и ещё многих братьев и сестёр, имён которых я не знал и которых, как я понял, И. собрал вчера и увозил их с собой.

Не успела окончиться трапеза, как вошёл брат-распорядитель и объявил, что животные уже готовы и можно отправляться в путь. И. дал ему подробный список отъезжающих с нашим караваном и послал Мулгу, Славу и ещё нескольких братьев помогать снаряжать караван.

В обществе Раданды мы прошли в наш домик, где, к моему удивлению, всё было уже сложено и упаковано к предстоящему пути. Мне не надо было спрашивать, чтобы понять, что мои обязанности выполнили дивные руки моего Учителя, пока я учился у Раданды.

— Не укоряй себя, Лёвушка, в том, что ты заранее не уложил вещей. Ты ведь не мог знать, что до последней минуты будешь занят иными делами, — ответил И. на мой взгляд. Прощай, отец Раданда. Ещё не одна нам с тобой суждена встреча. Я благодарен тебе за всю помощь, что ты оказывал мне всегда, а особенной благодарностью горит моё сердце за помощь твою в этот раз.

Нежная улыбка Раданды была единственным ответом его И., но повернувшись ко мне, он сказал:

— Вот он, Лёвушка, *живой* пример истинного смирения. Тебе без слов понятно, кто и кого должен благодарить. Иди же, сын мой, по стопам Учителя, и свершится путь твой, как Жизнь его тебе начертала, как Светлое Братство тебе его раскрыло.

Раданда обнял нас обоих и вышел вместе с нами к воротам, где уже грузился и выстраивался караван. И тут мне суждено было немало изумиться, так как главным распорядителем отправлявшегося каравана был всё тот же, из-под земли являвшийся в последнюю минуту, мой дорогой Ясса.

Я не имел времени спросить его, как и когда он явился, только издали мы поприветствовали друг друга радостным жестом, так как И. приказал мне немедленно

одеваться в платье для путешествия, сказав, что я поеду рядом с ним во главе каравана.

Постаравшись как можно скорее переодеться, я всё же вышел к каравану после И., который уже садился на мехари. В последний раз приникнув к маленькой, сухонькой ручке Раданды, я вскочил на мехари, так как научился теперь не ставить на колени верблюда, и пустился догонять уже тронувшегося в путь И.

Итак, завершился ещё один этап, великий этап моей жизни. Кончалась жизнь среди дивной гармонии высоких сердец и начиналась новая жизнь труда среди людей.

Первые существа, для которых я должен был пуститься в дальнее плавание, назывались Дженни, Анна, Жанна.

Я благословил их и вспомнил последние слова, услышанные мною в часовне Великой Матери: «Радость не звенит, как золотая деньга, не блестит, как лучи серебра. Радость бьёт грешника, заставляет задумываться злодея и окрыляет чистого, если её несёт сын Света, верный до конца».

Мысленно приник я к Божественным рукам, подавшим мне в прощальное посещение дивный цветок, прижал его к сердцу и прошептал:

— Мой Господь и я, — и присоединился к И.

Конец третьей части

Глава 1

Путешествие по морю лорда Бенедикта и его спутников на пароходе капитана Ретедли. Новые знакомства обитателей Лондонского особняка с пассажирами первого класса. Размышления Алисы и её разговор с лордом Бенедиктом о встречах. Разумов и беседы лорда Бенедикта с его группой. Алиса читает тетрадь Венецианца

Корабль Ретедли благополучно доставил всех людей и грузы в Нью-Йорк, хотя условия плавания были трудными и многие из пассажиров переболели морской болезнью. Лиза и Алиса чувствовали себя прекрасно во время путешествия. Они проводили немало времени на капитанском мостике в часы дежурства самого капитана, где он, шутя, обучал их искусству кораблевождения.

Благодаря заботам лорда Бенедикта и капитана вся часть корабля, предназначенная пассажирам первого класса, была в распоряжении самого лорда, его друзей и их многочисленной свиты. К удивлению Алисы и Лизы — самых здоровых, самых подвижных и любознательных из всех спутников лорда Бенедикта, — все каюты первого класса, многочисленные и рассчитанные на двух и трёх пассажиров, оказались занятыми людьми, не только знакомыми лорду Бенедикту, но и близкими ему и отправлявшимися вместе с ним строить новую Общину.

На второй же день путешествия лорд Бенедикт собрал всех здоровых пассажиров первого класса в музыкальном зале парохода, где — после небольшого концерта Лизы и Алисы — перезнакомил между собой всех присутствующих.

Всегдашнее обаяние лорда, его умение поставить всех на равную ногу с собой сделали и самое знакомство в первый раз в жизни встретившихся людей и последовавший за концертом ужин значительными и приятными. Каждый чувствовал себя гораздо увереннее от сознания, как во много раз увеличилось вдруг число его друзей на свете.

Обитатели особняка лорда Бенедикта привыкли к самой пёстрой толпе людей, сменявшихся вокруг него в его делах и встречах простых рабочих дней. За время жизни с ним все они принимали участие во многих его делах, выполняли его поручения и потому нисколько не были удивлены разношёрстной публикой, явившейся на приглашение лорда послушать музыку.

Но всё же и Алису, и Лизу, и даже самого капитана удивили несколько фигур в восточных одеждах, не говоривших ни на одном языке, кроме наречия своей страны. Понимать их могли только сам лорд Бенедикт, Николай, Наль, да с большим трудом — Генри, который, казалось, овладевал этим чужим языком впервые и не без труда.

Люди эти с наивными, чистыми лицами, загорелые, с загрубелыми руками, смотрели восторженно на лорда Бенедикта. Они точно молились, когда отвечали на

его вопросы, сопровождая ответ глубоким восточным поклоном, сложив руки у сердца.

Наль, чувствовавшая себя в этот день лучше, привлекала к себе, как магнит, всю восточную группу. С нею эти люди чувствовали себя легко и просто. Она переводила им слова песен Алисы, а также вопросы и ответы, когда с ними вступали в беседу соседи, не владевшие их речью.

Алисе казалось, что разница внешнего воспитания, манер и социального положения всех присутствующих людей совершенно стиралась от одушевлявшей их всех одной большой радости: жить и трудиться для счастья людей. Ей было странно — ей, пережившей так много бурь и невзгод в родной семье, не знавшей в своём доме ни одного дня мира, — видеть здесь целые семьи людей, крепко любивших друг друга, распространявших вокруг себя волны прочной, верной дружбы, глубокого мира и уважения друг к другу.

Никогда ещё Алиса не присутствовала в таком пёстром обществе. Здесь были и простые рабочие со своими жёнами и детьми в самых скромных и даже бедных одеждах, с манерами, соответствовавшими их туалетам. Были и горожане типа бедных швей и мелких торговцев. Были и студенты и мелкие клерки, а также и высокообразованные люди, блиставшие остроумием юмора, культура которых сквозила во всех их словах и манерах.

Но под всем этим внешним разнообразием Алиса легко читала общие свойства всех этих людей: их доброту и неподкупную честь. Радостность была общим признаком собранных лордом Бенедиктом людей.

Тихо сидела Алиса в уголке дивана, наблюдая окончивших ранний ужин путешественников. Люди разбились на группы, непринуждённо выбрав себе компанию, и занимались рассматриванием разбросанных на столах многочисленных журналов, иллюстрированных альбомов и снимков той страны, куда они ехали.

Девушка внимательно присматривалась к лицам своих спутников и старалась угадать, что заставило двинуться с насиженных мест всю эту толпу людей. Ей казалось, что главным стимулом этого передвижения были личные несчастья людей, заставившие их искать новое место жизни. Но сколько она ни всматривалась в лица, ни на одном из них она не находила выражения горя, разочарования или тоски. Огромная энергия лилась от большинства фигур. Иные были спокойны, но буквально все лица были веселы, радостны, мирны.

— Плохой же ты психолог, моя дорогая девочка, — услышала Алиса над собой смеющийся голос лорда Бенедикта, так любившего заставать её врасплох в её размышлениях. — Ты ищешь здесь людей, ещё живущих в когтях личного горя? Или ещё имеющих в душе несносное раздвоение? Люди, едущие для того, чтобы строить новые рельсы другим, могут быть только *освобождёнными* от давления своего собственного «я», — продолжал он, опускаясь рядом с нею на угловой диванчик. — И почему ты, всегда такая приветливая и умеющая быть центром общего внимания, забилась сегодня в угол и предоставляешь блистать Наль и Лизе? Не манит ли тебя море, к которому ты так тянешься весь день? Не хочется ли тебе покинуть людей, чтобы полюбоваться океаном и небом в ночной тьме? — улыбаясь продолжал лорд Бенедикт.

— Вы могли бы меня сконфузить, отец, если бы мысли мои действительно блуждали где-то вне этой комнаты, — отвечала Алиса. — Но то, что мне так сильно хотелось понять, то вы сразу же осветили мне вашими первыми словами. Конечно, здесь могут быть лишь закончившие свои личные драмы и дела люди. Сейчас я это поняла. Но меня так поражает... Как бы мне выразиться? — призадумалась Алиса. — Ну, я скажу смешно, но вы меня поймёте. Мне кажется, что все здесь собранные вами люди уже перешли стадию духовного развития, когда они думают о какой-либо привлекающей их идее. Когда у людей работает мысль и, повелевая, говорит им: «Единись со своими ближними в красоте и доброте, потому что это путь к Богу». Все ваши новые сотрудники кажутся мне единящимися друг с другом просто от избытка энергии любви в своём сердце. Точно каждому из них тесно в своей скорлупе, и он, помимо своего личного желания, выбрасывает луч любви своего сердца навстречу всему живому, что видят его глаза.

— Браво, Алиса, ты начинаешь говорить и наблюдать точно. Но чего ты недосмотрела в окружающих тебя людях, это большого круга радости, в котором двигается каждый из них. Знаешь ли ты, почему все присутствующие здесь так радостны? Потому что каждый из них страдал до смерти и *имел мужество* не согнуться и не разбиться в горе, но *закалить* в нём свою верность, свою цельность и преданность Свету. Каждый из видимых тобою здесь людей понял, что сила человека не в его гигантской или слабой воле, но в его *верности единственному* закону Жизни на земле: *Любви.* Любовь к человеку привела всех этих людей к встрече со мной, затем сюда, дальше поведёт их к новому строительству Общины и наконец приведёт их к Светлому Братству. Я подсел к тебе сейчас, чтобы с первых же шагов нового этапа твоей жизни разъяснить тебе некоторые вещи. Ты, как и Лиза, как и Наль с Николаем, как и Генри, не принадлежишь к тем, кто будет жить в Общине, хотя вы все будете принимать большое участие в её первом рождении. Тебе придётся жить не в уединении, а среди густых толп людей, в шумных городах. Ты будешь стоять крепким столпом мира и любви среди бурь и всевозможных страстных волнений людей. Ты будешь служить людям, подавая им Свет через искусство. Люди вокруг тебя будут самые разнообразные. Будут встречи великие, превращающие в одну минуту всю жизнь в рай. Будут встречи важные, утверждающие в человеке всё его лучшее. Будут встречи серые, где не пробудить живой совести сердца, и, наконец, будут люди, встречи с которыми тебе надо избегать. На твоём лице удивление. Тебе кажется: раз человек выразил своё желание тебя видеть, а тем паче сказать тебе, что он несчастен, для него запрета нет, он может прийти к тебе. Ему *нужно* утешение, нужен совет, ты же говоришь, что *хочешь* жить для счастья и радости людей, следовательно, когда бы, кто бы и откуда бы к тебе ни пришёл, дверь твоя ему открыта.

— Да, я так думаю, отец.

— Напрасно, дитя, ты так думаешь. Далеко *не так* должна ты себя держать, если идёшь *всей* своей верностью за Учителем, если таковым считаешь и называешь меня. Разве ты уже не имела случая на деле перенести всю тяжесть скорби *отказа* в свидании? Разве ты забыла, как бедная Дженни писала тебе — и многим из близких тебе — письма? Просила свидания? Посылала тебе самые жалостливые слова? Сердце твоё рвалось от горя за сестру, ты хотела всеми силами помочь ей, пойти на свидание, написать. И я сказал тебе: «Нет». Помни же, Алиса. Если ты хочешь *всею*

верностью сердца идти за Учителем, если хочешь *дойти* до великой, радостной, стоящей перед тобою цели: войти в сотрудники Светлого Братства, — далеко *не* все встречи тебе разрешены. Будут люди, жаждущие встречи с тобой, говорящие тебе о своей невинности и несчастии, ищущие твоего совета, на словах верящие в твою духовную высоту, — и всё же моё «*нет*» будет стоять перед тобою препятствием к встрече. Тебя будут поносить за твой отказ, обвинять в эгоизме и трусости, но *ты* будешь *знать,* что там было *моё «*нет». И напротив, будут встречи — внешне — для людей презренные. А я скажу: «Да». И ты примешь и благословишь встречу. И что бы ни говорили и в этом случае люди, сердце встречного встрепенётся, *оживёт, примет* луч чистой любви из твоего сердца в своё, и ты *утвердишь* в нём *Его* лучшие силы и пробудишь в нём Свет. Помни, друг, *этот* мой завет. Строй на нём всю дальнейшую жизнь и перед каждой встречей думай о моём «да» или моем «нет».

Лорд Бенедикт поднялся, предложил Алисе руку и подошёл с ней к довольно большой группе людей. В центре её стоял человек с альбомом в руках и рассказывал своим слушателям о свойствах почвы, растительности и особенностях климата Калифорнии.

Человек этот был похож на учёного. Внешность его, манеры и чистая английская речь, ясная и точная, изысканная, выдавали человека хорошо образованного и воспитанного. Одет он был очень опрятно, но просто, видимо, он мало придавал значения элегантности костюма. В момент, когда Алиса и лорд Бенедикт подошли к группе, учёный заканчивал свою беседу.

— Это русский, — тихо сказал Алисе лорд Бенедикт. — Он уже в третий раз совершает путешествие в Калифорнию. По моему заданию он отыскивал место для Общины вместе с другими моими друзьями. Он один из немногих едущих с нами знает точно место, куда мы едем, и все его особенности. Он знает также весь наш маршрут. Знает все законы и обычаи каждого из многочисленных штатов, через которые мы будем проезжать. Нам придётся пересечь поперёк всю страну. Я нарочно заказал огромное количество повозок с лошадьми, чтобы каждый из едущих мог познакомиться со всеми особенностями новой страны, куда он попал. Зовут этого русского Пётр Иванович Разумов. Но оставим пока эту группу, у них дела немало. Каждый день Разумов будет преподавать своим спутникам в форме рассказов всё, что им необходимо знать для первых месяцев жизни на новой родине. Вернёмся к тебе. Ты в свойственной тебе сфере в лёгкой форме концертов будешь развивать вкус и пополнять знания в музыке твоих будущих сотрудников по строительству Общины. Иногда одна, иногда с Лизой, иногда со мной; ты начнёшь с классиков и кончишь — уже обосновавшись в Калифорнии — современностью в музыке всех народов. Начинай с завтрашнего же дня. Составь себе конспект и подавай каждое произведение, объясняя его стиль и эпоху. Непонимающим будут переводить твои слова Николай, Наль и Генри. Загляни в самый большой чемодан в своей каюте. Я просил Сандру и Тендля собрать в него для тебя ноты и книжки, необходимые для начала твоих концертов. Так как Ананда просмотрел составленный ими список, то я не сомневаюсь, что в твоём чемодане окажется собранным всё лучшее, что существует в музыке и что тебе может понадобиться для твоих популярных лекций. Кроме того, ты видишь, как дети льнут к тебе и смотрят на тебя, точно ты сказочная принцесса. Пользуйся этой любовью, крепко завяжи здесь, на пароходе, свой пер-

вый узел дружбы с ними. Когда доедем до места, ты встанешь во главе музыкальной школы. Как мы будем обучать маленьких людей музыке, об этом я тебе скажу потом. Обучать мы будем всех детей, без всякой зависимости от музыкального дарования или отсутствия его. Но, конечно, метод преподавания, форма и способы его будут в самой тесной связи с одарённостью или отсутствием её в детях. Музыка — один из самых первых феноменов, пробуждающих чувство прекрасного в сердце человека. Поэтому знакомство с нею всего населения Общины составит одну из твоих главных задач в нашей новой жизни. Подробно я буду говорить с тобой и Лизой об этом ещё не раз. Иди сейчас, друг, к себе и приготовься к завтрашнему концерту. Я же вернусь к Разумову и помогу ему собрать вокруг себя всех пассажиров, а не одну группу.

С этими словами Венецианец довёл Алису до коридора, ведущего в её каюту, и возвратился к упомянутой группе. Как и следовало ожидать, стоило только лорду Бенедикту присесть у группы Разумова, как все головы поднялись и все глаза благоговейно устремились на его опустившуюся в кресло величественную фигуру. Убедившись, что лорд Бенедикт внимательно слушает слова учёного и что подле него нет никого, с кем бы он вёл интимную беседу, люди перестали бояться потревожить его своей неделикатностью и со всех сторон потянулись к нему. В глазах каждого читалась просьба разрешить присоединиться к группе, на что лорд Бенедикт ласково улыбался и приглашал жестом придвинуть ближе к нему своё кресло.

Разумов, закончив объяснения особенностей почвы и климата, повернулся к лорду Бенедикту, говоря:

— Как вы были правы, Учитель, приказав нам составить маршрут через самую широкую часть страны. Мои слушатели так поражены необычайностью природы и совсем неслыханными особенностями климата и почвы. Я только сейчас понимаю свою ошибку. Ведь и я, как другие, спорил с вами и пытался доказать бесполезность затрачиваемого времени на путешествие на лошадях по множеству штатов. Теперь я вижу, как знакомство со страной и её обычаями необходимо всем едущим.

— Не только знакомство с природой и обычаями народа необходимо всем нам. Больше всего нам необходимо понять, принять и благословить жизнь незнакомого нам народа, который станет нашим народом, народом нашей новой родины, как мы приняли и благословили жизнь всех тех народов, среди которых каждый из нас до сих пор жил. Нам необходимо в длительном путешествии, где бы мы могли видеть людей и природу не из окон вагонов, ещё и ещё раз отдать себе отчёт, *что* мы собираемся делать. Мы не собираемся строить нечто обособленное, никому кроме нас не нужное. Мы не собираемся клеймить грешников и выставлять на вид свои добродетели. Мы хотим раскрыть, раскрыть *через* свою Общину, *новые* ворота людям, ворота единения в простой доброте. Когда мы будем проезжать по населённым пунктам, ищите всякой возможности знакомиться с людьми, но в каждой вашей встрече общайтесь не с личностью человека, не с рамками из комплекса бросающихся в глаза тех или иных условных качеств соприкасайтесь, а подавайте каждому, смело и решительно, цветок *вашей доброты.* Кладите его под ноги встречному, если он не приемлет его иначе. Есть ли для вас встречи запретные во время нашего путешествия? Нет, все ваши встречи, каковы бы они ни были, хороши и необходимы. Вы слышали, что для некоторых людей не только *не все* встречи разрешены, но

многие даже запретны. Вам же не только все встречи разрешены, но, как я сказал, необходимы. Никогда не смущайтесь тем, что другому что-то дано или запрещено в его пути. Не равняйтесь по пути другого и не любопытствуйте к чужому духовному пути. Строить место единения с людьми в любви и красоте можно всюду. И для этого нужны только два условия: чистое, неуязвимое для страстей *собственное* сердце и воля *вылить* из этого сердца творческий порыв любви во встречное сердце. Но есть люди, несущие в себе не только чистое сердце и творческий порыв, но имеющие ещё *задачу* Светлого Братства, взятую ими под большую собственную и своих ближайших Учителей *ответственность.* Эти люди идут всегда в законе твёрдого и неукоснительного послушания, и *их* встречи строго ограничены и проверены. Вы люди — ученики первого типа. Вы — пути *везде* и *всюду* первой необходимости строительства. Вы духовные фонари, освещающие тьму жизни и разбивающие её вульгарность. Через вас, как через фильтр из пористых губок, очищает Светлое Братство массе людей дорогу к пониманию более высоких нравственных проблем. Вы действием серого дня должны пробуждать в людях желание жить выше, чем они живут сейчас. И вся ваша задача — *продвинуть* в понимание людей, что такие силы, как честь и честность, доброта и сострадание, суть вовсе *не* качества самого человека, но *аспекты* того Бога, что он носит в себе. Вам на примере простого дня надо привести людей к пониманию, что никакое *внешнее* счастие и благополучие не может быть достигнуто на *мёртвом внутреннем* механизме, где сердце и мысль руководятся «выбором» *лично* себе приятных дел, нисколько не считаясь, будут ли эти дела вредны или благоприятны, безразличны или полезны, злы или радостны для окружающих. Не мудрствуйте. Не задавайтесь какими-то особенными, высоконадуманными небесными задачами. Поймите ясно, что всё, что *может* человек сделать полезного и высокого для окружающих его, он делает *легко и просто*. Легко и просто по *его* масштабам, то есть ценным для людей будет *всякое* дело человека, где пролилась его *большая сила,* но не то, где пролились его «большие усилия». Примите от меня сегодня мои слова не как наставление, не как формальный рецепт: «Как внести в вульгарную жизнь людей Свет», но как привет моего сердца всем вам, привет уважения силе каждого из вас. Я вижу доброту и радостность. Я понимаю ваши желание и нетерпение поскорей приложить на деле все порывы вашей любви. Примите и мою любовь как силу радости слиться с вами в один общий костёр энергии, куда Свет Единого льётся неустанно и неудержимо, *если* вы помните, *что* такое ваш серый день, *где* он начинается и кончается.

Поговорив ещё некоторое время с отдельными лицами, лорд Бенедикт разбил всех своих слушателей на десятки, поставив во главе каждого десятка старшину из самых опытных, образованных и духовно продвинутых людей. Затем он лично отвёл их в обширную библиотеку корабля, над закупкой книг для которой немало хлопотали Сандра и лорд Амедей. Здесь Венецианец познакомил только что выбранных старшин с двумя схожими как близнецы очаровательными девушками, заведовавшими библиотекой. Одна из них была совершенно седая, другая — темноволосая.

— Лалия и Нина, — обратился он к девушкам. — Я просил вас помочь мне довезти на пароходе груз книг для будущей Общины. Вы же превысили мои желания и из части книг устроили временную библиотеку. Спасибо вам за усердие. Как видите, ваша любовь привлекла к вам в эту минуту немало читателей, которых вам и пред-

ставляю. Вы же, дорогие мои читатели, можете не только здесь читать всё, что хотите, но и брать те из книг, что вам особенно полюбятся, с собой в каюты. Даже окончив морское путешествие, вы можете не сдавать обратно книги, записанные за вами библиотекаршами. Девушки едут только как мои помощницы на море. Они возвратятся с капитаном Ретедли обратно. Книги же поедут с нами дальше, как и запись их за вами. Если среди вас есть любящие библиотечное дело, вы можете немедленно его изучить у моих опытных помощниц, Лалии и Нины.

Сейчас же нашлось с десяток человек, пожелавших посвятить себя устройству будущих библиотек в Общине.

Оставив всех приведённых им людей в библиотеке, лорд Бенедикт послал Разумова к Николаю и Генри, прося передать им, что через четверть часа он начнёт обход кают первого класса вместе с ними. Оба, Генри и Николай, должны быть со своими аптечками в музыкальном зале, сам же Разумов должен прийти в каюту Венецианца, где возьмёт личную аптечку Учителя, и во время всего обхода будет держаться в непосредственной близости от него.

Так шла «плавучая» жизнь людей, посвятивших свои дни служению ближним. Не мёртвая идея «в будущем помогать» наполняла сердца ехавших, но каждая минута текущего «сейчас» была энергией труда, не теряясь в пустоте.

Разумов, не раз имевший более или менее длительные свидания с Учителем, но никогда не живший подле него, не мог себе даже представить жизнь «быта» рядом с Учителем. Он был потрясён и очарован его простотой, его неиссякаемой энергией, а главное, лёгкостью, с которой делал всё тот, кого сейчас окружающие знали как лорда Бенедикта, но кого он давно имел счастье знать как Венецианца.

Оторванный от изучения своих восточных наречий, которые в первый раз в жизни давались ему с таким трудом, Генри был восхищён переданным ему Разумовым приказанием Венецианца дожидаться его в музыкальном зале.

Не потому Генри радовался, что был ленив и так трудно плавал по массе восточных книг, данных ему Николаем, но потому, что Великая рука, как до сих пор ещё называла леди Цецилия Венецианца в интимных беседах с сыном, сейчас составлял центр всех его мыслей, всей его духовной жизни.

Любовь Генри к Ананде, как сам он себе говорил, составляла нечто большее, чем он сам, чем вся его деятельность и даже вся его земная жизнь. Анандою начиналось его утро. Анандою двигались его мысли и тело днём. Ананда завершал прожитый день. К нему нёс Генри всю свою энергию и радость жить. Но... быть подле Ананды, его помощником и другом, Генри чувствовал, что ещё не может. Он молился на Ананду и вместе с тем всё чего-то от него хотел. Где-то в глубине сердца жила затаившаяся требовательность к Ананде, жажда быть для него первым и единственным. Как сам Генри носил Ананду в сердце единственным, так желал он быть единственно любимым своим высоким другом.

Подле лорда Бенедикта Генри точно исчезал, таял и терял всякое ощущение своей личности. Величие этого человека так подавляло его, что он точно совсем переставал существовать как некое «я» и жил только радостью видеть этого гиганта духа, участвовать в его труде и присутствовать при его общении с людьми.

Генри сам поражался, как легко ему становилось жить подле Венецианца. Он не мог разгадать, почему ему так свободно дышится? Так легко вертятся в голове мысли?

Почему он видит весь мир, а не одного себя и Ананду, как только он находится подле своего нового Учителя? И почему весь мир кажется ему сплошной радостью и бурным счастьем жить, если рядом с ним лорд Бенедикт?

Генри сознавал, что не качества Учителя проникают в него, но что в нём самом начинает пробуждаться и действовать какая-то новая сила, как только он входит в общение и сотрудничество с Венецианцем.

Быстро сложив все свои книги, накинув свой докторский халат и взяв аптечку, Генри заглянул в смежную с ним каюту матери. Поцеловав на ходу её прелестную ручку, хитро улыбнувшись, Генри сказал:

— Иду к самому. Велел ждать с аптечкой у музыкального зала. Наконец-то я буду доктор, а не восточный толмач.

— Ах, Генри, Генри, — смеялась леди Цецилия. — Тебя положительно испортило общество Сандры. Ты понабрался от него остроумия и постоянного желания смеяться.

— Испортило, мать? Хотел бы я, чтобы всю жизнь меня так всё портило. Но до свидания. А то, пожалуй, сыновняя любовь испортит мои отношения с твоей Великой рукой. Ты ведь знаешь, как он во всём точен, — и, не дожидаясь дальнейшей реплики матери, Генри побежал в музыкальный зал.

Ещё издали он увидел рослую фигуру красавца Николая, стоявшего у дверей зала. Не так давно Генри стал отдавать себе отчёт, как красив и строен Николай. И ещё меньшей давности было убеждение Генри в огромной духовной высоте Николая. Как это ни было странно, но этого красавца никто и нигде не видал на первом месте. Он не играл, казалось, никакой выдающейся роли ни в особняке лорда Бенедикта, ни в деревне, ни здесь, на пароходе. А между тем Генри хорошо помнил, что лично ему во все его трудные или смутные минуты всегда с необычайным тактом приходил на помощь Николай. Он видел, как и всех других в периоды их разлада поддерживал всё тот же Николай.

Почему и сам он, Генри, и все вокруг утихали, примирялись и находили выход из своих печалей и бунта в присутствии этого человека? В чём его сила? Ведь он не Учитель, а ученик, как и все остальные. Живёт он с женой, быт его самый обычный. И ничего чудесного, ничего поражающего, как, например, взгляд И. или Ананды, которые так и прикуют тебя на месте, в Николае нет. И даже то, что он красавец, красавец в полном смысле слова, точно римский гладиатор или русский богатырь, даже и это не бросается в глаза, а точно «так и быть должно», как часто говаривала леди Цецилия.

Завидев издали Николая, точно стоящего на часах воина, Генри побежал быстрее. Молодость, сила и упругий бег придали ему ещё больше весёлости, ощущение новой любви вдруг наполнило его сердце, и, мальчишески смеясь, серьёзный Генри неожиданно бросился на шею Николаю.

— Знаете ли, сэр Николай, какое удивительное открытие сделал я не так давно? Вы настоящий красавец, хотя немножко и великоваты. А кроме того, в вас такая масса очарования, что, если бы я был дамой, ежедневно бы посылал вам букет в полтонны весом.

— Ваше открытие, милый Генри, относительно моей красоты, а кстати и великоватости уже давно сделано Наль и Алисой. Но вот у меня есть одно открытие отно-

сительно вас, которого, пожалуй, вы сами в себе не успели ещё заметить, вот это так действительно открытие серьёзное, — отвечая ласковой улыбкой на объятие Генри, возразил Николай.

— Ну? Неужели? — смешно отпрыгивая от Николая и по-детски складывая руки у сердца, точно боясь, что именно туда заглядывают глаза Николая, удивлённо и растерянно протянул Генри.

— Вот так штука! Ты что же, серьёзный Генри, в акробаты собрался? Или тебя Николай так перепугал, что ты прыгаешь, как восточный человек, увидевший кобру? — раздался за спиной Генри смеющийся голос лорда Бенедикта, смеху которого вторил бас Разумова.

Окончательно смущённый, Генри не знал, куда деваться. Его выручил Николай, сказав лорду Бенедикту, что Генри считал себя обладателем великого открытия, которое уже оказалось сделано другими, да к тому же ещё и женщинами.

— Ну, разве что женщинами, тогда уж можно рискнуть пострадать от твоих темпераментных скачков, Генри. А то было бы досадно оказаться с раздавленной ногой из-за твоего разочарования из-за неудавшегося открытия, — продолжал смеяться Венецианец. — Утешься, — прибавил он уже серьёзно, пристально глядя на расстроенное лицо Генри, — хотя никто ещё не делал открытия о твоей красоте, но с некоторых пор она начинает расцветать внутри и вовне, и весь ты становишься гармоничным. А о том, почему тебе легко жить в моём присутствии, советую тебе поговорить с Николаем. Теперь достаточно нескольких его слов, чтобы очень многое перевернулось в тебе, в твоём устарелом для твоего «сейчас» сознании, милый мой друг Генри. Пойдёмте, друзья, сначала мы обойдём каюты первого класса, где едут наши больные будущие сожители по Общине, а потом спустимся во все остальные отделы парохода, — обратился лорд Бенедикт к приглашённым молодым людям. — Капитан Джемс недаром опасается надвигающейся ночи. Буря не буря, но большое волнение в море ждёт нас.

С этими словами лорд Бенедикт тронулся в долгий путь по обходу корабля, увлекая за собой своих спутников. Близившаяся ночь и усиливавшаяся с часу на час качка действовали плохо на население парохода, и всюду помощь лорда Бенедикта и его спутников приходила вовремя, принося людям успокоение и сон.

Алиса, погружённая в книги и ноты, не подверженная вообще морской болезни, забыла обо всём на свете, кроме данного ей Венецианцем поручения. Её работа уже близилась к концу, когда она услышала знакомый стук в дверь своей каюты. Ни одна рука в мире, казалось ей, не могла так стучать, как стучала рука Венецианца. При этом стуке для неё мгновенно исчезали двери и стены, стук руки точно приходился по её сердцу и говорил: «Я здесь. Готов ли ты, мой ученик?». И, ликуя, сердце Алисы отвечало: «Готов, войди, Учитель».

— Друг мой, я потревожил тебя, — сказал, войдя, Венецианец. — Но видишь ли, Николаю вместе со мной надо быть сегодня ночью у руля, в распоряжении капитана. Больных парохода будет проведывать Генри. Леди Цецилия ухаживает за недомогающей Лизой, а с Наль побыть некому. Не пройдёшь ли ты к ней, пока всё обойдётся и мы выйдем из полосы качки? Тогда Николай освободится, а ты вернёшься к себе.

— О, отец, как много слов, — рассмеялась Алиса, юмористически повторяя фразу Венецианца, нередко слышанную по своему и чужому адресу. — Я готова, простите дерзкую, — приникая к чудесной руке Учителя, накинув шаль на плечи, прибавила девушка.

— Иди, дружок. Смотри же, не попадись на многословии в каюте Наль. Я спрошу тебя об этом завтра, хотя сейчас ты и стараешься показать, что хорошо помнишь мои слова, — улыбаясь и гладя Алису по её лёгким волнистым волосам, в тон девушке отвечал Венецианец, выходя вместе с нею из каюты.

Простившись с Венецианцем, поднявшимся на палубу, Алиса прошла прямо к Наль. Бедная Наль, вообще плохо переносившая море, особенно остро чувствовала всякое приближение качки. Она так трогательно обрадовалась Алисе, что несколько минут не выпускала её из объятий.

— Ах, как я тебе рада, сестрёнка Алиса, как рада. Море вызывает во мне отвращение и возмущение. Оно, кажется, только для того и появилось на моём пути, чтобы я хорошенько поняла эти мало мне известные чувства, — смеялась Наль, устало опускаясь на подушки.

— Я думаю, Наль, что есть ещё очень много человеческих чувств, которых ты не понимаешь, и никакие моря на свете не помогут тебе их понять, — усаживаясь возле дивана Наль, шутливо отвечала Алиса.

— Вот как? Ты считаешь меня такой тупой?

— Не остри, сестрёнка Наль. Дело здесь вовсе не в тупости. Дело в том, что понять вульгарные чувства ты не сможешь, как бы сильно их ни выражал при тебе человек. Понять враждебность, кровожадность, лицемерие или ложь ты не сможешь, потому что в сердце твоём их нет. И сколько бы ты ни фантазировала на эти темы, ты их не поймёшь только потому, что самые представления эти для тебя мертвы. Ты идёшь мимо всех стрел, которые посылают тебе завистники, потому что зависть не может задеть в твоём сердце ни одного намёка на самое себя. Там нет горечи, и на стрелу завистника твоему сердцу нечем отозваться.

— Возможно, что ты и права, Алиса. Я не занималась анализом моего сердца. Ему было всегда так много работы любви, которую оно не успевало выливать всем встречным, что не было времени разбираться, что в нём самом ещё живёт и чего там нет. Одно могу тебе сказать, что там живёт всё человеческое настолько, чтобы без фантазий понимать наивысшее в жизни ближнего — его страдание.

— Понять страдание каждого? О, это действительно наивысшая сила из всех даров человека. Всё понять — всё простить, говорят французы. Но я думаю сейчас вовсе не о том. Можно понять, что человек страдает, сострадать ему, стараться разбить его суеверие или предвзятость, мешающие ему жить счастливо. Но так понять, чтобы разделить его страдание, — для этого надо хотя бы один раз испытать самому те чувства, от которых рвётся сердце твоего собеседника. Я думаю, что слово «понять» в высшем смысле значения — это вызвать в жалующемся тебе человеке желание действовать, бороться, сбросить с себя страдание от уныния и *освободить* дух к красоте, к *радости.* Но вот *как* помочь человеку освободиться и всегда ли, всякий ли может это сделать — в этом и есть вся трудность. Знаешь ли, отец Венецианец сейчас поразил меня ужасно. Он сказал мне, что далеко не все встречи, о которых меня просят и будут просить люди, мне разрешаются. Я не могла этого сразу по-

нять. Мне казалось, что милосердие и доброта — это и есть раскрытые объятия всем. Сейчас я начинаю понимать, что можно не только раскрыть объятия человеку, но можно изнемочь в огромных усилиях его утешить в его страдании и... не достичь ничего. «Усилия» прольются, а «сила» не будет подобрана человеком. И чем тяжелее будет идти встреча, чем больше будешь ты изнемогать сам от «усилий» помочь, тем бесполезнее будет встреча. Потому что *сила* может выйти из сердца только тогда, когда сам человек действует легко, радостно, спокойно.

— Не знаю, Алиса, мой дядя Али всегда говорил мне, что таких внешних обстоятельств, которыми бы человек был задавлен, не существует. Что у каждого человека именно те обстоятельства, которые ему *по силам*. И потому *каждому* человеку *его* обстоятельства по силам, что он *сам* себе их создал. Нет обстоятельств, «данных» человеку, а есть только известная часть его собственных вековых действий, выпавшая из кармического звена в данное его воплощение. И сколько бы ни ждал человек, что кто-то другой разбросает и победит его собственную вековую энергию, вставшую перед ним в это «сейчас» как ряд сопутствующих воплощению тяжких внешних обстоятельств, он так и будет в них жить до тех пор, пока сам не победит их энергией любви, мощной силой радости. Так говорил мне не раз мой дядя Али. Я думаю, что большая часть тяжёлых встреч происходит именно потому, что страдающий не понимает, что только *его* собственная энергия любви и бодрости может помочь ему выйти из кольца давящих обстоятельств. А помогающий стремится не к тому, чтобы *пробудить энергию* унылого страдальца, а старается облегчить физическую тяжесть его внешних обстоятельств. Ты скорбела и плакала, когда была бессильна помочь своей сестре Дженни. Ты ни разу не пожаловалась на тяжесть жизни дома. Ты убирала все препятствия и неудобства с дороги Дженни. Ты помогала ей блистать, одевала и обшивала её и мать, пыталась их утешать и успокаивать. Ты расстроила своё здоровье, служа им, силясь принести им мир. И в этом ты нисколько не успела, хотя в бесполезных усилиях и расшатала своё здоровье. Ты защищала отца и стремилась создать ему каплю уюта в доме. И в этом ты успела. Почему? Почему ты действительно защищала отца и не могла помочь ни матери, ни сестре? Потому что сила твоей любви к отцу лилась из тебя легко и радостно. Потому что единение твоё с ним, помимо кровной связи, было в красоте Вечного. Он, как и ты, стоял в этом Свете, и сила твоей любви удваивалась от встречи с его любовью и удваивала его энергию. И все твои усилия украсить жизнь сестре и матери уходили, как вода в щели пола. Потому что тебе не удалось развить в них даже *первой* элементарной нравственной силы: *вкуса*. На вопрос, что любят *они,* что нравится *им,* ты могла услышать ответ о тысяче вульгарных вещей обывательской, эгоистической жизни, о внешнем блеске и удовольствиях, но Радости — Света Вечного не занимали места в их сознании. Ты называешь Венецианца отцом. Никто лучше меня не разделяет этого твоего чувства, когда уста сами собой говорят: «Отец». И всё же ни его живой пример, ни его частые беседы не могут раскрыть ни в одном из нас тех свойств, которыми определяется крошечное словечко «такт», если в нас не развит вкус. Чтобы *началось* в человеке развитие его тончайших духовных сил, образующих собою *такт,* необходимо, чтобы *всем* — от дикаря до высокой степени культурного человека — свойственное первоначальное чувство вкуса перешло в утончённое *нравственное* чувство. И чем выше ведёт своё начало *вкус* человека, чем

реальнее сокровища, которые он начинает любить, тем дальше он подымается по лестнице духовной культуры, тем ближе он видит, ощущает Бога и, наконец, живёт в *Н*ём и с *Ним*...

Беседу прервал Генри, стучавший в дверь, прося разрешения войти.

— Я принёс вам обеим, полуночницы, — это не я, а лорд Бенедикт так вас назвал, прелестные дамы, — пилюли. Его светлость предостерегает вас, что мы сейчас войдём в полосу сильной качки. Наль надо спать, а следовательно, и молчать, а Алисе — бодрствовать и... тоже молчать. Но это, Алисочка, уж от меня докторское указание, — смеясь, закончил Генри свою тираду, которую выпалил, подражая Сандре в его юмористических ужимках и скороговорке.

— Каково? Да ты ли это, кузен Генри? — воскликнула Алиса, удивлённо рассматривая розовые щёки и горящие глаза сейчас такого возбуждённого, обычно бледного и холодного лица Генри, со спокойными голубыми озёрами глаз.

— Ну, вопросы потом, сестра. Теперь же моментально — пилюли, — голосом строгого врача сказал Генри, подавая лекарство сначала Наль, потом Алисе. — Лорд Бенедикт просил передать тебе, Алиса, эту тетрадь, велел тебе оставаться у Наль, хотя она и заснёт, до тех пор, пока Николай не сменит тебя в каюте. Вот видишь, Наль уже спит, точно и не говорила две минуты назад. До свидания, забегу ещё к маме и Лизе и снова помчусь по пароходу, — уже запирая дверь, закончил Генри и исчез в коридоре.

Укрыв Наль, потушив верхний свет в каюте, Алиса устроилась у столика и приготовилась читать присланную ей тетрадь, как почувствовала, что борт парохода взлетел вверх, вслед за тем весь пароход сильно вздрогнул, всё задрожало и заскрипело, и борт с высоты ухнул вниз. Не ожидавшая такой внезапной качки, Алиса упала с кресла на пол, выронив из рук тетрадь. Весело посмеявшись своей неудаче, она подобрала тетрадь, поправила соскользнувшую туфлю и решила лечь на диван, поручни которого будут предохранять её от дальнейших падений.

«Бедные, бедные все те, кого буря застала в море, в их рыбачьих челнах или плохих судёнышках», — подумала девушка, мысленно посылая благословение всем тем, кому море сейчас грозило опасностью или смертью. У самой Алисы не только не было страха перед бурей, не только вера её в Венецианца, стоявшего у руля, наполняла её чувством безопасности за всех тех, кого он вёл в эту трудную ночь, но в сердце её было нечто вроде досады, что ей не позволено быть возле великого рулевого и прибавить свои маленькие силы к его гигантскому уроку этой бурной ночи.

«Ну, нечего мне терять время в пустоте, мечтах о месте возле Учителя. Там моё место, где он мне его указал. К тому, что он мне указал, я должна приложить все мои силы и усердие», — закончила свои мысли Алиса.

Взглянув на Наль, убедившись, что пилюля Венецианца погрузила её в столь глубокий сон, что она не чувствует ни качки, ни толчков, Алиса встала, выше натянула защитную сетку над Наль, чтобы та не могла упасть с дивана при особенно резких толчках парохода, с большим трудом прошла узкое пространство качающейся каюты и улеглась снова на собственный диван, где натянула и на себя сетку и снова взяла в руки тетрадь.

Необычным теплом пахнуло на Алису, как только она открыла прекрасную обложку из зелёной кожи и прочла надпись, сделанную крупным, ровным и чётким почерком Венецианца:

Наставление ученику в ту минуту, когда он сознательно выбрал путь земной жизни, видя в ней единственный для себя возможный способ жить: трудиться на общее благо, разделяя труд Великого Светлого Братства.

Что значит слово «ученик»? Что значит слово «сознательно»? Ученик — это вовсе не тот человек, что говорит себе и всем: «Я пошёл за Учителем, пошёл по его тропе, которую Он указывает людям. Хочу достичь цели и свидеться с Ним, а потому я и есть ученик».

Ученик — это тот человек, который понял, что путь, по которому идёт Учитель, это прежде всего путь, лишённый всякой вульгарности.

Ученик — это тот человек, в сознании которого *перестали* существовать некоторые понятия, как представления *отжившие,* не обозначающие более условных ценностей. Они *вскрылись* новому сознанию ученика как предрассудки, отягчающие день.

Такие условные земные понятия, как преходящий внешний блеск, богатство, зависть, соперничество, тщеславное искание выдающегося положения, ученик стал понимать как обстоятельства, затрудняющие ему путь освобождения, *его* собственные свойства ещё не изжитой личности.

Ученик — это тот человек, в сердце которого разрушилась перегородка между «мои» и «чужие» как условная граница *кровного* родства и где стала ярко светиться для него живая Жизнь в каждом человеке потому — именно потому, — что в *н*ём самом засветилась прочно Жизнь, он смог *Её* искать во встречном, *Ею* общаться и к *Ней* в нём взывать.

Это не значит, что просветлённый зажёгшейся Жизнью в самом себе ученик будет заниматься словесными тирадами с каждым встречным, желая *в нём* вызвать определённое «настроение».

Это значит, что он *сам* будет *действовать,* хотя бы уста его молчали, развивая в себе всю доступную ему мощь Кундалини, выливая во встречу из своего сердца наивысшее благородство и радость, какие он понял как *неотъемлемые* качества Учителя в его общении с людьми.

Ученик — это тот, кто стал прост и добр со своими встречными, потому что в сердце его исчезли все закорючки личности. И он *мог* в нём освободить пустое пространство для Света Жизни.

Жизнь заняла эту пустоту ученического сердца, где раньше жили личные чувства, и *Она* наполнила эти пустоты Своим гулом радости.

Ученик не думает ежеминутно о труде дня как о несносном ярме. Он понимает, что его труд есть *всегда* радость. Если в тяжком труде он изживает свои страсти, выковывая такие главные силы, без которых был он выпущен в свет плохими воспитателями, как выдержка, самообладание, аккуратность, точность, тогда его труд приносит ему радость как первоначальную *возможность* освобождения. Если же он *уже* воспитан к плодотворному труду, то видит в своём труде счастье *быть* и *становиться* действенной единицей в данных сейчас *ему* месте, времени и нации, где

он может понять высший импульс труда на земле — общее благо — и *быть* ему проводником.

Ученик — это тот человек, в действиях и поступках которого исчезло *всё* пошлое и вульгарное только потому, что *сила* Жизни в нём стала *первым* стимулом при каждом действии на земной арене.

Жизнь трудового дня ученика — это *прославление* Единой Жизни во всех бесчисленных *формах* его собственного дневного труда.

Что значит в применении к такому способу жить слово *«сознательно»*?

Сознательный поступок ученика — это есть цельное, без компромиссов, решение. Решение, в котором *оба* творческих элемента человека — его мысль и чувство — живут в *гармонии, слитые* в одну силу: деятельную *радость,* творя, жить.

Что подразумевать под деятельной радостью, творя, жить? Жить в движущихся и развивающихся аспектах того Бога, которого понял как *Силу Неустанного* движения любви. Если хотя бы на минуту ученик выпал из понимания, что Божественная любовь мчит в вечном движении Своё творящее дыхание вселенной, — он сам остановился, радость в нём омрачилась и его день стал уже не лёгким движением Света, но тяжёлым *подвигом.* Подвигом любви со вздохом, печалью, беспокойством и страхом.

«Сознательно» ученика есть выраженная в одном слове, имеющая тысячи форм всё та же его *верность*.

Верность как таковая есть *первоначальный принцип мысли Единого*.

Любовь есть первоначальный принцип чувства Единого.

Выбор ученика сознателен тогда, когда *эти два* принципа Вечности пришли *в нём* в гармонию *не как идея* светлого существа, но как единственная форма творчества, выливаемого им *каждый* день *в весь* труд и *во все* встречи.

Пространство и время, ограничивающие мысль и чувство обычного человека, не существуют как *ограничительные* принципы для *вскрывшегося* сознания ученика. Его сознание становится космическим. Он *легко* делает все свои простые дела, если он человек средний и в нём нет особой одарённости. Его серый день радостно течёт в орбите средних человеческих способностей. Все его духовные силы направлены *не* на дальние горизонты, но на простые, близкие дела, где его доброта светит всем окружающим и греет их.

Такой ученик всем светит и греет без специальных мыслей об этом. Светит и греет потому, что он несёт свою доброту *не* из тесных и душных комнат, в которых рылся среди хлама маленьких и мелких мыслей обывателя. Мыслей, условно нажитых за свою узкую жизнь. Обыватели обычно, делая добро, думают, как много пользы приносят *их* поступки людям. Или с какой *пользой они* подарили свои старые вещи своим ближним. При этом затруднив *своим* пониманием пользы и тех, кому они давали, и тех, через кого давали свои малостоящие подарки.

Ученик же несёт свой свет и доброту во все дела и встречи, *живя* в тех без времени и пространства принципах Бога, аспекты Которого звучат в нём самыми разнообразными нотами радости. Он их черпал *в себе, сливаясь* с любовью Вечного, которую понял как отличительный признак *каждого* Учителя, за благородным поведением которого он хотел бы творчески следовать всею своею верностью.

Если же ученик несёт в себе *великую* силу истинного таланта — я не имею в виду притянутого за волосы так называемого таланта, — он движется не только в свои вдохновенные минуты по космическому пути. Он стоит *всегда,* во все минуты жизни, *рядом* с Учителем. Он не ищет *подражать* высокому благородству Учителя, он *знает* его в себе как первоначальный, отправной пункт *всех своих* жизненных эмоций.

«Выбрать» себе высокий путь по склонностям ещё не значит *стать* на него. Нередки явления очень старых людей, имеющих свободное время, живущих не трудясь и раскрепощённых Жизнью от всех условных земных привязанностей и обязанностей. Или, наоборот, окружённых близкими, пользующихся их безвозмездными услугами, заботами, любовью. И те и другие старики всю жизнь искали возможности подойти к Учителю. И в старости остаются мёртво стоящими в смысле своих исканий, ибо вся сила их мыслей обращена только на самих себя.

Следовательно, *один* из принципов Вечности, живущих в каждом человеке, они *закрыли* в себе постоянной мыслью — «я делаю», «моя личность», «мой труд», «моя фантазия», «моя сила» и т.д. У этих людей «я» и «мои» не пропускают любви эфирной вселенной в их душные, подчас неряшливые комнаты.

Стать на путь — это не значит искать, *как* встретиться с Учителем. Это значит *жить* в тихом и мирном *прославлении* текущего дня, каков бы он ни был вовне. И тот, кто живёт в *таком* мире *внутри* себя, не может иметь немирного окружения *вокруг* себя. Ибо всё живое — от вульгарного человека до высокой, благородной силы — склоняется перед благоуханием мира, льющимся из такого сердца. И тогда совершается то чудо, о котором говорится ученику: «Готов ученик — готов ему и Учитель».

Алиса выронила тетрадь из рук, и мысли её понеслись в родной дом к обожаемому отцу. Многое, многое из своей прошлой жизни понимала она теперь иначе. Но неизменно одинаково она понимала прекрасный образ отца. Как нельзя лучше подходили к пастору последние прочтённые ею слова. Весь внутренний облик его точно обрисовывался ими. В присутствии отца даже пасторша не решалась давать волю своей раздражительности. А в Дженни просыпалось всё лучшее, что тлело в ней, и на губах её мелькала весёлая улыбка. Улыбки непритворной, лёгкой, какой улыбалась Дженни в обществе отца, Алиса никогда не видела на лице сестры в его отсутствие.

Для пастора пришло чудо встречи с Учителем, а через него и для самой Алисы. День за днём вставали последние месяцы жизни в мыслях Алисы, и не замечала девушка ни усиливавшейся качки, ни воя ветра, ни ударов волн, яростно набрасывавшихся на боровшийся с ними пароход.

Ярче других новых встреч вставал перед ней лорд Мильдрей, доброте которого она не встречала равной, хотя знала отцовскую доброту, тоже не шедшую ни с чем в сравнение.

Только сейчас Алиса отдала себе отчёт, как глубоко любила она этого человека и какое огромное место — незаметно для неё — занял он в её жизни. Она не могла сказать себе, с какого именно момента она полюбила Амедея. Со свойственным всем женщинам инстинктом она сразу поняла глубину молчаливого обожания, с которым смотрел на неё Амедей. Теперь она стояла перед совершившимся фактом:

она любила Амедея той любовью, где ни время, ни разлука, ни пространство не гасят пылающего образа в сердце, но где два сердца сливаются в одно, где нельзя провести границ между «моё» и «твоё» и где радости и печали одного заливают нераздельно двоих.

Неожиданный поворот в судьбе самой Алисы, мать и ещё более неожиданный переворот в ней, Дженни и её ужасная, мрачная судьба, — всё вставало перед Алисой как панорама жизней, в которых она сознавала себя точно вынутой из футляра чьей-то волшебной рукой.

Сколько любви, сколько действия пролила вокруг себя светлая фигура Учителя Венецианца, и в какое кольцо очищения попадало всё соприкасавшееся с ним!

«Ни минуты в пустоте», — вспомнила вдруг Алиса часто слышанные слова дорогого Учителя. «А я в эту минуту живу именно в пустоте, отдаваясь мечтам, бесплодным и смешным. Прими, Учитель, благодарность и благоговение моё перед тобою. Если бы было возможно, я пропела бы Гимн Творцу, прославляя эту минуту Твоего труда для спасения людей», — закончила свои мысли Алиса и снова развернула тетрадь.

Но раздался стук в дверь, и Николай спрашивал разрешения войти. Быстро вскочив с дивана, Алиса впустила Николая и только теперь, увидев обветренное лицо и блестевшую от сырости резиновую одежду Николая, отдала себе отчёт, что вокруг уже нет воя ветра, что рёв волн умолк, что пароход идёт, равномерно покачиваясь на лёгких волнах.

— Теперь я присмотрю за Наль, — сказал Николай. — А тебе, Алиса, хотя уже светлый день, лорд Бенедикт приказывает идти спать.

— Как спать? Да я едва начала читать ту тетрадь, которую мне велено прочесть.

— Почему же ты так мало прочла? Ведь вся ночь пролетела.

— Да я и не заметила, что ночь уже минула. Когда начнёшь о чём-нибудь думать, так и не поймёшь, куда девается время, — виновато ответила Алиса.

— Ах, неблагодарная, — шутливо ответил Николай. — Мы старались наверху, что есть мочи подбирали силу и указания Учителя, чтобы обеспечить тебе максимум покоя для выполнения твоего урока, а ты, видите ли, мечтала.

— О, Николай, хотя и в шутку сделанный, но упрёк в неблагодарности приходится к месту. Сколько бы я ни жила на свете, никогда не сумею отдать всей должной благодарности Учителю Венецианцу.

Тронутый смущением Алисы, Николай заверил её, что не только она, все в том же положении и все одинаково не выучились выполнять точно, чётко и немедленно тех заданий, что получают от Учителя.

Проводив девушку, Николай внимательно осмотрел лицо Наль, тихо спавшей, переоделся и присел к столику у постели жены, принявшись читать толстую книгу, из которой делал выписки.

Так, в непрерывном труде, шла жизнь людей, которых отобрал себе в сотрудники лорд Бенедикт. Всегда окружавшая его красота, лёгкость, с которой он всё делал, бодрили людей, и они стремились действовать по его живому примеру.

Радостность составляла атмосферу парохода, который капитан Ретедли, как ему предсказывал ещё в Лондоне Учитель, благополучно привёл в Нью-Йорк, несмотря на все угрожавшие ему в пути опасности.